Дзюнъитиро Танидзаки

Мелкий снег

Annotation

Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965) — классик японской литературы, продолжатель её многовековых традиций, один из самых значительных писателей Японии первой половины XX в. Роман «Мелкий снег» — главное и лучшее произведение Танидзаки. Написанный в жанре семейной хроники, он рассказывает о Японии 1930-х годов, о радостях и печалях четырёх сестёр Макиока, принадлежащих к старинному и богатому купеческому роду. Писатель создаёт яркую и реалистичную картину жизни Японии в годы, предшествующие Второй мировой войне. В романе гармонически сочетаются точный и беспристрастный анализ действительности и глубокий лиризм.

Дзюнъитиро Танидзаки

МЕЛКИЙ СНЕГ
(Снежный пейзаж)

Книга первая

1

— Кой-сан,[1] будь добра. — Увидев в зеркале вошедшую в комнату и остановившуюся у неё за спиной Таэко, Сатико протянула ей кисточку, которой начала было наносить белила на открытую часть спины.[2] Взгляд Сатико сразу же сосредоточился на отражающемся в зеркале собственном лице. Она рассматривала его оценивающе, так, будто оно принадлежало кому-то постороннему. На ней было длинное нижнее кимоно со спущенным назад воротом.

— Что делает Юкико? — спросила Сатико.

— Она в гостиной, с Эттян.[3]

Снизу доносились звуки разучиваемого этюда. Видно, Эцуко перехватила успевшую собраться прежде всех Юкико, и теперь та следит за её игрой на пианино. Когда мать куда-нибудь уходила, Эцуко охотно отпускала её, если только с ней оставалась Юкико. Но сегодня девочка была особенно огорчена, потому что и мать, и обе тётки — Юкико и Таэко — собирались вместе на концерт, и пришлось довольно долго её уговаривать. Она успокоилась, лишь когда ей пообещали, что сразу же после концерта, который начинался в два часа, Юкико вернётся домой и будет с ней ужинать.

— Знаешь, Кой-сан, появился ещё один претендент на руку Юкико.

— Правда?

Водя кисточкой по спине и плечам сёстры, Таэко густыми мазками накладывала белила. Сатико никак нельзя было назвать сутулой, хотя такое впечатление и могло возникнуть при взгляде на её округлые плечи и спину. В свете осеннего солнца её влажная кожа казалась глянцевой, и трудно было поверить, что этой женщине уже за тридцать.

— Предложение передала Итани.

— Так…

— Из разговора с ней я поняла, что жених служит в химической компании Эм-би.

— И какое у него жалованье?

— Сто семьдесят или сто восемьдесят иен в месяц, вместе с наградными набегает до двухсот пятидесяти.

— Кажется, это французская компания.

— Верно. Откуда, ты знаешь?

— Просто знаю, и всё.

Таэко была младшей из сестёр, но лучше старших разбиралась в подобных вещах. Временами она даже поглядывала свысока на своих сестёр, не искушённых в житейских делах, и разговаривала с ними так, как может позволить себе лишь старшая в семье.[4]

— А я ничего не слышала об этой компании. Итани говорит, что главная её контора находится в Париже. Судя по всему, это — весьма солидная фирма.

— Если не ошибаюсь, у них большое здание в Кобэ, на набережной.

— Верно. Он как раз там и служит.

— И знает французский?

— Да. Он окончил французское отделение Академии иностранных языков в Осаке и некоторое время жил в Париже, Работу в фирме он совмещает с преподаванием французского на вечерних курсах и получает за это ещё около ста иен. Так что в целом выходит триста пятьдесят иен в месяц.

— А какая-нибудь недвижимость у него есть?

— Только старая усадебка, в провинции, где до сих пор живёт его мать, да дом с участком в Рокко, — вот и всё. Дом в Рокко совсем крошечный, он был куплен в рассрочку. Как видишь, он совсем не богат.

— Зато ему не нужно платить за жильё, и он может жить не хуже тех, кто зарабатывает в месяц четыреста иен с лишком.

— Не знаю, подойдёт ли он Юкико. Из родственников у него только мать. Да и та живёт отдельно и в Кобэ никогда не приезжает. Ему сорок один год, но он до сих пор не женат…

— Отчего же он не женился?

— Как я поняла, он чересчур разборчив.

— Странно, нужно как следует о нём разузнать.

— Наша Юкико ему очень нравится.

— Он видел её фотографию?

— Когда-то я дала Итани фотографию Юкико, и та показала её без моего ведома. Итани говорит, он просто в восторге.

— А его фото у тебя есть?

Снизу по-прежнему доносились звуки пианино, и Сатико прикинула, что Юкико вряд ли придёт наверх.

— Посмотри-ка вон там, в верхнем правом ящичке. — Сатико взяла помаду и сложила губы так, будто собиралась поцеловать своё отражение в зеркале. — Нашла?

— Да. А Юкико видела это фото?

— Видела.

— Ну и что она сказала?

— Как всегда, протянула в ответ: «А-а, это он?» — вот и всё. Ну а ты что скажешь, Кой-сан?

— Гм, внешность у него весьма заурядная. Впрочем, он производит впечатление человека добродушного. А вообще — типичный служащий фирмы.

— Но ведь он и есть служащий фирмы.

— Во всяком случае, из этого брака Юкико сможет извлечь для себя какую-то пользу — муж обучит её французскому языку.

Оставшись в целом довольной своим видом, Сатико принялась развязывать тесёмки бумажного чехла для хранения кимоно с маркой магазина «Кодзутия».

— Ой, совсем забыла. Надо же сделать укол. Кой-сан, спустись, пожалуйста, вниз и вели приготовить шприц.

Установлено, что в западных областях Японии заболевание бери-бери[5] встречается чаще, чем где бы то ни было ещё. Неудивительно поэтому, что все в доме — и взрослые, и даже Эцуко, только что начавшая ходить в школу — каждый год с лета до осени страдали от этого недуга. Инъекции витамина B_1 стали своего рода семейным ритуалом. В последнее время даже перестали прибегать к услугам врача и без труда сами делали уколы друг другу. Когда кому-нибудь в доме слегка нездоровилось, это неизменно приписывали авитаминозу, который с чьей-то лёгкой руки здесь называли не иначе как «бэвитаминозом».

* * *

Звуки пианино стихли. Таэко положила фотографию на место, подошла к лестнице и, глянув вниз, крикнула прислуге:

— Приготовьте шприц для госпожи!

2

Итани была владелицей парикмахерской неподалёку от гостиницы «Ориенталь» в Кобэ, и Сатико с сёстрами всегда причёсывались только у неё. Услышав от кого-то, что Итани охотно оказывает услуги по части сватовства, Сатико поговорила с ней о Юкико и дала ей фотографию сестры. И вот, когда на днях Сатико, как обычно, пришла в парикмахерскую, Итани, улучив несколько свободных минут, предложила вместе выпить чаю в холле гостиницы, а заодно и побеседовать. Тогда Сатико впервые и услышала об этом женихе.

Разумеется, сказала Итани, она прекрасно понимает, что следовало прежде заручиться согласием Сатико, но ведь, замешкавшись, можно упустить хорошую партию. Вот она и решила не теряя времени показать фотографию госпожи Юкико одному человеку, озабоченному поиском невесты. Полтора месяца этот человек не подавал никаких вестей, и она уже не надеялась, что дело сладится, но на днях он снова напомнил о себе, — оказывается, всё это время он пытался разузнать все подробности о семье Макиока. Теперь у него есть полное представление и о главной линии рода в Осаке, и о боковой ветви семьи, и, наконец, о самой Юкико. Он даже наведался в гимназию, где она училась, побеседовал с преподавателями каллиграфии и чайной церемонии.[6] Докопался он и до нашумевшей в своё время газетной статейки и, чтобы удостовериться в её ошибочности, обратился в редакцию газеты.

Впрочем, Итани, со своей стороны, постаралась развеять всякие сомнения на этот счёт, сказав, что ему достаточно встретиться с госпожой Юкико, чтобы понять, способна она поступить так, как рассказывалось в газете, или нет. Тут, по словам Итани, он проявил скромность, заметив, что не может считать себя ровней семье Макиока и, будучи человеком небогатым, не смеет помышлять о такой невесте, а если бы, паче чаяния, этот брак всё-таки состоялся, ему было бы нестерпимо обрекать госпожу Юкико на жалкое существование. Но если есть хотя бы малейшая надежда, он просит по крайней мере упомянуть о себе в разговоре с семейством Макиока.

Итани располагала сведениями, что предки жениха, вплоть до его деда, были вассалами одного из мелких князей в Хокурику[7] и что до сих пор сохранилась часть их родового имения, так что в смысле происхождения он не настолько уж уступает семье Макиока. Разумеется, Макиока — один из старейших родов, когда-то в Осаке эта фамилия была известна всем и каждому, но, простите великодушно, заметила Итани, если без конца поминать прошлое, госпожа Юкико просто-напросто упустит возможность выйти замуж. Так не лучше ли проявить терпимость? В настоящее время доход жениха невелик, это верно, но ведь ему ещё только сорок один год, и он вправе рассчитывать на прибавку к жалованью. Кроме того, по его словам, у служащих иностранной фирмы больше свободного времени и, увеличив число занятий по вечерам, он вполне сможет зарабатывать в месяц свыше четырёхсот иен. Так что молодожёны смогут даже держать прислугу.

Что же касается человеческих качеств жениха, то младший брат Итани знает его ещё со школьной скамьи и, что называется, готов поручиться за него головой. Конечно, продолжала Итани, будет лучше, если они сами разузнают о нём, но она может с уверенностью сказать, что он до сих пор не женат только потому, что не мог найти себе невесту по вкусу. Он жил в Париже, да и лет ему уже порядком, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что у него не было в прошлом никаких сердечных привязанностей, но, познакомившись с ним, она сразу поняла: вот по-настоящему серьёзный человек, не из тех, что развлекаются да повесничают. Разумеется, всякий основательный человек хочет взять в жёны женщину красивую, но у него — возможно, причиной тому его пребывание в Париже — требования ещё строже: он женится лишь на истинно японской красавице, благонравной, женственной, грациозной, умеющей носить кимоно. Как она будет выглядеть в европейской одежде, ему совершенно безразлично, лишь бы у неё было привлекательное лицо, а главное — красивые руки и ноги. По мнению Итани, госпожа Юкико как нельзя лучше отвечает этим требованиям.

Таков примерно был рассказ Итани.

Совмещая дела в парикмахерской с заботой о муже, много лет прикованном к постели, Итани в то же время сумела помочь одному из своих младших братьев добиться степени магистра медицины, а

нынешней весной отправила свою дочь в Токио учиться в университете Мэдзиро. Уже одно это доказывает, что голова у Итани работает куда лучше, чем у других женщин. При её редкостной практической смётке Итани была совершенно лишена присущей женщинам обходительности, и оставалось лишь удивляться, как ей удастся ладить со своими клиентками. Она никогда не прибегала к словесным ухищрениям и недомолвкам, а прямо говорила, что думает. В этой её прямоте, однако, не было ничего нарочитого, напротив, создавалось впечатление, что она просто-напросто обязана сказать правду, и потому резкость её суждений обычно не вызывала в собеседниках обиды. Поначалу Сатико, слушая торопливую, возбуждённую речь Итани, подумывала про себя: «Не много ли она себе позволяет?» — однако потом поняла, что именно в этом проявляется расположение и доброжелательность по-мужски энергичной, привыкшей главенствовать над другими Итани.

Но ещё более сильное впечатление на Сатико произвела обезоруживающая убедительность её аргументов — волей-неволей пришлось сдаться. Сатико пообещала в ближайшее время посоветоваться с живущей в Осаке старшей сестрой, а также предупредила Итани о своём намерении навести кое-какие справки о прошлом жениха. На том разговор тогда и закончился.

Вероятно, были люди, подозревавшие, что, коль скоро Юкико, третья из четырёх сестёр, в свои тридцать лет так и не смогла выйти замуж, к этому должны иметься веские причины. Однако в действительности никаких таких причин не существовало. Если уж на то пошло, всё дело было в том, что и Цуруко, старшая из сестёр, и Сатико, и сама Юкико всё ещё не могли забыть славу старинного рода Макиока и роскошь, которая окружала их в последние годы жизни отца, — одним словом, то особое положение в обществе, которое давала им принадлежность к этой почтенной фамилии. В стремлении найти для Юкико достойного жениха они неизменно отклоняли предложения, поначалу буквально сыпавшиеся на них, — в каждом претенденте неизменно отыскивался какой-нибудь изъян. Постоянные отказы привели к тому, что уже не осталось желающих заводить разговоры о сватовстве. Между тем финансовое положение семьи становилось всё более шатким. И когда Итани советовала Сатико

забыть о прошлом, она руководствовалась самыми добрыми побуждениями.

Расцвет дома Макиока продолжался самое большее до середины двадцатых годов, и о его былом могуществе помнили теперь лишь старые жители Осаки. Уже в середине двадцатых годов начали сказываться расточительство главы дома, его упущения в делах, именно тогда на него обрушились первые крупные неудачи. Вскоре после этого он скончался. Масштабы дела заметно сократились, а потом пришлось продать знаменитый магазин в Сэмбо, основанный ещё во времена сёгуната.[8] Но и много лет спустя Сатико и Юкико всё ещё жили воспоминаниями о былом величии своей семьи. И пока на месте старого строения не выросло новое здание магазина, они, проходя мимо знакомых глинобитных стен, с нежностью и грустью заглядывали за старомодную шторку при входе.[9]

В семье Макиока сыновей не было, и в старости, удалившись от дел, отец передал права главенства в доме мужу Цуруко — Тацуо, своему приёмному сыну. Вслед за тем он выдал замуж Сатико, и молодожёны основали боковую ветвь рода. Несчастье третьей дочери, Юкико, состояло в том, что, когда она достигла брачного возраста, отец уже не мог найти для неё хорошую партию, а со старшим зятем, Тацуо, полного взаимопонимания у неё не возникло.

Тацуо был сыном банкира и до женитьбы служил в одном из осакских банков. Сделавшись наследником дела Макиока, он предпочитал, чтобы все практические вопросы решали тесть и старший приказчик. После смерти тестя он, не считаясь с возражениями свояčениц и других родственников, полагавших, что дело ещё можно спасти, дал магазину уплыть в руки человека, предки которого служили у Макиока. Сам же Тацуо вернулся в банк.

В отличие от старого Макиоки, с его привычкой потворствовать собственным прихотям, Тацуо был человеком здравомыслящим, но чересчур робким. Вот почему он почёл за лучшее не подвергать себя риску и продать магазин, нежели пытаться в борьбе с многочисленными трудностями поднять из руин дело, в котором мало смыслил. Такое решение подсказало ему именно чувство долга перед семьёй, которую он теперь возглавлял. Юкико же, с её приверженностью к прошлому, и глубине души осуждала поступок зятя и была уверена, что отец на том свете тоже его порицает.

Как раз в то самое время — вскоре после смерти старого Макиоки — Тацуо энергично взялся за устройство судьбы Юкико. Он решил просватать её за наследника богатого семейства из Тоёхаси, директора тамошнего банка. А поскольку этот банк был филиалом того, где служил Тацуо, он имел полное представление и о самом женихе, и о его финансовом положении. Престиж семьи Саигуса из Тоёхаси не только не вызывал сомнения, но, возможно, был даже несколько выше, чем у дома Макиока теперь, сам жених пользовался репутацией человека порядочного, поэтому без лишних отлагательств назначили смотрины.

Познакомившись с женихом, Юкико, однако, наотрез отказалась выходить за него замуж. Не то чтобы она нашла какой-то изъян в его внешности или поведении, просто он показался ей уж слишком провинциальным. Да, конечно, сказала она, господин Саигуса производит впечатление человека добропорядочного, но не особенно умного. Говорили, что после окончания гимназии он захворал и поэтому не стал учиться дальше. Но Юкико подозревала, что истинной причиной была его неспособность к наукам. Сама она окончила женскую гимназию с отличием по английскому языку и опасалась, что не сможет уважать такого человека. К тому же, каким бы богачом он ни был, перспектива жизни в маленьком провинциальном городишке повергала Юкико в уныние. И тут Сатико понимала её лучше, чем кто-либо другой. Мыслимое ли дело, говорила она, обрекать бедную девочку на прозябание в глуши! Тацуо же, напротив, считал, что, сколь бы просвещённой ни была свояченица, для неё, воспитанной в японском духе сдержанной и замкнутой девушки, как нельзя лучше подходит тихая, свободная от ненужной суеты жизнь в провинции. Ему и в голову не приходило, что свояченица может иметь на этот счёт иное мнение. Но кроткая, застенчивая Юкико, не способная произнести лишнего слова в присутствии посторонних, умела проявить непреклонность, которой, казалось бы, от неё никак нельзя ожидать.

Разумеется, коль скоро Юкико решила для себя: «нет», ей следовало бы так сразу и сказать, однако её ответы были столь уклончивы, что их можно было истолковать как угодно. Когда же наступил решающий момент, она поверила свои мысли не Тацуо и не старшей из сестёр, а Сатико. И это объяснялось отчасти тем, что ей

трудно было решиться высказать свои возражения зятю, столь упорно ратовавшему за этот брак, а отчасти тем, что умение выразиться чётко и определённо не входило в число её добродетелей.

Тацуо явно заблуждался, полагая, что Юкико не станет возражать против этого брака, а жених после встречи с Юкико был совершенно окрылён и заявил о своём твёрдом намерении взять в жёны её, и только её. Переговоры между двумя семействами вступили в стадию, когда свадьба казалась уже неотвратимой, но тут Юкико изъявила свою волю, ответив «нет». Тацуо и Цуруко до хрипоты по очереди уговаривали её, но она оставалась непреклонной. Тацуо был бесконечно огорчён: ведь покойный отец и тот, несомненно, одобрил бы такой брак. Однако больше всего его угнетало то обстоятельство, что посредником в сватовстве[10] выступил один из руководителей банка, где он служил. Что Тацуо скажет ему теперь? При одной мысли об этом его прошибал холодный пот. Добро бы у Юкико были какие-нибудь веские основания, но выискивать пустяковые изъяны — лицо у него, видите ли, недостаточно умное — и по этой причине отклонить столь лестное предложение, — это уж слишком! Просто Юкико своевольничает. Впрочем, при желании во всём этом вполне можно было усмотреть преднамеренную попытку поставить зятя в трудное положение.

Эта история послужила для Тацуо уроком. Когда кто-нибудь предлагал ему очередной план устройства судьбы свояченицы, он с готовностью выслушивал всё, что ему говорили, однако полностью устранялся от каких-либо действий и по возможности избегал первым высказывать своё суждение о женихе.

3

Было ещё одно обстоятельство, повлиявшее на затянувшееся девичество Юкико, — «нашумевшая статейка в газете», о которой упомянула Итани.

Лет пять или шесть назад младшая из сестёр, Таэко, — в ту пору ей было двадцать — влюбилась в отпрыска старинной купеческой семьи Окубата, державшей ювелирный магазин в Сэмбе, и сбежала с ним из дому. На этот отчаянный шаг влюблённые решились потому, что, по существующему обычаю, Таэко не позволили бы выйти замуж прежде Юкико. Таким образом, у молодых людей были достаточно серьёзные причины для подобного шага. Однако ни то, ни другое семейство не проявили к ним снисхождения. Беглецов вскоре разыскали и водворили в семейное лоно. На том дело и кончилось бы, если б, на беду, эту историю не подхватила одна из мелких осакских газет. Причём в газетной статье по ошибке вместо Таэко фигурировала Юкико и был указан именно её возраст.

В доме Макиока ломали голову над тем, как поступить. Следует ли ради Юкико потребовать опровержения? Но не будет ли это воспринято как косвенное подтверждение тому, что рассказанное в газете — правда? Так не лучше ли полностью игнорировать эту нелепую статейку? После долгих раздумий Тацуо, ставший к тому времени главой семьи, решил, что, какими бы ни были последствия для Таэко, ни в чём не повинная Юкико страдать не должна, и потребовал опровержения. Однако газета напечатала не опровержение, а исправленный вариант статьи, в которой, как и опасались Макиока, теперь называлось имя Таэко.

Тацуо понимал, что ему следовало прежде всего спросить мнение Юкико, но, всегда бессловесная, когда речь шла о ней, она вряд ли сказала бы ему что-нибудь вразумительное, и к тому же он опасался, что подобные разговоры могут повлечь за собой разлад между сёстрами, — ведь в этой ситуации интересы Юкико и Таэко были диаметрально противоположными. Он взял на себя всю ответственность за предпринятый шаг, переговорив только с женой, Цуруко. Возможно, в глубине души он таил надежду, что, спасая

доброе или: Юкико пусть даже ценою позора Таэко, заслужит её признательность. Дело в том, что для Тацуо, в его роли главы семьи, столь смиренная на вид и столь неуступчивая на деле Юкико была наименее понятной и наиболее трудной в общении из всех родственников. Случай с газетой представлялся ему хорошим поводом для установления с ней доверительных отношений. Однако и на этот раз его расчёты не оправдались, и Юкико, равно как и Таэко, осталась им недовольна.

Юкико рассуждала так: «Мне не повезло, раз моё имя попало в газету, но теперь с этим остаётся только смириться. Опровержение совершенно бесполезно, его печатают мелким шрифтом в нижнем углу страницы, куда никто и не смотрит. И вообще нельзя допускать, чтобы нашу фамилию трепали в газетах. Лучше было бы сделать вид, будто ничего не произошло. Тацуо хотел восстановить мою репутацию, и я благодарна ему за это, но что теперь будет с Кой-сан? Конечно, она поступила скверно, и всё-таки в её возрасте это простительно. Куда больше виноваты семьи обоих беглецов, не сумевшие за ними доглядеть. Во всяком случае, что касается Кой-сан, то часть вины лежит на Тацуо, да и на мне тоже. Люди вольны говорить что угодно, но я уверена: те, кто меня знает, не поверят этому вздору и публикация не причинит мне особого ущерба. Кой-сан — вот о ком следовало подумать в первую очередь. Что, если вся эта история ожесточит её и она ступит на дурной путь? Действия Тацуо диктуются всегда только здравым смыслом и никогда — великодушием. Почему он не счёл возможным посоветоваться со мной прежде, чем что-либо предпринимать. Как-никак это дело близко меня касается. Ведь это самоуправство!»

Таэко расценивала поступок зятя на свой лад: «Его стремление защитить Юкико вполне оправданно, но неужели нельзя было устроить так, чтобы в статье не упоминалось моего имени? Газетёнка такая ничтожная, и для того, чтобы замять эту историю, не потребовалось бы особых усилий. Но именно в таких случаях братцу жаль потратить немного денег». Таэко и впрямь была рассудительна не по годам.

После истории с газетой Тацуо решил, что его имя скомпрометировано, и подал прошение об отставке. Прошение, разумеется, принято не было, так что для Тацуо всё кончилось вполне

благополучно. Для Юкико же эта история имела тяжёлые последствия. Без сомнения, многие прочитали исправленный вариант статьи и узнали, что имя Юкико было упомянуто по недоразумению, но, пусть сама Юкико невиновна, её младшая сестра была опозорена, а это бросало тень и на неё саму. Её шансы на замужество резко сократились. Неизвестно, что Юкико думала, но в разговорах с близкими она продолжала утверждать, что такого рода шумиха не способна причинить ей какого-либо вреда, поэтому отношения между сёстрами не испортились. Более того, Юкико неизменно старалась защитить Таэко перед зятем.

Издавна повелось, что незамужние сёстры поочерёдно жили то у Цуруко в Осаке (там, на улице Уэхоммати, стоял старинный особняк Макиока), то в доме Сатико в Асии, небольшом городке на полпути между Осакой и Кобэ. Когда одна из них приезжала в Осаку, другая отправлялась в Асию. После истории с газетой, однако, этот порядок нарушился, и теперь обеих стороны полмесяца кряду можно было застать в Асии.

Муж Сатико — Тэйноскэ, управляющий коммерческой фирмой — каждый день ездил на службу в Осаку дополнением к его заработку служил капитал, в своё время выделенный ему тестем. Тэйноскэ был совсем иным человеком, нежели суровый, педантичный Тацуо, — для коммерсанта он неплохо разбирался в литературе и даже писал стихи. К тому же, в отличие от Тацуо, он не был облечён властью над младшими членами семьи. Одним словом, по многим причинам Юкико и Таэко предпочитали жить в доме Сатико. Временами, когда пребывание обеих сестёр в Асии затягивалось, Тэйноскэ, опасаясь недовольства «главного дома», напоминал жене: «Не пора ли одной из них вернуться в Осаку?» На это Сатико всякий раз отвечала: «Не беспокойся, Цуруко наверняка не возражает. Теперь её дом полон детей, и там негде повернуться. Я уверена, что она даже рада, когда некоторое время какая-нибудь из сестёр отсутствует. Пусть Юкико и Таэко живут, где им хочется». Обе сестры продолжали жить в доме Сатико, и со временем все с этим свыклись.

Шли годы. И если жизнь Юкико текла без особых перемен, то в судьбе Таэко произошёл неожиданный поворот, который в конечном счёте отразился и на Юкико. Ещё со школьных лет Таэко любила мастерить кукол. Разыщет, бывало, какие-то лоскуты и для забавы

превращает их в человеческие фигурки. Со временем она достигла в этом такого совершенства, что её поделки стали продаваться в универмагах, Некоторые из её кукол были выполнены во французском стиле, другие — в чисто японском и изображали персонажей театра Кабуки,[11] но в каждой сверкал самобытный талант их создательницы, ощущалась её увлечённость кинематографом, театром, изобразительным искусством и литературой. Её маленькие шедевры пользовались большой популярностью у поклонников этого вида искусства, и в прошлом году с помощью Сатико она арендовала галерею в районе Синсайбаси в Осаке и устроила выставку своих работ.

Поначалу Таэко работала лишь тогда, когда приезжала в Асию, в осакском доме возня детей мешала ей сосредоточиться. Вскоре, однако, она почувствовала, что ей необходимо помещение, лучше приспособленное для работы, и сняла комнату в получасе ходьбы от дома Сатико (при желании, впрочем, туда можно было добраться и на электричке, сойдя на остановке «Сюкугава»), Тацуо возражал против того, чтобы Таэко уподобилась простой работнице, и в особенности против того, чтобы она снимала отдельное помещение, но Сатико удалось отстоять интересы сестры:

— Поскольку, — сказала она, — Таэко в прошлом совершила опрометчивый поступок и теперь у неё ещё меньше надежды на замужество, чем у Юкико, лучше, чтобы она была занята каким-нибудь делом. Что же до «отдельного помещения», то это всего лишь студия для работы. Кстати, по счастью, у меня есть знакомая, которая сдаёт в аренду дом. Это совсем близко. Быть может, следует поговорить с нею? Если снять комнату у неё, то я смогу время от времени наведываться к Таэко и быть в курсе всех её дел.

Уговоры Сатико увенчались успехом, хотя, в сущности, речь шла о деле уже решённом.

В противоположность Юкико, весёлая и живая от природы Таэко любила посмеяться и пошутить. Правда, после истории с газетой она некоторое время пребывала в подавленном настроении и непривычной для неё задумчивости, однако теперь, когда она обрела себя в любимом занятии, к ней стала возвращаться прежняя весёлость. По крайней мере в этом прогнозы Сатико оправдались.

Получая ежемесячно из «главного дома» деньги на мелкие расходы, а к тому же имея немалый доход от продажи своих кукол, Таэко обнаружила, что может позволить себе некоторые траты, и то появлялась с какой-нибудь ошеломляющей сумочкой, то в изысканных туфлях явно заграничного происхождения. Обеспокоенные такой расточительностью, Цуруко и Сатико посоветовали ей открыть счёт в банке, но, как выяснилось, Таэко не нуждалась в подобных рекомендациях. Она показала Сатико чековую книжку, заметив: «Если тебе, сестрица, понадобится небольшая сумма, могу одолжить. Только не рассказывай об этом Цуруко». Тут даже ко всему готовая Сатико раскрыла рот от изумления.

Вскоре у Сатико появился новый повод для беспокойства: одна знакомая сообщила ей, что видела Кой-сан у реки, возле плотины, вместе с молодым Окубатой. А незадолго до этого, доставая из кармана платок, Таэко выронила зажигалку. Обнаружив, что сестра тайком курит, Сатико подумала тогда: «Как можно устанавливать запреты двадцатипятилетней девушке?» И теперь вот эта новость.

Сатико призвала к себе сестру и спросила, правду ли рассказала её знакомая. Таэко подтвердила: да, правду. Мало-помалу Сатико выведала у неё, что Окубата после той скандальной истории с побегом не подавал о себе никаких вестей, но совершенно неожиданно появился на последней выставке и купил самую дорогую из её кукол. С тех пор они снова встречаются, но отношения их, разумеется, не выходят за пределы чистой дружбы, к тому же и видятся они крайне редко. Теперь она уже взрослая, не то что прежде, и поэтому просит Сатико ей верить. Сатико, до той поры потворствовавшая сестре, теперь не на шутку встревожилась, ведь, ко всему прочему, на ней лежала ответственность за Таэко перед «главным домом».

Таэко работала по вдохновению и, как это свойственно большинству художников, не следовала раз и навсегда установленному распорядку. Она могла по нескольку дней кряду ничего не делать, а потом, вдруг снова взявшись за работу, трудилась ночь напролёт и возвращалась утром домой с тёмными кругами под глазами. Таким образом, выдвинутое Сатико условие о том, чтобы Таэко не оставалась в студии на ночь, соблюдалось далеко не всегда. Связь между «главным домом» в Осаке, домом Сатико в Асии и, наконец, студией в Сюкугаве была настолько зыбкой, что не позволяла с точностью

установить, когда именно Таэко отправилась из одного места и когда, следовательно, её можно ожидать в другом. Сатико уже забеспокоилась всерьёз: не слишком ли беспечно она поступала, предоставив сестре полную свободу?

И вот однажды, улучив момент, когда Таэко в студии не было, Сатико наведалась туда и как бы невзначай расспросила о сестре свою знакомую домовладелицу. Из рассказа последней она узнала, что у Таэко, ставшей известным мастером, появились ученики. Их было немного, человека два или три, причём все — особы женского пола. Ни один мужчина, за исключением ремесленников, делавших по заказу Таэко футляры для кукол, ни разу ещё не переступал порога студии.

Взявшись за дело, Таэко работала, с таким упоением, что нередко засиживалась до трёх-четырёх часов утра. Поскольку постели в студии не было, остаток ночи она коротала с сигаретой в руке и, дождавшись утра, с первой электричкой возвращалась в Асию. Таким образом, наблюдения домовладелицы совпадали с наблюдениями самой Сатико.

До недавнего времени Таэко ютилась в небольшой, устроенной на японский манер комнате площадью в шесть дзё,[12] теперь она перебралась в более просторное помещение. Это была уже комната в европейском стиле, к которой примыкала ещё одна комнатка японского типа всего в четыре с половиной дзё. Заглянув в студию, Сатико увидела всякого рода специальные пособия и журналы, швейную машинку, кусочки материи и прочие необходимые в работе вещи, кое-где стояли неоконченные куклы, на стенах висели пришпиленные булавками многочисленные фотографии. Это была настоящая художественная студия, к тому же царящая в ней атмосфера праздничности не оставляла сомнений в том, что здесь работает молодая женщина. Кругом чистота, порядок. В пепельнице ни одного окурка, ни в ящиках, ни на полочке для хранения писем и бумаг Сатико не заметила ничего, способного вызвать у неё подозрение.

По правде говоря, отправляясь в студию, Сатико опасалась обнаружить какие-нибудь порочащие сестру улики, теперь же она вздохнула наконец с облегчением и радовалась, что побывала там. Она верила Таэко больше, чем когда-либо прежде.

*** * ***

С тех пор прошло месяца два, и тревога Сатико почти улеглась, как вдруг в один из дней, когда Таэко работала у себя в студии, в доме Сатико неожиданно появился Окубата и заявил, что хочет видеть госпожу Макиока. В былые времена их семьи жили поблизости друг от друга в Сэмбе, и молодой человек не был для Сатико совсем уж посторонним, поэтому она решила его принять.

— Не сочтите за бестактность мой визит без предупреждения, — начал он, — но у меня дело, не терпящее отлагательств. Несколько лет назад мы с вашей сестрой совершили предосудительный поступок, но, поверьте, он отнюдь не был продиктован легкомыслием. После этого нам с Кой-сан запретили встречаться (в разговоре с Сатико Окубата не только Таэко называл запросто «Кой-сан», но и к своей собеседнице обращался по-родственному: «сестрица»), но мы обещали друг другу ждать, сколько потребуется, пока наши семьи не простят нас.

— Вначале, — продолжал Окубата, — моя семья относилась к Кой-сан не лучшим образом, но теперь всем ясно, что она девушка серьёзная, к тому же наделённая большим талантом, и что нас связывает чистое, глубокое чувство. Поэтому мои родственники вряд ли станут препятствовать нашему браку. Со слов Кой-сан я знаю, что судьба Юкико пока не решена, но, когда она выйдет замуж, возможно, нам тоже удастся получить согласие на брак. Прежде чем прийти сюда, я всё хорошенько обсудил с Кой-сан. Мы вовсе не спешим и готовы ждать, сколько потребуется. Но мы хотим, чтобы вы, сестрица, по крайней мере знали о принятом нами решении и верили нам. И ещё мы просим при случае, если вы сочтёте возможным, замолвить за нас словечко госпоже Цуруко и её супругу в Осаке. Мы были бы очень благодарны, если б вы помогли нашим надеждам осуществиться. Конечно, я не посмел бы обременять вас такого рода просьбой, если бы не рассчитывал на ваше понимание и не знал, какое горячее участие вы принимаете в судьбе Кой-сан…

Выслушав Окубату, Сатико не приняла и не отклонила его предложение, лишь пообещала сообщить о нём зятю и старшей сестре. С тем он и ушёл. Поскольку Сатико и без того подозревала, что события могут принять подобный оборот, визит Окубаты не особенно её удивил. По правде говоря, она считала, что, коль скоро романтические отношения между Окубатой и Таэко в своё время стали достоянием гласности, женитьба была бы наилучшим выходом для

обоих. К такому же решению в конце концов придут и в «главном доме», думала она. Но как всё это скажется на душевном состоянии Юкико? Сатико чувствовала, что с замужеством младшей сестры следует тянуть как можно дольше.

Проводив Окубату, Сатико, повинуясь давней привычке, направилась в гостиную, и чтобы скоротать время, села за пианино. За этим занятием и застала её Таэко. Без сомнения, она тщательно рассчитала время своего прихода, но лицо её не выражало никакого волнения.

— Кой-сан, — Сатико прервала игру, — у меня только что был Окубата.

— Вот как?..

— Я хорошо понимаю вас обоих, но знаешь ли… Не будем пока об этом говорить. Предоставь это дело мне.

— Ну что ж…

— Обсуждать всё это теперь было бы жестоко по отношению к Юкико.

— Ну что ж…

— Ты понимаешь меня, Кой-сан?

Таэко была явно огорчена, но изо всех сил старалась не показать этого. Кроме короткого «ну что ж…», она так ничего и не сказала.

4

О своём разговоре с Окубатой Сатико решила не рассказывать ни Юкико, ни кому бы то ни было ещё. Но однажды Таэко и Окубата надумали прогуляться из Сюкугавы в Короэн и, переходя через шоссе, неожиданно столкнулись с Юкико, которая только что вышла из автобуса. Юкико ничего не сказала сестре об этой встрече, но недели через две Сатико всё узнала от самой Таэко.

Опасаясь, что Юкико может превратно истолковать поведение младшей сестры, Сатико рассказала ей обо всём, начиная с визита Окубаты. Никакой спешки с их браком нет, пояснила она, они подождут, пока не решится судьба Юкико. Вообще говоря, продолжала Сатико, она не возражает, чтобы молодые люди со временем поженились, и рассчитывает, что в случае необходимости Юкико поможет ей добиться согласия «главного дома». Говоря всё это, Сатико неотрывно следила за лицом сестры, стараясь разгадать её мысли, но та казалась совершенно невозмутимой. Если брак Таэко откладывается потому лишь, что сёстрам полагается выходить замуж в порядке старшинства, подобные соображения надо отбросить, отвечала Юкико. Пусть сестра первая выходит замуж, её это ничуть не огорчит. Пока ещё она, Юкико, не теряет надежды когда-нибудь найти своё счастье. Всё это было сказано без тени иронии или вызова.

Но что бы ни говорила Юкико, младшей сестре полагается выходить замуж лишь после старшей, а поскольку вопрос с Таэко практически улажен, было тем более необходимо поскорее найти мужа для Юкико. В дополнение к тем причинам, о которых уже рассказывалось, замужеству Юкико мешало ещё одно обстоятельство: она родилась в год Овна.[13] В восточной части Японии, как ни странно, считается, что приносят несчастье женщины, рождённые в год Коня, а не Овна. В западных же районах, напротив, именно женщинам, родившимся в год Овна, бывает трудно найти себе мужа. Это поверье особенно распространено в купеческой среде. Существует даже поговорка: «В год Овна родится — в невесты не годится». В Осаке, где издавна селились купцы, подобного рода суеверия укоренились глубоко, и Цуруко была склонна приписывать трудности с

замужеством сестры злосчастному году Овна. Принимая всё это во внимание, в «главном доме» со временем поняли, что предъявлять слишком высокие требования к претендентам на руку Юкико неразумно.

Поначалу выдвигалось условие, что, коль скоро для Юкико это первый брак, он должен быть таковым и для её будущего супруга. Со временем, однако, пошли на уступку — для него это мог быть и второй брак, при условии, если у него нет детей. Затем последовала ещё одна уступка — дети могли быть, но не более двух, и при этом допускалось, что жених может быть на год или два старше Тэйноскэ, мужа Сатико, если, конечно, он не выглядит старше своих лет.

Сама Юкико сказала, что выйдет замуж за любого, кого сочтут для неё подходящим оба зятя и обе старшие сестры. Таким образом, новые условия не вызвали особых возражений с её стороны. Правда, она сделала оговорку, что, если у человека, за которого её будут прочить, окажутся дети, ей хотелось бы, чтобы это были миловидные девочки. Она надеялась, что сможет искренне полюбить их. Кроме того, добавила она, если её будущему мужу окажется уже за сорок и его карьера будет близиться к концу, то рассчитывать на дальнейшее увеличение его доходов не придётся. Вполне возможно к тому же, что она останется вдовой, и потому, не претендуя на какое-либо значительное состояние, она хотела бы надеяться, что муж обеспечит ей мало-мальски сносное существование в старости. Оба семейства в Осаке и в Асии признали требования Юкико разумными. Условия сватовства пришлось пересматривать заново.

Человек, о котором говорила Итани, в целом удовлетворял всем этим требованиям. Сколько-нибудь значительным состоянием он, правда, похвастаться не мог, но зато о мужчине, которому сорок один год, — он был одним-двумя годами младше Тэйноскэ — никак не скажешь, что у него нет будущего. Коль скоро в доме Макиока были готовы к тому, что муж Юкико будет старше Тэйноскэ, он только выиграл, оказавшись моложе. Более же всего в его пользу говорило то, что он вступал в брак впервые. Они уже совсем отчаялись найти для Юкико такого жениха, поэтому эта партия была для них тем более привлекательной. К тому же они понимали: рассчитывать на другое такое предложение в будущем вряд ли приходится. Короче говоря, все

минусы этой кандидатуры с лихвой окупались уже одним тем, что прежде он женат не был.

Кроме того, думала Сатико, хотя он всего лишь служащий, зато владеет французским языком, знаком с французским искусством и литературой, а это должно импонировать Юкико. Люди, не знавшие Юкико достаточно хорошо, нередко считали её японкой до мозга костей, но это было поверхностное впечатление, складывавшееся из таких внешних примет, как одежда, речь, манера держаться. На самом же деле Юкико была совсем не такой: она имела склонность к иностранным языкам и разбиралась в западной музыке лучше, чем в японской.

Воспользовавшись услугами своего знакомого, Сатико постаралась узнать, как относятся к протеже Итани — его звали Сэгоси — в компании Эм-би, навела ещё кое-какие справки — все отзывы о нём были благожелательны. Ну что же, думала Сатико, возможно, на сей раз всё наконец устроится, и собиралась в ближайшее время посоветоваться с зятем и старшей сестрой.

И вот неделю тому назад к дому в Асии неожиданно подкатила на такси Итани. Оказалось, она приехала поторопить Сатико с ответом («Ну как, вы подумали о деле, которое мы с вами обсуждали?») и заодно привезла фотографию Сэгоси. Как всегда Итани действовала в наступательной манере, и Сатико, опасаясь, как бы не сложилось впечатление, будто она не проявляет должной заинтересованности в сватовстве, не осмелилась признаться, что ещё не говорила с «главным домом». Как-то само собой получилось, что вместо этого она сказала: предложенная Итани кандидатура вызывает полное доверие, но, поскольку зять со старшей сестрой сейчас как раз наводят о нём справки, она просит подождать ещё неделю. В ответ Итани заметила, что подобные дела не терпят проволочки. Если они склоняются к благоприятному ответу, им следует по возможности поторопиться: господин Сэгоси буквально пристаёт к ней с ножом к горлу, каждый день звонит по телефону и спрашивает, есть ли ответ. Он попросил показать его фотографию и узнать, как обстоит дело с его предложением. Поэтому Итани сегодня и наведалась к Сатико. Покончив в пять минут с этим разговором, Итани бросила напоследок: «Итак, жду вашего ответа через неделю», вскочила в ожидавшее её такси и укатила.

Сатико с её типично осакским характером не любила спешить и считала предосудительным проявлять сугубо деловой подход в таком вопросе, как замужество. Однако, подхлёстнутая разговором с Итани, она, вопреки своей обычной медлительности, на следующий же день отправилась в Осаку.

Пересказав сестре в общих чертах разговор с Итани, Сатико не преминула заметить, что с ответом торопят.

Однако Цуруко ещё более, чем Сатико, не любила спешки и в подобных делах была склонна проявлять осмотрительность. Поступившее предложение кажется ей приемлемым, сказала она, но прежде всего ей нужно посоветоваться с мужем, и, если у него не возникнет возражений, они постараются с помощью сыскного агентства разузнать о женихе поподробнее, а возможно, ещё пошлют кого-нибудь к нему на родину. Одним словом, план действий, начертанный Цуруко, требовал времени. За одну неделю тут было никак не управиться, в лучшем случае речь могла идти о месяце, и Сатико ломала голову над тем, как ей ублаготворить Итани.

Спустя ровно неделю после своего первого визита Итани снова появилась в Асии.

Как раз вчера, сказала Сатико, она пыталась поторопить «главный дом» с ответом. Как она поняла, особых возражений у них нет, но кое-какие обстоятельства, связанные с господином Сэгоси, до сих пор остаются невыясненными, и поэтому они просят подождать ещё несколько дней.

Итани даже не выслушала Сатико до конца. Если серьёзных возражений против господина Сэгоси нет, заявила она с присущей ей категоричностью, почему бы не заняться выяснением некоторых мелких подробностей позже? А сейчас будущим жениху и невесте следует уже встретиться. Нет, она вовсе не имеет в виду официальную встречу, смотрины. Просто она хотела бы пригласить их всех на ужин. Присутствие зятя и сестры из Осаки совсем не обязательно, вполне достаточно, если вместе с Юкико пожалуют Сатико и её супруг. Господин Сэгоси очень желает этой встречи.

Трудно иметь дело с этими сёстрами, думала Итани. Слишком много они о себе воображают. И ужасно медлительны. А ты бегай ради них. Будь они хоть чуточку порасторопней, Юкико давно уже была бы замужем. Надо наконец хоть немного приоткрыть им глаза на жизнь,

решила она, и, продолжая разговор, намеренно старалась дать почувствовать Сатико, что у неё на уме. Сатико стало неловко. Когда же госпожа Итани хотела бы их пригласить? — спросила она. Конечно, в таких случаях следует договариваться заранее, отвечала Итани, но, если бы они согласились прийти завтра, в воскресенье, это было бы очень удобно и господину Сэгоси, и ей самой. К сожалению, завтрашний день у Сатико занят. Тогда как насчёт послезавтра? — Итани так наседала, что Сатико была вынуждена согласиться, хотя и оставила за собой право дать окончательный ответ по телефону в воскресенье.

И вот настало воскресенье.

— Послушай, Кой-сан. — Сатико начала было надевать кимоно, но тут же передумала, скинула его и вытащила из чехла другое. Снизу снова послышались умолкнувшие было звуки пианино. — Понимаешь, я в затруднительном положении.

— Что ты имеешь в виду?

— Я должна сейчас позвонить Итани и дать окончательный ответ.

— Какой ответ?

— Она предложила сегодня устроить встречу Юкико с господином Сэгоси.

— О, это вполне в её духе.

— Хорошо ещё, что речь не идёт об официальных смотринах. Она приглашает нас поужинать запросто, без церемоний. Я сказала, что в воскресенье буду занята. Тогда она предложила понедельник, и я не смогла отказаться.

— А что думают в Осаке по этому поводу?

— Цуруко сказала по телефону, что, если мы решим принять приглашение, нам следует пойти одним. Сами же они не приедут, так как потом будет неловко отказать господину Сэгоси, если такая необходимость возникнет. Впрочем, Итани тоже не возражает, чтобы присутствовали только мы.

— А что Юкико?

— В ней-то как раз всё дело.

— Она отказывается идти?

— Не то чтобы отказывается… Но посуди сама, когда сегодня тебе объявляют, что завтра или послезавтра ты должна встретиться с человеком, который, возможно, станет твоим мужем, не вправе ли ты

заключить, что с тобой не очень-то считаются? Или я ошибаюсь? Впрочем, она ничего определённого не сказала, заметила только, что было бы неплохо прежде побольше разузнать о женихе. Сколько я с ней ни говорила, она так и не дала мне определённого ответа.

— Что же ты скажешь Итани?

— Что я скажу? Если не сослаться на какую-нибудь убедительную причину, она обидится… А обижать её не хотелось бы, её услуги ещё могут понадобиться… Кой-сан, не смогла бы ты позвонить ей и попросить отложить встречу на несколько дней?

— Позвонить я, конечно, могу, только Юкико вряд ли переменит своё решение.

— А может быть, и переменит. Я подозреваю, она недовольна тем, что её не предупредили о встрече заблаговременно. Не думаю, чтобы в душе она особенно противилась этой встрече. Не будь такой спешки, она наверняка согласилась бы.

Раздвинулись фусума, и вошла Юкико. Сатико тотчас же умолкла. Она подумала, что Юкико могла слышать их разговор.

5

— Ты опять выбрала этот пояс? — неодобрительно произнесла Юкико, войдя в комнату, где одевалась сестра. Сатико придерживала пояс спереди, а Таэко завязывала у неё на спине бант. — Ведь ты надевала его… постой, когда же?.. Ну да, когда мы ходили на фортепианный концерт.

— Да, верно.

— И при каждом вздохе он у тебя скрипел.

— В самом деле?

— Честное слово. Не то чтобы очень громко, а тихонечко: «шорх-шорх», — но всё равно это мешало мне слушать музыку. Тогда я твёрдо решила, что впредь никогда не позволю тебе надевать этот пояс в концерт.

— Какой же мне тогда повязать? — Сатико открыла шкаф и достала ещё несколько поясов.

— Вот этот, — сказала Таэко, указывая на пояс со спиралевидным узором.

— А он подойдёт к моему кимоно?

— Он будет прекрасно смотреться на этом кимоно, просто прекрасно, повязывай его скорее! — Юкико и Таэко успели собраться раньше сестры, и эти слова Таэко произнесла так, будто увещевала заупрямившегося ребёнка. Она подошла к сестре, чтобы помочь ей завязать бант. Когда всё было готово, Сатико опустилась на колени перед зеркалом и воскликнула:

— Не годится! Этот пояс тоже не годится.

— Но почему?

— Прислушайтесь хорошенько… Слышите? Он тоже скрипит. — Сатико сделала глубокий вдох, чтобы все услышали скрип.

— В самом деле…

— А что если повязать пояс с узором «роса на траве»? — предложила Юкико.

— Ты думаешь? Кой-сан, поищи его, пожалуйста. Таэко, единственная из сестёр одетая по-европейски, ловко сновала между сваленными на полу поясами. Отыскав нужный, она снова помогла

сестре его повязать. Придерживая одной рукой только что завязанный бант, Сатико сделала несколько глубоких вдохов.

— Ну, теперь, кажется, всё в порядке. — Однако, как только закрепили пояс шнуром, снова послышался лёгкий скрип.

— Что это! Опять…

— Вот незадача!.. — Всякий раз, когда пояс Сатико издавал знакомый скрип, все трое невольно заливались смехом.

— Это потому, что он двойной, — сказала Юкико, едва отдышавшись. — Попробуй надеть одинарный.

— Нет, я думаю, всё дело в ткани.

— Но сейчас двойные пояса делают только из такой ткани. Оттого, что они двойные, они и скрипят вдвое слышней.

— Нет, подожди. Теперь мне всё ясно! — Таэко взяла другой пояс и подала его сестре. — Ну-ка, надень его, мы не услышим ни звука.

— Но он ведь тоже двойной.

— Надевай, надевай! Я поняла, отчего те скрипят.

— Ой, уже начало второго. Жаль опаздывать! Такие концерты, как сегодня, не балуют обширной программой.

— Юкико, не ты ли первая забраковала мой пояс?

— В кои-то веки выбравшись на концерт, хочется слушать музыку, а не скрип твоего пояса.

— Вы совсем меня умучили: сними, надень, сними, надень… Я взмокла от пота.

— Ничего себе! Уж кто умучен, так это я, — сказала Таэко, с усилием затягивая на сестре очередной пояс.

— Вы будете делать укол здесь? — О-Хару принесла поднос, на котором лежало всё необходимое: шприц, коробка с ампулами витамина B_1, спирт, вата, пластырь.

— Ах, укол, я совсем про него забыла! — воскликнула Сатико. — Юкико, умоляю тебя, поторопись! А ты, О-Хару, вызови такси. Чтобы оно было здесь через десять минут.

Юкико привычным жестом вскрыла ампулу, наполнила шприц, подошла ко всё ещё стоявшей перед зеркалом Сатико (Таэко с помощью особой ленточки закрепляла у неё на спине бант) и подняла рукав на её левой руке. Затем, хорошенько протерев руку ваткой со спиртом, ловко ввела иглу.

— Ой, больно!

— Это оттого, что я тороплюсь, сегодня у нас так мало времени!

Крепкий запах лекарства разнёсся по комнате. Юкико наклеила пластырь и слегка, помассировала сестре руку.

— Ну вот, у меня тоже всё готово, — сказала Таэко.

— Какой шнур подойдёт к этому поясу?

— Вот этот хорош. И, пожалуйста, поторопись.

— Не нужно меня подгонять. Когда я тороплюсь, у меня всё валится из рук.

— Ну, а теперь, сестрица, вдохни поглубже.

— Ты была права — Сатико сделала глубокий вдох. — Ты была права. Теперь ничего не слышно… В чем же дело, Кой-сан?

— Скрипят новые пояса. Тот, что на тебе сейчас, старый. Он слишком устал, чтобы скрипеть.

— Пожалуй, так оно и есть.

— Нужно было только чуточку пораскинуть умишком.

— Барыня, вас к телефону, — объявила, вбежав в комнату, О-Хару. — Звонит госпожа Итани.

— Ах, какой ужас, я совсем про неё забыла!

— Смотрите, вот и такси!

— Что же делать? Что же делать? — взволновалась Сатико. Юкико же, напротив, казалась совершению невозмутимой, как будто всё это не имело к ней ни малейшего отношения. — Так что же мне ей сказать, Юкико?

— Что хочешь…

— И всё-таки посоветуй, как лучше ей ответить.

— Я целиком полагаюсь на тебя.

— Стало быть, мне следует отказаться от приглашения на завтра?

Юкико кивнула в ответ.

— Я правильно тебя поняла? Юкико снова кивнула.

Сатико стояла и потому не могла рассмотреть выражение лица сестры — та сидела потупившись.

6

— Ну, я пошла, Эттян. — Юкико заглянула в обставленную по-европейски гостиную, где Эцуко раскладывала игрушечную посуду, собираясь поиграть со служанкой О-Ханой. — В наше отсутствие присматривай как следует за домом.

— Только не забудь про подарок.

— Не забуду. Ты хочешь игрушечную рисоварку, которую мы видели на днях, да?

Из всех тёток Эцуко только старшую звала «тётей». К Юкико и Таэко она обращалась так, будто они были её сёстрами.

— Ты правда вернёшься к ужину?

— Правда.

— Обещаешь?

— Обещаю. Мама и Кой-сан поужинают в Кобэ вместе с папой, а я вернусь и буду ужинать с тобой. Не забудь, что ты должна сделать уроки.

— Нам задали написать сочинение.

— Тогда не играй слишком долго. Напиши сочинение, а я вернусь и почитаю.

— Счастливо вам, Юкико и Кой-сан! — Эцуко проводила их до передней, а потом, как была, в домашних туфлях, поскакала за ними по вымощенной тропинке,[14] перепрыгивая с камня на камень. — Возвращайся к ужину, слышишь? Ты обещала!

— Сколько раз можно повторять одно и то же?! Конечно, вернусь.

— Если не вернёшься, я рассержусь, слышишь?

— Вот надоеда! Да слышу же, слышу.

Юкико радовала пылкая привязанность девочки. Почему-то, когда уходила мать, Эцуко не бежала за ней следом, но, если куда-нибудь отправлялась Юкико, она ни за что не хотела её отпускать и всякий раз ставила какие-нибудь условия. Другим, да первоначально и самой Юкико, казалось, что её нелюбовь к дому в Осаке и затянувшееся пребывание в Асии объясняются прохладными отношениями со старшим зятем, с одной стороны, а с другой — тем, что из старших сестёр истинное взаимопонимание существовало у неё только с

Сатико. Однако со временем Юкико, к своему удивлению, обнаружила, что главная причина — в её привязанности к Эцуко. И, поняв это, почувствовала ещё большую нежность к девочке. Однажды Цуруко обиженно заметила: дескать, Юкико любит лишь дочку Сатико, а к её детям совершенно равнодушна, и Юкико не нашлась, что возразить. Однако тут не было никакой загадки — просто Юкико любила девочек, причём именно такого возраста и склада, как Эцуко. У Цуруко же, хотя её окружала целая ватага ребятишек, была только одна девочка, которой не исполнилось ещё двух лет.

Рано лишившаяся матери, десять лет назад схоронившая отца, вынужденная постоянно кочевать от одной сестры к другой, Юкико готова была выйти замуж хоть завтра. Она сожалела лишь об одном: после замужества она не сможет видеться с Сатико, самым близким и дорогим ей человеком, её опорой. Впрочем, нет, с Сатико она видеться сможет, а вот с кем ей действительно придётся расстаться, так это с Эцуко. Даже если они и будут время от времени встречаться, повзрослев, девочка перестанет быть для неё той, прежней, Эцуко. Постепенно забудутся и внимание, и любовь, которыми столь щедро её одаривала тётя.

Размышляя об этом, Юкико испытывала даже нечто вроде зависти к старшей сестре, которая по праву матери никогда не лишится дочерней любви и привязанности. Вот почему, если ей суждено будет выйти замуж за человека, ранее состоявшего в браке, Юкико хотелось бы, чтобы у него была прелестная дочка. И всё же, если бы действительно так случилось и она стала бы матерью девочки, пусть даже ещё более милой, чем Эцуко, она вряд ли смогла бы любить её так же самозабвенно, как племянницу. Юкико не так уж сильно огорчалась из-за того, что её замужество всё откладывается, как это могло показаться со стороны. Она предпочитала по-прежнему оставаться в доме сестры и помогать ей воспитывать дочку, нежели совершить над собой насилие и выйти замуж за человека, к которому не лежит душа. В обществе любимой племянницы она не чувствовала себя одинокой.

В сущности, Сатико сама способствовала возникновению такой привязанности между Юкико и Эцуко. Поначалу Юкико и Таэко занимали в доме одну комнату, но когда Таэко заполонила её своими куклами, Сатико перевела Юкико в комнату дочки. В этой небольшой,

всего в шесть дзё, комнатке на втором этаже стояла низкая детская кроватка, где спала Эцуко. По ночам с девочкой находилась одна из служанок: она стелила себе постель на полу. Заняв место служанки, Юкико попросила поставить для неё соломенную кушетку, поверх которой стелили два толстых матраца, так что постель Юкико оказывалась почти на одном уровне с кроваткой Эцуко.

Постепенно к Юкико перешли заботы, прежде лежавшие на Сатико: она выхаживала девочку, когда та хворала, проверяла её уроки, следила за музыкальными занятиями, готовила завтрак в школу или дневной чай. И всё это она делала более умело, чем Сатико. Розовощёкая Эцуко с виду казалась воплощённым здоровьем, на самом же деле она, как и её мать, легко подхватывала всевозможные инфекции. У неё часто поднималась температура — то из-за воспаления железок, то из-за ангины, то ещё из-за чего-нибудь. В таких случаях по две, а то и по три ночи кряду кому-нибудь нужно было дежурить подле неё, меняя пузыри со льдом и компрессы. Одна лишь Юкико выдерживала такое напряжение.

Юкико казалась самой хрупкой из сестёр, руки у неё были едва ли не тоньше, чем у Эцуко, и, глядя на неё, можно было заподозрить — уж не больна ли она чахоткой? Её болезненный вид, кстати, тоже был в числе причин, мешавших её замужеству. В действительности же Юкико была крепче всех в семье. Даже когда все в доме лежали с инфлюэнцей, Юкико оставалась на ногах, да и вообще покамест она ещё ни разу серьёзно не болела.

Сатико же, напротив, несмотря на цветущий вид, отличалась слабым здоровьем. Стоило ей слегка переутомиться, ухаживая за больной дочерью, как она тотчас же заболевала сама, доставляя множество хлопот близким. Сатико выросла в годы, когда дом Макиока находился в зените своего могущества, её с детства окружала безраздельная любовь отца, и даже теперь, имея семилетнюю дочь, она всё ещё напоминала избалованного ребёнка. Ей не хватало ни душевной, ни физической выносливости, и временами младшие сёстры даже находили возможным кое в чем её упрекнуть.

Таким образом, она была совершенно не приспособлена не только ухаживать за больной дочкой, но и вообще руководить её воспитанием.

Между Сатико и Эцуко нередко вспыхивали ожесточённые ссоры. Злые языки поговаривали, будто Сатико жалко лишаться хорошей

гувернантки и поэтому всякий раз, когда у Юкико появляется очередной жених, она тотчас же расстраивает дело. Слухи такого рода доходили и до «главного дома», но Цуруко не придавала им особого значения, разве что порой замечала не без досады: дескать, сестре так удобно держать Юкико при себе, что она не отпускает её в Осаку. Тэйноскэ тоже испытывал некоторое беспокойство. Очень приятно, что Юкико живёт у нас, говорил он, однако не годится, чтобы она стояла между нами и Эцуко. Не следует ли чуть-чуть увеличить дистанцию между нею и девочкой? И уж совсем нехорошо, чтобы дочь чуждалась матери, всецело привязавшись к тёте.

Возражая мужу, Сатико говорила, что его опасения беспочвенны. Просто Эцуко, как и все дети, легко привязывается к людям, но, сколько бы она ни ластилась к Юкико, Сатико она всё равно любит больше. Совсем не обязательно, чтобы ребёнок ни на шаг не отходил от матери. Эцуко прекрасно знает, что в конце концов Юкико выйдет замуж и покинет её.

Конечно, Юкико очень помогает ей с ребёнком, но это лишь до тех пор, пока не решится вопрос о её замужестве. Зная, что Юкико любит детей, она даёт ей возможность побольше находиться с Эцуко и хоть немного забыть о том, что её личная жизнь складывается так неудачно. Кой-сан мастерит кукол, у неё есть работа и определённый доход, есть и человек, с которым она, по всей видимости, намерена связать свою судьбу. У Юкико же ничего этого нет. Ей некуда деться. Сатико очень жаль сестру, вот она и пытается скрасить её одиночество. Таковы были доводы Сатико.

Неизвестно, догадывалась ли Юкико о мотивах сестры, но, как бы то ни было, она отдавалась заботам о племяннице с самоотверженностью, на которую не были способны ни мать, ни сиделка.

Всякий раз, когда возникала необходимость кому-нибудь остаться с ребёнком, она добровольно брала эту обязанность на себя.

Так было бы и сегодня, но на сей раз все три сестры получили приглашение в особняк супругов Куваяма, в Микагэ, на концерт, который давал Лео Сирота для избранного круга гостей. От любого другого приглашения Юкико с лёгкостью отказалась бы, но лишить себя удовольствия послушать хорошую фортепианную музыку было свыше её сил. После концерта Сатико и Таэко должны были

встретиться с Тэйноскэ и вместе поужинать в Кобэ. Юкико решила пожертвовать ужином с сёстрами и зятем и сразу же вернуться домой.

7

— Подумать только, её всё нет и нет… — Юкико и Таэко уже давно стояли у ворот в ожидании старшей сестры, но та всё не появлялась.

— Скоро два. — Таэко направилась к машине, возле которой, открыв дверцу, стоял шофёр.

— Да, они беседуют целую вечность.

— Пора бы уже повесить трубку.

— Итани этого не допустит, А бедная Сатико не знает, как от неё отделаться. — Голос Юкико звучал так беззаботно, будто речь шла о чем-то, не имеющем к ней ровно никакого отношения. — Эттян, пойди скажи маме, чтобы она поторопилась.

— Может быть, сядем в машину? — предложила Таэко.

— Нет, подождём. — Правила приличия не позволяли Юкико сесть в машину прежде старшей сестры. Таэко ничего не оставалось, как ждать вместе с нею. Когда Эцуко скрылась в доме, Таэко тихонько, чтобы водитель не слышал, сказала:

— Я знаю о новом женихе.

— Вот как?

— И фотографию его видела.

— Да?

— Что ты о нём скажешь?

— Трудно судить о человеке только по фотографии.

— Тебе следовало бы с ним встретиться.

Юкико не ответила.

— Итани очень старается, и своим отказом ты поставишь Сатико в неловкое положение.

— Неужели нужно так спешить?

— Значит, всё дело в спешке? Сатико так и предположила…

Послышались быстро приближающиеся шаги.

— Ой, я забыла носовой платок. Кто-нибудь, принесите! Мой платок, платок… — Поправляя на ходу рукава кимоно, в воротах появилась Сатико.

— Извините, что так задержалась.

— Долго же вы беседовали.

— Не так-то легко было найти благовидный предлог… Едва от неё отделалась.

— Хорошо, об этом после поговорим…

— Садитесь, — пропустив вперёд Юкико, Таэко уселась в машину.

От дома Сатико до станции было недалеко. Когда, как сегодня, нужно было спешить, сёстры пользовались автомобилем, обычно же ходили пешком, чтобы заодно и прогуляться.

Люди невольно останавливались, провожая взглядом трёх нарядно одетых сестёр. Хозяева лавочек знали их в лицо и любили о них посудачить, но мало кто мог бы точно сказать, сколько лет каждой из них. Сатико, например, давали лет двадцать восемь, да и то потому лишь, что многим случалось встречать её с дочерью. Незамужней Юкико, считали в округе, двадцать два, от силы двадцать три года. А Таэко многие принимали за восемнадцатилетнюю девушку.

Юкико достигла той поры, когда было уже не вполне уместно обращаться к ней как к молоденькой девушке, и всё же всем казалось вполне естественным называть её «барышней» или «дочкой».

Кроме того, сёстры предпочитали одежду ярких тонов, и не потому, что хотели выглядеть моложе, — иная одежда им попросту не шла.

В прошлом году Тэйноскэ пригласил жену с дочерью и обеими свояченицами полюбоваться цветами сакуры с моста Кинтайкё.

Он выстроил сестёр на мосту, чтобы сделать памятный снимок, и посвятил им следующее пятистишие:

Три красавицы
друг подле друга стоят,
три сестры на мосту Кинтайкё —
«Парчовый пояс».
Получится снимок прелестный.

Сходство между сёстрами не было скучным подобием, каждая обладала особыми, лишь ей присущими чертами, и вместе они контрастно оттеняли друг друга. Но в то же время в их облике

безошибочно угадывалось нечто общее — то самое, что заставляло при взгляде на них подумать: какие очаровательные сёстры!

Самой высокой была Сатико, Юкико — чуть пониже, а Таэко примерно на столько же ниже Юкико уже одно это радовало глаз при виде сестры, когда им случалось идти рядом. Что же касается одежды, украшений и внешности, то Юкико больше всех тяготела к японскому стилю, Таэко — к европейскому, а Сатико занимала как бы промежуточное положение между ними. У Таэко было круглое лицо с хорошо прорисованными чертами, которому как нельзя лучше соответствовала её плотная, крепко сбитая фигурка. У Юкико, напротив, лицо удлинённое, а сама она — тонкая и хрупкая. Сатико же, казалось, сочетала в своей внешности лучшие черты их обеих. Таэко, как правило, носила европейскую одежду. Юкико всегда одевалась по-японски, а Сатико в летнюю пору отдавала предпочтение европейской одежде, в остальное же время носила кимоно. У Сатико и Таэко, похожих на отца, лицо было отмечено печатью весёлого оживления. Иное дело Юкико. Она всегда казалась грустной, задумчивой, но при этом, как ни странно, ей шли яркие узорчатые кимоно, модная же в Токио одежда из полосатой ткани приглушённых тонов на ней вовсе не смотрелась.

Всякий раз, собираясь на концерт, сёстры тщательно наряжались, сегодня же, поскольку концерт давали для избранного общества, они оделись с особой изысканностью. Не было человека, который не поглядел бы им вслед, когда, выйдя из машины, они взбегали на перрон, залитый лучами яркого осеннего солнца. Как всегда в это время по воскресеньям, поезд, идущий в Кобэ, был почти пуст. Когда они одна за другой, в порядке старшинства, заняли облюбованные ими места в вагоне, Юкико заметила, что сидевший напротив подросток-гимназист густо покраснел и смущённо потупился.

8

Как только Эцуко наскучило её игрушечная посуда, она послала служанку О-Хану на второй этаж за тетрадкой и села писать сочинение.

Дом Сатико был, в основном, выдержан в японском стиле, за исключением сообщавшихся между собой двух комнат — столовой и гостиной. Эти комнаты, обставленные по-европейски, служили для приёма гостей, но и в обычные дни семья проводим там большую часть времени. И гостиной стояло пианино, были там радиоприёмник и патефон, а зимой уютно потрескивали поленья в камине, поэтому в холодное время года эта комната служила прибежищем для всех домочадцев. Царящее здесь оживление привлекало Эцуко, и, если в доме не было гостей и она не хворала, девочка тоже постоянно находилась в гостиной. Расположенная на втором этаже комната Эцуко была на японский манер устлана соломенными циновками, но обставлена по-европейски и предназначалась для сна и для занятий. Но девочка предпочитала заниматься и играть в гостиной, поэтому там повсюду валялись книжки, тетрадки, игрушки, и, если приходил нежданный посетитель, комнату спешно приводили в порядок.

* * *

Когда вечером раздался звонок у входной двери, Эцуко отложила карандаш и поспешила навстречу Юкико, вернувшейся с обещанным подарком.

— Ой, не смотри, пожалуйста! — Вбежав вслед за Юкико в гостиную, девочка торопливо перевернула тетрадь исписанной стороной вниз. — Покажи скорее подарок.

Эцуко выхватила свёрток и разложила его содержимое на кушетке.

— Спасибо большое!

— Это то, что ты хотела?

— Да, спасибо тебе.

— Ты уже написала сочинение?

— Не смотри, не смотри! — Схватив тетрадку, Эцуко прижала её к груди и отскочила к стене. — Я не хочу, что бы ты читала.

— Но почему?

Эцуко засмеялась.

— Потому что я написала про тебя.

— Ну и что же? Покажи.

— Потом. Потом покажу. А сейчас нельзя.

Эцуко рассказала, что сочинение её называется ухо кролика и что в нём есть немножко про Юкико. Ей будет неловко, если та станет читать при ней. Пусть Юкико внимательно прочтёт сочинение и поправит ошибки, когда она уже будет спать. А завтра она встанет пораньше и, прежде чем отправиться в школу, перепишет всё набело.

Прикинув, что сёстры после ужина зайдут в кино или ещё куда-нибудь и вернутся домой поздно, Юкико поужинала с племянницей, потом выкупалась с ней вместе и около половины девятого повела её наверх. Эцуко, несмотря на детский возраст, обычно засыпала не сразу и перед сном двадцать, а то и тридцать минут оживлённо щебетала.

Уложить её спать было делом нелёгким, поэтому Юкико приходилось тоже ложиться в постель и слушать разговоры племянницы. Иногда она засыпала сама и уже не вставала до утра, а иногда, убедившись, что девочка спит, потихоньку поднималась с постели и, набросив, на плечи хаори,[15] шла в гостиную, чтобы выпить чаю с сёстрами или отведать белого вина с сыром в компании с Тэйноскэ.

Сегодня Юкико не уснула, потому что у неё затекло плечо, как это нередко с ней случалось. К тому же до возвращения сестёр и зятя ещё оставалось время, и Юкико решила прочитать сочинение Эцуко. Удостоверясь, что ребёнок крепко спит, Юкико взяла тетрадь, лежавшую рядом с ночником, и погрузилась в чтение.

Ухи кролика

У меня есть кролик. Мне подарил его один человек. Он сказал: «Это для маленькой барышни».

В доме у нас есть ещё собака и кошка, и мы поселили кролика отдельно, в прихожей. Каждое утро перед уходом в школу я обязательно беру кролика на руки и глажу.

> В прошлый четверг, уходя в школу, я вышла в прихожую и увидела, что одно ухо у кролика стоит прямо, а другое свесилось набок. «Какой смешной! Выпрями скорее второе ухо», — сказала я, но кролик меня не послушал. «Хорошо, давай я тебе помогу», — сказала я и выпрямила ему ухо, но, как только я отняла руку, оно снова повалилось. Я сказала Юкико: «Юкико, выпрями, пожалуйста, кролику ухо». Юкико приподняла его ухо ногой. Но когда она убрала ногу, оно снова упало. Юкико засмеялась и сказала: «Какое смешное ухо».

Во фразе «*Юкико приподняла его ухо ногой*» Юкико поспешно вычеркнула карандашом слово «*ногой*».

Эцуко неплохо справлялась со школьными сочинениями, и это тоже было написано сносно. Юкико исправила лишь две или три орфографические ошибки. Грамматических ошибок как будто бы не было. Оставалось решить, что делать со словом «ногой». Проще всего было исправить его на «рукой», но, поскольку дело обстояло именно так, как описала Эцуко, это было бы неправдой, и Юкико решила вовсе вычеркнуть злополучное слово. Фраза становилась несколько расплывчатой, но это всё же лучше, чем если бы учитель прочёл сочинение в первоначальном виде. При одной мысли об этом у Юкико похолодело внутри. И всё-таки, хотя сочинение Эцуко представляло её не в самом выгодном свете, Юкико невольно улыбнулась, вспомнив описанный племянницей эпизод. Предыстория его была такова.

По соседству с домом Сатико, вернее, позади него находился дом, в котором полгода назад поселилась немецкая семья по фамилии Штольц. Участки разделяла редкая проволочная сетка, и Эцуко сразу же познакомилась с детьми Штольцев. Поначалу дети лишь переглядывались через сетку, точно зверьки. Но вскоре стали свободно перелезать через неё с участка на участок. Старшего из соседских детей звали Петером, его сестрёнку — Роземари, а младшего братишку — Фрицем. Петеру на вид было лет десять или одиннадцать, а Роземари казалась сверстницей Эцуко, поскольку европейские дети, как правило, крупнее японских, на самом же деле ей было на год или на два меньше. Эцуко подружилась с ними, особенно с Роземари, и

каждый день, вернувшись из школы, приглашала её поиграть у себя в саду. Поначалу Роземари обращалась к подруге на европейский манер: «Эцуко, Эцуко!» — но потом, видимо, кто-то объяснил ей, что по-японски это звучит невежливо,[16] и она стала говорить: «Эцуко-сан». А Эцуко звала Роземари так же, как её звали дома: «Руми».

Кроме пойнтера и чёрной кошки европейской породы Штольцы держали ещё и ангорского кролика, который жил в клетке, на заднем дворе. К кошке и собаке Эцуко была равнодушна, потому что у неё они тоже были, но вот кролик совершенно заворожил девочку. Она кормила его вместе с подругой, брала его на руки, поднимая за уши, и наконец, стала упрашивать мать купить ей такого же. Вообще-то Сатико не возражала против того, чтобы держать в доме живность, но тут она засомневалась. «Мы не умеем ухаживать за кроликом, будет жаль, если он погибнет по нашей вине, — говорила она. — Кроме того, у нас уже есть собака Джонни и кошка Судзу, и о них нужно заботиться. А если появится ещё и кролик, хлопот прибавится, ведь его тоже необходимо кормить. И главное — кролика придётся держать подальше от Джонни и Судзу, чтобы они его не загрызли, а в доме нет для этого подходящего места».

Однако пока Сатико колебалась, знакомый трубочист как-то принёс кролика и попросил отдать его Эцуко. Кролик, правда, был не ангорский, но беленький и очень славный. Посоветовавшись с матерью, Эцуко решила поместить его в прихожей, подальше от Джонни и Судзу. Все взрослые домочадцы считали кролика загадочным существом. В отличие от собаки или кошки, он совершенно не реагировал на окружающих, только сидел, широко раскрывали свои красные глазки, дрожа всем телом.

Об этом кролике и написала Эцуко в своём сочинении. Каждое утро Юкико будила племянницу, следила, чтобы та как следует позавтракала, проверяла, всё ли необходимое она уложила в ранец, и, проводив девочку, снова ложилась в постель согреться.

В то утро было по-осеннему холодно, и Юкико вышла проводить девочку в шёлковом халате, накинутом поверх ночного кимоно, и незастёгнутых таби.[17] Эцуко сидела перед кроликом, пытаясь распрямить ему ухо, но это ей никак не удавалось, и она попросила Юкико: «Попробуй, может быть, у тебя получится». Юкико боялась, что девочка опоздает в школу, но дотронуться до пушистого зверька

почему-то было ей неприятно. Тогда она зажала кроличье ухо между пальцами ноги и подняла его. Но стоило убрать ногу, как ухо снова упало на мордочку.

— Почему ты зачеркнула это слово? — спросила Эцуко на следующее утро, увидев сделанную Юкико поставку в сочинении.

— Понимаешь, Эттян… Разве непременно нужно было писать, что я дотронулась до уха ногой?

— Но ведь ты так и сделала.

— Мне было неприятно прикоснуться к нему рукой.

— А-а… — Эцуко явно не понимала, в чем дело. — Тогда, может быть, мне надо было так и написать?

— Ну разве об этом пишут?! Что подумает обо мне твой учитель?

— А-а… — Эцуко всё ещё не понимала, что имеет в виду Юкико.

9

— Ну что же, раз завтрашний день отпадает, давайте условимся на шестнадцатое. Шестнадцатое тоже счастливый день, — согласилась Итани.

Она позвонила как раз в тот момент, когда Сатико собралась на концерт, и той ничего не оставалось, как согласиться. Но прошло ещё два дня, прежде чем удалось вытянуть согласие из Юкико, да и то лишь при условии, что Итани сдержит своё обещание и это будет обычный ужин, ничем не напоминающий смотрины. Итак, встреча назначена на шесть часов вечера в гостинице «Ориенталь». Итани придёт со своим братом Фусадзиро Мураками, служащим одной из осакских железорудных компаний, и его женой. (Мураками был давнишним приятелем Сэгоси, он-то и навёл Итани на мысль об этом сватовстве. Естественно, что он непременно должен присутствовать на ужине.) Сэгоси будет один, поскольку ещё не время вызывать родственников из провинции. Правда, Мураками пригласил некоего Игараси, господина средних лет, директора компании, в которой он служит. Игараси — выходец из тех же краёв, что и Сэгоси, и может считаться приглашённым с его стороны. Наконец, от семьи Макиока приглашены Сатико с супругом и Юкико. Всего на ужине будет восемь человек.

За день до этого Сатико отправилась вместе с Юкико в салон Итани, чтобы сделать причёску. Юкико первой села в кресло, а она в холле дожидалась своей очереди, когда к ней подошла Итани.

— Я хочу попросить вас об одном одолжении, — зашептала она на ухо Сатико. — Я уверена, что вы и без меня догадаетесь, но я просила бы вас завтра выглядеть как можно менее привлекательной.

— Ну, разумеется…

— Пожалуйста, оденьтесь не чуточку скромнее обычного, а очень, очень скромно. — Итани произнесла это с особым значением. — Госпожа Юкико, конечно, тоже красива, но она такая худенькая, и у неё такой грустный взгляд. Рядом с вами она теряет добрых двадцать процентов своей привлекательности. У вас настолько броская внешность, что на вас и так все обратят внимание. Постарайтесь же

хотя бы завтра выглядеть лет на десять, на пятнадцать старше, чтобы госпожа Юкико предстала в наиболее выгодном свете. Иначе одно ваше присутствие может погубить всё дело.

Такого рода просьбы к Сатико обращали не впервые. Ей уже доводилось присутствовать на смотринах Юкико, и она слышала, как люди перешёптывались у неё за спиной: «Старшая такая оживлённая, держится свободно, а младшая застенчива, даже не улыбнётся» — или: «Старшая так хороша собой, что совершенно затмевает младшую». Случалось, что Сатико прямо давали понять: лучше, если на смотрины Юкико будет сопровождать не она, а Цуруко.

Каждый раз, слыша подобные речи, Сатико отвечала, что рассуждать так может лишь человек, не понимающий истинной прелести Юкико. Что ж, быть может, она, Сатико, и кажется рядом с ней оживлённой и современной, но таких женщин сколько угодно вокруг. Другое дело — Юкико. Конечно, неловко расхваливать собственную сестру, но приглядитесь внимательно: в ней есть что-то от старинных красавиц, живших вдали от житейских бурь, какая-то трогательная хрупкость.

Сатико хотелось, чтобы мужем Юкико стал человек, способный оценить её красоту, человек, которому нужна именно такая жена. Но как бы горячо Сатико ни вступалась за сестру, она не могла подавить в себе чувство некоего превосходства. По крайней мере, наедине с Тэйноскэ она позволяла себе не без гордости заметить: «Считают, что в моём обществе Юкико сильно проигрывает».

Иногда и сам Тэйноскэ говорил ей: «Знаешь, тебе лучше остаться дома, я пойду один» — или просил её снять косметику и надеть кимоно попроще. «Нет, — говорил он, — так не годится. Ты должна казаться гораздо более заурядной, иначе акции Юкико опять упадут». В глубине души он радовался, что у него такая красавица жена, и Сатико прекрасно это понимала. И всё-таки в большинстве случаев Сатико сопровождала Юкико на смотрины вместо старшей сестры, да и сама Юкико неизменно просила, чтобы с нею была именно она. Трудность, однако, состояла в том, что в гардеробе Сатико были лишь яркие вещи, и, как ни старалась она казаться неприметной, после очередных смотрин ей нередко говорили, что она «опять выглядела чересчур моложавой».

— Да, да, понимаю, мне всегда так говорят, — ответила она Итани. — Даже если бы вы не упомянули об этом, я непременно оделась бы завтра как можно скромнее.

Кроме Сатико и Итани, никого поблизости не было, и никто не мог их слышать, но занавеска, отделявшая холл от салона, была отдёрнута, и они видели в зеркале сидевшую под сушилкой Юкико. Итани, судя по всему, исходила из того, что, когда сушилка включена, трудно что-либо расслышать, но Сатико видела, что Юкико смотрит на них, вопросительно вскинув брови, и опасалась, что она может понять по губам, о чем они разговаривают.

* * *

В назначенный день, ещё с трёх часов, Юкико начала готовиться к смотринам. Обе сестры находились рядом и помогали ей одеваться. Тэйноскэ ради такого случая вернулся со службы пораньше и нетерпеливо прохаживался из комнаты в комнату.

Хорошо разбираясь в женской одежде и причёсках, он с удовольствием наблюдал за приготовлениями и, зная по опыту, что в таких случаях женщины забывают о времени, снова и снова напоминал им, что нужно поторапливаться.

Вернувшись из школы, Эцуко бросила ранец в гостиной и взбежала по лестнице наверх.

— Юкико сегодня встречается со своим женихом?

Сатико обомлела. Она заметила, как изменилось выражение лица Юкико в зеркале, но спросила как ни в чем не бывало:

— Кто тебе сказал?

— О-Хару. Сегодня утром. Это правда, Юкико?

— Нет, — ответила Сатико. — Сегодня Итани-сан пригласила нас с Юкико поужинать в гостинице «Ориенталь».

— Но ведь папа тоже идёт.

— Папу тоже пригласили. Что тут странного?

— Эттян, ступай, пожалуйста, вниз, — сказала Юкико, не отводя взгляда от зеркала, — и позови сюда О-Хару. А сама можешь не возвращаться.

Эцуко была не из тех детей, что слушаются с первого раза, но на сей раз тотчас же повиновалась, как видно, уловив, в тоне Юкико нечто необычное.

— Хорошо, — отозвалась она и вышла.

А уже через минуту в дверях показалась испуганная О-Хару.

— Изволили звать меня? — Вид у служанки был явно смущённый. Тэйноскэ и Таэко, поняв, что атмосфера накаляется, поспешили ретироваться.

— О-Хару, что ты сказала сегодня Эцуко? — Сатико хорошо помнила, что ничего не говорила прислуге о предстоящей встрече, но всё-таки чувствовала себя виноватой в том, что сохранить тайну не удалось, и поэтому считала своим долгом допросить О-Хару при Юкико. — Ну же, О-Хару…

О-Хару не отвечала, она стояла потупившись, и весь её вид свидетельствовал о том, как глубоко она раскаивается в своём проступке.

— Когда ты сказала об атом Эцуко?

— Сегодня утром…

— Зачем ты это сделала?

Служанка опять не нашлась, что ответить.

О-Хару шёл восемнадцатый год, она служила в доме Сатико с четырнадцати лет и теперь уже числилась старшей горничной. За эти годы она сделалась как бы членом семьи,[18] и с ней обращались как с равной.

По дороге в школу Эцуко приходилось пересекать железнодорожную линию, где нередко бывали несчастные случаи, и поэтому кто-нибудь непременно её провожал. Обычно эта обязанность возлагалась именно на О-Хару.

Мало-помалу Сатико вынудила служанку сознаться, что она рассказала обо всём Эцуко, когда провожала её в школу. О-Хару была на редкость жизнерадостной девушкой, но, когда её бранили, она сразу сникала, и невольно становилось её жаль. Впрочем, со стороны, несчастный вид девушки мог показаться даже смешным.

— Возможно, я допустила оплошность, разговаривая при тебе по телефону. Но раз уж ты слышала мой разговор, то тем более должна была бы понять, что сегодняшняя встреча совсем не смотрины, а обычный ужин, неужели тебе надо объяснять, что есть вещи, о

которых говорить не полагается. Тем более ребёнку. Ведь ты не первый день служишь у нас, О-Хару. И должна бы понимать, как следует вести себя в подобном случае.

— Нынешний случай не единственный, — не преминула вставить Юкико. — Ты вообще слишком много говоришь, О-Хару. Рассуждаешь о вещах, которые тебя не касаются. Это скверная привычка…

Всё время, пока сёстры по очереди отчитывали служанку, она стояла перед ними неподвижно, с опущенной головой.

— Ну хорошо, можешь идти.

О-Хару всё ещё продолжала стоять в полном оцепенении. Лишь после того, как позволение идти было повторено несколько раз, она едва слышно пробормотала извинение и удалилась.

— Что за болтушка! Ведь её не раз предупреждали, — сказала Сатико, глядя на расстроенное лицо сестры. — Конечно, мне следовало быть более осторожной. Не так откровенно говорить по телефону. Но мне и в голову не могло прийти, что она расскажет Эцуко.

— Дело не только в этом телефонном разговоре. Я заметила, что вы и прежде разговаривали о сватовстве в присутствии О-Хару.

— Разве такое бывало?

— И не раз. Когда она входит, всё замолкают, но стоит ей оказаться за дверью, как снова начинают говорить громко. Она наверняка всё слышит.

В последние дни Тэйноскэ, Сатико, Юкико, а иногда и Таэко после десяти вечера, когда Эцуко уже спала, не раз собирались в гостиной, чтобы обсудить предстоящую встречу с Сэгоси. О-Хару приносила им прохладительные напитки из столовой. Гостиная отделялась от столовой раздвижными дверями, между которыми оставались зазоры шириною в палец, поэтому в столовой было хорошо слышно всё, о чем говорилось в гостиной. Следовало говорить тише, особенно по вечерам, когда жизнь в доме замирала, но никто не придавал этому должного значения. Юкико, по-видимому, была права. Но почему же она не предупредила их раньше? У Юкико вообще был тихий голос, и никому не могло прийти в голову, что она понижает голос из осторожности. Да, трудно, когда прислуга чрезмерно словоохотлива, но трудно и когда сестра настолько немногословна, невольно подумала Сатико.

Впрочем, упрёк Юкико: «всё снова начинают говорить громко» — скорее всего был адресован Тэйноскэ. Стало быть, в своё время она промолчала только оттого, что попросту не посмела сделать замечание зятю. У Тэйноскэ и правда был громкий голос, его легче всего было расслышать.

— Ты должна была сразу же сказать нам об этом, Юкико.

— Я хотела бы, чтобы впредь мои дела не обсуждались в присутствии посторонних. Не смотрины мне неприятны — тяжело сознавать, что всякий раз они думают: «Ну вот, опять у неё ничего не вышло…»

Голос Юкико дрогнул, и по её лицу, отражавшемуся в зеркале, скользнула слеза.

— Но ведь это не так, Юкико. Не было случая, чтобы ты кому-нибудь не понравилась. Всё, с кем ты до сих пор встречалась, мечтали получить твоё согласие. Дело каждый раз расстраивалось лишь потому, что мы считали жениха недостаточно подходящим для тебя.

— Но они-то так не считают. Каждый раз они думают, что меня опять сочли недостойной, и, даже зная, что это не так, всё равно распускают слухи, поэтому… поэтому…

— Ну, довольно, довольно. Не будем больше об этом говорить. Мы допустили оплошность и впредь её не повторим… Что ты сделала со своим лицом! — Сатико взяла пуховку и направилась было к сестре, но тут же остановилась, опасаясь вызвать новые слёзы.

10

Тэйноскэ, удалившийся во флигель, который служил ему кабинетом, стал уже беспокоиться: начало пятого, а дамы всё ещё не готовы. Вдруг в саду послышался шелест, будто что-то застучало по сухим листьям аралии. Тэйноскэ отодвинул сёдзи[19] — небо, такое ясное с утра, заволоклось тучами, и крупные капли дождя посыпались на крышу, прочерчивая по ней беспорядочные линии.

— Дождь, начался дождь! — крикнул Тэйноскэ, взбегая по лестнице в дом.

— В самом деле, — отозвалась Сатико, посмотрев в окно. — Но он скоро пройдёт. Кое-где в просветах виднеется голубое, небо.

Однако черепичные крыши соседних домов уже совершенно намокли, и стало ясно, что дождь расходится.

— Нужно вызвать такси. Не позднее, чем на четверть шестого. И мне, наверное, придётся одеться по-европейски. Как, по-твоему, синий костюм подойдёт?

В плохую погоду такси в Асии были нарасхват, и, хотя машину заказали по телефону сразу же, как только Тэйноскэ распорядился об этом, ни в четверть шестого, ни ещё пять минут спустя её не было. Между тем дождь хлестал всё сильнее. Во всех гаражах города им отвечали одно и то же: на сегодняшний день, поскольку он считается благоприятным, назначены десятки свадеб, оставшиеся же машины, к сожалению, разобрали, как только начался дождь, пришлось довольствоваться обещанием, что первая же машина, которая вернётся в гараж, будет тотчас выслана им.

Если бы машина пришла в половине шестого, к назначенному времени кое-как можно было ещё успеть, но когда до шести осталось менее получаса, Тэйноскэ всерьёз забеспокоился и решил позвонить в гостиницу. Ему ответили, что всё гости собрались и ждут только их. Без пяти минут шесть, машина пришла. Дождь лил как из ведра, и шофёр, раскрыв зонт, проводил по очереди всех троих к машине. Уже садясь в машину, Сатико почувствовала, как у неё по спине скатилась холодная капля. Она подумала, что в дни смотрин Юкико всегда идёт дождь, так было и в прошлый раз, и в позапрошлый…

* * *

— Мы задержались на целых полчаса, извините великодушно, — произнёс Тэйноскэ, прежде чем поздороваться с Итани, которая встречала их в гардеробной — Сегодня много свадеб, а тут ещё дождь пошёл, мы никак не могли найти такси.

— В самом деле, по пути сюда я видела несколько машин невестами. Да, кстати… — Пока Сатико и Юкико сдавали пальто на вешалку, Итани отозвала Тэйноскэ в сторону. — Сейчас я познакомлю вас с господином Сэгоси… Но прежде мне хотелось бы узнать, удалось ли вам закончить проверку.

— Видите ли, что касается самого господина Сэгоси, то о нём теперь уже всё известно, и мы вполне удовлетворены, узнав, что это очень достойный человек. Сейчас наши родственники в Осаке наводят справки о его близких. — Как я понимаю, тут тоже никаких осложнений не возникнет. Просто они должны получить одно, последнее, сообщение и просят подождать ещё неделю.

— А-а, вот как…

— Вы так много для нас сделали, что даже неловко заговаривать об очередной отсрочке. Но знаете ли, в «главном доме» привыкли делать всё по старинке, без спешки. Что касается меня, то я искренне ценю ваше доброе расположение и надеюсь, что это сватовство завершится к удовольствию обеих сторон. Сам я считаю, что тянуть с замужеством Юкико нельзя, и, если кандидатура жениха не вызывает сомнений, можно обойтись без подробных сведений о его семье. Лишь бы жених и невеста сегодня понравились друг другу. Это самое главное.

Тэйноскэ заранее обсудил с Сатико, что ему следует сказать, если встанет вопрос о затянувшейся проверке, и поэтому его доводы прозвучали вполне убедительно. Последние же его слова были абсолютно искренними.

Церемония знакомства прошла весьма быстро, потому что и так было уже поздно, и собравшиеся поднялись в лифте на второй этаж, где Итани заказала отдельный кабинет. Итани и Игараси заняли места по обоим концам стола. С правой стороны разместились Сэгоси и чета Мураками, а с левой — Юкико, напротив Сэгоси, Сатико и Тэйноскэ. Накануне, во время разговора в парикмахерской, Итани предложила

усадить Сэгоси между супругами Мураками, а Юкико — между её сестрой и зятем, но Сатико возразила из опасения, что это будет похоже на официальные смотрины, и та с ней согласилась.

— Не могу отделаться от мысли, что я здесь совершенно случайный гость, — сказал Игараси, приступая к супу: он счёл, что наступил подходящий момент для начала застольной беседы. — Мы с господином Сэгоси земляки, это верно, но, как видите, я гораздо старше его. Следовательно, мы даже не учились вместе, Если нас что и связывает, так, пожалуй, лишь то, что наши семьи жили в одном городе, неподалёку друг от друга. Конечно, для меня большая честь присутствовать здесь, по всё же, мне как-то неловко. По правде говоря, это господин Мураками почти силком принудил меня прийти сюда. Госпожа Итани, как я слышал, славится своим красноречием, и брат явно ей под стать. «Как, вы отказываетесь присутствовать на столь важной для нас встрече — сказал он. — Ваш приход — залог успеха. Одним словом, я понял, что в подобных случаях необходимо присутствие хотя бы одного старика и что никаких отговорок не потерпят даже из уважения к моей лысине. И вот я с вами.

— Ну право же, господин директор, — засмеялся Мураками, — надеемся, вам не так уж неприятно в нашем обществе.

— Не надо называть меня "господин директор". Сегодня вечером я хочу как следует отдохнуть, совершенно забыв о делах.

Сатико вспомнила, это, когда она была девочкой, в их магазине в Сэмбе старшим приказчиком был вот такой же лысый весельчак. После того как самые крупные из старых магазинов Макиока объединились в акционерное общество, «старший приказчик» пересел в кресло «директора». Он сменил, хаори и передник на европейский костюм, а диалект, свойственный жителям Сэмбы, на стандартный токийский, но по складу ума и характера он так и остался прежним приказчиком из лавки. В старые времена в каждом магазине был один или двое таких служащих — вечно кланявшихся, разговорчивых, умевших угождать хозяину и смешить людей. Сатико подумала, что Итани пригласила Игараси нарочно, чтобы развлекать общество.

Сэгоси, с улыбкой следивший за состязанием в красноречии между Игараси и Мураками, показался Тэйноскэ и Сатико в точности таким, каким они представляли его себе по фотографии. Правда, в жизни он выглядел моложе, чем на фото, лет этак на тридцать восемь.

Но внешность у него была и в самом деле, как определила Таэко, вполне заурядной. Черты лица — правильные, но без особого обаяния и утончённости. Всё: и его облик, и костюм, и даже галстук — поражало своей обыкновенностью. Глядя на него, трудно было поверить, что он бывал в Париже. И тем не менее Сэгоси производил впечатление человека по-своему приятного, по-видимому, и работник он был хороший, знающий своё дело. Словом, у Тэйноскэ сложилось о нём вполне благоприятное впечатление.

— Долго ли вы пробыли в Париже, господин Сэгоси? — спросил он.

— Ровно два года. Впрочем, это было уже так давно…

— Когда же?

— Лет пятнадцать или шестнадцать назад. Я поехал туда вскоре после окончания академии.

— Стало быть, вас направили туда для службы в главной конторе?

— Нет, в компанию я поступил уже после возвращения на родину, так что моё путешествие во Францию не было связано с какой-либо служебной необходимостью… Видите ли, в то время как раз умер мой отец. Он оставил мне немного денег, и я решил истратить их на путешествие. Если я и преследовал какую-то цель, то, пожалуй, единственную — получше освоить французский язык. К тому же у меня была смутная надежда подыскать там работу. Но в конечном итоге намерения мои не осуществились, так что, можно сказать, это была попросту развлекательная поездка.

— Господин Сэгоси — человек удивительный, — вступил в разговор Мураками. — Большинство людей, попав в Париж, не желает возвращаться домой, а вот господин Сэгоси разочарован Парижем, он там ужасно тосковал.

— Да? Почему же?

— И сам не знаю. Вероятно, ожидал слишком многого.

— Оказавшись в Париже, вы поняли, насколько хороша Япония. Что ж, это вполне естественно. Так вот почему вам нравятся истинно японские красавицы? — шутливым тоном спросил Игараси, бросив, быстрый взгляд в сторону Юкико, которая сидела потупясь.

— По-видимому, служба в компании помогла вам осуществить своё желание — получше освоить французский язык? — продолжал Тэйноскэ.

— Боюсь, что нет. Хотя компания и французская, служат в ней в основном японцы. Только среди управляющих двое или трое французов.

— Стало быть, у вас почти нет возможности практиковаться в языке?

— Только в тех случаях, когда приходят суда из Франции. Ну и, конечно же, я веду деловую переписку.

— Кстати, госпожа Юкико изучает французский язык, — вставила Итани.

— Просто сестра берёт уроки, и я вместе с нею…

— А кто вас учит? Японец или француз?

— Француженка…

— …которая замужем за японцем, — добавила Сатико. Бывая в обществе, Юкико всегда терялась, тем более, когда приходилось говорить на непривычном ей токийском диалекте.[20] Ей трудно было довести фразу до конца, и тогда на помощь приходила Сатико. Сатико и сама подчас затруднялась найти нужное слово, но она умела сделать так, чтобы её осакский говор не резал слух, и могла с лёгкостью и достаточно ловко поддержать любой разговор.

— А говорит ли эта француженка по-японски? — спросил Сэгоси, обращаясь к Юкико.

— Сначала не знала ни слова, но постепенно выучилась и теперь изъясняется настолько свободно…

— …что это даже идёт нам во вред, — снова подхватила Сатико. — Мы условились во время занятий говорить только по-французски, но не получается, то и дело незаметно соскальзываем на японский.

— Мне доводилось слышать, как они занимаются в соседней комнате, — заметил Тэйноскэ. — Всё трое говорили исключительно по-японски.

— Неправда, — возразила Сатико, невольно переходя на осакский диалект.

— Мы всё время говорим по-французски, ты, должно быть, просто не расслышал.

— Вот это верно. Время от времени до меня доносился какой-то прерывистый шепоток, должно быть, именно тогда вы и изъяснялись

по-французски. Этак язык не освоить. Почему-то, когда за изучение языка берутся дамы, всегда так выходит.

— Это очень любезно с твоей стороны. Но ведь я занимаюсь с ней не только языком. Даже говоря по-японски, она обучает меня всяким полезным вещам — секретам французской кухни, приготовлению пирожных, вязанию. Помнишь, как понравилось тебе на днях блюдо из каракатиц? Ты сказал, чтобы я непременно взяла у неё ещё какие-нибудь рецепты.

Шутливая перепалка между супругами всех позабавила. Г-жа Мураками, однако, всерьёз заинтересовалась каракатицами, и Сатико пришлось посвятить её в тайну приготовления этого французского блюда: каракатиц следует потушить с помидорами, а затем добавить для вкуса немного чеснока.

11

Сатико отметила про себя, что Сэгоси — ценитель вина: всякий раз, как ему наливали, он охотно опустошал свой бокал. Мураками, напротив, ничего не пил, а Игараси, уже красный до кончиков ушей, отмахивался от официанта, когда тот подносил бутылку к его бокалу: «Нет, нет, с меня довольно». Лишь Сэгоси и Тэйноскэ оказались под стать друг другу: ни в лицах их, ни в манере держаться нельзя было уловить ни малейшего признака опьянения.

Впрочем, Сатико уже слышала от Итани, что Сэгоси хоть и не имеет привычки выпивать каждый вечер, но отнюдь не противник спиртного и при случае может выпить достаточно много. Сатико была далека от того, чтобы осуждать его за это.

Сатико с сёстрами нередко случалось в последние годы жизни отца прислуживать за столом и даже составлять ему компанию, когда он за ужином пил вино, поэтому всё они, начиная с Цуруко, не отказывались при необходимости осушить чарку-другую. Тацуо и Тэйноскэ тоже были не прочь выпить за едой, и оттого всё они не видели особого достоинства в полном отказе от спиртного. Никто из них, разумеется, не одобрял запойного пьянства, но всё же, коль скоро речь шла о муже для Юкико, им хотелось, чтобы он умел ценить хорошие вина.

Сама Юкико такого пожелания никогда не высказывала, но Сатико казалось, что тут они придерживаются одного мнения. Юкико не из тех, кто станет изливать душу перед кем бы то ни было, и, если её будущий муж окажется убеждённым трезвенником, она окончательно замкнётся в себе. А жизнь с унылой, подавленной Юкико вряд ли покажется мужу приятной. Одним словом, стоило Сатико хоть на минуту вообразить, что её сестра выйдет замуж за абсолютного трезвенника, как её охватывала тоска и жалость.

— Выпей немного, — шепнула Сатико сестре, показывая глазами на стоящий перед нею бокал с белым вином. Ей хотелось вывесит сестру из молчаливой задумчивости. Как бы поощряя Юкико, она несколько раз пригубила из своего бокала.

— Налейте ей ещё вина, пожалуйста, — негромко сказала Сатико официанту.

Юкико тоже отметила, что Сэгоси держится молодцом, хотя выпил немало. Желая выглядеть более оживлённой, она незаметно сделала несколько глотков, из своего бокала, но вино не вызывало ощущения приятной лёгкости, от него лишь кружилась голова, а ногам было по-прежнему холодно и неуютно в промокших под дождём таби.

Сэгоси сделал вид, будто не заметил, как Юкико отпила из своего бокала.

— Юкико-сан, вы любите белое вино? — спросил он. Юкико молча улыбнулась и потупилась.

— Да, одну или две рюмочки… — отозвалась за неё Сатико. — Кстати, Сэгоси-сан, я вижу, вы совершенно не пьянеете. Сколько же вы можете выпить?

— Гм, наверное, мерок семь или восемь.

— Скажите-ка, а не обнаруживаются ли у вас при этом какие-нибудь скрытые таланты? — спросил Игараси.

— Боюсь, никакими талантами я не наделён. Просто становлюсь более разговорчивым, чем обычно.

— А госпожа Юкико?

— Госпожа Юкико играет на пианино, — ответила Итани. — В семье Макиока всё любят западную музыку.

— Не только западную, — уточнила Сатико. — В детстве нас обучали игре на кото,[21] и в последнее время я всё чаще подумываю, не взяться ли мне опять за этот инструмент. Недавно наша младшая сестра начала брать уроки танцев в стиле «Ямамура»,[22] и мне довольно часто приходится слышать игру на кото.

— Вот как, Кой-сан обучается японским танцам?

— Да, при всей её кажущейся приверженности ко всему европейскому в ней начинают просыпаться склонности, обнаружившиеся ещё в детские годы. К тому же она вообще от природы способная. За что ни возьмётся — всё у неё получается. Впрочем, по-видимому, сказываются давние навыки.

— Я не разбираюсь в тонкостях этого дела, — заметил Игараси, — но танцы в стиле «Ямамура», по-моему, действительно прекрасны. Не годится слепо подражать всему, что модно в Токио. Мы должны заботиться о развитии нашего, осакского, искусства.

— Кстати, кстати, — подхватил Мураками, — господин директор… простите… Игараси-сан прекрасно поёт в стиле «Утадзава».[23] Он долгие годы занимался этим искусством.

— Да, но тут есть одна загвоздка, — включился в разговор Тэйноскэ, — состоит она в том — разумеется, я не имею в виду таких мастеров, как господин Игараси, — что поначалу испытываешь неодолимое желание, чтобы кто-нибудь тебя послушал, и ноги сами несут тебя к гейшам, не так ли?

— Да, да, вы совершенно правы. Вся японская музыка, так сказать, не для домашнего потребления… Конечно, я — дело другое. Я приобщился к пению отнюдь не из честолюбивого желания покорять женские сердца. В отношении женщин я твёрд, как сталь. Правда, Мураками-кун?

— Конечно. Не случайно же вы директор железорудной компании.

Игараси засмеялся.

— Да, кстати, у меня есть один вопрос к дамам. Вы всё носите в сумочках пудреницы… Что в них? Обычная пудра?

— Да, обычная пудра, — ответила Итани. — А почему вы спрашиваете?

— Дело вот в чем. Примерно неделю назад еду я в поезде. Напротив меня сидит нарядно одетая дама. Она достаёт из сумочки пудреницу и пудрит нос — шлёп-шлёп. И сразу же я начинаю безудержно чихать. Неужели от пудры?

— Боюсь, что у вас попросту что-то случилось с носом, — засмеялась Итани. — Наверное, пудра тут вовсе ни при чем.

— Я так и подумал бы, случись это только раз. Но нечто подобное бывало со мной и прежде.

— Вы правы, — сказала Сатико. — Несколько раз я наблюдала такую же картину, когда сама пудрилась в вагоне. Причём, как я заметила, чем изысканнее запах у пудры, тем сильнее от неё чихают.

— Должно быть, так оно и есть. Сейчас я припоминаю, что те особы, из-за которых я чихал прежде, вообще не были похожи на замужних женщин.

— В любом случае они должны были извиниться перед вами.

— Подумать только, никогда прежде я ни о чем подобном не слышала, — сказала супруга Мураками. — Непременно выберу себе какую-нибудь пудру подороже.

— А мне, признаться, не до шуток. Что, если это войдёт в моду! Я бы, например, просто запретил дамам пудриться в поездах. Хорошо ещё, когда к тебе относятся с пониманием, как это только что продемонстрировала госпожа Макиока, а ведь та дама, видя, как я чихаю, даже бровью не повела. Возмутительно!

— Раз уж речь зашла о поездах, — сказала Сатико, — моя младшая сестра призналась, что всякий раз, когда она в поезде видит, как у какого-нибудь пассажира из лацкана пиджака, торчит конский волос, ей хочется его вытащить.

Замечание Сатико было встречено всеобщим смехом.

— Когда я была маленькая, — отозвалась Итани, — стоило мне заметить дырочку на стёганой одежде или ватном одеяле, как я начинала выдёргивать вату. Не могла удержаться, и всё.

— Похоже, этот странный инстинкт вообще присущ человеческой природе, — заметил Игараси. — Некоторых, когда они навеселе, так и подмывает позвонить в чужую дверь. Или же, например, стоишь на платформе и ждёшь поезда, И тут как назло замечаешь какую-нибудь кнопку, а над ней — табличка с надписью: «Трогать воспрещается». Не знаю, как кому, а мне до ужаса хочется на неё нажать. Приходится делать над собой усилие, чтобы не поддаться соблазну.

— Ох, сегодня я посмеялась от души, — с довольным видом вздохнула Итани. Как видно, желание поговорить не иссякло в ней даже после того, как подали фрукты. — Госпожа Макиока, — обратилась она к Сатико, — это, правда, не относится к только что затронутой теме, но я хочу спросить: не приходилось ли вам замечать, что нынешние молодые дамы — конечно, вы и сами ещё молоды, но я имею в виду тех, которым едва за двадцать и они только недавно вышли замуж, — так вот, современные молодые дамы сплошь да рядом такие разумные — и хозяйство, и воспитание детей поставлено у них на научную основу, Право же, глядя на них, чувствуешь, как стремительно меняются времена.

— Да, вы совершенно правы. Теперь в гимназиях учат совсем иначе, чем в наше время, рядом с такой молодой особой я ощущаю себя изрядно устаревшей.

— У меня, знаете ли, есть племянница. Ещё девочкой она приехала сюда из провинции, и меня просили присматривать за ней, пока она не окончит гимназию в Кобэ. Недавно она вышла замуж и

живёт в местечке Короэн. Муж служит в какой-то фирме в Осаке и получает девяносто иен в месяц, вместе с наградными и теми тридцатью иенами, что присылают им родные на уплату за дом, у них выходит на круг около ста пятидесяти или ста шестидесяти иен. Однажды я поехала посмотреть, как они управляются с хозяйством. Оказывается, каждый месяц, когда муж приносит домой свои девяносто иен, они распределяют их по конвертам с соответствующими надписями: «Газ», «Электричество», «Одежда», «Мелкие расходы» и так далее — и таким образом планируют всё расходы наследующий месяц. Как вы сами понимаете, на эти деньги не особенно разгуляешься, и тем не менее племянница ухитрилась угостить меня превосходным ужином. Да и дом у них обставлен не так уж бедно, всё тщательно продумано. Правда, племянница моя — особа в высшей степени деловая. Как-то мы поехали с ней вместе в Осаку, и я дала ей кошелёк, чтобы она купила мне билет. И что же? Она купила целую книжку отрывных билетов, выдала мне один, а остальные оставила у себя. «Ну и ну, — подумала я про себя, — а я-то беспокоилась за неё, старалась её опекать!»

— По нынешним временам дети нередко оказываются куда смышлёнее родителей, — заметила Сатико. — Неподалёку от меня живёт молодая женщина. У неё есть ребёнок — годовалая девочка. Однажды я пошла к ней по какому-то делу, и она уговорила меня зайти. Если бы вы только видели, какой образцовый порядок у неё в доме, а ведь прислуги они не держат. Кстати, я заметила, что нынешние молодые женщины предпочитают даже дома одеваться по-европейски и обставляют жилище на европейский лад, или я ошибаюсь? Во всяком случае, эта моя знакомая всегда одевается по-европейски. Прямо в комнате у неё стояла коляска, в которую она ловко усадила ребёнка, чтобы он из неё не выпал. Стоило мне подойти к девочке, как она, извинившись, попросила меня последить за ней минутку и вышла. Вскоре она вернулась с чаем для меня, а потом принесла еду для дочки — тёплое молоко с размоченными в нём кусочками хлеба. «Пожалуйста, выпейте чаю», — сказала она и села, но тотчас же взглянула на часы и объявила, что сейчас по радио начнётся концерт Шопена. «Не угодно ли вам послушать?» Она включила приёмник и, слушая музыку, стала кормить ребёнка. Вот так, не теряя ни минуты впустую, она сумела одновременно сделать три

дела: принять гостью, послушать хорошую музыку и накормить ребёнка. Я подумала, что она поступает весьма разумно.

— А как они нынче воспитывают детей!

— Вот-вот, мы как раз говорили об этом с моей молодой знакомой. Время от времени к ней приходит её матушка, чтобы повидаться с внучкой. Само по себе это, конечно, похвально. Но беда в том, что стоит моей знакомой отучить девочку от рук, как появляется бабушка и уже с рук её не спускает, так что после её визита всё приходится начинать сызнова.

— Не удивительно, что дети стали иными, чем прежде. Мне кажется, они теперь и не плачут. Если ребёнок научился ходить, мать не бросается поднимать его всякий раз, как он упадёт на прогулке. Она идёт себе дальше, как будто ничего не случилось, а малыш без звука встаёт на ножки и ковыляет вдогонку…

*** * ***

После ужина всё спустились в холл на первом этаже Итани сказала Сатико и Тэйноскэ, что, если Юкико не возражает, Сэгоси хотел бы побеседовать с нею наедине минут пятнадцать-двадцать. Юкико согласилась, и они с Сэгоси сели в кресла чуть поодаль от остальной компании, которая тем временем продолжала ни к чему не обязывающую беседу.

— О чем говорил с тобой господин Сэгоси? — полюбопытствовала Сатико, когда они ехали домой в такси.

— Так, о всякой всячине, — уклончиво ответила Юкико. — Ни о чем определённом речи не было.

— Значит, это было нечто вроде психологического теста?

Юкико не ответила. Дождь утих и едва моросил, совсем как в непогожую весеннюю пору. Только теперь выпитое вино стало оказывать на Юкико своё действие, и она почувствовала, как у неё пылают щёки. Машина мчалась уже по шоссе, и в глазах у Юкико рябило от бесчисленных огней фар, отражавшихся на мокрой мостовой.

12

На следующий день вечером, вернувшись домой, Тэйноскэ сказал Сатико:

— Сегодня у меня была Итани-сан.

— Как? Она приезжала к тебе на службу?

— Да. Она. сказала, что ей, конечно, следовало повидаться с тобой у нас дома, но она приехала в Осаку по делам и решила заодно зайти ко мне, поскольку, как она выразилась, со мной легче договориться.

— О чем же шла речь?

— В целом вести хорошие, правда… Знаешь, нам лучше поговорить в другом месте… — Тэйноскэ позвал Сатико в кабинет и пересказал ей свой разговор с Итани.

Прошлым вечером, после того как Макиока уехали, остальные задержались и разговаривали ещё около получаса. Юкико произвела на Сэгоси очень хорошее впечатление, её внешность и манеры кажутся ему безусловно привлекательными, но хрупкость Юкико внушает ему некоторые опасения: не страдает ли она каким-нибудь недугом? Кстати, и Мураками в своё время, просматривая гимназические журналы, отметил, что Юкико довольно часто пропускала занятия, и у него возникло подозрение, что эти пропуски могли объясняться нездоровьем. Тэйноскэ ответил, что тут ему трудно сказать что-либо определённое, поскольку в ту пору он ещё не был знаком с Юкико, и что им следует обратиться к Сатико или к ней самой, однако он может с полной уверенностью сказать, что за всё годы, что он знает Юкико, она ни разу серьёзно не болела. Юкико, при её хрупкости и худощавости, и в самом деле никак не назовёшь крепко сложенной, но он, Тэйноскэ, готов поручиться, что она подвержена простудам в гораздо меньшей степени, чем остальные сёстры, да и физические нагрузки переносит лучше кого-либо из них, кроме разве что старшей, Цуруко. Разумеется, они вправе предположить, что худоба Юкико служит признаком больших лёгких, подобного рода опасения им приходилось слышать и прежде. Чтобы развеять возникшие сомнения, Тэйноскэ обещал безотлагательно поговорить с женой и Юкико, а

также получить согласно «главного дома» на врачебное освидетельствование Юкико, включая и рентгеновское обследование.

Итани сказала, что такие хлопоты излишни — ручательства Тэйноскэ вполне достаточно. Тэйноскэ, однако же, возразил, что в таких делах нужна полная ясность. Хотя он и дал соответствующие заверения, но, поскольку формального медицинского заключения они никогда не запрашивали, сейчас для этого как раз подходящий случай. Это разумно со всех точек зрения — для их собственного спокойствия и для спокойствия «главного дома», да и господину Сэгоси будет приятно убедиться, что на лёгких Юкико нет ни единого пятнышка. Таковы были доводы Тэйноскэ.

Затем он сказал жене, что, даже если, паче чаяния, брак с Сэгоси по какой-либо причине не состоится, рентгеновское обследование не будет пустой тратой времени, оно может пригодиться на тот случай, если такое же подозрение возникнет в будущем. Поскольку в «главном доме» вряд ли станут возражать — в этом Тэйноскэ был совершенно уверен, — он предложил Сатико завтра же отправиться с Юкико в клинику при Осакском университете.

— Но почему Юкико так часто пропускала занятия в гимназии? Что, она была болезненным ребёнком?

— Нет, в те годы в гимназиях к пропускам относились не так строго, как теперь, и отец частенько вместо занятий водил нас в театр. Если бы ты навёл справки обо мне, выяснилось бы, что я пропускала занятия ещё чаще, чем Юкико.

— Как ты думаешь, согласится Юкико пройти обследование?

— Но зачем для этого ездить в Осаку? Разве нельзя обратиться к доктору Кусиде?

— А это её пятно? — Тэйноскэ коснулся своего левого века. — О нём у нас тоже шла речь. Итани сказала, что сама она ничего не заметила, по мужчины бывают очень наблюдательны. Как выяснилось, вчера после нашего отъезда кто-то из мужчин сказал, будто разглядел у Юкико над левым глазом едва приметное пятнышко. «И я тоже», — присоединился к нему другой. А кто-то третий возразил: дескать, никакого пятна нет, всё дело в неудачном освещении. Мнения разделились, и Итани хочет знать, есть ли пятно на самом деле или нет.

— Вчера пятно как раз чуточку проступило, и я подумала: вот некстати. Так, значит, на этот раз оно привлекло к себе внимание…

— Но Итани не особенно беспокоится по этому поводу.

Не так давно над левым глазом у Юкико, точнее говоря, на веке, чуть ниже брови, проступило небольшое пятнышко, которое то появлялось, подобно тени, то исчезало. Тэйноскэ впервые обратил на него внимание месяца три, ну от силы полгода назад. Тогда же он потихоньку спросил Сатико, давно ли у Юкико появилось это пятно, но и Сатико заметила его совсем недавно, прежде его не было. Временами пятно становилось едва различимым, так что, даже нарочно приглядываясь, его было трудно разглядеть, а то и вовсе исчезало. А потом вдруг снова отчётливо проступало и держалось целую неделю.

Со временем Сатико установила определённую зависимость между появлением у Юкико пятна и наступлением месячных. Более всего её волновала мысль: что думает по этому поводу сама Юкико? Несомненно, она обнаружила пятно раньше всех, не скажется ли это неблагоприятным образом на её душевном состоянии?

До сих пор Юкико не видела в своих неудачах с замужеством ничего трагического, непоправимого, наверное, потому, что в глубине души была уверена в собственной привлекательности. Но что будет теперь, когда в её внешности обнаружился этот неожиданный изъян? Не решаясь прямо расспрашивать сестру, Сатико лишь исподволь следила за её настроением, но никаких перемен не заметила. Юкико либо не обращала внимания на пятно, либо не придавала ему значения.

Однажды Таэко принесла какой-то старый женский журнал. «Ты читала это?» — спросила она у Сатико. В журнале, в колонке полезных советов, было помещено письмо некой двадцатидевятилетней незамужней женщины, которая заметила у себя на лице такое же пятно: оно то бледнело, то исчезало совсем, то проступало особенно ярко. В комментарии врача говорилось, что подобное явление нередко встречается у женщин, которые долго не выходят замуж, и не должно внушать особой тревоги. Как правило, пятно исчезает после замужества, но в любом случае от него можно избавиться с помощью небольших доз гормональных препаратов.

Эту заметку Сатико прочла с облегчением. По правде говоря, когда-то она сама пережила нечто подобное. Несколько лет назад, уже после замужества, у неё появились тёмные пятна вокруг рта, какие бывают у ребятишек, перемазавшихся сладкой бобовой пастой. Врач

сказал, что это результат злоупотребления аспирином и пройдёт само по себе. Примерно через год пятна и в самом деле бесследно исчезли. Сатико предположила, что они с сестрой попросту предрасположены к появлению таких вот пятен. К тому же, убедившись на собственном опыте, что пятна довольно скоро исчезают — а у неё они были куда заметнее, чем у Юкико, — она не так уж сильно тревожилась по этому поводу. И вот теперь, прочитав заметку в журнале, она совершенно успокоилась.

Таэко принесла этот журнал, чтобы показать его Юкико. Полагая, что в глубине души сестра не может не испытывать тревоги, Таэко хотела, чтобы, прочитав статью, она перестала волноваться. Как только Юкико выйдет замуж, пятно исчезнет, но, быть может, разумнее принять меры уже сейчас и начать лечение. Разумеется, уговорить Юкико не так просто, но если выбрать подходящий момент…

До сих пор Сатико ни с кем не делилась своим беспокойством по поводу пятна. Таэко сама завела разговор на эту тему. Стало быть, она тоже тревожилась. И, как догадывалась Сатико, не только из любви к сестре, — ведь чем позже решится судьба Юкико, тем дольше им с Окубатой придётся ждать с собственной свадьбой. Но кто из сестёр должен показать журнал Юкико? Они пришли к выводу, что Таэко удобнее это сделать. Если разговор начнёт Сатико, в этом будет неизбежная нарочитость и Юкико, естественно, заподозрит, что всё это широко обсуждалось при участии Тэйноскэ. Таэко же сможет поговорить с Юкико запросто, как бы невзначай. И вот в один из дней, когда пятно было особенно заметно, Таэко будто бы случайно зашла в комнату, где Юкико сидела перед зеркалом.

— Юкико, — тихонько окликнула она сестру, — ты не должна беспокоиться из-за этого пятнышка.

— Я знаю, — чуть слышно промолвила Юкико. Стараясь не встречаться с ней взглядом, Таэко продолжала:

— Об этом была статья в женском журнале. Ты читала? А то я могу тебе показать.

— Кажется, я читала.

— Правда? Там говорится, что эти потемнения на коже либо сами проходят после замужества, либо их лечат уколами.

— Да.

— Так ты знаешь об этом, Юкико?

— Да.

По односложным ответам Юкико чувствовалось, что обсуждать эту тему ей не очень приятно. И всё же она отвечала утвердительно. Возможно, ей попросту было неловко признаться, что она уже прочла эту статью. Таэко, с робостью приступившая к разговору, теперь почувствовала себя более уверенно.

— Тогда почему бы тебе не попробовать уколы?

К этому совету Юкико отнеслась без всякого энтузиазма. Зная сестру, Таэко понимала, что её не так-то просто уговорить пойти на приём к незнакомому дерматологу. Кроме того, судя по всему, пятно внушало ей куда меньше беспокойства, чем её близким.

Спустя несколько дней после этого разговора Эцуко вдруг удивлённо уставилась Юкико в лицо и громко спросила: «Что это у тебя над глазом?» Сатико и горничная, случайно оказавшиеся в комнате, сразу затихли. Она набормотала в ответ что-то невнятное, по ни один мускул не дрогнул на её лице.

С дни, когда пятно делалось особенно заметным, Сатико, да и Таэко, старались меньше показываться с сестрой на людях, ведь она была своего рода товаром, изъяны которого следовало тщательно скрывать, и не только во время смотрин, когда она, принарядившись, выходила из дома. Они считали, что для Юкико было бы разумным вообще не выходить из дома в течение недели, покуда пятно не побледнеет, или хотя бы попытаться скрыть его с помощью косметики. Но Юкико ничуть не заботили подобные соображения.

Сёстры находили, что Юкико очень к лицу яркая косметика. Однако в дни, когда пятно проступало особенно явственно, толстый слой белил оказывал противоположный эффект: при определённом освещении пятно приобретало свинцово-серый оттенок и отчётливо выделялось на белоснежной коже. В такие дни белила следовало, по-видимому, наносить тонким слоем, но зато погуще румяниться, однако Юкико не признавала румян. К пристрастие к белилам служило одной из причин, по чему люди подозревали, будто у неё неблагополучно лёгкими; Таэко, напротив, всегда пользовалась румянами, порой даже без пудры. Юкико теперь не изменяла своей привычке и перед выходом из дома наносила на лицо толстый слой белил. Иногда, на беду ей, встречался кто-нибудь из знакомых. Как-то она ехала с Таэко в поезде, и та, того пятно снова потемнело, протянула сестре румяна. —

«Тебе стоит чуточку подкраситься». Но даже это столь явное внимание, казалось, не особенно задело Юкико.

13

— Ну и что же ты ей сказал? — спросила Сатико мужа.

— Сказал откровенно всё как есть — что пятно — но всегда так заметно, что ничего серьёзного в нём нет — и это знаю из статьи, напечатанной в таком-то журнал и в других журналах мне доводилось об этом читать. Раз уж мы решили сделать рентгеновский снимок, я считаю, что стоило бы заодно показать Юкико дерматологу в той же университетской клинике и уточнить, действительно ли дело обстоит так, как написано в журнале. Я сказал Итани, что по крайней мере это мы сделать обязаны, и обещал поговорить с тобой и с Юкико.

Большую часть времени Юкико проводила в Асии, и, естественно, в «главном доме» о её беде не знали. Тэйноскэ винил себя только за то, что до сих пор ничего не предпринял. Впрочем, пятно появилось сравнительно недавно и во время предыдущих смотрин никто о нём не упоминал. К тому же Тэйноскэ помнил, как просто избавилась от такого же изъяна жена, и поэтому не придавал ему особого значения. Известную оплошность допустила и Сатико. Она должна была рассчитать, когда появится злополучное пятно, и не назначать смотрины именно на это время, но настойчивость Итани сбила её с толку. Впрочем, Сатико легкомысленно надеялась, что, даже если пятно к тому времени полностью не исчезнет, оно вряд ли привлечёт к себе внимание.

Утром, когда Тэйноскэ ушёл на службу, Сатико осторожно спросила сестру, какое впечатление произвела на неё встреча с Сэгоси. Юкико уклонилась от прямого ответа, сказав, что поступит так, как решат её зятья и старшие сёстры. Подумав, что разговор о рентгеновском обследовании и консультации у дерматолога может больно задеть Юкико, Сатико решила отложить его до вечера, когда они смогут поговорить наедине. Как ни странно, Юкико сразу же согласилась поехать в клинику, только попросила, чтобы её сопровождала Сатико.

Между тем пятно над глазом у Юкико с каждым днём становилось всё менее заметным, и Сатико подумала было отложить поездку к врачу до следующего раза, когда оно появится снова, но

уловка Итани явно удалась: Тэйноскэ настаивал на том, чтобы они как можно скорее отправились в клинику.

На следующий же день Сатико съездила к старшей сестре, чтобы рассказать о смотринах, поторопить с наведением справок о Сэгоси и заодно поставить её в известность о предстоящем обследовании Юкико. А ещё через день они с Юкико поехали в Осаку, сказав прислуге, будто им нужно сделать кое-какие покупки.

Результаты обследования у терапевта и дерматолога оказались в точности такими, как они ожидали. Рентгеновский снимок был проявлен в их присутствии и не показал никакого затемнения в лёгких. Через несколько дней они узнали и результат анализа крови: РОЭ — 13, всё прочие показатели — в норме. Что до дерматолога, то, закончив осмотр, он отозвал Сатико в сторонку и без всяких околичностей заявил, что следует как можно скорее выдать Юкико замуж. Да, но я слышала, что в таких случаях помогают уколы, попыталась возразить Сатико. Верно, согласился доктор, инъекции помогают, но у вашей сестры пятно не настолько заметно, чтобы в них была необходимость. Замужество будет для неё самым лучшим лекарством. Итак, написанное в журнале соответствовало действительности.

* * *

— Может быть, ты и расскажешь Итани о результатах обследования? — спросил жену Тэйноскэ.

Хотя Сатико не составляло труда сделать это, она выразила пожелание, чтобы с Итани поговорил муж, — ведь со всеми вопросами относительно здоровья Юкико она обращалась именно к нему. Не то чтобы Сатико была обижена тем, что её обошли, просто вступать в переговоры с Итани после всей этой напрасной суетни с обследованием ей было неприятно. Ну что ж, сказал Тэйноскэ, в таком случае он сам поговорит с Итани, тем более что сумеет сделать это в той самой деловой манере, которая должна ей импонировать.

На следующий день Тэйноскэ позвонил Итани со службы и, рассказав в общих чертах о результатах обследования в клинике, срочным заказным письмом отправил ей рентгеновский снимок и медицинское заключение. Спустя день, около четырёх часов вечера,

последовал ответный звонок Итани: она просила разрешения посетить его через час.

В пять часов, минута в минуту, Итани стояла у него в кабинете. Поблагодарив Тэйноскэ за то, что он с такой готовностью пошёл навстречу их просьбе, она сообщила, что господин Сэгоси, которому она в тот же день передала всё бумаги, чрезвычайно признателен за столь подробное медицинское заключение и в особенности за хлопоты, связанные с рентгеновским обследованием. Теперь он совершенно спокоен, но очень сокрушается, что доставил всем так много беспокойства своей неуместной просьбой… Покончив таким образом с любезностями, Итани перешла к главной цели своего визита.

Дело в том, сказала она, что господин Сэгоси желал бы ещё раз встретиться с госпожой Юкико и побеседовать с ней более обстоятельно. Можно ли рассчитывать на её согласие уделить ему, скажем, час своего времени? Хотя господин Сэгоси — человек солидный, в летах, продолжала Итани, ему свойственна некоторая робость — быть может, оттого, что всю жизнь он прожил холостяком. В прошлый раз он так волновался, что совершенно запамятовал, о чем говорил с госпожой Юкико. Да и госпожа Юкико была очень застенчива. О, разумеется, в её застенчивости нет ничего предосудительного, ведь это их первое знакомство. Но господин Сэгоси полагает, что теперь они смогут поговорить более откровенно. Если госпожа Юкико согласится, Итани считает разумным назначить встречу не в гостинице или ресторане, а в её скромном жилище в Окамото. Так будет лучше, не правда ли? Что же касается времени, то господину Сэгоси удобнее всего было бы следующее воскресенье.

— Как ты думаешь, Юкико согласится? — спросил Тэйноскэ жену.

— Меня больше беспокоит, даст ли своё согласие «главный дом». Ничего ещё не решено, и они могут сказать, что не нужно торопить события.

— Мне кажется, Сэгоси затеял всё это для того, чтобы получше разглядеть пятно.

— Определённо.

— Тогда стоит согласиться! Как раз сейчас пятно исчезло, пусть он сам убедится в этом, нам это только выгодно.

— Верно. Если же мы откажемся от встречи, он подумает, что у нас есть основания прятать Юкико.

На следующий день Сатико решила обсудить этот вопрос со старшей сестрой. Опасаясь, что разговор из дома может быть опять услышан прислугой, она позвонила ей из ближайшего телефона-автомата.

Как Сатико и предполагала, Цуруко выразила недоумение: разве так уж необходимо учащать встречи? Сатико пришлось пять раз опустить монетку, прежде чем сестра вняла её доводам. Возможно, Сатико и права, согласилась она наконец, но самой ей трудно решить, можно ли в нынешних обстоятельствах дать разрешение на эту встречу. Она пообещала посоветоваться с мужем и сообщить о своём решении на следующий день.

Утром Сатико снова поспешила к телефону, чтобы опередить сестру, которая могла позвонить ей домой.

Тацуо не возражает, сказала Цуруко, но при условии, что будут тщательно соблюдены всё приличия. Заручившись, таким образом, согласием «главного дома», Сатико обратилась к Юкико — та без лишних слов выразила готовность встретиться с Сэгоси.

В назначенный день Сатико и Юкико, захватив букет цветов для Итани, отправились в Окамото. Итани пригласила всех к столу, и они вчетвером побеседовали за чашкой чая. Потом Сэгоси и Юкико проводили на второй этаж, а Сатико осталась с Итани внизу. Прошёл условленный час, и только спустя ещё минут сорок Юкико и Сэгоси спустились вниз. Сатико с сестрой откланялись первыми и направились в гостиницу «Ориенталь», чтобы всё спокойно обсудить: Сатико прикинула, что дома их разговору помешает свободная от классов Эцуко.

— Сегодня господин Сэгоси был весьма разговорчив, — сказала Юкико, как только они с Сатико уселись за столик. Да и сама она, как выяснилось, держалась вполне непринуждённо. Прежде всего Сэгоси спросил её об отношениях между сёстрами. Почему Юкико и Таэко большей частью живут в Асии, а не в семье старшей сестры? Соответствует ли действительности то, что в своё время было напечатано о Таэко в газете? Как сложилась её жизнь после этого? Сэгоси расспрашивал её довольно дотошно, и она — конечно, в пределах разумного — постаралась удовлетворить его любопытство,

не сказав при этом ничего такого, что могло бы представить Тацуо в неблагоприятном свете. Выслушав её, Сэгоси вдруг спохватился и сказал, что выйдет несправедливо, если вопросы будет задавать он один. Быть может, Юкико хочет спросить его о чем-либо? Юкико, однако, не нашлась, о чем спрашивать, и тогда Сэгоси принялся рассказывать ей о себе. Ему куда больше импонируют женщины, как он выразился, «классического типа», нежели «современные», вот почему он до сих пор не женат. Он был бы счастлив, если бы Юкико стала его женой, хотя и понимает, что недостоин её, — слова «разница в общественном положении» были повторены им чуть ли не трижды в ходе разговора. Никаких прочных сердечных привязанностей в прошлом у него не было, и всё же он должен сделать Юкико одно признание. В бытность свою в Париже он был помолвлен с француженкой — она служила продавщицей в универмаге. Не вдаваясь в подробности, он сказал, что в конце концов они расстались. После этого его и одолела ностальгия, он сделался приверженцем всего сугубо японского. По словам Сэгоси, об этом его увлечении знает только Фусадзиро, с которым они давние друзья, никому другому он до сих пор ничего не рассказывал. Он просит Юкико поверить ему в том, что его отношения с этой женщиной не выходили за рамки чисто платонических.

Таким в общих чертах был рассказ Юкико. Сатико ни стоило большого труда понять, насколько серьёзны намерения Сэгоси, раз он отважился на подобную откровенность.

На следующий же день Итани позвонила Тэйноскэ и от имени Сэгоси поблагодарила его за любезно предоставленную возможность встретиться с Юкико. Теперь, сказала она, у господина Сэгоси не осталось ни малейших сомнений. Как он вчера убедился, его опасения по поводу пятна на лице у Юкико были совершенно напрасными. Одним словом, ему остаётся лишь ждать решения своей участи. Кстати, полюбопытствовала Итани, в «главном доме» уже навели всё необходимые справки?

Тэйноскэ понимал, что Итани вправе выказывать нетерпение. Со времени её первого разговора с Сатико минуло уже больше месяца, и при этом дважды — один раз в Асии и затем снова во время смотрин в гостинице «Ориенталь» — она выслушивала одну и ту же вежливую просьбу «подождать ещё неделю». Откуда, ей было знать, что Сатико

рассказала сестре и зятю об этом предложении всего только две недели назад? Да и прояви Сатико большую расторопность, всё равно старшие Макиока, с их привычкой к тщательности и осторожности в таких делах, вряд ли уже дали бы ответ.

Конечно, Сатико не следовало поддаваться нажиму со сторон Итани и представлять дело так, будто через неделю всё решится. Ведь в действительности всё обстояло совсем иначе. Выписка из метрической книги, которую запросил «главный дом» на родине Сэгоси, пришла только три дня назад. А сколько времени пройдёт, прежде чем сыскное агентство представит нужные сведения о его семье! Кроме того, если Цуруко с мужем будут склоняться к тому, чтобы дать согласие на этот брак, они наверняка пошлют на родину Сэгоси какого-нибудь своего человека для окончательной проверки.

В этих обстоятельствах Сатико и Тэйноскэ не оставалось ничего иного, как тянуть время. Но Итани была не из тех, кто станет сидеть сложа руки. Она снова побывала в Асии и у Тэйноскэ на службе. «В подобных случаях чем скорее решают, тем лучше, — говорила Итани. — Такую возможность легко упустить». А однажды она как бы ненароком обмолвилась: «Хорошо бы отпраздновать свадьбу ещё до Нового года».

В конце концов, как видно, поняв, что говорить с Сатико и Тэйноскэ бесполезно, Итани позвонила по телефону Цуруко, с которой даже не была знакома. Испуганная Цуруко тотчас же стала звонить в Асию. Сатико невольно улыбнулась, представив себе оторопелое лицо сестры, той самой флегматичной, медлительной Цуруко, которой иной раз требовалось пять минут, чтобы ответить на какой-нибудь неожиданный вопрос. Как выяснилось, Итани всячески убеждала её поскорее принять решение. Ей она тоже сказала, что такие хорошие предложения делаются не часто и медлить с ответом не следует.

14

Тем временем наступил декабрь. И вот в один из дней Сатико позвали к телефону. «Звонит госпожа из Осаки», — доложила прислуга.

— На проверку ушло много времени, зато теперь мы получили всё необходимые сведения о господине Сэгоси. Приеду к вам сегодня и всё расскажу, — сообщила Цуруко. И перед тем, как повесить трубку, добавила: — Боюсь, мой рассказ вас огорчит.

Эта последняя фраза была излишней. Едва услышав голос сестры, Сатико поняла, что вести у неё недобрые. Вернувшись в гостиную, Сатико тяжело вздохнула и опустилась в кресло. Сколько раз со сватовством Юкико получалось именно так: дело доходило до свадьбы, но в последний момент внезапно всё рушилось. Казалось бы, пора уже привыкнуть к этому, и всё же, как ни пыталась Сатико убедить себя в том, что Сэгоси не такая уж блестящая партия, разговор с Цуруко глубоко её огорчил. Если прежде она порой бывала даже рада, когда «главный дом» отклонял то или иное предложение, то на сей раз ей почему-то хотелось, чтобы предложение Сэгоси было принято. В этом сватовстве они с Тэйноскэ играли непривычную для себя роль, быть может, в какой-то мере потому, что ими руководила Итани.

Тэйноскэ, который прежде всегда держался в стороне от подобных переговоров и принимал участие в них лишь постольку, поскольку без его помощи не могли обойтись, в этом сватовстве был едва ли не главным действующим лицом. Да и Юкико вела себя совершенно иначе, чем до сих пор. Она не возражала против смотрин, хотя они и были устроены в такой спешке, согласилась дважды говорить с Сэгоси наедине, не стала противиться, когда ей предложили пройти рентгеновское обследование и показаться дерматологу. Раньше Юкико не была такой покладистой. Выходит, она переменилась? И не потому ли, что её стало тяготить затянувшееся девичество? Или, хотя она и не показывает вида, её беспокоит появившееся на веке пятно? Всё это вместе взятое заставляло Сатико желать, чтобы нынешнее сватовство закончилось свадьбой, верить, что так оно и будет.

До приезда сестры Сатико не переставала надеяться, что ещё не всё потеряно, однако разговор с Цуруко окончательно развеял её иллюзии. Цуруко приехала в Асию днём, пока её старшие дети были в гимназии. К тому же она знала, что в это время Юкико дома не бывает: к двум часам она уходит на урок чайной церемонии.

Сёстры разговаривали в гостиной часа полтора, пока не вернулась из школы Эцуко. Увидев племянницу, Цуруко заторопилась домой, предоставив Сатико и Тэйноскэ самим решать, в какой форме сообщить Сэгоси об отказе.

Рассказала же Цуруко следующее. Как они выяснили, мать Сэгоси, овдовевшая более десяти лет назад, с тех пор неотлучно живёт в старом родовом имении. По слухам, она больна и никогда не выходит из дома. Сын навещает её очень редко, за ней ухаживает её родная сестра, тоже вдова. Считается, что старая дама разбита параличом, но торговцы, которые часто бывают в доме, высказали предположение, что у неё какая-то душевная болезнь. Так, например, она не узнает даже собственного сына. Кое-какие настораживающие намёки сквозили в отчёте сыскного агентства, но, поскольку это были всего лишь намёки, Цуруко с мужем послали туда своего человека, который всё доподлинно разузнал.

Ей и самой очень жаль, что так получилось, сказала Цуруко, ведь со стороны может показаться, что люди из самых благих побуждений стараются устроить счастье Юкико, а они в «главном доме» только и думают, как бы этому помешать. На самом деле это вовсе не так. Теперь они уже не придают былого значения ни знатности, ни богатству. Именно потому, что нынешнее предложение казалось вполне приемлемым, они не посчитались с тратами и послали на родину Сэгоси своего человека. Если бы речь шла о чем-нибудь другом, не беда, но когда, в роду жениха такой недуг, тут уж ничего не поделаешь. «Удивительное дело, — вздохнула Цуруко, — всякий раз, когда появляется возможность устроить судьбу Юкико, возникают совершенно непреодолимые препятствия. Видно, ей и в самом деле не суждено выйти замуж. Недаром говорят, что над женщинами, родившимися в год Овна, тяготеет злой рок».

Едва захлопнулась дверь за Цуруко, в гостиной появилась Юкико. Из запахнутого на груди кимоно у неё выглядывала шёлковая салфетка

для чайной церемонии. Воспользовавшись тем, что Эцуко убежала играть к Штольцам, Сатико сказала сестре:

— Приезжала Цуруко. Я только что её проводила. Сатико помедлила, ожидая какого-нибудь отклика на свои слова, но Юкико по обыкновению молчала.

— Цуруко считает, что мы должны отказать господину Сэгоси.

— Вот как?

— Понимаешь… Мы думали, что его матушка парализована, а оказывается, у неё какое-то психическое расстройство.

— Вот как?

— Поэтому брак с ним невозможен…

— Да, я понимаю.

Во дворе послышался голос Эцуко: «Руми-сан, скорее!» Обе девочки уже бежали по лужайке к дому. Сатико перешла на шёпот:

— Ну вот, главное ты теперь знаешь, а об остальном мы поговорим после.

— Ты уже дома, сестричка? — Эцуко вбежала на террасу и остановилась перед застеклённой дверью гостиной. Вскоре рядом с ней показалась и Роземари. Две пары маленьких ног в кремовых шерстяных носках выстроились в одну линейку.

— Эттян, играйте, лучше, в доме, ветер сегодня холодный, — открыв дверь, как ни в чем не бывало сказала Юкико. — Руми-сан, проходи, пожалуйста.

Итак, разговор с Юкико был уже позади. Теперь предстояло сообщить неприятную весть Тэйноскэ, который, как оказалось, воспринял её куда менее хладнокровно, чем Юкико.

Вернувшись вечером домой и узнав от жены о визите Цуруко, Тэйноскэ даже не пытался скрыть раздражение: ну вот, снова отказ! Ставший с лёгкой руки Итани главным действующим лицом в переговорах о сватовстве, он дал себе слово довести дело до конца и решил, что, если «главный дом» снова выдвинет нелепые доводы о положении и престиже, он сделает всё, чтобы убедить Цуруко с мужем принять предложение Сэгоси. Аргументы он собирался выдвинуть такие: для Сэгоси это первый брак, выглядит он достаточно моложаво для своих лет и поэтому не будет казаться стариком рядом с Юкико и, наконец, вообще безрассудно отклонять это предложение, рассчитывая на что-либо лучшее в будущем.

Тэйноскэ не желал сдаваться даже после того, как Сатико пересказала ему всё, что узнала от Цуруко. Как бы то ни было, возразила Сатико, «главный дом» уже принял решение и не изменит его. И потом, может ли он, Тэйноскэ, взять на себя ответственность за последствия этого шага? Может ли он поручиться, что от человека с дурной наследственностью родятся здоровые дети и что его самого не постигнет участь матери? Тэйноскэ был вынужден признать правоту жены.

Ему вдруг вспомнилось, что в прошлом году, кажется весной, Юкико получила похожее предложение. Сватался некий господин сорока лет, для него это тоже был первый брак, к тому же он располагал солидным состоянием. Всё были очень довольны, но, когда дело дошло до свадьбы, Макиока случайно узнали, что у жениха есть любовница, с которой он вовсе не намеревался порвать, и брал жену лишь затем, чтобы эта связь не повредила его репутации. Свадьбу, разумеется, сразу же отменили.

Почти за всяким предложением, полученным Юкико, скрывалась какая-нибудь неблаговидная или сомнительная история.

Это, разумеется, вынуждало «главный дом» действовать с удвоенной бдительностью, но беда заключалась в том, что, предъявляя к претендентам на руку Юкико непомерно высокие требования, Цуруко с мужем заведомо обрекали всё дело на провал. Как видно, мало кто из богатых женихов, которые до сорока лет остаются холостяками, не имеет какого-нибудь скрытого порока или изъяна.

Вероятно, и Сэгоси до сих пор не женился именно потому, что его мать страдала душевным недугом. Тэйноскэ был далёк от мысли, что Сэгоси намеренно старался их обмануть. Судя по всему, он исходил из того, что семейству Макиока известно истинное, положение вещей, недаром же они так долго и тщательно наводили о нём справки. Возможно, в свои полные самоуничижения слова, о «разнице в общественном положении» и «ничем не заслуженной чести» породниться с домом Макиока он вкладывал чувство признательности за то, что его тем не менее не отвергли.

Тэйноскэ знал, что среди коллег Сэгоси уже разнёсся слух, будто он берёт в жены девушку из прекрасной семьи, и он этого не отрицает. Дошли до Тэйноскэ и разговоры о том, что Сэгоси, всегда подтянутый и деловитый, в последнее время находится в таком взвинченном

состоянии, что не в силах сосредоточиться на работе. Тэйноскэ не мог отделаться от мысли, что своим отказом они нанесут незаслуженную обиду этому достойному человеку. Удар не был бы так тяжёл, начнись и завершись вся эта длинная процедура наведения справок своевременно.

Но сперва Сатико никак не могла собраться поговорить с сестрой, а потом уже «главный дом» тянул с ответом. А между тем — и это прискорбнее всего — Тэйноскэ с женой всё время давали Сэгоси понять, что проверка, по существу, закончена и что за согласием «главного дома» дело не станет. Разумеется, они вовсе не думали лгать — они вели себя так неосторожно лишь потому, что на сей раз были уверены в успехе. В результате же оказалось, что они сыграли с Сэгоси жестокую шутку, и Тэйноскэ понимал, что виноват в этом прежде всего он.

Войдя из дома Макиока на правах приёмного сына, Тэйноскэ положил себе за правило не вмешиваться в матримониальные дела свояčениц, и теперь, при мысли о том, что переговоры о свадьбе Юкико, в которых он впервые принял на себя главную роль, кончились крахом, что своей опрометчивостью он поставил всех в неловкое положение и, возможно, сделал будущность Юкико ещё более безотрадной, он чувствовал себя глубоко виноватым.

Нельзя было сбрасывать со счетов и ещё одно обстоятельство: если отказ со стороны жениха не считается особым позором, то отказ со стороны невесты, сколь бы деликатно он ни был обставлен, наносит жестокое оскорбление чести мужчины. Можно было не сомневаться, что своими отказами Макиока уже успели восстановить против себя не одно честолюбивое семейство. Это и понятно, ведь Сатико, равно как и её старшая сестра, с присущими им беспечностью и неискушённостью в житейских делах, имели обыкновение сначала обнадёживать претендентов, а потом, в самый последний момент, отклоняли предложение. Больше всего Тэйноскэ опасался, что накопившаяся за эти годы обида на их дом помешает Юкико устроить своё счастье.

Но покамест нужно было решить, в какой форме сообщить Сэгоси об отказе. Сатико — в этом не было ни малейшего сомнения — намеревалась устраниться от этой неприятной обязанности, и Тэйноскэ ничего не оставалось, как взять её на себя. Он встретится с Итани и попытается всё ей объяснить. Но что именно он ей скажет?

Беспокоиться о том как воспримет их отказ Сэгоси, было уже бесполезно, но вот Итани обижать не следовало, её услуги могли пригодиться в будущем. К тому же она потратила немало времени и сил на это сватовство. Чего стоили хотя бы её многократные поездки в Асию! У неё было достаточно дел в парикмахерской, и тем не менее она умудрялась выкраивать время для всей этой беготни. Даже если верить слухам, будто устраивать свадьбы — её слабость, обыкновенного великодушия и доброжелательности мало, чтобы подвигнуть человека на такие хлопоты. На одни только поездки на такси, не говоря уже обо всём прочем, она потратила уйму денег. А ужин в гостинице «Ориенталь»! Полагая, что, хотя формально он и был дан от лица Итани, расходы должны поделить между собой стороны жениха и невесты, Тэйноскэ, прощаясь с Итани, выразил готовность сейчас же внести нужную сумму, но та и слушать его не захотела. «Как можно, — сказала она, — ведь это я вас пригласила». Тэйноскэ не стал тогда настаивать. Пока дело дойдёт до свадьбы, рассудил он, придётся ещё не раз прибегнуть к её услугам. Возможно, даже удобнее отблагодарить её за всё сразу.

Но теперь положение изменилось, и дальше откладывать дело было бы уже неприлично.

— От денег она наверняка откажется, — как бы размышляя вслух, сказала Сатико. — Вот что, надо преподнести ей какой-нибудь подарок. Правда, я ещё не знаю какой… Давай поступим так: ты поедешь и поговоришь с Итани, а я посоветуюсь с Цуруко и отвезу ей подарок.

— Ты всегда выбираешь для себя заботы поприятней, — проворчал Тэйноскэ. — Ну да ничего не поделаешь.

На том они и порешили.

15

С наступлением декабря визиты Итани прекратились. Возможно, она почувствовала что-то неладное. В таком случае задача Тэйноскэ облегчалась. Он позвонил Итани по телефону и, предупредив, что хотел бы поговорить с нею с глазу на глаз, попросил позволения посетить её дома.

Вечером, задержавшись на службе позже обычного, Тэйноскэ в условленное время направился прямо в Окамото.

В комнате, куда его провели, горела только настольная лампа с низким зелёным абажуром, и фигура сидящей в кресле Итани тонула в полумраке.

Тэйноскэ был рад, что не видит ясно её лица, — этот пожилой коммерсант был застенчив, точно какой-нибудь начинающий литератор…

— Поверьте, мне было не просто решиться на этот разговор, — начал Тэйноскэ. — Дело в том, что мы получили недостающие сведения о семье господина Сэгоси. Всё было бы хорошо, если бы не болезнь его матушки…

— Что такое? — вскинула голову Итани.

— До сих пор мы считали, что госпожа Сэгоси разбита параличом, но наш посланец выяснил, что у неё душевный недуг.

— Вот оно что? — Голос Итани внезапно сбился на хрипотцу. — Вот оно что… — снова и снова повторяла она, покачивая головой.

Тэйноскэ старался понять, знала ли Итани об этом с самого начала. Странная спешка со сватовством и теперь это её замешательство заставили его предположить, что знала.

— Мне хочется, чтобы вы правильно меня поняли, — продолжал Тэйноскэ. — Я сказал вам всё это отнюдь не из желания в чем-либо вас упрекнуть. Возможно, с моей стороны было бы благоразумнее найти для отказа какой-нибудь безобидный предлог. Но поверьте, я слишком признателен вам за всё, что вы для нас сделали, чтобы считать себя вправе утаить от вас правду…

— Да, да, конечно. Я вас понимаю и ничуть не сержусь. Напротив, это мне полагается принести вам извинения в том, что я поступила

безответственно, не выяснив всего как следует.

— Не нужно так говорить. Мы очень огорчены, что дело приняло такой оборот. Ведь всё вокруг считают, что Макиока из пустой амбиции отвергают самые заманчивые предложения. Мне хочется, чтобы по крайней мере вы знали, что это не так, что на сей раз у нас причина действительно серьёзная. Я надеюсь, вы не станете держать на нас зла и не откажете нам впредь в своей помощи. Могу ли я просить вас сообщить господину Сэгоси об отказе? Я уверен, вы сумеете сделать это с присущим вам тактом.

— Вы очень любезны. Не знаю, поверите вы мне или пот, но я в самом деле ничего не знала о болезни госпожи Сэгоси. Во всяком случае, хорошо, что вы это выяснили. Да, у вас есть всё основания для отказа. Господина Сэгоси, конечно, очень жаль, но я постараюсь, насколько возможно, смягчить удар. В этом вы можете на меня положиться…

Проявленное Итани понимание успокоило Тэйноскэ. Разговор был, по существу, закончен, и он стал прощаться. Итани вышла проводить его в прихожую и снова повторила, что не только не чувствует себя обиженной, но искренне сожалеет о своей оплошности. Она непременно загладит свою вину и в ближайшее время подыщет для Юкико по-настоящему хорошую партию. Тэйноскэ может быть спокоен — она не оставит милую барышню своими заботами. «И супруге своей это передайте, пожалуйста», — твёрдо заявила она напоследок.

Зная, что Итани не из тех, кто сыплет пустыми обещаниями, Тэйноскэ заключил, что этот разговор задел её куда меньше, чем он опасался.

Спустя несколько дней Сатико купила для Итани в осакском универмаге отрез дорогого шёлка на кимоно и отправилась в Окамото.

Не застав Итани дома, она оставила для неё подарок и записку. На следующий день от Итани пришло любезное письмо. Ей очень неловко, писала Итани, принимать столь щедрый дар после того, как она не только не смогла быть им полезной, но своей нерадивостью причинила ненужное беспокойство. Далее следовало заверение в том, что она во что бы то ни стало постарается исправить свою оплошность.

Вскоре после этого, в один из вечеров последней предновогодней недели, у дома в Асии остановилось такси, из которого, как всегда проворно, выскочила Итани. Нет, нет, она не будет раздеваться, она заехала всего лишь на минутку, сказала Итани, впорхнув в прихожую. Сатико лежала в постели с простудой, и встретить гостью вышел уже вернувшийся со службы Тэйноскэ. Он настоял, чтобы Итани вошла в дом.

После обычной в таких случаях беседы о том о сём Тэйноскэ заговорил о Сэгоси:

— Право же, как всё нелепо получилось, такой милый человек, и вот…

— Да, его в самом деле очень жаль…

— Скорее всего, он полагал, что мы с самого начала знали о болезни его матушки, — продолжал Тэйноскэ после паузы.

— По-видимому, да, — согласилась Итани. — Когда я впервые заговорила с ним о госпоже Юкико, он, как ни странно, не выказал особого интереса и позвонил мне лишь месяц спустя. Наверное, именно это заставило его на первых порах проявлять сдержанность.

— В таком случае, — вздохнул Тэйноскэ, — мы тем более виноваты, что напрасно его обнадёживали… И всё-таки, несмотря на неудачный опыт с этим сватовством, мы по-прежнему рассчитываем на вашу помощь.

Итани вдруг понизила голос.

— Если вас не отпугнёт наличие детей, — осторожно сказала она, как бы прощупывая почву, — я могла бы сосватать вам одного человека.

«Так вот зачем она приехала!» — подумал Тэйноскэ.

Человек, о котором хлопотала Итани, возглавлял филиал одного из банков в городке Симоити близ Нары. У него было пятеро детей. Впрочем, старший сын учился в Осаке, а старшая дочь уже достигла брачного возраста, так что из пятерых детей в доме фактически оставалось только трое. О достатке семьи беспокоиться не приходилось: жених слыл одним из самых богатых людей в тех краях.

Упоминания о пятерых детях и маленьком захолустном городке было достаточно, чтобы Тэйноскэ понял полную бессмысленность дальнейших переговоров. Заметив, что это предложение не встретило особого энтузиазма, Итани осеклась:

— Я так и думала, вам это не подойдёт.

По почему же в таком случае Итани решила всё-таки приехать? Не потому ли, что в глубине души досадовала на них и хотела дать им понять: мол, это и есть то самоё предложение, на какое они теперь могут рассчитывать?

* * *

Проводив Итани, Тэйноскэ поднялся к жене. Сатико лежала в постели и, укутав голову полотенцем, вдыхала пар от ингалятора.

— Что, Итани приезжала с новым предложением? — спросила она, вытирая лицо.

— Да… Как ты догадалась?

— Эцуко рассказала.

Во время разговора Тэйноскэ с Итани Эцуко потихоньку прокралась в гостиную и, навострив ушки, уселась было в кресло, но он сразу же выпроводил её, сказав, что детям не место в комнате, где беседуют взрослые. Видимо, девочка продолжала их подслушивать, перейдя в столовую.

— Кто бы мог подумать, что маленькую девочку заинтересует подобный разговор.

— У него в самом деле пятеро детей?

— Эцуко и это тебе сообщила?

— Не только это. Если не ошибаюсь, старший сын учится в Осаке, а старшая дочь уже барышня на выданье.

— Чудеса, да и только! — Тэйноскэ совершенно опешил.

— Этот новый протеже Итани живёт в Симоити и служит директором, тамошнего отделения какого-то банка, так?

— Ну и ну, с детьми надо постоянно держаться начеку.

— Да, теперь мы должны быть особенно осторожны. Хорошо ещё, что Юкико уехала в Осаку.

Издавна повелось, что Юкико и Таэко проводили новогодние праздники в доме старшей сестры в Осаке. Юкико уехала как раз накануне, а Таэко должна была вскоре последовать за нею. Кто знает, чем бы эта история кончилась, задержись Юкико в Асии хотя бы на один день. Тэйноскэ с женой было отчего тревожиться.

Редкую зиму Сатико удавалось избежать бронхита. Напуганная предостережением доктора, что это заболевание может перейти в воспаление лёгких, она даже с небольшой простудой чуть ли не по месяцу проводила в постели. На сей раз, к счастью, инфекция не пошла вглубь, и жар довольно быстро начал спадать.

До Нового года оставались считанные дни. Двадцать пятого декабря, когда Сатико, сидя в постели, листала новогодний номер женского журнала — из осторожности она намеревалась повременить с вставанием день-другой, — к ней в комнату вошла Таэко и сообщила, что уезжает в Осаку.

— Но почему так рано, Кой-сан? — удивилась Сатико. — До Нового года ещё почти целая неделя. В прошлом году ты уехала тридцать первого числа.

— Разве?..

На начало января намечалась третья по счету выставка произведений Таэко, и весь этот месяц она работала в студии с утра до вечера. К тому же, не желая забрасывать танцы, раз в неделю ездила в Осаку на занятия в школе Саку Ямамура.

Сатико казалось, что она целую вечность не виделась с Таэко. Разумеется, она не собиралась удерживать сестру в Асии: в «главном доме», как всегда, ждали к празднику обеих незамужних сестёр.

И всё же столь поспешный отъезд Таэко, которая ещё больше, чем Юкико, не любила бывать в «главном доме», не мог не озадачить её. В своём недоумении Сатико не заходила так далеко, чтобы подозревать, уж не замешан ли здесь Окубата, просто ей было горько сознавать, что самая младшая её сестра, и без того до времени повзрослевшая, с каждым годом всё больше отдаляется от неё.

— К выставке всё готово. Вот я и надумала поехать в Осаку раньше, чтобы каждый день заниматься танцами.

Оправдываться было не в привычке Таэко, но никак не объяснить сестре своего решения она всё же не могла.

— Какой танец ты теперь разучиваешь?

— «Мандзай»,[24] — ведь скоро новогодний праздник. Послушай, ты смогла бы напеть мелодию?

— Сейчас попробую. Кажется, я её ещё помню. Сатико запела:

Звуки напева «Мандзай»
Благоденствие всем даруют!
В счастье и в радости
жить нам сулит, не стареясь,
десятикратно тысячу лет
Новый год, прекрасный, как яшма.
Цун-тэн-тон -
прекрасный, как яшма…

Таэко поднялась и начала было двигаться в такт песне, но вдруг спохватилась:

— Подожди, сестрица, я сейчас… — Она побежала в свою комнату и вскоре вернулась уже переодетая в кимоно, с веером в руке.

…Титцун-титцун-титцун,
девица, девица, девица-краса
в Мияко-столице хвалит свой товар:
«Вот, глядите, рыба и моллюски есть,
покрупней, помельче, на любой вкус».
А рядом у торговца — мимо не пройдёшь!
— парча золотая, алые шелка:
камка, и «паутинка», и шёлк «тиримэп» —
тон-тон-тиримэн, тон-тиримэн…

В детстве Сатико с сёстрами знали эту песенку наизусть, особенно нравилось им напевать «тон-тон-тири-мэн», «тон-тиримэн», как бы подражая звукам сямисэна. Это была единственная из старинных осакских песен, которую Сатико помнила до сих пор, и теперь знакомые слова воскрешали в её памяти дом в Сэмбе, каким он был двадцать лет назад, и бесконечно дорогие лица отца и матери.

В то далёкое время Таэко как раз начала обучаться танцам и в Новый год исполняла «Мандзай», а мать или кто-нибудь из сестёр подыгрывали ей на сямисэне. Сатико словно наяву видела маленькую танцовщицу, которая при словах: «…а в третий день праздника, на утренней заре…» — удивительно милым в своей безыскусности

движением вскидывала вверх правую ручку, дескать, вот оно, рассветное небо…

«Неужели это та самая Таэко? — невольно подумала Сатико, глядя на сестру, кружившуюся с поднятым над головой веером. — Да, давно уже выросли мои маленькие сестрички, но ни той, ни другой до сих пор не удалось выйти замуж. Что-то думают о своих «девочках» родители на том свете?» На глаза у Сатико выступили слезы.

Не пытаясь их сдерживать, она спросила:

— Когда ты вернёшься, Кой-сан?

— Четвёртого.

— Я надеюсь, тогда ты станцуешь для нас, так что выучи «Мандзай» хорошенько. А я постараюсь вспомнить мелодию и буду аккомпанировать тебе на сямисэне.

С тех пор как Сатико и Тэйноскэ поселились в Асии, в Новый год гости у них собирались редко, не то что в былые времена в Осаке, поэтому праздничные дни проходили тихо, по-семейному, и мало чем отличались от всех остальных. Возможно, Сатико с мужем было приятно на некоторое время остаться вдвоём, но Эцуко ужасно скучала и не могла дождаться, когда наконец вернутся Юкико и Кой-сан.

Первого января, после обеда, Сатико достала сямисэн и принялась наигрывать «Мандзай». Она репетировала три дня подряд, так что под конец Эцуко тоже запомнила мелодию и, когда Сатико доходила до заветного «тон-тон-тиримэн, тон-тиримэн», уверенно подтягивала матери.

16

Выставка работ Таэко на сей раз состоялась в Кобэ, в одной из галерей на бульваре. Коикава, и имела большой успех. Она продолжалась три дня, но уже в первый день — и не без содействия Сатико, которая заблаговременно оповестила о ней своих многочисленных знакомых, — на большинстве экспонатов появились таблички с надписью: «Продано».

Сатико приехала в галерею вместе с Юкико и Эцуко в день закрытия выставки к вечеру, чтобы заодно помочь сестре прибрать помещение.

— Эттян, — сказала Сатико, когда с делами было покончено, — сегодня мы вправе рассчитывать, что Кой-сан пригласит нас всех на ужин. Она у нас нынче богатая.

— В самом деле, — поддержала сестру Юкико. — Куда тебе больше хочется, Эттян, — в европейский ресторан или, может быть, в китайский?

— Да, но у меня пока нет наличных денег, — с лукавой усмешкой возразила Таэко.

— Не беда, я дам тебе взаймы, — не сдавалась Сатико. Она знала, что даже за вычетом всех расходов по устройству выставки в руках Таэко окажется довольно значительная сумма. Однако заставить её раскошелиться было не так-то просто. Будь рядом Итани, она наверняка сказала бы, что, не в пример Сатико, её младшая сестра — истинно деловая особа.

— Ну ладно, — в конце концов согласилась Таэко, — раз так, пойдёмте в «Тогаро», там дешевле, чем где бы то ни было.

— Да, наша сестричка скуповата, — улыбнулась Сатико. — А я-то думала, она разорится на ужин в «Ориентале»…

Заведение «Тогаро» состояло из ресторанчика, специализировавшегося на кантонской кухне, и мясной лавки. Когда Таэко вошла с сёстрами и племянницей в небольшой зал, её окликнула какая-то молодая иностранка — она как раз платила по счёту.

— А-а, Катерина-сан, добрый вечер, — приветствовала её Таэко. — Познакомьтесь, пожалуйста. Моя русская приятельница, я

рассказывала, вам о ней… А это мои сёстры.

— Очень приятно. Меня зовут Катерина Кириленко. Я сегодня побывала на вашей выставке. Всё куклы проданы. Поздравляю.

Как только женщина вышла, Эцуко спросила:

— Кто это?

— Ученица нашей Кой-сан, — ответила Сатико. — Я не раз встречала её в электричке.

— Какая красивая!

— А что, эта иностранка любит китайскую еду?

— Она выросла в Шанхае и прекрасно разбирается в китайской кухне, — сказала Таэко. — Она говорит, что лучше всего готовят в таких вот маленьких забегаловках, куда европейцы, как правило, заглядывают редко. А этот ресторанчик, по её словам, лучший в Кобэ.

— Неужели она русская? — спросила Юкико. — Никогда бы не подумала.

— Да, она родилась в России, но училась в английской гимназии в Шанхае, потом служила сестрой милосердия в английском госпитале, потом была замужем за англичанином. Вы не поверите, но у неё даже есть ребёнок.

— Не может быть! Сколько же ей лет?

— Точно не знаю. Наверное, столько же, сколько и мне. А может быть, она даже чуточку моложе…

По словам Таэко, семья русских белоэмигрантов Кириленок — Катерина, её мать и брат — жила неподалёку от её студии в Сюкугаве в крохотном деревянном домике из четырёх комнат. Поначалу знакомство Таэко с Катериной ограничивалось лишь поклонами при встрече, но примерно месяц назад та вдруг появилась у Таэко в студии и сказала, что хочет научиться мастерить японских кукол. Таэко согласилась взять её в ученицы, и та сразу же стала именовать её «госпожой наставницей». Смущённая Таэко просила называть себя просто по имени.

Вскоре между ними завязалась дружба, и Таэко по дороге в студию или домой нередко заходила к Кириленкам. Как-то Катерина сказала, что часто встречает её сестёр в электричке, — «они такие очаровательные, просто загляденье!» — и выразила желание познакомиться с ними.

— На какие же средства они живут?

— У брата есть небольшое дело, что-то связанное с импортом шерсти. Судя по тому, как они живут, его доходы не слишком велики. Катерина же при разводе получила от мужа некую сумму. На эти деньги она и живёт. Насколько я понимаю, брат ей совсем не помогает. Но, как видите, она отнюдь не бедствует.

Разговор о Кириленках продолжался и после того, как были поданы кушанья в металлических тарелках: креветки и суп с голубиными яйцами, которые очень любила Эцуко, утка по-пекински, которой давно мечтала полакомиться Сатико, и много прочих отменно приготовленных блюд.

Таэко рассказала, что дочка Катерины — судя по фотографии, ей года четыре — осталась с отцом, он увёз её в Англию. Таэко не знала, почему Катерина, решила заняться куклами, — то ли ради удовольствия, то ли рассчитывая, что это ремесло станет для неё подспорьем в будущем, — но одно она могла сказать наверное: у неё ловкие руки, цепкий ум и редкое для иностранки умение сочетать цвета и разбираться в узорах японских тканей.

Во время революции, продолжала Таэко, семья Кириленок распалась: Катерину совсем маленькой девочкой увезла бабушка в Шанхай, а её мать и брат оказались в Японии. Брат учился в японской гимназии и без труда читает и пишет по-японски. В отличие от Катерины с её приверженностью ко всему английскому, мать и брат — настоящие японофилы. В доме у них в одной из комнат висят фотографии японской императорской четы, а в другой — портреты Николая II и царицы. Брат Катерины, разумеется, превосходно говорит по-японски, да и Катерина за короткое время научилась довольно сносно изъясняться на нашем языке, но вот понять их матушку, когда она пытается говорить по-японски, очень мудрено.

— О, «бабуся» с её японским абсолютно неподражаема, — продолжала Таэко. — Тут как-то в порыве нежности она хотела сказать мне: «Родная моя!» — но у неё такое невероятное произношение, что я решила, будто она спрашивает, откуда я родом. Я и ответила: «Из Осаки». Только потом до меня дошло, отчего она так странно на меня посмотрела.

Таэко обладала поразительным даром имитации и любила позабавить домочадцев, копируя повадки и манеры знакомых. Вот и

теперь, слушая её, сёстры и племянница покатывались со смеху, живо представляя себе пожилую русскую даму с её причудами.

— Между прочим, эта «бабуся» — весьма образованная особа. У неё даже имеется степень магистра права. К тому же, если, конечно, я правильно её поняла, она свободно говорит по-французски и по-немецки.

— Наверное, прежде она была богата. А сколько ей лет, этой «бабусе»?

— Должно быть, уже за шестьдесят. Но старушкой её никак не назовёшь, держится она очень бодро.

Через несколько дней у Таэко появился новый повод посплетничать с сёстрами о Кириленках. В тот день она ездила за покупками в Кобэ и на обратном пути зашла выпить чаю в кондитерской «Юххайм». Там она и встретила «бабусю» с Катериной. Они как раз собирались на каток, устроенный на крыше кинотеатра «Сюракуэн», и стали звать Таэко с собой. Сначала та отнекивалась: она ни разу в жизни не стояла на коньках, но они убедили её, что это дело нехитрое, и в конце концов Таэко решила попробовать.

Уже через час Таэко каталась вполне сносно, и старшая Кириленко не скупилась на похвалы: мол, у неё истинный талант, просто невозможно поверить, что она впервые надела коньки. Но куда больше собственных успехов Таэко поразила сама «бабуся». Она не только каталась с удивительной в её годы лёгкостью и грацией, но время от времени ещё и выписывала на льду замысловатые фигуры. Находившиеся на катке японцы следили за ней словно зачарованные.

Как-то раз, вернувшись домой довольно поздно, Таэко сказала:

— Нынче я ужинала у Кириленок.

Таэко была удивлена обилием трапезы. Сначала, рассказала она, были поданы закуски, за ними последовало несколько перемен горячих блюд, причём и мясо и овощи подавались в неимоверных количествах. Даже хлеба было несколько сортов. Таэко с избытком хватило одних закусок.

«Благодарю вас, я сыта», — отвечала она всякий раз, когда ей предлагали отведать какое-нибудь очередное блюдо, Кириленки же с недоумением смотрели на гостью и повторяли: «Вы непременно должны попробовать ещё вот это».

Кириленки, в том числе и Катерина с матушкой, с аппетитом поглощали не только еду, но не отказывались и от хмельного.

В девять часов Таэко стала прощаться, но хозяева ни за что не хотели её отпускать. Кто-то принёс карты, и всё сели играть. В одиннадцатом часу снова подали закуски. Таэко не могла даже смотреть на еду, но хозяева с видимым удовольствием наполняли свои тарелки и стопки. Причём пили они как-то по-особенному, одним махом опрокидывая в себя содержимое стопок. «Иначе не получишь полного удовольствия», — объяснили Кириленки.

Блюда, которыми угощали Таэко, не произвели на неё особого впечатления, за исключением разве что супа с клёцками, который чем-то напоминал китайский «ван-тан» или итальянский «равиоли».

Завершая свой рассказ об ужине у Кириленок, Таэко сказала:

— Они просили меня в следующий раз непременно прийти с зятем и сёстрами. Может быть, сходила к ним как-нибудь?

Катерина в то время была увлечена работой над куклой, изображающей молодую девушку со старинной причёской «юйвата»,[25] одетую в нарядное кимоно с длинными развевающимися рукавами и держащую в руке дощечку для игры в волан. Таэко позировала ей, и если Катерина не заставала её в студии, то приезжала к ней домой в Асию.

Постепенно Катерина познакомилась со всеми домочадцами Таэко. Увидев Катерину мельком несколько раз, Тэйноскэ сказал как-то, что таким, как она, место не в Японии, а где-нибудь в Голливуде. Он был явно несправедлив, приписывая Катерине, свойственную янки бесцеремонность. Напротив, по натуре мягкая и доброжелательная, она легко сходилась с японскими женщинами.

Однажды, в День основания Империи,[26] Катерина появилась у ворот дома в Асии вместе с братом. Как объяснила Катерина, они направлялись к водопаду Кодза и по пути решили заглянуть к ним. В дом Кириленки заходить не стали, а прошли через сад на террасу, где выпили по коктейлю и с полчаса побеседовали с Тэйноскэ.

— Ну что же, теперь нам осталось познакомиться с «бабусей», — шутливо заметил Тэйноскэ, проводив гостей.

— В самом деле, — отозвалась Сатико. — Правда, после рассказов Кой-сан у меня такое чувство, будто я давно уже с ней знакома.

17

Поначалу Тэйноскэ и Сатико не восприняли всерьёз идею визита к Кириленкам. Однако рассказы Таэко чем дальше, тем больше разжигали их любопытство, да и отвечать отказом на всё новые и новые приглашения русского семейства становилось неудобно. Наконец в один из мартовских дней, когда, несмотря на приход весны, всё ещё держится прохладная погода, они отправились в гости к Кирилёнкам. Те ждали к себе всю семью Макиока, но из опасения, что они могут задержаться допоздна, Эцуко пришлось оставить дома, а Юкико, как всегда, вызвалась присмотреть за нею.

В нескольких кварталах от станции «Сюкугава» выстроившиеся вдоль дороги особняки уступили место рисовым полям, за которыми виднелся густо поросший соснами холм. У подножия этого холма, в окружении нескольких скромных построек европейского типа, стоял дом Кириленок. Он был самым маленьким из всех, но, пожалуй, и самым красивым, точь-в-точь как на картинке из какой-нибудь книги сказок.

Катерина встретила гостей у входа и провела их в дальнюю из двух смежных комнат первого этажа. Здесь было так тесно, что, когда всё четверо уселись вокруг чугунной печурки — гости на диване и в единственном кресле, а хозяйка на венском стуле, — они не могли пошевельнуться, не рискуя задеть трубу дымохода или что-нибудь на столике поблизости.

Наверху, судя по всему, были спальные комнаты, а внизу, помимо двух комнат, имелась ещё крохотная кухонька. Соседняя комната, не более просторная, чем та, где сейчас находились гости, по-видимому, служила столовой. Тэйноскэ пытался представить себе, как они вшестером сумеют поместиться за столом.

Очевидно, Катерина была дома одна. Где же брат? Где знаменитая «бабуся»? Тэйноскэ знал, что у европейцев принято ужинать позже, чем у японцев. Быть может, они совершили оплошность, не уточнив, к какому часу их ждут, и пришли слишком рано? Но даже когда за окнами сгустились сумерки, в доме было по-прежнему тихо и ничто не указывало на приближение ужина.

— Взгляните, пожалуйста, моя первая работа… — Катерина протянула руку к треугольной этажерке, на которой стояла фигурка девочки-танцовщицы.

— Неужели вы сами смастерили эту куколку?

— Да. Разумеется, Таэко-сан тщательно руководила мною.

— Обратите внимание на пояс, — сказала Таэко зятю. — Не думайте, что этот узор подсказала Катерине я. Она сама его придумала и сама раскрасила материю.

На тёмной ткани пояса со свободно свисавшими концами были изображены фигурки японских шахмат сёги. Эту идею Катерина, скорее всего, позаимствовала у брата.

— Посмотрите, пожалуйста. — Катерина достала, альбом с шанхайскими фотографиями. — Это мой бывший муж. А это — моя дочь.

— Прелестная девочка. И похожа на вас.

— Вы так считаете?

— Да, конечно, она вылитый ваш портрет. Должно быть, вы очень тоскуете по ней.

— Моя дочь в Англии, и я лишена возможности её видеть. Что делать…

— А вы знаете, где именно в Англии она живёт? Вы смогли бы её разыскать, если бы поехали туда?

— Не знаю. Но мне хочется её увидеть. Может быть, я поеду повидаться с ней.

Катерина говорила без всякой аффектации, совершенно спокойным тоном.

Тем временем Тэйноскэ и Сатико заметно проголодались. Они тайком посматривали на часы и обменивались недоуменными взглядами. Воспользовавшись наступившей в разговоре паузой, Тэйноскэ спросил:

— А что ваш брат? Он сегодня задерживается?

— Мой брат всегда приходит поздно.

— А ваша матушка?

— Она уехала в Кобэ за покупками.

— А-а, вот оно что…

Вероятно, «бабуся» отправилась за съестными припасами, но, когда часы пробили семь, а её всё ещё не было, супруги начали

теряться в догадках. Таэко, уговорившая сестру и зятя пойти с ней в гости, невольно чувствовала себя виноватой и уже не таясь поглядывала на пустой обеденный стол в соседней комнате. Катерина же, казалось, ничего не замечала. Она то и дело поднималась, чтобы подсыпать угля в печурку, до того крохотную, что топливо сгорало в ней почти мгновенно. Гости старательно искали всё новые и новые темы для разговора — молчание только усугубляло ощущение голода. Однако, несмотря на всё их старания, в беседе всё чаще наступали заминки, и тогда им ничего не оставалось, как прислушиваться к гудению огня в печурке.

В комнату, толкнув носом дверь, вошёл пёс, по виду пойнтер, но явно не чистых кровей. Протиснувшись между ног сидящих, он растянулся подле печурки и положил морду на передние лапы.

— Борис! — окликнула его Катерина, но пёс и не подумал покинуть облюбованное им место, только лениво поднял голову и взглянул на хозяйку.

Пытаясь хоть чем-нибудь занять себя, Тэйноскэ нагнулся и принялся гладить пса по спине. Так прошло ещё около получаса.

— Катерина-сан, — неожиданно заговорил Тэйноскэ. — Быть может, мы неверно вас поняли?

— Что вы имеете в виду?

— Кой-сан, вероятно, произошла какая-то ошибка и мы ставим Катерину-сан в неудобное положение. Наверное, нам пора откланяться.

— Да нет, не могло быть никакой ошибки, — возразила Таэко. — Катерина-сан…

— Да?

— Катерина-сан… Нет, спроси лучше ты, Сатико. Я не знаю, как это сказать…

— Кой-сан права, твой французский сейчас может оказаться как нельзя кстати, — обратился к жене Тэйноскэ.

— Катерина-сан говорит по-французски, Кой-сан?

— По-моему, нет. Но она превосходно знает английский.

— Катерина-сан, I… am afraid, — неуверенно начал Тэйноскэ, — you were not expecting us to-night.

— Но почему? — удивлённо воскликнула Катерина по-английски. — Мы пригласили вас именно на сегодняшний вечер.

В голосе Катерины звучал укор.

Как только пробило восемь часов, Катерина поднялась и направилась в кухню. Послышался звон посуды. Она быстро накрыла на стол и уже через несколько минут пригласила гостей в столовую.

Стол был сплошь уставлен закусками (и когда только она успела всё приготовить?): копчёная лососина, анчоусы, сардины в масле, ветчина, сыр, крекеры, кулебяка с мясом, хлеб разных сортов. При виде всех этих появившихся словно по волшебству яств гости сразу воспрянули духом и принялись за еду с поспешностью, едва, согласующейся с правилами хорошего тона. Катерина ловко справлялась с обязанностями хозяйки, она следила за тем, чтобы тарелки гостей не оставались пустыми, и вскоре им уже пришлось потихоньку скармливать оставшуюся еду Борису, который благоразумно забрался теперь под стол. Катерина между тем заварила чай и разлила его по чашкам.

Неожиданно хлопнула входная дверь, и Борис ринулся в переднюю.

— Это, наверное, «бабуся», — шепнула Таэко.

Нагруженная свёртками «бабуся» проскользнула прямо в кухню, в столовой же появился Кириленко-брат вместе с каким-то господином лет пятидесяти.

— Добрый вечер. Извините, мы сели за стол без вас…

— Пожалуйста, пожалуйста… — произнёс Кириленко, потирая руки. Для европейца он выглядел, пожалуй, несколько низкорослым и щуплым. Его узкое, почти как у актёра Кабуки, лицо раскраснелось на холодном ветру. Он сказал Катерине несколько слов по-русски, из которых Тэйноскэ и его спутницы поняли только одно: «мамочка».

— Я встретил маму в Кобэ, и мы приехали вместе. А это — Вронский, мой друг, — сказал Кириленко, похлопав по плечу стоявшего рядом с ним мужчину. — Таэко-сан, если не ошибаюсь, вы с ним уже знакомы.

— Да. Позвольте представить вам моего зятя и сестру.

— Господин Вронский… — раздумчиво проговорил Тэйноскэ. — Насколько я помню, эта фамилия встречается в «Анне Карениной».

— А вы читали Толстого?

— Всё японцы читают Толстого и Достоевского, — сказал Кириленко.

— Кой-сан, откуда ты знаешь господина Вронского — полюбопытствовала Сатико.

— Он живёт здесь неподалёку в меблированных комнатах. Господин Вронский очень любит детей. Его здесь всё знают и за глаза зовут не иначе как «господин Люблю-детей».

— Он женат?

— Нет. Видишь ли, там была какая-то печальная история…

В облике Вронского было что-то трогательно-ласковое. Глядя на него, невольно думалось, что он и в самом деле должен любить детей. С улыбкой, от которой в уголках его печальных глаз собирались морщинки, он молча слушал, как сёстры разговаривают о нём. Ростом он был выше Кирилёнки, но худощавая фигура, смуглая, словно от длительного пребывания на солнце, кожа, густые волосы с проседью и чёрные глаза делали его чем-то похожим на японца. Внешность его вызывала представление о дальних плаваниях, его вполне можно было принять за бывалого моряка.

— Почему вы не привели с собой Эцуко-сан? — спросил Кириленко.

— Ей нужно делать уроки…

— Какая жалость! А я обещал господину Вронскому, что сегодня у нас в гостях будет прелестная девочка.

— Если б мы знали…

В этот миг вошла «бабуся» и обратилась к гостям:

— Очень рада вас видеть… А почему нет ещё одной сестры Таэко-сан и маленькой девочки?

«Бабуся» говорила в точности так, как изображала Таэко. Тэйноскэ с женой старались не встречаться с Таэко взглядом, чтобы ненароком не рассмеяться.

Хотя в доме Макиока с лёгкой руки Таэко старшую Кириленко называли не иначе как «бабусей», она вовсе не походила на тучных европейских женщин, каких они привыкли видеть в Японии. Глядя на её статную фигуру, на её стройные ноги в туфельках на высоких каблуках, на её походку, быструю, лёгкую, даже порывистую, можно было без труда представить себе сцену на катке, которую так ярко живописала Таэко. О её возрасте напоминали лишь несколько отсутствующих зубов да покрытое сетью морщинок лицо с одрябшей

кожей на щеках и подбородке. Но при всём, при том издали ей никак нельзя было дать больше сорока.

«Бабуся» убрала со стола пустую посуду и расставила тарелки с принесённой ею снедью: устрицами, икрой, маринованными огурцами, свиной, куриной и ливерной колбасами и опять-таки хлебом разных сортов. Появились новые бутылки с водкой, пивом и графинчики с подогретым сакэ,[27] которое здесь почему-то наливали не в чарки, а в пивные бокалы. «Бабуся» с Катериной пили только сакэ.

Как и предвидел Тэйноскэ, за столом всё не уместились. Катерина ела стоя, прислонясь к камину, которым, судя по всему, не пользовались. «Бабуся» без конца сновала из кухни в столовую и обратно и лишь иногда, как бы между делом, подходила к столу, и, протянув из-за чьей-нибудь спины руку, наполняла свою тарелку или бокал. Вилок и ножей на всех не хватило, поэтому Катерина брала закуски прямо рукой. Всякий раз, замечая на себе взгляд кого-нибудь из гостей, она слегка краснела, поэтому Тэйноскэ и его спутницы старались не смотреть в её сторону.

— Не ешь устриц, — шепнула Сатико мужу: их цвет показался ей несколько подозрительным.

Очевидно, устрицы были куплены не в каком-нибудь солидном магазине, а на рынке поблизости. Русские, однако, поглощали их не раздумывая.

Тэйноскэ, который весь вечер пил вперемешку пиво, водку и сакэ, порядком захмелел и говорил много громче обычного.

— Что это? — спросил он, указывая на фотографию рядом с портретом царя.

— Это дворец в Царском Селе, неподалёку от Петрограда, — объяснил Кириленко. В его семье не признавали названия Ленинград.

— О-о, знаменитое Царское Село…

— Наш дом стоял вблизи Царскосельского дворца, — вклинилась в разговор «бабуся». — Я чуть ли не каждый день видела, как государь в коляске выезжает из ворот. Я даже слышала его голос…

— Мамочка, — перебил её Кириленко и попросил повторить эту фразу по-русски, после чего пояснил гостям: — Мама хотела сказать, что коляска с государем проезжала, так близко, что ей казалось, будто она слышит его голос. Но, как бы то ни было, мы действительно жили

рядом с Царскосельским дворцом. Впрочем, всё это я помню весьма смутно, в ту пору я был ещё ребёнком…

— А Катерина-сан?

— Я и подавно ничего не помню, я даже ещё не ходила в школу.

— В соседней комнате у вас висят портреты японского императора и императрицы. Позвольте полюбопытствовать почему?

— Вполне понятно, — с неожиданной торжественностью проговорила «бабуся». — Потому что мы, русские белоэмигранты, пользуемся здесь их покровительством.

— Это чувство разделяют всё белоэмигранты, они надеются, что Япония до конца останется верна идеалам борьбы с коммунизмом, — произнёс Кириленко.

— Кстати, как вы полагаете, что будет с Китаем? Похоже, что там в скором времени одержат победу коммунисты?..

— Гм, видите ли, я плохо разбираюсь в политике, однако, мне думается, очень скверно, что отношения между Японией и Китаем испортились.

— А что вы скажете о Чан Кайши? — включился в беседу Вронский, до той поры молча вертевший в руках пустой стакан, — И о событиях в Сиани в декабре прошлого года? Чжан Сюэлян взял в плен Чан Кайши,[28] но сохранил ему жизнь. Почему?

— Гм, мне кажется, в газетах об этом писали далеко не всё…

Тэйноскэ внимательно следил за международными событиями и имел о них достаточно полное представление, разумеется, в той мере, в какой они освещались в печати.

Однако осторожность подсказывала ему, что по нынешним временам лучше не говорить лишнего, тем более в беседе с иностранцами, у которых неизвестно что на уме. Но если Тэйноскэ интересовался политикой как бы вчуже, то для людей, потерявших родину и обречённых жить на чужбине, всё эти вопросы были далеко не праздными.

Какое-то время русские говорили между собой. Вронский, как видно лучше других осведомлённый в международных делах, обстоятельно излагал свою точку зрения, остальные слушали. Разговор шёл по-японски, но временами, затрудняясь подобрать нужное слово, Вронский переходил на русский, и тогда Кириленко принимал на себя роль переводчика. «Бабуся» оказалась заядлой спорщицей и постоянно

вступала в полемику с мужчинами. Она так увлеклась спором, что совершенно забывала связывать слова между собой, и понять её не могли ни японцы, ни русские.

— Мамочка, скажи это по-русски, — то и дело просил Кириленко.

Вдруг по какой-то не вполне ясной для гостей причине между «бабусей» и Катериной возникла размолвка. Началось с того, что «бабуся» неодобрительно отозвалась об англичанах, их политике и нравах. Катерина с запальчивостью принялась ей возражать.

— Да, я родилась в России, но росла на чужбине, в Шанхае, и кто же мне помогал? Англичане. Они дали мне образование, не взяв с меня ни гроша. Потом я работала сестрой милосердия в госпитале, и жалованье мне опять-таки платили англичане. За что же ты их коришь?

— Ты ещё слишком молода, чтобы это понять, — парировала «бабуся».

Они спорили так рьяно, что Кириленке и Вронскому пришлось вмешаться, покуда дело не дошло до настоящей ссоры.

— Право, не знаю, что с ними делать, — вздохнул Кириленко, — как заговорят об Англии, так стычка.

Он предложил перейти в другую комнату и сыграть в карты, после чего гостей снова пригласили к столу.

* * *

— Осторожнее, не споткнись, — сказала Сатико мужу, когда они, уже в двенадцатом часу ночи, пробирались к станции по неосвещённой тропинке среди рисовых полей.

— До чего же тут хорошо на свежем воздухе!

— Знаешь, поначалу я совсем растерялась. В доме одна Катерина, на столе никакой еды, а у меня, честно сказать, подводит живот от голода…

— Да, а потом вдруг появились всё эти закуски. Я чуть не лопнул… И как только русские умудряются столько есть? По части хмельного я, пожалуй, не уступлю, что же до еды, то тут мне за ними никак не угнаться.

— «Бабуся» была в восторге, что мы пришли. Теснота такая, что повернуться негде, а они обожают принимать гостей.

— Видимо, они здесь чувствуют себя одиноко, вот и стремятся дружить с японцами.

— Я хотела рассказать вам о господине Вронском, — донёсся из темноты голос Таэко — она шла чуть позади.

— В молодости он пережил ужасную трагедию. Любил одну девушку, но во время революции потерял её. И вот через несколько лет Вронский узнал, что она в Австралии. Он отправился туда, разыскал её, но вскоре она заболела и умерла. Он не смог её забыть. Так и остался холостяком.

— Вот оно что. Впрочем, я так и подумал, что жизнь у него была нелёгкая.

— В Австралии он ужасно бедствовал, одно время даже работал простым шахтёром. Потом завёл какое-то дело и разбогател. Говорят, сейчас у него капитал в пятьсот тысяч иен. Я слышала, что в своё время он ссудил Катерининому брату довольно крупную сумму.

— Какой чудесный аромат! — воскликнула Сатико.

— Где-то поблизости цветёт гвоздичное дерево.

Теперь они уже шли по дороге мимо выглядывавших из-за живой изгороди особнячков.

— Значит, через месяц распустится сакура. Скорее бы!

— Мне тоже хочется, чтобы это было скорее, — откликнулся Тэйноскэ, стараясь подражать манере «бабуси».

18

В двадцатых числах марта почтальон вручил Сатико письмо от её школьной подруги, по мужу г-жи Дзимба. В конверте была фотография мужчины, приклеенная к листку плотной бумаги, на оборотной стороне которого она прочитала следующее:

Минокити Номура,
родился 9 августа 1893 г.
Постоянный адрес: префектура Хёго,
город Химэдзи, Татэмати, дом № 20.
Нынешнее местопребывание:
город Кобэ, район Нада, Аодани,
четвёртый квартал, дом № 559.
Образование: в 1916 г. Окончил
сельскохозяйственный факультет
Токийского имперского университета.
Род занятий: специалист в области
морского промысла, Управление
земледелия и лесоводства, префектура Хёго.
Семейное положение и ближайшие родственники:
в 1922, г. женился на Норико Танака,
от этого брака имел сына и дочь.
Дочь умерла в возрасте трёх лет.
Жена умерла в 1935 г. от инфлюэнцы.
Сын умер в 1936 г. в возрасте тринадцати лет.
Родители умерли много лет назад. Есть сестра,
её фамилия по мужу — Ота. Проживает в Токио.

В ноябре прошлого года Сатико случайно встретила г-жу Дзимба у моста. Сакурабаси в Осаке. Речь зашла о Юкико. «Ваша сестра всё ещё не замужем!..» — удивилась г-жа Дзимба, и Сатико попросила свою давнюю приятельницу дать ей знать, если та услышит о какой-нибудь подходящей партии. На том они и расстались. Тогда Сатико

была почти уверена, что Юкико станет женой Сэгоси, и сказала это просто так, к слову, по г-жа Дзимба, как оказалось, приняла, её просьбу всерьёз.

Вначале от г-жи Дзимба пришло письмо, в котором она осведомлялась о делах Юкико. В прошлый раз, писала г-жа Дзимба, разговор с Сатико застал её врасплох, но теперь у неё есть вполне конкретное предложение. Дело в том, что у некоего г-на Номуры, двоюродного брата, г-на Дзёкити Хамады, президента компании "Кансай дэнся", не так давно умерла жена и г-н Хамада обратился к ней с просьбой найти для вдовца невесту. Г-жа Дзимба сразу же подумала о Юкико. Хотя её муж не знаком с г-ном Томурой лично, он не сомневается, что, раз за него хлопочет сам г-н Хамада, это во всех отношениях достойный человек. К письму она сделала приписку, из которой следовало, что фотографию г-на Номуры она посылает отдельно. На оборотной стороне фотографии они-де найдут всё необходимые данные о г-не Номуре и, основываясь на них, смогут выяснить всё интересующие их подробности. Если это предложение покажется им достойным внимания, она готова в любое время представить друг другу жениха и невесту. Разумеется, подобные вещи полагается обсуждать с глазу на глаз, но ей не хотелось показаться излишне навязчивой, и поэтому она решила для начала написать Сатико.

Фотография пришла на следующий день.

Сатико тотчас же отправила приятельнице благодарственное письмо.

Наученная горьким опытом, теперь она решила действовать осторожно, не связывая себя никакими опрометчивых обещаниями. Она от всего сердца благодарна г-же Дзимба за заботу и участие, писала Сатико, но просит подождать с ответом месяц-другой. Дело в том, что не так давно очередное сватовство окончилось неудачей и душевное состояние сестры требует чуточку повременить с новым предложением. Они не смеют допустить ни малейшей оплошности и поэтому оставляют за собой право прибегнуть к любезности г-жи Дзимба лишь после того, как наведут всё необходимые справки о г-не Номуре. Г-жа Дзимба знает, что Юкико давно уже миновала пору, когда принято выходить замуж, и ей, Сатико, было бы очень жаль, если бы на сестру обрушились новые переживания.

Одним словом, Сатико написала подруге откровенно всё, как есть. Они с Тэйноскэ решили, что на сей раз сами без всякой спешки разузнают о г-не Номуре всё до мельчайших подробностей. Если у них не возникнет никаких сомнений, они посоветуются с «главным домом» и только потом сообщат обо всём Юкико.

Итак, план действий был намечен, но, откровенно говоря, Сатико не горела желанием приниматься за его осуществление. Пока они почти ничего не знали о Номуре, не знали даже, каково его финансовое положение. Но и те немногие сведения, которыми они располагали, наводили Сатико на мысль, что Номура значительно проигрывает по сравнению с Сэгоси. Начать с того, что он на два года старше Тэйноскэ. Далее: он уже был однажды женат, хотя в данном случае это, может быть, и не столь важно, поскольку дети от первого брака умерли. И, наконец, главное, что смущало Сатико: у Номуры, если судить по фотографии, внешность старого, дряхлого человека. Нет, Юкико вряд ли согласится выйти за него замуж.

Конечно, по фотографии судить трудно, думала Сатико, но, коль скоро она предназначалась для невесты, можно предположить, что в жизни он выглядит если и не старше, то, во всяком случае, не моложе.

Сатико давно примирилась с мыслью, что мужем Юкико может стать человек вполне заурядной внешности и вовсе не молодой, но представить себе, как во время свадебной церемонии сестра будет обмениваться чарками сакэ с немощным стариком, а они с Тэйноскэ будут стоять потупившись, не смея взглянуть в глаза собравшимся родственникам, было свыше её сил. Уж если Юкико не суждено выйти замуж за человека во всех отношениях блестящего, неужели она не вправе рассчитывать хотя бы на то, что её супруг будет энергичным, мало-мальски здоровым и привлекательным! Одного взгляда на фотографию Номуры было довольно, чтобы у Сатико опустились руки. Прошла неделя, а она всё не могла заставить себя взяться за дело.

Неожиданно ей пришло в голову, что, просматривая почту, Юкико могла обратить внимание на конверт с почтовым штампом «Фото».

Если так, она, конечно же, догадалась, что от неё что-то скрывают. Сатико имела всё основания полагать, что неудачное сватовство не могло пройти для сестры бесследно, и поэтому решила повременить с разговором о предложении Номуры. Но ведь Юкико не знала, какими соображениями руководствуется сестра, и могла превратно

истолковать её молчание. Сатико пришла к выводу, что необходимо как можно скорее показать Юкико фотографию Номуры и заодно посмотреть, какова будет её реакция, ведь в конечном счёте решать придётся именно ей.

Однажды, когда Сатико, намереваясь отправиться за покупками в Кобэ, одевалась у себя в комнате, к ней вошла Юкико.

— Послушай, Юкико, я получила фото… — Не дожидаясь вопроса сестры, Сатико выдвинула ящичек комода и достала фотографию Номуры. — Вот. Прочти, что написано на обороте.

Юкико молча взяла фотографию, мельком взглянула на неё, затем принялась читать.

— Кто это прислал?

— Помнишь госпожу Дзимба? Мы вместе учились в школе. Её девичья фамилия — Имаи…

— Да, помню.

— Как-то раз я встретила её в Осаке, мы разговорились, зашла речь о тебе, и я попросила её дать мне знать, если она услышит о какой-нибудь подходящей партии. Как видишь, она отнеслась к моей просьбе со вниманием.

Юкико молчала.

— С ответом нас никто не торопит. Честно говоря, я не собиралась сообщать тебе об этом предложении до того, как мы наведём всё необходимые справки, но мне не хотелось, чтобы ты думала, будто от тебя что-то скрывают. Вот я и решила тебе показать…

Юкико молча положила фотографию на полку и вышла на веранду.

— Не придавай этому большого значения, — сказала Сатико, глядя на стоявшую к ней спиной Юкико. — Если по фотографии этот человек тебе не нравится, давай считать, что сегодняшнего разговора между нами не было. Но навести соответствующие справки мне всё-таки придётся, чтобы не обидеть госпожу Дзимба.

— Сатико… — Юкико повернулась к сестре и попыталась улыбнуться. — Я прошу тебя впредь ничего от меня не утаивать. Мне гораздо легче, когда я знаю, что происходит…

— Хорошо.

— И ещё одна просьба… Пожалуйста, не назначайте смотрины до тех пор, пока о женихе не будет выяснено всё, всё до конца. Об

остальном можешь не беспокоиться.

— Хорошо. Я рада, что всё-таки решилась поговорить с тобой.

Закончив сборы и пообещав вернуться к ужину, Сатико спустилась вниз. Юкико повесила домашнее кимоно сестры на вешалку, аккуратно сложила пояс и снова вышла на веранду. Облокотись о перила, она в глубокой задумчивости глядела в сад.

Ещё сравнительно недавно эта часть Асии была сплошь покрыта лесами и полями. Обживать эти края начали лишь в двадцатых годах. Сад рядом с долгом Сатико был хоть и невелик, но хранил следы первозданной красоты тех мест.

В нём, должно быть, ещё с незапамятных времён стояли три могучие сосны, а слева, поверх деревьев на соседнем участке, виднелись раскинувшиеся вдали горы Рокко. Всякий раз, возвращаясь из Осаки в Асию, Юкико ощущала себя словно заново родившейся. Веранда, откуда сейчас глядела Юкико, выходила на газон и цветочные клумбы, позади которых простирался искусственный сад, воспроизводящий в миниатюре горный пейзаж:[29] по склону покрытой камнями горки стелились ветки кустарника кодэмари с мелкими белыми цветочками, спускаясь вниз к столь же миниатюрному пруду. Правый его берег украшали деревце сакуры и сиреневый куст.

Сакуру посадили года три назад по настоянию Сатико. Она не раз говорила: хорошо бы посадить хотя бы одно деревце сакуры, тогда можно будет любоваться её цветами[30] прямо у себя в саду. Каждую весну Сатико неизменно ставила под этим деревцем складной стульчик или расстилала ковёр, но любоваться, в сущности, было нечем: деревце приживалось плохо и почти не давало цветов. Зато сирень неизменно радовала глаз пышными благоуханными кистями белоснежных соцветий. Чуть левее высились сандаловое дерево и платаны, ещё не одевшиеся листвой, а за ними тянулись кусты чубушника. Мадам Цукамото, француженка, у которой Юкико с сестрой брали уроки французского языка, как-то, гуляя в саду, остановилась перед чубушником и сказала, что у неё такое чувство, будто она вдруг очутилась на родине. По её словам, чубушник очень распространён во Франции, но в Японии это большая редкость. Чубушник зацветал в одно время с кустарником ямабуки,[31] посаженным возле флигеля, где помещался кабинет Тэйноскэ, — уже

после того, как отцветала сирень, но пока на нём едва-едва начали проклёвываться первые листочки.

Позади зарослей чубушника тянулась проволочная сетка, отгораживающая участок Штольцев, вдоль которой росло несколько платанов. Под одним из них на залитой неяркими лучами вечернего солнца траве играли Эцуко с Роземари. Со второго этажа Юкико могла без труда разглядеть их кукол и игрушечную мебель — кроватку, шкафчик, стулья, стол. Увлечённые игрой, девочки не подозревали, что на них кто-то смотрит. Юкико отчётливо слышала их голоса.

— Это папа, — сказала Роземари, беря в руки куклу, одетую в брюки и курточку. — А это — мама.

Девочка прижала кукол друг к другу и громко чмокнула губами. Юкико хоть и не сразу, но всё же догадалась: это означало, что папа с мамой поцеловались.

— Ребёночек родился! Ребёночек родился! — весело закричала Роземари, извлекая из-под юбки «мамы» куколку поменьше.

Юкико слышала, что у европейцев принято говорить детям, будто младенцев приносит в клюве аист и оставляет на ветке дерева. Но Роземари, как видно, этому не верила. С трудом удерживая улыбку, Юкико украдкой наблюдала за игрой девочек.

19

Много лет назад, во время свадебного путешествия в Хаконэ, Тэйноскэ, помнится, весело рассмеялся, когда на его вопрос, какую рыбу Сатико любит больше всего, она сказала: «Морского окуня». Ему показалось забавным, что вкус жены не отличается оригинальностью. Но Сатико возразила, что и по виду, и по вкусу это самая японская из всех рыб и, если японец не любит окуня, он попросту не японец. Сатико явно гордилась своим кансайским происхождением:[32] лучших окуней, как известно, вылавливают у берегов Осаки и, если следовать её логике, этот город служит воплощением всего истинно японского. Точно так же, когда речь зашла о её любимом цветке, Сатико не раздумывая назвала сакуру.

Начиная с времён «Кокинсю»[33] поэты сочинили несметное множество стихотворений, воспевающих цветущую сакуру. Из века в век поэты писали, в сущности, об одном и том же — о взволнованном ожидании первых цветов и о грусти при виде того, как они осыпаются. В юности эти стихотворения оставляли Сатико равнодушной, даже докучали ей своим однообразием. Но с годами чувства, запечатлённые в старинных пятистишиях, перестали казаться ей пустой поэтической фантазией и всякий раз пробуждали живой отклик в её душе.

Вот уже который год Сатико с мужем, дочерью и сёстрами отправляются весной в Киото любоваться цветущей сакурой. Эти поездки стали своеобразной традицией в их семье. Иной раз, правда, Тэйноскэ или Эцуко по той или иной причине не удавалось поехать вместе со всеми, но пока ещё не было случая, чтобы хоть одна из сестёр осталась дома.

Зрелище цветущей сакуры всегда томило Сатико смутной печалью, рождая мысли о недолговечной красоте цветов и об уходящей юности своих сестёр. И с каждым разом она всё чаще ловила себя на мысли, что, может статься, это её последняя поездка с ними — Юкико на будущий год наверняка уже не будет рядом… Судя по всему, сходные чувства испытывали и её сёстры. Хотя созерцание цветущей сакуры не приводило их в такой трепет, как Сатико, они получали большое, удовольствие от самой поездки и начинали

готовиться к ней чуть ли не за месяц, ещё с праздника Омидзутори,[34] обсуждая, какое кимоно, какой пояс и какое хаори наденет каждая из них.

Но вот подходило время, и в доме Сатико все с нетерпением ждали сообщения из Киото о предполагаемом начале цветения сакуры. Для удобства Тэйноскэ и Эцуко поездку нужно было приурочить непременно к субботе и воскресенью, и всякий раз сестёр охватывало беспокойство: не опадут ли к тому времени цветы? Стоило подуть ветру или пройти дождю, как они испытывали те самые чувства, которые некогда казались Сатико пустой поэтической фантазией.

Впрочем, чтобы полюбоваться сакурой, совсем не обязательно ехать в Киото. С таким же успехом это можно было сделать в Асии или, уж если на то пошло, сидя у окна в идущей в Осаку электричке. Но Сатико и в голову не могло прийти такое. В своих пристрастиях она была бескомпромиссна: если уж лакомиться окунями, считала она то только теми, что выловлены в бухте Акаси, если уж наслаждаться красотой сакуры, то только в Киото.

В прошлом году Тэйноскэ взбунтовался: скучно-де каждый год ездить в одно и то же место — и повёз их к мосту Кинтайкё, но Сатико осталась недовольна — у неё было такое чувство, будто она забыла сделать что-то очень важное. Она не переставала сетовать по этому поводу до тех пор, пока не уговорила Тэйноскэ поехать в Киото, надеясь застать хотя бы цветение поздней сакуры в Омуро.

По обыкновению, приехав в Киото в субботу вечером, они отправлялись ужинать в ресторан «Хётэй» неподалёку от храма Нандзэндзи,[35] затем, поглядев на весенние танцы гейш (этого зрелища они никогда не пропускали), шли любоваться цветами сакуры при свете фонарей в парке храма Гион,[36] после чего возвращались в гостиницу на улице Фуя-тё.

На следующий день они совершали прогулку от Саги до Арасиямы, там, облюбовав какой-нибудь чайный домик, съедали захваченный с собой завтрак и после полудня возвращались в город, чтобы успеть полюбоваться сакурой в парке храма Хэйан. На этом, собственно, их путешествие и заканчивалось, правда, иногда Сатико и Тэйноскэ, отправив сестёр и Эцуко домой, задерживались в Киото ещё на день.

Посещение храма Хэйан они всегда откладывали напоследок, потому что тамошняя сакура была самой великолепной во всём Киото. Теперь, когда знаменитая плакучая сакура у храма Гион состарилась и цветы на ней год от года становились всё более блёклыми, увидеть киотоскую весну во всей её красе можно было, пожалуй, лишь в парке храма Хэйан.

Макиока приходили сюда к вечеру, в тот час, когда солнце заходит, на землю опускаются сумерки и когда особенно остро ощущается грусть расставания с чем-то особенно тебе дорогим. Утомлённые за день, они тем не менее долго бродили по парку, не пропуская ни одного цветущего дерева на берегу пруда, у моста, на повороте дорожки, перед галереей. Впечатлений от этой поездки им хватало на весь год, до наступления следующей весны, стоило закрыть глаза, и они как бы снова воочию видели нежный цвет лепестков и причудливый изгиб ветвей…

Вот и в нынешнем году Макиока отправились в Киото в одну из суббот в середине апреля. На Эцуко было прошлогоднее нарядное кимоно из узорчатого шёлка с длинными рукавами. Привыкшая к европейской одежде, девочка чувствовала себя в нём не очень удобно, тем более что с прошлого года она заметно выросла. Точно так же стесняли её и лакированные сандалии. Она старалась ступать осторожно, чтобы сандалии не соскакивали при ходьбе, а подол кимоно не отгибался. Лицо девочки, слегка подкрашенное по случаю праздника, выражало крайнюю сосредоточенность. Однако во время ужина в ресторане «Хётэй», когда семейство расположилось в отдельном кабинете с верандой, девочка забылась, и из распахнувшегося кимоно выглянули её голые коленки. «Поглядите на Эцуко, — улыбнулся кто-то из взрослых, — не девочка, а настоящая разбойница!»

За ужином Эцуко снова дала близким повод для смеха. То ли потому, что она ещё не научилась держать как следует палочки для еды и пользовалась ими неловко, по-детски, то ли потому, что ей мешали длинные рукава, но, когда девочка попыталась ухватить с блюда скользкую луковицу, та упала на пол, скатилась по веранде в сад и затерялась где-то во мху.

* * *

На следующее утро всей семьёй отправились к пруду Хиросава. Там, под склонившейся к самой воде сакурой, Тэйноскэ фотографировал своих спутниц, позаботясь о том, чтобы в кадр попали простёршиеся вдали горы. С этим деревом у них были связаны особые воспоминания.

Несколько лет назад здесь к сёстрам подошёл какой-то незнакомец и попросил разрешения их сфотографировать. Сделав несколько снимков, он вежливо откланялся, пообещав прислать фотографии, если они окажутся удачными. Сатико дала ему свой адрес и действительно дней через десять получила по почте обещанные фотографии. Среди них особенно хороша была одна, запечатлевшая Сатико с Эцуко на фоне подёрнутого рябью пруда. Мать и дочь, сфотографированные со спины, стояли под сенью сакуры и глядели на воду. Всё на этой фотографии, начиная с двух неподвижных фигур, словно зачарованных раскинувшимся перед ними пейзажем, и кончая лепестками цветов, отчётливо выделявшимися на ярком кимоно Эцуко, было проникнуто какой-то удивительной поэтической грустью.

С тех пор всякий раз, приезжая весной в Киото, они неизменно приходили сюда и фотографировались под заветным деревом на берегу пруда.

Чуть поодаль, у окаймляющей пруд дорожки, стояло ещё одно дерево, мимо которого Сатико не могла пройти равнодушно, — великолепная камелия, усыпанная ярко-алыми цветами. Полюбовавшись ею, семейство направилось к пруду Осава, постояло на его берегу, и, миновав ворота храмов Дайкакудзи, Сэйрёдзи и Тэнрюдзи, они вышли к мосту Тогэцу — Лунная Переправа. Здесь, как всегда в эту пору, было многолюдно. В толпе выделялась группа кореянок в ярких одноцветных одеждах. Многие из них изрядно захмелели от выпитого по случаю праздника сакэ и вели себя более шумно, чем это подобает женщинам.

В прошлом году Макиока выбрали для полуденной трапезы сад перед павильоном Великого Милосердия, Дайхикаку, а в позапрошлом — один из чайных домиков у моста. На сей раз они решили расположиться вблизи храма Всепобеждающего Закона, Хориндзи, известного тем, что сюда каждый год в весеннюю пору приходят тринадцатилетние подростки, чтобы попросить благословения у бодхисатвы Кокудзо. Покончив с завтраком, они вернулись к мосту

Тогэцу, а затем надумали посетить и бамбуковую рощу у храма Небесного Дракона, Тэнрюдзи.

— Эттян, помнишь сказку о воробье с отрезанным язычком? — сказала Сатико. — Он жил здесь.

Когда Макиока добрались до обители «Удаление от мирской суеты», неожиданно подул прохладный ветер, и с деревьев на них посыпались лепестки сакуры. Потом они снова вернулись к храму Чистой Прохлады, Сэйрёдзи, а оттуда уже на поезде — к мосту Тогэцу. Немного передохнув, они сели в такси и поехали в город, к храму Хэйан.

Всякий раз, когда сёстры входили в ворота этого храма, у них замирало сердце: какой они увидят плакучую сакуру у Западной Галереи, известную своей красотой даже за границей? Не отцвела ли она уже? И каждый раз у них вырывался восторженный возглас при виде огромного облака ярко-розовых лепестков, застывшего на фоне вечернего неба.

Это был кульминационный момент их двухдневной поездки, дарующий радость, которую они весь год будут лелеять в своих сердцах. «Ну вот и хорошо, нам удалось увидеть сакуру в полном цвету, — думали сёстры, — пусть так будет и на следующий год».

Сатико по обыкновению размышляла ещё и о том, что в следующем году они придут сюда уже без Юкико. Цветы распустятся, как и прежде, но Юкико с ними уже не будет… Но как ни печалилась Сатико о предстоящей разлуке с сестрой, она от всего сердца желала, чтобы эта разлука наступила скорей. Противоречивые чувства уже не первый год переполняли Сатико, когда она стояла под этими деревьями, и всякий раз ей казалось невероятным, что Юкико и на сей раз с ними. Ей становилось так больно за сестру, что она боялась встретиться с ней взглядом.

В глубине парка деревья сакуры уступали место клёнам и дубам с едва прорезавшимися молодыми листочками и кругло подстриженным кустам олеандров. Пропустив своих спутниц вперёд, Тэйноскэ с фотоаппаратом следовал за ними, время от времени останавливая их для памятного снимка в том или ином заветном месте: на поросшем ирисами берегу пруда «Белый Тигр», на камнях переправы через пруд «Голубой Дракон» (их одежды так живописно отражались в воде!), под сенью великолепной сакуры, тянувшей свои ветви к тропе на западном

берегу пруда «Фениксово Гнездо». Как всегда, находилось немало желающих сфотографировать эту живописную группу. Люди вежливые сначала спрашивали у сестёр разрешения, другие же щёлкали фотоаппаратом без спроса.

Макиока бережно хранили воспоминания о своих прежних поездках в Киото. Вот здесь, в этом чайном домике у пруда «Фениксово Гнездо», они пили чай, а отсюда, с моста, кормили красных карпов. И тотчас же у них появлялось желание повторить всё снова.

— Мамочка, посмотри — невеста! — вдруг воскликнула Эцуко.

Из храма только что вышла свадебная процессия и двигалась но дорожке, окружённая толпой зевак, желавших увидеть, как невеста будет садиться в автомобиль. Макиока стояли слишком далеко и не могли хорошенько разглядеть невесту — они лишь мельком увидели её белый головной убор «цунокакуси»[37] и яркий свадебный наряд. Впрочем, им и прежде не раз приходилось встречать новобрачных у этого храма. Сатико всегда с каким-то щемящим чувством старалась поскорее уйти вперёд, но Юкико и Таэко оставались и, смешавшись с весело гомонившей толпой, спокойно ждали выхода невесты, а потом рассказывали, какая она собой и как одета…

На сей раз Сатико с Тэйноскэ вновь решили задержаться в Киото ещё на день. На следующее утро они отправились в женский монастырь Фудоин на горе Такао, который воздвиг старый Макиока в пору своего благоденствия, и провели несколько безмятежных часов с престарелой настоятельницей, обмениваясь воспоминаниями о покойном отце. Клёны, которыми славятся эти места, ещё не успели одеться молодой листвой, лишь на айвовом дереве в саду лопнули первые почки. Любуясь этим строгим пейзажем, столь подобающим монастырскому уединению, супруги с удовольствием потягивали свежую родниковую воду.

Было ещё светло, когда они спустились вниз, к подножью горы, и оказались у храма Ниннадзи в Омуро. Хотя тамошняя сакура ещё не расцвела, Сатико уговорила мужа зайти на территорию храма — передохнуть под этими знаменитыми деревьями и заодно полакомиться кусочками поджаренного соевого творога с приправой из весенних трав. Как ни соблазнительно было задержаться здесь подольше, пришлось поторопиться, чтобы не опоздать на поезд. В

начале шестого они были уже на вокзале, сожалея о том, что на этот раз им не удалось наведаться ни в Ясэ-Охару, ни в Киёмидзу.[38]

Несколько дней спустя, когда, проводив мужа на службу, Сатико по обыкновению стала прибирать у него в кабинете, на глаза ей попался густо исписанный лист бумаги. На полях карандашом было набросано стихотворение:

Саге, апрельским днём

Красавицы в праздничных одеяньях
собираются в Саге, близ Киото,
где вишни в полном цвету.

Когда-то, ещё в гимназические годы, Сатико увлекалась поэзией, а в последнее время под влиянием мужа стала записывать в блокнот свои стихи. Пробежав глазами стихотворение Тэйноскэ, она вспомнила строчки, которые начали было складываться у неё в голове во время любования сакурой в парке храма Хэйан. Она взяла карандаш и, немного подумав, рядом со стихотворением мужа написала своё:

В храме Хайан при виде
опадающих цветов сакуры

Лепестки отцветающих вишен
в рукав кимоно я спрячу —
о весне уходящей память…

В тот вечер Тэйноскэ ничего не сказал Сатико по поводу этого поэтического экспромта, да и сама она успела о нём забыть. Но на следующее утро, снова прибирая в кабинете, Сатико обнаружила, что муж чуточку подправил её стихотворение:

Пусть вишнёвые лепестки

на моём кимоно сохранятся —
о весне уходящей память…

20

Было воскресенье. Тэйноскэ и Сатико собирались снова поехать в Киото, на сей раз для того, чтобы полюбоваться молодой листвой.[39] Но с утра Сатико нездоровилось, и поездку пришлось отложить. Во второй половине дня Тэйноскэ решил поработать в саду.

Когда Макиока переехали в этот дом, газона в саду не было. Прежний хозяин предупредил их, что почва здесь каменистая и сеять траву бессмысленно, но Тэйноскэ всё же решил попробовать. Газон, правда, получился худосочный, с залысинами, и покрывался травой значительно позже, чем на других участках.

Однако Тэйноскэ не собирался сдаваться и работал с удвоенной энергией. Как выяснилось, немалый вред газону причиняли воробьи: они склёвывали только что пробившиеся стебельки. Поэтому каждый год с наступлением весны Тэйноскэ почти всё свободное время проводил в саду, гоняя воробьёв камешками. Такого же усердия он требовал и от своих домочадцев.

«Ну вот, опять пришла пора метания камней», — подтрунивали над ним свояченицы. В солнечные дни, как этот, Тэйноскэ надевал соломенную шляпу, рабочие шаровары и выходил в сад полоть сорняки или подстригать газон.

— Тэйноскэ, осторожней, пчела, огромная пчела!

— Где?

— Полетела в твою сторону.

Сатико сидела на террасе под камышовым навесом в плетёном кресле. Пчела пролетела у неё над плечом, покружила над стоящими в вазе пионами и с громким гудением устремилась в сад, к клумбе с белыми и оранжевыми лилиями. Увлечённый работой, Тэйноскэ углубился в заросли бамбука и шелковицы у ограды, так что Сатико видела лишь его соломенную шляпу, мелькавшую в просветах между кустами.

— Пчела что! Тут от комаров не знаешь куда деваться! Они ухитряются кусать даже сквозь перчатки.

— Довольно, Тэйноскэ, за один день всего не переделаешь. Хватит, а то устанешь.

— Когда, втянешься в работу, трудно остановиться… Скажи лучше, почему ты не в постели?

— Решила посидеть немного на воздухе. Когда я лежу, мне совсем худо.

— Что значит «совсем худо»?

— Голова тяжёлая… Подташнивает… Слабость… Как бы мне не расхвораться.

— Что за вздор! Просто у тебя сдали нервы… Ну вот, пожалуй, на сегодня всё.

Зашелестели листья бамбука, Тэйноскэ распрямился, отбросил в сторону нож, которым срезал подорожник, снял перчатки и, смахнув тыльной стороной ладони пот со лба, с удовольствием потянулся. Затем подошёл к водопроводному крану рядом с клумбой и сполоснул руки.

— Нет ли у нас какого-нибудь средства против комаров? — спросил Тэйноскэ, почёсывая зудящие запястья.

— О-Хару, подай, пожалуйста, «Москитон», — крикнула Сатико.

В ожидании «Москитона» Тэйноскэ принялся обрывать увядшие лилии.

Ещё несколько дней назад эти лилии были великолепны, а теперь поникли и выглядели убого. Особенно белые: пожелтели, словно старая бумага. Он оборвал всё пожухлые лепестки, а затем и тычинки, торчавшие наподобие усов.

— Возьми «Москитон», — послышался голос Сатико.

— Сейчас иду, — откликнулся Тэйноскэ, всё ещё продолжая работать. Наконец он поднялся на террасу. — Вели подмести у клумбы.

Принимая из рук жены баночку с мазью, Тэйноскэ вдруг внимательно заглянул ей в глаза.

— А ну-ка, выйди на свет.

Солнце уже садилось, и под навесом стало темно. Тэйноскэ подвёл жену к краю террасы, освещённому лучами заходящего солнца.

— Та-ак, у тебя жёлтые глаза.

— Жёлтые?

— Да, белки явно пожелтели.

— Что бы это значило? Желтуха?

— Возможно. Ты ела что-нибудь мясное?

— Ты же знаешь, вчера я ела бифштекс.

— Тогда всё ясно.

— Да, да, тогда ясно, почему меня всё время подташнивает. Конечно, это желтуха.

Только что, поймав на себе пристальный взгляд мужа. Сатико испугалась, но теперь, поняв, что его взволновали всего-навсего её пожелтевшие глаза, она не только успокоилась, но даже, как ни странно, повеселела.

— А жар у тебя есть? — Тэйноскэ потрогал лоб жены. — Если есть, то небольшой. И всё-таки тебе лучше прилечь. А я вызову доктора Кусиду.

Проводив жену на второй этаж, Тэйноскэ сразу же направился к телефону.

* * *

Клиника доктора Кусиды находилась неподалёку от станции «Асиякава». Опытный врач и превосходный диагност, доктор Кусида в этих местах был, что называется, нарасхват. Каждый день до одиннадцати вечера он объезжал больных, иной раз даже не заглядывал домой, чтобы поужинать. Застать его в клинике было не просто — в случае надобности Тэйноскэ связывался по телефону с его ассистенткой и через неё передавал свою просьбу. При этом, если, конечно, речь не шла о чем-то очень серьёзном, у него никогда не было уверенности, что доктор приедет сразу или вообще приедет в тот же день. Поэтому, вызывая врача по телефону и рассказывая о состоянии заболевшей жены или дочери, Тэйноскэ взял себе за правило несколько сгущать краски. Так он поступил и в этот день, но время близилось уже к десяти часам вечера, а доктора всё не было.

— Похоже, сегодня мы доктора не дождёмся. Около одиннадцати, однако, возле их дома остановилась машина.

— Да, несомненно, это желтуха.

— Вчера я съела большой бифштекс.

— Вот вам и результат переедания. Пейте каждый день бульончик из моллюсков, и всё пройдёт.

Со своими пациентами доктор Кусида держался просто, без всякой чопорности. Вечно спешащий, он быстро осмотрел больную и тут же удалился.

Несколько дней кряду Сатико не покидала своей комнаты. Не то чтобы болезнь причиняла ей особые страдания, однако и здоровой она себя не чувствовала. Как это часто бывает в преддверии сезона дождей, стояла гнетущая пасмурная погода, и это усугубляло недомогание Сатико. К тому же ей запретили принимать ванну. Она без конца меняла липкие от пота ночные кимоно и просила О-Хару протирать ей спину смоченным в спирте полотенцем. Как-то к ней в комнату зашла Эцуко.

— Что это за цветок, мама? — спросила девочка, указывая на стоящую в нише вазу.[40]

— Мак.

— Я его боюсь.

— Боишься? Почему?

— Когда я на него смотрю, мне кажется, что он затягивает меня куда-то внутрь.

— Вот оно что…

Всё эти дни Сатико пребывала в состоянии смутного беспокойства: что-то явно угнетало её, а что именно — непонятно. Да, Эцуко права. Виной всему именно цветок. Насколько хороши маки в поле, настолько единственный поставленный в вазу цветок способен произвести неприятное, даже зловещее впечатление, И впрямь возникает такое чувство, будто он «затягивает куда-то внутрь».

— Подумать только, — сказала Юкико, — у меня было в точности такое же ощущение, только я не умела выразить его словами, как Эттян.

Юкико поспешила убрать злополучный цветок и вместо него поставила в вазу ирисы и лилии. Но и эти цветы не радовали Сатико, поэтому она попросила мужа повесить в нише свиток с каким-нибудь умиротворяющим душу стихотворением. Тэйноскэ выбрал пятистишие Кагавы Кагэки[41]«Ливень в горах», хотя, строго говоря, оно не вполне соответствовало сезону:

Над пиком Атаго

спустилась завеса ливня.
От дождя помрачится скоро
гладь реки
Киётакигава.

Перемена в убранстве комнаты, видимо, оказалась благотворной, во всяком случае, на следующий день Сатико почувствовала себя лучше.

В четвёртом часу у входной двери раздался звонок. О-Хару поднялась наверх и сообщила хозяйке:

— Вас спрашивает госпожа Ниу. С ней ещё две дамы… госпожа Симодзума, если я верно поняла, и госпожа Сагара.

Будь г-жа Ниу одна, Сатико пригласила бы её к себе наверх. Она уже давно не виделась с этой своей приятельницей — та дважды приезжала в Асию в её отсутствие. Но вместе с ней пожаловали г-жа Симодзума, с которой Сатико была едва знакома, и вовсе неведомая ей г-жа Сагара…

Если бы Юкико смогла выйти к ним! Но нет, на это рассчитывать не приходилось — Юкико не способна вести беседу с незнакомыми людьми. Сослаться же на нездоровье и выпроводить г-жу Ниу после двух её бесплодных попыток повидать Сатико было бы верхом неприличия. И потом — Сатико томилась вынужденным бездельем.

Поразмыслив, Сатико велела О-Хару проводить дам в гостиную и предупредить, что она не вполне здорова и потому заранее просит извинения за свой вид. Отправив служанку, Сатико бросилась к зеркалу и принялась торопливо накладывать пудру на бледное, осунувшееся лицо. Прошло, однако, не менее получаса, прежде чем она вышла к гостьям.

— Знакомьтесь, пожалуйста. Это — госпожа Сагара, — сказала г-жа Ниу, кивнув в сторону по-европейски одетой дамы, — моя школьная подруга. Она недавно вернулась из Лос-Анджелеса: её супруг служит в пароходной компании.

— Очень приятно, — отозвалась Сатико, сразу же пожалев о своём согласии принять неожиданных посетительниц. Ей с самого начала не хотелось появляться неприбранной перед незнакомой дамой,

но она никак не могла предположить, что та будет одета с таким изыском.

— Нам сказали, что вы нездоровы. Что с вами?

— Желтуха. Если вы приглядитесь, то увидите, что белки глаз у меня жёлтые.

— О, в самом деле.

— Сразу видно, что вам нездоровится, — поспешила вставить г-жа Симодзума.

— Сегодня мне уже лучше.

— Как жаль, что мы вас побеспокоили. Госпожа Ниу, это ваша вина. Нам не следовало проходить дальше прихожей.

— Нет уж, дорогая, это ваша вина. Видите ли, Сатико, госпожа Сагара вчера приехала ко мне погостить. Она никогда прежде не бывала в этих краях, и я должна показать ей местные достопримечательности. Я спросила, что она хочет увидеть, и она ответила: типичную осакскую даму.

— В каком смысле типичную?

— Ну, не знаю. Типичную во всех отношениях. Я долго думала и в конце концов выбрала вас.

— Право…

— А коль скоро выбор пал на вас, вам — хоть вы и нездоровы — придётся побеседовать с нами. Да, чуть не забыла… — Г-жа Ниу направилась к стульчику у пианино, где лежали завёрнутые в фуросики[42] две коробки с огромными помидорами, и, достав их, подала Сатико. — Это вам от госпожи Сагара.

— Какие чудесные помидоры! Где вам удалось разыскать такие?

— Они растут на огороде у госпожи Сагара. Таких вы нигде не купите.

— Конечно, нет. А где вы живёте, госпожа Сагара?

— В Камакуре. Впрочем, хотя мы вернулись из-за границы ещё в прошлом году, дома я провела от силы два месяца.

Даже эту нехитрую фразу г-жа Сагара умудрилась произнести на удивление манерно. Сатико мысленно рассмеялась, представив себе, как забавно могла бы воспроизвести её интонации Таэко.

— После возвращения на родину вы путешествовали?

— О нет, лежала, в больнице.

— Вот как? Что же с вами случилось?

— Нервное расстройство.

— Болезнь, от которой страдает госпожа Сагара, зовётся «пресыщение», — вступила в разговор г-жа Симодзума. — Впрочем, полежать в больнице «Святого Луки» не так уж плохо.

— Да, больница расположена, на берегу залива, и там довольно приятно, особенно в летнюю пору. Но, видите ли, рядом находится рыбный рынок, и временами оттуда доносится невыносимая вонь. И потом, эти колокола в Хонгандзи — они просто-таки оглушают.

— Неужели после того, как храм перестроили на весьма странный лад, там по-прежнему звонят колокола? — спросила г-жа Ниу.

— Уверяю вас, звонят, — со свойственным ей жеманством ответила г-жа Сагара.

— Да, и так громко, будто воет сирена, — подхватила г-жа Симодзума.

— К тому же там неподалёку есть ещё и христианская церковь, где тоже звонят, — продолжала г-жа Сагара.

— А не пойти ли мне сестрой милосердия к «Святому Луке»? — вздохнула г-жа Симодзума. — Как вы считаете?

— Почему бы и нет, — коротко отозвалась г-жа Ниу.

Сатико слышала, что семейная жизнь у г-жи Симодзума не задалась, и почувствовала, что эти слова были сказаны ею неспроста.

— Кстати, — снова заговорила г-жа Ниу, — я слышала, что при желтухе, полезно класть под мышки рисовые колобки.

— Право же, дорогая, — недоуменно вскинула брови г-жа Сагара, щёлкнув зажигалкой, — где только вы наслушались этого вздора?

— Говорят, если при желтухе подержать под мышками рисовые колобки, они становятся жёлтыми.

— Фи, они такие липкие! — воскликнула г-жа Симодзума. — Макиока-сан, надеюсь, вы не испробовали на себе это средство?

— Нет, впервые о нём слышу. Мне велели пить бульон из моллюсков.

— Как бы то ни было, — заключила г-жа Сагара, — желтуха отнюдь не из самых разорительных болезней.

Судя по подарку, который гостьи преподнесли Сатико, они рассчитывали получить приглашение на ужин. Но до ужина оставалось целых два часа, и занимать гостей всё это время было бы выше сил для Сатико. Она всегда чувствовала себя неуютно в

обществе столичных дамочек вроде г-жи Сагара, бесцеремонных, самоуверенных франтих. Хотя Сатико могла, когда нужно, без особого напряжения объясниться на токийском диалекте, она почему-то робела перед г-жой Сагара. Точнее, в самом токийском говоре в тот день для Сатико было что-то отталкивающее, и она намеренно его избегала.

Г-жа Ниу, всегда разговаривавшая с Сатико на осакском диалекте, видимо, в угоду г-же Сагара сегодня изъяснялась исключительно по-токийски, и потому обычной непринуждённой беседы с ней не получалось. Разумеется, не было ничего удивительного в том, что, уроженка Осаки, г-жа Ниу свободно говорит на столичном диалекте, — она училась и долгое время потом жила в Токио. И всё же за многие годы их дружбы Сатико никогда не видела её такой. Куда подевалось обычное простодушие г-жи Ниу! Как она закатывала глаза, как кривила губы, каким вычурным жестом подносила сигарету ко рту! Возможно, всё эти ужимки были всего лишь необходимым дополнением к её токийскому говору, но г-жа Ниу сразу же упала в глазах Сатико.

В другое время Сатико скорее вытерпела бы любые неудобства, чем показала своё неудовольствие, но сегодня у неё не было сил выносить болтовню посетительниц, она чувствовала себя утомлённой, разбитой, и это не могло укрыться от их внимания.

— Госпожа Ниу, мне кажется, нам пора откланяться, — наконец догадалась г-жа Симодзума и поднялась.

Сатико не сделала попытки удержать посетительниц.

21

Болезнь Сатико была не особенно тяжёлой, но тянулась довольно долго. Уже наступил сезон дождей, когда она стала наконец выздоравливать.

Как-то днём в эту пору позвонила Цуруко — справиться о её самочувствии и заодно сообщить ошеломляющую новость: Тацуо назначили директором токийского филиала банка и в скором времени им предстоит переезд в Токио.

— Подумать только! Когда же вы едете?

— Тацуо должен приступить к своим обязанностям уже со следующего месяца. Пока что он едет один, а мы присоединимся к нему позже — когда он наймёт дом. Но так или иначе, до конца августа, мы переедем, ведь детям нужно в школу…

Даже по телефону Сатико уловила, волнение в голосе сестры.

— Давно ли встал вопрос о переводе?

— Для нас это полная неожиданность. Тацуо и сам до последнего дня ничего не знал.

— У вас так мало времени… Как вы поступите с домом?

— Об этом мы ещё даже не думали. Разве нам могло когда-нибудь прийти в голову, что придётся переезжать в Токио?

Когда звонила Цуруко, разговор всегда затягивался надолго. Уже, казалось бы, собравшись повесить трубку, она вдруг начинала всё сначала. Битых полчаса она плакалась по поводу того, как трудно покидать город, где она безвыездно прожила тридцать шесть лет. И родственники, и сослуживцы мужа, говорила Цуруко, наперебой поздравляют их, и никто не желает понять, каково у неё на сердце.

Стоит ей заикнуться о своих переживаниях, как всё тотчас поднимают её на смех: нельзя, мол, быть такой старомодной! Она и сама пытается убедить себя, что едет не куда-то в неведомую страну и не в глухую провинцию. Ей предстоит жить в столице, там, где находится резиденция самого императора. Чего же тут, казалось бы, расстраиваться? Но при одной мысли о том, что придётся распрощаться с Осакой, где прошла вся её жизнь, ей становится горько, хоть плачь. А всё над ней смеются, даже, дети.

Слушая сестру, Сатико и сама мысленно посмеивалась над ней, и всё же чувства Цуруко были ей понятны.

После смерти матери именно на плечи Цуруко легли заботы об отце и младших сёстрах когда же отца не стало, а сёстры выросли, у неё уже была своя семья, дети, и она вместе с мужем билась над тем, чтобы поправить пошатнувшееся положение семьи. Из всех сестёр на её долю выпало больше всего испытаний, но, воспитанная в стародавних традициях, она и по сей день сохраняла черты выросшей взаперти барышни.

По нынешним временам трудно представить себе сравнительно состоятельную жительницу Осаки, которая, дожив до тридцати шести лет, ни разу не побывала бы в Токио. Спору нет, осакские женщины разъезжают куда меньше, чем, скажем, столичные жительницы, поэтому и Сатико, и её младшим сёстрам редко доводилось путешествовать дальше Киото. И всё же каждая из них раз, а то и два побывала в Токио — хотя бы со школьной экскурсией.[43] У Цуруко же, смолоду обременённой заботами о доме, не было времени для таких поездок. К тому же она искренне верила, что ни один город на свете не может сравниться с Осакой. Лучшим актёром Кабуки она считала осакскую звезду Гандзиро, а самыми изысканными ресторанами — «Харихан» и «Цурую». Не имея ни малейшего желания посещать незнакомые места, она охотно уступала эту возможность сёстрам, сама же с удовольствием оставалась дома.

Дом Цуруко на улице Уэхоммати был типично осакским домом старинной постройки. Уже из ворот в высокой ограде можно было увидеть его обитый деревянной решёткой фасад. Из прихожей через весь дом тянулся коридор, ведущий на задний двор. В комнатах даже днём царил полумрак, и лишь лучи предзакатного солнца, проникавшего из палисадника, тускло поблёскивали на отполированных временем столбах. Сатико не могла бы с уверенностью сказать, когда был построен этот дом. Возможно, ещё при её деде или даже прадеде.

В прежние времена здесь, надо думать, жили на покое удалившиеся от дел старики Макиока либо младшие дети, обзаведшиеся семьями. Незадолго до смерти отец перебрался сюда из Сэмбы — в купеческой среде стало считаться дурным тоном жить в том же доме, где находится магазин. Таким образом, Сатико с

младшими сёстрами прожила в осакском доме не так уж долго, но ещё детьми им случалось несколько раз гостить здесь у родственников, и к тому же именно здесь умер их отец. Неудивительно, что с этим домом у всех сестёр были связаны совершенно особые воспоминания. Сатико подозревала, что любовь Цуруко к Осаке тоже во многом объясняется именно этим, и, хотя сентиментальность сестры казалась ей смешной, при известии о предстоящем отъезде Цуруко из Осаки у неё защемило сердце.

Бывало, в разговорах Сатико с младшими сёстрами то и дело слышалось: «До чего же мрачный и неуютный дом!», «Я там не могу выдержать и трёх дней!», «И как только Цуруко живёт в этом склепе!». Но теперь, после телефонного разговора, Сатико поняла: лишиться этого дома навсегда всё равно, что лишиться собственных корней.

То, о чем сообщила Цуруко, назревало уже давно. После того как Тацуо принял решение продать унаследованный от тестя магазин в Сэмбе и вернулся на службу в свой банк, его в любой момент могли перевести в другой город. Цуруко прекрасно понимала, что когда-нибудь ей придётся уехать из Осаки, но ни она сама, ни её сёстры не задумывались об этом всерьёз.

Впрочем, лет восемь или девять назад встал вопрос о переводе Тацуо в Фукуоку. Сославшись на семейные обстоятельства, он попросил оставить его на прежнем месте, пусть даже с тем же жалованьем, и руководство банка пошло ему навстречу.

С тех пор с Тацуо больше не заговаривали о переводе — в банке, видимо, считались с его положением главы одной из старейших осакских семей, — и, хотя никто не давал гарантий, что так будет вечно, Цуруко уверовала в то, что сможет до конца своих дней прожить в Осаке. Неудивительно, что известие о новом назначении Тацуо поразило её, как гром среди ясного неба. Между тем в руководстве банка произошли перемены, да и сам Тацуо с некоторых пор был уже не прочь получить повышение по службе, даже если ради этого ему пришлось бы покинуть Осаку.

Многие его коллеги далеко продвинулись по служебной лестнице, лишь он один уже много лет сидел на одном месте: неудачник, да и только! К тому же за эти годы семья Тацуо увеличилась и соответственно возросли расходы, а из-за инфляции рассчитывать на капитал, оставленный тестем, становилось всё труднее.

Едва положив трубку, Сатико решила тотчас же отправиться в Осаку — ей хотелось утешить сестру и заодно, быть может, в последний раз взглянуть на дом, но неотложные дела помешали ей осуществить это намерение. Дня через три Цуруко позвонила снова.

Неизвестно, когда им удастся снова вернуться в Осаку, сказала она, но пока что они решили сохранить дом за собой, сдав его Отояну за небольшую плату. До августа остаются считанные дни, продолжала Цуруко, пора позаботиться об отправке вещей. Она с утра до вечера не выходит из кладовой, но до сих пор не представляет себе, как подступиться к грудам сваленного там добра, к которому она не прикасалась со смерти отца. Многое из вещей придётся оставить. Не захочет ли Сатико взять что-нибудь себе? Одним словом, она должна приехать и посмотреть сама.

«Отоян» — так ласково в семье Цуруко называли Отокити Каная, старичка, некогда служившего домоправителем на вилле отца в Хамадэре. У него был взрослый сын, недавно женившийся, теперь он служил в одном из крупных универмагов. Старик давно уже жил на покое, но по старой памяти частенько наведывался в «главный дом».

На следующий день после обеда Сатико отправилась в Осаку. Двери кладовой, расположенной в дальнем конце двора, были открыты.

— Сестрица! — позвала Сатико, входя внутрь. Здесь, в помещении, было ещё более душно и влажно, чем на улице, к тому же сильно пахло плесенью. Сатико нашла Цуруко на втором этаже. Повязав голову полотенцем, она была поглощена работой. Со всех сторон громоздились потемневшие от времени деревянные ящики с надписями: «Двадцать лакированных подносов орехового дерева», «Двадцать суповых чашек»… Тут же стоял сундук, доверху набитый всевозможными коробками. Цуруко бережно вытаскивала коробки одну за другой, развязывала тесёмки и проверяла содержимое. Удостоверяем, что в той или иной коробке и впрямь находится «Блюдо для сладостей, Сино» или «Бутылочка для сакэ, Кутани»,[44] она укладывала их обратно и решала, что с ними делать: брать ли с собой, оставлять или выбрасывать.

— Цуруко, это тебе не нужно? — спросила Сатико, глядя на только что распакованный сестрой китайский прибор для туши.

— Нет, — рассеянно ответила Цуруко, не отрываясь от работы.

Сатико хорошо помнила, как отец купил эту тушечницу. Совершенно не разбираясь в антикварных вещах и искренне полагая, что, если вещь дорогая, она непременно должна быть хорошей, он нередко попадал впросак со своими покупками. Тушечницу принёс отцу знакомый антиквар, и тот, не раздумывая, выложил за неё несколько сотен иен. Сатико помнила, как она, тогда ещё ребёнок, удивилась, узнав, что тушечница может стоить так дорого. Она не могла понять, зачем эта вещь отцу, ведь он не художник и не каллиграф. Но ещё более странным показалось ей то, что вместе с тушечницей отец купил две алебастровые печатки.[45] Как выяснилось, он собирался преподнести их по случаю шестидесятилетия знакомому профессору медицины, любителю китайской поэзии. Выбрав подобающие случаю надписи, он понёс печатки, но тот с извинениями вернул их, объяснив, что камень плохого качества, крошится и надписи на нём не получатся. Отцу жаль было их выбрасывать, ведь они стоили немалых денег, и он засунул их куда-то подальше. Впоследствии они не раз попадались Сатико на глаза.

— Цуруко, помнишь, были ещё две алебастровые печатки.

— Угу…

— Куда они делись? Цуруко не отвечала.

— Ты слышишь меня, Цуруко?

Цуруко была занята. Поставив себе на колени ящик с надписью «Шкатулка, роспись по лаку, Кодайдзи», она пыталась сдвинуть с места туго пригнанную крышку и, казалось, не слышала обращённого к ней вопроса.

Сатико и прежде не раз видела сестру такой сосредоточенной. Глядя на неё, поглощённую работой и не замечающую ничего вокруг, люди сторонние не переставали восхищаться: вот неутомимая труженица, такая не спасует перед трудностями. Но это впечатление было обманчиво.

Всякий раз, когда случалось что-либо непредвиденное, Цуруко сначала впадала в панику и некоторое время пребывала в полной растерянности, но потом вдруг хваталась за работу как одержимая. Вот в такие-то минуты она. и производила ложное впечатление человека, готового ради близких разбиться в лепёшку. На самом деле она попросту искала в работе выход для обуревавших её чувств.

— Странная всё-таки Цуруко, — рассказывала Сатико сёстрам, вернувшись вечером домой. — Вчера по телефону со слезами в голосе умоляла меня приехать. «Никто не желает со мной поговорить, хоть с тобой отведу душу». Я приехала — и что же? Весь день мы просидели в кладовой, она всё разбирала и разбирала вещи, даже словом со мной не перемолвилась.

— Да, узнаю сестрицу, — отозвалась Юкико. — Впрочем, скоро у неё это пройдёт и она опять со слезами будет призывать нас.

И верно — не прошло и двух дней, как Цуруко позвонила снова. На сей раз она просила приехать Юкико.

— Ну что ж, поеду посмотрю, как у неё дела, — сказала та.

Вернувшись в Асию неделю спустя, Юкико с улыбкой сообщила:

— Сборы почти закончены, но Цуруко всё ещё пребывает в состоянии одержимости.

Как выяснилось из рассказов Юкико, Цуруко с Тацуо собирались поехать в Нагою проститься с его роднёй. Поэтому сестра и вызвала её: надо было кому-то присмотреть за детьми и домом.

Уехав в субботу днём, супруги вернулись домой поздно вечером в воскресенье. Последующие пять дней Цуруко упражнялась в каллиграфии. Зачем ей это понадобилось? Затем, чтобы написать благодарственные письма родителям и всем родственникам мужа, которые так сердечно приняли их в Нагое, — задача для Цуруко не из лёгких. Особых усилий стоило ей письмо невестке, жене старшего брата Тацуо, которая пишет не хуже любого каллиграфа, и Цуруко старалась не ударить перед ней лицом в грязь. Каждый раз, садясь за письмо к ней, Цуруко кладёт перед собой словарь и письмовник, выверяя по ним каждый знак, каждое слово. Она перепортит несколько черновиков, прежде чем напишет за день одно-единственное послание. А теперь ей предстоит написать не одно, а целых пять или даже шесть писем. Тут с одними только черновиками замучишься, так что сестрица целыми днями сидит за письменным столом. Она без конца просила Юкико прочитать, что у неё получилось: «Ну как, ошибок я не наделала?» Короче говоря, ко дню отъезда Юкико было готово всего лишь одно послание.

— Узнаю Цуруко! Если ей предстоит нанести визит, скажем, семейству директора банка, она начинает готовиться чуть ли не за три

дня: сочиняет фразы, которые должна будет произнести, и без конца повторяет их про себя, чтобы выучить наизусть.

— А напоследок она сказала мне так: да, вся эта история с переездом в Токио застала её врасплох и поначалу она лишь горевала и лила слёзы. Но потом взяла себя в руки и теперь готова ехать хоть завтра. Она намерена всех нас удивить.

— Что ж, это в её характере.

Так судачили о Цуруко младшие сёстры.

22

Первого июля Тацуо предстояло вступить в должность директора токийского филиала банка в Маруноути. Приехав в Токио в конце июня, он поселился у родственников в Адзабу и при содействии знакомых занялся поисками удобного и недорогого жилья для своей семьи. Наконец он сообщил Цуруко, что нашёл подходящий дом в Омори. Переезд семьи в Токио был назначен на воскресенье, двадцать девятое августа, после праздника Дзидзо-бон.[46] Накануне, в субботу, Тацуо намеревался приехать в Осаку, чтобы попрощаться с близкими и друзьями, которые пожелают их проводить.

Первую половину августа Цуруко посвятила прощальным визитам к родственникам и сослуживцам мужа, а когда с этим было покончено, приехала на три дня в Асию. После долгих сборов и хлопот, от которых у неё до сих пор голова шла кругом, Цуруко хотелось немного отдохнуть, впервые за многие годы побыть с сёстрами, вместе с ними погрустить о предстоящей разлуке. На эти дни Цуруко решила начисто забыть о делах. Оставив дом на жену Отояна, она взяла с собой только двухлетнюю дочку и её няньку.

Когда в последний раз сёстры собирались вместе под одной крышей и могли спокойно, без спешки поговорить? За всё эти годы Цуруко приезжала в Асию считанное число раз, да и то всего лишь на час или на два, которые ей с трудом удавалось выкроить. А когда Сатико навещала сестру в Осаке, им опять-таки не удавалось толком поговорить, потому что их всё время теребили ребятишки. Можно сказать, что с тех пор, как обе сестры вышли замуж, у них попросту не было случая побеседовать по душам. Неудивительно, что та и другая с нетерпением ждали этой встречи. Им хотелось так много сказать друг другу, столько интересных и важных тем набралось за десять с лишним лет!

Но вот наконец Цуруко приехала — и что же? Усталость, накопившаяся за последние месяцы, а точнее сказать — годы, разом выплеснулась наружу. Казалось, ничто не способно было доставить ей большее удовольствие, чем приход массажистки или возможность днём поваляться в постели. Зная, что сестре почти не приходилось

бывать в Кобэ, Сатико собиралась повести её обедать в «Ориенталь» и в какой-нибудь китайский ресторан в Нанкинском квартале, но Цуруко дала понять, что вполне удовлетворится самой непритязательной домашней трапезой, лишь бы не выходить из дома. Возможно, сказывалась жара, но, так или иначе, три дня, проведённые Цуруко в Асии, прошли как-то сумбурно, сёстрам не удалось даже наговориться вдоволь.

Через несколько дней после того, как Цуруко уехала домой, в Асию пожаловала тётушка Томинага, младшая сестра их покойного отца. Тётушка ещё ни разу здесь не бывала. Раз уж она решилась приехать из Осаки по такой жаре, у неё наверняка были для этого веские основания. Сатико догадывалась, что именно привело её сюда.

Как она и предполагала, речь пошла о Юкико и Таэко.

Пока «главный дом» находился в Осаке, сказала тётушка Томинага, младшие сёстры могли жить то там, то здесь, но теперь положение изменилось, и им следует отправиться в Токио вместе с семьёй, членами которой они официально являются. Было бы хорошо, если бы Юкико, которую ничто не должно удерживать в Асии, завтра, же выехала к сестре в Осаку. С Таэко, конечно, дело обстоит несколько сложнее: ей предстоит завершить начатые работы, для этого потребуется время. Но через месяц, от силы через два, она тоже сможет приехать в Токио, не так ли?

Разумеется, никто не посягает на её увлечение. Заниматься своими куклами она сможет и в Токио, условия для этого там даже лучше, Тацуо знает, что работы Кой-сан получили признание, и не станет возражать, если она пожелает обзавестись студией. По правде говоря, призналась тётушка, Цуруко сама собиралась обсудить с Сатико этот вопрос, когда была здесь, но ей не хотелось омрачать своё пребывание в Асии неприятным разговором. Вот она и попросила тётушку сделать это за неё.

С того самого дня, как стало известно о переезде «главного дома» в Токио, мрачные предчувствия не оставляли Юкико и Таэко. Хотя они ничего не говорили друг другу, обе в равной мере понимали, что затеянный тётушкой разговор рано пли поздно должен был состояться.

Казалось бы, зная, как тяжело Цуруко одной управляться со сборами, обе младшие сестры должны были без всяких с её стороны просьб поехать помочь ей, но ни та, ни другая упорно не желали этого

делать. Правда, Юкико в конечном итоге всё-таки поехала в Осаку на неделю, но лишь после того, как Цуруко попросила её об этом. Таэко же, сославшись на срочную работу, целыми днями сидела у себя в студии. Мало того, что она не захотела помочь Цуруко со сборами, она и в Асии уделила ей всего лишь один-единственный вечер. Всем своим поведением Юкико и Таэко давали понять, что, каковы бы ни были пожелания «главного дома», их воля совершенно однозначна: остаться в семье Сатико.

В разговоре с Сатико тётушка Томинага, пообещав, что это останется сугубо между ними, спросила, отчего Юкико и Кой-сан так не по душе жизнь в «главном доме». Ей приходилось слышать, что они не особенно ладят с Тацуо. Но Тацуо вовсе не такой человек, за которого они его принимают. И он питает к ним самые добрые чувства. Просто он вырос в семье, где привыкли считаться с мнением окружающих. Тацуо исходит из того, что, если незамужние свояченицы останутся в Асии, это может неблагоприятно отразиться на его репутации как главы дома. Да и Цуруко окажется в трудном положении. Поэтому Цуруко с мужем настоятельно просят Сатико поговорить с младшими сёстрами, уж кого-кого, а её-то они послушаются. Тётушка Томинага просила понять её правильно, — никому и в голову не приходит винить Сатико в том, что младшие сёстры не желают жить в семье Цуруко. Они уже вполне взрослые, их не станешь водить за ручку, как малых деток. И всё же Цуруко убеждена, что они скорее послушаются Сатико, нежели кого-нибудь другого.

— Кстати, а где же Юкико с Кой-сан? Их нет дома? — спросила тётушка на старом диалекте Сэмбы.

— У Кой-сан много работы в студии, она почти не бывает дома, — на таком же диалекте ответила Сатико. — А Юкико здесь. Позвать её?

Сатико поднялась на второй этаж — ей не стоило особого труда догадаться, что, едва заслышав голос тётушки в передней, Юкико поспешила укрыться в комнате наверху. И действительно, сквозь бамбуковую штору она увидела сестру, с задумчивым видом сидящую на кроватке Эцуко.

— Приехала тётушка…

Юкико промолчала.

— Ты выйдешь к ней, Юкико?

*** * ***

Уже наступила осень, но было по-прежнему жарко, как в самую знойную летнюю пору. В помещении стояла невыносимая духота, не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. Юкико вопреки обыкновению сегодня надела крепжоржетовое платье. Зная, что при её худобе ей не идёт европейская одежда, она даже летом носила кимоно с поясом. Одеться в лёгкое платке она позволяла себе только в самую нестерпимую жару, да и то лишь в дневное время, — перед зятем в таком виде она старалась не показываться. Но если Тэйноскэ случалось увидеть Юкико в платье, он мог с уверенностью сказать, что в этот день жара совершенно исключительная. От одного взгляда на просвечивающие сквозь тонкую темно-синюю ткань острые лопатки, на прохладную белизну её трогательно хрупких плеч и рук его точно обдавало свежим ветерком.

— Тётушка хочет, чтобы ты завтра же отправилась в Осаку, а оттуда вместе со всеми поехала в Токио…

Юкико сидела с опущенной головой, безжизненно уронив руки, словно тряпичная кукла. Под ногами у неё был большой резиновый мяч Эцуко, время от времени она поворачивала его босыми ступнями в поисках места попрохладней.

— А Кой-сан?

— Кой-сан тоже должна ехать, правда, чуть позже, ведь ей нужно завершить неоконченные работы… Так хочет Тацуо.

Юкико опять промолчала.

— Насколько я понимаю, тётушка уверена, хотя прямо и не говорит, что я не отпускаю тебя к Цуруко. Она приехала уговорить меня. Всё это очень грустно, но ты должна понять, что тут я абсолютно бессильна.

Искренне сочувствуя Юкико, Сатико тем не менее болезненно переживала малейший намёк на то, что сестра живёт в её доме на положении гувернантки. Возможно, кое-кто из окружающих, рассуждала она, считает, что, в отличие от Цуруко, которая управляется со своими многочисленными детьми одна, Сатико при

единственной дочери не может обойтись без посторонней помощи. Не исключено, что в глубине души и Юкико придерживается того же мнения, считая себя благодетельницей сестры.

Одна мысль об этом оскорбляла материнскую гордость Сатико. Что и говорить, Юкико всегда и во всем помогает ей. Но Сатико, сумеет справиться со своими обязанностями и без неё. В конце концов, когда-нибудь Юкико всё равно выйдет замуж и покинет их. Отъезд любимой тёти, конечно же, очень огорчит Эцуко, но она девочка разумная и не станет безутешно рыдать, как, возможно, думает Юкико. Во всяком случае, Сатико, не намерена идти против воли Тацуо и удерживать сестру при себе только потому, что та предпочитает жить в Асии. Она должна убедить Юкико в необходимости подчиниться требованию «главного дома». К тому же, отослав Юкико в Токио, она сможет доказать всем, в том числе и самой Юкико, что великолепно обходится без её помощи.

— Мне кажется, тебе следует хотя бы на некоторое время поехать в Токио. Твой отказ тётушка Томинага воспримет не иначе как оскорбление.

Юкико по-прежнему молчала, но её огорчённый вид был красноречивее всяких слов. Сатико выразилась достаточно откровенно, и она понимала, что у неё нет иного выбора, как отправиться в Токио.

— Не думай, пожалуйста, что ты уезжаешь навсегда… Помнишь о письме госпожи Дзимба? Пока никаких новых известий от неё нет, но, если вдруг зайдёт речь о смотринах, тебе непременно нужно будет приехать. Впрочем, и без этого мы всегда найдём какой-нибудь предлог.

— Хорошо.

— Так я могу сказать, что ты завтра же отправишься в Осаку?

— Да.

— Ну тогда приведи себя в порядок и выйди к тётушке.

Пока Юкико накладывала, на лицо белила и переодевалась в кимоно, Сатико спустилась в гостиную.

— Юкико сейчас придёт. Она всё поняла и согласна ехать в Осаку. Я думаю, вам нет надобности говорить с ней об этом.

— Правда? Ну что же, я рада. Значит, не напрасно приехала..

Тётушка была очень довольна. Сатико предложила ей дождаться Тэйноскэ и поужинать вместе с ними, но та отказалась: ей хочется поскорее обрадовать Цуруко.

— Какая жалость, что мне не удалось повидать Кой-сан, но я надеюсь, Сатико, ты сумеешь её уговорить, — сказала тётушка на прощание и, едва дождавшись, когда жара немного спадёт, поспешила откланяться.

Юкико уехала на следующий день, простясь с Сатико и племянницей в самой будничной манере, как будто они расставались всего на несколько дней. Весь её багаж состоял из маленького узелка, в котором было лёгкое домашнее кимоно (парадными кимоно сестры пользовались сообща), несколько смен нижнего белья да томик рассказов.

Глядя на этот узелок в руках О-Хару, провожавшей Юкико на станцию, никто не мог бы предположить, что ей предстоит дальняя дорога. Что же до Эцуко, то во время визита тётушки Томинага она играла у Штольцев и узнала об отъезде Юкико только накануне вечером. Ей сказали, что тётя едет в Осаку ненадолго, чтобы помочь Цуруко со сборами, поэтому дело обошлось без бурных сцен.

* * *

Наконец наступил день отъезда старших Макиока в Токио. Отъезжающих было одиннадцать человек: Тацуо, Цуруко, шестеро их детей, Юкико, прислуга и нянька. Поезд отправлялся в половине девятого вечера. Сатико, конечно же, полагалось бы проводить сестру, но из опасения, что, увидев её, Цуруко расплачется, она решила остаться дома, и Тэйноскэ поехал на вокзал один.

Проводить семью Макиока собралось не менее ста человек, среди них были даже старенькие гейши и актёры, которым в своё время покровительствовал отец Цуруко. Сразу видно было, что из города уезжает пусть и не столь влиятельная, как прежде, но весьма родовитая семья.

Таэко, до последнего дня так и не собравшаяся побывать в Осаке, приехала на вокзал чуть ли не перед самым отходом поезда. Воспользовавшись суматохой, она второпях пожелала сестре и зятю

счастливого пути и поспешила затеряться в толпе. Она уже уходила с платформы, когда кто-то окликнул её:

— Извините, пожалуйста, вы, должно быть, одна из дочерей покойного господина Макиоки?

Оглянувшись, Таэко увидела пожилую женщину. Это была О-Эй, знаменитая танцовщица из Симмати.[47]

— Совершенно верно. Я — Таэко.

— Таэко-сан? Которая же вы по счёту?

— Самая младшая.

— А-а, стало быть, вы и есть Кой-сан. Вас совсем не узнать. Наверное, вы уже закончили гимназию.

— Да… — произнесла Таэко и рассмеялась. Её часто принимали за совсем молоденькую девушку, выпускницу гимназии, и она, как правило, не стрелялась рассеивать это заблуждение. Но кто бы мог подумать, что такую ошибку сделает О-Эй?

Когда они жили в Сэмбе, О-Эй, уже тогда далеко не молодая, часто бывала у них дома. Кто-кто, а она-то должна была догадаться, что если в ту пору Таэко было лет десять, то теперь, по прошествии шестнадцати лет, ей никак не может быть двадцати! Впрочем, Таэко знала, что в шляпке и платье, которые были на ней в тот вечер, она выглядит на удивление юной.

— Сколько же вам исполнилось, Кой-сан?

— Я вовсе не так молода, как вам кажется…

— А меня вы помните?

— Конечно, О-Эй-сан. Вы совсем не изменились с тех пор.

— Ну что вы! Я стала совсем старухой. А почему вы не уехали в Токио?

— Мы договорились, что некоторое время я поживу у другой сестры в Асии.

— Вот оно что? Как грустно, что госпожа Цуруко с супругом уехали из Осаки…

* * *

Не успела Таэко распрощаться с О-Эй у выхода из вокзала, как кто-то снова её окликнул. На сей раз это был мужчина.

— Сколько лет, сколько зим! Узнаёте меня? Да, да, ваш покорный слуга Сэкихара. Я рад за Тацуо. Такое повышение!

Сэкихара был приятелем Тацуо по университету и служил в одной из дочерних компаний концерна Мицубиси. Когда Тацуо вошёл в семью Макиока, Сэкихара, в то время ещё холостяк, часто бывал у них дома. С тех самых пор его и знала Таэко. Потом он женился, получил назначение на службу в Лондон, где пробыл более пяти лет, и всего лишь несколько месяцев назад вернулся на родину. Таэко слышала о возвращении Сэкихары, но с их последней встречи прошло, должно быть, лет девять.

— Я сразу вас узнал, Кой-сан. Да-а, мы не виделись целую вечность…

— Очень рада, что вы снова в Осаке.

— Спасибо. Увидев вас на платформе, я сразу же подумал: это Кой-сан, но потом было засомневался — уж очень вы юная…

Таэко привычно усмехнулась.

— Скажите, пожалуйста, а эта молоденькая женщина, что уехала вместе с семьёй Тацуо, уж не Юкико ли?

— Юкико.

— Как жаль, что я не успел с нею поговорить. Нет, право же, вы обе выглядите очень молодо. Там, в Англии, я частенько вспоминал Сэмбу и вас с сёстрами. Я думал, что, вернувшись домой, застану и Юкико-тян и вас уже замужними дамами с чадами на руках. Но когда я узнал от Тацуо, что вы обе ещё не замужем, мне почудилось, будто этих пяти лет попросту не было. И вот сегодня новый сюрприз: и Юкико-тян и вы ничуть не изменились с нашей последней встречи. Не могу поверить своим глазам.

Таэко снова лукаво усмехнулась.

— Поверьте, я говорю это не ради любезности. Нет ничего удивительного в том, что вы обе ещё не замужем, — вы такие юные!

Сэкихара, не скрывая восхищения, оглядел Таэко с головы до ног.

— Кстати, а где же госпожа Сатико?

— Сатико осталась дома. Она боялась, что они с Цуруко не смогут удержаться от слёз и будут выглядеть глупо.

— А, вот оно что! Когда я подошёл попрощаться с госпожой Цуруко, у неё и в самом деле на глазах были слёзы. Это выглядело так трогательно!

— Многие находят это смешным: не странно ли горевать, уезжая в Токио?

— Ну что вы! Мне, например, после всех этих лет на чужбине было приятно поглядеть, как покидает родной город истинная японка… А вы, стало быть, остаётесь здесь?

— Да. Видите ли… у меня есть кое-какие дела…

— Верно, верно, я ведь слышал, что вы стали художницей. Вот это да!

— Не смешите меня. Неужели после Англии вас это способно удивить?

Таэко знала, что Сэкихара неравнодушен к спиртному. Судя по всему, сегодня он уже успел выпить свою порцию виски. Когда. Сэкихара пригласил её на чашку чая в кафе поблизости, Таэко под благовидным предлогом отказалась и поспешила на электричку.

23

Дорогая Сатико!

Извини, что не написала тебе сразу. Всё эти дни у меня не было ни минутки, чтобы сесть за письмо.

Как только поезд тронулся, Цуруко уткнулась в занавеску и дала волю слезам. В поезде у Хидэо-тяна вдруг разболелся живот и сделался сильный жар. Он без конца бегал в туалет, и мы с Цуруко всю ночь не сомкнули глаз.

Но хуже всего то, что хозяин дома в Омори, где мы должны были поселиться, внезапно передумал и расторг арендный контракт. Об этом стало известно за день до нашего отъезда из Осаки, но менять что-либо было уже поздно. Воспользовавшись любезностью г-на Танэды, мы остановились пока что в его доме в Адзабу. Вообрази, чего стоило ему приютить у себя одиннадцать человек, обрушившихся на его голову столь внезапно.

Сразу же по приезде мы вызвали к Хидэо-тяну врача. Он поставил диагноз — катар желудка. Вчера мальчику наконец полегчало.

Всё это время Тацуо с помощью знакомых и сослуживцев занимался поисками жилища. В конце концов ему удалось подыскать какой-то дом в Сибуе. Он построен недавно, причём специально для сдачи внаём. Четыре комнаты внизу и три наверху, без сада, квартирная плата — пятьдесят пять иен в месяц. Я ещё не видела этого дома, но могу себе представить, какая там будет теснота. Как всё мы там разместимся?

И всё же, принимая в расчёт, сколь обременительно для г-на Танэды наше пребывание в его доме, мы решили перебраться туда в надежде со временем присмотреть другой дом, получше. Переезд назначен на ближайшее воскресенье. Отныне наш адрес: район Сибуя, квартал Овала. В

следующем месяце туда должны провести телефон. Говорят, воздух в Сибуе хороший, кроме того, оттуда Тацуо недалеко до службы, а Тэруо-тяну — до гимназии.

На этом пока кончаю, жду твоего письма.

Кланяйся от меня Тэйноскэ, Эттян и Кой-сан.

Юкико. 8 сентября.

P. S. Утро нынче выдалось совсем осеннее. А какая погода у вас? Берегите себя.

В то утро, когда Сатико получила это письмо, в Асии тоже вдруг стало по-осеннему свежо. Проводив Эцуко в школу, Сатико и Тэйноскэ сидели друг против друга за столом и в ожидании завтрака просматривали утренние газеты. Неожиданно внимание Сатико — она читала сообщение о налёте японской авиации на Сватоу и Чаочжоу,[48] — привлёк доносящийся из кухни аромат кофе.

— Вот и осень, — сказала она мужу, подняв голову от газеты. — Тебе не кажется, что кофе сегодня пахнет сильнее обычного?

— Гм… — рассеянно пробормотал Тэйноскэ, не отрываясь от чтения.

В столовую вошла О-Хару с кофе. На подносе с краю лежало письмо от Юкико. Сегодня утром Сатико как раз подумала о том, что пора бы уже получить весточку от сестры — ведь минуло больше десяти дней, как они поселились на новом месте. Сатико поспешно вскрыла конверт.

Одного взгляда на торопливый почерк Юкико, по-видимому, с трудом улучившей минутку для письма, было достаточно, чтобы понять, сколько забот обрушилось на них с Цуруко в Токио.

О г-не Танэде Сатико знала только, что он — старший брат Тацуо и служит в министерстве торговли и промышленности. Видела она его всего лишь раз, на свадьбе Цуруко, и помнила весьма смутно. Судя по всему, Цуруко и сама не так уж часто встречалась с ним за всё годы своего замужества. Тацуо, хотя и прожил у г-на Танэды в Токио уже почти месяц, не постеснялся привезти к нему всю свою семью, ведь как-никак они братья. Но каково Цуруко и Юкико сознавать, что они

обременяют людей, в сущности им незнакомых! К тому же на руках у них больной ребёнок, к которому потребовалось вызвать врача…

— Письмо от Юкико? — спросил Тэйноскэ, протягивая руку за кофейной чашкой. Он наконец дочитал свою газету.

— Да. Теперь я понимаю, почему от неё так долго не было известий. Им ужасно не повезло.

— А что такое?

— Вот, почитай. — Сатико протянула мужу три густо исписанных листка.

* * *

Через несколько дней Сатико получила отпечатанное типографским способом письмо — точно такие же Тацуо послал всем осакским знакомым и сослуживцам, пришедшим проводить их на вокзал, — в нём он благодарил за проявленное к ним внимание и сообщал свой новый адрес. От Юкико же никаких вестей больше не было.

В понедельник из Токио вернулся сын Отояна, Сёкити, ездивший туда, чтобы помочь семье Тацуо с переездом. В тот же день, выполняя поручение Цуруко, он явился в Асию и рассказал, как обстоят дела.

По его словам, переезд прошёл благополучно. В Токио, поделился своими наблюдениями Сёкити, дома, предназначенные для сдачи внаём, выглядят куда скромнее, чем в Осаке: двери, сёдзи и фусума[49] никуда не годятся — совсем дешёвенькие и хлипкие. Расположение в доме такое: внизу одна комната в два дзё, две комнаты в четыре с половиной дзё и одна в шесть дзё, а наверху одна комната в восемь дзё, одна в четыре с половиной дзё и одна — в три дзё.

Но если учесть, что в Токио циновки меньшего размера, чем в Осаке, получается, что комната в восемь дзё там практически такая же, как здесь в шесть дзё. Для большой семьи госпожи Цуруко дом явно тесен, там попросту негде повернуться.

С другой стороны, продолжал Сёкити, дом совсем новенький и выглядит опрятно. К тому же он обращён на юг, там всё время светло, не то что в доме на Уэхоммати. Сада, правда, нет, зато в округе много

великолепных усадеб и парков, это один из самых тихих и респектабельных районов в Токио.

В двух шагах от дома пролегает оживлённая торговая улица со множеством лавок, магазинов и несколькими кинотеатрами. Всё это в новинку для детишек хозяйки, они ужасно рады, что приехали в Токио. Хидэо-тян уже поправился и с этой недели должен пойти учиться. Гимназия совсем рядом.

— А как Юкико?

— Госпожа Юкико здорова. Хозяйка не нарадуется на неё, говорит, что, пока мальчик болел, она ходила за ним лучше сиделки.

— Да, она и за Эцуко всегда ухаживала. Я уверена, что с нею Цуруко будет намного легче.

— Единственно жаль, что у госпожи Юкико нет своей комнаты, дом ведь ужасно тесный. Пока она спит в комнате наверху, где днём занимаются мальчики. Хозяин мечтает как можно скорее перебраться в дом попросторнее, а то, дескать, неудобно, что у Юкико-тян нет своего угла.

Сёкити был не в меру говорлив. Понизив голос, он продолжал:

— Хозяин очень доволен, что госпожа Юкико вернулась в их семью. Он боится, как бы она снова не сбежала, и изо всех сил старается ей потрафить.

После разговора с Сёкити Сатико более или менее представляла себе, как обстоят дела в Токио, но по-прежнему с нетерпением ждала вестей от Юкико. Молчание, сестры Сатико объясняла тем, что писание писем, хотя само по себе оно и не требовало от Юкико таких усилий, как от Цуруко, никогда не было её любимым занятием. К тому же, думала она, не имея своей комнаты, Юкико попросту трудно сосредоточиться.

Как-то Сатико позвала дочь и сказала:

— Эттян, напиши-ка письмо Юкико.

Эцуко выбрала открытку с изображением одной из кукол Таэко и написала «сестричке» несколько коротких фраз. Но, как ни странно, даже эту открытку Юкико оставила без ответа.

Спустя некоторое время, в вечер любования осенней луной,[50] Тэйноскэ предложил:

— Пусть каждый напишет сегодня стихотворение об осенней луне, и мы пошлём их Юкико.

Всё с радостью согласились, и сразу после ужина Тэйноскэ, Сатико, Эцуко и Таэко расположились в комнате на первом этаже с выходом на веранду, украшенную, как полагалось в этот день, веточками мисканта.

О-Хару растёрла тушь, и, развернув перед собой свиток бумаги, Тэйноскэ первый начертал сочинённое им пятистишие, потом Сатико и Эцуко добавили свои трехстишия, а Таэко — она была не сильна в поэзии — несколькими мазками кисти изобразила луну, выглядывающую из-за сосновых веток.

Сквозь просвет в облаках
луна наконец показалась.
Едва завидев её,
старые сосны в саду
протянули к ней свои ветви.
Тэйноскэ

Как хороша луна!
Но не хватает здесь
одной знакомой тени.
Сатико

Какая сегодня луна!
И сестричка глядит на неё
в дальнем городе Токио.
Эцуко

За этим следовал пейзажный набросок Таэко.

Прочитав стихотворения жены и дочери, Тэйноскэ внёс в них две небольшие поправки.

У Сатико поначалу было написано: *«Но нынче в этом доме одною тенью меньше»*, — а в трехстишии Эцуко он заменил первую строчку: *«О лунная ночь!»* — на: *«Какая, сегодня луна!»*

— А теперь напиши что-нибудь и ты, О-Хару, — сказали служанке, и та, не долго думая, нацарапала своим мелким корявым почерком:

Из-за облаков
луна показалась
во всей своей красе.
Хару

Сатико вынула из вазы стебелёк мисканта и, отломив одну веточку, вложила её в свиток со стихами.

24

На стихотворное послание из Асии Юкико тотчас, откликнулась прочувствованным письмом: она-де не в силах передать радость, с которой читала и перечитывала присланные ей стихи. В тот вечер, писала Юкико, она тоже глядела на луну из окна комнаты на втором этаже. Их письмо пробудило в ней воспоминание о том, как в прошлом году она любовалась луной вместе с ними в Асии, будто это было вчера…

Затем в переписке с Юкико опять наступила долгая пауза.

*** * ***

После отъезда Юкико Сатико распорядилась, чтобы вместо сестры по ночам с Эцуко находилась О-Хару.

Но не прошло и двух недель, как девочка ни с того ни с сего возненавидела О-Хару и потребовала заменить её О-Ханой. Вскоре, однако, опала постигла и О-Хану, и тогда её место заняла О-Аки, служанка, помогавшая на кухне.

В отличие от многих детей её возраста Эцуко засыпала с трудом, ей непременно надо было поговорить на ночь с кем-нибудь из взрослых. Юкико всегда выслушивала её внимательно и терпеливо, но служанки на эту роль явно не годились — они засыпали прежде девочки. Это выводило Эцуко из себя, и чем больше она раздражалась, тем труднее ей было уснуть. Среди ночи она вскакивала с постели и, промчавшись по коридору, врывалась в комнату родителей.

— Не могу уснуть, — кричала она со слезами. — Эта противная О-Хару! Она только и знает, что храпеть. Не выношу её! Ненавижу! Я её убью!

— Успокойся, Эттян, — пыталась урезонить дочь Сатико. — Если ты будешь плакать, то и подавно не заснёшь. Не волнуйся. Попробуй внушить себе, что тебе безразлично, уснёшь ты или нет.

— Да, а утром я не смогу встать. И снова опоздаю в школу!

— Почему ты так кричишь? — увещевала девочку Сатико. — Ты всех разбудишь!

Сатико отводила дочь в её комнату и ложилась вместе с ней, но и это не помогало. «Я не могу уснуть, не могу!» — твердила Эцуко сквозь слёзы. Теряя терпение, Сатико принималась её бранить, и тогда девочка капризничала ещё сильнее. Служанка между тем продолжала безмятежно спать. И так повторялось из ночи в ночь.

Сатико подумала, уж не объясняется ли состояние дочки нехваткой витамина B_1. В это время года всё в семье в той или иной степени испытывают недомогание от бери-бери. Но на сей раз Сатико почему-то совсем забыла про уколы. Однажды, приложив ладонь к груди Эцуко, Сатико заметила, что у девочки сердце, колотится сильнее обычного. На следующий день, несмотря на слёзы и протесты, она сделала Эцуко укол бетаксина. После пяти таких уколов, которые Сатико делала ей через день, пульс у девочки выровнялся, ощущение тяжести в ногах исчезло и она перестала жаловаться на усталость. Но бессонница сделалась ещё мучительнее, чем прежде.

Полагая, что это не тот случай, когда необходимо вызвать доктора Кусиду на дом, Сатико проконсультировалась с ним по телефону. Доктор рекомендовал давать девочке перед сном по таблетке адалина. Оказалось, однако, что одна таблетка не приносит желаемого результата, а приняв две, Эцуко не может утром встать вовремя.

Проснувшись, Эцуко смотрела на часы у кровати и заливалась слезами: она опять проспала, ей неудобно приходить в школу с таким опозданием, лучше она сегодня вовсе не пойдёт! Когда же её будили по утрам, чтобы она успела в школу вовремя, девочка натягивала на голову одеяло и сердито говорила, что после бессонной ночи хочет хоть немного поспать. Её оставляли в покое, она продолжала спать, а открыв глаза, обнаруживала, что снова опоздала в школу.

В отношении Эцуко к прислуге стали происходить частые и совершенно непредсказуемые перемены. Возненавидев какую-нибудь из служанок, она не стеснялась резких выражений вроде «я тебя убью» или даже «я тебя прикончу».

Никогда не отличавшаяся хорошим аппетитом, Эцуко теперь ела поразительно мало для ребёнка её возраста. Из нескольких блюд она съедала всего одно, редко — два, а из приправ к рису ей нравилось то, что обычно любят пожилые люди, — солёная морская капуста или соевый творог. Даже рис она поливала чаем, как будто ей было трудно его глотать. Если подавали что-нибудь жирное, то большая часть с её

тарелки перепадала кошке Судзу — девочка любила, когда кошка сидела у её ног под столом. При этом в ней развилась какая-то болезненная брезгливость. Во время еды она то и дело требовала, чтобы её прибор обдали кипятком: в одном случае ей казалось, что до него дотронулась кошка, в другом — будто на нём сидела муха, в третьем — что служанка, накрывая на стол, коснулась его своим рукавом.

Зная о причудах девочки, служанки заблаговременно ставили на стол чайник с кипятком, чтобы она могла перед едой ополоснуть свои палочки. Мухи внушали ей такой ужас, что она отказывалась есть не только тогда, когда муха садилась на какое-нибудь кушанье, по даже тогда, когда муха всего лишь пролетала над тарелкой. Заметив муху, Эцуко без конца спрашивала окружающих, точно ли она ничего не коснулась. Она не брала в рот ничего, что соскальзывало с её палочек на стол, даже если он был накрыт свежей скатертью.

Однажды во время прогулки с матерью Эцуко увидела у обочины дороги дохлую крысу, сплошь покрытую червями. Пройдя метров сто, она вдруг прижалась к Сатико и испуганно спросила:

— Мамочка, я не наступила на ту крысу? На мне нет червяков?

Совершенно ошеломлённая, Сатико с тревогой посмотрела на дочь. Они обошли крысу не меньше чем за три метра, и услышать подобный вопрос было более чем странно.

«Может ли у восьмилетней девочки быть неблагополучно с нервами?» — в растерянности спрашивала себя Сатико. До сих пор состояние дочери не внушало ей особой тревоги, более того, она не задумываясь бранила девочку, когда та, как ей казалось, этого заслуживала, но теперь, после случая с крысой, она поняла, что дело обстоит куда серьёзней, чем она предполагала. На следующий же день она пригласила к Эцуко доктора Кусиду.

«Нервные расстройства у детей не так уж редки», — сказал доктор. Вполне возможно, что Эттян страдает неврозом. Он не видит особых оснований для беспокойства, но всё же считает целесообразным показать девочку специалисту. Он знает хорошего врача, профессора Цудзи из Нисиномии, с которым в течение дня свяжется по телефону и попросит посмотреть Эцуко. Что же касается бери-бери, то с этим недугом он справится сам.

Профессор Цудзи приехал в тот же вечер. Осмотрев Эцуко и задав ей несколько вопросов, он пришёл к заключению, что у девочки и в самом деле невроз. Его рекомендации сводились к следующему: прежде всего необходимо окончательно исцелить девочку от бери-бери. Далее: во что бы то ни стало обеспечить ей полноценное питание — в крайнем случае можно прибегнуть к лекарственным препаратам, возбуждающим аппетит. Что касается занятий, то профессор счёл нецелесообразным вообще забрать Эцуко из школы или увезти её на какой-нибудь курорт. Пусть приходит в школу позже или наоборот — уходит пораньше домой, в зависимости от самочувствия. Если девочка будет сосредоточена на занятиях, объяснил профессор, у неё останется меньше времени для сумасбродных фантазий. Не следует её волновать и бранить за капризы, необходимо спокойно и терпеливо объяснять, что от неё требуется.

«Причину нервного расстройства у Эцуко вовсе не обязательно искать в разлуке с любимой тётей», — Сатико предпочитала думать именно так, однако в минуты растерянности и отчаяния, когда, готовая плакать от собственного бессилия, она не знала, с какой стороны подступиться к дочери, ей невольно приходила в голову мысль, что Юкико с её спокойной сдержанностью оказалась бы сейчас как нельзя кстати.

Разумеется, Сатико ничего не стоило обратиться в «главный дом» с просьбой отпустить Юкико на время в Асию. Там, без сомнения, отнеслись бы к ней с пониманием, да и сама Юкико немедленно пустилась бы в путь, не дожидаясь разрешения Тацуо. И всё-таки, при всём своём слабоволии и беспомощности, Сатико не решалась пойти на этот шаг — окружающие оценят её поведение однозначно: ну вот, не прошло и двух месяцев, а она уже выбилась из сил и взывает о помощи. Каждое утро Сатико начинала с самоувещевания: ничего, подожду ещё немного, попробую справиться одна.

Да и Тэйноскэ решительно возражал против того, чтобы вызывать Юкико в Асию. Он считал, что нынешнее состояние дочери — не что иное, как результат неправильного воспитания. Свою болезненную приверженность к чистоте, нелепую привычку обдавать палочки для еды кипятком, боязнь съесть что-нибудь обронённое на скатерть она унаследовала от Юкико и Сатико. Ведь они ведут себя за столом точно так же.

Тэйноскэ не раз предупреждал, что не следует так поступать, иначе девочка вырастет нервной и изнеженной. Разве он не настаивал, чтобы они с Юкико отказались от этих привычек? Разве не просил хотя бы однажды в воспитательных целях съесть что-нибудь, чего коснулась муха, тем самым давая девочке возможность убедиться, что в этом нет ничего страшного? Тэйноскэ снова и снова повторял, что следует не столько заботиться о стерильности, сколько приучать Эцуко к дисциплине и прежде всего установить для неё чёткий распорядок дня. Но, к сожалению, с его мнением не считались…

У Сатико же были свои соображения на этот счёт. Одно дело Тэйноскэ с его несокрушимым здоровьем, считала она, и совсем другое — хрупкая девочка, постоянно страдающая от инфекций.

Нет, говорил Тэйноскэ, от бактерий на палочках для еды можно заболеть лишь в одном случае из тысячи, а вот чрезмерная забота о чистоте как раз и ослабляет сопротивляемость организма.

По мнению Сатико, для девочки гораздо важнее усвоить изящные манеры, нежели научиться дисциплинированности. Тэйноскэ возражал: подобные взгляды на воспитание давно устарели. Ребёнок должен неукоснительно следовать раз и навсегда установленному для него распорядку и должен знать, когда следует сесть за уроки и когда можно заняться играми. Нельзя позволять ребёнку распоряжаться своим временем по собственному усмотрению.

— Ты просто варвар, не имеющий элементарных представлений о гигиене, — говорила Сатико мужу.

— Пусть так, — парировал Тэйноскэ, — но всё ваши усилия по части дезинфекции совершенно бессмысленны. Какой смысл обдавать кипятком или горячим чаем палочки для еды? Бактерии от этого не погибнут, и, кроме того, кто знает, что было с продуктами до того, как они попали к тебе на стол? У вас с Юкико совершенно превратное представление о западных идеях гигиены и антисептики. Вспомни хотя бы, как Кириленки поглощали устриц, нимало не заботясь о том, достаточно ли они свежие.

Прежде Тэйноскэ предпочитал не вмешиваться в вопросы, связанные с воспитанием дочери, считая, что этим должна заниматься мать. Но с недавних пор, после того как вспыхнул Китайский инцидент, он всё чаще задумывался над тем, что может наступить время, когда и женщинам придётся встать под ружьё. Стало быть,

думал он, необходимо воспитать дочь так, чтобы она была готова к любым испытаниям.

Как-то раз он застал Эцуко со служанкой О-Ханой: девочка взяла старый шприц и принялась делать кукле, укол. Какая нелепая, отвратительная игра, подумал тогда Тэйноскэ и решил, что необходимо в корне менять всю систему воспитания дочери. Но главным и неоспоримым авторитетом для девочки была Юкико, Сатико же всегда и во всём соглашалась с сестрой, поэтому неумелое вмешательство с его стороны могло привести к семейному конфликту. Тэйноскэ оставалось лишь ждать подходящего момента, и с отъездом Юкико этот момент, как ему казалось, наступил.

Тэйноскэ по-доброму относился к Юкико и понимал, что, попытавшись ослабить её влияние на дочь, неизбежно причинил бы ей душевную травму. Он не хотел обижать свояченицу и давать ей повод думать, будто она лишняя у них в доме. Теперь эта проблема разрешилась сама собой, и он надеялся, что в отсутствие Юкико ему будет легче склонить жену на свою сторону.

Да, говорил Тэйноскэ, он не меньше Сатико расположен к Юкико-тян и, если бы та сама выразила желание вернуться в Асию, он не стал бы возражать, но он против того, чтобы специально вызвать её из Токио ради Эцуко.

Конечно, Юкико-тян лучше кого бы то ни было понимает девочку и с этой точки зрения её приезд был бы благом. Но он убеждён, что причиной нынешнего заболевания Эцуко, пусть даже, не самой главной, служит порочный стиль воспитания, культивируемый Сатико с сестрой. Поэтому, несмотря на все трудности, будет лучше воспользоваться случаем и избавить дочь от нежелательного влияния Юкико. Им следует постепенно, не травмируя ребёнка, изменить всю систему воспитания. А для этого лучше, чтобы Юкико пока оставалась в Токио.

* * *

В ноябре Тэйноскэ пришлось по делам службы отправиться на несколько дней в Токио, и он, конечно же, воспользовался этой возможностью, чтобы навестить родственников в Сибуе.

Как выяснилось, племянники уже успели вполне освоиться в новой обстановке и говорили на токийском диалекте не хуже, чем на осакском. Тэйноскэ нашёл Цуруко с мужем и Юкико вполне довольными и счастливыми.

Старшие Макиока приняли его очень радушно и предложили ему остановиться у них, не смущаясь теснотой. А теснота и впрямь была ужасающая, поэтому Тэйноскэ предпочёл снять номер в небольшой гостинице в Цукидзи, но приличия ради всё-таки одну ночь провёл у них.

Утром, после ухода Тацуо и старших мальчиков, когда Юкико прибирала в комнатах наверху, Тэйноскэ представился случай поговорить с Цуруко наедине.

— Я вижу, у вас всё хорошо. И Юкико-тян, по-моему, довольна здешней жизнью.

— Да, возможно, со стороны это выглядит именно так, но на самом деле… — И Цуруко рассказала ему следующее.

Первое время, когда они переехали сюда, Юкико была весёлой и жизнерадостной, охотно помогала ей по дому и с детьми. А потом вдруг всё переменилось. Нет, она не хочет сказать, что Юкико перестала ей помогать. Дело не в этом. Просто иногда она ни с того ни с сего уходит наверх и часами сидит, затворившись в своей комнате.

Выждав некоторое время, Цуруко, естественно, поднимается к ней — и что же? Юкико сидит за столом и, подперев, щёку рукой, о чем-то думает. Несколько раз Цуруко заставала её в слезах. На первых порах такое случалось с ней, скажем, раз в десять дней, но в последнее, время повторяется всё чаще и чаще. Порой она за полдня не проронит и словечка, а то и вовсе готова расплакаться на виду у всех. Они с Тацуо изо всех сил стараются ничем не обидеть, не огорчить Юкико. Остаётся только предположить, что бедная девочка попросту тоскует по Асии. Чтобы хоть как-то отвлечь её от грустных мыслей, они с Тацуо предложили ей возобновить занятия чайной церемонией и каллиграфией, но Юкико не проявила к этому ни малейшего интереса.

— Мы так радовались, — продолжала Цуруко, — что после разговора с тётушкой Томинага Юкико-тян сразу же согласилась поехать с нами в Токио. Нам и в голову не могло прийти, что ей будет так неприятно у нас. Коли пребывание в нашем доме связано для

Юкико с такими страданиями, значит, мы её не устраиваем. Но почему? За что она нас ненавидит?

Говоря это, Цуруко расплакалась. И всё же, как ни обидно ей видеть такое к себе отношение, она не можем не испытывать жалости к Юкико. Она уже стала подумывать о том, что, раз сестре так нравится в Асии, не следует удерживать её подле себя. Конечно, Тацуо вряд ли позволит Юкико находиться там постоянно, но она могла бы пожить в Асии, скажем, до тех пор, пока они подыщут более просторный дом. Можно всегда найти какой-нибудь предлог для поездки Юкико в Асию на неделю или дней на десять. Быть может, тогда она хоть немного повеселеет и воспрянет духом. Во всяком случае, она не в силах спокойно глядеть на то, как терзается Юкико. Им с Тацуо ничуть не легче, а может быть, даже тяжелее, чем ей.

Для более пространной беседы с Цуруко у Тэйноскэ не было времени. Да, теперь ему ясно, сказал он, как нелегко им приходится. Безусловно, в том, что происходит сейчас с Юкико, во многом виновата Сатико. Всё это очень прискорбно… О болезни Эцуко он умолчал.

Когда Тэйноскэ вернулся домой и Сатико стала расспрашивать его о «главном доме» и о Юкико, ему пришлось рассказать ей обо всём, что он узнал от Цуруко.

— Признаться, я и не подозревал, что жизнь в Токио будет для Юкико-тян настолько невыносимой, — заключил Тэйноскэ свой рассказ.

— Как ты считаешь, может быть, ей неприятно жить в долге Тацуо?

— Возможно.

— А может быть, она тоскует по Эцуко?

— Причины могут быть самые разные, но ясно одно: Юкико-тян не приспособлена для жизни в Токио.

Сатико вспомнила, что ещё в детстве Юкико имела обыкновение молча выплакивать свои беды и обиды. Она живо представила себе, как та сидит, склонившись над столом, и беззвучно плачет.

25

Эцуко лечили от нервного расстройства с помощью успокаивающих средств (время от времени она принимала бромистый калий) и специальной диеты. Обеспечить ей полноценное питание оказалось не так уж трудно — достаточно было обратиться к рецептам китайской кухни. Если блюдо было приготовлено по-китайски, Эцуко с удовольствием съедала даже жирную пищу, от которой прежде отказывалась. К тому же с наступлением зимы она избавилась от недомогания, вызванного бери-бери. Школьный учитель проявил к ней чуткость и не спрашивал с неё слишком строго. Всё это вместе взятое благотворно сказалось на состоянии девочки, и она стала поправляться гораздо раньше, чем предполагали её родные.

Таким образом, необходимость призывать на помощь Юкико как будто отпала, но после разговора с Тэйноскэ Сатико поняла, что не успокоится до тех пор, пока не повидается с нею.

Возвращаясь мысленно к разговору с Юкико в тот день, когда приезжала тётушка Томинага, Сатико не могла не признать, что поступила с Юкико жестоко. Не следовало ставить вопрос об её отъезде в Токио столь категорично. Она должна была, хотя бы из соображений обыкновенной справедливости, попросить тётушку о небольшой отсрочке и для Юкико — ведь разрешили же Таэко задержаться в Асии на два или три месяца. К тому же Сатико не нашла ни времени, ни слов хотя бы для того, чтобы сказать Юкико, как ей грустно с ней расставаться.

Видно, в тот день её особенно сильно обуяло тщеславное желание доказать всем, что она сумеет справиться со своими обязанностями одна, без посторонней помощи. А как безропотно, как смиренно восприняла её решение Юкико! Сатико не могла думать об этом без сожаления и боли…

Теперь ей открылось со всей очевидностью, что, уезжая в Токио без особой грусти, да ещё налегке, Юкико попросту была уверена, что скоро вернётся обратно. Ведь Сатико обещала в ближайшее время найти какой-нибудь предлог и вызвать её в Асию.

Приняв эти слова на веру, Юкико, должно быть, полагала, что едет в Токио ненадолго, всего лишь для очистки совести. Между тем, видя, что Сатико не торопится осуществить своё намерение, в то время как Таэко продолжает по-прежнему жить в Асии, Юкико наверняка чувствует себя обманутой. Что ж, у неё есть для этого всё основания…

Судя по всему, в «главном доме» сейчас вряд ли станут возражать против поездки Юкико в Асию. Но как отнесётся к этому Тэйноскэ? Скажет ли, что следует чуточку повременить, или, наоборот, учитывая, что с отъезда Юкико прошло уже четыре месяца, а состояние Эцуко заметно улучшилось, позволит ей пригласить сестру недели на две? Основательно поразмыслив, Сатико решила всё-таки отложить разговор с мужем до наступления весны.

Однако возможность вызвать Юкико из Токио представилась значительно раньше. Десятого января, словно по волшебству, пришло письмо от г-жи Дзимба.

Успели ли Сатико с мужем обдумать предложение г-на Номуры? — спрашивала г-жа Дзимба. Памятуя о пожелании Сатико, всё это время она не смела торопить её с ответом, но теперь хотела бы узнать, склонна ли г-жа Юкико принять это предложение. Если нет, она просила бы Сатико вернуть ей фотографию, если же они хоть сколько-нибудь заинтересованы в дальнейших переговорах, их не поздно начать и теперь. Хотя г-жа Дзимба не знает, сочли ли они уже возможным навести соответствующие справки о её протеже, к тому, что написал господин Номура о себе на обороте фотокарточки, она может добавить следующее: никакой недвижимости у него нет, единственным источником его доходов служит жалованье. Возможно, это обстоятельство огорчит г-жу Юкико.

Что же до г-на Номуры, то он выяснил всё, что его интересовало об их семье, и даже, как оказалось, где-то видел г-жу Юкико. Найдя её очень привлекательной, он выразил через г-на Хамаду горячую заинтересованность в этом браке и готовность ждать, сколько потребуется. Если г-жа Юкико и её близкие согласятся встретиться с ним, она, г-жа Дзимба, сможет считать, что хоть в какой-то мере отплатила благодетелю своего мужа, г-ну Хамаде, за его доброту…

Письмо г-жи Дзимба оказалось как нельзя кстати. Сатико решила немедленно сообщить в Токио о новом предложении и заодно

переслать сестре с зятем письмо г-жи Дзимба вместе с фотографией Номуры.

Г-жа Дзимба, писала Сатико сестре, хочет как можно скорее устроить смотрины. Коль скоро после случая с Сэгоси Юкико выразила пожелание, чтобы всё необходимые справки о женихе были наведены до того, как ей придётся встретиться с ним, они с Тэйноскэ готовы в спешном порядке сделать соответствующие запросы. Но прежде им хотелось бы узнать мнение «главного дома».

Спустя дней пять или шесть от Цуруко пришло на удивление длинное письмо.

Дорогая Сатико!

С некоторым опозданием поздравляю тебя с Новым годом. Очень рада, что вы приятно провели праздники. Мы же на новом месте почти не ощутили наступления Нового года, праздничные дни прошли в обыденной суете.

О том, что зимы в Токио холодные, я слышала не раз, но, признаться, даже не представляла себе, что бывает такая стужа, не проходит дня, чтобы не дул этот ужасный северный ветер. Сегодня за ночь полотенца до того замёрзли, что хрустели, когда я их снимала. Ничего подобного за всю жизнь в Осаке я не видывала. Говорят, ближе к центру города холод не так даёт себя знать, но мы живём почти на окраине, и к тому же место здесь высокое. Неудивительно, что все в доме, начиная с детей и кончая прислугой, один за другим переболели сильной простудой. Только мы с Юкико отделались насморком. С другой стороны, пыли здесь меньше, чем в Осаке, и воздух намного чище. Подол кимоно, в котором я проходила десять дней, всё ещё чистый. В Осаке Тацуо хватало одной рубашки на три дня, здесь же он может ходить в ней целых четыре.

Теперь о деле. Мы очень признательны вам за хлопоты об устройстве судьбы Юкико. Получив от тебя фотографию и письмо, я в тот же день показала их Тацуо. Как видно, несколько переменив свои взгляды, на сей раз он был не столь придирчив, как это было свойственно ему прежде.

Тацуо склонен полностью доверить решение вопроса вам. Его смущает только одно: человеку, который в сорок с лишним лет занимает столь скромную должность, вряд ли приходится рассчитывать на прибавку жалованья и дальнейшее продвижение по службе, а при отсутствии какой-либо недвижимости он не сможет обеспечить Юкико большой достаток.

Однако если это обстоятельство Юкико не смутит, Тацуо не намерен чинить препон этому браку. Что же касается смотрин, то вы вольны устроить их тогда, когда сочтёте нужным. Конечно, полагалось бы сначала навести всё, необходимые справки об этом г-не Номуре, но, если он проявляет такое нетерпение, можно поторопиться со смотринами, оставив выяснение мелких подробностей на потом.

По-видимому, Тэйноскэ рассказал тебе, как нелегко мне приходится с Юкико. Признаться, я уже и сама подумывала о том, чтобы под каким-нибудь предлогом отправить её ненадолго к вам. Вчера, когда я рассказала ей о твоём письме, она даже не попыталась скрыть свою радость и тут же согласилась на смотрины, понимая, что это даст ей возможность поехать в Асию. Сегодня с утра её не узнать — она сияет. Ну что тут поделаешь!

Как только определится день смотрин, дайте нам знать, Юкико сможет выехать в любое время. Было бы хорошо, чтобы дней через пять после смотрин она вернулась в Токио, по я не стану возражать, если ей захочется остаться у вас чуточку дольше. С Тацуо я как-нибудь договорюсь.

Со времени нашего приезда в Токио я ещё никому не писала и вот, сев за письмо, не могу остановиться. Но пора кончать, пальцы совсем онемели от холода, В доме ужасная стужа — такое чувство, будто кто-то льёт тебе за шиворот ледяную воду. В Асии, должно быть, гораздо теплее, и всё-таки, пожалуйста, берегите себя и не простужайтесь.

Сердечный привет Тэйноскэ.

Твоя Цуруко.

18 января.

Сатико плохо знала Токио, и названия вроде «Сибуя» ничего ей не говорили. Пытаясь представить себе место, где живёт Цуруко, она вызывала в памяти картины токийских окраин, которые некогда наблюдала из окна поезда, — долины, холмы, леса с рассыпанными вдалеке кучками домов, а над всем этим — небо, такое яркое в своей голубизне, что от одного его вида по коже пробегал холодок. Токио представлялся ей каким-то иным миром, совершенно отличным от Осаки. Но вот упоминание об онемевших от холода пальцах будило в её воображении вполне конкретные ассоциации. Сатико вспомнила старый осакский дом, который даже в зимнее время почти не отапливался. Хотя в гостиной стояла электрическая печка, её включали редко, когда приходили гости, да и то лишь в самые холодные дни. В обычное же время обходились одной жаровней, отапливаемой древесным углём, поэтому Сатико, приезжавшей к сестре на Новый год, было хорошо знакомою это чувство: *«будто кто-то льёт тебе за шиворот ледяную воду»*. Не раз она возвращалась оттуда совершенно простуженная.

По словам Цуруко, проводить отопление в осакских домах начали лишь в двадцатые годы, поэтому даже их отец с его любовью к комфорту смог установить у себя газовые горелки только за год до смерти. Впрочем, ими почти не пользовались: у отца от газа кружилась голова, и в детстве сёстры не знали иного способа обогревания, кроме старозаветной жаровни. Впервые оценить преимущества по-настоящему тёплого дома Сатико смогла, когда они с мужем поселились в Асии. Теперь, привыкшей к электрическому отоплению, ей было трудно поверить, как когда-то в детстве она бежала к жаровне, чтобы хоть немного согреться. Цуруко же, как видно, и в Токио продолжает жить по старинке, и если Юкико с её выносливостью способна терпеть эту стужу, то она, Сатико, наверняка сразу же слегла бы там с воспалением лёгких.

*** * ***

Для того чтобы определить день смотрин, потребовалось время: приятельница Сатико поддерживала связь с Номурой через г-на

Хамаду. Наконец Сатико известили, что Номура выразил пожелание, чтобы его встреча, с Юкико состоялась непременно до праздника Сэцубун,[51] и двадцать девятого января Сатико сообщила об этом в Токио. Памятуя о неловкости, возникшей в прошлом году из-за телефонных разговоров с Итани, Сатико попросила, мужа установить второй аппарат во флигеле.

Не успела Сатико отправить письмо, как на следующий же день, тридцатого, неожиданно пришла открытка от Цуруко. В «главном доме» переполох: двое младших сыновей одновременно слегли с инфлюэнцей, а у трёхлетней Умэко подозревают воспаление лёгких. Поначалу Цуруко с мужем думали пригласить сиделку, но потом отказались от этой затеи: в крохотной комнате ей негде было бы спать и, кроме, того, во время болезни Хидэо они убедились, что Юкико умеет ухаживать за больными лучше любой сиделки. Цуруко надеется, что сестра проявит понимание и договорится с г-жой Дзимба о перенесении смотрин на более позднее время. Вслед за этой открыткой от Цуруко пришло новое известие, — у маленькой Умэко действительно началось воспаление лёгких.

Сатико рассудила, что за неделю девочка никак не сможет поправиться, и, сообщив г-же Дзимба о непредвиденных обстоятельствах, попросила отложить смотрины. Та успокоила её, заверив, что г-н Номура готов ждать, сколько потребуется. По Сатико всё равно было обидно за младшую сестру, которой всегда приходится поступаться собственными интересами ради других, которая всегда оказывается в проигрыше…

Между тем Макиока скрупулёзно наводили справки о Номуре. Из сыскного агентства, им сообщили, что официальный ранг Номуры — чиновник третьей степени высшего разряда, что его жалованье составляет три тысячи шестьсот иен в год и что с учётом наградных его доход в месяц исчисляется приблизительно тремястами пятьюдесятью иенами. Выяснилось также, что в своё время его отцу принадлежала гостиница в городке Химэдзи, но в настоящее время Номура никакой недвижимостью не обладает. Из ближайших родственников у него осталась только сестра — она живёт в Токио и состоит в браке с аптекарем по фамилии Ота. Кроме того, у Номуры есть двое дядей, проживающих в Химэдзи; один держит антикварный магазинчик и даёт уроки чайной церемонии, а другой служит

чиновником в каком-то регистрационном бюро. Единственным родственником, который может сделать ему честь, является его двоюродный брат Дзёкити Хамада, президент компании «Кансай дэнея». (Именно его г-жа Дзимба считала благодетелем своей семьи, видимо, потому, что Хамада, в долге которого её муж когда-то служил привратником, помог ему получить образование.)

Этим, собственно, информация, полученная через сыскное агентство, исчерпывалась. Вместе с тем, агентство документально подтвердило, что жена Номуры действительно умерла от инфлюэнцы, а причиной смерти обоих его детей был отнюдь не какой-либо наследственный недуг.

Тэйноскэ, в свою очередь, постарался по доступным ему каналам разузнать, что представляет собой Номура как человек. При этом выяснилось: особых пороков за Номурой не водится, если не считать одной довольно-таки странной привычки: он имеет обыкновение разговаривать сам с собой. Делает он это лишь тогда, когда, по его мнению, поблизости никого нет, но сослуживцы не раз оказывались невольными свидетелями его странных, можно сказать совершенно бессмысленных, бесед с самим собой. Покойные жена и дети тоже знали за ним эту чудинку и нередко посмеивались над «забавными вещами, которые говорит папочка».

В качестве примера Тэйноскэ рассказали о таком случае.

Один из сослуживцев Номуры находился в туалете, когда кто-то зашёл в соседнюю кабину. Вскоре оттуда послышался голос, дважды повторивший один и тот же вопрос: «Простите, пожалуйста, вы господин Номура?» Сослуживец хотел было ответить: «Нет, я такой-то», — но тут до него вдруг дошло, что голос принадлежит никому иному, как самому Номуре. Чтобы не ставить Номуру в неловкое положение, — судя по всему, он не подозревал, что в туалете кто-то есть, — этот сослуживец постарался ничем не выдать своего присутствия. Но, поскольку Номура всё не выходил и не выходил из своей кабины, тому в конце концов надоело ждать, и он потихоньку выскользнул из туалета.

Номура, конечно же, не мог не понять, что его подслушали, и в душе наверняка испытывал досаду, но, вернувшись в комнату, продолжал работать, как ни в чем не бывало. Слова, которые он говорит в такие минуты, совершенно безобидны, но от этого они

кажутся ещё более смешными. Хотя порой по рассеянности Номура и оказывается застигнутым врасплох, эту его привычку нельзя назвать вовсе бессознательной уже потому, что в чьём-либо присутствии он избегает разговаривать сам с собой. Иногда, будучи уверенным, что поблизости никого нет, он говорит так громко, что человек непосвящённый вполне может подумать, будто он сошёл с ума…

Откровенно говоря, Тэйноскэ и Сатико не усмотрели серьёзного изъяна в этой вполне невинной странности, и тем не менее они считали, что Номура не подходит для Юкико.

Более всего Сатико смущала его внешность: на фотографии он выглядел гораздо старше своих сорока шести лет. Она знала наперёд, что он не понравится Юкико и дело разладится после первой же встречи. Одним словом, предстоящее свидание Юкико с Номурой ни в коей мере не обнадёживало, и всё-таки оно служило поводом для приезда Юкико в Асию, поэтому Сатико и Тэйноскэ пришли к выводу, что уже ради этого стоит согласиться на смотрины. А поскольку, решили они, Юкико ни при каких обстоятельствах не захочет стать женой Номуры, то и нет никакой необходимости посвящать её во всякие неприятные подробности и предупреждать о его странной привычке.

26

«Выезжаю сегодня экспрессом «Чайка».
Юкико».

Эту телеграмму принесли в тот самый момент, когда Эцуко с матерью и О-Хару расставляли в гостиной украшения для праздника кукол.[52] В Осаке этот праздник принято отмечать не в марте, как в Токио, а в апреле, поэтому, строго говоря, начинать эти приготовления было преждевременно. Но накануне Таэко подарила племяннице собственноручно сделанную фигурку актёра Кикугоро в костюме из пьесы «Додзёдзи».[53] А поскольку Сатико знала, что Юкико должна приехать со дня на день, ей пришло в голову заняться подготовкой к празднику уже теперь.

— Эттян, — сказала она дочери, — давай-ка поставим фигурку Кикугоро вместе с твоими куклами. Пусть они тоже встретят Юкико.

— Мамочка, но до праздника ещё целый месяц.

— Да и персики ещё не расцвели, — заметила Таэко. — И потом, разве ты не знаешь, что есть такая примета: если девочка выставит кукол раньше времени, ей будет трудно выйти замуж?

— Ты всё перепутала. Не полагается, чтобы куклы стояли после праздника. Помнишь, мама всегда говорила, что кукол необходимо убирать на следующий же день после праздника. А заранее выставлять их не возбраняется, в этом нет ничего дурного.

— Вот оно что? Я этого не знала.

— Теперь знай. Такой всезнайке, как ты, не к лицу не знать таких простых вещей.

Куклы, о которых шла речь, были заказаны в знаменитом киотоском магазине «Марухэй» к первому в жизни Эцуко весеннему празднику. После того как семья поселилась в Асии, их всегда выставляли в гостиной. Хотя европейское убранство гостиной не вполне вязалось с этими сугубо японскими украшениями, место для них было именно здесь, в комнате, где собиралась вся семья. Желая

порадовать сестру, которая не была в Асии целых полгода, Сатико предложила выставить кукол раньше обычного, чтобы они простояли весь месяц, пока Юкико будет с ними. И вот сегодня, третьего марта, они принялись за дело.

— Ну что я тебе говорила, Эттян?

— Да, мамочка, ты была права. Юкико действительно приезжает сегодня.

— Как раз к празднику кукол!

— Это хорошая примета, — сказала О-Хару.

— Значит, на этот раз она выйдет замуж?

— Эттян, не вздумай сказать это в присутствии Юкико.

— Хорошо. Я понимаю.

— И ты, О-Хару, тоже. Гляди, чтобы не повторилась прошлогодняя история.

— Не извольте тревожиться.

— Я понимаю, ты в курсе дела, но, пожалуйста, если тебе захочется поговорить об этом, сделай так, чтобы Юкико не слышала.

— Слушаюсь…

— Ой, надо скорее позвонить Кой-сан! — воскликнула Эцуко.

— Прикажете мне позвонить?

— Нет, ступай лучше ты, Эттян.

Эцуко побежала к телефону и попросила соединить её со студией в Сюкугаве.

— …Да, сегодня… Приходи домой пораньше… Нет, не «Ласточкой», а «Чайкой»… О-Хару поедет в Осаку, чтобы её встретить…

Прилаживая золотую диадему к головке куклы-императрицы, Сатико внимательно прислушивалась к разговору.

— Эттян, — крикнула она дочери, — скажи Кой-сан, что я прошу её, если она не занята, встретить Юкико.

— Послушай, Кой-сан, мама говорит, чтобы ты, если не занята, встретила Юкико… Да, да… Поезд прибывает в девять вечера… Поедешь, да?.. Значит, О-Хару может не ехать?..

Таэко прекрасно понимала, почему сестра просит её поехать на вокзал. Тётушка Томинага в тот свой приезд недвусмысленно дала понять, что в скором времени Таэко тоже предстоит переехать в Токио, но в суете о ней, как видно, просто забыли.

Таким образом, Юкико исполнила волю «главного дома», а она, Таэко, продолжала наслаждаться полной свободой. Хотя бы уже поэтому Таэко полагалось встретить сестру на вокзале.

— А папе позвонить?

— Зачем же? Он придёт домой с минуты на минуту. Узнав о приезде Юкико, Тэйноскэ невольно поймал себя на мысли, что очень соскучился по ней за эти полгода. Ещё совсем недавно он всячески противился её приезду, и теперь ему стало неловко при одном воспоминании об этом.

Стремясь встретить свояченицу как можно радушнее, он распорядился приготовить для неё ванну и позаботиться об угощении. Скорее всего, Юкико поужинает в поезде, сказал он, но, быть может, ей захочется ещё раз перекусить перед сном. Тэйноскэ велел принести две бутылки её любимого вина, собственноручно обтёр их влажной тряпкой и проверил, достаточной ли оно выдержки.

Эцуко пытались отправить спать до приезда Юкико: завтра она успеет вволю наговориться с «сестричкой», но девочка и слушать об этом не хотела. Наконец в половине десятого О-Хару всё-таки удалось, увести её наверх. Вскоре, однако, у входной двери раздался звонок, и девочка со всех ног бросилась вниз:

— Юкико! Юкико приехала!

— С возвращением! — приветствовали Юкико взрослые.

— Спасибо.

Юкико вошла, в переднюю, осаживая радостно прыгавшего вокруг неё Джонни. Следом появилась и Таэко с чемоданом в руках.

Рядом с Таэко, которая в последнее время как-то особенно расцвела, Юкико выглядела усталой и измождённой, видно, её утомила дорога.

— А где подарки? Что ты мне привезла? — Не дожидаясь разрешения, Эцуко открыла чемодан Юкико и вытащила оттуда пакет с узорчатой бумагой и коробочку с носовыми платками.

— Это для твоей коллекции, ведь ты собираешь носовые платки?

— Да. Спасибо большое!

— Там для тебя есть ещё кое-что. Ну-ка, поищи хорошенько.

— Вот! Нашла!

Эцуко раскрыла коробку, завёрнутую в бумагу с маркой знаменитого магазина «Авая» на Гиндзе, и увидела красные

лакированные сандалии.

— Какая прелесть! — воскликнула Сатико. — В Осаке таких не купишь. Убери сандалии в коробку, Эттян, ты их наденешь, когда поедем любоваться сакурой.

— Хорошо. Спасибо тебе, сестричка!

— Мне кажется, ты ждала не столько меня, сколько подарков.

— Ну всё, а теперь забирай свои сокровища и отправляйся спать.

— Только пусть сегодня Юкико спит со мной.

— Хорошо, хорошо, — сказала Сатико. — Юкико должна принять ванну, поэтому пока что ступай к себе с О-Хару.

— Юкико, приходи скорее, ладно.

****

Когда Юкико вышла из ванной, было уже около двенадцати. Как давно не сидела она в гостиной вместе с сёстрами и зятем за этим столиком с белым вином и сыром, слушая, как уютно потрескивают дрова, в камине!

— До чего же тепло здесь, в Асии. Я почувствовала это сразу, как только вышла из поезда.

— Уже весна. Скоро праздник Омидзутори.

— Неужели в Токио намного холоднее?

— Конечно. Там климат куда более суровый. И потом, эти знаменитые токийские ветры. На днях я отправилась в центр за покупками, а когда шла обратно, вдруг налетел такой вихрь, что свёртки посыпались у меня из рук и покатились по улице, я едва их догнала, ведь одной рукой приходилось ещё придерживать подол кимоно. Я тогда подумала, что люди нисколько не преувеличивают, рассказывая о бешеных токийских ветрах.

— Когда я был у вас в Сибуе, меня поразило, как быстро дети освоили токийский говор. Это было в ноябре, стало быть, к тому времени они не прожили в Токио и трёх месяцев, а уже говорили на токийских диалекте так, будто там родились. Причём я заметил: чем ребёнок младше, тем чище его выговор.

— Надо думать, Цуруко в её годы не может похвастать такими успехами, — заметила Сатико.

— Что верно, то верно. Впрочем, она и не стремится к этому. Как-то раз мы ехали с ней в автобусе, и она начала говорить что-то на осакском диалекте. Всё пассажиры повернулись в нашу сторону. Мне стало очень неловко, но Цуруко продолжала говорить со мной, ничуть не смутившись, не обращая внимания на любопытные взгляды. В конце концов кто-то из пассажиров сказал: «А этот осакский говор не так уж плох». — Эту последнюю фразу Юкико произнесла на токийский манер.

— В её возрасте всё женщины таковы, — сказал Тэйноскэ. — Им совершенно безразлично, что о них подумают окружающие. Я знаю одну гейшу — ей, правда, уже далеко за сорок. Так вот, она рассказала мне, что, бывая в Токио, нарочно говорит только на осакском диалекте. Если ей нужно выйти из трамвая, она громко заявляет об этом водителю, и тот останавливается там, где она пожелает.

— Тэруо-тян стесняется осакского выговора матери и старается никуда с ней не ходить.

— Ну, он всё-таки ещё ребёнок.

— А как чувствует себя Цуруко на новом месте?

— Судя по всему, не так уж плохо. Ей нравится, что, в отличие от Осаки, там каждый занят самим собой и не вникает в дела других. Кроме того, тамошние женщины стремятся подчеркнуть свою индивидуальность и носят не то, что модно, а то, что им идёт. Цуруко и в этом усматривает выгодное отличие Токио от Осаки.

Юкико была весела и словоохотлива, как никогда. Возможно, в какой-то мере сказывалось действие вина, но она так и лучилась радостью — наконец-то она снова в Асии и может вот так сидеть в этой гостиной и беседовать с сёстрами, не замечая, что на дворе уже ночь.

— Не пора ли ложиться спать? — спросил Тэйноскэ, но беседа становилась всё более оживлённой, и ему — в который уж раз — пришлось подняться и подложить дров в камин.

— В скором времени и мне придётся отправиться в Токио, — сказала Таэко. — У них в Сибуе ужасная теснота. Когда же они думают переезжать?

— Не, не похоже, чтобы они занимались поисками нового дома.

— Как же так? Выходит, они вовсе не собираются переезжать?

— По-моему, нет. Первое время Цуруко с Тацуо без конца твердили: мол, жить в такой тесноте невозможно, нужно поскорее найти дом попросторнее, но теперь уже не заводят об этом разговора. Мне кажется, они передумали. — И Юкико рассказала следующее.

Это всего лишь её предположение, подчеркнула она, но, по её мнению, причиной, побудившей сестру с зятем расстаться с любимой Осакой и решиться на переезд в Токио, послужило стремление Тацуо продвинуться по службе. Прокормить семью из восьми человек на деньги, унаследованные от их отца, он уже не мог. Одним словом, в «главном доме» возникли денежные затруднения. И хотя поначалу Цуруко с мужем роптали на тесноту, со временем они, наверное, пришли к выводу, что с нею можно смириться. По-видимому, их устраивает сравнительно невысокая плата, всего пятьдесят пять иен. И сестра и зять подчёркивали это всякий раз, когда речь заходила о поисках другого дома. Скорее всего, это соображение и заставило их в конце концов отказаться от мысли о переезде.

Живя в Осаке, они вынуждены были поддерживать видимость благополучия, в Токио же фамилия Макиока никому ничего не говорит, поэтому они могут позволить себе больше заботиться о своём кармане, нежели о престиже. Как директор токийского филиала банка Тацуо получает весьма солидное жалованье, но при этом семья живёт гораздо скромнее, чем в Осаке. Они экономят на всём, и прежде всего на питании. Конечно, когда, имеешь шестерых детей, приходится задумываться даже о том, какие овощи подать к столу, и всё же еда у них стала поразительно скудной, не то что прежде, в Осаке. Обед чаще всего состоит из какого-нибудь одного немудрёного блюда — рагу, риса с соусом карри или сацумского супа с мясом.

Цуруко старается свести расходы на хозяйство до минимума. Мяса на столе почти не бывает, если не считать одного-двух кусочков, которые, попадаются в рагу или супе. Правда, время от времени взрослые ужинают отдельно от детей, и тогда в кой веки удаётся полакомиться сасими[54] из тунца — о том, чтобы купить окуня, не может быть и речи, он слишком дорог в Токио. Причём у Юкико сложилось впечатление, что это лакомство выставляется на стол не столько ради Тацуо, сколько ради неё. По-видимому, сестре с зятем неловко: живя в их доме, Юкико не видит ничего, кроме забот об их детях.

— Судя по всему, они решили остаться в Сибуе, — сказала Юкико, подводя итог своему рассказу. — Вот увидите, они никуда оттуда не уедут.

— Неужели с переездом в Токио они так переменились?

— Мне кажется, Юкико не ошибается в своём предположении, — сказал Тэйноскэ. — Переезд в Токио позволил Тацуо отбросить соображения престижа и поправить материальное положение семьи. Что ж, это вполне разумно с его стороны, и осуждать его за это не приходится. А с теснотой в доме вполне можно смириться, нужно лишь настроить себя соответствующим образом.

— В таком случае, они должны так прямо и сказать, а не повторять заискивающим тоном: как обидно, что у нашей Юкико нет своей комнаты…

— Ну, видишь ли, людей не переделаешь. Наверное, они говорят так ради приличия.

— Когда приеду я, станет ещё теснее, — заметила Таэко.

— Гм… Не представляю себе, где ты будешь спать…

— Значит, пока я в безопасности?

— Мне кажется, пока про тебя забыли.

— Послушайте, теперь уж действительно пора спать! — воскликнул Тэйноскэ, когда часы на каминной полке пробили половину третьего. — Юкико нужно отдохнуть с дороги.

— Я хотела ещё поговорить о смотринах, но с этим, пожалуй, можно подождать до завтра.

Оставив эти слова Сатико без внимания, Юкико первой отправилась наверх. Эцуко спала в своей комнате, а на столике рядом с её кроватью были аккуратно разложены привезённые Юкико подарки, вплоть до коробки из-под сандалий. При взгляде на освещённое неярким светом ночника умиротворённое лицо девочки Юкико опять ощутила горячий прилив радости: она снова здесь, в Асии!

Юкико подошла к спящей на полу служанке и несколько раз позвала.: «О-Хару!» — но та даже не шевельнулась. Кое-как растормошив девушку и отправив её вниз, Юкико легла в постель и тотчас же погрузилась в сон.

27

Смотрины, ради которых Юкико вызвали в Асию, были назначены на восьмое марта. Этот день выбрала г-жа Дзимба о времени же и месте встречи она обещала сообщить дополнительно. Однако вечером пятого числа случилось непредвиденное, из-за чего смотрины снова пришлось отложить.

Утром того дня Сатико вместе, с двумя приятельницами поехала в Ариму навестить их общую знакомую, которая после болезни отдыхала там на горячих источниках. К несчастью, подруги решили ехать автобусом через горный перевал Рокко, и, хотя возвращались домой они на поезде, вечером, дома, уже в постели, Сатико вдруг почувствовала резкую боль в животе, и у неё открылось кровотечение.

Осмотрев Сатико, доктор Кусида высказал предположение, что у неё начались преждевременные роды. Вызванный тотчас же консультант подтвердил этот диагноз. А утром у Сатико произошёл выкидыш.

Всю ночь Тэйноскэ не отходил от жены. На следующий день он не пошёл на службу и опять-таки почти неотлучно находился в комнате Сатико, даже после, того, как боли у неё начали утихать. Он сидел у жаровни, уперев подбородок в руки, покоившиеся на каминных щипцах, и лишь временами, почувствовав на себе затуманенный слезами взгляд жены, поднимал к ней лицо.

— Ну, полно, полно… Ничего теперь не поделаешь…

— Ты не сердишься на меня?

— Помилуй, за что?

— За то, что я была неосторожна.

— О чем ты говоришь! Наоборот, теперь у меня появилась надежда.

Слёзы, стоявшие в глазах Сатико, крупными каплями покатились по щекам.

— Как обидно, что так случилось…

— Не надо больше об этом. Вот увидишь, у нас ещё будет ребёнок…

В течение дня супруги не раз возвращались к этому тягостному разговору. Глядя на бледное, без кровинки, лицо жены, Тэйноскэ и сам был не в силах справиться с охватившей его печалью.

С некоторых пор Сатико подозревала, что беременна, но никак не могла в это поверить: с рождения Эцуко прошло уже девять лет, к тому же в своё время доктора предрекали неизбежность специальной операции, если она захочет иметь второго ребёнка. Вот почему она и не задумывалась о своей беременности всерьёз.

Между тем Сатико знала, как горячо Тэйноскэ мечтает о сыне, да и ей самой, при том, что она, разумеется, не собиралась уподобляться Цуруко, было грустно оттого, что у неё только один ребёнок. Всей душой желая, чтобы её предположения подтвердились, она намеревалась переждать ещё месяц и тогда пойти к врачу.

Вчера, когда приятельницы предложили ехать автобусом, внутренний голос подсказал Сатико, что, при всей заманчивости такой поездки, этого делать не следует. Но она не прислушалась к этому голосу. Ей было неловко возражать и тем самым портить удовольствие подругам. Значит, ею двигало не пустое легкомыслие и, стало быть, ей не за что себя корить. Но когда доктор Кусида выразил сожаление, что она не остереглась, Сатико не могла сдержать слёзы раскаяния. Зачем она согласилась ехать автобусом? Зачем вообще решилась на эту поездку в Ариму?

Тэйноскэ, как мог, старался её утешить. Теперь, говорил он, у него наконец появилась надежда иметь сына, которую он совсем было потерял, думая, что у них уже не будет детей. Но Сатико видела, что в глубине души муж тяжело переживает случившееся, и чем больше он её жалел, тем сильнее досадовала на себя. Она совершила ошибку — нелепую и непоправимую.

На следующее утро Тэйноскэ, к которому, казалось, вернулось обычное расположение духа, отправился на службу, а Сатико лежала в своей комнате наверху и предавалась горестным мыслям. В присутствии Юкико, дочери или прислуги она старалась не плакать — ведь сестра приехала сюда ради смотрин, а это счастливое событие. Но стоило Сатико остаться одной, как на глазах у неё сразу же появлялись слёзы. Не допусти она этой ужасной оплошности, в ноябре у неё родился бы ребёнок, а на будущий год в это время он уже смеялся бы в ответ на её ласки…

Сатико не сомневалась, что на сей раз это был именно мальчик. Как обрадовалась бы ему Эцуко, не говоря уже о Тэйноскэ! Ей было бы намного легче, если бы она вовсе не догадывалась о своей беременности. Но ведь было же, было у неё тогда нехорошее предчувствие. Почему же она не отказалась от поездки на автобусе?" Предложение приятельниц застигло её врасплох, но ведь она могла найти какую угодно отговорку и отправиться вслед за ними на поезде. Почему же она этого не сделала? Нет, ей не может быть никакого оправдания.

Впрочем, возможно, Тэйноскэ прав и у них ещё будет ребёнок. А если нет? Тогда угрызения совести будут мучить её всю оставшуюся жизнь. Сколько бы времени ни прошло, она будет вспоминать об этом неродившемся ребёнке и думать: теперь ему исполнилось бы уже столько-то… Сатико проклинала себя за беспечность, её не покидало чувство вины перед мужем и перед ребёнком, которого она потеряла. И снова глаза ей застилали слёзы.

Коль скоро из-за болезни Сатико смотрины не могли состояться в намеченный день, об этом предстояло уведомить г-жу Дзимба. Правила приличий требовали, чтобы после стольких отсрочек кто-нибудь из семьи невесты лично принёс ей свои извинения. Трудность, однако, состояла, в том, что Тэйноскэ не был знаком ни с самой г-жой Дзимба, ни тем более с её супругом, который покамест держался в стороне от переговоров о сватовстве.

Вечером шестого числа Тэйноскэ от имени Сатико написал г-же Дзимба письмо.

Как ни прискорбно беспокоить её просьбой об очередной отсрочке, говорилось в нём, приходится это сделать, так как Сатико простудилась и лежит в постели с высокой температурой. Тэйноскэ выражал надежду, что г-жа Дзимба не истолкует его письмо превратно и поверит ему: болезнь Сатико — единственная причина, из-за которой они не могут встретиться с г-ном Номурой. Болезнь Сатико не особенно серьёзна, говорилось далее в письме, и поэтому у него есть всё основания полагать, что через неделю жена поправится.

Как именно восприняла это письмо г-жа. Дзимба, неизвестно, но на следующий день к вечеру она без всякого предупреждения явилась в Асию. Она приехала навестить Сатико, сказала г-жа Дзимба. Сатико распорядилась, чтобы её провели к ней наверх, подумав, что визит г-

жи Дзимба весьма кстати — пусть она убедится, что Сатико действительно нездорова и лежит в постели.

Увидев свою давнюю подругу, Сатико сразу же почувствовала желание излить перед ней душу. Смотрины — событие радостное, начала она, поэтому ей не хотелось сообщать в письме о своём несчастье, но теперь она может рассказать всё как есть. И Сатико коротко поведала подруге, о злополучной ночи пятого числа, не умолчав и о том, как тяжело у неё на сердце.

Разумеется, сказала Сатико, этот разговор должен остаться между ними, что же касается господина Номуры, то госпожа Дзимба вольна выдвинуть любую причину, какую сочтёт уместной.

Во всяком случае, Сатико, надеется, что теперь, зная всю правду, госпожа Дзимба не станет на неё сердиться и согласится перенести смотрины на более поздний срок. Она рассчитывает быть на ногах уже через неделю — так ей обещал врач.

— Какая жалость, что так получилось, — воскликнула г-жа Дзимба, выслушав Сатико. — Могу себе представить, как огорчён ваш супруг.

Увидев, однако, что глаза Сатико повлажнели, г-жа Дзимба поспешила перевести разговор на другую тему. Если через неделю Сатико уже сможет выходить из дома, нельзя ли назначить смотрины на пятнадцатое? Получив сегодня утром письмо господина Тэйноскэ, призналась г-жа Дзимба, она сразу же переговорила с господином Хамадой, и они пришли к выводу, что в нынешнем месяце это единственный подходящий день, ведь вся неделя с восемнадцатого по двадцать четвёртое марта отпадает, потому что на неё приходится праздник Хиган.[55] Откладывать же смотрины до следующего месяца не хотелось бы. Во всяком случае, господин Хамада выразил пожелание, чтобы они состоялись именно пятнадцатого. Как Сатико на это смотрит? Пятнадцатое число будет как раз через неделю…

Сатико не рискнула возражать, тем более что прогнозы врача на её счёт были вполне обнадёживающими, и, не посоветовавшись с Тэйноскэ, согласилась с предложением г-жи Дзимба.

Между тем, хотя в состоянии Сатико не было перемен к худшему, четырнадцатого числа она всё ещё не чувствовала себя вполне здоровой. Это тревожило Тэйноскэ, который с самого начала считал, что жене не стоило связывать себя обещанием относительно даты

смотрин. Он вовсе не исключал, что Сатико будет вынуждена остаться дома и ему одному придётся сопровождать Юкико.

Поскольку г-жа Дзимба знала о нездоровье Сатико, он мог рассчитывать на её понимание. Единственное неудобство состояло в том, что кто-нибудь должен был представить друг другу стороны жениха и невесты, а кроме Сатико, никто этого сделать не мог.

Юкико тоже беспокоилась о сестре и говорила, что ей не следует утруждать себя ради неё, что нужно снова отложить смотрины, а если, паче чаяния, из-за этого сватовство расстроится, значит, так тому и быть. Вполне возможно, этому сватовству вообще не суждено успешно завершиться, раз перед смотринами произошло такое несчастье… От этих слов Сатико с новой силой ощутила жалость к сестре, притупившуюся было из-за собственных треволнений.

За всё эти годы почти не было случая, чтобы перед смотринами Юкико внезапно не приключилась какая-нибудь неприятность или не возникло какое-то осложнение. Разумеется, было бы странно усматривать в этом некую закономерность, и тем не менее стоило Сатико условиться с г-жой Дзимба о дне смотрин, как захворала дочка Цуруко не успела миновать эта беда, как случилась новая — выкидыш у Сатико.

Сатико невольно ловила себя на мысли, что и она сама, и её близкие, точно по воле злого рока, делали всё, чтобы помешать счастью Юкико. Но, как ни странно, самой Юкико ничего подобного, казалось, не приходило в голову, и от этого Сатико испытывала к ней ещё большую жалость.

Утром четырнадцатого числа, когда Тэйноскэ уходил на службу, всё ещё было не ясно, сможет ли Сатико присутствовать на смотринах. Тэйноскэ считал, что жене следует остаться дома, Сатико же намеревалась непременно сопровождать сестру.

В три часа пополудни раздался телефонный звонок от г-жи Дзимба:

— Ну как, вы уже поправились, Сатико-сан?

— Да, мне намного лучше, — неожиданно для самой себя ответила Сатико.

— В таком случае, наша договорённость остаётся в силе, — поспешила вставить г-жа Дзимба. — Господин Номура предлагает встретиться завтра в пять часов вечера в холле гостиницы

«Ориенталь». Там мы выпьем чаю, а затем отправимся куда-нибудь ужинать. Куда именно, пока ещё не решено. Господин Номура считает, что об этом можно будет условиться на месте, ведь, хотя речь идёт о смотринах, их вовсе не обязательно обставлять особыми церемониями. Со стороны жениха будем только мы с мужем — господин Хамада доверил нам действовать от его имени, — а если учесть, что вы тоже придёте втроём, нас будет всего шесть человек.

Слушая г-жу Дзимба, Сатико окончательно укрепилась в своём намерении присутствовать на смотринах. И всё же в самом конце разговора, когда приятельница спросила: «Итак, я могу считать, что мы обо всём договорились?» — она нашла возможным сделать одну-единственную оговорку. Дело в том, сказала Сатико, что у неё всё ещё продолжается кровотечение, к тому же завтра она впервые выйдет из дома после болезни, поэтому она будет очень признательна госпоже Дзимба, если та постарается устроить так, чтобы по возможности избежать передвижения пешком. Даже если до ресторана будет совсем недалеко, она предпочла бы поехать туда на такси. Если госпожа Дзимба готова пойти ей в этом навстречу, она без колебаний отправится на смотрины.

Во время этого телефонного разговора Юкико не было дома, она причёсывалась у Итани. Узнав от сестры о содержании беседы с г-жой Дзимба, Юкико возразила лишь против того, чтобы встречаться в гостинице «Ориенталь».

Дело вовсе не в том, сказала она, что после неудачного сватовства с Сэгоси встреча в том же месте, не предвещает ей ничего хорошего. Просто тамошние служители и официантки наверняка запомнили её, и ей будет неприятно ловить на себе их понимающие взгляды: дескать, ну вот, старая дева опять решила попытать счастья.

Доводы Юкико не оказались для Сатико столь уж неожиданными. Зная, что переубедить сестру не так-то просто, она поспешила связаться по телефону с г-жой Дзимба из кабинета мужа. Объяснив приятельнице всё как есть, она спросила, нельзя ли устроить встречу в каком-нибудь другом месте.

Спустя два часа последовал звонок г-жи Дзимба. Она только что разговаривала с господином Номурой, но, к сожалению, ничего лучшего, чем гостиница «Ориенталь», им на ум не приходит. Конечно, можно было бы назначить встречу прямо в ресторане, но они

опасаются, что их выбор снова покажется Сатико или её сестре неудачным. Быть может, у Сатико есть какое-нибудь предложение на этот счёт? Если Сатико интересует её мнение, то она считает, что встретиться в гостинице «Ориенталь» было бы для всех гораздо удобнее, чем где бы то ни было.

В конце концов, они пробудут там совсем недолго, и она не видит, почему у Юкико должны быть какие-либо возражения на этот счёт. Быть может, Сатико попытается уговорить сестру?

Прежде чем дать окончательный ответ, Сатико решила посоветоваться с Тэйноскэ, который к тому времени как раз вернулся домой, и они пришли к выводу, что в данном случае необходимо исполнить волю Юкико.

Неловко проявлять такую настойчивость, сказала Сатико приятельнице, но она всё-таки просит её принять в расчёт пожелание Юкико. Г-жа Дзимба обещала подумать и утром позвонить снова.

На следующий день, пятнадцатого числа, г-жа Дзимба предложила встретиться в гостинице «Тор». На том в конце концов и порешили.

28

День, назначенный для смотрин, выдался прохладный и ненастный, что редко бывает после праздника Омидзутори. Ветра не было, но небо заволокли низкие свинцовые облака.

Проснувшись утром, Тэйноскэ первым делом спросил жену, как она себя чувствует. Этот же вопрос он повторил, едва переступив порог, когда вернулся со службы. Если Сатико чувствует себя не вполне здоровой, ещё не поздно предупредить госпожу Дзимба, что она останется дома. Нет, ответила Сатико, сегодня ей намного лучше. На самом же деле со вчерашнего дня, когда ей пришлось несколько раз бегать во флигель для телефонных переговоров, кровотечение у неё заметно усилилось.

Вымыв лицо и шею (всё это время Сатико было запрещено принимать ванну), она села к зеркалу. Никогда ещё она не видела себя такой бледной и осунувшейся — потеря крови не замедлила сказаться на её внешности.

Ну что ж, сегодня это даже кстати, подумала Сатико, вспомнив слова Итани о том, что, отправляясь с Юкико на смотрины, она должна выглядеть по возможности старше и неприметнее.

* * *

Как только Макиока показались в дверях гостиницы, г-жа Дзимба, ожидавшая их у входа, поспешила навстречу.

— Познакомьте же меня с вашим супругом, Сатико-сан, — сказала г-жа Дзимба и одновременно сделала знак рукой человеку, который скромно стоял чуть поодаль. Это был её муж Сэнтаро.

— Здравствуйте. Очень приятно, — произнёс Дзимба. — Жена в последнее время так много вам докучала…

— Ну что вы, напротив, это мы причинили вашей супруге множество хлопот. И она была так снисходительна к нашим просьбам…

— Послушайте, Сатико-сан, — сказала г-жа Дзимба, понизив голос, когда с церемонией знакомства было покончено. — Вон там

сидит господин Номура. Сейчас я вам его представлю. Понимаете, может быть, вам покажется это странным, но мы почти не знакомы с ним, просто встречались раза два у господина Хамады. Поэтому я хочу, чтобы вы сами расспросили его обо всём, что вас интересует.

Дождавшись, когда его супруга договорила, Дзимба с поклоном пригласил всех следовать за ним.

Сатико с Тэйноскэ уже успели обратить внимание на сидевшего в кресле немолодого мужчину, чьё лицо показалось им знакомым. Торопливым движением притушив в пепельнице недокуренную сигарету, Номура поднялся им навстречу. Сложения он был плотного и даже, как ни странно, ладного, но при этом, как и опасалась Сатико, выглядел ещё более непривлекательным, чем на фотографии. Его редкие, с проседью волосы торчали какими-то неряшливыми пучками, лицо было сплошь иссечено морщинами. На вид ему можно было дать всё пятьдесят пять лет, хотя он был только двумя годами старше Тэйноскэ. А если учесть, что Юкико, напротив, выглядела много моложе своих лет, их с Номурой можно было бы принять за отца и дочь. Сатико испытывала неловкость перед сестрой уже за то, что вообще привела её сюда.

Когда стороны жениха и невесты были представлены друг другу, всё шестеро расположились вокруг столика, но беседа не клеилась, то и дело возникали неловкие паузы. Возможно, причиной тому была неприступность, с какой держался Номура, но и супруги Дзимба, казалось бы, обязанные прийти на помощь, тоже как-то странно робели перед ним и чувствовали себя весьма скованно. Очевидно, Дзимба попросту не мог вести себя иначе в присутствии двоюродного брата своего благодетеля, и всё же его раболепие казалось чрезмерным. Тэйноскэ и Сатико, обычно легко поддерживавшие любую беседу, сегодня большей частью молчали: Сатико чувствовала себя подавленно, и это её настроение передавалось Тэйноскэ.

— А в чем, позвольте спросить, главным образом заключаются ваши обязанности, господин Номура? — спросил наконец Тэйноскэ, чтобы сказать хоть что-нибудь.

Последовал рассказ Номуры о том что его обязанности сводятся к руководству и надзору над технологией разведения форели в префектуре Хёго и что, как ему удалось установить, лучшая форель водится в Тацуно и Такино.

Тем временем г-жа Дзимба развернула бурную деятельность. Она отозвала Сатико в сторонку, посовещалась с нею о чем-то, затем подошла к Номуре, пошепталась с ним и после этого направилась к телефону. Вернувшись, она снова позвала Сатико для переговоров, после чего наконец водворилась на своё место.

Теперь уже Сатико подала знак Тэйноскэ, что хочет с ним посоветоваться.

— Что такое?

— Понимаешь, надо решить, в каком ресторане заказать ужин. Ты слыхал о китайском ресторане «Пекин»? Он находится где-то на взгорье.

— Нет, не слыхал.

— Господин Номура часто бывает там и хотел бы устроить ужин именно в этом ресторане. Я сказала госпоже Дзимба, что не возражаю против китайской кухни, но сегодня мне будет трудно сидеть на стуле, поэтому я предпочла бы ресторан, где можно сидеть по-японски. Она уверила меня, что, хотя это и китайский ресторан, там есть одна, а то и две японские залы, и тут же по телефону просила приготовить для нас одну из них. Как, ты не возражаешь?

— Мне всё равно, лишь бы тебе было удобно… Только постарайся не вскакивать каждую минуту.

— Но она всё время меня вызывает…

Сатико вышла в дамскую комнату и отсутствовала минут двадцать. Когда она наконец вернулась на своё место, лицо у неё было ещё бледнее, чем прежде.

— Сатико-сан, — снова окликнула её г-жа Дзимба, но Тэйноскэ не выдержал и сказал:

— С вашего позволения, я выслушаю вас вместо жены. — Тэйноскэ подошёл к г-же Дзимба. — Видите, ли, Сатико всё ещё неважно себя чувствует…

— Что вы говорите?.. Мне хотелось посоветоваться вот о чем. Я распорядилась, чтобы нам подали две машины. Быть может, мы сделаем так: в одну сядут господин Номура, госпожа Юкико и я, а в другой поедете вы с госпожой Сатико и мой муж?

— Это пожелание господина Номуры?

— Нет, отнюдь. Просто я подумала, что так будет лучше. Как вы на это посмотрите?

Тэйноскэ стоило немалых усилий скрыть вскипающее в нём раздражение. Зная о том, что присутствие на сегодняшних смотринах сопряжено для Сатико с немалыми физическими неудобствами и, возможно, даже чревато дальнейшими осложнениями, а кроме того, видя, что ей действительно нездоровится, ни г-жа Дзимба, ни её супруг не сочли возможным хоть как-то выразить ей своё участие. Возможно, они избегают упоминать о нездоровье Сатико из суеверия, и всё же как-нибудь косвенно проявить к ней сочувствие они, безусловно, могли бы.

Впрочем, быть может, он, Тэйноскэ, несправедлив к ним? В конце концов, разве не вправе они считать, что после всех проволочек со смотринами Сатико просто обязана принести такого рода жертву? Должно быть, они рассуждают так: смотрины нужны не им, а Юкико и ради сестры Сатико вполне может чуточку потерпеть и не думать, будто своим присутствием здесь оказывает им одолжение.

По-видимому, они руководствуются теми же соображениями, что Итани, — Сатико с мужем должны быть благодарны за проявленное ими желание помочь засидевшейся в невестах Юкико.

А может быть, дело вовсе не в этом, размышлял далее Тэйноскэ. Со слов Сатико он понял, что Дзимба занимает должность начальника отдела в той самой компании, которую возглавляет двоюродный брат Номуры — Дзёкити Хамада. Скорее всего, супруги Дзимба слишком озабочены тем, как угодить, чтобы думать о ком бы то ни было ещё. Тэйноскэ трудно было судить, сама ли г-жа Дзимба, движимая чувством долга по отношению к Хамаде, это придумала или на эту мысль навёл её Номура, но затея посадить Юкико в одну машину с Номурой показалась ему нелепой. У него даже возникло ощущение, что над ним попросту решили посмеяться.

— Так как вы считаете? Если, конечно, Юкико-сан не станет возражать…

— Видите ли, Юкико при её характере, конечно же, не станет возражать. Но мне кажется, если обстоятельства сложатся благоприятно, подобных возможностей будет ещё сколько угодно…

— А-а, понимаю. — Как видно, г-жа Дзимба наконец рассмотрела, выражение лица Тэйноскэ и криво усмехнулась, наморщив нос, отчего он стал похож на креветку.

— И потом, совместная поездка с господином Номурой вконец смутила бы Юкико. Одним словом, эффект был бы совершенно противоположен тому, на который хотелось бы рассчитывать…

— Да-да, я понимаю, Я предложила это так, на всякий случай…

Однако главный повод для раздражения ожидал Тэйноскэ впереди. Узнав, что ресторан «Пекин» стоит на возвышенности, у станции «Мотомати», он заранее спросил, сможет ли машина подъехать к самому входу, и его уверили, что сможет. Машина действительно подвезла их к самому входу, но, чтобы попасть в ресторан, нужно было преодолеть несколько крутых каменных ступеней. К тому же выяснилось, что приготовленная для них зала находится на втором этаже. Сатико, опираясь на руку Тэйноскэ, с большим трудом осилила лестничный марш. Они поднялись наверх заметно позже других. Увидев их, стоявший в коридоре Номура как ни в чем не бывало радостно воскликнул:

— Взгляните, господин Макиока, какой отсюда прекрасный вид на море!

— В самом деле. Лучшего места, для сегодняшней встречи, пожалуй, нельзя было и придумать, — с готовностью поддакнул стоявший рядом с ним Дзимба.

— Когда глядишь отсюда на порт, кажется, будто вдруг перенёсся в Нагасаки. В этом пейзаже есть нечто экзотическое, не правда ли?

— Как верно вы это подметили, господин Номура! В самом деле, очень похоже на Нагасаки, — с прежней живостью откликнулся Дзимба.

— Я частенько бываю в китайских ресторанчиках в Нанкинском квартале и никогда не подозревала, что в Кобэ есть такое прелестное заведение, — вступила в разговор г-жа Дзимба.

— Этот ресторан находится рядом с моей службой, мы здесь часто обедаем, — пояснил Номура. — И, доложу вам, кормят здесь совсем неплохо.

— Ах, вот как? Кстати, об экзотике, не кажется ли вам, что этот ресторан построен очень оригинально? — спросила г-жа Дзимба. — Такое строение можно было бы, наверное, увидеть в каком-нибудь китайском портовом городе. Обычно ресторанчики, которые держат китайцы, такие невзрачные на вид, а здесь всё особенное — взгляните на перила, на резьбу, на эти вазы.

— Там, в порту, стоит какой-то военный корабль, — заметила Сатико, скрепя силы стараясь быть любезной. — Интересно, чей на нём флаг?

Госпожа Дзимба на несколько минут отлучилась для переговоров с метрдотелем. Вернувшись, она сразу же направилась к Сатико. Лицо её выражало смущение.

— Сатико-сан, милая, мне очень жаль, но японские залы у них сейчас заняты, и нас просят пройти в китайский кабинет… Когда я звонила сюда, меня заверили, что непременно приготовят для нас японскую залу. Но, видите ли, здесь служат одни китайцы и, сколько им ни повторяй, до них ничего не доходит.

Тэйноскэ с самого начала заподозрил неладное, когда, поднявшись на второй этаж, увидел готовый к приёму гостей китайский кабинет. Разумеется, винить г-жу Дзимба за то, что подошедший к телефону служитель плохо понимает по-японски, было бы несправедливо, и всё же Тэйноскэ казалось, что она попросту не потрудилась сделать так, чтобы её поняли. Если бы г-жа Дзимба хоть чуточку сочувствовала Сатико, этого недоразумения не произошло бы. Между тем ни Дзимба, ни Номура не сочли нужным хотя бы выразить сожаление, что так получилось, и как ни в чем не бывало продолжали восхищаться видом на порт.

— Ну как, вы согласны потерпеть, Сатико-сан? — спросила г-жа Дзимба таким тоном, каким ребёнок выпрашивает понравившуюся игрушку, и обеими руками сжала ладонь Сатико, как бы опасаясь, что та не согласится.

— О, да здесь прелестно! — воскликнула Сатико, войдя в китайский кабинет. Раздражение Тэйноскэ беспокоило её сейчас куда больше, чем собственное недомогание. — Послушай, — сказала она мужу, — почему бы нам не приехать сюда как-нибудь с Эцуко и Кой-сан?

— Да, девочке будет интересно посмотреть на корабли в порту, — уныло произнёс он.

Наконец всё уселись за круглый стол. Место Сатико оказалось напротив Номуры. Подали закуски, сакэ и китайское вино шаосин. Застольную беседу начал Дзимба, заговоривший об аншлюсе, по поводу которого было много шума в газетах. Затем речь зашла об отставке Шушнига и вступлении Гитлера в Вену.[56] Разговор

происходил преимущественно в форме диалога между Дзимбой и Номурой, Тэйноскэ почти всё время молчал, лишь изредка вставляя какое-нибудь короткое замечание. Сатико, сколько могла, старалась не показывать вида, но за сегодняшний вечер самочувствие её заметно ухудшилось, а сидение на жёстком стуле, как она и предвидела, причиняло ей дополнительные неудобства. Всё это вместе с опасением, что она может испортить вечер, невольно сказывалось на её настроении. Тэйноскэ приходил во всё более сильное раздражение, но, видя, как напряжена Сатико, понимал, что ради неё должен взять себя в руки и попытаться хотя бы при помощи вина выглядеть более оживлённым.

Наполнив чарки мужчин, г-жа Дзимба повернулась к Сатико:[57]

— Как насчёт сакэ, Сатико-сан?

— Нет, спасибо. Юкико, может быть, ты выпьешь немного?

— Можно, я налью вам, Юкико-сан? — спросила г-жа Дзимба.

— Благодарю вас, я лучше попробую вот это. — Юкико пригубила чарку с шаосином, на дне которой виднелись кусочки нерастаявшего сахара.

Юкико было не по себе не только из-за подавленного настроения сестры и зятя, но и от упорных, пристальных взглядов Номуры. Она так низко склонилась над столом, что её хрупкие плечи совсем поникли, как у бумажной куколки.

Номура же с каждой выпитой чаркой становился всё более словоохотливым по-видимому, лицезрение будущей невесты тоже действовало на него возбуждающе. Весьма гордясь своим родством с Хамадой, он не преминул несколько раз в разговоре упомянуть это имя. Дзимба тоже цеплялся за любую возможность потолковать о «господине президенте», особенно упирая на то, какое деятельное участие тот принимает в судьбе своего двоюродного брата.

Тэйноскэ с немалым удивлением отметил про себя, что Номура знает всю подноготную об их семье — о самой Юкико, о её сёстрах, об их покойном отце, о Цуруко с мужем, о скандальной истории с Таэко, наконец. Тэйноскэ выразил готовность ответить на всё интересующие Номуру вопросы, и дотошность, с которой тот принялся его расспрашивать, не оставляла сомнений в том, что он навёл справки о Юкико везде, где только мог. Вероятно, тут не обошлось без содействия Хамады, во всяком случае, Номура намекнул, что его

человек побывал в салоне Итани, у доктора Кусиды, у мадам Цукамото и даже наведался к учительнице музыки, у которой Юкико некогда брала уроки. Номура знал, по какой причине расстроилось сватовство с Сэгоси и зачем Юкико обращалась в клинику при Осакском университете.

Всё эти сведения могли исходить только от Итани. И верно, как-то Итани рассказала Сатико, что к ней приходил некий господин, интересовавшийся Юкико, и она ответила на всё его вопросы в тех пределах, в каких сочла это уместным. Вспомнив об этом, Сатико сразу же подумала о пятне над глазом у Юкико. Сегодня она была совершенно спокойна на этот счёт — после приезда сестры из Токио пятно не появлялось. Сатико была почти уверена, что в разговоре с приходившим к ней господином Итани о пятне умолчала, и всё же при одной мысли о том, что Номура посвящён в эту тайну, ей стало не по себе.

Номура произвёл на Тэйноскэ впечатление человека очень нервного. Глядя на него, было нетрудно поверить, что за ним водится странная привычка разговаривать с самим собой. Номура же, судя по всему, ни на секунду не сомневался: его предложение будет принято. Скорее всего, именно поэтому он и не стеснялся в своих вопросах углубляться в щекотливые подробности. Теперь он выглядел таким оживлённым и благодушным, что оставалось лишь удивляться, куда делась та холодная неприступность, которая поразила Тэйноскэ и Сатико при первом знакомстве в гостинице «Тор».

Тэйноскэ и его спутницы с нетерпением ждали окончания ужина и мечтали как можно скорее вернуться домой. Однако напоследок возникло ещё одно непредвиденное осложнение. Супруги Дзимба, которые жили в Осаке, собирались доехать вместе с Макиока до Асии, а там пересесть на электричку. Но на стоянке у ресторана оказался только один лимузин. Дзимба предложили Номуре ехать вместе с ними — он жил в Аодани, и, следовательно, им всём было, в общем-то, по пути.

Перспектива заезжать в Аодани огорчила Тэйноскэ: чтобы добраться туда, нужно было сделать довольно большой крюк, к тому же дороги в этой части города были плохие, с обилием крутых подъёмов и спусков. Всякий раз, когда машина подпрыгивала на очередной колдобине, или резко поворачивала, он с тревогой думал о

жене, но, зажатый на переднем сиденье между Дзимбой и Номурой, не мог оглянуться назад.

Когда подъезжали к Аодани, Номура неожиданно изрёк: «Приглашу всех ко мне на чашечку кофе». Макиока попытались было отказаться, однако Номура не пожелал слушать никаких возражений. Особо похвалиться своим домом он, конечно, не может, но зато у него из гостиной открывается великолепный вид на море, получше, чем из ресторана «Пекин». Нет, они должны непременно зайти. Заодно они посмотрят, как он живёт.

Супруги Дзимба и тут поспешили его поддержать: грешно не воспользоваться столь любезным приглашением, тем более что они никому не помешают — в доме господина Номуры никого нет, кроме двух служанок — старушки и совсем молоденькой девушки. Кроме того, им должно быть интересно увидеть, как живёт господин Номура.

После всех этих уговоров отказываться было уже неловко. К тому же Тэйноскэ не знал, как отнеслась бы к этому Юкико. Да и обижать супругов Дзимба тоже не хотелось, ведь, возможно, к их любезности ещё придётся прибегнуть в будущем… К разряду людей деликатных их, конечно, не отнесёшь, но они, без сомнения, стараются оказать им услугу… Одним словом, Тэйноскэ уже склонялся к тому, чтобы принять приглашение Номуры, когда Сатико сказала:

— Ну что ж, быть может, мы и в самом деле рискнём побеспокоить господина Номуру.

Чтобы попасть в дом Номуры, требовалось, однако, пройти метров пятьдесят по довольно крутой, узкой и неровной тропинке. Номура радовался, как ребёнок, и, казалось, готов был прыгать от восторга. Он сразу же призвал прислугу и распорядился раздвинуть ставни в гостиной, откуда открывался вид на море, а пока что пригласил гостей в свой кабинет, после чего провёл их по всем комнатам, включая и кухню. Это был и в самом деле довольно скромный одноэтажный наёмный домик всего в шесть комнат. В одной из комнат Номура подвёл их к домашней божнице, на которой стояли фотографии его покойной жены и детей. Когда всё наконец перешли в гостиную, Дзимба не замедлил польстить хозяину:

— О, какой великолепный вид! В самом деле, море и порт видны отсюда лучше, чем из ресторана «Пекин».

Тэйноскэ же и его спутницы, напротив, чувствовали себя в этой гостиной весьма неуютно: дом Номуры примостился у самого края высокой скалы, и стоило выйти на веранду, как возникало ощущение, что вот-вот свалишься вниз.

Наскоро выпив кофе, госта уселись в ожидавшую их машину.

— Да, господин Номура был сегодня в ударе, — сказал Дзимба, как только машина тронулась.

— Это верно, я ещё ни разу не видела его столь оживлённым, — согласилась г-жа Дзимба. — А всё потому, что рядом была прелестная молодая особа… Ну вот, Сатико-сан, по-моему, намерения господина Номуры ясны без всяких слов. Теперь дело только за вами. Он, конечно, не богат, и это большой недостаток, но с таким родственником, как господин Хамада, ему вряд ли придётся бедствовать. Быть может, следует специально поговорить об этом с господином Хамадой?

— Спасибо, вы очень любезны, — несколько принуждённо ответил Тэйноскэ. — Но прежде нам нужно всё хорошенько обсудить с родственниками в «главном доме»…

Выходя из машины, Тэйноскэ подумал, однако, что его слова могли прозвучать излишне резко, и, желая сгладить неловкость, трижды поблагодарил супругов Дзимба за приятно проведённый вечер.

29

Спустя два дня, утром семнадцатого числа, г-жа Дзимба снова появилась в Асии. Она весьма смутилась, узнав, что после смотрин Сатико снова слегла, и на сей раз просидела у её постели не более получаса.

Собственно говоря, призналась г-жа Дзимба, она приехала сюда по просьбе господина Номуры, чтобы, так сказать, замолвить за него словечко. Побывав у него дома, Сатико, по-видимому, получила представление о том, как он живёт. Пока он один, это скромное жилище его вполне устраивает, но после свадьбы он намерен сразу же нанять другой дом, более достойный этого названия. Ради жены он готов сделать всё, что только в его силах, особенно если ему посчастливится получить в жены Юкико-сан. Хотя господин Номура и не богат, он обещает позаботиться о том, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Кроме того, продолжала г-жа Дзимба, у неё состоялся разговор с господином Хамадой, который, зная, как горячо заинтересован двоюродный брат в этом браке, просил её всеми силами поспособствовать тому, чтобы предложение было принято. Он понимает, что отсутствие у господина Номуры какой-либо недвижимости может выглядеть в глазах невесты серьёзным препятствием, и обещает что-нибудь придумать. Одним словом, денежные дела господина Номуры он берёт на себя. Разумеется, с ходу ему было трудно сказать, какие именно шаги он намерен предпринять, но он совершено ясно дал понять, что, пока он жив, господину Номуре не придётся испытывать денежных затруднений. А раз это говорит такой солидный человек, как господин Хамада, его слову можно верить…

Что же до господина Номуры, заметила далее г-жа Дзимба, то, несмотря на свой несколько мрачный вид, он обладает по-настоящему добрым, отзывчивым сердцем. Он был на редкость заботливым мужем — так утверждают люди, знающие его ещё со времён первого брака. Когда его супруга заболела, он так трогательно ухаживал за нею, что даже посторонние не могли глядеть на это без слёз. В комнате у него

до сих пор стоит её фотографический портрет. Впрочем, Сатико и сама видела. Конечно, если задаться целью выискивать недостатки, то их найдётся сколько угодно, продолжала г-жа Дзимба, но она придерживается того мнения, что для женщины самое главное, чтобы муж любил её и заботился о ней. Одним словом, она просит Сатико и её близких хорошенько обдумать это предложение и по возможности скорее дать ответ.

Чтобы подготовить почву для отступления и не ставить под удар Юкико, Сатико ответила г-же Дзимба, что, какова бы ни была воля сестры, решающее слово в этом вопросе принадлежит не им с мужем, а «главному дому». Они с Тэйноскэ всего лишь, так сказать, посредники, наведением же справок о господине Номуре занимаются старшая сестра с зятем.

* * *

Перемен к лучшему в состоянии Сатико всё не наступало, врачи предписали ей полный покой, и поэтому она была лишена возможности сразу поговорить с Юкико. Лишь на пятый день после смотрин Сатико наконец удалось залучить сестру к себе в комнату.

— Ну как тебе господин Номура, Юкико?

В ответ та лишь неопределённо пожала плечами. Тогда Сатико в общих чертах пересказала ей разговор с г-жой Дзимба.

— В её словах есть резон. Но… ты выглядишь так молодо, что рядом с тобой он кажется дряхлым стариком. Как ты сама считаешь?

Сатико внимательно следила за выражением лица сестры.

— Мне кажется, этот человек не будет ни в чем мне перечить. Я смогу жить так, как мне захочется.

Ничего более определённого Юкико не сказала. Сатико, однако, хорошо понимала смысл её фразы «и смогу жить так, как мне захочется»: Юкико наверняка имела в виду возможность беспрепятственно приезжать в Асию, как только ей вздумается. С другим мужем это было бы не так-то просто, но Юкико, как видно, полагала, что, выйдя замуж за этого старика, вправе рассчитывать хотя бы на такое утешение.

Любому мало-мальски уважающему себя мужчине сама эта мысль показалась бы оскорбительной, подумала про себя Сатико, но этот старичок, судя по всему, даже узнав об истинных мотивах Юкико, всё равно умолял бы её выйти за него замуж. Впрочем, выйдя замуж, Юкико, возможно, поймёт, что всё гораздо сложнее, чем ей сейчас кажется. Не исключено, что глубокая, искренняя привязанность престарелого мужа вызовет в ней ответное чувство и она забудет Асию, тем более если у неё появится ребёнок. Вообще говоря, ей, Сатико, следовало бы быть благодарной этому человеку, который столь горячо желает брака с её засидевшейся в невестах сестрой. Он вовсе не заслуживает той огульной неприязни, которую Сатико к нему питает.

— Что ж, возможно, ты и права, — сказала Сатико, но, как ни пыталась она добиться от сестры более ясного ответа, та лишь отшутилась:

— Не расспрашивай меня больше ни о чем, а то я расплачусь…

На следующий день, лёжа в постели, Сатико набросала коротенькое письмо в Токио, в котором сообщала только о том, что смотрины состоялись. Ответа от Цуруко, однако, не последовало.

С наступлением недели Хиган Сатико начала понемногу вставать. Однажды утром, обрадовавшись по-весеннему ясному небу, она вышла из своей комнаты на веранду, чтобы погреться на солнышке, и увидела направлявшуюся в сад Юкико. Она собралась было окликнуть сестру, но потом подумала, что та, должно быть, хочет побыть одна, пока Эцуко в школе.

Юкико обошла цветочную клумбу, осмотрела ветки готовящейся зацвести сирени около пруда, взяла на руки подбежавшую к ней кошку Судзу и опустилась на корточки возле подстриженного в виде шара куста гардении. Сатико со второго этажа наблюдала, как она трётся щекой о мягкую мордочку кошки. Даже не видя лица сестры, Сатико могла без труда угадать её мысли. Юкико наверняка думает о том, что совсем скоро ей предстоит возвращаться в Токио, и ей грустно расставаться с этим весенним садом. Должно быть, в душе она молит судьбу позволить ей побыть здесь ещё немного и увидеть сирень в полном цвету. До сих пор никаких распоряжений из «главного дома» они не получили, но всем было ясно, что Юкико с тревогой ждёт их со дня на день и радуется каждому лишнему дню, который может провести в Асии.

Как ни странно, тихая и замкнутая Юкико отнюдь не была домоседкой. Будь Сатико здорова, она постаралась бы каждый день вывозить Юкико в город — они ходили бы в кино, пили бы чай в кафе. Юкико, казалось, была не в силах дождаться выздоровления сестры. В погожие дни она просто-напросто не могла усидеть на месте и успокаивалась лишь тогда, когда ей удавалось уговорить Таэко прогуляться вместе по Кобэ. Условившись с нею по телефону о встрече, Юкико, сияя от радости, спешила выпорхнуть из дома. Мысли о сватовстве, казалось, ничуть её не занимали.

Таэко, которой то и дело приходилось развлекать сестру, не раз жаловалась Сатико: сейчас у неё много работы и она не может позволить себе тратить столько времени на прогулки, тем более что Юкико выбирает для них послеобеденные часы, когда она и без того разрывается на части.

Однажды, вернувшись домой, Таэко сказала:

— Вчера вышла довольно забавная история. — И Сатико узнала следующее.

Накануне вечером, прогуливаясь с Юкико в районе Мотомати, они зашли в кондитерскую купить пирожных. Вдруг Юкико ни с того ни с сего пришла в смятение:

— Что мне делать, Кой-сан? Он здесь!

— Кто? — спросила Таэко.

Юкико, вне себя от волнения, продолжала повторять:

— Он здесь, он здесь…

Тут из-за столика в зале поднялся какой-то незнакомый Таэко пожилой господин и решительной походкой направился к Юкико. Учтиво поздоровавшись, он сказал:

— Если вы не очень торопитесь, быть может, я могу предложить вам выпить со мной чаю? Это займёт у вас не более пятнадцати минут.

Юкико залилась краской и в полном замешательстве пробормотала что-то невнятное.

— Право же, прошу вас, — повторил тот. Наконец, как видно отчаявшись получить какой-либо ответ, он столь же учтиво извинился и вернулся к своему столику.

— Скорее, Кой-сан, скорее! — прошептала Юкико и, едва дождавшись, когда упакуют пирожные, выскочила на улицу.

— Кто этот человек? — спросила у неё Таэко.

— Это он, тот самый, с кем я недавно встречалась.

Тут только до Таэко дошло, что это был Номура.

— Странная всё-таки Юкико. Могла бы придумать какой-нибудь невинный предлог, а она знай себе стоит и бормочет какую-то невнятицу.

— Да, в таких случаях она совершенно теряется, словно семнадцатилетняя барышня.

Воспользовавшись случаем, Сатико спросила сестру, не было ли у них с Юкико какого-нибудь разговора о Номуре.

Как выяснилось, такой разговор был и Юкико сказала, что, хотя в вопросе о своём замужестве она всецело полагается на решение старших сестёр, о браке с Номурой не может быть и речи. Больше того, она выразила пожелание, чтобы Таэко от её имени попросила Сатико отказать Номуре. Таэко эти слова ничуть не удивили: увидев Номуру, она поняла, что перспектива стать женой этого старикана не способна прельстить Юкико.

Однако, как оказалось, Юкико смущает не столько внешность Номуры, сколько то, что, пригласив её к себе домой после смотрин, он счёл возможным продемонстрировать ей фотографии первой жены и детей. Конечно, она понимает, что для Номуры это второй брак, сказала Юкико, но разве так уж трудно догадаться, что ей неприятно смотреть на эти фотографии? Она способна понять чувства вдовца, который чтит память своих умерших близких, но, пригласив в дом будущую невесту, он мог бы незаметно убрать эти фотографии или, уж если на то пошло, вовсе не подводить её к божнице, где они выставлены. Одного этого довольно, чтобы сделать вывод: Номура — человек чёрствый, а такого Юкико никогда не сможет полюбить.

Спустя несколько дней после этого разговора окончательно выздоровевшая Сатико оделась и приготовилась выйти из дома.

— Я еду к госпоже Дзимба, чтобы сообщить ей о нашем отказе, — сказала она Юкико.

— Вот как?

— Кой-сан мне всё рассказала.

Как Сатико и намеревалась поступить с самого начала, в разговоре с г-жой Дзимба она преподнесла дело таким образом, будто отказ исходит от «главного дома». Вернувшись долгой, она коротко

сообщила Юкико, что всё улажено, и та не стала ни о чем её расспрашивать.

Спустя некоторое время от г-жи Дзимба принесли записку, в которой она просила Сатико взять на себя половину расходов за ужин счёт из ресторана «Пекин» прилагался. Сатико в тот же день отправила ей чек, и на этом эпопея со сватовством закончилась.

Писем из «главного дома» по-прежнему не было. Между тем Юкико жила в Асии почти месяц, и Сатико стала исподволь заговаривать с нею о возвращении в Токио: если она задержится здесь слишком долго, в «главном доме» могут быть недовольны.

Приближалось третье апреля — праздник кукол. В этот день Эцуко всегда приглашала к себе одноклассниц, а Юкико готовила для них угощение, Не желая нарушать эту традицию, Юкико сказала, что уедет сразу после праздника. Когда же праздник прошёл, она словно невзначай заметила, что со дня на день зацветёт сакура у храма Гион.

— Юкико, сестричка, ты не должна уезжать, — без конца твердила Эцуко. — Полюбуешься вместе с нами сакурой, тогда поедешь. Хорошо?

На сей раз Тэйноскэ больше всех ратовал за то, чтобы Юкико задержалась в Асии. Будет обидно, сказал он, если Юкико, проведя здесь целый месяц, уедет, не побывав в Киото. Да и им тоже без неё эта поездка будет не в радость.

В действительности же, уговаривая Юкико остаться, Тэйноскэ прежде всего думал о жене: после болезни Сатико стала легкоранимой и, оставаясь с ним наедине, то и дело принималась плакать, вспоминая о ребёнке, которого потеряла. Тэйноскэ надеялся, что поездка в Киото вместе с сёстрами отвлечёт её от грустных мыслей.

Поездка была назначена на субботу девятого апреля. До последнего дня Юкико пребывала в нерешительности: ехать ли ей вместе со всеми в Киото или возвращаться в Токио. Но утром в субботу она всё же поднялась в комнату на втором этаже, где всегда одевались сёстры, и стала приводить себя в порядок. Наложив на лицо белила, она открыла свой чемодан и достала бумажный чехол, в котором хранилось праздничное кимоно, приготовленное на случай любования сакурой.

— Ты видела, какое кимоно привезла с собой Юкико? — с улыбкой шепнула старшей сестре Таэко, когда Юкико вышла из

комнаты.

— Да. Она молчит, но всегда поступает по-своему, — ответила Сатико. — Погоди, мы ещё увидим, как наша тихоня будет командовать своим мужем.

Во время прогулки по Киото всякий раз, когда навстречу Сатико попадался кто-нибудь с младенцем на руках, она не могла сдержать слёзы. Это очень огорчало Тэйноскэ на сей раз супруги, вопреки обыкновению, не стали задерживаться в Киото и в воскресенье вечером вместе со всеми вернулись домой.

Спустя несколько дней, в середине апреля, Юкико уехала в Токио.

Книга вторая

1

После перенесённой желтухи у Сатико появилась привычка время от времени глядеть на себя в зеркало, проверяя, не пожелтели ли снова у неё белки. Минул ровно год, и лилии в саду опять стали блекнуть и увядать. Как и год назад, Сатико сидела в плетёном кресле на террасе под камышовым навесом и глядела в предвечерний, уже по-летнему преобразившийся сад. Ей вспомнилось вдруг, как в это же самое время в прошлом году Тэйноскэ обратил внимание на желтизну у неё в глазах. Она поднялась и, как тогда это делал муж, стала обрывать увядшие цветки лилий. Скоро Тэйноскэ должен был вернуться со службы, и ей хотелось привести клумбу в порядок, чтобы сделать ему приятное. Но не прошло и получаса, как за спиной у неё послышались шаги. Это была служанка О-Хару. Подав Сатико визитную карточку, она многозначительным тоном сообщила:

— Этот господин говорит, что хочет вас видеть. Визитная карточка принадлежала Окубате. Он был в Асии всего лишь раз, кажется весной позапрошлого года, с тех пор Сатико не только не поощряла его к дальнейшим визитам, но даже избегала упоминать о нём в присутствии прислуги. Однако, судя по тону О-Хару, она, да и другие служанки, знали о статейке в газете и догадывались о его отношениях с Таэко.

— Сейчас иду. Проводи господина Окубату в гостиную, пожалуйста.

Сатико вымыла под краном липкие от цветочного сока руки, поднялась в свою комнату, чтобы привести себя в порядок, и наконец вышла к гостю.

— Извините, что заставила вас так долго ждать…

На Окубате был светлый пиджак, одного взгляда на который было довольно, чтобы понять, что он сшит из отличного английского твида, и мышиного цвета фланелевые брюки. При виде Сатико он с какой-то нарочитой, даже фиглярской поспешностью вскочил со стула и вытянулся, словно по стойке «смирно». Окубата был старше Таэко, теперь ему было года тридцать два. Во время его прошлого визита он показался Сатико совсем ещё мальчишкой, но с тех пор заметно

возмужал и посолиднел. Однако стоило ему обратить к Сатико заискивающую улыбочку и затворить своим капризным, гнусавым голоском, при каждом слове чуть заметно выпячивая вперёд подбородок, как она почувствовала, что перед нею всё тот же избалованный мальчик, которого она знала в Сэмбе.

— Мне давно хотелось повидаться с вами, но я не знал, пожелаете, ли вы меня принять… По правде сказать, я несколько раз подходил к вашему дому. Но всё как-то не решался зайти…

— Очень жаль. Какое же у вас ко мне дело?..

— Видите ли, я человек робкий, застенчивый… — приняв непринуждённый вид, произнёс Окубата и усмехнулся.

Догадывался об этом Окубата или нет, но со времени его прошлого визита отношение к нему со стороны Сатико несколько изменилось. В последнее время она не раз слышала от Тэйноскэ, что, по дошедшим до него слухам, Окубата давно уже не тот чистый, наивный юноша, за которого они его принимали, Тэйноскэ рассказал ей, в частности, что его не раз видели в увеселительном квартале Соэмон-тё и что, опять-таки по слухам, у него даже есть любовница, гейша. Тэйноскэ не знал, известно ли об этом Таэко. Если нет и она по-прежнему намерена связать с ним свою судьбу, то, по мнению Тэйноскэ, Сатико следовало бы обо всех рассказать сестре. Разумеется, можно предположить, что Окубата кинулся в разгульную жизнь с горя, из-за невозможности добиться разрешения на брак с Таэко, и тем не менее уверения молодого человека в «чистой любви» казались ему теперь фальшивыми и циничными. А главное, Тэйноскэ считал подобное поведение совершенно недопустимым в условиях переживаемого страной кризиса. Он прямо заявил Сатико: если всё будет продолжаться таким же образом, он не позволит ни себе, ни ей сказать хоть одно слово в поддержку его брака с Таэко.

Видя, что муж серьёзно обеспокоен, Сатико решила осторожно поговорить с Таэко.

Выслушав сестру, Таэко сказала, что посещение увеселительных кварталов — своего рода традиция в семье Окубаты. Так повелось ещё со времён молодости его отца. И старший брат, и дядя Кэй-тяна водят дружбу с гейшами, поэтому было бы несправедливо осуждать его одного. Да, Тэйноскэ совершенно прав — на этот путь Кэй-тяна толкнула невозможность жениться на ней. Он молод, и это вполне

естественно. Что же касается его связи с какой-то гейшей, — хотя она слышит об этом впервые, — ей кажется, это просто-напросто сплетни, которым она не поверит до тех пор, пока не получит неопровержимые доказательства. Разумеется, в нынешних условиях рассеянный образ жизни Кэй-тяна может быть превратно истолкован и способен вызвать осуждение. Она это понимает и непременно поговорит с ним. Кэй-тян всегда и во всём её слушается, поэтому убедить его отказаться от развлечений с гейшами не составит особого труда.

Судя по тому, как Таэко держалась на протяжении всего разговора, у Сатико сложилось впечатление, что, во-первых, её слова не были для сестры откровением, а во-вторых, она не склонна принимать близко к сердцу поведение Окубаты. Сатико была смущена куда больше, чем её сестра.

* * *

Тэйноскэ же, хотя и сказал жене, что им не пристало вмешиваться, коль скоро Таэко настолько уверена в своём избраннике, на самом деле был настроен отнюдь не безмятежно и при каждой возможности пытался что-либо разузнать об Окубате.

Как выяснилось, в последнее время Окубата в увеселительных заведениях не появлялся, — видно, увещевания Таэко и правда возымели действие. Казалось бы, можно было и успокоиться, но как-то раз, недели две назад, провожая одного из своих клиентов на вокзал в Осаке, Тэйноскэ в свете фар вдруг увидел Окубату. Тот плёлся по тротуару шаткой походкой захмелевшего человека, поддерживаемый под руку какой-то женщиной, по виду официанткой из бара. «Вот, стало быть, где он теперь ищет утешение», — подумал тогда Тэйноскэ. В тот же вечер он рассказал жене об этой неожиданной встрече, попросив пока ничего не говорить Таэко.

На том дело тогда и кончилось, но теперь, глядя на сидящего перед ней молодого человека, Сатико невольно ощущала в нём какую-то фальшь и была полностью согласна с мужем, сказавшим: «Нет, к этому человеку я не могу больше относиться по-доброму…»

— Юкико? Да, спасибо, она по-прежнему получает много предложений. Люди так добры к нам.

«Он спрашивает о Юкико наверняка только затем, чтобы намекнуть: дескать, пора подумать и о них с Таэко», — Сатико поняла, зачем явился Окубата. Но что ответить, если он спросит её напрямик? Во время прошлого разговора Сатико всячески давала ему понять, что принимает его слова, к сведению, и не более того. Она хорошо помнит, что ровным счётом ничего ему не обещала. Теперь же, когда Тэйноскэ так резко изменил отношение к нему, ей нужно быть тем более осторожной, ответить так, чтобы Окубате стало совершенно ясно: они с мужем не намерены чинить препятствия его браку с Таэко, но на их поддержку и помощь пусть больше не рассчитывает.

Окубата вдруг выпрямился в кресле и, стряхнув щелчком пепел с папиросы, сказал:

— Видите ли, я хотел поговорить с вами относительно Кой-сан…

Окубата и теперь не преминул назвать Таэко «Кой-сан», как бы желая подчеркнуть, что он — свой человек в этом доме.

— Вот как? Что, собственно, вы имеете в виду?

— Вы, конечно, знаете, что с недавнего времени Кой-сан стала брать уроки шитья у модистки Норико Тамаки. Ничего предосудительного в этом, разумеется, нет, но из-за этих уроков она, кажется, окончательно утратила интерес к куклам. Я спросил у неё, как это нужно понимать, и она сказала, что куклы ей наскучили и она намерена выучиться шить, чтобы в будущем это стало её профессией. По её словам, полностью отказаться от работы у себя в студии она пока не может — у неё много заказов, к тому же есть ученики. Но со временем она хочет оставить мастерскую ученикам и целиком переключиться на шитьё европейских платьев. И ещё она собирается просить вашего разрешения поехать во Францию на полгода или на год… Как я понял, ей необходимо свидетельство, что она обучалась этому ремеслу в Париже…

— Неужели Кой-сан действительно строит такие планы?

Сатико, конечно, знала о том, что Таэко берёт уроки шитья, но подробности, о которых сообщил Окубата, были для неё полной неожиданностью.

— Да. Конечно, я не вправе вмешиваться в её дела, но вдруг ни с того ни с сего бросить занятие, в котором она так преуспела, что сумела завоевать репутацию самобытного мастера… Право, я этого не понимаю. Добро бы это занятие ей просто наскучило, но ведь она

бросает его ради шитья. Она объясняет своё решение так: какого бы мастерства она ни достигла, мода на её куклы со временем пройдёт и в конце концов люди перестанут их покупать. А шитьё, мол, совсем другое дело — одежда нужна всегда, спрос на неё не иссякнет.

Но почему, хотел бы я знать, девушка из хорошей семьи должна думать о том, как заработать себе на жизнь? Не за горами то время, когда она выйдет замуж, и, стало быть, ей нет нужды тревожиться о своём будущем. Быть может, я и не идеальная партия для Кой-сан, но, во всяком случае, никогда не допущу, чтобы она в чем-либо нуждалась.

Я не желаю, чтобы моя будущая жена уподобилась простой работнице. У Кой-сан золотые руки, и мне вполне понятно её желание постоянно что-нибудь мастерить. Так пусть выберет какое-нибудь занятие для души, а не ради заработка. Если девушка из порядочной семьи на досуге мастерит кукол, в этом нет ничего зазорного, но она должна непременно оставить затею заняться шитьём. Я сказал Кой-сан, что вы наверняка согласитесь со мной, да и родственники в «главном доме» тоже…

Окубата имел обыкновение говорить неторопливо, с ленцой, и эта его манера, равно как и барски снисходительный тон, всегда раздражали Сатико. Сегодня же, вопреки обыкновению, речь его была тороплива — он явно волновался.

— Ну что ж, спасибо, что вы меня предупредили. Разумеется, прежде всего я должна поговорить с самой Кой-сан…

— Расспросите же её непременно. Быть может, я несколько сгустил краски, но, если она решила всё это всерьёз, прошу вас, отговорите её от этой затеи. Что же до поездки во Францию, я нисколько не возражаю. Пусть едет себе на здоровье, конечно, при условии, что она станет изучать там что-нибудь более достойное. Быть может, вы сочтёте меня нескромным, но я готов даже оплатить всё расходы на эту поездку. Больше того, я мог бы поехать вместе с ней. Единственное, с чем я никак не могу согласиться, так это её намерение ехать за границу ради того, чтобы приобрести профессию модистки. Я уверен, вы и сами никогда этого не допустите. Попытайтесь же, прошу вас, отговорить её от этого сумасбродства. Потом, если уж ей непременно хочется ехать, она сможет это сделать и после нашей свадьбы. Для меня так было бы даже удобнее…

Хотя причины столь неожиданного решения Таэко были для Сатико во многом пока неясны, слушая Окубату, она со смешанным чувством враждебности и иронии отмечала про себя, что молодой человек рассуждает так, словно давно уже официально считается женихом Таэко. Судя по всему, затеяв этот разговор, он рассчитывал расположить Сатико в свою пользу, вызвать её на откровенность, а может быть, даже — чем чёрт не шутит! — встретиться с Тэйноскэ, не случайно же он выбрал для своего визита именно это время дня. Во всяком случае, исчерпав тему разговора, ради которого явился, он всё ещё не спешил откланяться и всячески пытался выведать, как настроены к нему в доме Таэко.

На всё его расспросы Сатико старалась отвечать как можно уклончивее, с той холодной учтивостью, на какую только была способна.

В прихожей послышались шаги вернувшегося со службы Тэйноскэ, и Сатико тотчас же поспешила навстречу мужу.

— Послушай, у нас Окубата.

— Что ему нужно?

Сатико приблизилась к мужу вплотную и принялась шептать ему на ухо.

— В таком случае, мне незачем с ним встречаться, — сказал Тэйноскэ.

— Я тоже так думаю.

— Тогда постарайся выпроводить его поскорее. Окубата, однако, просидел ещё с полчаса. Наконец, как видно поняв, что рассчитывать на встречу с Тэйноскэ не приходится, он поднялся и стал вежливо прощаться. Сатико ответила подобающей случаю любезностью. Извиняться за то, что Тэйноскэ не счёл возможным выйти к гостю, она не стала.

2

Если рассказ Окубаты соответствовал действительности, Сатико предстоял серьёзный разговор с сестрой. Однако в последнее время Таэко казалась особенно занятой. Утром она уходила из дома почти одновременно с Тэйноскэ и Эцуко, а возвращалась позже всех. К тому же раз в три дня она ужинала вне дома. Поговорить с Таэко в тот же день Сатико не удалось, но на следующее утро, когда та собралась уже выйти из дома, она попросила сестру задержаться.

— Кой-сан, мне нужно с тобой поговорить, — сказала Сатико, направляясь в гостиную.

Таэко не стала отрицать, что всё, о чем рассказал Окубата — и её намерение оставить кукол и серьёзно заняться шитьём, и желание хотя бы на короткий срок поехать учиться во Францию, — правда. Как выяснилось, для всего этого у Таэко были соответствующие резоны.

Да, у неё действительно пропал интерес к куклам, а всё потому, что она стала взрослым человеком и не желает больше тратить время на эти детские забавы. Ей хочется заняться каким-нибудь серьёзным, действительно полезным делом. Почему именно шитьём? Да потому, что к этому у неё есть и способности, и вкус, есть и определённый навык. (Это было действительно так: Таэко давно уже интересовалась европейскими модами, умела обращаться со швейной машинкой и даже сшила кое-что для себя, Сатико и Эцуко, снимая выкройки из журналов «Жарден де мод» и «Вог».) Поскольку ей не придётся начинать с нуля, она надеется довольно быстро освоить всё премудрости этого ремесла и впоследствии работать уже вполне профессионально.

Высмеяв Окубату за его нелепое представление о том, будто занятие куклами — искусство, а шитьё — низкопробное ремесло, Таэко сказала, что её ничуть не прельщает пустой титул художницы. Если Кэй-тян считает шитьё низкопробным ремеслом, пусть остаётся при своём мнении, но рассуждать так может лишь человек, не понимающий, что происходит вокруг. Время, когда можно было с упоением предаваться детским забавам, давно прошло. Теперь даже женщинам не пристало оставаться в стороне от жизни.

Сатико нашла доводы сестры настолько разумными, что при всём желании не смогла бы ничего ей возразить. Однако, пытаясь понять, что именно побудило Таэко принять такое неожиданное решение, Сатико невольно пришла к выводу: в отношениях сестры с Окубатой не всё благополучно.

После того как благодаря газетной статье их связь стала достоянием гласности, Таэко не решилась бы открыто признать свою ошибку и порвать с молодым человеком — ей не позволила бы гордость. Но, быть может, в глубине души она уже готова к разрыву и только ждёт удобного повода? Если это действительно так, то понятно её желание заняться шитьём она сознаёт, что, отказавшись от брака с Окубатой, будет вынуждена рассчитывать только на себя, и заранее готовится к этому. Окубате же, по-видимому, всё это невдомёк — иначе он не стал бы удивляться, зачем «девушке из хорошей семьи» думать о том, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Если её догадки верны, думала Сатико, тогда ясно, почему Таэко хочет поехать во Францию, — даже если она и впрямь намерена обучаться там шитью, это всего лишь предлог, чтобы порвать с Окубатой. Предложение Окубаты сопровождать её наверняка не вызовет у неё энтузиазма, и она найдёт какую-нибудь отговорку, чтобы ехать одной.

Так рассуждала Сатико, но, как показало дальнейшее объяснение с сестрой, предположения Сатико были верны лишь наполовину. Считая, что будет лучше, если Таэко решит порвать с Окубатой по собственной воле, без всякого нажима извне, и, кроме того, надеясь, что у Таэко хватит для этого благоразумия, Сатико старалась не спрашивать её о чем-либо напрямик. Однако из некоторых её высказываний Сатико поняла, что по крайней мере покамест сестра вовсе не намерена расставаться с Окубатой. Более того, она собиралась в скором времени выйти за него замуж.

Таэко сказала, что лучше кого бы то ни было знает цену Кэй-тяну. Ни Сатико, ни Тэйноскэ нет нужды объяснять ей, что он — избалованный барчук, пустой и никчёмный. Конечно, девять лет назад, когда начинался их роман, Таэко этого не понимала, ведь в то время она была ещё совсем ребёнком. К тому же, когда любишь человека, не задумываешься, стоит он твоей любви или нет. Во всяком случае, ей, Таэко, такая рассудочность совершенно чужда. Она ни о чем не

жалеет. Видно, ей суждено было полюбить такого никчёмного человека.

Но вот что по-настоящему её тревожит, так это материальная сторона их будущего союза. Кэй-тян — один из членов правления акционерного общества, объединяющего всё магазины семейства Окубата.

Кроме того, по его словам, старший брат обещал в случае женитьбы перевести на его имя какую-то часть собственности, поэтому Кэй-тян видит их будущее в розовом свете и ни о чем не тревожится. Но Таэко-то понимает, что при замашках Кэй-тяна от его капитала очень скоро ничего не останется. Он уже сейчас живёт явно не по средствам. Чтобы оплатить счета, которые каждый месяц поступают из увеселительных заведений, магазинов и от портных, он вынужден чуть ли не со слезами умолять матушку дать ему взаймы из своих сбережений. Но так может продолжаться, лишь пока старушка жива, а случись с ней что-нибудь, старший брат наверняка не станет потворствовать его прихотям.

Какой бы богатой ни была семья Окубата, Кэй-тян — младший сын, поэтому рассчитывать на большую долю наследства ему не приходится. А если старший брат не одобрит его женитьбы на Таэко, так и подавно. Даже если он кое-что и получит, то наверняка займётся спекуляцией на бирже или свяжется с какими-нибудь проходимцами, которые его облапошат. Тогда братья отвернутся от него, и он останется вообще без гроша. Вот что по-настоящему её беспокоит, сказала Таэко. Ей не хочется, чтобы, случись такое на самом деле, люди шушукались у неё за спиной. Поэтому она намерена с самого начала не только ни в чем не зависеть от Кэй-тяна, но даже, если понадобится, быть в состоянии его содержать. Вот одна из основных причин, побуждающих её серьёзно заняться шитьём…

Из разговора с сестрой Сатико поняла ещё и другое: Таэко ни при каких обстоятельствах не поедет в Токио. Пока, правда, необходимости в этом не было: по словам Юкико, в доме старшей сестры и без того повернуться негде. Но если бы положение изменилось и Таэко приказали ехать в Токио, она всё равно не согласилась бы.

Когда речь зашла о том, что в последнее время Тацуо стал ещё более прижимистым, чем прежде, Таэко сказала, что не будет в обиде, если «главный дом» сократит сумму переводимых ей денег. В конце

концов, у неё есть кое-какие сбережения, да и куклы приносят определённый доход. А вот Тацуо, должно быть, и в самом деле приходится нелегко — нужно кормить и одевать шестерых детей, да ещё содержать Юкико.

Таэко готова облегчить бремя его расходов. Она надеется, что в скором времени вообще сможет обойтись без какой-либо помощи со стороны «главного дома». От старшей сестры с зятем ей нужно только одно — разрешение поехать учиться во Францию. В связи с этим она хочет, чтобы Тацуо выдал ей часть, а может быть, даже и всё деньги, которые покойный отец оставил ей в приданое. Конечно, она не знает точно, на какую именно сумму может рассчитывать, но, как ей кажется, этих денег будет достаточно, чтобы прожить в Париже полгода, а то и год и покрыть всё дорожные расходы. Она не станет роптать, если на поездку уйдут всё деньги и на свадьбу ничего не останется.

Поделившись с Сатико своими намерениями, Таэко попросила её при случае поговорить со старшей сестрой и зятем. Если понадобится, добавила Таэко, она и сама готова поехать в Токио для переговоров с «главным домом». Что же касается предложения Окубаты взять на себя всё расходы, связанные с её поездкой во Францию, то Таэко отказалась даже обсуждать это сколько-нибудь серьёзно.

Кэй-тян обожает делать подобные заявления, сказала она, но ей-то лучше знать, есть у него такие деньги или нет. Быть может, он собирается выпросить их у матушки, но она не намерена принимать такие благодеяния от посторонних людей. Да и после свадьбы она не только сама не собирается прикасаться к его капиталам, но и ему не позволит этого делать. И ныне и впредь она будет рассчитывать только на себя. А Кэй-тяну она скажет, чтобы он спокойно дожидался её возвращения и не докучал больше Сатико своими визитами. Пусть Сатико будет спокойна на этот счёт…

Узнав от жены о её беседе с Таэко, Тэйноскэ сказал, что, раз Кой-сан всё так хорошо обдумала, не стоит пытаться её переубедить. Время покажет, насколько серьёзно и твёрдо решение Таэко. Но если они увидят, что из её затеи выходит толк, они постараются всеми силами ей помочь.

Как и прежде, Таэко много работала. Хотя Окубата и говорил, будто в последнее время она совсем не занимается своими куклами, по

словам Таэко, это было вовсе не так. Да, она действительно хочет со временем оставить это занятие, но пока продолжает работать ещё усерднее, чем когда бы то ни было. У неё по-прежнему много заказов, и она надеется всё их выполнить, чтобы скопить побольше денег. А кроме того, ей хочется создать напоследок как можно больше по-настоящему достойных произведений. Итак, Таэко мастерила кукол, а помимо этого ежедневно проводила около двух часов в школе Норико Тамаки и продолжала брать уроки танцев.

Занятия танцами были для неё не просто развлечением, она лелеяла честолюбивую мечту получить диплом, который позволил бы ей в будущем открыть собственную школу.

Уроки танцев Таэко брала у Саку Ямамура Второй, доводившейся внучкой актёру Кабуки Итикаве Сагидзюро Четвёртому[58] и в кругу знатоков известной попросту как Саги-Саку. Из двух или трёх осакских школ, носивших имя «Ямамура», школа Саги-Саку наиболее строго следовала старинным традициям. Школа эта находилась в районе Симаноути, в узеньком переулочке увеселительного квартала Татамия-мати, на втором этаже ресторанчика с гейшами. Вполне понятно, что ученицами Саку Ямамура были в основном профессиональные танцовщицы, просто же любительниц танцев и тем более барышень из «добропорядочных» семей можно было пересчитать по пальцам.

Приезжая сюда раз в неделю, Таэко быстро переодевалась — кимоно и веер она привозила в чемоданчике — и в ожидании своей очереди внимательно следила за занятиями других учениц. Держалась она вполне непринуждённо и нередко даже обменивалась двумя-тремя фразами с какой-нибудь знакомой гейшей или майко.[59] В этом, разумеется, не было ничего предосудительного, и всё же Таэко испытывала неловкость от сознания того, что и сама Саку, и её ученицы считают её довольно-таки бойкой и искушённой особой, особенно если учесть, как им казалось, её совсем юный возраст.

Ученицы Саку — и профессиональные танцовщицы, и непрофессиональные — в равной мере сожалели о том, что новое танцевальное искусство Токио всё более вытесняет традиции старинного танца Киото и Осаки. Желая возродить это угасающее искусство, наиболее горячие поклонницы школы «Ямамура» основали общество «Дочери Осаки» и примерно раз в месяц устраивали

концерты в доме г-жи Камисуги, вдовы осакского адвоката. Таэко была активной деятельницей общества и неизменно участвовала в его концертах.

Тэйноскэ и Сатико старались не пропустить ни одного выступления Таэко и со временем познакомились со всеми «Дочерьми Осаки». Однажды — это было в конце апреля — Таэко сказала, что руководительницы общества просят разрешения устроить очередной концерт у них дома в Асии.

С июня прошлого года, из-за Китайского инцидента, в деятельности общества наступил перерыв. Однако в последнее время ученицы Саку Ямамура всё чаще заговаривали о том, что пора устроить небольшое представление. Вряд ли кто-либо станет возражать против этого, ведь их общество преследует всего лишь скромную цель изучения старинных танцев. Разумеется, программу вечера необходимо соответствующим образом продумать. Кроме того, на сей раз было решено выбрать для концерта какое-нибудь иное место, чтобы не причинять слишком много беспокойства г-же Камисуги.

Сатико, с давних пор любившая старинные танцы, охотно согласилась предоставить свой дом в распоряжение «Дочерей Осаки», хотя, по её мнению, он был гораздо менее приспособлен для таких целей, чем дом г-жи Камисуги. Впрочем, можно было бы попросить у г-жи Камисуги разборную сцену и прочий реквизит, но везти всё это в Асию из Осаки было делом весьма хлопотным. В конце концов было решено вынести мебель из двух комнат нижнего этажа, поставить в столовой золотую ширму, на фоне которой будут исполняться танцы, а соседнюю гостиную превратить в зрительный зал — гости будут сидеть прямо на ковре. Под артистическую уборную отвели одну из комнат второго этажа. Представление должно было состояться в первое воскресенье месяца, пятого июня, в час дня. В числе участниц концерта была и Таэко, которой предстояло исполнить танцевальную сцену «Снег».

С наступлением мая Таэко по два, а то и по три раза в неделю ездила заниматься в Осаку, а в последнюю неделю месяца Саку ежедневно приезжала в Асию, чтобы репетировать с нею дома. Эта пожилая пятидесятивосьмилетняя дама, которая и прежде не отличалась богатырским здоровьем, теперь ещё постоянно жаловалась

на почки и почти никогда не ездила к своим ученицам на дом. И если, несмотря на жару и утомительную дорогу, она всё-таки выразила готовность приезжать в Асию, это что-нибудь да значило. Без сомнения, её подкупала увлечённость Таэко, ради любимого дела не гнушавшейся общества гейш. Кроме того, Саку, по всей вероятности, сознавала, что, ведя затворническую жизнь, вряд ли сможет поднять престиж школы «Ямамура».

Теперь и Эцуко, которой взрослые внушили, что школа Саку — место для неё неподходящее, снова загорелась желанием учиться танцевать. Саку с готовностью согласилась давать девочке уроки в Асии раз в три дня.

Определённого часа для занятий не назначали. Обычно Саку сообщала накануне, когда её следует ожидать, однако никогда не бывала точна, нередко опаздывала на час, а то и на два, а в плохую погоду и вовсе не приезжала. Поначалу такая неаккуратность создавала немалые неудобства для Таэко — у неё каждая минута была на учёте, — но потом она нашла выход: когда Саку приезжала, ей звонили в студию, и она сразу же отправлялась домой. Саку же тем временем занималась с Эцуко.

Впрочем, спешить особой необходимости у Таэко не было: Саку с её больными почками поездки давались нелегко. Добравшись наконец до Асии, она не менее получаса отдыхала в гостиной, попыхивая папиросой и беседуя с Сатико о том о сём, затем шла в столовую, где столы и стулья уже были сдвинуты в сторону, и начинала урок. Порой, напевая нужную мелодию и показывая Эцуко или Таэко то или иное движение, она вдруг начинала задыхаться, а в иные дни приезжала какая-то серая, отёкшая и говорила, что накануне, у неё был приступ. Вообще же она старалась держаться бодро и, казалось, не придавала особого значения своим недугам. «Единственное спасение для меня — это танцы», — любила она повторять. И ещё была у неё привычка — то ли из кокетства, то ли искренне — сетовать на своё косноязычие.

На самом деле Саку была великолепной рассказчицей, а её умение изображать самых разных людей было поистине непревзойдённым. Даже когда речь шла о самых обыкновенных вещах, слушая её, Сатико и всё её домочадцы то и дело покатывались со смеху. Наверное, этот удивительный дар Саку унаследовала от своего деда, знаменитого Итикавы Сагидзюро Четвёртого.

Внешность Саку тоже была незаурядной: глядя на её лицо, удлинённое и при её маленьком росте довольно крупное, можно было безошибочно определить, что в её жилах течёт актёрская кровь. Невольно думалось: живи она в старину, как прекрасно смотрелась бы она с выбритыми бровями, с чернёнными лаком зубами, в кимоно с длинным шлейфом. Как удивительно преображалось её лицо, когда она принималась демонстрировать своё мастерство имитации! Она с такой лёгкостью перевоплощалась в различных людей, как будто просто снимала и надевала маски.

В дни, когда приезжала Саку, Эцуко, вернувшись из школы, облачалась в кимоно, которое обычно надевала лишь раз в году — по случаю любования сакурой, натягивала чуть великоватые для неё таби и, взяв в руки веер школы «Ямамура», с узором из спиралевидных завитков и цветов, готовилась к уроку.

Под руководством Саку она разучивала, танец на мотив песенки:

Нет поры прекрасней
месяца яёи.[60]
Расцветают вишни
храма в Омуро.
Барабаны, сямисэны
допоздна слышны.
Поглядим в глаза друг другу
Под вишнями в цвету…

Дни стояли по-летнему долгие, и, когда наступала очередь Таэко, репетировавшей «Снег», на дворе было ещё совсем светло. В саду на фоне яркой зелени газона пламенели поздние лилии. Соседские дети Фриц и Роземари, привыкшие играть в это время с Эцуко и теперь лишённые такой возможности, не без досады, но и с любопытством наблюдали с террасы за тем, что происходит в столовой. Порой к ним присоединялся и старший брат, Петер. Однажды Фриц всё-таки отважился зайти в комнату, где шли занятия.

— Госпожа наставница, — сказал он, обращаясь к Саку так, как это делали всё в доме Сатико.

— Слушаю вас, — шутливо откликнулась Саку.

— Госпожа наставница! — включилась в игру Роземари.

— Слушаю вас.

— Госпожа наставница!

— Слушаю вас.

Напустив на себя выражение величайшей серьёзности, Саку, казалось, была готова до бесконечности продолжать эту нехитрую беседу с маленькими голубоглазыми иностранцами.

3

— Кой-сан, фотограф спрашивает, можно ли ему войти, — сказала Эцуко, вбежав в комнату на втором этаже, отведённую под артистическую уборную. Она уже исполнила свой танец, очень эффектный и потому значившийся первым номером программы, но переодеться не успела и всё ещё была в парадном кимоно.

— Пусть войдёт.

Таэко, уже готовая к выступлению, стояла опираясь рукой о стену — О-Хару натягивала ей на ноги таби. Она скосила в сторону племянницы глаза — голова, увенчанная тяжёлой причёской «цубуси-симада»,[61] оставалась неподвижной.

Эцуко глядела на Таэко словно заворожённая: в последние дни она часто видела тётку в этом наряде, причёсанную по-японски, но сегодня она казалась ей совершенно неузнаваемой. На ней было одно из свадебных кимоно Цуруко, Таэко не стала заказывать для сегодняшнего вечера новое кимоно: зрителей ожидалось не так уж много, да и времена наступили не те, чтобы позволять себе излишние траты. Сатико вспомнила, что в старом осакском доме до сих пор хранятся свадебные кимоно Цуруко, и посоветовала сестре выбрать какое-нибудь из них.

Этот свадебный наряд, состоящий из трёх кимоно, надеваемых одно на другое, был заказан ещё их отцом. Расписывали их три известных художника, запечатлев на каждом но одному из трёх прославленных видов Японии. На одном по чёрному фону был изображён храм в Ицукусиме, на другом по алому фону — поросшие соснами острова Мацусима, на третьем — но белому фону — песчаная отмель Аманохасидатэ.[62] Цуруко надела эти кимоно всего лишь раз — на свою свадьбу, и даже теперь, шестнадцать лет спустя, они выглядели как новые. В белом кимоно, подвязанном чёрным атласным поясом, Таэко казалась выше и старше своих лет, в ней вдруг появилась удивительная женская статность, делавшая её очень похожей на Сатико, а лицо, ещё по-девичьи округлое, обрело выражение спокойного достоинства.

— Фотограф! — крикнула Эцуко молодому человеку лет двадцати восьми, дожидавшемуся на лестнице. — Входите, пожалуйста.

— Послушай, Эттян, так обращаться к фотографу невежливо. Надо говорить «господин Итакура».

Фотограф уже стоял в дверях.

— Кой-сан, прошу вас не двигаться. Опустившись на колени, он навёл на Таэко свою «лейку» и сделал подряд несколько снимков.

* * *

Внизу концерт был в полном разгаре. За выступлением Эцуко последовали танцы «Чёрные волосы», «Девушка у колодца» и «Великий будда». Наконец, после танца «Подарок из Эдо», который исполнила одна из лучших учениц Саку, был объявлен перерыв и подали угощение — чай и лёгкие закуски.

Зрителей собралось человек тридцать, не больше, — пригласили лишь родственников и близких друзей выступавших. Роземари и Фриц, которых усадили в первом ряду, с увлечением смотрели концерт и вели себя на удивление тихо, хотя время от времени старались усесться поудобнее, то вытягивая ноги, то садясь по-турецки, — сидеть на ковре по-японски было им непривычно. Их мать, Хильда Штольц, войдя со стороны сада, устроилась на террасе. Узнав от детей о предстоящем концерте, она изъявила желание увидеть японские танцы и пришла тотчас же, как только Фриц сообщил ей, что представление начинается. Ей предложили пройти в гостиную, но она ответила, что здесь ей вполне удобно, и охотно воспользовалась принесённым кем-то плетёным креслом.

Вскоре из-за золочёной ширмы появилась Саку в парадном кимоно с вышитыми фамильными гербами. Увидев Роземари и Фрица, она улыбнулась:

— Фриц, сегодня вы с сестричкой замечательно тихо себя ведёте.

— Да, в самом деле, — откликнулась сидевшая поблизости г-жа Камисуги. — А откуда они родом?

— Из Германии. Это друзья дочки госпожи Макиока. Я тоже с ними подружилась. Они величают меня «госпожой наставницей».

— Вот как? Наверное, им интересно посмотреть на японские танцы.

— А как хорошо они сидят по-японски, — заметил кто-то из гостей.

— Детка, — обратилась Саку к Роземари. — Вот беда, никак не вспомню твоего имени… Вам с Фрицем действительно удобно так сидеть? А то можете вытянуть ноги.

Роземари и Фриц, притихшие, не проронили ни слова. Сегодня никто не узнал бы в них шумных друзей Эцуко.

— Госпожа Штольц, боюсь, это блюдо придётся вам не по вкусу, — сказал Тэйноскэ, заметив, как та, поставив на колени тарелку с тираси,[63] принялась неловко орудовать палочками. — О-Хана, — обратился он к разносившей чай служанке, — забери у госпожи Штольц эту тарелку и принеси ей что-нибудь другое. Кажется, у нас были пирожные или что-то в этом роде.

— Нет, нет, я с удовольствий пробовайт это…

— Правда?

— Да, это есть ошень вкусно…

— В самом деле нравится? Тогда принеси госпоже Штольц ложку, О-Хана.

Судя по всему, г-жа Штольц не кривила душой. Получив от О-Ханы ложку, она быстро подчистила всё со своей тарелки.

Таэко должна была выступать сразу после перерыва. Тэйноскэ, заметно волнуясь, то и дело сновал вверх и вниз по лестнице. Вот и теперь, побеседовав немного с гостями, он снова поднялся на второй этаж.

— Кажется, уже пора начинать.

— Что ж, я готова.

Таэко сидела на стуле, в окружении расположившихся прямо на татами Сатико, Эцуко и Итакуры. Им тоже подали сюда тираси.

Чтобы не запачкать наряд, Таэко постелила на колени салфетку и старалась есть маленькими кусочками, округлив рот в форме буквы «о», отчего её губы казались ещё более полными, чем обычно. Проглотив очередную порцию, она осторожно отпивала чай из чашки, которую держала О-Хару.

— Хочешь тираси? — спросила Сатико мужа.

— Я уже ел… Может быть, Кой-сан не стоит наедаться перед выступлением? Говорят, на пустой желудок в бой не идут, но танцевать, наверное, лучше именно на пустой желудок.

— Таэко почти ничего не ела за обедом и боится, как бы во время танца у неё от голода ноги не подкосились…

— Я слыхал, что в театре Бунраку[64] певцы-сказители ничего не едят до конца спектакля. Конечно, танец — дело несколько иное, и всё же, Кой-сан, наверное, тебе лучше не есть так много.

— Да я не так уж много и съела. Это только со стороны так кажется, потому что мне приходится есть крохотными порциями, чтобы не смазать помаду.

— Я всё это время с интересом наблюдаю за вами, Кой-сан, — сказал Итакура.

— Почему? — быстро спросила Таэко.

— Вы никогда не видели, как золотая рыбка заглатывает печенье? Сейчас вы очень на неё похожи.

— А я как раз думала, почему вы всё время смотрите мне в рот.

— Кой-сан, ты и правда похожа на золотую рыбку, — громко рассмеялась Эцуко.

— Между прочим, меня специально учили так есть.

— Кто же?

— Одна гейша, с которой я познакомилась у госпожи Саку. Оказывается, гейши особенно тщательно следят за тем, чтобы во время еды губы у них оставались сухими. Искусство заключается в том, чтобы положить кусочек пищи поглубже в рот, не касаясь губ. Этому гейши учатся смолоду, причём выбирают для упражнений самую нежную и сочную пищу — вроде соевого творога. Если после этого блюда краска на губах сохранилась, значит, всё в порядке.

— Подумать только, какие вещи знает Кой-сан, — снова произнёс Итакура.

— Господин Итакура, вы пришли сегодня посмотреть танцы? — спросил Тэйноскэ.

— Конечно. Но главным образом для того, чтобы фотографировать.

— Вы хотите использовать эта снимки для открыток?

— На сей раз нет. Мне хочется сделать памятные фотографии, ведь не так часто случается видеть Кой-сан в таком наряде.

— Господин Итакура работает сегодня бесплатно, — объявила Таэко.

* * *

Итакура был профессиональным фотографом и держал неподалёку от станции «Танака» небольшую студию с вывеской «Художественная фотография». Когда-то он служил мальчиком-учеником в одном из магазинов, принадлежащих семье Окубата. Не успев окончить среднюю школу, он попал в Америку и почти шесть лет обучался ремеслу фотографа в Лос-Анджелесе. Ходили даже слухи, будто бы он пытал счастья в Голливуде, но стать кинооператором ему не удалось.

Когда Итакура вернулся в Японию и решил открыть собственную студию, старший брат Окубаты взял его под своё покровительство. Он ссудил ему небольшую сумму и помог обзавестись клиентурой. Младший Окубата тоже весьма благоволил к этому способному молодому человеку, и, когда Таэко понадобился для рекламы фотограф, он рекомендовал ей Итакуру. С тех пор Итакура делал всё фотографии, нужные ей для рекламных буклетов и для открыток Таэко заказывала снимки только ему, что, в свою очередь, служило и для него своеобразной рекламой. Зная об отношениях Таэко с Кэй-тяном, он перенёс, на неё ту почти раболепную почтительность, которую по старой памяти питал к семье Окубата.

Со временем Итакура познакомился со всеми Макиока и благодаря приобретённому в Америке умению быстро сходиться с людьми стал в Асии, что называется, своим человеком.

Он знал по имени всех служанок, любезничал и шутил с ними напропалую. «Ну как, О-Хару, — говорил он, — пойдёшь за меня? А то я сейчас попрошу у госпожи Сатико твоей руки».

* * *

— Ну, раз сегодня вы работаете бесплатно, так, может быть, сфотографируете и нас?

— С удовольствием. Встаньте, пожалуйста, вон там, так, чтобы Кой-сан была в середине.

— А как нам лучше, встать?

— Господин и госпожа Макиока встанут за стулом, на котором сидит Кой-сан. Вот-вот, хорошо… А маленькую барышню мы поставим справа от Кой-сан.

— Вы забыли О-Хару, — сказала Сатико.

— Ну что ж, О-Хару пусть встанет слева.

— Как жаль, что с нами нет Юкико, — неожиданно проговорила Эцуко.

— Да, — вздохнула Сатико, — она наверняка огорчится, узнав, какой у нас сегодня праздник.

— Почему же ты её не пригласила, мамочка? О сегодняшнем концерте было известно ещё месяц назад.

— Я думала об этом. Но ведь она уехала совсем недавно…

Глядя в видоискатель, Итакура уже приготовился было нажать на спуск, но вдруг удивлённо взглянул на Сатико поверх фотоаппарата: ему показалось, что в глазах у неё блеснули слёзы, Тэйноскэ тоже заметил это.

Почему настроение Сатико переменилось так внезапно? Тэйноскэ уже не раз испытывал растерянность при виде слёз жены, когда что-либо вдруг напоминало ей о печальном событии, пережитом в марте, но сейчас причина была явно в чем-то ином. Должно быть, глядя на Таэко в этом белом кимоно, она вспомнила тот далёкий день, когда Цуруко выходила замуж. А может быть, мысленно представила себе другой день, когда Таэко снова наденет свадебный наряд, но уже не ради забавы, как сегодня, а всерьёз. Или, возможно, её опечалила мысль, что прежде полагается устроить судьбу Юкико. Тэйноскэ вдруг подумал, что кроме Юкико есть ещё один человек, который многое отдал бы, чтобы посмотреть сейчас на Таэко, и в нём невольно шевельнулась жалость к Окубате. Вполне возможно, что именно он прислал сюда Итакуру, чтобы сфотографировать её на память.

* * *

— Госпожа Сатою, — обратилась Таэко к молоденькой гейше, стоявшей перед зеркалом в противоположном углу комнаты. Она должна была выступать сразу после Таэко. — Можно вас на минуточку?

— Да, конечно.

Среди участниц сегодняшнего вечера было несколько профессиональных танцовщиц, в том числе гейш. Сатою, гейша из увеселительного квартала Соэмон-тё, была любимой ученицей Саку.

— Понимаете, я никогда не танцевала в кимоно с таким длинным шлейфом. Не могли бы вы объяснить мне, как сделать так, чтобы не запутаться в нём во время танца? — Таэко поднялась со стула, подошла к Сатою и принялась что-то шептать ей на ухо.

— Боюсь только, что я плохая учительница…

— Ну пожалуйста, прошу вас, — не унималась Таэко увлекая её за собой в коридор.

Снизу доносились звуки настраиваемых инструментов — сямисэнов и кокю. Прошло уже минут двадцать, как Таэко затворилась с Сатою в своей комнате.

— Кой-сан, — послышался из-за фусума голос Итакуры, — господин Макиока просит поторопиться.

— Иду, — откликнулась Таэко, раздвигая фусума. — Господин Итакура, если не трудно, придержите мой шлейф, пока я буду спускаться по лестнице.

Тэйноскэ, Сатико и Эцуко гуськом направились вслед за ними вниз. Пробравшись на своё место среди зрителей, Тэйноскэ легонько хлопнул по плечу Фрица, во всё глаза смотревшего на сцену.

— Ты знаешь, кто сейчас танцует?

Фриц всё с тем же выражением напряжённого внимания на мгновение оглянулся, коротко кивнул и снова перевёл взгляд на сцену.

4

А ровно месяц спустя, утром пятого июля, случилось непредвиденное.

В тот год сезон дождей вообще выдался на редкость обильным. Дожди зарядили ещё в мае и продолжались весь июнь. Они не прекратились и с наступлением июля, когда обычно уже устанавливается солнечная погода. Третьего числа небо снова заволокло тучами, пошёл дождь, не унимавшийся весь следующий день, а на рассвете пятого числа грянул настоящий ливень. Казалось, ему не будет конца, но при этом никому и в голову не приходило, что спустя всего лишь час или два на район Осака-Кобэ обрушится невиданное по своей разрушительной силе наводнение.

Это утро в Асии ничем не отличалось от других. Около семи часов Эцуко, как обычно, разве что только более тщательно закутанная в плащ, вместе с О-Хару вышла из дома. Её школа находилась неподалёку от западного побережья реки Асиякава, за железнодорожной линией, метрах в трёхстах к югу от шоссе, связывающего Осаку с Кобэ. Обычно О-Хару, переведя девочку через шоссе, сразу возвращалась домой, но сегодня на всякий случай решила проводить её до самой школы. Было уже половина девятого, когда О-Хару вернулась домой. Дело в том, что она встретила по пути молодых людей из отряда гражданской самоохраны, предупреждавших местных жителей о возможности наводнения, и решила, сделав крюк, посмотреть, что делается у реки. Она рассказала хозяевам, что вода в реке прибывает с ужасающей быстротой, того и гляди, достанет до моста Нарихирабаси. Однако никто в доме по-прежнему не задумывался всерьёз об опасности.

Минут через двадцать после возвращения О-Хару, надев свой изумрудного цвета дождевик и резиновые сапоги, Таэко приготовилась выйти из дома. Она спешила на занятия в школе Норико Тамаки, и Сатико даже не пыталась её удержать, хотя и сказала: «Ты только посмотри, что творится на улице!» Но Таэко была настроена на весёлый лад: будет даже интересно, если река выйдет из берегов.

Один только Тэйноскэ решил подождать, пока дождь немного утихнет. Он сидел в своём флигеле и от нечего делать листал какие-то бумаги. И тут вдруг раздался пронзительный вой сирены.

Тэйноскэ выглянул в окно. Дождь хлестал ещё неистовее, чем прежде. Под сливовыми деревьями в саду — это было самое низкое место на всём участке, там скапливалась вода даже при небольшом дождике — образовалось целое озеро, в остальном же всё выглядело как обычно. Их дом находился на значительном удалении от реки, так что никакая серьёзная опасность, казалось, им не грозила. Однако от реки до школы Эцуко рукой подать. Что, если прорвало плотину?[65] И если прорвало, то где именно? Не пострадала ли школа?

Чтобы не волновать Сатико, Тэйноскэ выждал некоторое время и, стараясь ничем не выдать своей тревоги, направился к дому. (Хотя от флигеля до дома было от силы шесть шагов, он успел промокнуть до нитки.)

— Что значит этот вой сирены? — испуганно спросила Сатико.

— Не знаю, но думаю, ничего страшного не произошло, — ответил Тэйноскэ и добавил, что на всякий случай выйдет посмотреть, что происходит в округе. Надев поверх кимоно плащ, он уже направился было в переднюю, но тут через чёрный ход вбежала бледная, перепуганная О-Хару в одежде, почти до пояса забрызганной грязью.

— Беда, хозяин! — воскликнула она и рассказала, что, услышав сирену, сразу же выскочила на улицу: с самого утра она не перестаёт волноваться за Эцуко. Дойдя до ближайшего перекрёстка, она увидела, что там уже полно воды. Люди говорили, что громадной силы поток несётся с гор к югу, в сторону моря. О-Хару попыталась сделать несколько шагов но воде, но очень скоро вода дошла ей до колен, и течение стало сбивать её с ног. Тут с крыши соседнего дома она услышала злой окрик: «Стой! Куда тебя несёт?» На кричавшем была форма отряда гражданской самоохраны, но, приглядевшись, О-Хару узнала в нём зеленщика Яоцунэ. «Это вы, Яоцунэ?» — крикнула она ему. Тот, как видно, тоже её узнал. «О-Хару, ты что, с ума сошла? Дальше даже мужчина пройти не сможет. У реки ужас что творится, рушатся дома, гибнут люди».

От Яоцунэ О-Хару узнала, что в верховьях рек Асиякавы и Кодзакавы, по всей видимости, произошёл оползень, каменные глыбы,

обломки домов и деревья, прибитые течением к железнодорожному мосту, образовали запруду река вышла из берегов, и вода, смешанная с илом и песком, хлынула бурлящим потоком по близлежащим улицам. Кое-где глубина воды достигает трёх метров. Из окон второго этажа люди вопят о помощи. О-Хару спросила у Яоцунэ, цела ли школа, но он ничего не знал.

Вообще, сказал он, разрушения особенно велики к северу от шоссе, возможно, районы у низовья реки пострадали не так сильно. Он слышал, что на западном берегу положение не столь бедственное, как на восточном. Но вот как обстоит дело со школой, ему неизвестно. В таком случае, решила О-Хару, она во что бы то ни стало туда доберётся. Нет ли какого-нибудь кружного пути? Нет, сказал Яоцунэ, куда ни пойдёшь, всюду вода, причём чем дальше к востоку, тем глубже. К тому же течение очень сильное, так и сбивает с ног. А если попадётся навстречу какой-нибудь булыжник или коряга, и вовсе пиши пропало, унесёт прямо в море — и поминай как звали. Дюжие парни из отряда самоохраны с риском для жизни ещё кое-как переправляются через поток, держась за канаты, женщине же это явно не под силу.

О-Хару ничего не оставалось, как вернуться домой.

Не теряя времени, Тэйноскэ бросился к телефону и попытался связаться со школой, но связь была уже прервана. «Ладно, я сам туда пойду», — сказал он жене. Тэйноскэ не помнил, что ответила Сатико. Помнил только, как она устремила на него долгий, затуманенный слезами взгляд и на мгновение крепко к нему прижалась.

Тэйноскэ быстро переоделся в старый европейский костюм, натянул на ноги резиновые сапоги и, набросив плащ с капюшоном, вышел из дома.

Пройдя метров пятьдесят, он вдруг заметил, что следом за ним семенит О-Хару. На ней было уже не прежнее насквозь промокшее и грязное платье, а бумажное кимоно с подвязанными тесёмками рукавами и подоткнутым подолом, из-под которого виднелась красная нижняя рубаха.

— Сейчас же возвращайся домой, — приказал Тэйноскэ, но служанка попросила разрешения хоть немного его проводить.

— Нет-нет, там вы не пройдёте, — сказала О-Хару, видя, что Тэйноскэ собирается повернуть налево, — идите за мной!

Вскоре они вышли к шоссе и, по-прежнему никуда не сворачивая, продолжали идти в южном направлении. До железнодорожной линии, где им предстояло свернуть налево, к школе, оставалось метров двести. К счастью, пока Тэйноскэ шёл без особого труда — вода не достигала даже края его сапог. Когда же он пересёк железнодорожное полотно и подошёл к старому шоссе, то, как ни странно, вода там оказалась ещё мельче. Отсюда уже виднелась школа — из окон второго этажа выглядывали ребятишки.

— Ну, радуйся, О-Хару, школа целёхонька! — услышал у себя за спиной Тэйноскэ. Голос, без сомнения, принадлежал О-Хару, имевшей привычку от волнения разговаривать сама с собой. Тэйноскэ удивился, увидав служанку: он думал, что она вернулась домой, как он ей велел. Какое-то время она шла впереди, указывая ему дорогу, но потом незаметно отстала, и Тэйноскэ совсем про неё забыл, тем более что последние несколько метров пришлось двигаться наперерез сильному потоку. В сапоги набралась вода, и он с трудом переставлял ноги. О-Хару, при её маленьком росте, вымокла в илистой воде почти по пояс. Всё это время она старалась не отставать от Тэйноскэ: в тех местах, где течение было особенно стремительным, она то опиралась на свой сложенный зонт, то цеплялась за телеграфный столб или ограду какого-нибудь дома.

Привычка О-Хару отпускать вслух замечания, обращённые к самой себе, была хорошо известна в доме. Когда ей случалось бывать в кино, она, захваченная происходящим на экране, то и дело восклицала: «Вот это здорово!» — или: «Интересно, что же он сейчас будет делать?» Другие служанки жаловались, что с ней невозможно ходить в кино, она способна уморить своими замечаниями. Тэйноскэ невольно улыбнулся при мысли, что даже в этой критической ситуации О-Хару осталась верна себе.

* * *

После ухода Тэйноскэ Сатико места себе не находила от беспокойства. Наконец, когда дождь несколько утих, она вышла за ворота. Мимо как раз проезжал автомобиль из пристанционного гаража. Узнав её, шофёр поздоровался, и Сатико поспешила

расспросить его, не знает ли он, что происходит по ту сторону железнодорожной линии, где находится школа. По словам шофёра, сам он там не был, но, как ему кажется, школа не должна пострадать, ведь она стоит на высоком месте, хотя вокруг всё залито водой. У Сатико немного отлегло от сердца. Здесь, в Асии, продолжал между тем водитель, наводнение не такое уж сильное, куда хуже, по слухам, обстоит дело у реки Сумиёсигавы. Ему в тех местах побывать не пришлось, потому что и на шоссе, и на железной дороге движение полностью прекратилось, но люди рассказывают, что там творится нечто невообразимое. До станции «Мотояма» ещё можно кое-как добраться по железнодорожному полотну, но дальше к западу образовалось целое море грязной воды. Огромные волны несутся с гор, обгоняя друг друга и сметая всё на своём пути. Люди, уцепившись кто за татами, кто за ветви деревьев, отчаянно взывают о помощи, но спасти их невозможно…

Теперь Сатико уже всерьёз забеспокоилась о сестре. Она знала, что школа Норико Тамаки находится совсем близко от реки Сумиёсигавы, как раз там, где, по словам водителя, «образовалось целое море». Обычно Таэко шла пешком по шоссе и там садилась на автобус.

— Нынче, утром я как раз встретил вашу сестру, — сказал шофёр. — Она направлялась в сторону шоссе. На ней был зелёный плащ, верно? Я думаю, она успела добраться до места прежде, чем началось наводнение… Да, в тех краях положение серьёзное…

Не помня себя. Сатико побежала в дом и непривычно громким голосом позвала: «О-Хару» Тотчас же явившаяся на её зов служанка объяснила, что О-Хару ушла вслед за хозяином и с тех пор не возвращалась. Губы Сатико дрогнули, она заплакала, как ребёнок. О-Аки и О-Хана в растерянности молча смотрели на хозяйку. Устыдившись своих слёз, Сатико выбежала из гостиной на террасу и, всё ещё продолжая всхлипывать, спустилась в сад, Сквозь проволочную сетку, разделявшую их участки, она увидела бледное лицо Хильды Штольц.

— Госпоша Макиока, ваш супруг… всё есть благополючно? Эцуко-сан… благополючно?

— Муж пошёл за Эцуко. Кажется, школа не пострадала. А ваш супруг?

— Он скоро-скоро отправлялься в Кобэ за Петер и Руми. Я ушасно вольноваться.

Из троих детей Штольцев только маленький Фриц пока не ходил в школу, а Петер и Роземари учились в Кобэ, в школе при немецком клубе. Прежде Сатико нередко видела, как они по утрам выходили из дома вместе с отцом, который служил тоже в Кобэ. Однако в последнее время дети всё чаще ездили в Кобэ одни: из-за Китайского инцидента фирма, в которой служил их отец, значительно сократила свою деятельность и г-н Штольц сплошь и рядом оставался дома. Именно так случилось и сегодня. Г-н Штольц не поехал на службу, но потом, забеспокоившись о детях, отправился за ними в Кобэ. Никто ещё не знал тогда ни о том, насколько серьёзно наводнение, ни о том, что железнодорожное сообщение с Кобэ прервано, и теперь г-же Штольц оставалось лишь молить бога, чтобы муж смог благополучно добраться до школы.

Хильда Штольц говорила по-японски намного хуже своих детей, и для Сатико было затруднительно объясняться с нею — порой ей приходилось даже прибегать к своим скудным познаниям в английском языке.

— Вот увидите, с вашим супругом не случится ничего худого, — пытаясь хоть немного успокоить и ободрить соседку, сказала Сатико. — Затопило только Асию и Сумиёси, Кобэ же, по всей вероятности, вовсе не пострадал. Петер-сан и Руми-сан в полной безопасности, я в этом совершенно уверена, успокойтесь, пожалуйста.

Поговорив с г-жой Штольц, Сатико вернулась в гостиную, а ещё через несколько минут в воротах, которые она оставила открытыми, показалась Эцуко с Тэйноскэ и О-Хару.

*** * ***

Из рассказа мужа Сатико узнала, что школа Эцуко и в самом деле нисколько не пострадала. Но поскольку всё вокруг было затоплено водой, из опасения, что вода поднимется ещё выше, занятия отменили и детей отвели на второй этаж, где они ждали, пока за ними придёт кто-нибудь из родных. Таким образом, Эцуко ничуть не испугалась и

только беспокоилась о доме. Тэйноскэ оказался в числе первых, кто поспешил забрать своих детей.

Поблагодарив директора и учителя, Тэйноскэ вместе с дочерью и О-Хару пустился в обратный путь. Только что, в школе, Тэйноскэ пожалел, что сразу не отправил служанку домой, — ему было неловко, когда она, вся мокрая и грязная, на виду у изумлённых учителей и родителей бросилась к Эцуко с громкими возгласами: «Барышня! Живая!» Но теперь присутствие О-Хару было просто неоценимо. Вода всё прибывала, и течение становилось всё более бурным, поэтому Тэйноскэ пришлось часть пути нести Эцуко на спине. Не будь с ними О-Хару, которая шла впереди навстречу потоку, принимая на себя его натиск, Тэйноскэ вряд ли удержался бы на ногах. Самой О-Хару, конечно, тоже было нелегко: временами вода доходила ей до пояса. Устав идти наперекор бегущему с севера потоку, они при первой же возможности повернули к западу, однако здесь, на уличных перекрёстках, передвигаться стало особенно трудно и опасно. К счастью, оказалось, что в одном месте протянут канат, и, ухватившись за него, они смогли благополучно миновать трудный участок, в другом им помог человек из отряда гражданской самоохраны, в третьем они были вынуждены рассчитывать только на себя да на зонтик О-Хару.

Казалось бы, Сатико должна была радоваться благополучному возвращению дочери и благодарить мужа и О-Хару, но она по-прежнему не находила себе места от беспокойства. Едва дослушав рассказ Тэйноскэ, она снова залилась слезами:

— Кой-сан… Что с нею?..

5

Обычно, чтобы дойти до школы и вернуться обратно, Тэйноскэ требовалось не более получаса, сегодня же на это ушёл целый час, даже больше. Пока Тэйноскэ отсутствовал, Сатико успела узнать кое-какие новые подробности о наводнении в Сумиёси: вся местность к западу от станции «Танака» превратилась в сплошную бурлящую реку район, где находилась школа Норико Тамаки, оказался, таким образом, в числе наиболее тяжело пострадавших от наводнения рынок Конан и площадка для игры в гольф, расположенные к югу от шоссе, были полностью затоплены и слились с морем количество жертв и разрушений не поддавалось исчислению.

Одним словом, всё дошедшие до Сатико известия были отнюдь не утешительными, и она уже почти потеряла надежду увидеть сестру в живых. Но Тэйноскэ, переживший знаменитое Токийское землетрясение[66] и знавший по опыту, что слухи бывают преувеличенными, пытался, как мог, её успокоить. Он слышал, что по железнодорожному полотну можно дойти до Мотоямы, так почему бы ему не отправиться туда и не увидеть собственными глазами, что там происходит? Если всё обстоит действительно так, как утверждают люди, дальше ему, конечно, не пробраться, но он почему-то был уверен, что положение не настолько серьёзно. Во время землетрясения он убедился, что от стихийных бедствий гибнет не так уж много людей, как обычно себе представляют. Даже в самых, казалось бы, безнадёжных ситуациях людям удаётся каким-то чудом спастись… Во всяком случае, пока ещё рано оплакивать Таэко. Сатико должна взять себя в руки и спокойно ждать его возвращения. Он просит её не волноваться, если задержится. Рисковать собой без надобности он не собирается, и если поймёт, что дальше не пройти, то повернёт назад.

Захватив с собой немного еды, фляжку с бренди и кое-какие лекарства, Тэйноскэ надел спортивные брюки и ботинки (он уже имел возможность убедиться, как неудобны в таких случаях сапоги) и снова вышел из дома.

До школы Норико Тамаки по железной дороге было километра четыре. Любивший пешие прогулки, Тэйноскэ хорошо знал эти места

и не раз проходил милю этой школы. Она находилась неподалёку от женской гимназии Конан, на улице, параллельной железной дороге, примерно в километре с небольшим к западу от станции «Мотояма». От железнодорожного полотна школу отделяло каких-нибудь сто метров. Если он сможет добраться до гимназии по насыпи, думал Тэйноскэ, то, возможно, ему удастся подойти и к школе Норико Тамаки, ну а если не сможет, то по крайней мере увидит, что там происходит.

* * *

Едва Тэйноскэ вышел за ворота, как вслед за ним опять устремилась О-Хару, по на сей раз он строго приказал ей вернуться: сейчас она должна быть долга рядом с Сатико и Эцуко, мало ли что может случиться в его отсутствие.

Пройдя метров пятьдесят к северу, Тэйноскэ поднялся на железнодорожную насыпь. Поначалу никаких зловещих признаков наводнения не было заметно, только рисовые поля по обеим сторонам пути были сплошь залиты водой. Около Танабэ, когда лес уже остался позади, вода стояла только к северу от дороги, с южной же стороны всё выглядело совсем как обычно. Но по мере приближения к Мотояме на юге тоже показалась вода. Однако рельсовый путь впереди по-прежнему казался свободным и безопасным. Время от времени навстречу Тэйноскэ попадались группки юношей-гимназистов. В ответ на его расспросы они повторяли одно и то же: здесь-то ещё ничего, но вот за станцией «Мотояма» форменный потоп, там образовалось целое море.

— Мне нужно попасть к западу от женской гимназии, — сказал Тэйноскэ.

— Это совершенно исключено, — отвечали гимназисты. — Когда мы вышли из гимназии, вода всё ещё продолжала прибывать. Сейчас, наверное, даже по рельсам не пройти, всё затопило.

У станции «Мотояма» зрелище, было и в самом деле устрашающее. Чтобы немного передохнуть, Тэйноскэ решил зайти в вокзальное помещение. Улица перед станцией была уже под водой. Вода просачивалась и внутрь вокзального здания, несмотря на

устроенные у входа заграждения из мешков с песком и циновок. Железнодорожные служащие и гимназисты по очереди отгоняли мётлами воду. Опасаясь, что его тоже привлекут к работе, Тэйноскэ решил здесь не задерживаться и, наскоро выкурив папиросу, под дождём снова зашагал к железнодорожному полотну.

Вода была жёлтая, мутная, совсем как в Янцзы, и временами на её поверхности виднелись сгустки какой-то тёмной кашицы, напоминающей фасолевый мармелад. Шагая по этой воде, Тэйноскэ вдруг с удивлением вспомнил, что прежде здесь был железнодорожный мост, под которым текла крохотная речушка. Теперь, превратившись в многоводную реку, она вышла из берегов и полностью затопила мост. Миновав мост, Тэйноскэ заметил, что под ногами стало опять достаточно сухо, но по обе стороны полотна высоко поднималась вода. А впереди, прямо перед ним, простиралось то самое «целое море», о котором говорили гимназисты. Слова «величественный» или «грандиозный» не очень-то вяжутся с картиной стихийного бедствия, и всё же они довольно точно передают первое впечатление Тэйноскэ от представившегося его взору зрелища — оно вселяло в него не столько ужас, сколько неизъяснимый священный трепет.

Тэйноскэ хорошо знал этот край с его полями и садами, сосновыми рощами и речушками, с разбросанными тут и там старинными крестьянскими усадьбами и европейскими домиками под красными черепичными крышами. Этот южный склон горы Рокко, отлого спускающийся к Осакскому заливу, был любимым местом его прогулок, он считал, что в окрестностях Осаки и Кобэ невозможно сыскать другой такой уголок, где дышалось бы так легко и где всё вокруг так радовало бы глаз.

Теперь здесь бушевала стихия, как в худшую пору разлива рек Янцзы или Хуанхэ. Положение усугублялось тем, что наводнение сопровождал возникший в горах оползень. Гигантские волны, набегая друг на друга, скатывались вниз и с грохотом разбивались, разбрасывая во всё стороны пену и брызги. Вода клокотала, точно в гигантском котле. Там, где вскипали волны, была уже не река, а настоящее море — тёмное, мутное, как во время летнего шторма. Железнодорожное полотно, где сейчас стоял Тэйноскэ, уходило в это мутное море наподобие пирса, то почти скрываясь под водой, то вдруг

выныривая на поверхность решёткой из шпал, — почву из-под них вымыло. Тэйноскэ вдруг заметил двух маленьких крабов, копошившихся у него под ногами, — наверное, они приползли сюда в поисках спасения.

Будь Тэйноскэ один, он наверняка повернул бы назад, но у него неожиданно появились попутчики — группа гимназистов. Паника возникла часа через два после начала занятий. Уроки отменили, и юноши побежали на станцию «Окамото», с трудом преодолевая несущийся навстречу поток. Когда выяснилось, что поезда не ходят, они решили податься в Мотояму, но и там железнодорожное сообщение было прервано. Тогда они решили передохнуть на станции (именно их видел Тэйноскэ с мётлами в руках), а потом, встревоженные тем, что вода всё прибывает и прибывает, разделились на две группы: одна отправилась по железнодорожному полотну в Осаку, другая — в Кобэ.

Это были весёлые, жизнерадостные ребята. Казалось, они вовсе не задумывались об опасности и громко смеялись всякий раз, когда кто-нибудь из них оступался и соскальзывал в воду. Тэйноскэ шёл за ними следом, осторожно переступая со шпалы на шпалу в тех местах, где рельсы вздыбливались над несущейся с бешеной скоростью водой.

Вдруг сквозь шум дождя и гул потока Тэйноскэ услышал, как кто-то окликает их: «Эй! Послушайте!» Метрах в пятидесяти от них стоял застрявший посреди воды поезд. Высунувшись из окон, юноши в гимназических формах кричали своим товарищам, чтобы они остановились.

— Дальше идти опасно! В Сумиёси такое наводнение, что туда не пробраться! Идите к нам!

Тэйноскэ ничего не оставалось, как забраться в поезд вместе со своими попутчиками. Это был экспресс, направлявшийся в Кобэ. Здесь, в вагоне третьего класса, кроме гимназистов нашло себе прибежище довольно много людей. Отдельную группу составляли несколько корейских семей — как видно, оставшихся без крова. Неподалёку от них сидела болезненного вида, старушка со своей служанкой и непрерывно шептала молитвы. Какой-то мужчина, скорее всего торговец, зябко поёживался в холщовой нижней рубахе, и кальсонах в ногах у него стоял большой забрызганный грязью узел, в

котором, должно быть, лежал его товар на спинке сиденья было раскинуто его мокрое кимоно и шерстяной набрюшник.

Гимназисты заметно повеселели после того, как к ним присоединились однокашники, и без умолку о чем-то болтали. Кто-то достал из кармана коробочку с леденцами и стал угощать товарищей. Другой, стащив с ног сапоги, вылил смешанную с грязью воду и принялся рассматривать свои разбухшие от воды ступни. Третий, раздевшись почти донага, выжимал насквозь промокшую форму. Несколько гимназистов стояли в проходе, как видно, не рискуя садиться в мокрой одежде. Они попеременно выглядывали из окна и каждый раз отпускали шумные реплики:

— Ой, смотрите, крыша плывёт!

— А вон там — циновка.

— Видали, сколько деревьев?

— Велосипед!

— Подумаешь, велосипед! Да вон целый автомобиль! Вот это да!

Наконец кто-то воскликнул:

— Глядите-ка, собака!

— Собака! Собака в воде!

— Надо как-нибудь помочь ей выбраться оттуда.

— Да что ты, она дохлая.

— Нет, живая, вон там, на рельсах…

Собака, по виду некрупный терьер, сотрясаясь всем своим мокрым грязным телом, забилась под поезд, чтобы укрыться от дождя. Двое или трое гимназистов выскочили из вагона и вскоре вернулись вместе с собакой. Собака отряхнулась от воды и тихонько улеглась в ногах своих спасителей, не сводя с них испуганных, полных ужаса глаз. Кто-то поднёс к её носу леденец, но она не притронулась к нему, только понюхала.

Тэйноскэ озяб. Сняв с себя мокрый плащ и пиджак, он повесил их на спинку сиденья и, сделав несколько глотков из фляжки, закурил папиросу. Время близилось к часу, но есть ему не хотелось. Он поглядел в окно. Прямо напротив, с северной стороны, виднелось здание Второй начальной школы в Мотояме из окон первого этажа, словно из ворот гигантского шлюза, хлестала мутная вода. Тэйноскэ подумал, что женская гимназия Конан находится в каких-нибудь

пятидесяти метрах от поезда. В обычное время до школы Норико Тамаки он добрался бы отсюда за несколько минут…

В вагоне стало неожиданно тихо. Гимназисты умолкли и посерьёзнели. По-видимому, даже эти жизнерадостные юноши почувствовали, что сейчас не до забав. Высунувшись из окна, Тэйноскэ увидел, что железнодорожная колея, по которой они шли с гимназистами от станции «Мотояма», полностью затоплена. Поезд стоял словно на островке посреди открытого моря, но и этот островок мог в любую минуту уйти под воду, если внизу, под рельсами, грунт уже размыт…

Вода поднималась всё выше и выше, хотя пока ещё между её поверхностью и колёсами поезда оставалось не меньше полутора метров. Принесённые с гор мутные волны разбивались о насыпь, как о морской берег, взметая фонтаны брызг. Пассажиры бросились закрывать окна.

Снаружи всё бурлило, клокотало, вихрилось, пенилось.

Вдруг из соседнего вагона прибежал человек в форме почтальона, а за ним кондуктор и десятка два пассажиров.

— Прошу всех перейти в следующий вагон, — крикнул кондуктор, — передние вагоны уже в воде!

Всё тотчас повскакивали со своих мест и, хватая на ходу кто свои пожитки, кто мокрую одежду или сапоги, устремились прочь.

— Это спальный вагон, а у меня билет на сидячее место, — сказал кто-то.

— Ничего, — отвечал кондуктор. — Располагайтесь на спальных местах. Сейчас не до билетов.

Кое-кто из пассажиров воспользовался этим разрешением и попробовал было прилечь, по вскоре всё снова в тревоге приникли к окнам. Рядом с вагоном оглушительно ревел поток. Старушка продолжала усердно читать молитву. Громко плакали корейские ребятишки. Вдруг послышался чей-то голос:

— Глядите, вода поднялась вровень с железнодорожным полотном!

Всё снова вскочили с мест и бросились к окнам. Вода подступила к самому краю насыпи и готова была перехлестнуть через соседнюю колею.

— Как вы думаете, здесь мы в безопасности? — обратилась к кондуктору женщина лет тридцати, по виду жительница предместья.

— Как вам сказать? Если вы знаете более надёжное место, постарайтесь перебраться туда…

Тэйноскэ рассеянно смотрел вдаль, где крутилась попавшая в водоворот телега. Выходя из дома, он обещал жене не предпринимать никаких опрометчивых шагов и в случае опасности вернуться с полпути. И вот незаметно для самого себя он попал в такой переплёт. Но даже сейчас мысль о смерти не приходила ему в голову. Он продолжал верить, что в последний момент какой-нибудь выход непременно найдётся, в конце концов, он ведь не женщина, не ребёнок. Куда больше его беспокоила судьба Таэко — он вдруг вспомнил, что школа Норико Тамаки помещается в одноэтажном доме.

Ещё совсем недавно Тэйноскэ казалось, что для тревоги и отчаяния у Сатико не было оснований, но сейчас он подумал: а что, если жену не обмануло предчувствие? Перед его мысленным взором вдруг предстала Таэко, такая, какой он её запомнил во время танца, месяц назад, — удивительно милая и необычайно прелестная. Тэйноскэ вспомнил, как в тот незабываемый день всё они выстроились вокруг неё для семейного снимка и как на глазах у Сатико ни с того ни с сего навернулись слёзы. Кто знает, может быть, сейчас Таэко, забравшись на крышу, взывает о помощи, а он сидит здесь, в двух шагах от неё, и бездействует. Неужели нельзя ничего предпринять? Тэйноскэ подумал, что никогда не простит себе, если вернётся домой один, не попытавшись вызволить Таэко из беды…

Перед глазами у него вставало лицо жены, то озарённое улыбкой благодарности, то залитое слезами отчаяния.

Пока Тэйноскэ предавался своим мыслям, произошло непредвиденное: вода с южной стороны железнодорожного полотна стала убывать, кое-где показался песок. С северной же стороны, напротив, она поднималась всё выше, волны перехлёстывали через соседнюю колею и подступали к той, на которой стоял поезд.

— Смотрите, с этой стороны вода уходит! — воскликнул кто-то из гимназистов.

— Ой, правда. Значит, можно продолжать путь.

— Давайте попробуем добраться до женской гимназии.

Гимназисты первыми выскочили из вагона, за ними, подхватив свои чемоданы и узлы, последовали другие пассажиры. Не успел Тэйноскэ спрыгнуть с насыпи, как за спиной у него послышался оглушительный грохот: в сторону поезда мчалась чудовищной силы волна. Она, подобно водопаду, обрушилась на Тэйноскэ, а откуда-то сбоку внезапно выскочило бревно. Едва удержавшись на ногах, Тэйноскэ наконец ступил на свободный от воды островок, сразу же по колено увяз в песке и, пытаясь высвободить ногу, потерял ботинок. Сделав ещё пять или шесть шагов, каждый раз с усилием вытаскивая из песка то одну, то другую ногу, он снова оказался посреди бурлящего потока шириной не меньше двух метров. Люди, шедшие впереди, то и дело оступались и падали в воду. Стремительное течение было во много крат страшнее того потока, через который он утром переносил Эцуко. Несколько раз Тэйноскэ казалось, что всё кончено — он никогда отсюда не выберется. Когда же ему наконец удалось преодолеть эту трудную переправу, он снова по пояс увяз в песке и сумел высвободиться только благодаря тому, что ухватился за телеграфный столб. Женская гимназия была прямо перед ним, на расстоянии каких-нибудь десяти метров, но, чтобы подобраться к ней — а иного пути попросту не было, — предстояло преодолеть ещё один не менее бурный и стремительный поток. И тут совершенно неожиданно ворота гимназии распахнулись, и кто-то протянул ему бамбуковые грабли. Тэйноскэ уцепился за них и вскоре оказался в воротах.

6

Во втором, часу дня дождь наконец пошёл на убыль. Вода, однако, начала мало-помалу отступать только часа в три пополудни, когда дождь совсем прекратился и кое-где в просветах между облаками показались кусочки голубого неба.

Как только выглянуло солнце, Сатико вышла на террасу. Над яркой, умытой дождём зеленью газона порхали две белые бабочки. В зарослях утопающей в воде травы между кустами сирени и сандаловым деревом, выискивая корм, копошился голубь. Глядя на эту безмятежную картину, трудно было поверить, что только что где-то совсем рядом бушевало наводнение. О нём напоминали разве что отключённые в доме электричество, газ и канализация. Впрочем, недостатка в воде здесь не испытывали — во дворе имелся колодец.

Прикинув, что муж и сестра вернутся мокрые, и грязные, Сатико распорядилась согреть для них ванну. Эцуко ушла с О-Хару к реке, и в доме было тихо. Лишь время от времени с заднего двора доносились звуки опускаемого в колодец ведра — электрический насос не работал — и голоса служанок и слуг из соседних домов, один за другим приходивших к ним за водой и судачивших с О-Ханой и О-Аки о наводнении.

Около четырёх часов дня в дом Сатико явился первый посетитель — осведомиться, не пострадала ли её семья от наводнения. Это был Сёкити, сын того самого Отояна, на чьём попечении остался дом в Уэхоммати.

В Осаке, рассказал Сёкити, не было и намёка на наводнение, никто не мог даже предположить, какая катастрофа постигла пригороды. О грандиозном наводнении в Сумиёси и Асии стало известно лишь в полдень из экстренного выпуска газеты. Сёкити сразу же отпросился со службы и отправился в Асию. И вот наконец добрался. Сперва он ехал на поезде, потом был вынужден пересесть в автобус, наконец, какую-то часть пути проделал на попутном грузовике, затем на такси, едва уговорив водителей его подбросить. В тех местах, где невозможно было проехать на машине, Сёкити шагал прямо по воде. За спиной у него болтался рюкзак с провизией,

выпачканные в грязи брюки были закатаны до колен, ботинки он нёс в руках.

Около моста Нарихирабаси он насмотрелся таких ужасов, признался Сёкити, что уже опасался застать на месте дома Сатико груду развалин. Подойдя к воротам, он просто-таки не поверил своим глазам, как будто кто-то всего лишь глупо пошутил насчёт наводнения.

— А-а, вот и вы, маленькая барышня, — затараторил Сёкити, увидев Эцуко. — Как хорошо, что вы целы-невредимы.

Сёкити недаром слыл заядлым говоруном. Он всё говорил и говорил, но наконец, как видно спохватившись, спросил Сатико, не может ли быть ей чем-нибудь полезен. Что с господином Тэйноскэ и Кой-сан? И Сатико откровенно рассказала ему обо всех своих треволнениях.

С самого утра каждое новое известие повергало её во всё большее отчаяние. Она узнала, например, что в верховьях реки Сумиёсигава долина глубиной в несколько десятков дзё, от музея «Хакуцуру» до виллы Номура, полностью погребена под песком и булыжниками, что железнодорожный мост через реку Сумиёсигава сплошь завален каменными глыбами и деревьями с начисто ободранной корой, так что проехать по нему невозможно, что к расположенному в низине метрах в трёхстах от железнодорожного полотна многоквартирному дому Конан прибило множество трупов, что трупы эти настолько обезображены, так облеплены песком, что опознать их невозможно, что наводнение не пощадило и Кобэ и много людей погибло в затопленном тоннеле на линии электрички, курсирующей между Кобэ и Осакой.

Сатико понимала, что в чем-то эти слухи, безусловно, преувеличены, и всё же рассказы о множестве трупов, скопившихся вблизи дома Конан, попросту ошеломили её. Она знала, что школа Норико Тамаки находится совсем близко оттуда, только по другую сторону железной дороги. Стало быть, именно там, в районе этой школы, было больше всего жертв.

С приходом О-Хару Сатико окончательно утвердилась в своих мрачных догадках. Как выяснилось, О-Хару, не меньше Сатико обеспокоенная судьбой Тэйноскэ и Кой-сан, спрашивала каждого встречного о положении дел в тех местах, и всё сходились на том, что на восточном берегу реки Сумиёсигава больше всего пострадал

именно тот район. Даже теперь, когда, вода повсюду начала заметно убывать, этот район оставался по-прежнему затопленным более чем на три метра.

Поначалу Сатико не очень беспокоилась о Тэйноскэ, она знала, что он человек достаточно благоразумный, кроме того, отправляясь на поиски Таэко, он обещал ей быть осторожным.

Однако по мере того, как время шло, к её тревоге о Таэко добавилась тревога о муже. Если местность вокруг школы так сильно пострадала, значит, добраться туда невозможно и Тэйноскэ давно уже должен был бы вернуться. Почему же в таком случае его всё ещё нет? Быть может, надеясь продвинуться вперёд ещё немножко, ещё чуть-чуть, он, сам того не ведая, попал в западню? Кроме того, Сатико знала, что, при всей своей осмотрительности, Тэйноскэ не из тех, кто с лёгкостью отказывается от задуманного. Возможно, он просто ищет какой-нибудь обходной путь к школе или ждёт, пока вода хоть немного схлынет. И потом, даже если он уже разыскал и спас Таэко, они не могли бы так скоро добраться до дома, ведь всё дороги затоплены. Ничего удивительного, если они вернутся только часам к шести или даже к семи…

Воображению Сатико рисовались всевозможные картины, от самых радужных до самых безнадёжных, пока наконец последние не стали казаться ей наиболее, правдоподобными.

Выслушав Сатико, Сёкити сказал, что её опасения совершенно напрасны, но ради её спокойствия он готов отправиться туда, посмотреть, что там происходит. Сатико не замедлила ухватиться за это предложение, хотя и понимала, что разыскать Тэйноскэ или Таэко ему вряд ли удастся. Сёкити тотчас же собрался в путь, и Сатико пошла его проводить. Было около пяти часов вечера.

Дом Сатико был расположен так, что попасть в него можно было с двух разных улиц. Выйдя вместе с Сёкити через ворота с тыльной стороны дома, Сатико, чтобы немного размяться, дошла по улице до главных ворот, которые оставались открытыми, потому что звонок не работал, и оттуда прошла в сад.

— Госпоша Макиока, — послышался голос Хильды Штольц. — Ваша дочка… я знаю, всё есть в порядке. Вы теперь чувствовайт себя лючше?

— Да, спасибо. Эцуко благополучно вернулась домой. Но я очень беспокоюсь о сестре. Муж отправился её разыскивать. — И Сатико, стараясь выражаться как можно проще и понятнее, повторила соседке то, что только что рассказала Сёкити.

— О, мой бог! — сочувственно произнесла г-жа Штольц, прищёлкнув языком. — Я вас хорошо понимать. Ошень вам сочувствовайт.

— Спасибо. А что ваш супруг?

— Он ещё нет здесь. Я не знать покой.

— Наверное, ему и в самом деле пришлось проделать весь путь до Кобэ.

— Я так думать. Но в Кобэ тоже много вода. И в Нада, и в Рокко, и в Оисикава, всюду вода, вода, вода… Что с мой муж? Что с Петер, с Роземари?.. Я совсем, совсем, не знать покой…

Сатико казалось совершенно невероятным, чтобы с г-ном Штольцем, человеком, рослым, крепким, рассудительным, один вид которого внушал ощущение надёжности, могло произойти какое-нибудь несчастье. Она была уверена, что и Петер с Роземари в полной безопасности, — их школа расположена достаточно высоко даже для Кобэ. Скорее всего, они просто не могут попасть домой, похоже, что на дорогах вода.

Но г-жа Штольц, конечно же, предполагала самое худшее, и всё попытки Сатико успокоить её оказывались тщетными.

— Нет, — говорила Хильда Штольц, — я хорошо знать, в Кобэ ушасная вода. Много, много погибал.

Глядя на заплаканное лицо г-жи Штольц, Сатико от всей души хотелось её ободрить, и всё же под конец, когда всё разумные доводы были исчерпаны, ей ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к обычным в таких случаях избитым фразам, что, мол, всё будет хорошо, она ничуть в этом не сомневается.

Вдруг послышался скрип калитки, и Джонни бросился к воротам. У Сатико подпрыгнуло сердце: «Это Тэйноскэ!» Однако за деревьями мелькнула чья-то фигура в незнакомом темно-синем костюме и панаме.

— Кто это? — спросила Сатико у О-Хару, уже спешившей к ней с террасы.

— Господин Окубата.

— А-а, — растерянно протянула Сатико. Вот уж кого она никак не ждала, хотя именно сегодня появление Окубаты было вполне естественным. Но как ей держаться с ним? В любой другой ситуации она, конечно же, отказалась бы его принять (так она решила для себя сама, такова же была и воля Тэйноскэ), но сегодня случай был особый. Окубата пришёл, беспокоясь о Таэко, и прогнать его было бы жестоко. Сегодня, только сегодня, она позволит Окубате дождаться Таэко и вместе с ним порадоваться её благополучному возвращению…

— Господин Окубата спросил, дома ли Кой-сан, и, когда я ответила, что она ещё не вернулась, сказал, что хочет повидать вас…

Окубата знал, что в этом доме его отношения с Таэко хранят в тайне. И если уж этот напыщенный, высокомерный барчук не постеснялся спросить о Таэко у встретившей его прислуги, значит, он не на шутку встревожен. Сегодня эта его бестактность не только не рассердила, но, напротив, тронула Сатико.

— Проводи его в комнаты, — сказала она прислуге.

Приход Окубаты был удобным поводом прервать тягостную беседу с г-жой Штольц, по-прежнему стоявшей у проволочной сетки.

— Извините, пожалуйста, ко мне пришли, — объяснила Сатико соседке.

Сатико поднялась к себе на второй этаж, чтобы привести в порядок опухшее от слёз лицо, по пути велев прислуге подать гостю охлаждённый в колодце чай — холодильник всё ещё не работал. Когда Сатико наконец вошла в гостиную, Окубата, совсем как в прошлый раз, вскочил и вытянулся, словно по стойке «смирно». Безупречная аккуратность его великолепно отутюженного костюма производила странное впечатление. Сатико невольно подумала о сплошь заляпанной грязью одежде Сёкити.

Узнав, что из Осаки до Асии начали ходить электрички, сказал Окубата, он сел в поезд и доехал до Асии, а от станции шёл пешком. Кое-где на дороге вода ещё держится, но пройти можно, пришлось только снять ботинки и закатать брюки.

— Мне следовало приехать к вам раньше, — продолжал Окубата, — но дело в том, что я узнал о наводнении совсем недавно. Я вспомнил, что как раз сегодня Кой-сан должна быть на занятиях у модистки. Она поехала туда ещё до того, как всё это началось?

По правде говоря, Сатико решила принять Окубату не без тайного умысла. Ей казалось, что сейчас он лучше, чем кто-либо другой, сумеет её понять. Она поделится с ним своими тревогами о муже и сестре и хоть немного избавится от гнёта томительного ожидания. Но теперь, глядя на него, она почувствовала, что в излишнюю откровенность пускаться не следует.

Судя по всему, беспокойство Окубаты о Таэко было вполне искренним, но вместе с тем в его скорбном лице и в его речах сквозила какая-то наигранность. Сатико не могла отделаться от мысли, что им движет расчёт. Уж не решил ли он воспользоваться нынешней трагической ситуацией, чтобы расположить их в свою пользу? Отвечая на вопросы Окубаты, Сатико в самых сдержанных тонах рассказала о том, что наводнение началось, по-видимому, вскоре после того, как Таэко добралась до школы. Насколько ей известно, местность, где находится школа, пострадала от наводнения особенно сильно, и она с самого утра беспокоится за сестру. Тэйноскэ отправился на поиски Таэко — это было около одиннадцати часов утра. Примерно час назад туда же отправился Сёкити, который примчался из Осаки, чтобы узнать, как обстоят дела у них в Асии. Пока никто из них не вернулся, и она не знает, что думать…

Окубата немного помялся, а потом, как и ожидала Сатико, спросил, нельзя ли ему остаться подождать здесь, пока вернётся Таэко. «Пожалуйста, сколько вам будет угодно», — любезно ответила Сатико и ушла к себе. Сказав одной из служанок, что гость пока не уходит, она распорядилась подать ему ещё чаю и несколько последних журналов.

— Эттян, пойди сюда, пожалуйста, — позвала Сатико. Беседуя с Окубатой, она заметила, что девочка несколько раз заглянула в гостиную, как видно, желая узнать, кто пришёл. — Эттян, почему ты заглядываешь в комнату, когда я разговариваю с гостем? Это нехорошая привычка.

— Я не заглядывала.

— Не нужно говорить неправду, я видела. Воспитанные девочки так себя не ведут.

Эцуко залилась краской и виновато потупилась. Вскоре, однако, Сатико снова услышала её шаги на лестнице.

— Вернись, пожалуйста. Оставайся у себя в комнате.

— Почему?

— Ты должна учить уроки. Очень возможно, что завтра у вас в школе будут занятия.

Усадив девочку за учебники и поставив около её письменного стола ароматическое курение от комаров, Сатико вернулась к себе в комнату и прошла прямо на веранду, откуда хорошо просматривалась улица: она надеялась с минуты на минуту увидеть направляющихся к дому Тэйноскэ с Таэко.

С соседнего участка послышался густой басовитый голос:

— Хильда! Хильда! — Г-н Штольц с поднятой вверх рукой шёл через сад к жене, возившейся с чем-то на заднем дворе. За ним шествовали Петер и Роземари. Увидев мужа, г-жа Штольц вскрикнула и бросилась ему на шею. В саду было ещё светло, и сквозь листву деревьев, растущих вдоль изгороди, Сатико хорошо видела это супружеское объятие, напомнившее ей европейские кинофильмы. Потом г-жа Штольц принялась осыпать поцелуями Петера и Роземари.

Сатико поспешила незаметно уйти с веранды, а г-жа Штольц, как видно не подозревая, что та наблюдала за ними, в порыве какой-то безумной радости подбежала к изгороди, крича во весь голос:

— Госпоша Макиока! Мой муж здесь! Петер и Роземари здесь!..

— Как я рада за вас! — откликнулась Сатико, выйдя на веранду. В тот же миг в соседнем окне показалась Эцуко.

— Петер-сан, Руми-сан! — радостно закричала девочка. — Ура! Ура!

Дети принялись махать друг другу руками. Их примеру последовали и Хильда Штольц с мужем.

— Скажите, пожалуйста, вашему супругу пришлось проделать весь путь до Кобэ? — спросила Сатико.

— Мой муж не ходить Кобэ. Он встречать Петер и Руми на дорога. После это они идти сюда всё вместе.

— Ах, вот как? Господин Штольц встретил детей по дороге в Кобэ? Как удачно, что они не разминулись. Петер-сан, — обратилась Сатико к мальчику: понять что-либо из слов г-жи Штольц было непросто. — Где вы встретились с вашим папой?

— На шоссе, неподалёку от Токуи.

— Неужели вы прошли пешком весь путь от Кобэ до Токуи?

— Нет, в Санномии мы сели на электричку и доехали до Нады.

— Вот как? Значит, электрички ходят до Нады?

— Да. А потом мы с Руми пошли по шоссе и неподалёку от Токуи встретили папу…

— Вам очень повезло. А как вы добрались сюда из Токуи?

— Мы шли по шоссе, но не всё время. Кое-где пришлось идти по железнодорожному полотну, а то и подниматься выше, в горы. В некоторых местах вообще нет никакой дороги…

— Какой ужас! Скажи, пожалуйста, на дорогах ещё много воды?

— Не так много… Только местами…

Ответы Петера звучали весьма неопределённо. Сатико так и не удалось понять, как именно они добрались до дома, где именно дороги были затоплены и что они видели по пути. Однако, судя по тому, что всё трое, в том числе и маленькая Роземари, благополучно добрались до дома, даже особенно не запачкавшись, вряд ли им встретились на пути какие-нибудь серьёзные преграды. Тревога охватила Сатико с новой силой. Если даже дети сумели так быстро добраться сюда из Кобэ, то муж и сестра давно уже должны были вернуться домой. Не означает ли это, что они в самом деле попали в беду? Да, с Таэко наверняка что-то неладно. Тэйноскэ же, возможно, даже вместе с Сёкити шатается разыскать её и спасти.

— Госпоша Макиока, ваш супруг, ваша сестра… Они всё ещё нет здесь?

— Нет. Ваши близкие уже дома, а их всё нет и нет. Что с ними могло случиться? Я места себе не нахожу…

Голос Сатико невольно дрогнул. Хильда Штольц, наполовину скрытая листвой, снова сочувственно прищёлкнула языком.

— Извините, пожалуйста… — послышался за спиной Сатико голос О-Хару. — Господин Окубата просил передать вам, что собирается уходить.

7

Сатико спустилась вниз. Окубата уже стоял в передней, в руке он держал ясеневую трость.

— Я слышал ваш разговор с этих, иностранных, семейством. Детям и тем удалось добраться до дома. Почему же до сих пор нет Кой-сан?

— Я и сама не могу этого понять.

— Почему же она так задержалась? Я должен отправиться туда и посмотреть своими глазами, что там происходит. Возможно, я ещё загляну к вам сегодня.

— Спасибо, но ведь уже совсем темно. Быть может, вам стоит ещё немного подождать?..

— Нет, я больше не могу сидеть сложа руки. За это время я уже успел бы дойти до школы и вернуться обратно.

— Ну, если вам так спокойнее…

На глазах у Сатико выступили слёзы. В эту минуту она благословила бы в душе любого, кто разделил бы её тревогу о сестре.

— Ну, я пойду… Право, вы не должны так волноваться.

— Спасибо вам. Будьте осторожны… — Сатико подошла к двери. — У вас есть фонарик?

— Есть.

Окубата взял с полочки свою панаму, под которой лежал фонарик и ещё что-то, что он поспешно сунул в карман. Сатико, однако, успела разглядеть, что это был фотографический аппарат. По-видимому, Окубата понял, что в такой день, как сегодня, появиться с фотоаппаратом было по крайней мере неуместно.

Проводив Окубату, Сатико некоторое время стояла в воротах, вглядываясь в темноту пустынной улицы. Потом она вернулась в гостиную и, чтобы хоть немного успокоиться, зажгла свечи и опустилась в кресло. Вошла О-Хару и робко спросила, можно ли накрывать на стол. Время ужина и в самом деле давно наступило, но Сатико не хотелось есть. Пусть Эцуко ужинает одна, ответила она. О-Хару пошла за девочкой наверх, но вскоре вернулась в гостиную: барышня тоже отказывается ужинать.

Было немного странно, что Эцуко, наверняка уже выучившая уроки, продолжает тихонько сидеть в своей комнате наверху, — обычно она сразу же спешила в гостиную. Но сегодня девочка, по-видимому, чувствовала, что лучше не докучать матери, а то, чего доброго, дело кончится нагоняем.

Сатико недолго оставалась в гостиной, ей не сиделось на месте. Она поднялась наверх и, не заглядывая к дочери, прошла, в комнату Таэко. В свете зажжённой ею свечи были хорошо видны висящие на стене фотографии. Сатико, словно заворожённая, подошла поближе и принялась их разглядывать.

Это были фотографии Таэко, сделанные в тот самый день, когда у них в доме танцевали «Дочери Осаки». Итакура без конца фотографировал её во время танца, а после концерта сделал ещё несколько снимков, для которых она специально позировала на фоне золочёной ширмы. Из множества фотографий, принесённых позже Итакурой, Таэко отобрала всего четыре и попросила их увеличить. Именно они висели теперь в рамках у неё в комнате.

Как суетился тогда Итакура со своим фотоаппаратом! С какой тщательностью продумывал освещение и всё прочие детали! Сатико была поражена, насколько точно он запомнил весь исполненный сестрою танец. Прося её принять ту или иную позу, он мог, например, сказать: «Кой-сан, помните этот фрагмент, начинающийся словами "студёное утро"?» — или: «Изобразите пожалуйста, как вы прислушиваетесь к стуку града». Несколько раз он сам подходил к ширме и показывал Таэко, какое именно движение она должна повторить.

Старания Итакуры увенчались успехом — фотографии получились великолепные. Глядя на них теперь, Сатико до мельчайших подробностей припоминала всё, что говорила и делала Таэко в тот вечер. Она словно наяву слышала её голос, видела её движения, выражение лица.

В тот вечер Таэко впервые исполняла свой «Снег» перед публикой, но как же чудесно она танцевала! И не одна только Сатико так считала — её похвалила даже требовательная Саку. Конечно, своим успехом Таэко была во многом обязана учительнице, каждый день приезжавшей ради неё в Асию. И хотя Сатико трудно было судить беспристрастно, она считала, что главная заслуга всё-таки

принадлежала самой Таэко: отличаясь прирождённой гибкостью и грацией, она ещё в детстве начала заниматься танцами. В минуты волнения у Сатико всегда подступал к горлу комок. Именно с таким ощущением она глядела в тот вечер на свою танцующую сестру, и такой же комок в горле она ощутила теперь, когда рассматривала висящие на стене фотографии.

Из четырёх снимков ей особенно нравился один, на котором Таэко изображала девушку, прислушивающуюся к полночным ударам колокола: она стояла на коленях, чуть-чуть подавшись корпусом влево, руки были сложены на груди, голова слегка наклонена вбок, в ту сторону, откуда, казалось, доносился сквозь снежную пелену колокольный звон…

Эта сцена восхищала Сатико ещё в ту пору, когда Таэко только разучивала свой танец, но в день концерта она произвела на неё ещё более сильное впечатление, видимо, потому, что Таэко была в кимоно и с соответствующей причёской. Сатико и сама не могла бы объяснить, чем ей так нравится именно эта сцена. Наверное, тем, что в ней неожиданно проявились хрупкость и незащищённость, казалось бы, совсем не свойственные бойкой и самоуверенной Таэко. Сатико привыкла считать её человеком совершенно иного склада, нежели она сама и другие сёстры, — деловым, предприимчивым, способным преодолеть любые препятствия на пути к намеченной цели. Временами эти качества даже раздражали Сатико. Но фотография запечатлела Таэко совершенно иной — во всём её облике сквозила гибкость, исстари свойственная японским женщинам, и поэтому, думая о сестре, теперь, Сатико испытывала к ней непривычную, пронзительную нежность. Высокая старинная причёска и по-особому наложенная косметика придали её живому, подвижному лицу очарование, зрелости, более соответствующее её возрасту, и это тоже нравилось Сатико.

Сатико вдруг с ужасом подумала, уж не таится ли некий зловещий смысл в том, что этот прелестный снимок сделан ровно месяц назад? А это семейное фото, на котором они запечатлены вместе с Таэко?.. Неужели отныне ему суждено превратиться в скорбную реликвию? Сатико помнила, как расчувствовалась тогда, глядя на Таэко в свадебном кимоно старшей сестры, и как смутилась из-за своих непрошеных слёз. В ту минуту ей представился день, когда Таэко будет

блистать в этом наряде, но уже в качестве невесты. Неужели этот день теперь уже не наступит? Неужели она так и не увидит сестру в свадебном уборе? Сатико сделалось страшно. Не в силах больше смотреть на фотографию, она поспешно перевела взгляд на полочку в нише, где стояла одна из последних работ Таэко — фигурка девушки с дощечкой для игры в волан.

Года два или три назад, когда в осакском театре Кабуки выступал знаменитый Кикугоро Шестой,[67] Таэко несколько раз ходила на его спектакли, и, как видно, искусство великого мастера поразило её воображение, В лице куклы, правда, не ощущалось заметного сходства с Кикугоро, но зато поза очень точно передавала одно из характерных движений актёра. И впрямь, до чего же талантливая у неё сестра, подумала Сатико.

Детские годы Таэко прошли не в такой безоблачной атмосфере, как у остальных сестер. Видимо, именно поэтому у неё выработался более трезвый и практичный взгляд на жизнь, нежели у них, и она могла позволить себе обходиться с Сатико и Юкико так, будто была намного их старше. Сатико с горечью подумала, что в заботах об устройстве судьбы Юкико нередко забывала о Кой-сан. Впредь она не допустит этого и отныне будет делить свою любовь между ними поровну. Кой-сан не имеет права погибнуть!.. Если всё кончится благополучно, решила Сатико, она непременно уговорит мужа отпустить Таэко за границу и позволить ей выйти замуж за Окубату, если она того пожелает…

Солнце давно зашло. За окнами разливалась тьма, совсем непроглядная оттого, что уличные фонари не горели. Откуда-то издалека доносилось кваканье лягушек. На соседнем участке вдруг вспыхнул огонёк — это у Штольцев зажгли в столовой свечу.

Сатико вышла, на веранду. Отсюда ей был слышен раскатистый бас г-на Штольца, которому вторили голоса Петера и Роземари.

Как видно, собравшись за столом, они наперебой рассказывали г-же Штольц о своих сегодняшних приключениях. Эта картина семейного счастья, так живо представившаяся её воображению при виде мигающего огонька свечи, повергла Сатико в ещё большее, отчаяние. Но тут она вдруг услышала, как Джонни выскочил из дома и помчался к воротах.

— Встречайте гостей! — донёсся вслед за тем бодрый голос Сёкити.

— Мамочка! — громко крикнула из соседней комнаты Эцуко.

— Неужели вернулись?.. — вырвалось у Сатико.

В следующий миг они с дочерью уже сбегали по лестнице вниз.

В прихожей было темно, и Сатико не могла ничего толком разглядеть.

— Вот и мы, — услышала она голос Тэйноскэ.

— А где Кой-сан?

— Здесь, с нами, — сразу же отозвался Тэйноскэ. Но почему она молчит?

— Что с тобой, Кой-сан? Что с тобой? — тревожно спрашивала Сатико, вглядываясь в темноту. Тут в переднюю вошла О-Хару со свечой в руке и остановилась за спиной у Сатико.

В тусклом свете свечи Сатико наконец увидела сестру; на ней было какое-то незнакомое кимоно, широко раскрытые глаза в упор глядели на Сатико.

— Сестричка… — дрожащим голосом произнесла Таэко и, не в силах больше владеть собой, с пронзительным криком рухнула на пол.

— Что с тобой? У тебя что-нибудь болит?

— У неё ничего не болит, — снова ответил вместо неё Тэйноскэ. — Но за сегодняшний день она такого натерпелась… Знаешь, кто её спас? Итакура.

— Итакура? — Сатико быстро взглянула на дверь, но там никого не было.

— Принесите-ка мне ведёрко воды, — попросил Тэйноскэ.

Только теперь Сатико заметила, что одежда мужа вся в грязи. Вместо ботинок на ногах у него были деревянные сандалии. И сандалии, и ноги от ступней до колен были сплошь покрыты песком и илом.

8

В тот же вечер из рассказов сестры и мужа Сатико узнала о том, что пришлось пережить Таэко.

Выйдя утром из дома около девяти часов, вскоре после того, как вернулась О-Хару, провожавшая Эцуко в школу, Таэко, как обычно, села в автобус. Несмотря на ужасающий ливень, автобусы ещё ходили. Как всегда, Таэко сошла у женской гимназии Конан и уже в девять часов входила в ворота школы Норико Тамаки, до которой от остановки было рукой подать.

Занятия в школе не подчинялись жёсткому распорядку и носили, в общем-то, непринуждённый характер. В тот день из-за плохой погоды и слухов об угрозе наводнения многие ученицы не явились, а те, кто всё-таки рискнул прийти, были настолько взбудоражены происходящим, что г-жа Тамаки решила отменить занятия. Когда ученицы стали расходиться по домам, г-жа Тамаки предложила Таэко задержаться и выпить с нею чашечку кофе. Они перешли в соседнюю постройку, где помещались жилые комнаты.

Норико Тамаки была лет на семь или восемь старше Таэко. Её муж, инженер, служил на одном из предприятий концерна Сумитомо, а сын, ещё мальчик, учился в школе, Сама она не только держала школу шитья, но и служила консультантом в отделе женской одежды одного из универмагов в Кобэ.

По соседству со школой имелись ещё одни ворота, ведущие к небольшому, но весьма элегантному одноэтажному домику в испанском стиле, где г-жа Тамаки жила со своей семьёй школа и жилой дом имели общий двор.

Госпожа Тамаки с самого начала выделяла Таэко среди других своих учениц и любила побеседовать с ней за чашкой кофе. В тот день, усадив Таэко в гостиной и поставив на спиртовку кофе, она принялась рассказывать ей о Париже, где провела несколько лет. Г-жа Тамаки считала, что Таэко непременно должна побывать во Франции, и выразила готовность дать ей несколько рекомендательных писем на случай, если они ей понадобятся.

Между тем дождь разошёлся не на шутку.

— Как же быть? Под таким ливнем я не доберусь до дома…

— Вот и не надо торопиться. Когда дождь поутихнет, мы выйдем вместе. Посидите ещё немного.

В это время распахнулась дверь, и в комнату, где они сидели, вбежал запыхавшийся сын г-жи Тамаки, десятилетний Хироси.

— Почему ты не в школе? — удивилась г-жа Тамаки.

— У нас отменили занятия, всех распустили по домам. Сказали, что, если начнётся наводнение, будет трудно добраться до дома.

— И что же? Неужели и впрямь, начнётся наводнение? — воскликнула г-жа Тамаки.

— Что ты говоришь, мама! Оно уже началось! Я всю дорогу бежал со всех ног, чтобы вода меня не догнала!

Не успел Хироси это сказать, как поток мутной воды с устрашающим рёвом хлынул во двор. Г-жа Тамаки вместе с Таэко бросилась запирать дверь. В это время в коридоре, на другой половине дома послышался гул, как бывает во время прилива: в дверь, через которую вошёл Хироси, хлестала вода.

Насилу закрыв дверь, всё трое привалились к ней спинами, слушая, как злобно стучится в неё вода, а затем принялись сооружать баррикаду из столов, стульев и кресел. На какое-то время им удалось преградить путь воде, но вскоре Хироси, забравшийся с ногами в одно из придвинутых к двери кресел, издал громкий вопль: дверь внезапно распахнулась, и он вместе со своим креслом поплыл по комнате.

— Ой, какой ужас! — воскликнула г-жа Тамаки. — Надо поскорее убрать пластинки, а то они намокнут.

Всё трое бросились перекладывать патефонные пластинки из шкафа на пианино. В воде, которая вскоре стала доходить им почти до пояса, плавали три хиленьких столика, стеклянный сосуд для приготовления кофе, сахарница, ваза с гвоздиками.

— Таэко-сан, как быть с куклой? — спросила г-жа Тамаки, указывая на стоящую на каминной полке куклу во французском стиле, подарок Таэко.

— По-моему, с ней ничего не случится, — ответила Таэко, — вода вряд ли туда достанет.

В ту пору они ещё не понимали всей серьёзности положения. Они весело переговаривались между собой и даже рассмеялись, когда Хироси, пытаясь ухватить уплывающий от него портфель, задел

головой угол радиоприёмника, который вместо того, чтобы стоять на своём месте, покачивался на воде. Однако уже через какие-нибудь полчаса всем стало не до смеха. Как вспоминала потом Таэко, в мгновение ока вода поднялась ей по грудь. Ухватившись за штору, она прижалась к стене, и в этот миг в воду упала, как видно задетая шторой, картина. Г-жа Тамаки очень дорожила ею, это был "Портрет Рэйко" кисти художника Кисиды Рюсэя. Теперь эта картина, покачиваясь на воде, медленно перемещалась в угол комнаты, и им ничего не оставалось, как с грустью провожать её взглядом.

— Хироси, как ты там? — спросила г-жа Тамаки, не скрывая тревоги.

— Ничего, — пробормотал мальчик, влезая на пианино ему было уже трудно устоять на ногах. Таэко вдруг вспомнился эпизод из европейского кинофильма, который она видела ещё в детстве: один из главных героев, сыщик, попадает в какое-то глухое подземелье, куда начинает просачиваться вода, с каждым мигом поднимаясь всё выше и выше…

Таэко, г-жа Тамаки и Хироси оказались в разных концах комнаты: Таэко — у окна, мальчик — на пианино у противоположной стены, а его мать забралась на обеденный стол, который поначалу был придвинут к двери, а теперь, подталкиваемый водой, вернулся на середину комнаты. Поняв, что скоро и она не сможет удержаться в прежнем положении, Таэко покрепче ухватилась за штору, стараясь нащупать ногой какую-нибудь опору. К счастью, поблизости оказался один из столиков, на который она в конце концов взобралась, неловким движением опрокинув его набок.

Как стало ясно позднее, вода принесла с собой много песка, из-за которого вещи словно прирастали к полу. После наводнения, когда вода схлынула, столы и стулья невозможно было сдвинуть с места. Многие дома уцелели только благодаря набившемуся внутрь песку, который своей тяжестью намертво прижал их к земле.

Нельзя сказать, что Таэко не приходила в голову мысль попытаться выбраться наружу. Она вполне могла бы, например, разбить окно (из-за дождя оно было закрыто, только фрамуга оставалась чуточку приоткрытой). И внутри и снаружи уровень воды был примерно одинаков, но если в комнате стояло мутное болото, то за окном, на дворе, нёсся бешеный поток. Кроме увитого глициниями

решётчатого навеса, примерно в полутора метрах от окна, поблизости во дворе не было никаких деревьев или строений, которые могли бы послужить для них временным прибежищем. Если бы только им удалось каким-то образом добраться до этого навеса, они были бы спасены, но разве мыслимо добраться туда при таком сильном течении?

Хироси, стоя на пианино, провёл рукой по потолку. Конечно, если б им удалось пробить потолок и выбраться на крышу, это был бы самый верный путь к спасению. Но двум женщинам и ребёнку такое было явно испод силу.

— Мама, а где Канэя? — вдруг спросил Хироси, вспомнив про служанку.

— Не знаю, она была у себя в комнате, — ответила г-жа Тамаки.

— С ней что-то случилось. Иначе она подала бы голос…

На этот раз г-жа Тамаки ничего не ответила. Всё трое в молчании глядели на разделяющую их воду, успевшую подняться ещё выше, — до потолка оставалось едва ли более метра. Таэко наконец сумела вернуть в обычное положение служивший ей опорой столик (это было совсем непросто, потому что он врос в песок) и ухватиться за укреплённый под самым потолком карниз, но даже при этом вода доходила ей до подбородка. Г-жа Тамаки тоже стояла в воде по самое горло к счастью, прямо над головой у неё оказался висевший на трёх массивных цепях дюралевый светильник, за который она могла ухватиться, когда рисковала потерять равновесие.

— Мама, я умру? — проговорил Хироси.

Г-жа Тамаки не ответила, и тогда мальчик снова сказал:

— Я знаю, всё мы умрём. Да, мама?

— Не говори глупости… — едва слышно пробормотала г-жа Тамаки. Она сказала что-то ещё, но что именно, было не разобрать. По-видимому, она не знала, что ответить сыну. Глядя на неё, Таэко подумала: такое вот лицо должно быть у человека, приговорённого к смерти. И у неё самой сейчас наверняка точно такое же лицо. И ещё она почувствовала: когда человек осознаёт, что обречён на гибель и спасения нет, он перестаёт испытывать страх и становится удивительно спокойным…

Таэко не знала, сколько времени она простояла так у окна. Ей казалось, что очень долго — часа три, а может быть, даже четыре. На

самом же деле прошло меньше часа. В щель, образуемую приоткрытой фрамугой, стала проникать вода. Уцепившись одной рукой за штору, Таэко собрала всё силы и принялась закрывать фрамугу. В это самое время, или нет, даже чуточку раньше, она услышала шаги на крыше. Уже в следующий миг какой-то человек ловко перепрыгнул с крыши на решётчатый навес. Таэко и ахнуть не успела, как он подобрался к самому краю навеса и, уцепившись за него, повис над водой. Крепко держась за навес одной рукой — иначе его тотчас унесло бы течением, — он повернулся лицом к окну и, увидев Таэко, стал быстро двигаться в воде. Сначала Таэко не могла сообразить, что он собирается сделать, но потом догадалась: держась одной, рукой за край навеса, другой он пытался дотянуться до окна. Незнакомец был в кожаной куртке и кожаном авиаторском шлеме, из-под которого виднелись одни глаза. Только тут Таэко поняла, что это никто иной, как фотограф Итакура.

Неудивительно, что Таэко узнала Итакуру не сразу. Никогда прежде, ей не приходилось видеть его в этой кожаной куртке и в этом шлеме, наполовину закрывавшем лицо. Да и могло ли ей прийти в голову, что в эту минуту здесь появится Итакура? К тому же сквозь густую завесу дождя и брызг вообще трудно было что-либо разглядеть. А главное — Таэко пребывала в таком состоянии, что не вполне отдавала себе отчёт в происходящем.

— Итакура-сан! Итакура-сан! — во весь голос закричала Таэко. Она обращалась не столько к самому Итакуре, сколько к находившимся в комнате г-же Тамаки и Хироси, — ей хотелось дать им понять, что пришла помощь. Вслед за тем она из последних сил принялась уже не закрывать, как минуту назад, а, напротив, открывать с трудом подающуюся фрамугу, чтобы выбраться через неё наружу. Наконец после нескольких попыток ей это удалось. Таэко свесилась из окна, ухватилась правой рукой за протянутую ей руку Итакуры и сразу же всем телом ощутила яростную силу потока. Левой рукой она всё ещё сжимала карниз, хотя с каждым мигом это становилось всё труднее.

— Отпустите руку! — послышался приказ Итакуры. Это были его первые слова. — Держитесь за меня, а другую руку отпустите!

«Будь что будет», — подумала Таэко, повинуясь приказу Итакуры. В первый момент ей показалось, что её вот-вот унесёт течением, но

уже в следующее мгновенье Итакура рывком подтянул её к себе. (Позднее он говорил, что и не подозревал в себе такой силы.)

— Хватайтесь за край навеса, как я, — снова скомандовал Итакура. Таэко ухватилась обеими руками за край решётчатого навеса, но ей было страшно, гораздо страшнее, чем тогда, в комнате.

— Нет, не могу… Меня сносит водой.

— Потерпите ещё немного. Только не отпускайте руки. Держитесь крепче. — Наконец-то справившись с течением, Итакура вскарабкался на навес, раздвинул ветви глициний и в образовавшееся отверстие втащил Таэко наверх.

Первой мыслью Таэко было: «Ну вот, я и спасена». Конечно, никакой уверенности в том, что вода не поднимется до навеса, быть не могло, и всё же при необходимости отсюда уже можно было перебраться на крышу, — во всяком случае, Итакура что-нибудь придумает. Находясь в замкнутом пространстве комнаты, Таэко и представить себе не могла, что творится вокруг. Теперь же она ясно видела, какие страшные перемены произошли за эти два часа. Её взору предстало то же самое зрелище, которое наблюдал Тэйноскэ с железнодорожного моста в Танаке, — широко разлившееся море.

Но если Тэйноскэ глядел на это море с восточного берега, то Таэко находилась почти в самой его середине, а со всех сторон от неё вздымались огромные волны. Ещё минуту назад она думала, что спасена, но теперь, глядя, как буйствует взбесившаяся стихия, она понимала, что спасения нет, им никогда отсюда не выбраться. Вспомнив о г-же Тамаки и Хироси, она сказала Итакуре:

— Там, в доме, осталась моя учительница с сыном. Нужно что-нибудь сделать. — И как раз в ту самую минуту, когда она это говорила, навес качнулся — в него со всего размаха ударилось бревно.

— Это как раз то, что нам нужно, — проговорил Итакура и снова полез в воду. Ухватив бревно, он принялся сооружать импровизированный мост: один конец бревна просунул в окно, а другой с помощью Таэко привязал к навесу стеблями глицинии. Когда «мост» был готов, Итакура добрался по нему до окна и скрылся в проёме. Он не появлялся довольно долго. Как выяснилось потом, всё это время Итакура занимался тем, что рвал на куски кружевную штору и связывал из них верёвку. Конец этой верёвки он бросил г-же Тамаки, которая находилась сравнительно близко от окна, а уж она

перебросила его сыну. После этого Итакура подтащил обоих к окну и затем помог им переправиться по бревну — сначала ребёнку, потом матери.

Сколько времени понадобилось Итакуре для всего этого? Может быть, очень много, а может быть, совсем мало. Этого они так и не узнали: часы Итакуры, которые он привёз из Америки и которыми очень гордился, потому что они заводились автоматически, а якобы были водонепроницаемыми, остановились.

Дождь хлестал с прежним неистовством, вода поднималась всё выше. Вскоре всем четверым пришлось при помощи того же бревна и ещё нескольких деревьев, прибитых течением, перебраться с навеса на крышу. Только теперь, почувствовав себя в относительной безопасности, Таэко решилась спросить, каким чудом Итакура оказался здесь в эти критические минуты.

С самого утра, ответил Итакура, его мучило какое-то нехорошее предчувствие. Он вспомнил, как ещё веской один старик предсказал, что в этом году обязательно будет наводнение, — по наблюдениям старика, оно повторялось в этих краях каждые шесть-семь лет, и Итакура опасался, что предсказание старика может сбыться, — дожди шли в последнее время не переставая. А сегодня утром, когда разнёсся слух, что река Сумиёсигава вот-вот выйдет из берегов, и в округе появились ребята из отряда гражданской самоохраны, он встревожился уже не на шутку и решил отправиться к реке, посмотреть, что там, происходит. Пройдя вдоль берега, он понял, что беды не миновать, а когда подошёл к Ноёри, навстречу уже неслась вода.

И всё же из рассказа Итакуры было не совсем ясно, почему он с самого начала оделся в кожаную куртку и отправился не куда-нибудь, а именно к школе Норико Тамаки. Не потому ли, что знал, где находится в это время Таэко, и стремился прийти ей на помощь?

Но не станем пока касаться этого вопроса, расскажем лишь о том, что узнала Таэко со слов самого Итакуры. Увидев катящийся в его сторону мутный поток, он вдруг вспомнил, что сегодня у Таэко должно быть занятие в школе кройки и шитья, и, вместо того чтобы повернуть назад, ринулся навстречу воде. Позднее Итакура во всех подробностях живописал Таэко, ценою каких отчаянных усилий ему удалось добраться до школы г-жи Тамаки, не будем утомлять читателя этими подробностями, заметим только, что Итакура проник туда со стороны

женской гимназии. Поскольку он опередил Тэйноскэ почти на два часа, это было ещё возможно.

Если верить Итакуре — а молодой человек, безусловно, не лгал, — он был единственным, кто отважился броситься наперекор вздымающемся валам. Трижды его сносило течением, и каждый раз он оказывался на волосок от гибели. Когда же он наконец достиг школы и взобрался на крышу, наводнение бушевало вовсю. Потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя, и тогда он вдруг заметил, что кто-то машет рукой с крыши соседнего дома. Это была служанка Канэя. Поняв, что Итакура её увидел, она указала рукой на окно гостиной, потом выставила вверх три пальца и написала в воздухе имя «Таэко». Не раздумывая ни минуты, Итакура снова бросился в ревущий поток. Вода отбрасывала его назад, накрывала с головой, но он каким-то чудом выныривал и продолжал плыть, пока не добрался наконец до навеса. Можно не сомневаться, что в этой последней, самой яростной, схватке со стихией он всерьёз рисковал жизнью.

9

В то время как Итакура осуществлял эту спасательную операцию, Тэйноскэ всё ещё находился и поезде. Затем, как уже известно читателю, ему удалось перебраться в здание женской гимназии. Там, в отведённой для беженцев классной комнате, ему пришлось просидеть часов до трёх дня. Когда дождь наконец прекратился и вода стала понемногу убывать, он отправился к школе г-жи Тамаки. Она находилась буквально в двух шагах, но добраться до неё оказалось неимоверно трудно. Вода оставила после себя груды песка, дома утопали в нём по самую крышу. Вся окрестность уподобилась занесённой снегом северной деревушке. Ноги вязли в песке, как в болотной трясине. Тэйноскэ снял единственный ботинок, оставшийся после утреннего путешествия, и продолжил путь в носках. Чтобы добраться до школы, ему потребовалось около получаса, хотя в обычное время на это ушло бы не более двух минут.

Улицу, где находилась школа г-жи Тамаки, невозможно было узнать. Ворота школы до самого верха скрылись в песке, так же как и само здание школы, от которого, казалось, осталась лишь шиферная крыша. Когда Тэйноскэ шёл сюда, он представлял себе, что увидит на этой крыше толпу учениц и среди них Таэко. Но где же они? Перебрались в какое-нибудь безопасное место? Утонули? Или погребены под песком? Тэйноскэ охватило отчаяние. По песчаной целине, на месте которой ещё совсем недавно были газон и цветочные клумбы, проваливаясь в песок по самые бёдра, он направился к соседнему дому, в котором, как он знал, жила семья г-жи Тамаки.

Увитый глициниями навес едва возвышался над окружающей его песчаной равниной, рядом лежало несколько брёвен. Тэйноскэ перевёл взгляд на красную черепичную крышу и — о чудо! — увидел там Таэко, Итакуру, г-жу Тамаки, её сына Хироси и служанку Канэю.

Итакура, рассказал Тэйноскэ, как ему удалось спасти Таэко и г-жу Тамаки с сыном. Когда вода спала, Итакура собрался было отвести Таэко домой, но, поскольку она всё ещё никак не могла прийти в себя, а г-жа Тамаки с Хироси боялись оставаться одни, решил ещё немного повременить.

Человеку, не пережившему ничего похожего, трудно представить себе состояние панического ужаса, в котором всё ещё находились Таэко и г-жа Тамаки с сыном. Даже когда небо прояснилось и вода стала убывать, они всё ещё не могли поверить в своё спасение, их по-прежнему била дрожь страха.

Пытаясь вывести Таэко из оцепенения, Итакура говорил ей, что родные беспокоятся, нужно поскорее идти домой Таэко и сама это понимала, но не могла заставить себя ступить на песок, доходивший почти до самой крыши, — ей казалось, что там её опять подстерегает опасность.

Г-жа Тамаки чувствовала себя совершенно беспомощной. Что им делать, если Таэко-сан и Итакура-сан уйдут? — причитала она. Конечно, рано или поздно должен вернуться муж, но если к тому времени солнце сядет и они останутся ночью одни на крыше? Хироси и Канэя тоже со слезами на глазах упрашивали Итакуру не уходить.

В это время как раз и появился Тэйноскэ. Чтобы немного перевести дух, он вытянулся на крыше, и сразу же ощутил такую усталость, что был не в силах подняться на ноги. Так пролежал он более часа, глядя на расчистившееся небо, в котором вовсю уже сияло солнце. Было, наверное, половина пятого или около того (точного времени никто не знал, потому что у Тэйноскэ часы тоже остановились), когда, из Микагэ, где проживали родственники г-жи Тамаки, прибыл слуга с поручением узнать, как они с сыном пережили наводнение. Воспользовавшись его приходом, Тэйноскэ, Итакура и Таэко отправились домой.

Таэко всё ещё не могла оправиться от шока, и Тэйноскэ с Итакурой приходилось поддерживать её под руки, а то и нести на спине. После наводнения русло реки Сумиёсигава переместилось к востоку, и теперь эта новая река захватила участок шоссе, сделав его почти непроходимым. Приблизительно на полпути они встретили Сёкити, шагавшего им навстречу, и дальше пошли уже вчетвером.

В Танаке Итакура предложил всем сделать передышку — он жил как раз неподалёку. К тому же ему не терпелось узнать, уцелел ли его дом. Ради смертельно уставшей Таэко Тэйноскэ решил воспользоваться приглашением Итакуры, хотя знал, с каким волнением ожидают их возвращения в Асии.

В доме Итакуры они провели ещё около часа.

Итакура жил в двухэтажном домике вместе с сестрой. Наверху находилось его ателье, а в нижнем этаже — жилые комнаты. Наводнение оставило свой след и здесь: вода залила комнаты первого этажа сантиметров на тридцать. Итакура провёл гостей наверх и угостил лимонадом — бутылки удалось извлечь из грязной воды. Таэко сняла насквозь промокшее платье и переоделась в кимоно сестры Итакуры. Для Тэйноскэ, который всё это время шёл босиком, нашлись деревянные сандалии. Прощаясь, Тэйноскэ попросил Итакуру не провожать их: теперь с ними Сёкити и они вполне справятся одни, — но молодой человек настоял на своём и вышел из дома вместе с ними. Он проводил их до окраины Танаки и только потом повернул обратно.

Сатико была уверена, что Окубата, который, как ста предполагала, разминулся с Тэйноскэ и Таэко, непременно появится в тот вечер снова, однако он не пришёл, а на следующее утро прислал вместо себя Итакуру.

* * *

По словам Итакуры, накануне вечером Окубата явился к нему вскоре после того, как он вернулся домой, проводив Таэко и её спутников. Не дождавшись Кой-сан в Асии, сказал Окубата, он решил отправиться ей навстречу, но, едва добравшись до Танаки, понял, что по такой воде да ещё в такую темень дальше ему всё равно не пройти, и решил заглянуть к Итакуре: вдруг тому что-нибудь известно о Таэко. Итакура поспешил успокоить его и в общих чертах рассказал о случившемся, после чего Окубата. сразу же поехал к себе в Осаку, попросив Итакуру утром наведаться в Асию и передать, что, узнав о благополучном возвращении Кой-сан, он не счёл возможным больше их беспокоить. Кроме того, он поручил Итакуре от его имени осведомиться о самочувствии Таэко-сан.

За минувшую ночь Таэко успела прийти в себя и вместе с Сатико вышла к Итакуре, чтобы, как положено, поблагодарить его за вчерашнее и вспомнить те страшные минуты, которые им привелось пережить. Как ни удивительно, после двухчасового пребывания на

крыше под проливным дождём, да ещё в одном тоненьком платьице, она не простудилась.

— В подобных ситуациях человек мобилизует всё свои внутренние ресурсы и становится более выносливым, — заметил Итакура. Вскоре он откланялся.

И всё же выпавшее на долю Таэко испытание не прошло даром. На следующий день она почувствовала страшную ломоту во всём теле, У неё так сильно ныло под мышкой справа, что она уже стала беспокоиться, не плеврит ли это. К счастью, через несколько дней боль исчезла. Куда более длительными, однако, оказались моральные последствия пережитого потрясения. Однажды, услышав, как по крыше забарабанил внезапно начавшийся ливень, Таэко впала в панику. Видимо, связанное с дождём ощущение ужаса глубоко укоренилось в её сознании. Ещё как-то раз она всю ночь не сомкнула глаз, потому что за окном накрапывал дождь. Страх перед новым наводнением по-прежнему преследовал её.

10

Жители Кобэ и Осаки были ошеломлены, узнав на следующий день из газет о размерах причинённого наводнением ущерба. Почти целую неделю Сатико только и делала, что принимала посетителей, которые являлись один за другим, движимые отчасти беспокойством, отчасти попросту любопытством. Однако, по мере того как жизнь входила в привычную колею, шум и суматоха постепенно утихли. Снова наладилась телефонная связь, была восстановлена подача электричества, газа и воды. О недавней катастрофе напоминали только лежащие повсюду груды песка. Песчаные заносы всё ещё не расчистили — не хватало ни рабочих рук, ни транспорта. Под палящим солнцем на улицах клубились белёсые облака пыли, точь-в-точь как после знаменитого Токийского землетрясения.

На месте старой железнодорожной платформы в Асии, погребённой под песком и камнями, построили другую, временную, над старым железнодорожным мостом соорудили новый, более высокий, и начали прокладывать по нему рельсы. В некоторых местах вода в реке всё ещё держалась вровень с берегами, поэтому даже небольшой ливень был чреват новым наводнением. Нельзя было терять ни единого часа. Много дней кряду брошенная сюда армия землекопов без передышки разгребала песчаные завалы, однако проку от их трудов было едва ли больше, чем от снования муравьёв по груде рассыпанного сахара. Дело почти не двигалось с места, лишь сосны у плотины с каждым днём покрывались всё более густым слоем пыли. Асию, издавна славившуюся своими живописными окрестностями, теперь было не узнать.

В один из дней этого невыносимо душного, пыльного лета после двух с половиной месяцев пребывания в «главном доме» в Асию приехала Юкико.

О постигшем западные районы стихийном бедствии в Токио узнали в тот же день из вечерних газет. Хотя опубликованные сообщения носили общий характер и не содержали каких-либо подробностей, было ясно, что больше всего пострадали районы вдоль

рек Сумиёсигава и Асиякава, поэтому в «главном доме» не находили себе места от тревоги.

Прочитав о гибели нескольких учеников начальной школы Конан, Юкико потеряла покой — постоянно думала о племяннице.

На следующий день Тэйноскэ позвонил со службы в Токио и, отвечая на вопросы, которыми, поочерёдно подходя к телефону, буквально засыпали его Цуруко и Юкико, в общих словах рассказал о случившемся.

Юкико сообщила Тэйноскэ, что как раз завтра собирается ехать в Асию, и сделала паузу, как бы ожидая его одобрительной реакции. Тэйноскэ ответил, однако, что, хотя они всегда рады видеть у себя Юкико, особых оснований для её приезда сейчас он не видит, тем более что дальше Осаки поезда по-прежнему не ходят.

И всё же вечером, рассказывая Сатико об этом разговоре, Тэйноскэ высказал предположение, что в скором времени они увидят Юкико, — теперь у неё появился предлог для поездки в Асию.

Через несколько дней и в самом деле от Юкико пришло письмо, в котором она сообщала, что непременно должна повидать Кой-сан, чудом спасшуюся от смерти, а кроме того, ей не терпится посмотреть, что стало с её любимой Асией. Одним словом, она рассчитывает приехать к ним в ближайшее время.

Так и случилось. Умышленно не известив Сатико о своём приезде, Юкико села в экспресс «Ласточка» и приехала в Осаку, а оттуда на электричке добралась до Асии на станции ей удалось поймать такси, и около шести часов вечера она уже входила в знакомые ворота.

Дверь открыла О-Хару, поспешившая принять чемоданчик из рук Юкико. В доме было непривычно тихо.

— Где же госпожа? — спросила Юкико, не найдя сестру в гостиной.

— Госпожа Макиока у соседей, — ответила О-Хару, направляя вентилятор в её сторону.

— А Эттян?

— Маленькая барышня тоже у Штольцев. И госпожа Таэко там. Всех пригласили на чай. Они должны скоро вернуться. Может быть, сбегать за ними?

— Нет, не нужно.

— Сегодня они как раз говорили, что вы можете приехать. Эттян вас ждёт, не дождётся. Я всё-таки пойду позову…

— Нет, нет, не надо, О-Хару. Я подожду.

В соседнем дворе слышались детские голоса. Юкико вышла на террасу и устроилась в плетёном кресле под навесом.

Только что, проезжая в машине мимо моста Нарихирабаси, Юкико видела ужасающие картины разрушений — ничего подобного она не могла себе представить, но здесь, в этом саду, всё оставалось как прежде, не пострадали ни одно деревце, ни один кустик.

Воздух словно замер, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Застывшие в неподвижности, купы деревьев радовали глаз яркой и упругой листвой. Пронзительно свежо зеленела трава газона. Весной, когда Юкико уезжала в Токио, в полную силу цвела сирень, а на кустах ямабуки ещё только появлялись первые бутоны. Теперь же отцвели и рододендроны, и лилии, лишь кое-где на ветках гардении последние цветы струили в воздух свой нежный аромат. Густая листва платанов у изгороди почти полностью скрывала из виду двухэтажный дом Штольцев.

Там, на участке перед домом, дети играли в «поезд». С террасы Юкико не видела детей, но хорошо слышала их голоса. Кондуктором, судя по всему, был Петер.

— Следующая остановка — «Микагэ». Уважаемые пассажиры! От Микагэ до Асии наш поезд следует без остановок. Пассажиров, следующих до Сумиёси, Уодзаки, Аоки и Фукаэ, просим пересесть на другой поезд.

Петер с поразительной точностью воспроизводил специфические интонации кондукторов. Трудно было поверить, что это говорит маленький иностранец.

— Ну что же, Руми-сан, тогда мы поедем в Киото, — послышался голос Эцуко.

— Да, мы поедем в Токио, — откликнулась Роземари.

— Не в Токио, в Киото.

Как видно, Роземари никогда не слышала про Киото и, сколько бы Эцуко ни поправляла её, продолжала вместо «Киото» говорить «Токио».

— Да нет же, Руми-сан, в Киото, — уже теряя терпение, твердила Эцуко.

— Я и говорю, в Токио.

— Да ты знаешь, сколько времени надо ехать до Токио?

— Ну и что же, мы приедем туда через завтра.

— Когда? — Эцуко, по-видимому, не поняла, что подруга хотела сказать «послезавтра». — Руми-сан, это не по-японски.

— Эцуко-сан, как называется по-японски это дерево? — спросил Петер, залезая на платан возле изгороди. По этому платану дети легко перебирались с участка на участок.

— Аогири, — ответила Эцуко.

— Аогиригири?

— Нет, просто аогири.

— Аогиригири.

— Аогири!

— Аогиригири…

Было трудно понять, то ли Петер разыгрывает Эцуко, то ли в самом деле не может правильно выговорить это слово.

— Ну сколько можно повторять! — в сердцах воскликнула Эцуко. — Ради всего святого, Петер-сан, а-о-ги-ри…

Услышав это взрослое «ради всего святого», Юкико невольно рассмеялась.

11

Наступила пора летних каникул. Свободные от классов, Эцуко и дети Штольцев почти всё время проводили вместе. В утренние и вечерние, часы они играли в саду и лазали по деревьям, а в полдень, когда жарко припекало солнце, скрывались в доме. Если девочки бывали одни, они играли в «дочки-матери», если же к ним присоединялись братья Роземари, немедленно начиналась игра в войну.

Тяжёлые стулья и кресла в гостиной тотчас же сдвигались или ставились друг на друга, превращаясь в укрепления и огневые точки противника. Петер отдавал команду, и трое бравых солдат дружно открывали огонь по неприятелю из духовых ружей. При этом дети Штольцев, даже маленький Фриц, именовали воображаемого противника не иначе как «Франкрайх». Поначалу Сатико не понимала, что это значит, но Тэйноскэ объяснил ей, что по-немецки так называется Франция. Сатико была потрясена: одного этого было достаточно, чтобы представить себе, как воспитывают детей в немецких семьях.

Сатико и её близкие испытывали немалое неудобство оттого, что из-за бесконечных «военных действий» в гостиной всё было перевёрнуто вверх дном. Когда неожиданно являлся какой-нибудь посетитель, служанкам приходилось подолгу держать его в прихожей, пока хозяева всей семьёй спешно приводили комнату в порядок, разбирая «укрепления» и «огневые точки».

Однажды Хильда Штольц зашла за детьми и ужаснулась при виде того, что творилось в гостиной. Неужели её мальчики всегда так себя ведут у них в доме? — спросила она Сатико, естественно, не могла отрицать очевидное. Неизвестно, получили «вояки» от матери нахлобучку или нет, но впредь они уже не позволяли себе ничего подобного.

Предоставив гостиную в полное распоряжение Эцуко и её друзей, Сатико с сёстрами днём коротали время в небольшой японской комнатке рядом со столовой. Эту полутёмную комнатушку, расположенную как раз напротив ванной, и комнатой-то назвать было

нельзя — она служила чем-то вроде, чулана. С южной стороны её защищал от солнца низко нависающий карниз, а в стене, обращённой к западу, почти над самым полом было проделано небольшое оконце, в которое из сада проникал свежий ветерок, поэтому далее в самое жаркое время дня там было сравнительно прохладно. Укрываясь здесь от послеполуденного зноя, сёстры располагались прямо на татами, как можно ближе к оконцу.

Именно в эту пору сёстры страдали от так называемого «бэвитаминоза», проявлявшегося в отсутствии аппетита, слабости и дурном самочувствии.

Особенно заметно недомогание сказывалось на Юкико — и без того хрупкая, она в последнее время сделалась почти прозрачной. С июня её не отпускал очередной приступ бери-бери, и, хотя она надеялась, что перемена обстановки подействует на неё благотворно, после приезда в Асию самочувствие её, напротив, ухудшилось сестры без конца делали ей уколы бетаксина. Сатико с Таэко, хотя и в меньшей степени, тоже страдали от этого недуга, так что уколы, которые они делали друг другу, стали у них чем-то вроде ежедневного ритуала.

Сатико уже давно сменила кимоно на лёгкое европейское платье с глубоким вырезом на спине. Когда же жара сделалась в конце месяца вовсе невыносимой, её примеру последовала и Юкико, казавшаяся в своём жоржетовом платье почти бесплотной, словно верёвочная куколка. Таэко, обычно такая деятельная и энергичная, в то лето пребывала в несвойственной ей апатии, — как видно, она ещё не полностью оправилась от пережитого потрясения. Шитьё она забросила — школа г-жи Тамаки, естественно, не работала. Между тем студия в Сюкугаве совершенно не пострадала от наводнения, и ничто не мешало ей продолжать заниматься куклами. Однако в последнее время она, казалось, совсем потеряла к ним интерес.

Часто приходил Итакура. После наводнения работы у него в ателье было совсем мало, и он был занят главным образом тем, что бродил по округе со своей «лейкой», делая снимки для задуманного им альбома фотографий о наводнении.

Загорелый и потный, он появлялся всегда внезапно и первым делом шёл на кухню, чтобы напиться. Одним духом осушив стакан ледяной воды, который подавала ему О-Хару, он тщательно отряхивал

пыль с рубашки и шортов и проходил в комнатку рядом со столовой, где неизменно заставал изнывающих от зноя сестёр. Итакура рассказывал им о своих походах в Нунобики, в горы Рокко, к утёсу Косиги, к горячим источникам Арима или в Мино, а иногда и приносил с собой только что отпечатанные снимки. Показывая их сёстрам, он делился с ними своими наблюдениями, всегда оригинальными и меткими.

Порой, едва переступив порог комнаты, он заявлял:

— Сегодня всё мы едем купаться! — и ёрнически-грубоватым тоном продолжал: — Ну хватит, поднимайтесь! Вредно этак бездельничать!

Сёстры бормотали в ответ что-то неопределённое, жалуясь на недомогание, и тогда Итакура чуть ли не силой заставлял их подняться:

— Ничего, ничего, до пляжа рукой подать, а при бери-бери купаться очень полезно. О-Хару, душа моя, принеси-ка этим дамам купальные костюмы и вызови машину.

Когда приходила машина, он усаживал в неё не успевших опомниться сестёр и Эцуко и вёз их всех на пляж. Так бывало, конечно, не всегда, порой Сатико и впрямь нездоровилось, и она с сёстрами оставалась дома, а Итакура по её просьбе отправлялся к морю с Эцуко.

С каждым днём отношения Итакуры с сёстрами становились всё более короткими. Молодой человек держался с ними запросто, порой даже несколько вольно. Ему ничего не стоило, например, подойти к комоду и выдвинуть какой-нибудь ящик или сделать что-либо в том же роде, но этот недостаток с лихвой окупался его всегдашней готовностью беспрекословно выполнить любую их просьбу. Кроме того, Итакура был на редкость обаятельным человеком и остроумнейшим собеседником.

Как-то раз, когда сёстры, по обыкновению, лежали в своём убежище, наслаждаясь проникавшим из окошка ветерком, в комнату залетела огромная пчела и принялась с гудением кружить у Сатико над головой.

— Осторожней, Сатико, пчела! — воскликнула Таэко. Сатико в испуге вскочила на ноги — пчела метнулась к Юкико, потом к Таэко и, описав над их головами несколько кругов, снова устремилась к Сатико.

Сёстры в панике, забегали по комнате, стараясь увернуться от пчелы, но та, словно подсмеиваясь над их страхом, неотступно следовала за ними. Когда, полураздетые, они с воплями выскочили в коридор, пчела и тут полетела за ними следом.

— Ой! Она опять здесь!

Сёстры с криком бросились из коридора в столовую, потом в гостиную, где играли Эцуко и Роземари.

— Что случилось, мамочка? — недоуменно спросила Эцуко.

В тот же миг поблизости послышалось знакомое гудение, пчела стукнулась об оконное стекло, сделала крутой вираж и устремилась к своим жертвам.

И опять поднялся переполох. К взрослым, больше из озорства, нежели от страха, присоединились девочки. Теперь уже всё пятеро бегали по комнате, словно играя в пятнашки, а пчела, то ли одурев от шума и гама, то ли просто потому, что такова повадка пчёл, то и дело вылетала в сад, но только затем, чтобы тут же возвратиться обратно.

В самый разгар суматохи в дверях чёрного хода появился Итакура. Судя по всему, сегодня он снова собрался пригласить всех на пляж: на нём было лёгкое кимоно и соломенная шляпа, вокруг шеи намотано полотенце.

— О-Хару, что здесь происходит? — спросил он, заглянув в кухню из-за короткой занавески.

— Пчелы испугались.

— Столько шума из-за одной пчелы?!

Тут прямо перед ним, сбившись в кучку и размахивая на бегу руками, точно участницы кросса, появились взбудораженные сёстры и девочки.

— Добрый день! Я вижу, у вас тут настоящий переполох.

— Пчела! Пчела! Умоляю, поймайте её скорее! — непривычно высоким голосом крикнула Сатико. У всех пятерых были широко разинуты рты, а глаза лихорадочно блестели если бы не выражение крайнего ужаса у них на лицах, со стороны могло показаться, что они смеются.

Сняв соломенную шляпу, Итакура спокойно выгнал пчелу в окно.

— Ох, до чего же я испугалась! Подумать только, какая назойливая пчела!

— Да что вы, право. Пчела сама вас испугалась.

— Не смейтесь, пожалуйста. Я действительно испугалась, — сказала Юкико, с трудом переводя дыхание и пытаясь вызвать на своём бледном лице подобие улыбки. Сквозь тонкую ткань платья было видно, как сильно колотится у неё сердце.

12

В самом начале августа на имя Таэко пришла открытка: одна из учениц Саку Ямамура извещала её, что здоровье учительницы ухудшилось и её положили в клинику.

В июле и в августе занятий в школе танцев обычно не было, но в этом году Саку, ссылаясь на нездоровье, объявила каникулы сразу же после памятного концерта в июне. Хотя состояние здоровья учительницы внушало Таэко беспокойство, она так и не собралась её навестить. Саку жила в районе Тэнгадзяя, и, чтобы добраться туда, из Асии, нужно было сделать две пересадки, сначала в Осаке, потом в Намбе. К тому же Таэко ещё никогда не бывала у неё дома. И вот неожиданно пришла эта открытка, из которой следовало, что у Саку началась уремия. Судя по тону письма, положение было действительно серьёзным.

— Кой-сан, ты должна завтра же поехать в клинику. Я тоже непременно навещу её на днях, — сказала Сатико.

Сатико не могла отделаться от мысли, что главной причиной нынешнего обострения болезни Саку послужили её почти ежедневные дальние поездки в Асию. Хотя сама Саку и говорила, что в танцах единственное её спасение, Сатико знала, что при заболеваниях почек губительно даже, малейшее переутомление, и всякий раз, глядя на отёкшее, землистое лицо учительницы, с ужасом прислушивалась к её прерывистому дыханию. Да, ей не по силам эти поездки, думала она. Но Эцуко и Таэко с таким нетерпением ждали занятий, а Саку так увлечённо занималась с ними, что Сатико попросту не решилась вмешаться и теперь корила себя за это. Она считала своим долгом в ближайшее время навестить г-жу Саку в клинике, Таэко же следовало отправиться туда незамедлительно, прямо завтра.

Таэко намеревалась выехать рано утром, ещё до наступления жары, но сборы и совещание с сёстрами о том, какой гостинец следует отвезти больной, задержали её часов до двенадцати, и в результате она отправилась по самому пеклу. Домой Таэко вернулась около пяти часов вечера, запыхавшаяся, вся мокрая от пота.

— Вы не можете себе представить, какая в Осаке жарища! — сказала она, войдя в дом, и первым делом стала стаскивать с себя прилипшее к телу платье. Затем она ненадолго скрылась в ванной и вышла оттуда, завёрнутая в банную простыню, с влажным полотенцем на голове.

— Прошу прощения, но вам придётся ещё чуточку подождать, — сказала она сёстрам и, накинув на плечи лёгкое кимоно, уселась перед вентилятором. Только тогда Сатико и Юкико услышали наконец рассказ о её поездке в клинику.

Как выяснилось, весь июль Саку жаловалась на недомогание, но тем её менее была на ногах. Тридцатого числа она вдруг решила провести у себя на дому церемонию пожалования артистического имени Ямамура одной из своих учениц. Такое случалось нечасто — требовательная Саку мало кого удостаивала подобной чести. В тот день, несмотря на жару, она по всем правилах облачилась в парадное кимоно с фамильными гербами, выставила портрет своей предшественницы, основательницы школы, и провела церемонию в точном соответствии с этикетом, принятым ещё во времена её бабушек. На следующий день, тридцать первого июля, она отправилась с поздравлениями к этой ученице домой. Уже тогда она выглядела совершенно больной, а на следующий день не могла подняться с постели.

До клиники, где лежала Саку, Таэко пришлось добираться на электричке. Вдоль железнодорожного полотна тянулись бесконечные ряды каких-то крохотных домиков, деревья попадались редко, и всю дорогу она обливалась потом. Палата Саку выходила окном на запад, откуда в упор било солнце, там тоже стояла невыносимая духота. Саку лежала одна, при ней неотлучно была одна из её учениц. Лицо больной показалось Таэко не таким отёкшим, как она опасалась, но, когда она наклонилась над изголовьем учительницы, та её не узнала. Ученица рассказала Таэко, что время от времени сознание возвращается к Саку, но большей частью она находится в забытьи иногда она бредит и в бреду говорит только о танцах.

Просидев у постели больной около получаса, Таэко стала прощаться. Ученица вышла проводить её в коридор и сказала, что, по мнению врачей, на сей раз дела обстоят совсем плохо. Таэко и сама это поняла. Возвращаясь домой под палящим солнцем, она размышляла о

том, какого нечеловеческого напряжения стоили Саку её ежедневные поездки в Асию и обратно, если даже она, молодая и здоровая, после одной такой поездки буквально падала с ног.

На следующий день Сатико вместе с сестрой побывали в клинике, а спустя несколько дней пришло известие о кончине Саку. Только теперь, отправившись в дом покойной с соболезнованиями, они впервые увидели, как она жила. Каково же было их удивление, когда они очутились перед жалким строением, по виду напоминавшим барак. Так вот, оказывается, где прошла жизнь этой женщины, носившей гордое имя Ямамура, знаменитой продолжательницы традиций старинного осакского танца!..

Судя по всему, Саку вела более чем скромное, почти нищенское существование. И не потому ли, что, будучи верной своим принципам, не желала в угоду нынешним вкусам отказываться от драгоценного наследия прошлого? Не потому ли, что была начисто лишена того, что принято именовать житейской мудростью? Её предшественница обучала гейш в увеселительных кварталах и ставила для них танцы, с которыми те ежегодно выступали на сцене театра в Намбе. Когда же после её смерти школу «Ямамура» возглавила Саку Вторая и ей предложили те же условия, что и её предшественнице, она наотрез отказалась. В то время в большой моде была вычурная манера токийских танцовщиц, и Саку прекрасно понимала, что, связав свою дальнейшую судьбу с каким-нибудь «весёлым» кварталом, будет вынуждена считаться с мнением владельцев тамошних заведений, а уж они-то наверняка потребуют от неё танцев, которые нравятся публике.

Скорее всего, именно из-за своей бескомпромиссности Саку не сумела добиться успеха в жизни. У неё было мало последователей, да и личная жизнь её сложилась далеко не счастливо. Рано потеряв родителей, Саку с малолетства, воспитывалась у бабушки. И замуж не вышла, хотя, по слухам, в своё время имела богатого покровителя, который выкупил её из «весёлого» квартала. Детьми она не обзавелась. Судя по тому, что возле умирающей Саку неотлучно находилась только её ученица, никаких родственников у неё не было.

В день похорон солнце палило немилосердно. На панихиде, состоявшейся в Абэно, присутствовало всего лишь несколько человек — ученицы Саку. Они-то и провожали тело покойной в крематорий. В ожидании урны с прахом они делились воспоминаниями об

учительнице. Одна рассказала, что Саку Ямамура терпеть не могла езды на каком-либо современном транспорте особый страх ей внушали автомобили и пароходы. По словам другой ученицы, Саку была на редкость набожной и каждый месяц двадцать шестого числа посещала, синтоистский храм Киёси-кодзин. Кроме того, она регулярно совершала паломничество по святым местам Сумиёси, Икутамы и Кодзу, а в праздник Сэцубун неизменно обходила всё храмы бодхисатвы Дзидзо[68] в районе Уэмати и каждому жертвовала столько рисовых лепёшек, сколько ей было лет.

Третья ученица вспомнила, как на занятиях Саку терпеливо, иногда помногу раз, объясняла то или иное движение, добиваясь, чтобы исполнительница точно понимала, какое чувство за ним стоит. Как трудно было угодить ей, исполняя танец «Добытчики соли», особенно в том месте, где танцовщица, отвечая на призыв любимого, вместе с ним зачерпывает воду, принесённую морским приливом… Дальше в песне идут слова: «Луна на небе одна, но двоится её отраженье…» Саку требовала, чтобы танцовщица увидела эту луну, отражающуюся в её ведёрке. В другом танце нужно было изобразить женщину, проклинающую покинувшего её мужа: «Ты ещё пожалеешь о прошлом, расплата настигнет тебя…» Саку говорила, что силу этих слов нужно суметь передать одними глазами… При её строгой приверженности к старине, Саку болезненно переживала упадок осакского танцевального искусства и мечтала когда-нибудь продемонстрировать его в Токио. Уже тяжело больная, она никогда не помышляла о смерти, надеялась по случаю своего шестидесятилетия арендовать концертный зал в Намбе и устроить пышное представление, в котором приняли бы участие всё её ученицы.

Таэко, начавшая брать уроки у Саку сравнительно недавно, скромно сидела вместе с сестрой и слушала воспоминания других учениц. Пользуясь благосклонностью Саку, она надеялась со временем тоже унаследовать артистическое имя Ямамура… Теперь этой надежде уже не суждено было осуществиться.

13

— Мама, Штольцы уезжают в Германию, — вернувшись от соседей, сообщила Эцуко однажды вечером.

Удивлённая Сатико решила, что девочка, наверное, что-то перепутала. Однако на следующее утро она увидела в саду Хильду Штольц и из разговора с ней поняла, что Эцуко не ошиблась.

— С тех пор как Япония фактически начиналь война, — сказала г-жа Штольц, — мой муж не иметь, что делать. Уше много месяц его фирма в Кобэ почти не работает. Мой муж сначала имель надежда, что война вот-вот кончаться, но теперь он не может больше ошидать. Он много, много думаль и в конце концов решаль ехать обратно в Германия.

Госпожа Штольц призналась Сатико, что всё они очень огорчены предстоящим отъездом. Как-никак, её муж проработал в Кобэ почти три года, а до этого довольно долго представлял свою фирму в Маниле. Теперь, когда компании наконец удалось закрепиться на Дальнем Востоке, господину Штольцу очень обидно сознавать, что всё его многолетние усилия пропадут даром. К тому же всем им, особенно детям, грустно расставаться с семейством Макиока, в приятном соседстве с которым им посчастливилось жить всё эти годы.

Господин Штольц вместе со старшим сыном, Петером, намерен покинуть Японию уже в этом месяце — они отправятся на родину через Америку, а госпожа Штольц планирует свой отъезд с Роземари и Фрицем на сентябрь. Сначала они поедут в Манилу, где живёт семья её младшей сестры, тоже ожидающая возвращения на родину. Сестра из-за болезни была вынуждена уехать в Германию раньше, так что госпоже Штольц предстоит привести в порядок их дом и помочь со сборами, после чего с двумя своими детьми и тремя племянниками она выедет в Европу. До отъезда госпожи Штольц, таким образом, оставалось недели три, а её муж уже забронировал для себя с сыном каюту на пароходе «Эмпресс оф Канада», который отплывает из Иокогамы в двадцатых числах августа.

* * *

С конца июля у Эцуко снова появились признаки нервного расстройства и бери-бери, хотя и не столь явно выраженные, как в прошлом году: девочка жаловалась на отсутствие аппетита и плохо спала по ночам. Сатико решила, не дожидаясь, пока дело примет серьёзный оборот, показать её хорошему специалисту в Токио. Можно было не сомневаться, что Эцуко обрадуется этой поездке, — она ещё ни разу не была в Токио и с завистью рассказывала о своих одноклассниках, которым посчастливилось увидеть Императорский дворец. К тому же Сатико давно уже собиралась навестить старшую сестру, и теперь представилась такая возможность. Одним словом, было решено, что в начале августа Сатико, Юкико и Эцуко втроём отправятся в Токио. Но как раз в это время пришло известие о болезни Саку, и поездку пришлось отложить. Узнав об отъезде г-на Штольца с Петером, Сатико решила было ехать в двадцатых числах, чтобы заодно проводить их, однако, как выяснилось, пароход отплывал как раз в праздник Дзидзо-бон, когда в храме рядом с осакским домом проводилась ежегодная заупокойная служба, на которой Сатико была обязана присутствовать вместо своей старшей сестры.

Семнадцатого августа Сатико устроила для детей Штольцев, прощальный чай, а через два дня в доме Штольцев собрались друзья Петера и Роземари, среди которых единственной японкой была Эцуко.

Двадцать первого числа Петер пришёл прощаться. Пожав всем руки, он сообщил, что завтра они с отцом выезжают из Санномии в Иокогаму и рассчитывают уже в первых числах сентября быть в Германии. «Мы будем очень рады, если вы приедете к нам в Гамбург», — сказал Петер. Ему хотелось бы прислать Эцуко что-нибудь в подарок из Америки. Может быть, она скажет, что ей хотелось бы получить? Посовещавшись с матерью, Эцуко попросила прислать ей пару туфель. В таком случае, сказал Петер, ему понадобится какая-нибудь её туфля, чтобы не ошибиться размером. Взяв туфлю, Петер ушёл, но вскоре вернулся обратно с листком бумаги, карандашом и сантиметром: мама посоветовала лучше, снять мерку… Попросив Эцуко встать ногой на бумагу, он аккуратно обвёл карандашом её ступню и записал соответствующие размеры.

Утром двадцать второго августа Эцуко и Юкико проводили Штольцев до Санномии. За ужином Юкико рассказала, что Петеру очень не хотелось уезжать. Он то и дело спрашивал Эцуко, когда она с

матерью приедет в Токио. Может быть, она успеет проводить их на пристани? Пароход отплывает двадцать четвёртого, так что они могли бы увидеться ещё раз. Когда поезд тронулся, он продолжать кричать Эцуко из окна, что будет ждать её в Иокогаме. Это было очень трогательно…

В самом деле, сказала вдруг Сатико, а почему бы Эцуко не проводить Петера в Иокогаме? Если Юкико с Эцуко выедут завтра вечером, послезавтра утром они будут уже в Иокогаме, и как раз успеют к отплытию… Сама же Сатико могла бы выехать, скажем, двадцать шестого. А до тех пор Эцуко поживёт у сестры, посмотрит город…

— Ура! — обрадовалась Эцуко.

— Ну как, Юкико, ты согласна?

— Да, но мне нужно сделать кое-какие покупки…

— Для этого у тебя будет целый день завтра.

— Поезд отходит поздно, и Эттян захочет спать… Мы вполне успеем к отплытию, если выедем послезавтра утром.

— Ну что же, можно сделать и так, — согласилась Сатико. Юкико была так трогательна в своём стремлении задержаться в Асии хотя бы ещё на одну ночь…

— Ты ведь только приехала — и уже собираешься обратно? — слегка подтрунивая над сестрой, проговорила Таэко.

— Я бы рада побыть подольше, но Эттян хочет проводить Петера…

Отправляясь в Асию, Юкико надеялась погостить у сестры не меньше двух месяцев, и такой скорый отъезд не мог не огорчить её. Правда, на сей раз она уезжала не одна — с ней была Эцуко, к тому же вскоре к ним должна была присоединиться Сатико. Это, конечно, меняло дело, но Юкико знала, что сестра с дочерью не задержатся в Токио надолго, — им надо будет вернуться домой к началу школьных занятий, а она… Она останется в Токио, и в полном неведении, когда снова представится возможность здесь побывать.

Юкико вдруг поняла, почему ей так грустно покидать Асию. Оказывается, дело не только в её привязанности к семье Сатико и отсутствии душевного контакта с Тацуо. Гораздо важнее для неё было то, что она с детства любила эти края, тогда как в Токио всё, даже самый воздух, было для неё чужим.

Догадываясь, что Юкико удручена предстоящим отъездом, Сатико больше не возвращалась к этому разговору, предоставив сестре и Эцуко поступать так, как они сочтут нужным. До полудня Юкико мешкала в доме, но потом, увидев, с каким нетерпением Эцуко ждёт обещанного путешествия в Токио, наскоро оделась, попросила Таэко сделать ей укол и, никому ничего не сказав, отправилась куда-то вместе с О-Хару. Вернулась она в начале седьмого, нагруженная свёртками и пакетами.

— Вот, посмотри, — сказала она Сатико, вынув из-за пояса[69] два билета на утренний экспресс «Фудзи».

Поезд отправлялся из Осаки в семь часов утра и прибывал в Иокогаму около трёх часов дня. Дорога от вокзала до пристани займёт не более получаса, и, таким образом, до отплытия корабля у них будет по меньшей мере три часа. Теперь было самое время приступить к сборам в дорогу. Всё в доме забегали, засуетились, принялись укладывать вещи. Кто-то побежал предупредить г-жу Штольц о предстоящем отъезде Юкико с племянницей в Токио.

Эцуко была настолько возбуждена, что не могла угомониться до позднего вечера, и Юкико пришлось чуть ли не силой увести её на второй этаж. Уложив свой чемодан, она спустилась в гостиную, где застала только Сатико и Таэко. Тэйноскэ работал у себя в кабинете. Сёстры проговорили до полуночи.

— Давай ложиться спать, Юкико, — широко зевнув, сказала наконец Таэко.

В отношении этикета Таэко отнюдь не была педантом и тем разительно отличалась от остальных сестёр, прежде всего от Юкико. Из-за жары она, казалось, совсем забыла о правилах хорошего тона. Сегодня вечером, например, после ванны она надела лёгкое кимоно, не потрудившись даже повязать, как полагается, пояс. Беседуя с сёстрами, она то и дело распахивала кимоно и обмахивалась веером.

— Кой-сан, если ты хочешь спать, не жди меня и ложись.

— А ты разве не хочешь спать?

— Я сегодня так набегалась, что всё равно не усну.

— Может быть, сделать тебе укол?

— Я думаю, лучше завтра, перед отъездом.

— Мне очень жаль, что ты уезжаешь, Юкико, — сказала Сатико. Она только что заметила над глазом у сестры слегка проступившее

пятнышко. — Я надеюсь, мы что-нибудь придумаем, чтобы ты приехала в этом году ещё раз. Ведь следующий год для тебя несчастливый.[70]

Юкико и Эцуко могли бы сесть в поезд в Санномии, как это сделали накануне г-н Штольц с Петером, но для этого им пришлось бы выехать из дома чуточку раньше, поэтому Юкико решила, что лучше, ехать от Осаки. И всё равно, чтобы успеть к поезду, нужно было попасть на станцию «Асия» не позднее шести утра.

Сатико намеревалась попрощаться с сестрой и дочерью у ворот, но, узнав, что г-жа Штольц с детьми собирается проводить их на станцию, отправилась вместе с ними, взяв с собой Таэко и О-Хару.

— Я вчера посылать на пароход телеграмма. Сообщать время, когда прибываль поезд, — сказала г-жа Штольц, пока они ждали электричку.

— Значит, Петер-сан будет ждать нас на палубе?

— Да, я так думать. Спасибо тебе, Эцуко, ты есть добрая девочка… — сказала г-жа Штольц и уже по-немецки добавила, обращаясь к Роземари и Фрицу: — Дети, вы тоже должны поблагодарить Эцуко. — Сатико поняла из этой фразы только «данке шён».

— Мамочка, приезжай поскорее в Токио.

— Я приеду двадцать шестого или двадцать седьмого.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Эцуко-сан, возвращайся скорее! — закричала Роземари, бросившись вслед уходящей электричке. — Ауф видерзеен!

— Ауф видерзеен! — крикнула в ответ Эцуко, махая из окна рукой.

14

Сатико предстояло выехать в Токио двадцать седьмого числа утренним экспрессом «Ласточка». Накануне, укладывая вещи, она поняла, что вместе с подарками, приготовленными для родственников, у неё получится никак не меньше трёх чемоданов.

Справиться с таким багажом одной ей было не под силу, и Сатико подумала: а почему бы не взять с собой О-Хару? О Тэйноскэ можно не беспокоиться, ведь в доме остаётся Таэко, а присутствие О-Хару в Токио было бы удобно во многих отношениях. Пожелай Сатико, например, задержаться в Токио подольше, Эцуко, которой предстояло вернуться домой к началу занятий, могла бы уехать в Асию с О-Хару. В кои-то веки выбравшись в Токио, Сатико хотела побывать в театре и, уж во всяком случае, не думать каждую минуту о необходимости спешить домой.

* * *

— О-Хару, ты тоже здесь! — радостно воскликнула Эцуко, увидев выходящую из вагона вслед за Сатико служанку. Девочка приехала встречать мать вместе с Юкико и Тэруо, старшим сыном Цуруко.

Пока ехали в такси, Эцуко не умолкала ни на минуту, с видом заправской столичной жительницы обращая внимание матери и О-Хару на местные достопримечательности.

— Смотрите, это — здание «Марубиру», а вон там — Императорский дворец!

Сатико отметила про себя, что за эти несколько дней щёки у девочки успели округлиться и порозоветь.

— Эттян, — сказала она дочери, — сегодня из поезда мы любовались горой Фудзи. Она была так хорошо видна! Правда, О-Хару?

— Да, прямо как на ладошке. И ни одного облачка на вершине.

— А когда мы проезжали мимо, она была вся в облаках.

— Выходит, мне больше повезло, — сказала О-Хару.

Когда машина поравнялась со рвом, окружающим Императорский дворец, Тэруо снял шапку, а Эцуко воскликнула:

— Смотри, О-Хару, это мост Нидзюбаси!

— На днях мы уже побывали здесь, вышли, из машины и поклонились императорской семье, — сказала Юкико.

— Правда, правда, мамочка!

— Когда же это было?

— На днях, ну… двадцать четвёртого. Петер, его папа, Юкико и я — всё мы выстроились здесь в ряд и поклонились.

— Вот как? Вы были здесь со Штольцами?

— Да, нас привезла сюда Юкико.

— И у вас хватило на это времени?

— Времени было в обрез. Господин Штольц ужасно нервничал и всё время глядел на часы…

Юкико рассказала, что, когда они с Эцуко примчались на пристань, Штольц с Петером уже поджидали их на палубе. Пароход отплывал в семь часов вечера, так что в их распоряжении оставалось почти четыре часа. Юкико намеревалась пригласить их выпить чаю в «Нью Гранд Отеле», но для чая было ещё рановато, и тогда ей вдруг пришло в голову, что они могли бы съездить в Токио. Дорога на электричке туда и обратно займёт около часа, стало быть, у них в запасе около трёх часов, а этого вполне достаточно, чтобы осмотреть центр города. Юкико знала, что ни Петер, ни его отец ни разу не были в Токио. Г-н Штольц колебался и согласился на предложение Юкико лишь после того, как она трижды заверила его, что они успеют вовремя вернуться в порт.

Приехав в Токио, они первым делом выпили чаю в отеле «Тэйкоку», затем сели в машину и поехали по городу. Они побывали у Императорского дворца, проехали мимо здания военного министерства, парламента, резиденции премьер-министра, военно-морского министерства, министерства юстиции, остановились около парка «Хибия», Императорского театра, здания «Мару-биру». Время от времени они выходили из машины, но большей частью разглядывали токийские достопримечательности из окна машины. В половине шестого они были уже на Токийском вокзале. Юкико и Эцуко собирались ехать со Штольцами в Иокогаму, чтобы проводить их в порту, но г-н Штольц решительно воспротивился этому. Впрочем,

Юкико тоже опасалась, что после такою напряжённого дня ещё одна поездка в Иокогаму будет слишком утомительной для племянницы. Кончилось тем, что они распрощались со Штольцами на вокзале.

— Ну и как, Петеру понравилось?

— Да, по-моему, Токио произвёл на него большое впечатление. Как ты считаешь, Эттян?

— Он просто вытаращил глаза, когда мы проезжали милю всех этих высоких зданий.

— Это не удивительно. Господин Штольц видел Европу, а Петер не был нигде, кроме Манилы, Кобэ да Осаки.

— Наверное, он всё время думал про себя: «Вот это да!»

— А ты, Эттян?

— Я — другое дело. Я знала, что такое Токио.

— Ох, до чего же трудно мне было выступать в роли экскурсовода!

— Вы рассказывали им всё по-японски? — спросил Тэруо.

— Да, я рассказывала Петеру по-японски, а он переводил отцу на немецкий. Но беда в том, что слов вроде «парламент» и «резиденция премьер-министра» он не знал, так что кое-где мне приходилось прибегать к английскому.

— Неужели вы так здорово знаете английский язык, тётя? — воскликнул Тэруо. У него был очень чистый токийский выговор.

— Да нет, просто время от времени вставляла в японские фразы отдельные английские слова. Как по-английски «парламент», я знала, а вместо слов «резиденция премьер-министра» пришлось сказать по-японски: «Здесь живёт господин Коноэ».

— А я говорила с ними по-немецки! — похвасталась Эцуко.

— «Ауф видерзеен»?

— Да. Когда мы прощались на вокзале, я несколько раз сказала «Ауф видерзеен».

— Господин Штольц всё время благодарил нас по-английски…

Сатико пыталась представить себе, как её молчаливая, застенчивая сестра показывает Штольцам токийские достопримечательности. Какое любопытное зрелище, должно быть, являли тётка и племянница — одна в ярком летнем кимоно, другая в коротком платьице — рядом, с этила и европейцами, когда входили в отель «Тэйкоку» или останавливались перед государственными

учреждениями и высотными зданиями в квартале Маруноути. И каким тяжким испытанием была, вероятно, эта экскурсия для г-на Штольца, который с обречённым видом плёлся за ними, не понимая ни слова из того, что говорила Юкико, и каждую минуту тревожно поглядывая на часы.

— Мама, ты была в этом музее? — спросила Эцуко, когда такси подъехало к Гайэнмаэ.

— Конечно. Не думай, что я совсем провинциалка.

В действительности, однако, Сатико не так уж хорошо знала Токио. Когда ей было лет семнадцать, она дважды приезжала сюда сотцом. Они останавливались в небольшой гостинице в районе Цукидзи, и Сатико много ходила по городу, но это было давно, ещё до Токийского землетрясения. С тех пор она была здесь только раз: возвращаясь из свадебного путешествия, они с Тэйноскэ провели в Токио три дня, остановившись как раз в отеле «Тэйкоку». Потом у них родилась Эцуко, и за всё последующие, девять лет Сатико так ни разу и не выбралась в столицу.

Хотя Сатико и посмеивалась над восторженностью дочери и Петера, сама она была весьма поражена, увидев из окна поезда громадные многоэтажные здания, возвышавшиеся по обеим сторонам эстакады. Конечно, Осака тоже заметно преобразилась за последние годы. Расширился бульвар Мидо, от Бканосимы до Сэмбы протянулись кварталы новых современных зданий, так что панорама города, открывающаяся из ресторана «Аляска» на десятом этаже здания «Асахи», тоже производила захватывающее впечатление. Но, конечно, Осаке всё ещё было очень далеко до Токио…

В последний раз Сатико приезжала в Токио, когда город ещё только начал восстанавливаться после землетрясения, и перемены, происшедшие в нём с тех пор, буквально ошеломили её. Токио, каким она увидела его с эстакады, был неузнаваем. Глядя на проплывающие за окном вагона кварталы многоэтажных домов и сверкающую в просветах между ними башенку на здании парламента, Сатико думала о том, какой это долгий срок — девять лет. За эти годы изменился не только город, изменилась и она сама, и её жизнь.

И всё-таки нельзя сказать, чтобы Сатико особенно любила Токио. Конечно, трудно было не испытать благоговейного чувства, оказавшись, например, вблизи Императорского дворца, этого

заповедного островка старины в самой современной части города, с его вековыми соснами, величественным замком и парадными воротами, с подёрнувшейся зелёной ряской водою рва… Ничего подобного нельзя было увидеть ни в Киото, ни в Осаке. Императорским дворцом Сатико готова была любоваться до бесконечности, но этилу, собственно, и исчерпывалось для неё всё очарование Токио.

Разумеется, Гиндза и Нихонбаси тоже производили сильное впечатление, но Сатико всё равно не хотелось бы здесь жить, воздух Токио казался ей чересчур сухим и жёстким. Особенно угнетающе действовали на неё скучные, безликие улочки на окраинах. Когда такси выехало на Аояма-дори и направилось в сторону Сибуи, у Сатико болезненно сжалось сердце, как будто она вдруг очутилась в какой-то далёкой, незнакомой стране. Она не помнила, приходилось ли ей бывать здесь прежде, но то, что она видела вокруг, не только не походило на окрестности Киото, Осаки или Кобэ, но почему-то вызывало у неё представление о каком-нибудь захолустном посёлке на Хоккайдо или даже в Маньчжурии.

Между тем район этот давно уже перестал быть окраиной Токио. Вблизи станции «Сибуя» было немало фешенебельных магазинов и людных улиц. Но почему она чувствовала себя здесь так неприятно? Почему так холодны, так неприветливы лица, прохожих? Сатико с нежностью вспомнила Асию, где всё — и небо, и земля, и воздух — излучают тепло и ласку. Да что Асия! Окажись она на какой-нибудь незнакомой улочке, в Киото, у неё сразу же возникло бы ощущение, что она уже не раз здесь бывала, ей ничего не стоило бы заговорить с первым встречным. Токио же всегда казался ей холодным и равнодушным. Здесь она была чужестранкой.

Как нелепо, думала Сатико, что именно в этом городе, именно в этом районе живёт теперь Цуруко — истинная уроженка Осаки, её родная сестра. Сатико испытывала чувство, какое иной раз возникает во сне: бредёшь по какой-то совершенно незнакомой улице, останавливаешься у незнакомого дома и вдруг понимаешь, что здесь живёт твоя мать или сестра… Подъезжая к дому Цуруко, Сатико всё ещё не верила, что сейчас увидит сестру.

* * *

Машина одолела крутой подъём и, замедлив ход, свернула в тихий переулок, где её обступили выскочившие навстречу трое мальчуганов. Старшему было лет десять.

— Тётя Сатико!

— Тётя Сатико!

— Мама уже заждалась вас!

— Вон наш дом.

— Осторожно, осторожно, отойдите от машины! — говорила Юкико.

— Неужели это дети Цуруко? — воскликнула Сатико. — Старший, должно быть, Тэцуо?

— Нет, это Хидэо, — поправил её Тэруо. — Хидэо, Ёсио и Масао…

— Как они выросли! Если бы не осакский выговор, я бы ни за что не догадалась, что это мои племянники.

— Всё они говорят на токийском диалекте не хуже местных. Это они ради вас стараются, хотят сделать вам приятное, — объяснил Тэруо.

15

По рассказам Юкико, Сатико более или менее представляла себе, в каких условиях живёт семья её старшей сестры, однако чудовищный беспорядок, царивший в доме, превзошёл всё её ожидания. Из-за вещей, разбросанных детьми буквально повсюду, некуда было ступить ногой.

Недавно построенный, дом действительно казался достаточно светлым, но при этом был, что называется, сколочен на живую руку. Опорные столбы были до того миниатюрны, а дощатые перекрытия до того тонки, что, когда кто-нибудь из детей сбегал вниз по лестнице, весь дом ходил ходуном. Фусума и сёдзи с продырявленной во многих местах бумагой, сделанные из дешёвого светлого дерева, имели жалкий, неприглядный вид. Уж на что не любила Сатико старый осакский дом, теперь он казался ей во сто крат милее этого. Пусть он был тёмным и неудобным, но в нём чувствовалась какая-то старомодная респектабельность. Кроме того, там имелся хоть и не большой, но всё-таки сад, и Сатико до сих пор помнила, как прекрасно смотрелся он из дальней комнаты, выходившей в ту сторону, где сквозь зелень листвы проглядывали глинобитные стены амбара. Здесь, в Сибуе, никакого сада не было и в помине — на крохотном пятачке земли между домом и изгородью могло уместиться лишь несколько цветочных горшков.

Цуруко предоставила в распоряжение сестры самую лунную комнату наверху, где обычно принимали гостей, — внизу было слишком шумно из-за детей. Внеся сюда свои чемоданы, Сатико сразу же обратила внимание на висящий в нише свиток кисти Сэйхо,[71] изображавший форелей. У покойного отца имелась большая коллекция произведений этого мастера, но перед отъездом из Осаки Цуруко её продала, оставив лишь несколько свитков, это и был один из них.

Увидела Сатико и другие знакомые вещи: красный лакированный столик в нише, висевшую над дверью надпись кисти Рая Сюнсуя,[72] лакированный шкафчик с золотой росписью, часы на нём. Сатико хорошо помнила комнату в осакском доме, где размещались всё эти вещи. Должно быть, Цуруко сохранила их на память о старых добрых

временах. Как видно, она надеялась с их помощью скрасить неприглядный вид комнаты, могущей лишь в насмешку именоваться «гостиной».

Однако эффект получился прямо противоположный. Добротные, изысканные вещи только подчёркивали убожество внутренней отделки. Какая нелепость, думала Сатико, что этим драгоценным реликвиям суждено было оказаться именно здесь, на этой ужасной окраине Токио. Увы, обстановка комнаты как нельзя лучше характеризовала нынешнее положение её сестры.

— Смотри-ка, как хорошо у тебя всё уставилось, — сказала Сатико сестре.

— Когда пришёл багаж, я просто не знала, что делать со всеми этими вещами. Но потом, как видишь, всё-таки умудрилась рассовать их по разным углам. Удивительное дело, но даже в самом крохотном домике в конце концов для всего находится место…

Проводив вечером сестру наверх, Цуруко уселась было поговорить с нею, но в комнату тотчас же вбежали дети и повисли на матери и на тётке.

— Перестаньте! Здесь и без того душно. А ну-ка ступайте вниз! Посмотрите, во что вы превратили кимоно тёти Сатико! — без конца выговаривала им Цуруко. — Масао-тян, спустись-ка вниз и скажи О-Хисе, чтобы она поскорее подала тёте прохладительный напиток… Масао-тян, слышишь, что тебе, говорят?

Посадив на колени трёхлетнюю Умэко, Цуруко продолжала отдавать распоряжения:

— Ёсио-тян, а ты принеси веер. Хидэо-тян, ты здесь самый старший и должен показывать пример другим. Ступай немедленно вниз. Мы так давно не виделись с тётей, нам нужно поговорить, а вы ни на минуту не оставляете нас в покое.

— Сколько тебе лет, Хидэо-тян?

— Девятый пошёл.

— Он очень рослый для своих лет. На улице я приняла его за Тэцуо.

— Да, ростом он вымахал хоть куда, но от матери не отходит ни на шаг, как маленький… Тэцуо, тот по крайней мере не разыгрывает из себя младенца, а сидит за книгами — в этом году он уже переходит в среднюю школу…

— Из прислуг ты держишь одну О-Хису?

— Да. Прежде была ещё О-Миё, но она упросила меня отпустить её назад в Осаку. К тому же теперь, когда Умэко подросла, мы сможем, пожалуй, обойтись и без няньки.

Сатико глядела на сестру с нескрываемым восхищением. Она представляла себе Цуруко поблёкшей и измождённой, но нет, та отнюдь не перестала следить за собой, была старательно причёсана, аккуратно и со вкусом одета. Казалось бы, вынужденная вести хозяйство с помощью всего лишь одной служанки, заботиться о муже и о шестерых детях — четырнадцати, одиннадцати, восьми, шести, пяти и трёх лет, — она должна была выглядеть неприбранной, усталой, лет на десять старше своего возраста. Но Цуруко недаром носила фамилию Макиока — в свои тридцать семь лет она смотрелась на тридцать с небольшим.

Если Сатико и Таэко пошли внешностью в отца, то Цуруко, как и Юкико, была похожа на мать, от которой обе унаследовали утончённую красоту, свойственную уроженкам Киото. При этом Цуруко никоим образом нельзя было назвать хрупкой — она была крупнее и дороднее своих сестёр. Даже Тацуо рядом с ней выглядел низкорослым.

Сатико до сих пор помнила, как восхитительно прекрасна была её сестра в день свадьбы. Чуть удлинённый овал лица, безукоризненно правильные черты, волосы, убранные в пышную причёску (когда Цуруко распускала их, они падали до самого пола, как у хэйанской красавицы), — мало сказать, что Цуруко была хороша, красота её была исполнена достоинства, даже величия. Глядя на сестру, Сатико невольно представляла себе её в старинном наряде придворных дам. Тогда повсюду только и было разговоров, что о блестящей красавице, которую сумел заполучить в жены Тацуо, и Сатико с, сёстрами находили это совершенно закономерным.

С тех пор минуло шестнадцать лет, у Цуруко родились дети, жизнь стала куда менее привольной, чем прежде, появилось много забот, и тем не менее, хотя былая красота Цуруко несколько померкла, она оставалась на удивление моложавой. Наверное, всё дело в её сложении и росте, подумала про себя Сатико. Сидя на коленях у матери, Умэко похлопывала её маленькой ладошкой по груди, и Сатико обратила внимание на то, как всё ещё бела и упруга кожа у Цуруко.

Когда Сатико уезжала в Токио, Тэйноскэ выразил опасение, как бы её пребывание в Сибуе вместе с Эцуко не стало слишком обременительным для сестры. Он знает небольшую гостиницу «Хамая» в районе Цукидзи и может позвонить или написать хозяйке, чтобы та приготовила для них комнаты. Не лучше ли им с дочерью перебраться туда, погостив в Сибуе день или два?

Предложение мужа не особенно вдохновило Сатико: если бы он был с ними, ещё куда, ни шло, но останавливаться в гостинице, вдвоём с Эцуко ей не хотелось. К тому же она давно не виделась с сестрой, им наверняка захочется о многом поговорить, поэтому гораздо удобнее поселиться у неё в доме. И кроме того, рассудила Сатико, она взяла с собой О-Хару, которая сможет помочь на кухне, так что они не будут большой обузой для Цуруко.

Вскоре, однако, Сатико пожалела, что не послушалась мужа. Цуруко просила её немного потерпеть — через несколько дней каникулы кончатся, мальчики пойдут в школу и не будут так шуметь и докучать им. Но поскольку трое младших детей всё равно оставались дома, рассчитывать, что у Цуруко появится свободное время, не приходилось.

Улучив минутку, Цуруко поднималась наверх, чтобы поговорить с сестрой, но трое маленьких непосед немедленно оказывались тут же, Цуруко гнала их из комнаты, но они не слушались, и тогда она награждала их шлепками, после чего дом наполнялся истошным криком, и так повторялось изо дня в день.

Сатико знала ещё по Осаке, что Цуруко не очень-то церемонится со своими детьми, и отнюдь не осуждала её: как ещё можно управиться с такой оравой? Но, так или иначе, возможности спокойно поговорить с сестрой по-прежнему не было.

Эцуко тоже начала скучать. В первое время Юкико возила её по городу, они побывали в храмах Ясукуни и Сэнгакудзи,[73] но из-за жары эти прогулки были изрядно утомительны. Сатико предпочла остановиться не в гостинице, а в доме сестры ещё и потому, что хотела, чтобы Эцуко, единственный ребёнок в семье, поближе познакомилась со своими двоюродными братьями и сестричкой. Ей казалось, что дочери будет интересно поиграть с маленькой Умэко, но эта крошка не признавала никого, кроме матери. Даже Юкико не удалось её приручить, а Эцуко и подавно не могла с нею сладить.

Эцуко всё чаще заговаривала с матерью о том, что скоро начнутся занятия в школе и им надо торопиться домой, а то она уже не застанет Руми… Всякий раз, когда Цуруко наказывала своих детей, непривычная к этому Эцуко смотрела на тётку с таким ужасом, что Сатико стала опасаться, не отразится ли это на нервной системе девочки. Кроме того, ей не хотелось, чтобы у Эцуко сложилось превратное впечатление о Цуруко, едва ли не самой доброй из всех сестёр.

Не было ничего проще, чем отправить дочь в Асию вместе с О-Хару, но оказалось, что профессор Сугиура, к которому их направил доктор Кусида, должен был вернуться в Токио лишь в первых числах сентября. Было бы нелепо уехать домой, не дождавшись профессора, ради консультации у которого они, собственно, и затеяли всю эту поездку.

Итак, о возвращении в Асию пока не могло быть и речи. Но тогда, быть может, им стоит перебраться в гостиницу? — думала Сатико. Сама она, правда, ни разу не останавливалась в «Хамае», но со слов мужа знала, что тамошняя хозяйка когда-то служила официанткой в осакском ресторане «Харихан» и хорошо помнила её покойного отца, да и саму Сатико, в ту пору ещё «барышню». Без сомнения, их с дочерью приняли бы там как родных.

По словам Тэйноскэ, это была совсем небольшая гостиница, в своё время перестроенная из ресторанчика, постояльцев там немного и почти всё они их земляки, приезжие из Осаки, горничные тоже большей частью говорят на осакском диалекте, поэтому, поселившись там, забываешь, что находишься в Токио.

«Да, нужно поскорее перебраться туда…» — думала Сатико, но, видя, как старается сестра предупредить любое её желание, она попросту не решалась заговорить с ней об этом. Да и Тацуо проявлял редкостное радушие. «Нет, эти дети не дадут спокойно посидеть за столом», — говорил он и вёл Сатико ужинать в европейский ресторан поблизости, который, по его словам, пользовался в Токио известностью. Однажды он устроил целый пир в китайском ресторане, ради Эцуко взяв с собой и своих ребятишек.

Прежде Тацуо слыл большим хлебосолом как видно, он и поныне не утратил этого свойства, хотя до Сатико доходили слухи, что в последнее время он сделался скуповат. Впрочем, возможно, сейчас в

нём снова проснулась старая привычка по-отечески опекать младших сестёр жены. Сатико не знала, что именно побуждает зятя к такому гостеприимству. Быть может, ему были неприятны разговоры о том, что отношения его со свояченицами оставляют желать лучшего, и он стремился доказать, что это не так? Во всяком случае, он считал своим домом чуть ли не каждый вечер куда-нибудь приглашать Сатико и Юкико. Где они до сих пор бывали? — говорил он. Только в дорогих заведениях вроде «Харихана» и «Цуруи». А здесь, в Сибуе, множество маленьких ресторанчиков, обслуживающих «весёлые» кварталы, но кормят там лучше, чем в самых фешенебельных ресторанах, поэтому там нередко можно встретить почтенных отцов семейств с жёнами и дочерьми. Ну как, может быть, они всё-таки рискнут составить ему компанию? Там они смогут в полной мере ощутить атмосферу Токио.

Сатико не без умиления вспоминала о том, как давным-давно, когда Тацуо только поселился в их доме на правах зятя и приёмного сына, они с младшими сёстрами из какой-то детской враждебности не упускали случая ему досадить, то и дело повергая Цуруко в слёзы своими выходками. Но теперь, зная, какой Тацуо, в сущности, незлобивый человек, и к тому же видя, что он ещё больше, чем Цуруко, старается ей угодить, она не могла позволить себе его обидеть. Сатико решила, что в данной ситуации у неё нет иного выбора, как остаться в доме сестры до тех пор, пока она не покажет Эцуко профессору Сугиуре. А после этого они сразу вернутся в Асию.

16

Так прошёл август.

Вечером первого сентября Цуруко с мужем и сёстрами ужинали одни — детей накормили раньше. За столом вспомнили о знаменитом Токийском землетрясении — оно случилось как раз первого сентября, пятнадцать лет назад, а потом как-то само собой разговор перешёл на недавнее наводнение в Асии. Сатико во всех подробностях живописала сестре с зятем злоключения Таэко и то, как её спас молодой фотограф Итакура. Самой ей, к счастью, не пришлось испытать всех этих ужасов, сказала Сатико, так что она пересказывает им лишь то, что узнала от Кой-сан…

Конечно, нелепо было бы утверждать, что этим своим рассказом Сатико накликала беду, но только в тот же вечер на Токио обрушился чудовищной силы тайфун, какого здесь не случалось уже более десяти лет. Никогда в жизни не испытывала Сатико такого страха, какой пережила за эти два или три часа.

Выросшая в западной части Японии, где редко бушуют ветры, она даже не подозревала, что ветер может обладать такой неистовой силой.

Впрочем, несколько лет назад — кажется, это было осенью тридцать четвёртого года — в её родных краях тоже пронёсся ураган, разрушивший пагоду храма Тэннодзи в Осаке и почти начисто уничтоживший лес на горе Хигасияма в Киото.

Но Асия не особенно пострадала от урагана, и, хотя Сатико довелось пережить несколько страшных минут, она была поражена, узнав из газет о стёртой с лица земли пагоде.

Однако тогдашний ураган не шёл ни в какое сравнение с тем, который бушевал теперь в Токио. Если перед ветром не устояла даже пятиярусная пагода, с замиранием сердца думала Сатико, что же будет с этим игрушечным домом?

Ураган начался ещё до того, как дети улеглись спать, часов в восемь или девять вечера, а к десяти часам он уже лютовал вовсю. Сатико поднялась к себе в комнату вместе с Эцуко и Юкико. Когда дом сильно качнуло в первый раз, Эцуко в страхе кинулась к матери.

— Юкико, иди скорее к нам, — позвала девочка и, как только Юкико примостилась рядом с ней на постели Сатико, крепко обхватила её и мать за шею.

— Не бойся, ветер сейчас, утихнет, — успокаивали Эцуко мать и тётка, но сами при каждом новом покачивании прижимались к ней всё теснее. Вскоре к ним прибежал Тэруо, спавший вместе с Тэцуо в маленькой комнатке напротив. Может быть, им лучше спуститься вниз? Там, наверное, не так опасно. Он слышал, что внизу тоже всё всполошились… В темноте Сатико не видела лица мальчика, но голос его дрожал. Чтобы не пугать Эцуко, она молчала, но втайне опасалась, что дом вот-вот рухнет. Всякий раз, как дом начинал раскачиваться, она покрывалась холодным потом, мысленно говоря себе: ну вот, это конец!

— Юкико, Эцуко, пойдёмте, вниз, — позвала она, и всё трое стали спускаться по лестнице следом за Тэруо. В этот миг налетел очередной шквал, и у Сатико замерло сердце при мысли, что дом сейчас разлетится в щепки. Ей казалось, что лестница, ступеньки которой и в обычное-то время скрипели и продавливались, словно сделанные из фанеры, с треском развалится на куски. Стены дома выгибались, точно надутые, паруса, в образовавшиеся щели вместе с ветром летели пыль и песок. В смертельном ужасе Сатико бросилась вниз, чуть не сбив с ног Тэруо. Внизу отчаяние плакали дети, на втором этаже ничего этого не было слышно из-за пронзительного завывания ветра, сопровождавшегося грозным, шелестом древесных крон, треском сучьев и грохотом несущихся в воздухе обломков жести.

Четверо младших детей во главе с Хидэо сгрудились около родителей в их спальне. Не успела Сатико устроиться рядом, как Ёсио и Масао устремились к ней и вцепились ей в плечи. Эцуко приникла к Юкико. Цуруко обеими руками прижимала к груди Умэко, а Хидэо держался за материи рукав. Мальчик вёл себя довольно странно: в промежутках, когда ветер стихал, он судорожно цеплялся за рукав Цуруко и напряжённо прислушивался. Когда же вдали снова раздавалось злобное «у-ух», он обеими руками затыкал уши и, испустив какой-то тихий, хриплый, сдавленный стон, утыкался лицом в циновку.

Четверо взрослых и семеро детей, застывшие в неподвижных позах, могли сойти за скульптурную группу, изображающую отчаяние.

Неизвестно, что чувствовал в эти минуты Тацуо, но Цуруко, Сатико и Юкико окончательно смирились с мыслью, что всем им суждено погибнуть под обломками этого дома. Так наверняка и случилось бы, будь ветер хоть чуточку сильнее, а его порывы чуть-чуть продолжительнее. Спускаясь по лестнице, Сатико заметила, что с каждым новым шквалом между опорным столбом и стеной образуется зазор шириной сантиметров в пять, но тогда она подумала, что это ей просто мерещится от страха.

Теперь, оказавшись в спальне сестры, Сатико поняла, что это не был обман зрения. Более того, в тусклом свете карманного фонарика она разглядела, что ширина зазора никак не меньше пятнадцати, а может быть, даже и тридцати сантиметров. Щель зияла не всё время: когда ветер стихал, она как будто бы исчезала, когда же на дом обрушивался новый шквал, появлялась снова и при этом с каждым разом становилась всё шире. Сатико помнила, как страшно качался их осакский дом во время землетрясения в горах Минэяма, но это длилось несколько минут. И стены не ходили ходуном, как сейчас…

Даже Тацуо, в отличие от остальных до сих пор сохранявший присутствие духа, казалось, несколько растерялся.

— Наверное, так сильно раскачивает только наш дом, — высказал он вслух свои опасения. — Соседние дома с виду куда более надёжны.

— Да, дому господина Коидзуми такой ураган нипочём, — отозвался Тэруо. — Он крепкий и к тому же одноэтажный… Послушай, папа, может быть, нам перебраться к ним? Наш дом того и гляди развалится…

— Да нет, вряд ли, — ответил Тацуо, — но, конечно, неплохо было бы перебраться в какое-нибудь более надёжное место… Но господин Коидзуми и его домочадцы, наверное, спят, а будить их неловко…

— Сейчас можно отбросить всё эти деликатности, — сказала Цуруко. — К тому же не думаю, чтобы они спали в такую бурю…

— Верно, верно, надо скорее бежать отсюда, — поддержали её остальные.

Дом г-на Коидзуми стоял как раз позади их дома с чёрного хода до него было буквально рукой подать. Хозяин, чиновник в отставке, жил с женой и единственным сыном. Поскольку сын его учился в одной

гимназии с Тэруо, господин Коидзуми благоволил к своим новым соседям, Тацуо и Тэруо не раз бывали у него в доме.

В это время в хозяйскую спальню вошла О-Хару, которая перед этим о чем-то совещалась с О-Хисой в комнате для прислуги. Она вызвалась сбегать вместе с О-Хисой к соседям и попросить приютить их всех у себя. Хотя О-Хару не имела ни малейшего представления ни о г-не Коидзуми, ни о том, где находится его дом, она была совершенно уверена в успехе своей миссии. Не потрудившись даже узнать у О-Хисы, согласна ли та сопровождать её, О-Хару крикнула через стенку:

— Пошли, О-Хиса! Надо успеть, пока не накатил снова ветер, — и выскочила из комнаты, не слушая предостережений Сатико и Цуруко.

Вскоре служанки вернулись.

— Господин Коидзуми нисколечко не возражает, так что не сомневайтесь, — доложила О-Хару. — Господин Тэруо верно сказал — ихнему дому ничего не делается. И не подумаешь, что на улице такой ураган. — И уже обращаясь к Эцуко, продолжала: — А ну-ка, барышня, забирайтесь ко мне на спину. Сами вы не дойдёте. Меня и то два раза сбило с ног ветром, так что я ползком добиралась. Надо укрыть барышню сверху одеялом, а то как бы что-нибудь на неё не упало.

Тэруо, Тэцуо, Сатико и Юкико двинулись вслед за О-Хару и Эцуко. Тацуо заявил, что не покинет дома. Цуруко не знала, как ей поступить: она боялась оставить мужа одного, но после того, как О-Хару перенесла к соседям Масао («Ну, теперь ваша очередь, молодой человек! Держитесь покрепче!»), а потом вернулась за Ёсио, она не выдержала и, схватив на руки Умэко, тоже выбежала из дома.

О-Хару была на редкость отчаянная девушка. Когда она возвращалась во второй раз, прямо перед носом у неё на дорогу свалилась железная рама для сушки белья — ещё немного, и от О-Хару осталось бы мокрое место. Но ей всё было нипочём. Увидев, что О-Хиса приготовилась нести Ёсио, она подозвала к себе перепуганного Хидэо и, несмотря на возражение Тацуо: «Он уже большой мальчик и вполне дойдёт сам», — подхватила его на спину.

Итак, всё женщины и дети перебрались к соседям, а спустя полчаса в доме г-на Коидзуми с виноватым видом появился и Тацуо.

Долго ещё свирепствовал тайфун. С улицы то и дело доносилось страшное завывание ветра, но в доме всё оставалось на своих местах, здесь можно было чувствовать себя в полной безопасности. В четыре часа утра, когда буря наконец улеглась, Макиока с опаской возвратились в своё жалкое, неприветливое жилище.

17

Следующее утро выдалось погожим и ясным, но Сатико по-прежнему находилась во власти воспоминаний о минувшей ночи, они преследовали её, как кошмарный сон. Более всего её беспокоило здоровье дочери — пережитое потрясение не замедлило сказаться на её нервах. Не теряя времени, Сатико позвонила мужу на службу и попросила сделать соответствующие распоряжения относительно номера для них с Эцуко в гостинице «Хамая», она готова перебраться туда уже сегодня.

К вечеру последовал звонок из «Хамаи»: комнаты для них готовы. Сатико решила отправиться туда немедленно, не дожидаясь ужина. Прощаясь с Цуруко, она сказала, что хотела бы пока оставить О-Хару у неё, и выразила надежду, что сестра в скором времени навестит её в гостинице.

Юкико и О-Хару проводили Сатико с дочерью до гостиницы, после чего всё четверо вышли прогуляться на Гиндзу и поужинали в немецком ресторане «Лохмейер», который им рекомендовала хозяйка. На обратном пути они заглянули в несколько магазинчиков и распрощались на углу улицы Хаттори. В начале десятого Сатико с Эцуко вернулись в гостиницу.

Это была первая ночь, которую Сатико предстояло провести вдвоём с дочерью в незнакомом месте. С наступлением темноты к ней вернулось ощущение пережитого накануне страха. Несмотря на снотворное и несколько глотков бренди, которое она захватила с собой на всякий случай, ей не спалось. Всю ночь до самого утра, когда по улице прогрохотал первый трамвай, она так и не сомкнула глаз. Эцуко тоже беспокойно ворочалась в своей постели.

— Я не могу уснуть, — хныкала она. — Завтра же поедем домой. Не нужен мне никакой доктор. Здесь я ещё больше заболею. Я хочу домой…

Под утро, однако, девочка всё же уснула. В семь часов Сатико встала, потихоньку, чтобы не разбудить Эцуко, оделась и с газетой в руках устроилась в плетёном кресле на веранде.

Дома, в Асии, Сатико всегда с нетерпением издала утренних газет: её, как и многих в то время, занимали два главнейших события политической жизни Азии и Европы — продвижение японских войск по направлению к Ханькоу и споры из-за Судетской области Чехословакии.[74] Но сейчас, держа в руках незнакомые токийские газеты, она никак не могла сосредоточиться. Смысл написанного почему-то ускользал от неё.

Сатико отложила газеты и стала смотреть на канал и идущих по обеим его сторонам людей. Она подумала, что гостиница, в которой они когда-то останавливались с отцом, должна находиться где-то совсем рядом, в одном из переулочков напротив театра Кабуки, крыша которого была хорошо видна ей с веранды. Эти места были для неё всё-таки не такими уж чужими и навевали приятные воспоминания, не то что Сибуя. Правда, в ту пору здесь не было ещё ни Токийского театра, ни концертного зала. Тогда всё здесь выглядело совсем иначе. К тому же она приезжала сюда с отцом во время весенних каникул, в марте, бывать же в Токио в эту сентябрьскую пору ей не доводилось.

Сатико зябко поёжилась — в холодном ветре явственно ощущалось дыхание осени. В Асии, наверное, всё ещё тепло, подумала Сатико. Видимо, климат Токио недаром считается более суровым, и осень приходит сюда раньше. А может быть, это похолодание связано с тайфуном и жара ещё вернётся? Или просто на чужбине острее реагируешь на малейшие изменения погоды?..

Но как бы то ни было, до возвращения профессора Сугиуры оставалось ещё целых пять дней. Чем занять себя всё это время? Сатико надеялась, что в сентябре начнутся спектакли с участием знаменитого Кикугоро, и хотела сводить на них Эцуко. Девочка увлекается танцами, думала она, и посещение Кабуки должно ей понравиться. К тому же ещё неизвестно, сохранятся ли традиции этого театра в неприкосновенности к тому времени, когда она повзрослеет. Эцуко должна непременно увидеть Кикугоро. Сатико до сих пор помнила, какое впечатление произвело на неё в детстве искусство Гандзиро, на выступления которого её водил отец.

Однако, судя по объявленной в газете программе, спектаклей, которыми особенно славится Кабуки, в ближайшее время не предвиделось.

Стало быть, она не могла придумать для Эцуко никаких развлечений, кроме ежевечерних прогулок по Гиндзе. Сатико вдруг почувствовала неодолимую тоску по дому. Она, как и Эцуко, была бы рада уехать отсюда немедленно, не дожидаясь визита к профессору… Если, пробыв в Токио всего неделю, она так истосковалась по родным краям, то каково же должно быть бедняжке Юкико? Немудрено, что она льёт слёзы при воспоминании об Асии.

* * *

Около десяти Сатико позвали к телефону. Звонила О-Хару. Госпожа Цуруко велели передать, что пожалуют к ней в гостиницу. Она, О-Хару, проводит её до места и принесёт госпоже Сатико письмо от супруга. Нужно ли ещё что-нибудь захватить?

Нет, ничего не нужно, ответила Сатико и велела сказать Цуруко, что будет рада с нею пообедать и поэтому просит её поторопиться.

Повесив трубку, Сатико подумала, что оставит Эцуко на попечение О-Хару и они с сестрой наконец в кои-то веки смогут спокойно, без спешки пообедать вдвоём. Куда же им лучше пойти? Сатико вспомнила, что сестра любит жареных угрей. В своё время, приезжая в Токио, Сатико с отцом нередко обедали в ресторанчике «Дайкокуя», который находился, кажется, в районе Коннякудзима.[75] Интересно, существует ли он ещё? Сатико спросила об этом хозяйку, но та никогда не слышала о подобном заведении. Ресторан «Комацу» ей известен, но вот «Дайкокуя»… Хозяйка заглянула в телефонную книгу — да, там значилось заведение под названием «Дайкокуя». Сатико попросила хозяйку позвонить туда, и сказать, чтобы для них с сестрой приготовили отдельный кабинет.

Дождавшись Цуруко с О-Хару, Сатико сказала служанке, что они с Эцуко могут, если им захочется, пойти в универмаг.

* * *

Как только Юкико удалось, пустив в ход всё своё хитроумие, увести Умэко наверх, рассказала Цуруко, она мигом оделась и

выскочила из дома. Сейчас, у бедняжки Юкико, наверное, голова идёт кругом. Но раз уж Цуруко сумела вырваться на свободу, она намерена насладиться ею в полной мере.

Сидя за столиком в ресторане, сёстры любовались открывавшимся из окна видом канала.

— Как всё здесь напоминает Осаку! — воскликнула Цуруко. — Я и не знала, что в Токио есть такие красивые места.

— Действительно напоминает. Когда мы приезжали в Токио, отец всегда водил меня сюда.

— Это место называется Коннякудзима? Что, когда-то это был остров?

— Гм, не знаю. Я уверена, что это тот самый «Дайкокуя», где мы бывали с отцом, правда, в ту пору этого здания у канала ещё не было.

Сатико помнила, что в то время дома стояли только по одну сторону улицы. Теперь и на другой её стороне, у самого канала, появились постройки, и ресторан «Дайкокуя» помещался в двух зданиях, стоящих друг против друга через улицу. Очевидно, кухня находилась в старом здании напротив, и в помещение, где сидели сейчас сёстры, еду приносили оттуда.

Вид, открывавшийся из отведённого им кабинета, ещё больше, чем прежде, напоминал Осаку. Новое здание ресторана стояло у самой излучины канала, от которого как раз в этом месте ответвлялось два рукава, образуя с ним нечто наподобие креста. Это место невольно вызывало в памяти осакский пейзаж, какой можно увидеть в районе Ёцубаси, «Четыре моста».

Здесь тоже над каналом и его рукавами были сооружены мосты, только их было не четыре, а три. После землетрясения этот район, некогда хранивший следы благообразной старины, подобно району Нагабори в Осаке, подвергся перестройке. Жилые дома, мосты, дороги были построены сравнительно недавно, и это, в сочетании с малолюдностью здешних улиц, производило впечатление некоторой необжитости.

— Прикажете подать лимонаду?

— Что ты будешь пить, Цуруко? — спросила Сатико.

— Ну что ж, я не возражаю против лимонада…

— А может быть, закажем пива?

— Если ты составишь мне компанию.

Сатико знала, что Цуруко охотнее других сестёр в былые времена составляла за ужином компанию их покойному отцу. Её любимым напитком было сакэ, и порой она даже испытывала потребность осушить чарку-другую. Впрочем, она не была противницей и пива.

— Наверное, сейчас у тебя не так уж часто выпадает случай отведать твоё любимое сакэ? — сказала Сатико.

— Почему же? Обычно мы с Тацуо пропускаем по чарочке за ужином. И потом, время от времени у нас бывают гости.

— Кто же?

— Ну, например, брат Тацуо из Адзабу. Когда он приходит, мы обязательно подаём к столу сакэ. Он говорит, что в нашем тесном домике, да ещё под ребячий гомон, пить сакэ особенно приятно.

— Должно быть, его визиты доставляют тебе много хлопот.

— Я бы не сказала. Мы сажаем его за стол вместе, с детьми, ставим перед ним сакэ, вот и всё. Что же до угощения, то О-Хиса всегда что-нибудь придумает.

— Смотри-ка, как ловко она научилась управляться по хозяйству.

— Первое время ей ужасно не нравилось в Токио, и мы не раз даже плакали сней на пару. Она всё просила: «Отпустите меня в Осаку, отпустите меня в Осаку». Но теперь эти просьбы прекратились. Я надеюсь, она проживёт у нас, пока не выйдет замуж.

— Она старше моей О-Хару?

— А сколько лет О-Хару?

— Девятнадцать.

— Тогда они ровесницы. Я думаю, и тебе не следует отпускать от себя О-Хару, Она хорошая девушка.

— О-Хару служит у нас уже шестой год и вряд ли согласилась бы перейти в другое место, даже если бы я этого потребовала. Но она вовсе не так хороша, как ты думаешь.

— Я уже слышала об этом от Юкико. Но вспомни, как она проявила себя позавчера во время урагана. О-Хиса, та вконец растерялась, но О-Хару… Тацуо был просто поражён. Он так и сказал: «Удивительная девушка!»

— Да, в таких ситуациях она просто незаменима. Тут ей и впрямь не откажешь ни в преданности, ни в самоотверженности, ни в сообразительности. Точно так же было и во время наводнения. Но при этом…

И пока сёстры дожидались заказанных кушаний (пиво и закуски им уже принесли), Сатико принялась рассказывать о том, какова О-Хару в повседневном быту.

Обычно, когда кто-нибудь хвалил О-Хару, Сатико не спешила разуверять своего собеседника: как хозяйке ей было приятно выслушивать эти лестные отзывы, а потом — к чему рассказывать всем и каждому о недостатках своей служанки? О-Хару и в самом деле пользовалась в округе завидной репутацией. Она была приветлива, обходительна и щедра на руку, не делая разницы между своим и хозяйским кошельком. Неудивительно поэтому, что всё торговцы и мастеровые, едва завидев её, расплывались в улыбке. Но этого мало — и приятельницы Сатико, и даже классный руководитель Эцуко считали своим долгом сказать ей, какая у неё замечательная служанка. Слушая эти похвалы, Сатико оставалось лишь удивляться, да и только.

Лучше кого бы то ни было понимала Сатико мачеха О-Хару. Время от времени она наведывалась к Сатико и всякий раз заводила с ней один и тот же разговор. Кто бы что ни говорил, уверяла она Сатико, но она по гроб жизни будет благодарна доброй барыне за то, что она держит у себя в доме эту несносную девчонку. Сколько раз она плакала из-за неё! Кому, как не ей, понять, сколько забот причиняет О-Хару барыне. Ей страшно даже подумать, что с ними станется, если Сатико прогонит её, ведь другое, место для неё вряд ли сыщется. Одна надежда, что благодетельница барыня и впредь будет терпеть О-Хару подле себя, как это ей ни хлопотно. Что же до жалованья, то Сатико может не платить ей ни гроша. И пусть бранит её почаще. Таким, как О-Хару, нужно постоянно вправлять мозги, иного обхождения они не понимают…

Когда знакомый хозяин прачечной впервые привёл четырнадцатилетнюю О-Хару с просьбой взять её в услужение, миловидная девушка понравилась Сатико, и она решила рискнуть. Но не прошло и месяца, как Сатико поняла, что совершила ошибку и что слова мачехи «это не девчонка, а сущее наказание» были сказаны отнюдь не из одной только вежливости.

Главным пороком новой служанки была её вопиющая неряшливость. Сатико довольно скоро обнаружила, что грязь под ногтями и неотмытые пятки О-Хару, на которые она обратила внимание ещё при первом знакомстве, служат признаком не столько

тяжёлой жизни, сколько самой обыкновенной лени и полного пренебрежения к мытью и стирке. Сатико не жалела усилий, чтобы искоренить в служанке этот недостаток, но стоило ей хоть немного ослабить бдительность, как всё возвращалось на исходные позиции.

Другие служанки каждый вечер шли принимать ванну, О-Хару же тем временем спокойно полёживала в комнате для прислуги и засыпала прямо в одежде. Она не утруждала себя стиркой и могла по нескольку дней кряду ходить в одном и том же исподнем. Чтобы заставить О-Хару вымыться, кто-нибудь должен был силой стащить с неё одежду и усадить в ванну. Точно так же и с бельём: нужно было вытащить из корзины её грязные рубахи и штаны и буквально стоять у неё над душой, пока она всё это не выстирает. Одним словом, О-Хару доставляла Сатико больше хлопот, чем собственная дочь.

Однако более, чем Сатико, от нечистоплотности О-Хару страдали другие служанки, и они первыми подняли ропот. С появлением О-Хару, жаловались они хозяйке, комната для прислуги пришла в полный беспорядок, шкаф битком набит грязных бельём. Ждать, когда она наконец возьмётся за стирку, нет никакой возможности, и поэтому как-то раз они решили сами перестирать её грязное бельё. И что же? В её вещах они обнаружили панталоны Сатико. Возиться со стиркой ей неохота, вот она и надумала позаимствовать хозяйкино бельё. И потом, продолжали служанки, от О-Хару так скверно пахнет, что к ней невозможно подойти близко. И дело не только в том, что она редко моется, — у неё постоянно расстроен желудок, ведь она всё время что-то жуёт. Спать с ней в одной комнате сущая мука. А в последнее время они даже стали замечать у себя вшей.

Сатико несколько раз пробовала отсылать О-Хару назад к родителям. Но всякий раз к ней по очереди являлись отец и мачехи О-Хару и на всё лады умоляли её взять девушку обратно.

Помимо О-Хару, дочери от первой жены, у её отца было ещё двое детей от второго брака. О-Хару, при её нерадивости, училась плохо, и стоило ей появиться в доме, как жизнь супругов превращалась в сущий ад: отцу приходилось лебезить перед женой, потому что ему было стыдно за О-Хару, а мачеха боялась лишний раз выругать негодницу, чтобы не обидеть мужа. «Уж вы, барыня, — просили они Сатико, — будьте такие добренькие, позвольте О-Хару послужить у вас, покуда она не выйдет замуж».

Мачеха решалась на ещё большую откровенность с Сатико. Смешно сказать, признавалась она, но всё вокруг просто-таки обожают О-Хару. Даже сводные брат с сестрой, чуть что, сразу берут её сторону. Посмотреть со стороны, так злее мачехи, чем она, на свете нет. Когда она начинает жаловаться отцу на О-Хару, тот и слушать не хочет. Наоборот, старается всячески её выгородить. Ну не обидно ли? Одна только Сатико может понять, каково ей приходится.

Сатико понимала и сочувствовала, забывая о толк что сама она нуждается в сочувствии никак не меньше.

* * *

— Чтобы понять, до чего неряшлива О-Хару, достаточно видеть, как она носит кимоно. Другие служанки над ней посмеиваются: «Погляди-ка, О-Хару, у тебя всё наружу», но той и дела мало. И впрямь, горбатого только могила исправит. Сколько её ни одёргивай, всё впустую.

— И всё-таки у неё очень милая мордашка.

— Да, за чем она действительно следит, так это за своим лицом. Она даже красится украдкой — берёт мой крем и помаду.

— Забавная девчонка!

— Вот ты говоришь, что О-Хиса вполне может сообразить, что подать на стол, не дожидаясь твоих распоряжений. О-Хару же, прослужив у нас пять лет, до сих пор не в состоянии ничего сделать самостоятельно. Приходишь, бывало, домой голодная и спрашиваешь её, что у нас к обеду, а у неё один ответ: извините, пока ещё ничего не готово.

— Подумать только, она производит впечатление такой смышлёной девушки.

— Она далеко не глупа и за словом в карман не полезет. Если бы только она к тому же умела ещё и работать! Ей хорошо известно, что в её обязанности входит каждый день убирать комнаты, но стоит мне отвернуться, как она об этом сразу же забывает. По утрам её не добудишься, а вечером она по-прежнему бухается в постель прямо в одежде.

Сатико припомнила ещё кое-какие курьёзы, связанные с О-Хару.

Она ужасная лакомка, и когда она несет из кухни в столовую, скажем, сладкие каштаны, можно не сомневаться, что по пути с подноса непременно исчезнут две-три штуки. Рот у неё постоянно чем-нибудь набит, и если её неожиданно окликнуть, она принимается моргать глазами и отвечает, отвернувшись в сторону. Попроси её Сатико перед сном растереть спину, так она уже через пятнадцать минут начинает клевать носом и вскоре без всякого стыда заваливается на постель рядом с нею. Сколько раз она ложилась спать, забыв выключить газ или утюг! Тут уж Сатико давала себе слово, что на сей раз окончательно выставит её за дверь. Но опять приходили отец с мачехой, и всё оставалось по-старому. Если Сатико посылает её куда-либо с поручением, то не может дождаться — она способна часами точить лясы с кем-нибудь по дороге.

— Не знаю, что она будет делать, когда выйдет замуж.

— Я думаю, выйдя замуж и родив, ребёнка, она переменится. И всё же ты не должна её прогонять, она славная девушка.

— За эти пять лет я так к ней привязалась, что теперь она для меня всё равно как родная. Что и говорить, она, конечно, воровата, но в ней по крайней мере нет скрытности и злобы, какие можно предположить в девушке, росшей без матери. В сущности, она довольно-таки бесхитростное и доброе существо. И хотя временами я теряю терпение, всерьёз рассердиться на неё не могу. Одним словом, при всех своих недостатках она не так уж и плоха.

18

Из ресторана сёстры вернулись в гостиницу и проговорили до вечера. Цуруко между прочим упомянула о своём намерении отправить О-Хару вместе с О-Хисой на экскурсию в Никко[76] — ей хочется хоть как-то отблагодарить девушку за помощь по хозяйству. Цуруко, давно уже обещала О-Хисе эту поездку, при условии, что та перестанет проситься в Осаку, но из-за отсутствия подходящей попутчицы путешествие пришлось отложить. И вот теперь наконец такая возможность представилась. Отчего бы девушках не поехать туда вдвоём? Сама Цуруко, правда, не была в Никко, но знает, что добраться туда можно поездом, отправляющимся от Асакусы, а потом пересесть в автобус и что, осмотрев всё тамошние достопримечательности: храмы, водопад Кэгон и озеро Тюдзэндзи, — можно в тот же день вернуться домой. Тацуо целиком и полностью одобряет эту идею и берёт на себя всё расходы.

Слушая сестру, Сатико подумала, что такое путешествие — слишком большая роскошь для О-Хару, но не пустить её значило бы испортить удовольствие О-Хисе. Да и сама О-Хару наверняка уже всё знает и мечтает о поездке. Отказать ей в этой радости было бы жестоко. Поразмыслив, Сатико согласилась.

Через два дня Цуруко позвонила Сатико по телефону и сообщила, что девушки выехали рано утром. Накануне она объявила им о поездке в Никко, и обе на радостях всю ночь не спали. Цуруко дала им денег на тот случай, если им вдруг придётся переночевать в Никко, но вообще-то она считает, что часам к восьми вечера они уже будут дома. В конце разговора Цуруко сказала сестре, что к ней собирается Юкико.

Вот и хорошо, подумала Сатико, они смогут втроём отправиться в Академию художеств, а потом ещё и заглянуть на одну-две выставки.

Не успела она повесить трубку, как горничная просунула в дверь какое-то письмо. Эцуко с озадаченных видом осмотрела конверт и молча положила его на стол перед матерью. На конверте европейского образца незнакомой рукою было выведено: «Гостиница «Хамая». Госпоже Сатико Макиока, в собственные руки». Но кто же, кроме мужа, мог ей сюда написать? — недоумевала Сатико. Перевернув

конверт, она прочла, обратный адрес: «г. Осака, район Тэннодзи, улица Тяусуяма, 2–3, К. Окубата».

Усевшись таким образом, чтобы Эцуко не смогла ничего прочесть, Сатико торопливо надорвала конверт и извлекла оттуда сложенные вчетверо и исписанные с обеих сторон три листа плотной почтовой бумаги, которая при развёртывании издавала хруст, точь-в-точь как в озвученных кинофильмах. Содержание письма подействовало на Сатико ошеломляюще. Вот его полный текст.

Дорогая госпожа Макиока!

Прошу извинить меня за то, что я взял на себя смелость Вам написать. Понимаю, какое удивление вызовет у Вас моё письмо, но всё же не могу упустить эту возможность.

Признаться, я давно уже имел намерение написать Вам, но не делал этого из опасения, что моё письмо может перехватить Кой-сан. Но вот сегодня, впервые за много дней, мне удалось увидеться с Кой-сан в Сюкугаве, и я узнал от неё, что Вы вместе с Эцуко-сан находитесь в Токио и живёте в гостинице «Хамая». По счастью, мне известен адрес этой гостиницы, потому что там всегда останавливается мой приятель, когда приезжает в Токио. Отправляя письмо по этому адресу, я могу быть уверен, что оно попадёт к Вам в руки, и поэтому, отбросив всё сомнения, спешу сообщить следующее.

Постараюсь быть по возможности кратким и сразу же изложу Вам некоторые обстоятельства, которые внушают мне серьёзную тревогу.

У меня сложилось впечатление, что в последнее время между Кой-сан и Итакурой что-то происходит. Из уважения к Кой-сан я хотел бы думать, что в своих отношениях они пока ещё не переступили известной черты, и всё же мне кажется, что первые ростки взаимного влечения налицо.

Я начал подозревать это ещё со времени наводнения. Мне показалось странным, что Итакура бросился спасать Кой-сан, оставил на произвол судьбы свой дом и сестру. Для того чтобы так рисковать собой, одного альтруизма мало. У

меня сразу же возник вопрос: откуда Итакуре было известно, где находится Кой-сан в то утро? Кроме того, меня удивило, что он так хорошо знаком с г-жой Тамаки. Судя по всему, он не раз бывал у неё, когда ему нужно было увидеться с Кой-сан или что-либо ей передать. Я навёл кое-какие справки и заручился соответствующими доказательствами, которые здесь, однако, излагать не стану. Если понадобится, я охотно поделюсь с Вами всем, что знаю, хотя, вероятно, Вам лучше выяснить всё самой. Не сомневаюсь, многое Вас удивит.

Я высказал свои подозрения Кой-сан и Итакуре, однако они упорно всё отрицают. В таком случае тем более странно, что после этого разговора Кой-сан начала меня избегать. У себя в студии она появляется редко, когда же я звоню в Асию, мне отвечают (уж не знаю, правда это или намеренная ложь), что её нет дома. Что же касается Итакуры, то он продолжает утверждать, будто после наводнения виделся с Кой-сан всего два или три раза, и обещает впредь не давать мне повода для подозрений. Но меня не так-то легко обмануть.

Думаю, Вы не станете отрицать, что после наводнения Итакура почти каждый день бывал у Вас дома и не раз ездил вдвоём с Кой-сан на пляж. У меня есть возможность узнать правду, и пытаться что-либо скрыть от меня бесполезно. Вероятно, Итакура представлял Вам дело так, будто является к Кой-сан с каким-либо поручением от меня, однако никаких поручений я ему не давал. Единственным предлогом для его встреч с Вашей сестрой могла быть работа, но с некоторых пор я запретил ему делать фотографии для Кой-сан, тем самым лишив его этого предлога. И тем не менее его визиты и Асию не только не прекратились, но стали ещё более частыми. Кой-сан же совсем перестала бывать в своей студии в Сюкугаве.

Я не беспокоился бы так, если бы Вы были дома, но мне страшно даже подумать о том, что может произойти сейчас, когда Ваш супруг целыми днями занят на службе, а Вы с Эцуко-сан и О-Хару находитесь в Токио. (Вы, разумеется, не

можете знать, что Итакура и сейчас ежедневно бывает в Вашем доме.)

Конечно же, Кой-сан — девушка серьёзная и вряд ли способна совершить опрометчивый поступок, но такому человеку, как Итакура, никак нельзя доверять. Он долго скитался по Америке и сменил множество занятий. Как Вы, наверное, заметили, при весьма обширных знакомствах ему ничего не стоит втереться в доверие к кому угодно. Что же до умения делать долги и обманывать женщин, то в этом деле он непревзойдённый мастер. Я знаю его как облупленного ещё с тех пор, когда он служил мальчиком у нас в магазине.

Мне хотелось бы обсудить с Вами перспективы моего брака с Кой-сан, но этот вопрос приходится отложить до лучших времён. Сейчас самое главное — разлучить Вашу сестру с Итакурой. Даже если Кой-сан намерена расторгнуть помолвку со мной (сама она, впрочем, это отрицает), слухи о её связи с таким человеком, как Итакура, способны пагубно сказаться на её репутации. Откровенно говоря, я не думаю, чтобы девушка из семьи Макиока могла принимать Итакуру всерьёз, но, поскольку познакомил их именно я, мой долг — поделиться своими тревогами с Вами, человеком, которому не может быть безразлична судьба Кой-сан.

Я не сомневаюсь, что Вы сумеете разобраться в происходящем и принять соответствующие меры, но, если Вам будет угодно воспользоваться моими услугами, я явлюсь по первому Вашему приказанию.

Убедительно прошу Вас сохранить моё письмо в тайне от Кой-сан. Если она узнает о нём, отношения между нами только ухудшатся.

Я вынужден писать Вам в большой спешке, чтобы это письмо застало Вас в «Хамае». Надеюсь, что Вы простите мне корявый почерк и слог и не станете сердиться на меня за сумбур и бестактность, которую я, возможно, кое-где допустил.

С глубоким почтением,

Кэйсабуро Окубата.

3 сентября.

Опершись локтями о стол и загораживая письмо от дочери, Сатико ещё раз пробежала, его глазами. Затем, стараясь не замечать вопросительного взгляда Эцуко, она вложила письмо в конверт и, согнув его пополам, сунула за пояс, после чего вышла на веранду.

Письмо Окубаты потрясло Сатико до глубины души, она долго не могла собраться с мыслями и унять дрожь в сердце. Лишь по прошествии некоторого времени, немного придя в себя, она попыталась разобраться в сложившейся ситуации.

В какой степени написанное Окубатой может соответствовать действительности? Да, возможно, он прав: им не следовало так приближать к себе Итакуру. Сатико поступала неосмотрительно, позволяя молодому человеку запросто, без особой надобности являться к ним в дом. Как же она не дала себе труда задуматься над этими странными визитами? Но ведь ей и в голову не могло прийти, что Итакура способен выступить в подобной роли. Ни она, ни Юкико ничего не знали о нём, разве только, что в своё время он служил мальчиком в одном из магазинов, принадлежащих семье Окубата. Они никогда не считали его человеком своего круга. Да и сам Итакура не раз в шутку сватался к О-Хару. Могло ли кому-нибудь прийти в голову, что он строит серьёзные планы в отношении Кой-сан? Или эти его шуточки были всего лишь ловким трюком для отвода глаз?

Но каковы бы ни были намерения Итакуры, Сатико никогда не поверила бы, что Кой-сан способна ответить ему взаимностью. Она не верила в это и сейчас, несмотря на весьма прозрачные намёки Окубаты. Какой бы опрометчивый поступок ни совершила Кой-сан в прошлом, она не смогла бы настолько уронить свою честь. Недаром же она носит фамилию Макиока! (На глазах у Сатико показались слёзы.) Уж на что никчёмный человек Окубата, но его всё-таки можно вообразить и даже признать в роли мужа Кой-сан. Но представить себе, что Кой-сан увлеклась Итакурой… Нет, этого не может быть. По тому, как всегда держалась и говорила с ним Кой-сан, было совершенно ясно, что она не считает его ровней себе. И он, казалось, воспринимал её поведение как само собой разумеющееся…

Значит, подозрения Окубаты беспочвенны? Он пишет, что заручился соответствующими доказательствами, однако не приводит ни одного из них, — не означает ли это, что речь идёт всего лишь о

смутных догадках? Быть может, он нарочно сгустил краски? Сатико не представляла себе, какие «возможности узнать правду» имел в виду Окубата, но то, например, что Кой-сан ездила купаться вдвоём с Итакурой, явно было неправдой. При всём своём легкомыслии такого пренебрежения приличиями Сатико не допустила бы. На пляж с Итакурой ездила не Кой-сан, а Эцуко. А если ездила Кой-сан, то с нею всегда была племянница или кто-то из сестёр. Да и во всех остальных случаях у Кой-сан и Итакуры, пожалуй, не было возможности остаться наедине, и не потому, что Сатико и Юкико старались не спускать с них своего бдительного ока, просто им было любопытно послушать Итакуру, и они невольно оказывались рядом. При этом ни одна из них не заметила в поведении молодых людей ничего подозрительного. Стало быть, обвинения Окубаты — не более чем домыслы, основанные на чьей-то досужей болтовне…

Но как ни стремилась Сатико убедить себя в этом, в письме Окубаты было нечто такое, от чего она не могла так просто отмахнуться. При том, что Сатико всегда считала Итакуру выходцем из среды, с которой ни у неё, ни у её сестёр не может быть ничего общего, она не смогла бы положа руку на сердце утверждать, что то, о чем писал в своём письме Окубата, явилось для неё полной неожиданностью. Ведь чувствовала же она, чувствовала, что самоотверженность Итакуры и его постоянные визиты в Асию не случайны. Точно так же ей не составило особого труда догадаться, какую благодарность должна испытывать Таэко к человеку, спасшему её от гибели. Но ощущение «разницы в общественном положении» мешало ей задуматься об этом всерьёз. А точнее сказать, Сатико попросту не утруждала себя мыслями подобного рода. Письмо Окубаты привело её в такое замешательство именно потому, что в нём с обезоруживающей прямотой говорилось о том, чего она всячески старалась не замечать.

И без того истосковавшаяся по дому, Сатико чувствовала, что теперь не может задерживаться в Токио ни на один день. Ей надо как можно скорее попасть домой и во всём разобраться на месте. Но какие именно шаги ей следует предпринять? Как завести разговор на эту тему, чтобы не обидеть Итакуру и Кой-сан? Следует ли ей предварительно посоветоваться с Тэйноскэ? Нет, нет, она должна докопаться до истины сама, ни во что не посвящая ни мужа, ни Юкико.

Если, паче чаяния, окажется, что Окубата прав в своих подозрениях, разлучить молодых людей будет тел проще, чем меньше людей будет об этом знать.

Прежде всего необходимо прекратить визиты Итакуры в Асию. Сатико всерьёз встревожило упоминание Окубаты о том, что Итакура и сейчас ежедневно бывает у них дома. Если «ростки взаимного влечения» действительно существовали, то теперь созданы всё условия для того, чтобы они окрепли. «…Мне страшно даже, подумать о том, что может произойти сейчас, когда Ваш супруг целыми днями занят на службе, а Вы с Эцуко-сан и О-Хару находитесь в Токио…» Эта фраза сводила Сатико с ума.

Как неосмотрительно она поступила! Кому, как не ей, пришла затея отправиться в Токио вместе, с дочерью, Юкико и О-Хару, оставив Таэко в доме одну? Если бы она задалась целью сблизить молодых людей, лучшего способа, пожалуй, нельзя было бы и придумать. Кого же ей теперь винить: сестру с Итакурой или себя самое?

Но как бы то ни было, думала Сатико, сейчас нельзя терять ни минуты. Пока она сидит и размышляет о том, что ей предпринять, время уходит… Сатико обуяла жажда деятельности. Если они с Эцуко смогут выехать домой не раньше чем дня через два, нет ли способа уже теперь помешать встречам Кой-сан и Итакуры?

Проще всего было бы прямо сейчас позвонить по телефону Тэйноскэ, всё ему рассказать и попросить, чтобы он запретил Таэко видеться с Итакурой. Но нет, так не годится. Сатико не хотелось посвящать мужа в интимные дела сестры. В таком случае, может быть, стоит довериться Юкико? Она могла бы сегодня же выехать в Асию и исподволь проследить за Таэко. Сатико склонилась было в пользу последнего решения, но, поразмыслив, отвергла и его. Ведь даже если Юкико согласится выполнить это поручение, Сатико будет трудно объяснить старшей сестре с зятем её внезапный отъезд в Асию.

Куда более естественным и безобидным было бы отправить домой О-Хару. Ей можно ничего не объяснять, присутствие же её в доме если и не воспрепятствовало бы визитам Итакуры, то, во всяком случае, в какой-то мере сдерживало бы молодых людей.

Однако и на этот последний вариант Сатико не могла решиться. Она знала, как невоздержанна на язык О-Хару. Если эта болтушка что-

нибудь заподозрит, вскоре об этом будет знать вся округа. Кроме того, О-Хару — девушка сообразительная и сможет догадаться, почему её так спешно отправляют домой. И потом, Таэко с Итакурой ничего не стоит её подкупить — она падка на подобные соблазны. Такому краснобаю, как Итакура, не составит особого труда её уговорить.

Тщательно взвесив всё возможности, Сатико пришла к выводу: ни к чьей помощи в этом деле прибегать не стоит. Оставалось одно — как можно скорее возвращаться домой. После визита к профессору они с Эцуко уедут первым же поездом, даже если он будет отходить поздно ночью…

С веранды Сатико увидела знакомый зонтик направлявшейся к гостинице Юкико и поспешила в номер. Она прошла в соседнюю комнату и села к зеркалу. Проведя по щекам кисточкой с румянами, она, словно спохватившись, потихоньку, чтобы не слышала Эцуко, раскрыла свой несессер, извлекла оттуда бутылочку с бренди и, отвинтив крышку, наполнила её примерно на треть.

19

Никакого желания смотреть выставку у Сатико уже не было, и всё же, надеясь, что этот поход отвлечёт её от тревожных мыслей, она отправилась с сестрой и дочерью в Уэно. После посещения двух выставок Сатико едва держалась на ногах от усталости, но Эцуко упросила мать и тётку пойти с ней ещё и в зоопарк.

Лишь в начале седьмого в полном изнеможении они наконец вернулись в гостиницу. Сначала Сатико предполагала поужинать в каком-нибудь ресторанчике, но для этого у неё не было сил, и она распорядилась, чтобы им подали еду в номер.

Не успели сёстры принять ванну и сесть за стол, как на пороге появилась О-Хару. раскрасневшаяся и взмокшая, в помятом летнем кимоно. Она только что из Никко, сообщила О-Хару. В Асакусе они с О-Хисой сели в метро, та поехала прямо в Сибую, а она решила по дороге заехать сюда, чтобы поблагодарить Сатико. «А это для барышни», сказала О-Хару и протянула Эцуко три бруска фасолевого желе и набор открыток.

— Спасибо, О-Хару, — сказала Сатико, — только, мне кажется, тебе следовало бы отвезти всё это в Сибую.

— Не извольте беспокоиться, у меня и для них есть подарки. Я отправила их с О-Хисой.

— Вот оно что? Напрасно ты так тратилась… Ты видела водопад Кэгон? — спросила Эцуко, рассматривая открытки.

— Видела. Заботами вашей матушки я всё поглядела и храмы, и водопад, и озеро Тюдзэндзи…

И О-Хару принялась рассказывать о путешествии в Никко, не забыв упомянуть и о том, как хорошо была видна гора Фудзи.

— Как, ты в самом деле видела Фудзи?

— Да.

— Откуда же ты её видела?

— Известно откуда — из окна поезда.

— Не может быть, чтобы оттуда была видна Фудзи.

— Право же, О-Хару, наверное, ты что-то путаешь. Это была какая-нибудь другая гора.

— Нет, я ничего не путаю. Всё в поезде говорили: «Глядите, глядите, вон она, Фудзи!»

— Подумать только, выходит, её отовсюду видно…

Сатико, с самого утра помнившая о визите к профессору Сугиуре, велела О-Хару тут же, из гостиницы, связаться с ним по телефону, Как выяснилось, профессор уже вернулся в Токио и выразил готовность принять Сатико с дочерью у себя дома на следующий день, шестого сентября, утром. Такой исход дела обрадовал Сатико: хотя ей и сказали, что профессор должен вернуться пятого числа, она опасалась, что он может задержаться ещё на два-три дня. Она сразу же распорядилась, чтобы для неё забронировали на завтра три места в вечернем поезде, по возможности в одном купе.

«Как, вы уже завтра уезжаете?» — удивилась Юкико. «Да», — ответила Сатико. Если с утра они побывают у профессора, а после обеда сделают всё необходимые покупки, то вполне успеют к вечернему поезду, хотя, конечно, день будет весьма суматошный. Самой Сатико нет необходимости особенно спешить домой, но вот Эцуко давно уже пора в школу. Тянуть с отъездом больше нельзя. Если бы Юкико с О-Хару часам к двенадцати приехали в гостиницу, они могли бы вместе отправиться за покупками. Разумеется, Сатико полагалось бы напоследок заглянуть в Сибую, но она опасается, что для этого не останется времени. Она просит Юкико передать Цуруко и Тацуо её извинения.

*** * ***

Следующий день у Сатико был и впрямь суматошный. После консультации у профессора они с дочерью зашли в аптеку поблизости за лекарствами, а потом сели в такси и поехали к себе в гостиницу. Юкико и О-Хару уже ждали их. Первым делом Юкико спросила, что сказал профессор.

По словам Сатико, профессор Сугиура в целом подтвердил диагноз доктора Цудзи, но при этом добавил, что заболевание такого рода часто встречается у детей одарённых и поэтому не должно внушать ей особых опасений. Весьма возможно, что у Эцуко обнаружатся незаурядные способности в той или иной области — их

нужно лишь выявить и суметь развить. Профессор сказал, что девочка должна неукоснительно соблюдать диету, и прописал ей лекарства, правда, совершенно иные, чем в своё время рекомендовал доктор Цудзи.

После обеда Сатико с сестрой, дочерью и О-Хару отправилась за покупками. В городе, несмотря на ветерок, было душно, солнце палило немилосердно, и время от времени им приходилось искать прибежище в каком-нибудь кафе или кондитерской.

Обойдя несколько больших магазинов и мелких лавочек, Сатико сделала множество покупок, так что у обеих сестёр и даже у Эцуко оказалось в руках по два-три пакета об О-Хару и говорить не приходится — она была вся увешана свёртками и едва плелась позади, обливаясь потом. Когда были сделаны последние покупки в подземной галерее на улице Хаттори, наступило время ужина. Можно было бы пойти в немецкий ресторан поблизости, но там они уже были, и Сатико предложила поужинать в «Нью Гранд Отеле» у моста Скиябаси. Сатико решила ужинать в городе не только потому, что в гостинице на это ушло бы больше времени, — ей хотелось напоследок доставить удовольствие Юкико, с которой они теперь не скоро увидятся.

Из ресторана всё четверо, не теряя ни минуты, помчались в гостиницу, наскоро сложили вещи и поспешили на вокзал. На то, чтобы поговорить с приехавшей их проводить Цуруко, у Сатико было не более пяти минут. Поезд отправлялся в половине девятого, и вскоре пассажиров пригласили занять свои места. Пока Эцуко прогуливалась с Юкико по платформе, Цуруко поднялась к стоявшей в тамбуре Сатико и, понизив голос, спросила:

— Больше никаких предложений для Юкико не было?

— Нет, но я надеюсь, скоро что-нибудь появится…

— Хорошо, если бы это было ещё в нынешнем году, ведь следующий год для неё несчастливый.

— Я знаю. Я просила всех, кого только могла.

— До свиданья, сестричка! — крикнула Эцуко, вскочив в тамбур и размахивая розовым шёлковым платочком. — Когда теперь ты к нам приедешь?

— Не знаю…

— Приезжай поскорее!

— Ладно.

— Обещай, что скоро приедешь! Хорошо? Обещаешь?

* * *

В распоряжении Сатико и её спутниц оказалось два нижних и одно верхнее место. Нижние полки она отдала О-Хару и Эцуко, а сама поднялась на верхнюю и, сбросив кимоно, прилегла, хотя и понимала, что всё равно не уснёт. Стоило ей закрыть глаза, как перед ней снова и снова возникали лица Цуруко и Юкико, их прощальный — сквозь слёзы — взгляд.

Вот и прошли одиннадцать дней, которые она провела в Токио. Более неудачной и утомительной поездки, пожалуй, невозможно и вообразить. Сначала беспрестанный детский гомон и плач в доме Цуруко, потом этот ужасный ураган… Не успела она перебраться в гостиницу и чуточку прийти в себя, как на неё, точно бомба, свалилось письмо Окубаты… За всё это время выдался единственный спокойный и приятный день — тот, что она провела вдвоём с Цуруко. Правда, главное дело, ради которого они приехали в Токио, было всё-таки сделано: они получили консультацию у профессора Сугиуры. Но побывать в театре им так и не удалось. А вчера и сегодня ей пришлось, изнемогая от жары, носиться по пыльным токийским улицам.

Какие же это были хлопотливые дни! Наверное, лишь в чужом городе человек способен столько успеть всего лишь за два дня! При одной мысли об этом Сатико почувствовала себя ещё более измотанной. У неё было такое ощущение, будто кто-то поднял её высоко-высоко и со всего размаха швырнул сюда, на эту полку. Спать по-прежнему не хотелось. Она понимала, что глоток бренди помог бы ей вздремнуть, но вставать за ним у неё но было сил. В её изнурённом бессонницей сознании возникал один и тот же вопрос, который ей предстояло решить сразу же по возвращении домой. Он не давал ей покоя, то облекаясь в форму новых сомнений и тревог, то вдруг теряя ясные очертания. Неужели Окубата всё-таки прав?.. Если да, то что ей следует предпринять?.. Не заподозрила ли чего-нибудь Эцуко?.. Могла ли она рассказать Юкико о письме?..

20

Отдохнув после возвращения домой всего один день, Эцуко пошла в школу. Сатико же с каждым днём чувствовала себя всё более издёрганной и усталой. Она вызывала массажистку, старалась спать после обеда и большую часть времени проводила сидя в кресле на террасе и глядя в сад.

Оттого, наверное, что этот сад отражал вкусы хозяйки, любившей весну больше осени, сейчас в нём не на чем было остановиться взгляду, если не считать довольно-таки невзрачных гибискусов у декоративной горки да кустов хаги, протянувших свои опушённые белыми цветами ветки к участку Штольцев. Кроны платанов и сандаловых деревьев, такие густые и пышные летом, теперь поникли, истомлённые зноем. Газон, впрочем, оставался почти таким же зелёным, как и до отъезда Сатико в Токио, но в падающих на него солнечных лучах заметно поубавилось яркости. В похолодевшем воздухе веял доносившийся откуда-то аромат душистой маслины. Первое прикосновение осени ощущалось и здесь, в этом саду.

«Скоро нужно будет убрать навес от солнца», — подумала Сатико. В последнее время она испытывала какую-то особую нежность к своему саду. Пожалуй, и впрямь полезно время от времена уезжать из дома. Может быть, потому, что она не привыкла к путешествиям, ей казалось, будто её не было в Асии целую вечность. До чего же радостно было сознавать, что она наконец дома! Она вспомнила, с какой затаённой нежностью и грустью глядела на этот сад Юкико, приезжая в Асию. Оказывается, не только Юкико так глубоко привязана сердцем к этим краям, — это чувство в не меньшей степени свойственно и ей, Сатико.

В саду не было ничего особенного, ничего такого, что может поразить воображение, и всё же, вдыхая запах этих сосен, любуясь этими простёршимися вдали горами и этим ясным небом, невольно думалось, что на всём свете не сыскать более благодатного, тихого и уютного уголка. Какой ужасный город Токио — шумный, пыльный, сумрачный. Юкико говорит, что здесь даже ветер какой-то особенный, ласковый, и она совершенно права. Как хорошо, что ей, Сатико, не

нужно никуда уезжать отсюда! Насколько она счастливее своих сестёр! После возвращения домой Сатико не раз говорила О-Хару: «Не знаю, как тебе, — ты всё-таки побывала в Никко, — но мне совершенно не понравилось в Токио. Дома намного лучше!»

На следующий день после приезда сестры Таэко отправилась к себе в студию. Она сказала, что давно уже собиралась после летнего перерыва возобновить работу над куклами, но в отсутствие Сатико не хотела оставлять дом без присмотра. Теперь, когда Саку Ямамура уже не было в живых, а школа г-жи Тамаки не работала, у Таэко было много свободного времени, и она решила заняться французским языком.

— Ну что ж, — живо отозвалась Сатико, — почему бы нам не пригласить мадам Цукамото? После отъезда Юкико я забросила занятия языком, но теперь охотно к тебе присоединюсь.

— Нет, нет, — отшутилась Таэко, — рядом с тобой мне будет трудно блеснуть. И потом, мадам Цукамото слишком дорого берёт за уроки.

Как-то раз, когда Таэко не было дома, пришёл Итакура: он узнал, что Сатико вернулась домой, и решил засвидетельствовать ей своё почтение. После получасовой беседы с нею на террасе он направился в кухню к О-Хару, чтобы расспросить её о путешествии в Никко.

Сатико всё ещё не чувствовала себя готовой к решающему разговору. Она считала, что прежде ей надо окончательно прийти в себя, собраться с силами и, кроме того, улучить для этого подходящий момент. Но время шло, и — удивительное дело — мало-помалу Сатико стала замечать, что уже не испытывает прежнего смятения. Ощущение шока, которое вызвало в ней письмо Окубаты, тревога, сжимавшая ей сердце весь следующий день, мучительные вопросы, преследовавшие её, точно кошмар, всю ночь в поезде, сознание необходимости немедленно, сию же минуту что-то предпринять — всё это утратило остроту в тот самый миг, когда она переступила порог своего залитого ясным утренним светом дома.

Если бы кто-нибудь рассказал ей нечто подобное о Юкико, она с самого начала сочла бы это злостной клеветой и не поверила ни единому слову. Но с Таэко всё обстояло сложнее — Сатико знала, что она человек иной породы, нежели они с Юкико, и в прошлом однажды уже совершила ошибку. Быть столь же безоговорочно уверенной в ней

Сатико не могла. Именно поэтому письмо Окубаты и привело её в такую растерянность. Однако, вернувшись домой, она застала Таэко весёлой и жизнерадостной, как обычно. Одного взгляда на неё было довольно Сатико, чтобы понять всю нелепость своих опасений.

Не может быть, чтобы Кой-сан носила в себе какую-то мрачную тайну, подумала она. Скорее всего в Токио ей просто передалась нервозность Эцуко. Да и вообще было бы странно, если бы в этом ужасном городе у неё не расходились нервы. Значит, тогдашние её страхи были всего лишь плодом больного воображения и только теперь она обрела способность видеть всё в истинном свете?..

В таком благодушном настроении примерно неделю спустя после своего приезда она и завела разговор с Таэко.

В тот день Таэко вернулась из студии раньше обычного. Она сидела в своей комнате наверху перед куклой, которую принесла с собой. Это была фигурка старухи в тёмном кимоно и сандалиях, опустившейся на корточки возле каменного фонаря. Таэко назвала эту работу «Цикады поют». Ей пришлось затратить немало усилий, чтобы у каждого, кто остановит взгляд на этой фигурке, сразу же возникало впечатление, что старуха слушает пение цикад.

— Какая прелесть! — воскликнула Сатико, войдя к ней в комнату.

— Правда? Мне тоже нравится.

— Это — лучшее из всего, что ты создала в последнее время… И как хорошо, что ты догадалась изобразить именно старуху. От её фигуры веет какой-то щемящей грустью.

Сделав ещё несколько замечаний по поводу этой работы, Сатико немного помолчала, а потом сказала:

— Кой-сан, я получила в Токио довольно странное письмо.

— От кого? — рассеянно спросила Таэко, всё ещё сосредоточенно разглядывая свою работу.

— От Окубаты.

— Неужели? — Таэко резко повернулась к сестре.

— Взгляни, если хочешь… — Сатико протянула ей конверт. — Ты знаешь, что там написано?

— Догадываюсь. Наверное, речь идёт об Итакуре.

Таэко умела, когда нужно, придать своему лицу такое непроницаемое, бесстрастное выражение, что было невозможно понять, какие чувства, владеют ею в эту минуту. Вот и сейчас она

торопливо развернула письмо и принялась спокойно читать его, листок за листком.

— Ну и болван! Он уже давно грозился тебе написать.

— Для меня это письмо было словно гром среди ясного неба.

— Не стоит придавать ему значение.

— Окубата просил не говорить тебе о письме, но я подумала, что будет правильней и проще прямо спросить тебя обо всём, чем искать каких-то окольных путей. Так могу я считать, что то, о чем он пишет, не соответствует действительности?

— Кэй-тян судит о людях по себе. Если сам он ветреник и лгун, то и других считает такими же.

— И всё же как ты относишься к Итакуре?

— Во всяком случае, не так, как думает Кэй-тян. Я благодарна Итакуре, ведь он спас мне жизнь.

— Ну что ж, если речь идёт только об этом, я вполне тебя понимаю. Впрочем, я так и думала.

Хотя Окубата пишет, что стал подозревать, будто между нею и Итакурой возникли какие-то особые отношения после наводнения, рассказала Таэко, на самом деле всё это началось гораздо раньше, просто на первых порах он не осмеливался высказывать ей свои подозрения и осыпал упрёками одного Итакуру.

Поначалу Итакура не принимал его нападки всерьёз, считая, что Окубата по-ребячески завидует и злится на него за то, что он может бывать в Асии, когда ему заблагорассудится, в то время как Окубате в этом праве отказано.

Но после наводнения Окубата совсем обнаглел и не только позволял себе грубости по отношению к Итакуре, но и выразил своё недовольство Таэко. При этом он просил сохранить их разговор в тайне от Итакуры, с которым, дескать, считает ниже своего достоинства что-либо обсуждать. Таэко так и сделала, полагая, что Окубата при его самолюбии вряд ли станет выяснять отношения с Итакурой. Итакура, со своей стороны, тоже ничего не говорил ей о нападках Окубаты.

Подозрения Окубаты обидели Таэко. Она перестала подходить к телефону, когда он звонил, и избегала встреч с ним. Но страдания Окубаты казались настолько искренними, что в конце концов она сжалилась над ним и позволила ему приехать в Сюкугаву; это было как

раз третьего числа. (Очевидно, Таэко имела обыкновение встречаться с Окубатой по пути в студию или обратно. В своём письме Окубата. упоминал о том, что они виделись в Сюкугаве, но где именно, оставалось неясным. Сатико спросила об этом у сестры, и та сказала, что они разговаривали, прогуливаясь в сосновой роще неподалёку от студии.)

В тот день Окубата заявил ей, что располагает всеми необходимыми доказательствами, и потребовал, чтобы она прекратила всякое общение с Итакурой. Таэко возразила: это несправедливо по отношению к человеку, которому она обязана своим спасением, — но Окубата не пожелал её слушать. Он взял с неё слово, что отныне она ни при каких обстоятельствах не будет встречаться с Итакурой, запретит ему бывать у себя дома и перестанет заказывать ему рекламные фотографии.

Но, чтобы выполнить данное Окубате обещание, Таэко нужно было объясниться с Итакурой, и она по собственной инициативе решила с пим поговорить. Тут-то и выяснилось, что Окубата взял с Итакуры точно такое же обещание и велел ему держать это в тайне от Таэко.

С тех пор, а именно с третьего числа нынешнего месяца, Таэко ни разу не виделась с Итакурой, и он к ней не приходил. За всё это время он появился в Асии лишь однажды, после возвращения Сатико, чтобы засвидетельствовать ей почтение — в противном случае, посчитал он, у неё может возникнуть недоумение: отчего он вдруг перестал у них бывать? При этом он нарочно выбрал для своего визита время, когда Таэко не было дома.

Итак, если верить Таэко, никаких романтических чувств к Итакуре она не питала. Но как обстояло дело с Итакурой? Даже если в отношении Таэко подозрения Окубаты беспочвенны, про Итакуру этого не скажешь.

Окубата считает, что Итакура ничем не заслужил благодарности Таэко. Его геройский поступок, дескать, был отнюдь не бескорыстным. Такой хитрец не стал бы рисковать жизнью, если бы не знал, что будет за это вознаграждён сторицей. Хотя Итакура и утверждает, что оказался рядом со школой случайно, у него, по мнению Окубаты, всё было рассчитано заранее. За что же быть благодарной этому

честолюбивому выскочке, который, позабыв о долге перед своим бывшим хозяином, смеет отбивать у него невесту?

Итакура начисто отметает всё эти обвинения. По его словам, он бросился спасать Таэко именно потому, что она невеста Окубаты. Он рисковал собою, потому что хотел доказать свою преданность бывшему хозяину, и ему горько сознавать, что его поступок истолкован превратно. К тому же, сказал Итакура, он не настолько глуп, чтобы не понимать, что Кой-сан никогда не согласилась бы стать его женой.

Какую же из этих двух версий принимает сама Таэко?

Если быть до конца откровенной, сказала Таэко, она подозревает, что дело обстоит не вполне так, как представляет его Итакура. Он достаточно умён, чтобы не показывать вида, но Таэко считает, что Итакура вряд ли стал бы рисковать собой из одного лишь стремления доказать преданность своему бывшему хозяину. Сознательно или бессознательно, но в тот день он старался, конечно же, не ради Окубаты, а ради неё, Таэко. Но это не меняет существа дела.

До тех пор пока Итакура держится в соответствующих рамках, она могла бы делать вид, что ничего не замечает. Такого человека, как Итакура, удобно держать при себе. Ради неё он готов разбиться в лепёшку. Она может дать ему какое угодно поручение, и он почтёт для себя за честь его выполнить. Поэтому, собственно, она и не препятствовала тому, чтобы между ними установились короткие отношения. Но Окубата с его подозрительностью и ревностью не в состоянии этого понять. Вот почему они с Итакурой договорились, что некоторое время совсем не будут встречаться. Надо думать, Окубата теперь успокоился и жалеет о своём письме…

— Странный всё-таки Кэй-тян. И что ему дался этот Итакура… — заключила она.

— То, что тебе, Кой-сан, кажется пустяком, он может воспринимать совсем иначе…

Таэко, с некоторых пор уже не стеснявшаяся курить при сестре, вынула из-за пояса белый черепаховый портсигар, достала оттуда заграничную сигарету — по тем временам большая редкость! — и поднесла к ней зажигалку. Некоторое время она задумчиво молчала, пуская пухлыми губами колечки дыма. Не глядя на сестру, спросила:

— Кстати, ты не забыла о моей просьбе?.. Я имею в виду поездку во Францию…

— Нет, не забыла…

— А у тебя не было случая поговорить об этом с Цуруко?

— Видишь ли, я собиралась ей сказать, но потом передумала. Всё упирается в деньги, и тут требуется особая щепетильность. Я думаю, этот разговор лучше поручить Тэйноскэ.

— А как он сам относится к моей затее?

— Он считает, что, если твои намерения действительно серьёзны, мы должны тебе помочь. Но Тэйноскэ боится, что в Европе не сегодня-завтра начнётся война.

— Неужели всё-таки начнётся?

— Кто знает? Во всяком случае, Тэйноскэ говорит, что пока с твоей поездкой следует повременить.

— Да, но госпожа Тамаки собирается ехать совсем скоро. Она готова взять меня с собой…

Сатико с самого начала одобряла намерение сестры поехать во Францию — главных! образом потому, что тогда сами собой решились бы многие проблемы, связанные не только с Итакурой, но и с Окубатой. Её смущало только одно: ситуация в Европе, как было совершенно ясно из газет, приобретала всё более угрожающий характер. В этих условиях отпустить Таэко одну было бы слишком рискованно, да и в «главном доме» вряд ли согласились бы на это. Возможность отправить Таэко вместе с г-жой Тамаки несколько меняла дело.

По словам Таэко, госпожа Тамаки не собиралась задерживаться в Париже слишком долго. Со времени её прошлой поездки минуло уже много лет, и она давно хотела побывать во Франции ещё раз, чтобы ознакомиться с новыми направлениями в моде. После наводнения школа госпожи Тамаки требует основательного ремонта, и она решила, воспользовавшись вынужденным перерывом в занятиях, осуществить своё заветное желание.

Госпожа Тамаки рассчитывает пробыть во Франции около полугода. Хотя, по её мнению, Таэко следовало бы поехать туда на более длительный срок — скажем, на год или на два, — при желании она смогла бы вернуться в Японию вместе с нею. За полгода тоже можно кое-чему научиться, а она уж позаботится о том, чтобы Таэко получила там какой-нибудь солидный диплом.

Госпожа Тамаки намерена выехать во Францию в самом начале января, а в июле или в августе уже вернуться домой. Вряд ли за это время начнётся война. Ну а если начнётся — что ж, им придётся положиться на волю провидения. Всё-таки Таэко едет не одна, кролю того, у госпожи Тамаки есть друзья в Германии и Англии, так что в крайнем случае им будет к кому обратиться за помощью. Другая такая возможность вряд ли ещё когда-нибудь представится, сказала Таэко. Да, конечно, это путешествие связано с определённым риском, но она всё равно хочет ехать.

— Сейчас, даже Кэй-тян не возражает против моей поездки. Вот до чего насолил ему Итакура!

— Да я и сама, в общем, не возражаю. Но мне, конечно, нужно посоветоваться с Тэйноскэ.

— Пожалуйста, уговори его замолвить за меня словечко перед «главным домом».

— Поскольку речь идёт о начале будущего года, особой спешки, как я понимаю, нет.

— И всё же чем скорее состоится этот разговор, тем лучше. Когда Тэйноскэ собирается в Токио?

— Думаю, до конца года он успеет побывать там не один раз. А тебе, Кой-сан, всё-таки стоит заняться французским.

21

Госпожа Штольц с детьми отплывала в Манилу пятнадцатого сентября на пароходе «Президент Кулидж».

В отсутствие Эцуко Роземари каждый день осаждала Таэко и прислуг вопросами: «Когда же вернётся Эцуко-сан? Почему она так долго не приезжает?»

Но вот Эцуко наконец вернулась, и за исключением тех часов, что она проводила в школе, подружки были неразлучны. Бросив ранец в гостиной, Эцуко мчалась к проволочной сетке: «Руми-сан, комм!» Роземари тотчас же откликалась на её зов, одним махом преодолевала проволочную сетку и оказывалась на соседнем участке. Девочки бежали на лужайку, где, скинув туфли, прыгали через верёвочку. Иногда к ним присоединялся Фриц, а порой даже и Сатико с Таэко.

— Айн, цвай, драй, фир… — звонко выкрикивала Эцуко. Она выучилась считать по-немецки до тридцати и усвоила несколько новых слов вроде «Шнэлль, шнэлль!», «Биттэ», «Нох нихт».

Однажды, когда дети по обыкновению резвились в саду, до Сатико донёсся голос Роземари:

— Эцуко-сан, счастливо оставаться!

— Ауф видерзеен! — откликнулась Эцуко. — Когда приедешь в Гамбург, напиши мне.

— И ты тоже мне напиши!

— Обязательно напишу. Передай привет Петеру!

— Прощай, Эцуко!

— Прощайте, Руми и Фриц!

Вслед за этим Роземари и Фриц в два голоса запели «Дойчланд юбер аллес».

Сатико вышла на террасу посмотреть, что происходит у детей. Руми и Фриц, забравшись на дерево, махали оттуда платками. Эцуко тоже махала им в ответ. «Корабль», надо понимать, только что отчалил от пристани.

Сатико подошла к платану и тоже стала махать платком.

— Руми, Фриц, до свидания!

— Ауф видерзеен, мама Эцуко!

— Ауф видерзеен! Счастливого пути! Приезжайте снова в Японию!

— А вы с Эцуко приезжайте к нам в Гамбург!

— Обязательно приедем, как только Эцуко подрастёт. Вы тоже растите здоровыми и крепкими.

Это была всего-навсего игра, но Сатико вдруг почувствовала, как на глаза у неё навернулись слёзы.

Госпожа Штольц воспитывала своих детей в строгости. Стоило Роземари задержаться в долге подруги позже положенного часа, как слышалось неизменное: «Руми, домой!» В последние, дни, однако, всё было иначе, — видя, как дорог девочкам каждый час, который они могут провести вместе, г-жа Штольц разрешала дочери играть с Эцуко до позднего вечера.

Расположившись в гостиной, девочки усаживали перед собой кукол и без конца их переодевали. Когда же это им наскучивало, они ловили кошку и принимались наряжать её. В иные дни они по очереди играли на пианино, и тогда Роземари всякий раз просила подругу: «Эцуко, сделай ещё что-нибудь», что означало: «Эцуко, сыграй ещё что-нибудь».

Отъезд г-на Штольца был столь внезапным, что всё заботы, связанные со сборами, распродажей домашнего имущества и прочими делами, легли на его жену. Каждый день Сатико заставала соседку в неустанных хлопотах. Со второго этажа дома Макиока задний двор Штольцев был виден как на ладони, и всякий раз, выходя на веранду, Сатико становилась невольной свидетельницей всего, что там происходило. Она всегда поражалась безукоризненному порядку, царящему на соседской кухне. Кастрюли и сковороды были не только начищены до блеска, но и расставлены на полках строго по ранжиру. Всё домашние дела: стирка, уборка, готовка, нагревание ванны — делались всегда в одно и то же время. Зная, чем занимаются у Штольцев, можно было не смотреть на часы.

Госпожа Штольц держала в прислугах двух молоденьких японок. Из-за них, вернее, из-за их предшественниц однажды вышла неловкая история, в какой-то мере коснувшаяся и Сатико.

Служанки г-жи Штольц казались Сатико образцом трудолюбия и добросовестности, но г-жа Штольц держалась на этот счёт иного мнения. Порой девушки жаловались прислугам Сатико на свою

хозяйку — уж больно та придирчива. Сама ни минуты не потратит впустую и от них требует того же. Не успеют они кончить одну работу, как она тут же находит для них новую. Конечно, здесь им платят больше, чем в любом японском доме, да и у барыни есть чему поучиться, но за весь день они не могут присесть ни на минуту. Слов нет, их барыня превосходная хозяйка и достойна всяческого уважения, но быть у неё в услужении ох как нелегко…

Помимо всего прочего, в обязанности прислуги г-жи Штольц входило ежедневное подметание улицы перед домом. Однажды утром О-Аки, подметая улицу перед домом своей хозяйки, решила заодно подмести и перед домом Штольцев. В этом не было ничего особенного, поскольку соседская прислуга сплошь да рядом делали то же самое. Увидев О-Аки, г-жа Штольц, однако, сурово отчитала своих девушек. Что за безобразие?! Как могли они допустить, чтобы эту работу выполнял за них кто-то другой?

Служанки принялись оправдываться: они-де и не думали отлынивать от работы, О-Аки сделала это по собственному почину, и притом один-единственный раз, но, если барыня недовольна, они обещают, что впредь это не повторится…

Госпожа Штольц, как видно попросту не понявшая этих объяснений, не спешила сменить гнев на милость, и тогда девушки заявили, что берут у неё расчёт. Ну что ж, она не намерена их удерживать, отрезала г-жа Штольц.

Узнав от О-Аки о случившемся, Сатико подумала было вмешаться, но девушки были настроены решительно. Они очень благодарны госпоже Макиока за сочувствие, но просят её не беспокоиться. Если бы этот случай был единственным, ещё куда, ни шло. Они трудятся в поте лица, а барыня этого ни капельки не ценит и через каждое слово называет их дурёхами. Может, по уму им и правда далеко до барыни, но такие преданные и работящие служанки, как они, тоже на дороге не валяются. Когда-нибудь она это поймёт. Если барыня спохватится и извинится, дело другое, а так они ни за что не останутся в её доме.

Госпожа Штольц не сделала попытки к примирению, и обе девушки в один день взяли расчёт. Вскоре их место заняли нынешние служанки, которые и в самом деле не шли ни в какое сравнение с

прежними. Даже г-жа Штольц однажды призналась Сатико, что совершила ошибку, отпустив их.

Эта история давала достаточно хорошее представление о крутом характере г-жи Штольц, однако во время наводнения Сатико имела возможность убедиться, что эта женщина умеет быть не только суровой и требовательной, но и доброй, отзывчивой, любящей. Узнав, что в полицейском участке поблизости нашли прибежище пострадавшие от наводнения, она сразу же собрала для них рубашки мужа и кое-что из белья. И служанок своих она просила поискать, не найдётся ли у них какой-нибудь ненужной одежды. Как тревожилась она в тот страшный день о своих близких, с каким сочувствием спрашивала про Эцуко, какое у неё было тогда бледное и заплаканное лицо! И какой безумный вопль радости вырвался у неё, когда муж и дети наконец вернулись домой! Сатико до сих пор помнила порывистое объятие, в котором г-жа Штольц припала к мужу. Разве способность к таким глубоким переживаниям не достойна восхищения? Сатико слышала, что немецкие женщины во многих отношениях незаурядны, но такие, как Хильда Штольц, даже среди них, должно быть, встречаются редко.

Да, Сатико действительно повезло с соседкой. Обидно только, что они так мало общались между собой. Большинство живущих в Японии иностранцев, как правило, держится с высокомерной отчуждённостью, но Штольцы были совсем не такие. Поселившись в Асии, они первым делом послали семье Макиока великолепный торт. Как жаль, думала Сатико, что она не последовала, примеру дочери и не завязала более короткого знакомства с соседним семейством. Помимо всего прочего она могла бы позаимствовать у г-жи Штольц множество кулинарных рецептов.

Отъезд г-жи Штольц огорчал не только Сатико, но и других соседок по улице. Если кто и радовался, то, пожалуй, только те из местных торговцев, которым посчастливилось перекупить у неё холодильник или швейную машинку по баснословно низкой цене. Ненужное имущество г-жа Штольц старалась пристроить знакомым за мизерную плату, а те вещи, на которые охотников не нашлось, забрал у неё владелец небольшого мебельного магазина поблизости.

— Дом стал совсем пустой. Теперь мы кушать вот из это, — сказала как-то г-жа Штольц, со смехом продемонстрировав Сатико

корзинку с посудой для пикника.

Зная о том, что, вернувшись в Германию, г-жа Штольц собирается устроить в своём доме комнату в японском стиле, знакомые японцы дарили ей кто картину, кто каллиграфический свиток, кто какую-нибудь антикварную вещицу. Сатико преподнесла ей оставшийся ещё от бабушки шёлковый платок с вышитой на нём старинной колесницей. Роземари оставила на память Эцуко свою любимую куклу с коляской, а Эцуко вручила подруге фотографическую карточку, на которой она была запечатлена во время танца, и нарядное шёлковое кимоно с узором из цветных зонтиков по светло-розовому фону.

Последнюю ночь перед отъездом Роземари в порядке исключения было позволено провести в доме Эцуко. Что там творилось! Эцуко уступила подруге свою кровать, а сама устроилась на кушетке Юкико, но обеим было не до сна.

— Когда же они наконец угомонятся? — вздохнул Тэйноскэ, натягивая на голову одеяло. Беспрестанные крики, смех и возня в коридоре мешали ему спать. В конце концов, видя, что девочки расшалились ещё пуще, он высунулся из-под одеяла и зажёг лампу у изголовья.

— Ты знаешь, который час? Два часа ночи!

— Неужели? — удивилась Сатико.

— Мне кажется, они уж чересчур расшалились. Госпожа Штольц будет недовольна.

— Не думаю. Пусть пошалят напоследок.

— Привидение!.. — За дверью послышался топот и громкий голос Эцуко. — Папа, как по-немецки «привидение»?

— Скажи ей, пожалуйста, как по-немецки «привидение».

— Гешпэнст! — ответил Тэйноскэ, сам удивляясь тому, что смог вспомнить это слово. — По-немецки «привидение» — «гешпэнст».

— Гешпэнст, — повторила Эцуко. — Руми, ты слышишь? Гешпэнст!

— А-а, тогда я тоже «гешпэнст»!

— Привидение!

— Гешпэнст!

Выкрикивая эти слова, девочки некоторое время носились по коридору, пока наконец, укутанные в белые простыни, не ворвались в

спальню Тэйноскэ и Сатико. Давясь от хохота, они трижды обежали вокруг постели, после чего снова выскочили в коридор.

Только часа в три ночи девочки улеглись в, свои кровати, но были слишком возбуждены, чтобы уснуть. Роземари вдруг начала хныкать: ей хочется домой, к маме, — и Сатико с Тэйноскэ пришлось по очереди её успокаивать. За окнами уже светало, когда в доме наконец воцарилась тишина.

На следующий день Эцуко с букетом цветов отправилась на пристань в сопровождении матери и Таэко. Корабль отплывал в начале восьмого вечера, поэтому детей среди провожающих было совсем мало — только Эцуко да ещё одна девочка по имени Инге, которую Эцуко несколько раз видела у Штольцев и за глаза называла «ингэн-мамэ» — «фасолинка».

Госпожа Штольц с детьми погрузились на корабль ещё в середине дня, а Эцуко с матерью и тёткой выехали в порт после ужина. Они добрались до Санномии поездом, а там пересели в такси. Как только машина миновала здание таможни, перед ними, весь в огнях иллюминации, точно сказочный замок, возник «Президент Кулидж». Каюта, которую занимали Штольцы, была выдержана в благородных бледно-зелёных тонах — стены, потолок, шторы и покрывала были одного цветя. На постели ярким ворохом громоздились букеты цветов. Г-жа Штольц позвала дочь и велела ей показать Эцуко корабль. На эту экскурсию у девочек было всего каких-нибудь пятнадцать минут, и впоследствии Эцуко могла вспомнить лишь, что на корабле было ужасно красиво и что им всё время приходилось подниматься и спускаться по лестницам. Вернувшись в каюту, Эцуко застала г-жу Штольц и мать в слезах. Вскоре прозвучал гонг, и они сошли на берег.

— До чего красиво! Как будто по воде движется целый универмаг, — сказала Таэко, поёживаясь на осеннем ветру.

Корабль удалялся от пристани, но фигуры стоявших на ярко освещённой палубе г-жи Штольц, Роземари и Фрица были ещё долго видны с берега, пока наконец не уменьшились настолько, что стали неразличимы. Но и тогда из мглистой морской дали всё ещё доносился звонкий голосок Роземари: «Эцуко-о-о!..»

22

Дорогая госпожа Макиока!

В Японии наступила пора тайфунов, и я очень тревожусь о Вас. Хочется надеяться, что после стольких испытаний, обрушившихся на Вашу семью за последнее время, у Вас всё благополучно.

Как Вы поживаете? Наверное, улицы в Асии и шоссе уже расчищены от камней и песка, движение наладилось, и люди снова могут радоваться жизни. Наш дом, должно быть, уже пе пустует, и у Вас появились новые приятные соседи. Я часто вспоминаю наш прелестный маленький сад и тихие улочки, по которым дети катались на велосипедах. Как весело и привольно им жилось в Асии! Как правилось им бывать в Вашем доме! Мне хочется ещё раз поблагодарить всё Ваше милое семейство за доброе внимание к ним. Руми и Фриц постоянно вспоминают Вас и Эцуко и очень скучают.

Петер написал мне с корабля о том, какой чудесный день они провели в Токио в обществе Вашей сестры и Эцуко. Передайте им, пожалуйста, мою искреннюю благодарность, на днях я получила от мужа телеграмму из Гамбурга. Они добрались благополучно и пока живут у моей сестры. У неё трое своих детей, Петер, стало быть, четвёртый.

Здесь, в Маниле, у нас ещё более многочисленное семейство. С Руми и Фрицем детей стало восемь человек, и на весь этот курятник всего одна наседка — я. Порой дети ссорятся между собой, но, в основном, живут дружно, Руми — самая старшая из них и вполне сознаёт это. Каждый день после обеда мы садимся на велосипеды и едем на эспланаду есть мороженое.

Будьте здоровы и счастливы. Передайте, пожалуйста, от меня сердечный привет Вашему супругу, сёстрам и, конечно же, милой Эцуко. Вы должны непременно приехать к нам в

Германию, когда в Европе снова станет спокойно. Сейчас там повсюду слышно бряцанье оружия, и всё-таки я надеюсь, что войны не будет. Она никому не нужна. Я верю, что Гитлер уладит проблему Чехословакии.

Снова и снова желаю Вам здоровья.

Сердечно любящая Вас Хильда Штольц.

P. S. Посылаю Вам филиппинскую вышивку. Буду рада, если она Вам понравится.

30 сентября 1938 года,

Манила.

Письмо г-жи Штольц, написанное по-английски, пришло в десятых числах октября. А спустя несколько дней Сатико получила и подарок — прелестную салфетку тонкой ручной работы. Полагалось бы сразу же написать г-же Штольц ответное письмо, но Сатико мешкала: кто-нибудь должен перевести её письмо на английский язык, — но Тэйноскэ счёл эту задачу совершенно непосильной для себя, а больше ей просить было некого.

Но вот однажды, прогуливаясь вдоль реки, Сатико встретила г-жу Хенинг, японку, которая была замужем за немцем, — их когда-то познакомила г-жа Штольц. Сатико рассказала ей о своём затруднении с письмом, и та охотно согласилась помочь. Сама она, правда, плохо пишет по-немецки, сказала г-жа Хенинг, но её дочь прекрасно знает и немецкий и английский, так что перевод вполне, можно поручить ей. Но и после этого разговора Сатико не сразу взялась за письмо — писать иностранке, да ещё в далёкую страну, было непросто. Лишь по прошествии нескольких дней она наконец села за письмо к г-же Штольц, одновременно велев Эцуко написать Роземари, а затем переправила оба письма г-же Хенинг.

Вскоре после этого из Нью-Йорка от Петера пришла посылка с туфлями для Эцуко. Хотя Петер предусмотрительно снял мерку, эти прекрасные лакированные, туфельки, которые, так хорошо было бы надеть по какому-нибудь торжественному случаю, оказались ей малы. Как ни пыталась Эцуко втиснуть в них ноги, было совершенно очевидно, что носить их она не сможет.

— Какая жалость! Если бы они были как угодно велики…

— Но почему же так вышло, мама? Что, Петер неправильно снял мерку?

— Вероятно, у тебя просто выросла нога. Детскую обувь полагается покупать на размер больше. Будь с Петером его мама, она наверняка подсказала бы ему это.

— У-у, как жалко…

— Ну, довольно, Эттян. Сколько бы ты ни старалась, они тебе малы, — с улыбкой сказала Сатико, видя, что девочка снова принялась натягивать туфли.

Без сомнения, Петер старался порадовать Эцуко, но как в этой ситуации благодарить его за подарок, Сатико не знала и в конце концов решила вообще ничего ему не писать.

* * *

Таэко целыми днями пропадала, у себя в студии — ей хотелось до отъезда за границу выполнить всё заказы. Кроме того, по протекции г-жи Тамаки она начала брать уроки французского языка у жены некоего художника, которая шесть лет прожила в Париже. Плата за эти уроки составляла всего десять иен в месяц.

Возвращаясь из школы, Эцуко каждый день шла к проволочной сетке и с грустью глядела на опустевший соседний двор, где в зарослях бурьяна одиноко стрекотали сверчки. До сих пор, имея под боком Руми, она мало общалась с одноклассницами, и теперь ей было не так-то просто найти себе подругу по душе. Она всё надеялась, что в доме Штольцев поселится какая-нибудь новая семья и у неё появится подружка вроде Руми, но, судя по всему, охотников нанять этот дом не находилось: он был построен в расчёте на иностранцев, а в нынешней обстановке большинство иностранцев, подобно Штольцам, покидало Японию.

Сатико тоже скучала. От нечего делать она занималась каллиграфией и обучала О-Хару игре на кото. «Грустит не одна Эцуко. Этой осенью мне тоже во всём чудится какая-то щемящая грусть. До сих пор я любила весну и только теперь поняла, что в осенней печали

есть своя прелесть. Должно быть, я старею…» — как-то призналась она в письме к Юкико.

Что и говорить, для семьи Сатико нынешний год был щедр на события и потрясения. Смотрины Юкико весной, концерт учениц Саку Ямамура в июне, потом это ужасное наводнение, чуть не отнявшее у них Таэко, а вслед за ним — смерть Саку Ямамура, отъезд Штольцев, поездка в Токио, тайфун, переживания, связанные с письмом Окубаты… Теперь, когда всё это миновало и наступило затишье, у Сатико возникло ощущение непонятной пустоты и неприкаянности. И яснее, чем когда бы то ни было, она осознала, как много значат для неё младшие сёстры.

Семейная жизнь Сатико протекала счастливо — в добром согласии с мужем, да и с дочерью тоже, хотя временами та доставляла ей немало хлопот. Если в размеренной и безмятежной жизни Сатико порою случались сбои, то виновницами этого, как правило, были её младшие сёстры. Но Сатико отнюдь не досадовала на них, — напротив, она всегда радовалась, видя, как в их присутствии оживает её дом. Истинная дочь своего отца, Сатико не выносила скуки и однообразия, ей нравилось ощущать шумное, молодое движение жизни. Разумеется, она никогда не стала бы прибегать к каким-либо уловкам, чтобы залучить незамужних сестёр к себе, но в душе ей было очень приятно, что Юкико и Таэко предпочитают жить в Асии, а не с семьёй Цуруко. Впрочем, это казалось ей вполне естественным, она считала, что младшие сёстры должны жить там, где для них могут быть созданы лучшие условия. Понимая чувства жены, Тэйноскэ с неизменным радушием принимал своячениц в Асии, хотя и опасался недовольства со стороны старших Макиока.

Отношение Сатико к младшим сёстрам отнюдь не укладывалось в рамки того, что принято именовать родственными чувствами. Она не раз ловила себя на том, что тревожится о них даже больше, чем о муже или о дочери. Но они и были для неё всё равно что дочери, которых она любила, пожалуй, не меньше, чем Эцуко. И в то же время они были её самыми задушевными подругами. Сейчас, лишившись их общества, Сатико с удивлением обнаружила, что других подруг у неё, по существу, нет. Её отношения с приятельницами всегда оставались довольно поверхностными, а всё потому, что сёстры заменяли ей подруг.

Сатико вдруг ощутила себя такой же одинокой и покинутой, как Эцуко.

Подавленное настроение жены не ускользнуло от внимания Тэйноскэ. Однажды, просматривая театральную колонку в газете, он сказал:

— Знаешь, в ноябре, в Осаку приезжает Кикугоро! Почему бы нам не пойти на его выступление, скажем, пятого числа? Кой-сан наверняка составит нам компанию, тем более, что в программу включён её любимый «Кагами дзиси».[77]

Таэко, однако, сказала, что пятого числа никак не сможет выбраться в театр и пойдёт на представление в какой-нибудь другой день. Вместо неё Тэйноскэ и Сатико взяли с собой Эцуко.

Итак, у Сатико появилась возможность наверстать упущенное и повести Эцуко на выступление великого актёра. Во время антракта в фойе Тэйноскэ, однако, заметил на глазах у жены слёзы. При всей её чувствительности это было неожиданно и странно.

— Что с тобой? — спросил Тэйноскэ, отведя Сатико в сторонку. Слёзы уже ручьями текли у неё по щекам.

— Разве ты не помнишь? Это случилось как раз в этот день в марте… — сказала Сатико и поднесла руки к глазам.

23

Подошла середина ноября. До отъезда г-жи Тамаки в Париж оставалось всего полтора месяца, Таэко нервничала и при каждом удобном случае спрашивала сестру: «Когда же Тэйноскэ поедет в Токио?»

До сих пор Тэйноскэ приходилось ездить по служебным делам в Токио почти каждые два месяца, но в последнее время, как назло, такая возможность долго не представлялась. Через несколько дней после посещения театра Сатико наконец услышала долгожданную весть: Тэйноскэ предстоит очередная поездка в Токио.

Узнав об этом накануне из телефонного разговора с мужем, Сатико сразу же вызвала сестру из студии, чтобы обсудить с нею, в какой форме следует преподнести «главному дому» её просьбу.

Если она правильно её понимает, сказала Сатико, то намерение Таэко ехать учиться во Францию в конечном счёте определяется стремлением к материальной независимости, которая, в свою очередь, необходима ей для того, чтобы, выйдя замуж за Окубату, быть в состоянии, если понадобится, его содержать.

Но в таком случае, прежде чем заводить разговор с «главным домом» о поездке за границу, пришлось бы решить вопрос о её браке с Окубатой, а для этого, конечно же, потребовалась бы уйма времени, да к тому же и Тэйноскэ вряд ли согласился бы взять на себя такое поручение. Сейчас для Таэко самое главное — получить разрешение на поездку во Францию, не так ли? Стало быть, пока что лучше вообще не касаться её отношений с Окубатой. Но чем тогда объяснить её желание ехать за границу? Быть может, стоит представить дело так: в своё время имя Таэко попало в газету в связи с весьма неблаговидной историей и, хотя она не считает, что для неё всё потеряно, рассчитывать на блестящую партию ей всё-таки не приходится. Поэтому она должна позаботиться о том, чтобы в будущем иметь возможность себя содержать. Разумеется, если какой-нибудь достойный человек сделает ей предложение, она охотно его примет, но и с этой точки зрения для неё важно прочно встать на ноги. Если она вернётся из-за границы с солидным дипломом, многие из тех, кто

сейчас относятся к ней с предубеждением, изменят своё мнение о ней, и это только увеличит её шансы на счастливое замужество…

Обосновав таким образом решение Таэко ехать во Францию, можно было бы перейти к вопросу о деньгах, объяснить «главному дому», что она хотела бы сейчас получить сумму, предназначенную на свадебные расходы.

Таково было предложение Сатико, с которым Таэко полностью согласилась, добавив, что в этом вопросе целиком полагается на её мнение.

Разговаривая вечером с мужем, Сатико, однако, привела ещё кое-какие аргументы в пользу поездки Таэко во Францию. Главным из них была необходимость разлучить Таэко с Итакурой и Окубатой. Но поскольку Сатико тщательно скрывала отношения сестры с Итакурой ото всех, в том числе и от Тэйноскэ, она просила его рассказать Цуруко с мужем только об Окубате — о том, что тот дважды появлялся в Асии с явным намерением добиться разрешения на брак с Таэко, что, хотя это намерение кажется вполне серьёзным, он уже далеко не тот чистый юноша, за которого они держали его до сих пор, что, по сведениям Тэйноскэ, в последнее время он пустился в разгульную жизнь и поэтому никак не может считаться хорошей партией для Таэко.

В этой связи, мог бы сказать Тэйноскэ, желание Таэко ехать во Францию следует всячески приветствовать. Хотя она уже не в том возрасте, когда делают глупости, было бы всё же спокойнее, если бы на некоторое время она была от Окубаты подальше. Что же касается денег, то, в конце концов, речь идёт лишь о сумме, которую рано или поздно Таэко всё равно получила бы, таким образом, по мнению Сатико, эта просьба не способна серьёзно ущемить интересы «главного дома».

Но Цуруко и Тацуо с их старомодными взглядами, конечно же, будут возражать против того, чтобы незамужняя Таэко ехала за границу одна, поэтому было бы неплохо чуточку их припугнуть, намекнув, что Таэко может снова сбежать с Окубатой.

*** * ***

Чтобы выполнить поручение жены, Тэйноскэ нарочно задержался в Токио ещё на один день. Полагая, что договориться с Цуруко будет проще, нежели с Тацуо, он приехал в Сибую в два часа дня.

Выслушав Тэйноскэ, Цуруко сказала, что, прежде чем дать ответ, должна посоветоваться с Тацуо. Она сообщит обо всём Сатико в письме, причём постарается сделать это как можно скорее. Ей очень неловко, что Тэйноскэ вынужден столь часто обременять себя хлопотами о её сёстрах. Ничего более вразумительного Тэйноскэ от неё не услышал, да, откровенно говоря, и не рассчитывал услышать.

Сатико не льстила себя надеждой на скорый ответ: она знала, сколь медлительна Цуруко, да и Тацуо наверняка потребуется всё хорошенько взвесить, прежде чем принять то или иное решение.

Но вот прошло десять дней, ноября, был уже на исходе, а вестей из «главного дома» по-прежнему не было. «Быть может, ты поторопишь их с ответом?» — как-то сказала Сатико мужу, но Тэйноскэ дал ей понять, что после разговора с Цуруко считает свою миссию выполненной и возвращаться к этой теме не желает. В конце концов Сатико написала в Токио сама: к какому решению пришли в «главном доме» по поводу поездки Кой-сан? Она хотела бы выехать уже в январе…

Но и на это письмо ответа не последовало. «Ну что же, Кой-сан, наверное, тебе стоит самой отправиться к Токио и выяснить всё на месте», — сказала Сатико сестре, и та собралась уже было в дорогу, но тридцатого ноября от Цуруко наконец пришло долгожданное письмо.

Дорогая Сатико!

Извини, что так задержалась с ответом. Как вы поживаете? Мне было приятно узнать, что Эттян здорова и её недомогания остались позади.

Приближается Новый год, мой второй Новый год в Токио, и мне становится не по себе при одной мысли о том, что снова наступает зима. Моя невестка из Адзабу говорит, чти привыкнуть к токийским холодам можно, лишь прожив здесь три года. Первые три зимы в Токио она тоже,

беспрерывно хворала. Ты должна благословлять судьбу за то, что имеешь возможность жить в Асии.

Теперь по поводу планов Кой-сан. Я очень благодарна Тэйноскэ, который при всей его занятости нашёл время для того, чтобы побывать у нас и со всей обстоятельностью объяснить мне смысл её намерений, хотя мне и неловко оттого, что он принуждён постоянно обременять себя заботами такого рода.

Я понимаю, что давно уже должна была тебе написать, но, как всегда, дети и домашние хлопоты помешали мне сделать это. Взяться за письмо мне было трудно ещё и потому, что мнение Тацуо коренным образом расходится с вашим, и я невольно откладывала эту неприятную обязанность со дня на день. Надеюсь, что ты не очень на меня сердишься.

Коротко говоря, позиция Тацуо сводится к следующему. Он считает, что Кой-сан нет нужды придавать так много значения той давней истории, С тех пор прошло девять лет, и о ней всё уже забыли. У Кой-сан нет никаких оснований считать, что после случившегося она не сможет выйти замуж и должна позаботиться о том, чтобы себя содержать. При её внешности, образовании, способностях, наконец, она вправе рассчитывать на самый блестящий брак и должна отбросить всё сомнения на этот счёт.

Далее, нам кажется странной просьба Кой-сан о деньгах. Дело в том, что никакой суммы, записанной на её имя, у нас нет. Разумеется, в случае замужества Кой-сан мы готовы взять на себя всё свадебные расходы, но, повторяю, денег, которые мы должны были бы передать ей ко первому требованию, не существует. Тацуо категорически возражает против намерения Кой-сан стать профессиональной модисткой. Он считает, что всё её помыслы должны быть обращены к тому, чтобы выйти замуж за достойного человека и стать примерной женой и матерью. Если ей требуется занятие для души, Тацуо не возражает против того, чтобы она мастерила кукол, но о шитье не может быть и речи.

Что же касается Окубаты, то сейчас, по-видимому, ещё не время думать о его браке с Кой-сан, и поэтому я не стяну касаться этой темы. Скажу лить, что Кой-сан уже взрослый человек и мы не считаем себя вправе вмешиваться в её дела, как это было прежде. Думаю, что при наличии соответствующего контроля с вашей стороны она может время от времени встречаться с Окубатой. Куда большее беспокойство нам внушает её намерение стать модисткой.

Надеюсь, что наша позиция тебе ясна и ты сможешь объяснить её Кой-сан. Мне кажется, все её беды происходят оттого, что она до сих пор не обзавелась семьёй. В этой связи тем более важно поскорее выдать замуж Юкико. Неужели и этот год ничего не изменит в её судьбе?

Хотелось бы ещё о многом тебе написать, но, пожалуй, на этом я закончу. Сердечный привет Эттян и Кой-сан.

Твоя Цуруко.

28 ноября.

— Ну, как тебе правится это письмо? — спросила Сатико. Она дала прочитать его мужу, прежде чем говорить с Таэко.

— Похоже, что в отношении денег между Кой-сан и «главным домом» вышло какое-то непонимание.

— В том-то и дело.

— А самой тебе что-нибудь известно по этому поводу?

— Видишь ли, теперь я уже не могу понять, кто из них прав. Но когда-то я слышала, будто отец оставил Тацуо какую-то сумму для Кой-сан… Может быть, пока не стоит ей ничего говорить?

— Нет, это важный вопрос, и ты должна не откладывая рассказать Кой-сан всё как есть, чтобы у неё не было на этот счёт никаких иллюзий.

— А что ты сказал Цуруко об Окубате? Тебе удалось внушить ей, что он уже не тот милый юноша, каким был когда-то?

— Да, я высказал ей своё мнение о нём. Но у меня сложилось впечатление, что Цуруко не хочет касаться этой темы. Разумеется, я дал ей понять, что Кой-сан исследует с ним встречаться. Я собирался

сказать и о том, что мы против брака с Окубатой, но Цуруко ушла от этого разговора…

— Не кажется ли тебе, что они хотят, чтобы Кой-сан вышла, за Окубату?

— Пожалуй.

— В таком случае тебе, наверное, следовало начать с вопроса об Окубате.

— Не знаю. Тогда они сказали бы, что Кой-сан тем более незачем ехать за границу.

— Да, вероятно, ты прав.

— Во всяком случае, теперь я считаю свою миссию оконченной. Пусть Кой-сан едет в Токио и разговаривает с ними сама.

Зная о неприязни, которую Таэко ещё в большей степени, чем Юкико, питает к «главному дому», Сатико поначалу сомневалась, стоит ли говорить ей всю правду, но Тэйноскэ советовал ничего не скрывать, и на следующий день она всё-таки показала письмо сестре. Реакция Таэко была в точности такой, какую она и предвидела.

— Я уже не маленькая, — вспыхнула Таэко, — и не нуждаюсь в чьих бы то ни было поучениях! Я сама знаю, что мне нужно! Почему женщина не имеет права работать? Наверное, Тацуо и Цуруко всё ещё носятся со своими глупыми амбициями и не могут допустить, чтобы в семье Макиока(!) появилась простая модистка. Ну ничего, раз такое дело, я поеду в Токио и выскажу им всё, что думаю!

Больше всего, однако, Таэко возмутила та часть письма, в которой говорилось о деньгах. Причём, если раньше, обрушиваясь на «главный дом», она имела в виду прежде всего Тацуо, то теперь её гнев был обращён главным образом против Цуруко. Может быть, эта сумма и вправду не записана на её имя, кипятилась Таэко, но она существует. Об этом ей известно со слов тётушки Томинага, да и сама Цуруко когда-то упомянула об этих деньгах. Почему теперь она прикидывается, будто знать ничего не знает? Да это просто бессовестно! Конечно, с тех пор их семья увеличилась, расходы на жизнь возросли, и Тацуо жаль расставаться с этими денежками. Но как могла Цуруко пойти на такую низость? Ну что ж, Таэко не желает оставаться в дураках. Она свои деньги получит!

Таэко плакала, вне себя от обиды и досады, и Сатико не знала, как её успокоить. Должно быть, говорила она, Тэйноскэ просто не сумел

объяснить Цуруко всё как следует. Нельзя приходить в такое отчаяние. Да, всё вышло действительно глупо и обидно, но Таэко не должна терять голову. Она обязана подумать и о них с Тэйноскэ. Разумеется, она может поехать в Токио и высказать сестре с зятем всё, что думает, но делать это нужно спокойно, по-хорошему. Если она затеет свару, они с Тэйноскэ окажутся в очень трудном положении. Ведь не для этого же они всё время её поддерживали…

Сатико пыталась, как могла, образумить сестру, и та, дав выход гневу, со временем успокоилась и уже не заговаривала о поездке в Токио. Как видно, у неё попросту не хватило смелости осуществить свою угрозу. Сёстры больше не возвращались к этому разговору, и всё же в глубине души Сатико испытывала тревогу.

И вот однажды — дело было в середине декабря — Таэко вернулась домой раньше обычного и сказала:

— Я бросила занятия французским.

— Неужели? — спросила Сатико так, будто эта новость не слишком её взволновала.

— И во Францию я тоже не еду…

— Вот как? Мне казалось, ты твёрдо решила ехать… Впрочем, наверное, это к лучшему, ведь в «главном доме» твою затею приняли в штыки.

— Мне безразлично, как относятся к этому в «главном доме». Дело в том, что госпожа Тамаки раздумала ехать.

— Да? А почему?

— Сразу после Нового года в её школе снова начнутся занятия, и у неё нет времени на поездку.

Поначалу, объяснила Таэко, госпожа Тамаки рассчитывала употребить на поездку во Францию время, которое потребуется для ремонта её школы. Однако, как выяснилось, здание настолько пострадало от наводнения, что, по существу, его нужно перестраивать заново, а в условиях нехватки рабочих рук и материалов это и трудно и накладно. Госпожа Тамаки долго ломала себе голову, как быть, и тут вдруг, на её счастье, она узнала, что неподалёку, в Рокко, недорого продаётся европейский домик, который можно без особых затрат оборудовать под школу. Она решила его купить, а раз так, у неё появилась возможность не откладывая возобновить занятия. Это — во-первых. Во-вторых, муж госпожи Тамаки, обеспокоенный положением

в Европе, всячески отговаривает её от этой поездки. Его знакомый, военный атташе, только что вернулся оттуда и рассказывает, что, хотя после сентябрьского совещания в Мюнхене[78] отношения между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, выглядят достаточно дружественными, полного согласия между ними достигнуто не было. Англия ещё не готова к войне и поэтому пошла на некоторые уступки, чтобы усыпить бдительность Германии. Германия, в свою очередь, раскусила замысел англичан и намерена их перехитрить. Одним словом, похоже, войны не избежать, причём она может вспыхнуть в любой момент. Всё это вместе взятое и заставило госпожу Тамаки отказаться от своих планов. А стало быть, и Таэко приходится забыть о поездке в Европу. Но занятия шитьём она оставлять не намерена, что бы ни говорили по этому поводу в «главном доме». Как только школа откроется, она первой начнёт её посещать. Теперь она окончательно поняла, что должна как можно скорее стать на ноги, чтобы освободить Тацуо от необходимости ей помогать. И в этом смысле для неё тем более важно приобрести профессию модистки.

— Тебе-то, Кой-сан, легко рассуждать, но подумай обо мне. Что я скажу Тацуо с Цуруко, если ты не бросишь занятия шитьём?

— Ты можешь сделать вид, будто ничего не знаешь.

— Ты думаешь, это так просто?

— Но ведь я ещё продолжаю заниматься куклами, и ты вполне можешь сказать: похоже, мысли о шитьё она оставила…

— А что, если они узнают правду? Смотри, Кой-сан, смотри…

Настойчивость, с которой Таэко стремилась к материальной независимости, её решимость любой ценой вырвать у «главного дома» причитающиеся ей деньги пугали Сатико. Она понимала, что всё это чревато скандалом, в который поневоле будут втянуты и они с Тэйноскэ. Поэтому в ответ на запальчивые тирады Таэко она повторяла только одно: «Смотри, Кой-сан, смотри…»

24

И всё-таки в чем же кроется истинная причина, побуждающая Таэко во что бы то ни стало приобрести профессию и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь? Если она по-прежнему намерена соединить свою судьбу с Окубатой (а по её словам, это именно так), то зачем ей работать? Таэко говорит, что, выйдя замуж за такого ненадёжного человека, она должна быть готова к тому, чтобы в крайних обстоятельствах иметь возможность его содержать. Но к чему думать о каких-то «крайних обстоятельствах»? Трудно представить себе, чтобы отпрыск столь богатой семьи мог впасть в безысходную нужду. Во всяком случае, вероятность этого слишком ничтожна, чтобы оправдать намерение Таэко обучаться шитью и ехать ради этого за границу. Куда более естественным для неё сейчас было бы думать о том, как поскорее выйти замуж за любимого человека. Спору нет, Таэко, не по летам рассудительная, практичная, привыкла всё обдумывать наперёд, и тем не менее многое в её нынешнем поведении озадачивало Сатико. Она не могла отделаться от мысли, что сестра не любит Окубату и только ищет предлога, чтобы порвать с ним. Если это действительно так, то всё становилось на свои места — и поездка за границу, и стремление Таэко к материальной независимости.

В отношении Итакуры многое для Сатико тоже оставалось неясным. В Асии он больше не появлялся и, насколько ей было известно, не звонил и не писал Таэко. Но из этого ничего не следовало: большую часть времени Таэко проводила вне дома, и они вполне могли встречаться тайком. Судя по тому, что Итакура совсем перестал у них бывать, думала Сатико, дело обстоит именно так. Её подозрения, поначалу смутные и неопределённые, постепенно начали превращаться в уверенность.

С некоторых пор Сатико стала замечать, что в облике сестры, её повадках, речи, манере одеваться, наконец, произошли перемены. В отличие от своих сестёр Таэко всегда держалась несколько раскованно и, мягко говоря, «современно», но в последнее время в ней стало проскальзывать что-то откровенно грубое и вульгарное. Ей ничего не стоило, например, появиться перед сёстрами обнажённой или, не

смущаясь присутствием служанок, усесться перед вентилятором в распахнутом на груди кимоно. После ванны она ходила по дому неприбранная, на циновках сидела развалясь, в самой небрежной позе. Она словно забыла, что садиться за стол и приступать к еде прежде старших сестёр считается неприличным.

Принимая у себя гостей или отправляясь куда-либо с Таэко, Сатико теперь всегда со страхом ждала, какой очередной фортель выкинет её сестра. Во время последней поездки в Киото, когда они пришли в ресторан «Хётэй», Таэко первой ринулась к столику, уселась на место, которое по праву старшинства полагалось занять Юкико, и принялась за еду, не дожидаясь остальных. «Больше я никогда не пойду с ней в ресторан…» — шепнула потом Сатико на ухо Юкико. В другой раз, летом, они всей семьёй отправились в театр «Китано». Во время антракта в буфете Юкико стала разливать чай, Таэко же сидела как ни в чем не бывало и даже не предложила ей свою помощь. Разумеется, она и прежде не могла похвастаться изысканными манерами, но в последнее время её невоспитанность стала бросаться в глаза.

Как-то вечером Сатико проходила по коридору и вдруг обратила внимание на то, что дверь в ванную наполовину раскрыта. Увидев, что там моется Таэко, Сатико велела О-Хару прикрыть дверь.

— Не смей закрывать дверь! — закричала из ванной Таэко.

— Вы нарочно оставили её открытой? — удивилась О-Хару.

— Да. Я слушаю радио.

По радио передавали симфонический концерт, и Таэко желала слушать его, сидя в ванне.

Ещё как-то — кажется, это было в августе, — Сатико пила в столовой чай, когда служанка доложила, что из магазина «Кодзутия» прибыли кимоно для них с Таэко, их принёс сын хозяина. Сатико попросила сестру выйти к нему в гостиную, пока она допьёт чай. Из столовой ей было хорошо слышно, о чем они говорят.

— А вы пополнели, госпожа Таэко, — сказал сын хозяина «Кодзутии». — Это кимоно того и гляди разойдётся у вас на бёдрах по швам.

— Не бойтесь, не разойдётся, — усмехнулась Таэко. — Но вот от поклонников у меня действительно не будет отбою.

— Это точно! — согласился молодой человек и захохотал.

Сатико было отвратительно слушать этот диалог. Она давно уже заметила, что Таэко не очень-то стесняется в выражениях, но ей и в голову не приходило, что её сестра способна опуститься до такого рода шуток. Молодой человек был не из тех, кто позволяет себе фамильярничать с заказчицами, стало быть, Таэко сама спровоцировала его на это. Судя по всему, вне дома она нередко ведёт разговор в такой вульгарной манере.

Что и говорить, Таэко с её многочисленными занятиями и увлечениями (куклы, танцы, шитьё) приходилось общаться с разными людьми и видеть многое из того, о чем её рафинированные сёстры не имели ни малейшего представления. Это внушало ей чувство известного превосходства даже с Сатико она зачастую говорила так, словно та была несмышлёной девочкой. Но если прежде Сатико слушала её со снисходительной улыбкой, то теперь она вдруг поняла, что время умиляться прошло. Она вовсе не хотела уподобляться Цуруко с её старомодными взглядами и предрассудками, но ей было неприятно, что её младшая сестра способна вести разговор в столь развязной манере. Чутьё подсказывало Сатико, что дело не обходится без чьего-то влияния, и стоило ей задуматься над этим, как она стала улавливать в высказываниях и поведении Таэко отголосок грубоватых шуток Итакуры.

И всё же в том, что Таэко стала такой, была не только её вина. Для этого существовали и другие причины. Она была единственной из сестёр, которой не довелось в полной мере ощутить атмосферу довольства и благополучия, некогда царившую в доме Макиока. Она почти не помнила мать, которая умерла, едва Таэко пошла в школу Отец, с его привычкой жить на широкую ногу, ничего не жалел для дочерей. Юкико, хоть и была ненамного старше её, сохранила ясные воспоминания об отце и о тех благодеяниях, которыми он её осыпал, Таэко же в ту пору была слишком мала, чтобы обратить себе на пользу отцовское внимание и щедрость. Взять хотя бы её занятия танцами. Вскоре после смерти матери она их забросила, хотя, намекни она отцу, что ей нравится танцевать, он, конечно же, не поскупился бы пригласить к ней самую лучшую учительницу.

Об отце Таэко помнила главным образом то, что он считал её чумазой дурнушкой, прямой противоположностью другим своим дочерям. По-видимому, так оно и было на самом деле. В те годы она и

впрямь была довольно невзрачным ребёнком и к тому же так одета, что её вполне можно было принять за мальчишку. Как хотелось ей поскорее вырасти, окончить школу и стать такой же красивой и нарядной, как старшие сёстры! Тогда и у неё будет много хорошей одежды! Но осуществиться её мечтам было не суждено: отец умер и процветанию дома Макиока пришёл конец. А вскоре после этого произошла злополучная история с её побегом из дома.

Юкико считала такой финал вполне закономерным для пылкой, впечатлительной девушки, которой не довелось в полной мере изведать родительскую любовь и которая не находила понимания со стороны своих близких. В случившемся, говорила она, нужно винить не столько саму Таэко, сколько обстоятельства её жизни. Ведь она вполне серьёзный и разумный человек. В школе училась не хуже других сестёр, а в математике даже превосходила их…

Но что бы ни говорила Юкико, история с побегом легла несмываемым пятном на репутацию Таэко и не могла не повлиять на её дальнейшую судьбу. Даже Тацуо относился к младшим сёстрам жены далеко не одинаково. Хотя ни с одной из них полного взаимопонимания у него не возникло, к Юкико он всё же питал определённую теплоту, в то время как Таэко всегда была для него отрезанным ломтём, обузой. Он отдавал явное предпочтение Юкико, и это проявлялось во всём — и в размерах ежемесячных денежных пособий, которые каждая из них получала от «главного дома», и в одежде и прочих вещах, которые для них покупались.

Для Юкико давно уже было приготовлено хорошее приданое, Таэко же за всё время не было куплено ни одной стоящей вещи, всё, что у неё было, она либо приобрела на собственные деньги, либо получила в подарок от Сатико. Как видно, в «главном доме» сочли возможным урезать пособие Таэко на том основании, что, в отличие от Юкико, у неё имеется дополнительный источник доходов, и Таэко считала это справедливым. По сути дела, «главный дом» тратил на Таэко чуть ли не вдвое меньше, чем на Юкико.

При том, что Таэко зарабатывала отнюдь не мало, Сатико не переставала удивляться тому, как ей удаётся и одеваться по последней моде, и покупать дорогие украшения, и к тому же ещё регулярно переводить деньги на чековую книжку. (Впрочем, она подозревала, что кое-какие драгоценности перекочевали к ней с витрин ювелирного

магазина Окубата.) По-видимому, она лучше своих сестёр знала цену деньгам. И не потому ли, что в большей степени, чем они, ощутила весь ужас безденежья, когда выяснилось, что их отец разорён?

Опасаясь, что рано или поздно её взбалмошная, легкомысленная сестра попадёт в очередную скандальную историю, Сатико невольно склонялась к мысли, что ей следовало бы жить с семьёй Цуруко. Таэко, разумеется, никогда не согласилась бы на это, да и в «главном доме», как ни странно, не выказывали особого желания принять её в своё лоно. Было бы логично предположить, что после разговора с Тэйноскэ старшие Макиока потребуют, чтобы Таэко немедленно ехала в Токио, где они смогут должным образом за ней присмотреть, однако ничего подобного не случилось. Быть может, Тацуо перестал обращать внимание на пересуды и уже не возражает, чтобы незамужние свояченицы жили в Асии. Известную роль могли играть и соображения материального свойства: для Тацуо, давно уже считавшего Таэко наполовину самостоятельным человеком, было удобнее переводить ей каждый месяц небольшую сумму, нежели принимать её на полное обеспечение. Размышляя об этом, Сатико не столько досадовала на свою младшую сестру, сколько жалела её.

Итак, рассчитывать на то, что проблемами Таэко займётся «главный дом», не приходилось, и Сатико решила ещё раз поговорить с сестрой начистоту.

Прошли новогодние праздники. В школе г-жи Тамаки, судя по всему, возобновились занятия, и Таэко их посещала. Однажды утром, когда она собралась выходить из дома, Сатико окликнула её:

— Что, школа госпожи Тамаки уже открылась?

— Да, — ответила Таэко, надевая туфли в прихожей.

— Мне нужно поговорить с тобой, Кой-сан, — сказала Сатико.

Сёстры прошли в гостиную и сели у камина друг против друга.

— Речь пойдёт не только о твоих занятиях шитьём. Я хочу спросить тебя ещё кое о чем и надеюсь, что ты будешь со мной предельно откровенна.

На лице Таэко играли отблески пламени. Затаив дыхание, она не сводила глаз с горящих поленьев.

— Начнём с Окубаты. Ты по-прежнему намереваешься выйти за него замуж?

Таэко молчала, погруженная в свои мысли. Когда Сатико принялась объяснять ей, чем, собственно, вызван этот вопрос, на глазах у Таэко выступили слёзы…

— Кэй-тян обманывал меня, — утирая слёзы, тихо проговорила она и, всхлипнув, продолжала: — Помнишь, ты в своё время сказала мне, что у него есть какая-то гейша?

— Да, конечно.

— Так вот — это правда…

И Таэко рассказала сестре следующее.

Узнав от Сатико во время того памятного разговора о связи Окубаты с гейшей, Таэко постаралась представить дело так, будто ничего подобного нет и быть не может и она считает всё это досужими сплетнями, на самом же деле это известие глубоко задело её. Она, конечно, знала о пристрастии Окубаты к «весёлых» кварталах, но он просил её не придавать этому значения — дескать, если он когда и наведывается к гейшам, то только потому, что ему опротивела его холостяцкая жизнь, а жениться на Таэко ему не позволяют. Его развлечения в «весёлых» кварталах, уверял Окубата, совершенно невинны. Ну что, спрашивается, предосудительного в том, если он изредка позволит себе выпить чарочку-другую сакэ в обществе гейш?

Таэко верила ему на слово, тем более что, как она и сказала тогда Сатико, в семье Кэй-тяна всё мужчины — и брат его, и дядя — водили дружбу с гейшами. Да и отец самой Таэко вовсе не чурался их общества. Одним словом, Таэко примирилась с тем, что впредь ей придётся закрывать глаза на развлечения Окубаты в чайных домиках, если, конечно, они будут оставаться «совершенно невинными».

Но, как выяснилось, всё уверения Окубаты были бессовестной ложью. Совершенно случайно Таэко узнала, что помимо гейши из квартала Соэмон-тё он поддерживает близкие отношения с некой танцовщицей, у которой даже есть от него ребёнок. Поняв, что Таэко всё известно, он начал оправдываться и выкручиваться: с танцовщицей, мол, он давно уже порвал, что же касается ребёнка, то надо ещё выяснить, кто его отец. Если он в чем-то и виноват, то только в связи с гейшей, сказал Окубата и поклялся никогда впредь с ней не встречаться.

Слушая разглагольствования Окубаты, Таэко поняла, что перед ней человек до крайности непорядочный и бесчестный. Она больше не

верила ему. Допустим, в отношении танцовщицы он не лгал (по-видимому, это было действительно так, потому что Таэко видела расписку танцовщицы в получении отступных), но как она может проверить, порвал он с гейшей или нет? И вообще, где гарантия, что у него нет других любовниц?

Хотя Окубата всячески клялся, что по-прежнему намерен на ней жениться и что чувство, которое он к ней питает, не имеет ничего общего с прошлыми мимолётными увлечениями, Таэко не покидала мысль, что он и с ней может поступить точно так же, как с этими женщинами. Одним словом, она поняла, что больше не любит Окубату. Но решиться на окончательный разрыв с ним ей было непросто. Ведь всё вокруг, в том числе и её сёстры, стали бы говорить: наша Кой-сан так верила Окубате, а он только и знал, что её обманывать. Поэтому Таэко решила временно расстаться с Окубатой и хорошенько всё обдумать. Таким образом, предположения Сатико относительно того, зачем сестре понадобилось ехать за границу и заниматься шитьём, оказались верны.

Итак, в глубине души Таэко была уже готова к разрыву. Но тут произошло наводнение. До той поры она видела в Итакуре — как бы это лучше выразиться? — всего лишь преданного слугу, не более того, но после наводнения её отношение к нему неожиданно изменилось. Конечно, Сатико вольна считать её легкомысленной и ветреной, но она не представляет себе, что значит быть спасённой в тот момент, когда никакой надежды выжить, казалось бы, уже нет. Кэй-тян утверждает, что поступок Итакуры не был бескорыстным. Пусть так, но ведь, спасая её, он и в самом деле рисковал жизнью. А как повёл себя в тот день Кэй-тян? Не говоря уж о том, что ему даже в голову не пришло поспешить ей на помощь, он не счёл возможным хотя бы на словах выразить ей сочувствие. В тот самый день в её сердце порвались последние тоненькие нити, связывавшие её с Окубатой.

Сатико, должно быть, помнит, что он появился в Асии лишь после того, как возобновилось движение поездов. Не застав Таэко дома и якобы беспокоясь о ней, он отправился её разыскивать, однако, испугавшись воды, не рискнул идти дальше Танаки и решил заглянуть к Итакуре, а узнав от него, что Таэко жива и невредима, сразу же поспешил к себе в Осаку.

Окубата явился к Итакуре в щегольском костюме, в панаме, с тросточкой в руке и фотоаппаратом через плечо. Нечего сказать, нашёл время для развлекательной прогулки. И как только этот франт не побоялся, что его поколотят за столь неуместный наряд! Ясно, что и вернулся-то он с полдороги главным, образом из опасения запачкать свой костюм. И это при том, что всё остальные мужчины — и Тэйноскэ, и Итакура, и Сёкити — были в грязи с ног до головы. Ну хорошо, положим, барахтаться в грязи, да ещё в новом костюме, действительно неприятно. Но как мог он не проявить к ней элементарного человеческого участия? Если бы он действительно тревожился о ней, то, узнав от Итакуры, что ей пришлось пережить, он наверняка появился бы в тот вечер в Асии, хотя бы для того, чтобы просто её увидеть. Ведь он обещал Сатико зайти снова, и Сатико его ждала, не допуская и мысли, что может быть иначе. А он поговорил с Итакурой и, как видно, решив, что тем самым свой долг выполнил, не стал больше себя утруждать. Верно говорят, что люди познаются в беде, Таэко была готова многое ему простить: и мотовство, и легкомыслие, и безответственность, — но если человеку складка на брюках дороже будущей жены, о чем вообще, говорить?

25

По щекам Таэко катились слёзы, она то и дело всхлипывала, но говорила спокойно и уверенно, не упуская из виду даже малейших подробностей. Когда же речь зашла об её отношениях с Итакурой, Таэко перешла на более сдержанный тон.

На вопросы сестры она отвечала односложно, а то и вовсе уклонялась от ответа, ставя Сатико перед необходимостью строить те или иные догадки. Но так или иначе, в конце концов Сатико смогла составить более или менее точное представление, о том, как складывались отношения Таэко с Итакурой.

Итак, постепенно Таэко стала замечать, что Итакура во многих отношениях выгодно отличается от Окубаты и что сама она смотрит на него уже иными глазами, чем прежде.

Но, хотя она всегда и подсмеивалась над чванством Цуруко и Тацуо, такие вещи, как происхождение и престиж не были совсем безразличны и для неё, и она старалась, как могла, сдерживать свои чувства. Рассудком она понимала, что Итакура ей не пара, но сердцем всё больше тянулась к нему. Нет, она не потеряла голову от любви — не такой у неё характер. Наоборот, наученная горьким опытом с Окубатой, она всё хладнокровно и тщательно обдумала и, взвесив всё «за» и «против», пришла к выводу, что сможет быть счастлива, лишь выйдя замуж за Итакуру.

Это признание ошеломило Сатико: хотя она о многом догадывалась, ей в голову не приходило, что сестра может всерьёз думать о браке с Итакурой.

Таэко отнюдь не закрывала глаза на недостатки своего избранника: она прекрасно знала, что Итакура не может похвастаться ни солидным образованием, ни воспитанием, что он выходец из семьи мелкого крестьянина-арендатора, что в прошлом он был мальчиком на побегушках в магазине семейства Окубата, что ему, наконец, присущи грубоватость и неотёсанность, свойственные переселенцам, из Америки.

Всё это так, но по своим человеческим качествам Итакура на несколько голов выше избалованного Окубаты. Он сильный и смелый,

он из тех, кто, не раздумывая, бросится в огонь, если нужно. А главное — он в состоянии обеспечить себя, и не только себя, но и сестру, не то, что Окубата, который только и умеет, что тянуть деньги из матушки и брата. Итакура рискнул отправиться в Америку, не имея ни гроша за душой, и добился цели — освоил ремесло фотографа. Занятие художественной фотографией — дело совсем не простое, и, если он сумел утвердиться на этом поприще, значит, ума и способностей ему не занимать.

И вообще, Таэко убедилась, что Итакура во многих вопросах разбирается гораздо лучше Окубаты с его университетским дипломом. Такие вещи, как родовитость, богатство и дипломы, уже не прельщают Таэко. Окубата — наглядное свидетельство тому, что сами по себе они ничего не стоят. Нет, теперь у неё выработался реалистический взгляд на жизнь. В мужчине, с которым она хотела бы соединить свою судьбу, для неё важны в первую очередь физическая сила и выносливость, владение каким-нибудь ремеслом и способность пожертвовать жизнью ради любимой женщины. Всё остальное не имеет для неё никакого значения. Итакура полностью отвечает её требованиям. Кроме того, Таэко прельщает ещё одно обстоятельство: на родине у Итакуры осталось три старших брата, так что он полностью свободен от каких бы то ни было обязательств перед своей семьёй. (Сейчас с ним живёт сестра, но после женитьбы он намерен отправить её в деревню к родителям.) Таким образом, всё заботы и вся любовь Итакуры будут отданы ей, Таэко. А это значит для неё куда больше, чем возможность породниться со сколь угодно знатной и состоятельной семьёй.

Итакура, с его острым чутьём, довольно скоро догадался о чувствах Таэко — это было ясно по его обращению с ней, — но объяснение между ними произошло сравнительно недавно. Это случилось в начале сентября, когда Сатико была в Токио, а Окубата потребовал, чтобы они прекратили всякое общение. Им нужно было договориться, как вести себя дальше, и тогда Таэко впервые открыла Итакуре свои чувства. Таким образом, своими преследованиями Окубата лишь способствовал сближению Таэко и Итакуры.

Слушая Таэко, Итакура, казалось, не верил своим ушам. Возможно, это была всего лишь поза, но, скорее всего, он действительно ничего подобного не ожидал. Он сказал Таэко, что даже в самых дерзких мечтах не смел надеяться на такое счастье, но,

поскольку всё это произошло так неожиданно, ему нужно несколько дней, чтобы всё хорошенько обдумать. То есть, поспешил поправиться он, что касается его собственных чувств, то тут всё ясно, но не станет ли Кой-сан впоследствии жалеть, что решилась на этот шаг?

Если они поженятся, продолжал Итакура, он не сможет больше бывать в доме Окубаты, а от Кой-сан, возможно, отрекутся её родственники не только в Токио, но и в Асии. Не исключено, что они станут объектом всеобщего любопытства и порицания. Его, Итакуру, это нисколько не страшит, но готова ли Кой-сан к подобному испытанию?

О нём наверняка будут говорить: вот-де ловкий малый, сумел окрутить девушку из благородной семьи. Досаднее всего, что именно так расценит всё это Кэй-тян. Впрочем, возразил сам себе Итакура, Кэй-тяна всё равно не переубедить, и к тому же если он и считает себя кому-либо обязанным в этой семье, то как раз не Кэй-тяну, а его родителям и брату. Кэй-тян, конечно же, придёт в бешенство, узнав о его женитьбе на Таэко, но его матушка и брат, наверное, даже обрадуются. У Итакуры сложилось впечатление, что они по-прежнему не желают брака Кэй-тяна с Таэко. Короче говоря, поколебавшись для виду, Итакура в конце концов согласился, что то, о чем говорит Таэко, не так уж и невозможно.

Молодые люди выработали план действий: своё решение пожениться они до времени будут хранить в тайне, а сейчас надо как можно скорее, расторгнуть помолвку Таэко с Окубатой. Причём горячку пороть не следует, надо постараться сделать так, чтобы инициатива исходила от Окубаты, — пусть он сам откажется от женитьбы на Кой-сан. В этом смысле, поездка Таэко за границу была бы как нельзя более кстати. Что же касается их женитьбы, то с этим, возможно, придётся повременить года два, а то и три. Нам необходимо твёрдо стать на ноги, а для этого Таэко должна в совершенстве овладеть профессией модистки.

Жизнь, однако, внесла в эти планы существенные поправки.

«Главный дом» недвусмысленно дал понять, что не позволит Таэко ехать во Францию, к тому же изменились планы и у г-жи Тамаки. Между тем Окубата преследовал Таэко буквально по пятам, отчасти, по-видимому, для того, чтобы досадить Итакуре. Было совершенно ясно, что он не оставит Таэко в покое. Если бы она уехала,

во Францию, рассуждала Таэко, и написала оттуда Окубате, что просит предоставить ей свободу, он рано или поздно, наверное, смирился бы. Но теперь, когда Таэко вынуждена отказаться от этой поездки, он, конечно же, решит, что она осталась из-за Итакуры, и станет докучать ей пуще прежнего.

Далее. Находясь вдали от родины полгода, даже год, она сумела бы выдержать разлуку с Итакурой, но знать, что любимый человек находится рядом, и не видеться с ним — выше её сил. В таком случае, у них остаётся единственный выход — перестать таиться от Окубаты и всех остальных и, не задумываясь о последствиях, пожениться. Если их сейчас что-то и останавливает, то только два обстоятельства: во-первых, ни она, ни Итакура пока не располагают материальными возможностями для вступления в брак, и, во-вторых, Таэко не хочет, чтобы из-за её брака с Итакурой, который, безусловно, вызовет всеобщее осуждение, пострадала Юкико. Поэтому они намерены ждать со своей женитьбой до тех пор, пока не решится судьба Юкико.

— Значит, ни о чем конкретном пока ещё речь не идёт?

— Нет…

— Это правда?

— Да. Ни о чем конкретном речь пока не идёт.

— Ты можешь обещать мне, что ещё раз хорошенько подумаешь, прежде чем предпринять тот или иной практический шаг?

Таэко не ответила.

— Послушай, Кой-сан… Ведь я не смогу глядеть людям в глаза. Что я скажу Цуруко и Тацуо?..

Голос Сатико дрожал от волнения, ей казалось, будто под ногами у неё разверзлась пропасть. Таэко же была на удивление спокойна.

26

В последующие дни, как только Тэйноскэ и Эцуко уходили утром из дома, Сатико звала сестру в гостиную, пытаясь выяснить, насколько твёрдо та всё для себя решила.

Сатико была готова пойти на любой компромисс, лишь бы заставить Таэко отказаться от брака с Итакурой. Какова бы ни была реакция «главного дома», говорила Сатико, они с Тэйноскэ поддержат её в намерении порвать с Окубатой и, если понадобится, постараются сделать так, чтобы он оставил её в покое. Что касается занятий Таэко шитьём, то, хотя им трудно открыто принять её сторону, они не станут чинить ей никаких препятствий. Они не будут возражать даже против того, чтобы она стала модисткой. Наконец, они готовы — не сейчас, но со временем — добиться, чтобы Таэко получила от старшей сестры с зятем причитающиеся ей деньги.

В ответ на это Таэко заявила, что может пойти лишь на одну-единственную уступку — подождать с замужеством до тех пор, пока не будет просватана Юкико, однако она надеется, что это время не за горами.

Сатико не сдавалась. Даже если оставить в стороне вопрос о родословной и положении в обществе, говорила она, Итакура не тот человек, которому можно безоговорочно верить. Да, он действительно сумел выбиться в люди и этим выгодно отличается от избалованных барчуков вроде Окубаты, но при всём при том — возможно, ей не следует этого говорить — в нём чувствуется хитрость и изворотливость человека, слишком искушённого в жизни. Таэко уверяет, что он умён, но ей, Сатико, кажется, что его самодовольство и мелкое тщеславие свидетельствуют как раз об обратном. Нет, Итакура достаточно прост и примитивен, а его вкусы и воспитание оставляют желать лучшего. Спору нет, он хороший фотограф — ну и что же? Для этого требуются всего лишь профессиональное чутьё и соответствующие навыки.

Сейчас Кой-сан отказывается видеть в нём какие-либо недостатки, но она, Сатико, советует ей ещё раз как следует обо всём поразмыслить. Насколько ей известно, подобные браки распадаются

довольно скоро Честно говоря, она просто не в состоянии понять, как Кой-сан, с её умом, могла выбрать себе в мужья такого недалёкого человека. Да она и оглянуться не успеет, как разочаруется в нём. Итакура занятный собеседник, этого у него не отнимешь, но выносить его болтовню больше часа она, Сатико, например, не в силах.

Да, согласилась Таэко, выслушав сестру, Итакуре в самом деле свойственна, некоторая хитрость и изворотливость, но этому научила его жизнь. И потом, он вовсе не такой ловкач, каким кажется, — в глубине души он простодушен и бесхитростен. Да, он не прочь прихвастнуть, и многие недолюбливают его за это, но разве это опять-таки не доказывает, что в душе он наивен, как ребёнок? Да, возможно, ему не хватает хороших манер, возможно, его вкусы оставляют желать лучшего. Сатико может не беспокоиться: она не хуже её знает о его недостатках. Но она и не требует от него изысканного вкуса и необыкновенного ума. Пусть Итакура недалёк, пусть болтлив, он вполне устраивает её такой, какой есть.

Что же касается его невысокого происхождения, то Таэко склонна усматривать в этом даже некое преимущество — с таким человеком проще иметь дело и меньше хлопот. Итакура — да будет Сатико известно — считает для себя великой честью жениться на ней. А его родные — и сестра, и родители, и братья, — узнав, что он берёт в жены девушку из такой хорошей семьи, чуть не плакали от радости. Когда Таэко бывает в доме Итакуры в Танаке, они с сестрой не знают, куда её усадить. Итакура постоянно одёргивает сестру: не смей, мол, фамильярничать с Кой-сан, в прежние времена тебе вообще не полагалось бы находиться с ней в одной комнате.

Судя по всему, такое отношение со стороны Итакуры льстило самолюбию Таэко. Слушая сестру, Сатико без труда представляла себе, с каким торжествующим видом Итакура разглагольствует о том, что собирается жениться на девушке из дома Макиока. Несмотря на договорённость хранить в тайне их намерение пожениться, он уже успел растрезвонить об этом своим деревенским родственникам, с неприязнью подумала она.

И всё-таки обещание Таэко не спешить с замужеством в какой-то мере успокаивало Сатико. Пока удастся просватать Юкико, пройдёт не меньше полугода. Стало быть, время ещё терпит. Запретами и угрозами всё равно ничего не добьёшься — Таэко может лишь

взбунтоваться. Нет, решила Сатико, надо терпеливо, исподволь убеждать Таэко в абсурдности её решения. А пока что пусть делает что хочет.

Но как нехорошо всё складывается для бедной Юкико! Своим решением ждать, пока Юкико выйдет замуж, Таэко фактически ставит её в зависимое положение, а это наверняка будет Юкико неприятно. После истории с газетой, которая, безусловно, сыграла определённую роль в том, что Юкико до сих пор не замужем, ей не за что испытывать благодарность к Таэко. Но она, конечно же, никогда не скажет ничего подобного. Наоборот, она будет уверять, что ничуть не в обиде на Таэко за ту давнюю историю, что такой пустяк не мог повлиять на её судьбу и что Таэко нет нужды откладывать из-за неё свою свадьбу. Таэко, со своей стороны, тоже ни словом, ни намёком не даст Юкико почувствовать, будто та ей чем-то обязана, и всё же факт остаётся фактом: Таэко досадует на сестру за то, что та никак не может выйти замуж. При всей своей молодости Таэко никогда не решилась бы на побег с Окубатой, будь Юкико в ту пору уже просватана. Хотя Юкико и Таэко никогда не ссорились между собой, было совершенно очевидно, что их отношения чреваты конфликтом.

До сих пор Сатико никого не посвящала в тайну отношений сестры с Итакурой, пыталась во всём разобраться сама, но теперь она чувствовала, что дальше уже не в силах одна нести бремя этой тайны. До сих пор она всегда и во всём выступала на стороне Таэко, не только сочувствовала ей, но и помогала всем, чем могла. В своё время она поддержала Таэко в её намерении заниматься куклами, помогла ей обзавестись студией, она не препятствовала её встречам с Окубатой, и, наконец, она считала своим домом лишний раз замолвить за неё словечко перед «главным домом». И вот награда за всё.

Впрочем, думала Сатико, возможно, именно благодаря её вмешательству дело не приняло худшего оборота — кто знает, какой ещё скандал мог бы разразиться. Но так считает одна Сатико. А всё вокруг, включая сестру с зятем, могут придерживаться иного мнения на этот счёт. Более всего Сатико опасалась, что когда очередной претендент на руку Юкико примется наводить справки об их семье, нынешний роман Таэко обязательно всплывёт наружу. Сатико не знала, как далеко зашла Таэко в своих отношениях с Итакурой, но ей было ясно одно: постороннему человеку поведение Таэко может показаться

весьма предосудительным. Репутация Юкико безупречна, это известно всем, и семье Макиока было бы нечего опасаться, если бы не Таэко: она всегда на виду и всегда даст пищу для слухов. Возможно даже, кое-кто из знакомых знает о Таэко куда больше, чем её близкие.

С прошлой весны Юкико не получила ни одного предложения, хотя Сатико просила всех, кого только могла, подыскать для неё подходящую партию. Уж не потому ли, что опять пошли слухи о Таэко? Если так, то необходимо что-то предпринять. Пока люди шушукаются у них за спиной, ещё полбеды, но если эти разговоры дойдут до «главного дома», отвечать за всё придётся Сатико. Да и Тэйноскэ, и Юкико наверняка спросят у неё, почему она так долго молчала. К тому же с помощью Тэйноскэ и Юкико ей было бы, наверное, проще отговорить Таэко от брака с Итакурой.

Однажды вечером — дело было в конце января, — когда Тэйноскэ, сидя в своём кабинете, просматривал свежий номер журнала, к нему вошла Сатико, всем своим видом показывая, что разговор предстоит серьёзный.

— Та-ак, и когда, же они всё это решили? — спросил Тэйноскэ, выслушав жену.

— Ещё осенью, когда я была в Токио. Похоже, Итакура приходил сюда чуть ли не каждый день…

— Ты хочешь сказать, что в этом есть доля моей вины?

— Нет. Но неужели ты ничего не замечал?

— Ровным счётом ничего… Впрочем, мне давно уже кажется, что он держится с Кой-сан более фамильярно, чем следовало бы.

— Он со всеми так держится, не только с Кой-сан.

— Да, пожалуй.

— А как он вёл себя во время наводнения?

— Как настоящий мужчина. Кой-сан была до глубины души тронута его преданностью.

— И всё же, как она могла увлечься Итакурой? Неужели она не видит, какой он неотёсанный и вульгарный? Стоит мне заговорить об этом, как она сразу же встаёт на дыбы и принимается перечислять его добродетели. Какой-то бред, да и только… Конечно, она ещё плохо знает жизнь, и таким, как Итакура, ничего не стоит обвести её вокруг пальца.

— Нет, она знает, на что идёт. Я думаю, она видит всё его недостатки, но для неё важнее другое, а именно то, что на Итакуру можно положиться. Что ж, она смотрит на вещи вполне реалистически.

— Вот-вот, именно так она и выразилась…

— Разве она не права?

— Так что же, ты хочешь сказать, что ей следует выходить за Итакуру?

— Едет, этого я не хочу сказать, но если из двух зол выбирать меньшее, то Итакура — меньшее зло, чем Окубата.

— А по-моему, совсем наоборот!

Сатико никак не предполагала, что они с мужем настолько разойдутся в своих оценках. Нет, она ничуть не симпатизировала Окубате (в том, что он не достоин ни малейшей симпатии, её убедил никто иной, как Тэйноскэ), и всё же в роли зятя он устраивал её больше, чем Итакура. Каким бы распущенным, никчёмным, беспутным он ни был, Окубата — выходец из старинной семьи, которую Сатико знала с детства. Хорош он или плох, он — человек их круга. Разумеется, вздумай Таэко выйти за него замуж, они натолкнулись бы на множество преград, но по крайней мере им не пришлось бы стыдиться людей. Став женой Итакуры, Таэко в глазах всех без исключения будет выглядеть посмешищем, да и только. Конечно, сам по себе Окубата отнюдь не тот человек, за которого Сатико мечтала бы выдать сестру, но она была готова всячески приветствовать этот брак, лишь бы не допустить брака с Итакурой.

Тэйноскэ же старался быть объективным в своих суждениях. Если отвлечься от вопроса о происхождении, говорил он, то Окубата, по его мнению, ничем не лучше Итакуры. Кой-сан абсолютно права. Каковы требования женщины к мужу? Чтобы он её любил, чтобы был выносливым и крепким и чтобы мог самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Если Итакура отвечает всем этим требованиям, стоит ли говорить о происхождении и воспитании? Дело вовсе не в том, что Итакура ему нравится, просто если выбирать между ним и Окубатой, то преимущество окажется на стороне Итакуры. Разумеется, «главный дом» никогда не согласится на этот брак, и Тэйноскэ не собирается из-за этого ломать с Тацуо копья. Но он понимает Кой-сан не из тех, кто безропотно согласится выйти замуж за того человека, которого ей

укажут родственники. Она должна сделать выбор сама, иначе попросту не сможет быть счастлива. Кой-сан прекрасно это сознаёт, и поэтому им с Сатико лучше не вмешиваться. Юкико — та не способна самостоятельно плыть по житейскому морю. Без их заботы и помощи ей никак не обойтись. И они должны приложить всё старания, чтобы найти для неё подходящего человека, из хорошей семьи и с соответствующим достатком. Другое дело Таэко — в любой ситуации она сумеет за себя постоять.

Откровенно изложив жене свою точку зрения, Тэйноскэ попросил, чтобы этот разговор остался между ними. На сей раз он намерен занять позицию стороннего наблюдателя и ни во что не вмешиваться.

— Но почему?

— Видишь ли… Кой-сан — человек сложный, — с запинкой произнёс Тэйноскэ. — Я не могу понять её до конца…

— Это верно… Я всегда и во всём старалась ей помочь, иной раз даже ставила себя в нелепое положение. И вот теперь получить такой удар в спину…

— Ничего не поделаешь, такой уж у неё характер. Но, может быть, именно в этом и заключается привлекательность её натуры…

— Она должна, обязана была сказать обо всём этом раньше. Подумать только, как ловко она меня обманывала! Нет, этого я ей не прощу, никогда не прощу…

В минуты гнева Сатико напоминала капризного ребёнка. Глядя на раскрасневшееся от обиды и досады лицо жены, на брызжущие у неё из глаз слёзы, он всегда живо представлял себе, как она в детстве ссорилась со своими сёстрами.

27

Сатико всё чаще с тревогой думала о Юкико, тоскующей в Токио и такой беспомощной в сравнении со своей младшей сестрой, привыкшей поступать, как ей вздумается, не считаясь с тем, что скажут люди и к каким последствиям это может привести.

В сентябре в Токио, провожая Сатико, Цуруко просила её сделать всё возможное, чтобы поскорее выдать Юкико замуж, ведь следующий год по гороскопу был для неё несчастливым. И Сатико надеялась, что до наступления нового года или хотя бы до праздника Сэцубун непременно поступит какое-нибудь предложение, но, увы, — этого не произошло. Если её предположения верны и виною всему — слухи о легкомыслии Таэко, думала Сатико, значит, ответственность за это лежит и на ней самой.

Зная, что Юкико, как никто другой, способна понять её тревогу и озабоченность в связи с делами Таэко, Сатико давно уже подумывала, о том, чтобы вызвать сестру в Асию, и если она до сих пор не сделала этого, то только потому, что боялась причинить ей боль. Однако до бесконечности держать Юкико в неведении тоже было невозможно: слухи могли дойти до неё каким-нибудь окольным путём. После того как Тэйноскэ, на помощь которого так рассчитывала Сатико, занял столь неожиданную для неё позицию, ей было не с кем посоветоваться, кроле Юкико. Одним словом, Сатико ждала, лишь подходящего случая, чтобы залучить сестру в Асию. И такой случай вскоре представился — Сатико получила открытку, извещавшую о концерте в память Саку Ямамура.

Вечер
старинных танцев
в стиле «Ямамура»,
посвящённый памяти Саку Ямамура,
состоится 21 февраля 1939 г, в 1 час дня
в концертном зале универмага «Мицукоси»,
ул. Корайбаси.

Программа:
«Благоухающие рукава» («Элегия»),
«Трава наноха»,
«Чёрные волосы»,
«Глиняная ступка»,
«Ясима», «Подарок из Эдо»,
«Птицы из Мияко»,
«Восемь прекрасных видов»,
«Луна воспоминаний»,
«Девушка у колодца» и другие.

Порядок танцев может быть изменён.
Программу с именами, исполнительниц
можно получить в день концерта.
Вход бесплатный
по пригласительным билетам.
Заявки принимаются в письменном виде
до 19 февраля.
Просьба вложить в конверт
открытку с обратным адресом,
которая после регистрации
будет служить пригласительным билетом.
«Дочери Осаки»
(ученицы Саку Ямамура),
общество «Осака».

Это извещение Сатико сразу же отослала в Токио, приложив к нему два письма — для Цуруко и Юкико.

Цуруко она написала, всего несколько слов: всё это время она не переставала надеяться, что для Юкико сыщется какая-нибудь хорошая партия, но вот уже февраль, а дело по-прежнему не сдвинулось с места. Никаких особых причин для приезда Юкико в Асию, таким образом, нет, но всё они очень соскучились по ней, да и самой Юкико, должно быть, захочется с ними повидаться. Не могли бы Цуруко и Тацуо ненадолго отпустить её в Асию? В конце февраля в Осаке

состоится вечер танцев в стиле «Ямамура». В нём примет участие и Кой-сан. Ей будет очень приятно, если Юкико увидит её выступление.

Письмо к Юкико было более подробным.

По нынешним временам, писала Сатико, такие танцевальные вечера — большая редкость, и она хочет, чтобы Юкико непременно присутствовала на концерт.

Кой-сан, давно уже забросившая занятия танцами, поначалу отказалась в нём участвовать, но потом всё же согласилась, учитывая, что другой такой случай может не представиться. К тому же ей хотелось почтить память своей покойной учительницы. Одних словом, будет очень обидно, если Юкико упустит такую возможность. На этом вечере Кой-сан исполнит свой прошлогодний номер — «Снег». Приготовить что-либо новое она уже не успеет. Но вот наряд на ней будет другой, не тот, что в прошлый раз. Недавно Сатико заказала у «Кодзутии» кимоно с нежным, неброским рисунком, оно пришлось как нельзя кстати. Сейчас Кой-сан репетирует с одной из лучших учениц покойной Саку Ямамура, которая открыла собственную студию в районе Симмати. Кой-сан каждый день ездит к ней в Осаку. Кроме того, она не оставляет работы над куклами, так что каждый её день заполнен до предела.

Сатико тоже не сидит без дела — ей пришлось разучить мелодию «Снега» на кото. Конечно, полагалось бы аккомпанировать Кой-сан на сямисэне, но для этого Сатико не хватает умения. Кой-сан так усердно готовится к предстоящему выступлению, что бранить её язык не поворачивается, но в последнее время она причинила Сатико немало огорчений. Впрочем, писать об этом ей не хочется, лучше она всё расскажет Юкико при встрече. Эцуко, сообщалось далее в письме, с нетерпением ждёт приезда Юкико и говорит, что на сей раз она непременно должна посмотреть выступление Кой-сан…

Ни Цуруко, ни Юкико не откликнулись на эти письма. В Асии решили, что Юкико, как и в прошлый раз, приедет без предупреждения. И правда: одиннадцатого февраля, в День основания Империи, когда Таэко в гостиной репетировала свой танец, у входной двери неожиданно раздался звонок.

— Это Юкико! — воскликнула Эцуко и первой бросилась в прихожую.

— Входите, пожалуйста. С приездом вас! — приветствовала Юкико поспешившая вслед за девочкой О-Хару. — Всё как раз дома.

* * *

Из гостиной была вынесена вся мебель, за исключением дивана, ковёр скатан и подвинут к стене. Посреди комнаты, подняв над головой зонтик, стояла Таэко в коричневато-лиловом кимоно с узором в виде припорошенных снегом веток сливы и магнолии (именно о нём упоминала в своём письме Сатико), со старинной причёской, украшенной розовой лентой. В углу на подушке сидела Сатико, склонившись над кото, — его лакированная поверхность была расписана цветами хризантем.

— Я так и подумала, что у вас идёт репетиция, — сказала Юкико, приветствуя глазами Тэйноскэ. Он сидел на диване в зимнем кимоно, из-под которого выглядывало тёплое нижнее бельё. — Звуки кото слышны ещё с улицы.

— А мы как раз говорили о тебе, приедешь ты, нет ли… — произнесла Сатико, опустив пальцы на струны.

Юкико была бледна и казалась усталой с дороги, но от внимательного взгляда Сатико не ускользнуло, как просветлело её лицо, едва она вошла в гостиную. И впрямь — такая задумчивая и грустная на вид, Юкико любила, когда в доме празднично и оживлённо.

— Сестричка, ты приехала «Ласточкой»?

Оставив вопрос племянницы без ответа, Юкико обратилась к сестре:

— Это у тебя парик, Кой-сан?

— Да. Его как раз сегодня принесли.

— Он очень тебе идёт.

— Мы заказали его на двоих, — объяснила Сатико. — Я тоже рассчитываю время от времени в нём красоваться.

— И ты можешь его поносить, если хочешь.

— Ну да, например, в день свадьбы.

— О чем ты говоришь! — весело откликнулась Юкико. — Я в нём утону.

У Юкико и в самом деле была очень маленькая головка, хотя обилие волос делало это незаметным.

— Ты приехала как раз вовремя, Юкико, — сказал Тэйноскэ. — Сегодня Кой-сан получила парик, и мы попросили её исполнить свой танец для нас в полном убранстве. К тому же я не уверен, что смогу выбраться на концерт двадцать первого, ведь это вторник.

— Эцуко, к сожалению, тоже не сможет пойти: она будет в школе.

— А почему они не устроили этот вечер в воскресенье?

— Наверное, чтобы не привлекать к нему особого внимания. Сейчас не те времена…

— Ну что ж, — сказала Таэко, взяв зонтик в правую руку, — давай продолжим, сестрица?

— Нет, нет, — воскликнул Тэйноскэ, — вы должны начать сначала!

— Пожалуйста, Кой-сан, — подхватила Эцуко, — станцуй ещё раз для Юкико.

— Но не будет ли это слишком утомительно для Кой-сан?

— Ничего, лишний раз повторить невредно, — сказала Сатико. — Правда, я совсем здесь закоченела.

— Я принесу вам грелку, — предложила О-Хару. — Вы сразу же согреетесь.

— Ну что ж, пожалуй.

— Тогда я объявляю перерыв. — Таэко положила зонтик на пол и, придерживая подол, мелкими шажками засеменила к дивану. — Нельзя ли попросить у вас сигарету, братец?

Тэйноскэ протянул ей пачку «Gelbe Sorte», и Таэко закурила.

— А я пойду умоюсь, — сказала Юкико и направилась в ванную.

— Вы поглядите, Юкико так и сияет, — заметила Сатико. — Послушай, ты должен сегодня повести нас всех куда-нибудь ужинать. Надо же отметить приезд Юкико. Да и Кой-сан вполне заслужила угощение.

— Вот как? Значит, мне предстоит сегодня раскошелиться?

— Думаю, это твоя прямая обязанность. В любом случае у тебя нет выбора, я распорядилась, чтобы дома к ужину ничего не готовили.

— Я с удовольствием поужинаю в каком-нибудь ресторане, — сказала Таэко.

— Куда же нам пойти: к «Ёхэю» или в «Ориентал грилл»?

— Меня устраивает и то и другое. Нужно спросить Юкико.

— Наверное, она соскучилась по хорошей рыбе.

— В таком случае мы выпьем по бокалу белого вина и отправимся к «Ёхэю», — решил Тэйноскэ.

— Я постараюсь, чтобы мой танец вам понравился, а то ещё, чего доброго, не возьмёте меня с собой.

Увидев вошедшую с грелкой О-Хару, Таэко притушила в пепельнице сигарету, поднялась с дивана и стала оправлять на себе кимоно.

28

Весь месяц Тэйноскэ был занят делами, связанными с ликвидацией одной компании, и поэтому отнюдь не был уверен, что сможет пойти на концерт. И всё же утром двадцать первого числа он позвонил Сатико со службы и попросил её на всякий случай сообщить, в какое время начнётся выступление Таэко. В половине третьего Сатико ему сообщила, что Таэко будет выступать следующим номером. Если он хочет успеть к её выходу, ему следует поторопиться.

Тэйноскэ направился уже к двери, но тут к нему явился неожиданный посетитель. Деловой разговор между ними затянулся, и спустя полчаса в кабинете Тэйноскэ снова зазвонил телефон. На сей раз это была О-Хару: барыня просила передать, что до выхода Кой-сан осталось несколько минут. Второпях выпроводив посетителя, Тэйноскэ вскочил в лифт, мгновенно пересёк улицу и вбежал в универмаг «Мицукоси». Концертный зал находился на восьмом этаже. Когда Тэйноскэ вошёл в зал, Таэко уже была на сцене.

Зная от Сатико, что число приглашённых на концерт в основном родственниками участниц, членами общества «Осака» и читателями издаваемого этим обществом журнала, Тэйноскэ полагал, что зрителей окажется не так много. Между тем зал был почти полон, а кое-кто даже стоял в проходе — как видно, люди истосковались по зрелищам, и многие пустили в ход свои связи, чтобы раздобыть пригласительный билет.

Не теряя времени на поиски свободного места, Тэйноскэ присоединился к стоящим в проходе и устремил взгляд на сцену. Но тут его внимание, привлёк какой-то человек с фотоаппаратом, сидевший в последнем ряду, всего в двух метрах от него. Это был, без сомнения, Итакура. Тэйноскэ поспешил ретироваться в дальний угол, откуда время от времени украдкой поглядывал на молодого человека. Тот, почти не отрываясь от объектива, щёлкал своим фотоаппаратом. На нём было пальто с высоко поднятым воротником. По всей видимости, он нарочно так оделся, чтобы его не особенно узнавали, но эффект получился как раз противоположный: в своём экстравагантном,

в стиле артистической богемы, пальто, как видно, привезённом из Америки, он невольно привлекал внимание присутствующих.

Таэко танцевала вполне хорошо, без явных огрехов и сбоев. Однако то ли из-за длительного перерыва в занятиях, то ли потому, что она впервые выступала на настоящей сцене, перед большой аудиторией (до сих пор ей доводилось танцевать лишь на импровизированной сцене в гостиной госпожи Камисуги и у себя дома в Асии), её движения казались несколько скованными, им не хватало свободы.

Предвидя возможные затруднения и понимая, что успех её танца будет во многом зависеть от музыкального сопровождения, Таэко попросила, чтобы сегодня ей аккомпанировала дочь кэнгё Кикуоки, у которого в своё время Сатико обучалась игре на кото. Но какое бы волнение и робость ни испытывала Таэко в душе, внешне это никак не проявлялось. Она держалась уверенно и хладнокровно, как будто танец готовился не один месяц и ей не впервой выступать при таком стечении публики.

Это поразительное спокойствие свояченицы было неприятно Тэйноскэ: он улавливал в нём нечто притворное, показное, вызывающее, чего не должно быть в молодой девушке. Впрочем, подумал он, Таэко не так уж и молода. Ей двадцать девять лет — в этом возрасте гейши считают себя чуть ли не старухами, и в том, что Таэко не трепещет, как девочка, нет ничего удивительного. Ещё во время её прошлогоднего выступления Тэйноскэ неожиданно для себя со всей отчётливостью понял, что Таэко уже не юная барышня, за которую всё её принимают, а вполне зрелая женщина. Неужели в старинном костюме и причёске всё женщины выглядят старше? Или это относится только к Таэко, которую он привык видеть в европейской одежде? А может быть, её старит невозмутимость, с какой она держится на сцене?..

Как только Таэко закончила свой танец, Итакура схватил фотоаппарат и быстро направился к выходу. В тот же самый миг из зрительного зала поднялся какой-то мужчина и бросился за ним вдогонку. Всё это произошло так стремительно, что Тэйноскэ не сразу узнал этого мужчину. «Да ведь это Окубата!» — наконец сообразил он и поспешил вслед за ними.

— …По какому праву ты фотографировал Кой-сан? Ты что, забыл о своём обещании? — Чувствовалось, что Окубате стоит немалых усилий удержаться от крика. Лицо Итакуры выражало досаду и злобу, но он стоял молча, потупившись. — Давай сюда фотоаппарат!

Окубата приблизился вплотную к Итакуре и принялся обыскивать его, как сыщик — преступника. Завладев фотоаппаратом, он сунул было его в карман, но потом, передумав, изо всех сил швырнул на цементный пол. Пока до случайных свидетелей этой сцены дошло, что к чему, Окубаты и след простыл.

Итакура поднял свой фотоаппарат и уныло поплёлся прочь. Можно было только удивляться его выдержке: этот аппарат он берёг как зеницу ока. Видно, он просто не посмел поднять руку на сына своего бывшего хозяина.

Тэйноскэ отправился за кулисы, чтобы поблагодарить устроителей вечера и поздравить Таэко, после чего сразу же вернулся к себе на службу. Лишь поздно вечером, когда всё в доме улеглись спать, он рассказал жене о случившемся.

Судя по всему, Итакура незаметно проник в зал к самому началу выступления Таэко, желая — по собственному ли почину или по её поручению — сделать снимки. Выполнив свою задачу, он намеревался потихоньку исчезнуть, но тут его перехватил Окубата, сидевший в зрительном зале. По-видимому, он предполагал, что рано или поздно Итакура появится на концерте, и всё время искал его глазами. Наконец Окубата заметил своего соперника и точно так же, как Тэйноскэ, тайком за ним наблюдал. Когда же тот собрался уйти, Окубата кинулась за ним следом. Знают ли молодые люди о том, что Тэйноскэ видел произошедшую между ними сцену, или нет — сказать трудно. Возможно, они его не заметили, а может быть, сделали вид, что не заметили.

Сатико, со своей стороны, рассказала мужу следующее. Накануне она спросила Таэко, будет ли на концерте Окубата. Вряд ли, ответила та. Во-первых, она ничего не говорила Кэй-тяну о своём выступлении, и, во-вторых, после обеда он, как правило, бывает занят в магазине. Но Сатико не исключала, что Окубата мог узнать о концерте из объявления в газете. Поэтому, сидя в зале, она время от времени посматривала вокруг, но по крайней мере до выступления Таэко — Сатико почти уверена в этом — Окубаты среди зрителей не было.

Правда, Сатико несколько раз отлучалась за кулисы, по Юкико почти всё время оставалась в зале. Она сказала бы ей, если бы заметила Окубату. Возможно, он появился перед самым выходом Таэко. Что же до Итакуры, то ни она, ни Юкико не подозревали о его присутствии, равно как и о разыгравшейся впоследствии сцене.

— Какое счастье, что никто из знакомых этого не видел. Вот был бы позор!

— Итакура не ответил на выпад Окубаты, так что, в сущности, ничего особенного не произошло. Но, конечно, не годится, чтобы молодые люди ссорились из-за Кой-сан на глазах у всех. Пока не поздно, нужно что-нибудь предпринять.

— Почему же в таком случае ты отказываешься принимать дело всерьёз?

— Я принимаю его всерьёз, но продолжаю считать, что вмешиваться мне не следует. Кстати, Юкико знает об Итакуре?

— Пока нет. Но я пригласила её в Асию отчасти и потому, что рассчитываю на её помощь.

* * *

Возможность поговорить с Юкико представилась дня через три после концерта. Утром Таэко сказала, что хочет сфотографироваться в наряде, который был на ней в день выступления, и попросила Сатико снова одолжить ей своё кимоно. Уложив его в чемоданчик, она захватила картонку с париком и зонтик и уехала на такси.

— Не иначе как она направилась к Итакуре, — заметила Сатико, вкратце рассказав сестре обо всём, что знала, начиная со злополучного письма Окубаты и кончая сценой в фойе.

— И что же, Окубата разбил фотоаппарат? — спросила Юкико, выслушав сестру.

— Не знаю. Тэйноскэ считает, что объектив наверняка сильно повреждён.

— По-видимому, плёнка тоже пострадала. Иначе зачем было бы Кой-сан фотографироваться заново?

— Да, наверное, — пробормотала Сатико, удивляясь спокойствию, с каким Юкико восприняла её рассказ. — Я очень

сердита на Кой-сан. Так обмануть моё доверие… Да что говорить! Ни один человек не причинил мне столько неприятностей, сколько она. И не только мне, тебе тоже.

— Ну, я-то тут ни при чем…

— Нет, не скажи. Чего стоила нам всем хотя бы история с её побегом из дома! Быть может, мне не следует это говорить, но в том, что ты до сих пор не замужем, есть и её вина… Я всегда старалась ей помочь, всегда защищала её — и что же? Она решает выйти замуж — и за кого? за Итакуру! — не считая нужным даже посоветоваться со мной…

— Так рассказала об этом Тэйноскэ?

— Да, я не могла больше носить всё это в себе.

— И что он сказал?

— Что у него есть своя точка зрения на этот счёт, но вмешиваться в дела Кой-сан он не намерен.

— Почему?

— Ему трудно до конца понять Кой-сан. Видимо, он не вполне ей доверяет… Между нами говоря, Тэйноскэ считает, что людях вроде Кой-сан лучше не перечить. Если она задумала выйти за Итакуру, пусть делает, как хочет. Она, мол, способна сама позаботиться о себе. Я совершенно с ним не согласна, но рассчитывать на его помощь в этом вопросе не приходится.

— Тогда, может быть, мне стоит поговорить с Кой-сан?

— Это было бы очень хорошо. Кто знает, вдруг вдвоём мы сумеем отговорить её от этой сумасбродной затеи. В любом случае Кой-сан обещала ничего не предпринимать, покаты не выйдешь замуж.

— Будь на месте Итакуры кто-либо другой, я не стала бы возражать, чтобы Кой-сан вышла замуж прежде меня.

— Об Итакуре, конечно же, не может быть и речи.

— Мне кажется, в Кой-сан появилось что-то вульгарное. Или я ошибаюсь?

— Боюсь, что ты права.

— Во всяком случае, я не желаю видеть Итакуру своим зятем.

Сатико была уверена, что найдёт в сестре союзницу, но она никак не ожидала от сдержанной Юкико такой категоричности. Должно быть, она даже в большей степени, чем Сатико, не одобряет Итакуру. Сёстры сошлись в том, что брак Таэко с Окубатой устраивает их

значительно больше. «Я постараюсь уговорить Кой-сан выйти за Окубату», — сказала Юкико.

29

С приездом Юкико всё в Асии ожили и повеселели. Казалось бы, что может измениться от присутствия в доме молчаливой, задумчивой Юкико? Но в толь-то и дело, что за её меланхолической внешностью скрывалось нечто такое, от чего всем вокруг становилось светло и радостно. Наконец-то сёстры были вместе, и уже одно это создавало в доме праздничную атмосферу, которая исчезала сразу, как только хотя бы одна из них надолго куда-нибудь уезжала.

В доме Штольцев поселились новые жильцы, и по вечерам у них в кухне уютно загорался свет. Хозяин, швейцарец по происхождению, служил консультантом при какой-то фирме в Нагое и часто куда-то надолго отлучался. В доме хозяйничала его молодая жена, которая одевалась и вела себя как европейская женщина, но лицом напоминала филиппинку или китаянку. Детей у них не было, так что с соседнего участка теперь не доносились детский гомон и смех, как при Штольцах. И всё же было приятно, что в этом доме, так долго пустовавшем, наконец появились люди. Эцуко, правда, не повезло — её надежда обзавестись новой подружкой для игр и забав не оправдалась. Впрочем, в последнее время она сдружилась с девочками из своего класса, к которым ходила в гости и на дни рождения и которых часто приглашала к себе.

Таэко была как всегда занята и большую часть времени проводила вне дома, иной раз даже опаздывала к ужину. Тэйноскэ догадывался, что она старается по возможности избежать тягостных разговоров с сёстрами. Он опасался, как бы в отношениях между ними не возникла отчуждённость, особенно между Таэко и Юкико.

Как-то вечером Тэйноскэ вернулся со службы и, не найдя нигде поблизости Сатико, пошёл её искать. Заглянув в комнату напротив ванной, он увидел там обеих свояčениц. Юкико сидела на полу, вытянув ноги, а Таэко стригла ей ногти.

— А где же Сатико? — спросил Тэйноскэ.

— Сатико пошла к госпоже Куваяма. Она должна скоро вернуться.

Юкико тотчас же оправила подол кимоно и села, как подобает в присутствии зятя. Таэко, нагнувшись, принялась собирать с циновки

крошечные прозрачные серпики.

Тэйноскэ вышел из комнаты и задвинул за собой фусума, но пленительная сцена, которую он только что видел, надолго запала ему в память. При том, что они очень разные, эти сёстры, подумал Тэйноскэ, серьёзной размолвки между ними никогда не произойдёт.

*** * ***

Однажды ночью в самом начале марта Тэйноскэ проснулся, почувствовав у себя на щеке слёзы. Рядом тихонько всхлипывала Сатико.

— Что с тобой?

— Сегодня… сегодня… как раз год… — проговорила Сатико сквозь слёзы.

— Постарайся об этом забыть… Право же, нельзя так себя мучить.

Ощущая на губах солёный привкус слёз, Тэйноскэ вспоминал, какое хорошее настроение было у Сатико весь вечер. Кто бы мог предположить, что среди ночи она вдруг начнёт плакать?! Неужели с той поры прошёл уже год? По-видимому, да, ведь встреча с Номурой — это Тэйноскэ хорошо помнил — состоялась именно в марте. Не удивительно, что Сатико до сих пор горюет о потерянном ребёнке, и всё же Тэйноскэ озадачивали эти внезапные приступы тоски и отчаяния. То же самое было с нею во время прошлогодней поездки в Киото и осенью, когда они ходили в Кабуки. Правда, дав волю слезам, она довольно быстро успокаивалась и вскоре уже могла говорить и шутить, как ни в чем не бывало. Так произошло и на этот раз, утром Сатико была снова весела и спокойна, как будто ночью плакала не она, а кто-то другой.

В марте же стало известно об отъезде Катерины Кириленко в Германию на пароходе «Шарнхорст». После посещения Кириленок в позапрошлом году Сатико с мужем намеревались как-нибудь пригласить их к себе, но так и не собрались, общение с русским семейством ограничивалось лишь случайными встречами в электричке или на улице. Впрочем, Таэко по-прежнему потчевала своих близких рассказами о «бабусе», Катерине, о её брате и о Вронском, По её

словам, в последнее время Катерина заметно охладела к куклам, но занятий всё же не бросала и время от времени неожиданно появлялась у Таэко в студии, чтобы показать ей очередную работу. За эти годы, считала Таэко, она многому научилась.

С некоторых пор у Катерины появился «молодой человек». Его звали Рудольф, он был родом из Германии. Таэко считала, что именно он виноват в том, что у Катерины пропал интерес к куклам, — Рудольф интересует её куда больше. Он служил в Кобэ, в какой-то немецкой компании. Таэко не раз встречала их там с Катериной.

По словам Таэко, у Рудольфа была типично немецкая внешность: он высок, широкоплеч и не столько красив, сколько силён и крепок физически.

Если верить Катерине, она собралась в Германию потому, что, встретив Рудольфа, полюбила эту страну. Кроме того, в Берлине у Рудольфа есть сестра, которая сможет приютить её в своём доме. По Таэко подозревала, что Берлин для неё всего лишь, так сказать, пересадочный пункт, оттуда Катерина поедет в Англию, где находится её дочь.

— И что же, «Юдофу» едет вместе с ней?

С лёгкой руки Таэко, придумавшей этот каламбур, всё в доме именовали Рудольфа не иначе как «Юдофу» — «Варёное тофу[79]».

— Нет, «Юдофу» остаётся в Японии. Он даст Катерине рекомендательное письмо к сестре.

— Съездив за дочерью в Англию, Катерина вернётся в Берлин и будет дожидаться там своего «Юдофу»?

— Гм… Не думаю.

— Стало быть, на этом их роман кончается?

— Скорее всего да.

— Подумать только, как всё у них просто.

— Рано или поздно это всё равно должно было случиться, — заметил Тэйноскэ. Разговор происходил за ужином. — То, что было между ними, — не любовь, а так, короткая интрижка.

— А я их вовсе не осуждаю, — сказала Таэко. — Разве двое одиноких людей, к тому же живущих на чужбине, не имеют права на такую «интрижку»?

— Кстати, когда отплывает корабль?

— Послезавтра в полдень.

— У тебя много дел послезавтра? — спросила Сатико мужа. — Было бы хорошо, если бы ты сумел выкроить время и вместе с нами проводить Катерину. Неудобно, что мы никак не ответили на гостеприимство Кириленок.

— Да, нужно было найти время и пригласить их на ужин.

— Поэтому я и хочу, чтобы ты приехал в порт. Эцуко будет в школе, но мы всё туда собираемся.

— И Юкико тоже? — спросила Эцуко.

Юкико улыбнулась и пожала плечами.

— Да, мне хочется взглянуть на корабль.

* * *

В назначенный день Тэйноскэ, который с утра был занят на службе, сумел приехать в Кобэ к самому отплытию корабля. Ему не удалось даже толком попрощаться к Катериной. Провожающих было не так много — всё родные, Вронский, Сатико с сёстрами, какой-то молодой человек, на которого Таэко указала зятю глазами, шепнув: «Это и есть Рудольф», — и ещё трое или четверо иностранцев и японцев, которых Макиока не знали. Тэйноскэ и его спутницы уходили с пристани вместе с «бабусей» и Кириленко. К тому времени, как они распрощались на набережной, Рудольфа и прочих провожающих поблизости уже не было.

— «Бабуся» просто молодец. Ни чуточки не постарела, — одобрительно произнёс Тэйноскэ, глядя вслед подтянутой пожилой даме, грациозно и быстро шагавшей рядом с сыном.

— Интересно, суждено ли ей снова увидеть Катерину? — сказала Сатико. — Как бы молодо она ни выглядела, годы есть годы…

— Подумать только, прощаясь с дочерью, она не проронила ни слезинки, — заметила Юкико.

— Куда там! По-моему, ей было неловко оттого, что мы плакали.

— Того и гляди, начнётся война. Какой же отчаянной нужно быть, чтобы вот так, одной, отправиться в Европу! И «бабуся» не побоялась её отпустить.

— Катерина немало повидала на своём веку: Россия, Шанхай, Япония. А теперь её ждут Германия и Англия.

— «Бабуся», при её нелюбви к Англии, вряд ли одобряет эту поездку.

— Она сказала мне так: «Мы с Катериной постоянно ссоримся. Зачем же мне горевать? Я радуюсь!»

Давно уже Таэко не потешала своих близких передразниванием «бабуси». Только что всё они имели возможность услышать нечто подобное из уст самой «бабуси» и теперь громко смеялись прямо на улице.

30

— А Катерина изменилась — похорошела, стала более женственной. Прежде она не казалась мне такой красивой, — сказал Тэйноскэ, усаживаясь вместе со своими спутницами перед стойкой в ресторанчике «Ёхэй». Места для себя они зарезервировали ещё утром и пришли сюда с набережной пешком.

— Всё дело в косметике. И потом, сегодня она была одета особенно элегантно.

— Сатико права, — согласилась Таэко. — Встретив «Юдофу», Катерина стала краситься более ярко, и это ей к лицу. О, она весьма уверена в себе, «Вот увидите, Таэко-сан, — сказала она мне, — я найду себе в Европе богатого мужа».

— Раз она ставит себе такую цель, значит, её финансовые дела обстоят не лучшим образом.

— У неё есть некоторая сумма на первое время, а позже, если понадобится, она сможет устроиться в какой-нибудь госпиталь сестрой милосердия, как когда-то в Шанхае.

— А с «Юдофу», как видно, покончено теперь навсегда…

— Похоже, что так.

— Хорошо ещё, что он напоследок соблаговолил написать рекомендательное письмо сестре. Вы обратили внимание, как он раза два махнул Катерине ручкой и тут же удалился с пристани?

— Да, японец никогда так себя не повёл бы.

— Если бы так поступил японец, его следовало бы называть не «Юдофу», а «Судофу» — «Прокисший тофу», — сострил Тэйноскэ.

— Кажется, я встречала это имя в каком-то французском романе, — сказала Сатико, не поняв шутки.

— Наверное, у Ференца Мольнара,[80] — лукаво подсказал Тэйноскэ.

* * *

В тесном ресторанчике за изогнутой в форме буквы «Г» стойкой могло уместиться человек десять, не больше. С появлением Тэйноскэ и его спутниц не осталось ни единого свободного места. Рядом с ними сидел какой-то пожилой человек, скорее всего биржевой маклер с соседней улицы, с двумя своими подчинёнными, а у противоположного конца стойки расположились две молоденькие гейши и ещё одна, постарше. Между стульями и стеной оставался такой узенький проход, что протиснуться в глубь помещения было не так-то просто.

То и дело раздвигалась входная дверь, и очередной посетитель, заглянув внутрь, робко, даже заискивающе, спрашивал, не найдётся ли местечка и для него, но старичок-хозяин лишь недовольно фыркал в ответ, как бы желая сказать: «Неужели не видно, что и без вас тут негде повернуться?» Подобно большинству держателей таких заведений, он не считал нужным лебезить перед своими клиентами.

Человек со стороны мог попасть к Ёхэю только по счастливой случайности, да и то лишь в часы затишья, когда посетителей бывало не слишком много. Даже постоянным клиентам приходилось договариваться с ним по телефону заранее, но стоило им задержаться хотя бы на четверть часа, как хозяин либо совсем выпроваживал их, либо предупреждал, что придётся подождать этак с часок.

*** * ***

Заведение Ёхэя специализировалось на приготовлении суси. Своему искусству он обучался в Токио у владельца известного в своё время, но ныне уже не существующего ресторанчика. Однако, будучи уроженцем Кобэ, Ёхэй далеко не во всём следовал рецептам своего учителя и старался учитывать вкусы своих земляков. Он, например, не признавал жёлтого токийского уксуса и использовал только местный, белый, а обычному соевому соусу, который любят токийцы, предпочитал более густой и менее терпкий соус «тамари». (Он говорил посетителям, что суси с креветками, каракатицами или моллюсками при желании можно сдобрить солью.) Что же до рыбы, то он пускал в ход любую, лишь бы она была свежей, то есть выловленной поблизости, у берегов Внутреннего Японского моря. Нет такой рыбы,

которая не годилась бы для суси, считал Ёхэй в этом отношении он был полностью согласен со своим учителем. Каких только суси не было в его меню: с морским угрём, с фугу, с плотвой, с устрицами, с икрой морского ежа, с камбалой, с моллюсками, с ломтиками китового мяса, даже с грибами, побегами бамбука и хурмой! Но вот к тунцу, без которого не обходится ни один ресторанчик, где подают суси, он относился с явным предубеждением. Точно так же у Ёхэя никогда нельзя было увидеть заурядных суси с сельдью, морским гребешком или омлетом. Кое-какие исходные продукты он использовал в варёном или жареном виде, но гордостью его заведения служили суси с живыми креветками и моллюсками, которых он разделывал тут же, на глазах у посетителей.

Таэко давно знала Ёхэя — собственно говоря, она его и «открыла». Имея обыкновение обедать и ужинать на стороне, она была на редкость хорошо осведомлена о том, где в Кобэ можно вкусно поесть. Заведение Ёхэя она облюбовала ещё в ту пору, когда оно находилось в переулочке против здания биржи и занимало ещё более скромное помещение, чем сейчас, а потом уже привела туда сестёр и зятя. Описывая домочадцам старика-хозяина, Таэко говорила, что внешность у него точь-в-точь как на иллюстрациях к какой-нибудь книге ужасов: этакий коротышка, с непропорционально большой головой, — и изображала, как он рычит на докучливых посетителей и с каким ожесточением орудует своим ножом. Впервые увидев Ёхэя, Тэйноскэ с женой чуть не прыснули — настолько точным оказалось описание.

Обычно, усадив посетителей перед собой, Ёхэй спрашивал, что для них приготовить, но, выслушав их пожелания, делал всё по-своему. Для начала он брал окуня и, отрезав необходимое количество ломтиков, подавал каждому суси с окунем. После этого шли суси с креветками, потом — с камбалой. Перед тем, как потчевать гостя очередным блюдом, он должен был убедиться, что его тарелка пуста. В противном случае он хмурился и бурчал: «Вон сколько у вас ещё осталось». Меню у Ёхэя время от времени менялось, но суси с окунем и креветками можно было спросить у него в любое время. Если же какой-нибудь неискушённый посетитель имел неосторожность спросить для себя тунца, Ёхэй награждал его взглядом, полным глубочайшего презрения. Более того, он сдабривал его суси таким

количеством хрена «васаби», что бедняга вскакивал, точно ужаленный, из глаз у него фонтанами били слёзы, а Ёхэй с наслаждением наблюдал эту сцену.

Сатико, больше всего любившая морского окуня, с первого же раза по достоинству оценила заведение Ёхэя и частенько туда наведывалась.

С не меньшим удовольствием приходила сюда и Юкико. Без особого преувеличения можно сказать, что маленький ресторанчик Ёхэя был частичкой той притягательной силы, которая неотвратимо влекла её из Токио в родной Кансай. Она постоянно вспоминала милый её сердцу дом в Асии и его обитателей, но время от времени перед её мысленным взором возникала и колоритная фигура старика Ёхэя, с его неизменным ножом и подпрыгивающими на деревянной доске креветками. При том, что Юкико обычно отдавала предпочтение европейской кухне, после трёх-четырёх месяцев пребывания в Токио окунь из Акаси начинал казаться ей самым вкусным лакомством на свете.

В силу каких-то не вполне ясных даже ей самой ассоциаций нежно-белые, отливающие жемчужным блеском ломтики рыбы соединялись в её сознании с обликом родных мест, с домом в Асии.

Тэйноскэ догадывался, что поход к «Ёхэю» способен доставить Юкико большую радость, и когда она приезжала к ним погостить, он считал своим долгом непременно раз или два повести её туда обедать.

Как правило, он садился у стойки между женой и Юкико и следил за тем, чтобы чарки его спутниц не оставались пустыми.

*** * ***

— Да-а, ничего не скажешь, вкусно… — сказала Таэко, блаженно откинувшись на спинку стула. Юкико тем временем застенчиво отпивала сакэ из своей чарки. — Вот куда нам надо было пригласить Кириленок.

— Пожалуй, — откликнулась Сатико. — Жаль, что мы не догадались сегодня позвать с собой «бабусю» с сыном.

— Я подумал об этом, но, во-первых, для шестерых могло не найтись места, и, во-вторых, я не уверен, что они едят сырую рыбу.

— Иностранцы обожают суси. Разве не так? — обратилась Таэко к старику-хозяину.

— Они едят суси, это верно, — подтвердил Ёхэй, зажимая в толстых, побелевших от воды пальцах юркую креветку. — Ко мне сюда тоже захаживают иностранцы.

— Ты вспомни, с каким удовольствием госпожа Штольц ела у нас суси, — сказала мужу Сатико.

— Да, но они были не с сырой рыбой.

— С сырой рыбой они тоже едят, будьте уверены, — буркнул Ёхэй. — Правда, не со всякой. Тунца они не жалуют.

— Да? А почему? — поинтересовался биржевой маклер.

— Не знаю. Не жалуют, и всё.

— Вы помните госпожу Рутс? — тихонько спросила одна из молоденьких гейш ту, что постарше. — Она ела сырую рыбу, но только белую. А красную совсем в рот не брала.

— Да, в самом деле, — кивнула та, протягивая руку за зубочисткой. — Вероятно, иностранцам неприятен вид сырой красной рыбы.

— Вот оно что? — отозвался со своего места биржевой маклер.

— В самом деле, если задуматься, ломоть красной сырой рыбы на белом рисе выглядит не очень-то аппетитно, — сказал Тэйноскэ.

— Послушай, Кой-сан, — позвала Сатико из-за спины Тэйноскэ, — а что сказала бы на это «бабуся» Кириленко?

— Потом, потом. Здесь мне неудобно, — ответила Таэко, с трудом удерживаясь от соблазна заговорить голосом «бабуси».

— Вы были сегодня в порту? — спросил Ёхэй.

Разделав креветок, старик положил их на заготовленный катышек риса и разрезал его на несколько частей. Креветки были такие крупные, что двух с избытком хватило на четыре порции.

— Да, мы провожали одну знакомую, она уплыла на пароходе «Шарнхорст».

Тэйноскэ взял с тарелки суси с ещё шевелящимся кусочком креветки и посыпал его солью, перемешанной с порошком «адзиномото[81]».

— Немецкие пароходы не идут ни в какое сравнение с американскими, — заметила Сатико.

— Что верно, то верно, — согласилась Таэко. — Помнишь, какое приятное впечатление произвёл на нас «Президент Кулидж»? А «Шарнхорст» кажется таким мрачным, совсем как военный корабль.

— Ну что же вы, барышня? Кушайте скорее, — укоризненно покачал головой Ёхэй, заметив, что Юкико всё ещё не притронулась к своей порции.

— Что с тобой, Юкико?

— Она всё ещё шевелится, — пробормотала Юкико, показывая на свою креветку. Не то чтобы Юкико не любила этих «танцующих суси» с креветками, которых Ёхэй, истинный мастер своего дела, подавал гостям ещё живыми. Напротив, это блюдо нравилось ей ничуть не меньше, чем суси с окунем, но она предпочитала всё-таки подождать, пока креветки перестанут двигаться.

— В том-то вся и прелесть, что они шевелятся.

— Юкико боится, что призрак креветки будет являться ей по ночам.

— Не думаю, чтобы такой призрак мог кого-либо напугать, — хохотнул биржевой маклер.

— Как сказать… Помнишь ту лягушку, Юкико?

— Лягушку? — переспросил жену Тэйноскэ.

— Когда я была в Токио, Тацуо повёл нас с Юкико в ресторанчик, где готовят якитори.[82] Пока подавали курицу, всё было хорошо, но напоследок хозяин решил попотчевать нас лягушатинкой. Когда он стал убивать лягушку, до нас донеслось такое душераздирающее кваканье, что нам обеим стало не по себе. После этого Юкико всю ночь не могла уснуть…

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — предложила Юкико. Убедившись, что креветка перестала двигаться, она взяла палочки.

31

В середине апреля Макиока по обыкновению всей семьёй отправились в Киото. На обратном пути в поезде у Эцуко неожиданно поднялся сильный жар. Всю неделю перед этим девочка жаловалась на усталость и даже в Киото казалась на удивление, вялой. Когда добрались до дома, температура у неё была уже под сорок. Приехавший вскоре, доктор Кусида высказал предположение, что у Эцуко скарлатина, и обещал заглянуть ещё раз на следующий день.

К утру всё лицо у девочки покрылось красной сыпью, только вокруг губ кожа оставалась белой. «Да, это, без сомнения, скарлатина», — сказал доктор Кусида и посоветовал поместить Эцуко в больницу, но девочка яростно запротестовала. Учитывая, что это инфекционное заболевание, как правило, не носит эпидемического характера и редко передаётся взрослым, доктор согласился лечить Эцуко дома, при условии, однако, что будут приняты всё меры предосторожности и больная будет надёжно изолирована от окружающих. К счастью, сделать это оказалось нетрудно: рядом с домом находился отдельный флигель, служивший кабинетом Тэйноскэ, и Сатико решила перевести дочь туда. Тэйноскэ же пришлось примириться с мыслью о необходимости найти для своих занятий какое-нибудь другое место.

Флигель состоял из двух маленьких смежных комнат — в шесть и в три дзё, но там были всё необходимые удобства: электричество, газ и даже водопровод, который провели года четыре назад, когда Сатико, заболевшая инфлюэнцей, перебралась туда ради безопасности домочадцев. При желании там можно было даже готовить еду. После того как письменный стол Тэйноскэ, его книги и бумаги перенесли в спальню на втором этаже, а всё остальные вещи убрали в кладовку и шкафы, Эцуко с сиделкой переселились во флигель.

Связь между флигелем и домом фактически прекратилась, если не считать того, что кто-то должен был носить во флигель еду и всё необходимое для Эцуко и сиделки. Стали думать, на кого можно возложить эту обязанность. О том, чтобы воспользоваться услугами кухарки и её помощницы, не могло быть и речи — им следовало

держаться от больной как можно дальше, поэтому выбор пал на О-Хару, и та с радостью согласилась — в отличие от всех остальных её ничуть не страшила опасность заразиться скарлатиной. Но, как ни похвальна была смелость О-Хару, в данном случае этого оказалось недостаточно: выходя от Эцуко, девушка по своему обыкновению забывала мыть руки. Допускать О-Хару во флигель небезопасно, сказала Юкико и решительно заняла её место. Уж кто-кто, а она-то сумеет соблюсти необходимую осторожность. Отныне Юкико всё делала сама: готовила и подавала Эцуко еду, мыла после неё посуду. Всю неделю, пока у девочки держался жар, она почти не отходила от неё, а ночью по очереди с сиделкой каждые два часа вставала, чтобы сменить пузырь со льдом.

Вскоре состояние Эцуко улучшилось и жар стал постепенно спадать. Однако доктор Кусида предупредил, что окончательное выздоровление наступит ещё не скоро, дней через сорок-пятьдесят, когда после сыпи кожа подсохнет и окончится шелушение.

Между тем Юкико было уже пора возвращаться в Токио, но она решила отложить свой отъезд и, сообщив об этом Цуруко, попросила выслать для неё кое-что из одежды. Без сомнения, её радовала возможность задержаться в Асии, пусть даже в качестве сиделки, добровольно затворившейся во флигеле.

Юкико не допускала к племяннице никого, даже мать. «Тебе, с твоим хрупким здоровьем, нужно остерегаться больше, чем кому бы то ни было», — говорила она Сатико, и та, лишённая возможности ухаживать за дочерью, томилась вынужденным бездельем. Юкико посоветовала ей сходить в театр: за Эцуко можно было уже не волноваться. Сатико знала, что в Осаке снова гастролирует Кикугоро, и намеревалась непременно побывать на его спектакле, тем более что на сей раз в программу была включена её любимая пьеса «Додзёдзи». Но идти развлекаться, оставив дома больного ребёнка, Сатико не могла, так что ей пришлось довольствоваться граммофонной записью «Додзёдзи» с голосом знаменитого Вафу.[83] Из всех домочадцев в театр выбралась только Таэко, которой Сатико настоятельно рекомендовала посмотреть эту пьесу.

Тем временем Эцуко поправлялась и с каждым днём всё больше скучала в своём флигеле. Единственным её развлечением был патефон, который не умолкал ни на минуту, что не замедлило вызвать протест

со стороны соседа-швейцарца. Как видно, этот господин отличался довольно-таки трудным характером. Месяц назад он высказал такое же неудовольствие по поводу «лая собаки на соседнем участке». Свои жалобы и претензии он направлял в письменном виде домовладельцу г-ну Сато, который жил через два дома от Сатико. Тогда в его жалобе говорилось следующее:

> Уважаемый господин Сато!
>
> Прошу извинить меня за беспокойство, но из-за беспрестанного лая собаки на соседнем участке я лишён возможности спать по ночам. Не откажите в любезности довести это до сведения хозяев.

На сей раз пришла депеша такого содержания:

> Уважаемый господин Сато!
>
> Позвольте уведомить Вас о том, что в последнее время на соседнем участке с утра до вечера заводят патефон, что доставляет мне беспокойство. Буду весьма признателен Вам, если Вы напомните соседнему семейству о необходимости заботиться о покое окружающих.

Эти записки приносила Сатико служанка Сато, всякий раз с конфузливой улыбкой объясняя: «Хозяин получил это от господина Боша. Вы уж извините, что приходится вас беспокоить».

Первую жалобу Сатико оставила без внимания: в конце концов, Джонни не так уж часто лаял по ночам. Но с патефоном дело обстояло иначе. Флигель почти вплотную примыкал к изгороди, разделяющей два участка, и в своё время Тэйноскэ испытывал немалые неудобства от шума и возни, которые затевали дети Штольцев. У придирчивого швейцарца били, таким образом, всё основания возмущаться.

Судя по этим жалобам, г-н Бош приезжал из Нагой довольно часто, но Макиока даже не знали, как он выглядит. Когда в этом доме жили Штольцы, кого-нибудь из них всегда можно было увидеть либо

на балконе, либо на заднем дворе. Новые же соседи, казалось, старались по возможности не выходить из дома. Если фигурка г-жи Бош нет-нет да и мелькала где-нибудь в саду, то сам швейцарец никогда не появлялся на участке. Возможно, он сидел в одиночестве на балконе, который теперь помимо чугунной решётки был обнесён ещё и сплошной дощатой изгородью высотой в две трети человеческого роста. Было совершенно очевидно, что г-н Бош сторонится людей и вообще весьма чудаковат.

От служанки Сато Сатико знала, что швейцарец — человек болезненный, раздражительный и к тому же страдает бессонницей. Возможно, так оно и было, но как-то раз в доме Макиока появился полицейский агент: ему необходимо было получить кое-какие сведения об их соседях.

Из слов агента следовало, что господин Бош вовсе не швейцарец, за которого себя выдаёт, и что у полиции есть сомнения относительно его благонадёжности. Если Макиока заметят что-либо подозрительное, они должны немедленно сообщить об этом в полицию. Будучи лицом без определённого гражданства, постоянно отлучаясь куда-то из дома и к тому же имея жену, как видно, наполовину китаянку, господин Бош и впрямь мог внушать подозрение властям. К тому же полицейский агент намекнул, что эта женщина вовсе не жена господина Боша, а сожительница. Достаточно на неё взглянуть, чтобы стало ясно: у неё в жилах течёт китайская кровь, сказал полицейский агент, однако сама она это отрицает и говорит, что родом с южных островов, но в отношении её подданства опять-таки нет никакой определённости.

Сатико, заглянувшая к соседке один-единственный раз, хорошо помнила, что мебель у неё в комнате китайская, из сандалового дерева. Скорее всего, эта дама действительно наполовину китаянка, но почему-то скрывает это, подумала Сатико.

Госпожа Бош обладала весьма пикантной внешностью, соединяющей в себе, восточную грацию и европейскую статность, и чем-то напоминала голливудскую звезду Анну Мэйвон, которая была дочерью француженки и китайца, — подобный тип экзотической красавицы импонирует определённой категории европейцев. Госпожа Бош, как видно, тяготилась своим одиночеством и упорно искала общества Сатико: встретив её на улице, она всякий раз приглашала её зайти в дом или же посылала к ней прислугу сказать, что ждёт её к

чаю, но после разговора с полицейским агентом Сатико остерегалась принимать приглашения соседки и неизменно отвечала вежливым отказом.

— Неужели больной ребёнок не имеет права послушать патефон? — возмущалась О-Хару. — Разве это по-соседски?

Но Тэйноскэ был твёрд: прав господин Бош или нет, если ему мешает музыка, они не могут позволить Эцуко с утра до вечера заводить патефон, тем более в такие времена, как теперь. И О-Хару ничего не оставалось, как развлекать Эцуко игрой в карты. Против этого занятия, однако, ополчилась Юкико: сейчас, когда Эцуко выздоравливает и у неё началось шелушение, опасность заразиться особенно велика через карты болезнь может легко передаться её партнёршам, то есть О-Хару и «Митоше». Но сиделка, которую Эцуко прозвала «Митошей» за сходство с киноактрисой Мицуко Мито, считала, что эта опасность ей не грозит, поскольку она уже болела скарлатиной, а О-Хару и подавно ничего не боялась. Она не только продолжала играть с Эцуко в карты, но и охотно подъедала остатки с её тарелки, как будто иной возможности полакомиться сасими из окуня или чем-нибудь в этом роде у неё никогда уже не будет.

Хотя Юкико строго-настрого запретила О-Хару подходить к больной, Эцуко скучала и беспрестанно требовала её к себе, с согласия сиделки, сказавшей, что риск заболеть не настолько велик, чтобы соблюдать чрезмерную осторожность. Запреты Юкико, таким образом, не возымели действия, и О-Хару целыми днями торчала во флигеле. Мало того, время от времени они с сиделкой развлекались тем, что отшелушивали подсохшую кожу на руках и ногах у Эцуко. «Вон, барышня, какие лоскутищи с вас сходят!» — радостно восклицала О-Хару и принималась отслаивать очередной клочок. После этого она аккуратно собирала их в руку и шла демонстрировать остальным служанкам: «Вы только гляньте, как облезает барышня!» Поначалу те пугались, но со временем привыкли и уже не выскакивали опрометью из кухни.

* * *

В начале мая, когда Эцуко была уже на пути к выздоровлению, Таэко неожиданно заявила о своём намерении ехать в Токио. Ей нужно во что бы то ни стало поговорить с Тацуо относительно денег. Да, конечно, её поездка во Францию сорвалась, выходить замуж она тоже пока не собирается, но у неё есть кое-какие планы, и ей необходимо знать, может ли она рассчитывать на эти деньги или нет. Если Тацуо согласится отдать причитающуюся ей сумму — хорошо, если нет — ничего не поделаешь, но по крайней мере в этом вопросе у неё будет полная ясность. Она настроена вполне миролюбиво и не собирается ставить под удар ни Сатико, ни Юкико — на этот счёт они могут быть совершенно спокойны. Почему она собралась ехать именно сейчас? Никаких особых резонов у неё нет, просто ей кажется, что в отсутствие Юкико её пребывание в Токио будет менее обременительным для сестры и зятя. Она не намерена задерживаться у них надолго: перспектива сидеть в тесноте среди детского гвалта ничуть её не прельщает. Если ей и хочется где-либо побывать в Токио, то разве что только в Кабуки, да и то она вполне может без этого обойтись, потому что недавно имела возможность посмотреть «Додзёдзи» с участием Кикугоро.

И всё-таки, с кем именно Таэко намерена обсуждать этот вопрос: с сестрой или с зятем, спросила Сатико, и что именно подразумевает она, говоря, что у неё «есть кое-какие планы»? Таэко отвечала неохотно и уклончиво — как видно, она боялась, что сёстры в два голоса примутся отговаривать её от поездки. Не вдаваясь в подробности, она сказала, что сперва попытается поговорить с Цуруко, если же из этого ничего не выйдет, она обратится прямо к Тацуо. Что же касается её «планов», то после настойчивых расспросов Сатико удалось выяснить, что Таэко намерена с помощью госпожи Тамаки открыть небольшое ателье дамского платья и для этого ей нужны деньги.

В таком случае, подумала Сатико, Кой-сан вряд ли удастся получить свои деньги. Тацуо со всей определённостью заявил, что даст ей деньги в одном-единственном случае — на свадебные расходы. К тому же он категорически возражает против того, чтобы Кой-сан занималась шитьём. И всё-таки какой-то шанс на успех у неё, пожалуй, есть. Тацуо по натуре трус, недаром же в молодые годы он пасовал перед бойкими свояченицами. За глаза он храбрится и держится

решительно и непреклонно, но стоит ему столкнуться с открытым неповиновением, как от его твёрдости не остаётся и следа. Возможно, Таэко и сумеет добиться своего, если чуточку его припугнёт. Судя по всему, на это она и рассчитывает. Тацуо, конечно же, постарается увильнуть от этого разговора, но Таэко, по-видимому, не уедет из Токио до тех пор, пока не добьётся от него полной ясности.

Сатико была не на шутку встревожена. По всей вероятности, сестра не случайно задумала ехать в Токио именно теперь, когда ни она, ни Юкико не могут отправиться вместе с ней. Она говорит, что настроена вполне миролюбиво, но что, если это только слова, а на самом деле она намерена добиться своей цели любой ценой, пусть даже ценой полного разрыва с «главным домом»? В таком случае она действительно должна быть заинтересована в том, чтобы ехать одной. Возможно, не стоит заранее себя накручивать, думала Сатико, но где порука, что под влиянием момента Таэко не допустит какую-нибудь нелепую ошибку? Если, паче чаяния, разговор между ними кончится ссорой, Тацуо ещё, чего доброго, вообразит, будто Сатико нарочно отправила сестру в Токио, чтобы попортить ему кровь. То, что она не нашла возможным сопровождать Таэко, будет истолковано не иначе, как демонстративное намерение остаться над схваткой и поглядеть, как Тацуо будет выпутываться из этой трудной ситуации. Цуруко тоже наверняка затаит на неё обиду: почему она не остановила Кой-сан, почему не внушила ей, что она не имеет никакого права причинять им беспокойство? Стало быть, Сатико должна бросить больного ребёнка и ехать с Таэко? Но в таком случае ей не удастся остаться в стороне от семейного конфликта, а между тем — и это было хуже всего — она до сих пор не решила для себя решить, чью сторону ей следует принять.

Юкико убеждена, что «планы» Кой-сан так или иначе связаны с Итакурой. Возможно, затея открыть ателье — всего лишь предлог. Кто знает, как изменятся её планы, когда она получит деньги? При всей своей практичности, Кой-сан слишком доверчива, и в конечном счёте этими деньгами будет распоряжаться Итакура. До тех пор, пока Кой-сан с ним не порвёт, ей нельзя давать деньги.

В рассуждениях Юкико, безусловно, была своя доля истины, и всё же Сатико не считала себя вправе чинить Таэко какие-либо препоны. При том, что она по-прежнему не одобряла намерения сестры выйти замуж за Итакуру, видя, с каким упорством и мужеством та идёт к

намеченной цели, Сатико не могла и не хотела становиться у неё на пути.

Как бы ни распорядилась Таэко этими деньгами, они нужны ей для того, чтобы жить самостоятельно, ни от кого не завися. Если у Тацуо действительно есть какая-то сумма, записанная на её имя, он должен её отдать. Так считала Сатико, но в то же время она понимала, что, поехав вместе с Таэко в Токио, невольно окажется между двух огней более того, может возникнуть ситуация, когда ей придётся — хочет она того или нет — принять сторону «главного дома». Для того чтобы при любых обстоятельствах отстаивать позицию Таэко, потребовалась бы огромная смелость, а её-то Сатико в себе как раз и не ощущала.

32

Юкико самого начала возражала против того, чтобы Таэко ехала в Токио одна. Почему Сатико не может отправиться вместе с ней? Эцуко уже почти выздоровела, за домом есть кому присмотреть, так что Сатико может ехать со спокойной душой, тем более что с возвращением их никто не торопит.

Таэко не выказала особой радости, узнав о намерении сестры сопровождать её в Токио. Сатико поспешила объяснить, что едет только потому, что в противном случае у «главного дома» может возникнуть недоумение. Она не собирается ни во что вмешиваться. Кой-сан вольна поступать так, как сочтёт нужным. Возможно, Цуруко и Тацуо захотят, чтобы Сатико присутствовала при их разговоре, но она попытается уклониться. Если же это ей не удастся, её позиция всё равно останется сугубо нейтральной. Во всяком случае, она не сделает ничего такого, что могло бы повредить Кой-сан.

В письме, отправленном Цуруко, Сатико тоже дала понять, что не хотела бы вмешиваться в переговоры, ради которых Кой-сан едет в Токио, и просила не привлекать её к участию в них.

** **

Приехав в Токио, Сатико остановилась в гостинице, Таэко же, во избежание кривотолков, намеревалась воспользоваться гостеприимством сестры и зятя — по крайней мере до тех пор, пока не обсудит с ними наболевший вопрос.

Из гостиницы Сатико сразу же позвонила сестре: Таэко хочет не откладывая ехать в Сибую, но не знает дороги, а она, Сатико, слишком устала, чтобы её проводить. Не мог бы Тэруо-тян приехать за ней в «Хамаю»? Цуруко сказала, что приедет сама. Если Сатико и Кой-сан ещё не ужинали, они могли бы пойти куда-нибудь втроём. Быть может, они встретятся на Гиндзе? Присутствовавшая при этом Таэко высказала пожелание, поужинать либо в «Лохмейере», либо в «Нью-Гранд», о которых она слышала от Сатико. В результате сёстры договорились встретиться в «Лохмейере», но, как выяснилось, Цуруко

ещё ни разу там не была, и Сатико пришлось объяснять столичной жительнице, как туда добраться.

Приняв ванну, Сатико с сестрой отправилась на Гиндзу. Цуруко уже ждала их за столиком. До сих пор по счетам всегда платила Сатико, меньше других сестёр стеснённая в средствах, сегодня же Цуруко намеревалась взять расходы на себя. Она была ласкова и предупредительна как никогда, особенно с Таэко. Как хорошо, что Кой-сан выбралась в Токио, то и дело повторяла Цуруко и с оттенком некоторого смущения добавляла: право же, они с Тацуо давно уже собирались её пригласить, но в доме такая теснота, что ей просто негде было бы расположиться…

После ужина сёстры прошлись по Гиндзе до Симбаси. Там Цуруко с Таэко сели в метро, а Сатико пошла к себе в гостиницу.

Сатико решила для себя, что первое время, пока идут переговоры, ей не следует показываться в Сибуе. Чтобы не скучать без дела, она навестит свою подругу по гимназии, которая, выйдя замуж, переехала в Токио и жила в районе Аояма.

Утром на следующий день, когда Сатико просматривала газету, её позвали к телефону. Звонила Таэко: она хотела бы прямо сейчас приехать в «Хамаю». Что-нибудь случилось? Нет, просто ей скучно. Говорила ли она уже относительно денег? Да, сегодня утром у неё был разговор с Цуруко, но та дала ей понять, что без Тацуо решить ничего не может, а он всю эту неделю будет очень занят. Так что, по существу, разговор пришлось отложить до будущей недели. А пока ей хочется повидаться с Сатико. Сатико объяснила, что собирается в гости в Аояму, к своей давнишней приятельнице, и вернётся только вечером, часов в пять или в шесть.

Сатико засиделась у подруги дольше, чем предполагала, — её уговорили остаться на ужин, — и вернулась в гостиницу только в начале восьмого. Вскоре появилась и Таэко. Сегодня, сказала она, Тэруо повёз её смотреть храм Мэйдзи,[84] а оттуда они вместе приехали в гостиницу. Сатико ещё не было, а они очень проголодались. Хозяйка спросила, не подать ли им ужин, но Таэко вчера очень понравилось немецкое пиво, и она повела его в «Лохмейер». Они только что расстались у метро.

Судя по всему, возвращаться в Сибую Таэко сегодня не собиралась. Из её рассказа Сатико поняла, что сестра с зятем приняли

её очень радушно. Уходя утром на службу, Тацуо сказал, что раз уж она выбралась в Токио, пусть погостит у них подольше. Роскошных апартаментов они предоставить ей не могут, но комната Юкико в полном её распоряжении. К сожалению, сейчас, он очень занят по службе и не может уделить ей достаточно времени, но через неделю надеется освободиться и будет полностью к её услугам. Впрочем, среди дня он и теперь может выкроить часок и повести её куда-нибудь пообедать. Сегодня он постарается взять для неё с сёстрами билеты в Кабуки.

Одним словом, сказала Таэко, Тацуо так старается ей угодить, что ей даже чуточку неловко. Она не помнит, чтобы когда-либо прежде с ней обходились так ласково. Сегодня, после того как Тацуо и мальчики ушли, Таэко улучила момент, чтобы рассказать Цуруко о цели своего приезда. Цуруко выслушала её внимательно и вполне дружелюбно, но сказала, что ей необходимо посоветоваться с Тацуо. В ближайшее время она вряд ли сможет это сделать: Тацуо приходит домой очень поздно — так что разговор придётся отложить до будущей недели. А пока что Таэко должна хорошенько отдохнуть и развлечься. Тэруо с удовольствием покажет ей город. А потом она может съездить к Сатико, которая, наверное, скучает одна в гостинице. «Трудно сказать, чем кончатся эти переговоры, — сказала в заключение Таэко. Поживём увидим».

Вчера, когда они проезжали в поезде Нумадзу, гора Фудзи была сплошь окутана облаками. «Это дурное предзнаменование!» — пошутила Таэко. Судя по всему, она и теперь не была уверена в успехе своей миссии и отнюдь не обольщалась теплотой, которой окружали её в «главном доме». «Видно, неспроста они меня так обхаживают, — сказала она Сатико. — Хотят подсластить пилюлю. Но им будет не так-то просто от меня отделаться». Тем не менее для Сатико было совершенно очевидно, что Таэко приятна сердечность, с какой её приняли в Токио.

*** * ***

Прошлой ночью Сатико почти не спала: ей было так тоскливо одной в гостиничной комнате! Неужели ей предстоит провести здесь

целую неделю — с ужасом думала она. Но сегодня с ней была сестра. Они будут спать вместе, как много-много лет назад.

Сатико невольно вспомнилось детство, когда младшие сёстры спали рядышком, в одной комнате. У Цуруко была своя комната, они же — Сатико, Юкико и Таэко — занимали комнатушку наверху, такую маленькую и тесную, что им нередко приходилось стелить две постели на троих. Как правило, Юкико укладывалась в серединке, а Сатико и Таэко по краям. Не было случая, чтобы Юкико разметалась во сне — даже в самые душные ночи её спальное кимоно было подобающим образом запахнуто и сохраняло безупречно опрятный вид. Сатико словно наяву видела хрупкую, почти невесомую фигурку, благочинно вытянувшуюся рядом…

* * *

Утром, проснувшись, сёстры лежали в постели и, совсем как в детстве, разговаривали о всякой всячине.

— Что ты собираешься сегодня делать, Кой-сан?

— Не знаю.

— Ты хочешь что-нибудь посмотреть? — Всё вокруг только и говорят: «Токио, Токио», — а меня здесь никуда особенно не тянет.

— Да, нам с тобой милее Осака и Киото, верно? Кстати, как вы сходили вчера в «Лохмейер»?

— Мы ели шницели по-венски.

— Наверное, Тэруо-тян был доволен.

— Ты знаешь, Тэруо-тян встретил там своего товарища по гимназии. Он сидел в противоположном углу с родителями.

— И что же?

— Тэруо-тян покраснел, как рак. Я спросила, в чем дело. А он говорит: они ни за что не поверят, что вы — моя тётя.

— Возможно, он прав.

— Официант тоже всё время косился на нас. А когда я стала, заказывать для себя пиво, он прямо рот разинул. Должно быть, принял меня за гимназистку…

— Не удивительно. В европейском платье ты кажешься одного возраста с Тэруо.

В полдень позвонила Цуруко и сообщила, что у неё есть билеты в Кабуки на завтра. Стало быть, сегодня весь день Сатико и Таэко были предоставлены самим себе. После обеда они вышли на Гиндзу, выпили чаю в кондитерской, а потом сели в такси и проехали по городу мимо храма Ясукуни, квартала правительственных зданий, театра «Нититэки[85]». Когда машина поравнялась с кинотеатром в Хибии, Таэко, глядя из окна на толпу прохожих, сказала:

— Обрати внимание на эту ткань с узором в виде раскиданных стрел. Должно быть, это последний крик токийской моды. Сегодня я видела уже семь таких кимоно.

— Ты что же, считала?

— …Нет, ты только посмотри! Ещё одно и ещё… Таэко помолчала и потом вдруг без всякой видимой связи с предыдущим спросила:

— Ты замечала, что гимназисты ходят засунув руки в карманы? Скверная привычка! Мне рассказывали, что в какой-то осакской гимназии ученикам запрещено носить брюки с карманами. По-моему, это очень правильно.

Сатико всегда поражалась трезвости и категоричности суждений Таэко. «Что ж, в её возрасте, пожалуй, уже можно себе это позволить», — подумала она и кивнула в знак согласия.

33

Антракт близился к концу. Сёстры уже сидели в зрительном зале и ждали, когда поднимется занавес: в последнем отделении давали пьесу «Матабэй-заика[86]». Из громкоговорителя беспрестанно доносилось: «Господин такой-то, проживающий в районе Хондзё! Госпожа такая-то, проживающая в районе Аояма! Вас просят срочно подойти к администратору…» В числе названных был и некий господин из Нисиномии, и господин имярек из Симоносэки, и даже какая-то госпожа, приехавшая с Филиппин. «Кого только не встретишь в Кабуки! Сюда приезжают люди со всех концов Японии и даже гости из далёких стран», — восторженно переговаривались между собой сёстры.

— Постойте! — вдруг воскликнула Таэко, прислушиваясь к голосу в громкоговорителе: «…Госпожа Макиока! Повторяю: госпожа Макиока, проживающая в Асии, префектура Хёго…»

— Кой-сан, сходи, пожалуйста, выясни, в чем дело, — попросила Сатико.

Через несколько минут Таэко вернулась и, взяв со своего кресла сумочку и кружевную шаль, сказала:

— Можно тебя на минуту, Сатико?

— Что случилось? — спросила Сатико, выйдя с сестрой в фойе.

— А только что говорила с горничной из «Хамаи»…

Как выяснилось, горничную прислала хозяйка гостиницы. Дело в том, объяснила она Таэко, что госпоже Макиока звонили из Асии. Хозяйка решила, что нужно поскорее сообщить об этом звонке, но телефон в Кабуки был всё время занят, поэтому она и велела: беги скорее в театр. Но что, собственно, произошло, спросила Таэко. Подробностей горничная не знала, но, как она поняла, речь идёт о каком-то больном, чьё состояние резко ухудшилось, Нет, нет, девочка тут ни при чем. Дама, с которой разговаривала хозяйка, несколько раз повторила, что имеет в виду не девочку, у которой скарлатина, а кого-то другого, кто сейчас, лежит в клинике. Она сказала, Кой-сан знает, о ком идёт речь… Хозяйка спросила, не нужно ли передать госпоже Макиока что-либо ещё, и тогда эта дама сказала, что просит Кой-сан

сегодня же выехать в Асию, а если у неё будет время, перед выездом позвонить домой.

— Речь идёт об Итакуре? — спросила Сатико.

* * *

В поезде Таэко между прочим упомянула о том, что Итакура лежит в клинике в Кобэ. Теперь она рассказала Сатико более подробно, что с ним случилось.

Неделю назад или около того у Итакуры разболелось ухо. Он обратился к врачу, но облегчения не наступало, и в конце концов врач сказал, что необходима операция. За день до отъезда Таэко в Токио его прооперировали, и всё, казалось, было благополучно. Итакура чувствовал себя превосходно и советовал Таэко не раздумывая ехать в Токио. И она поехала, не допуская мысли, что Итакуре, с его железным здоровьем, может грозить какая-либо опасность. Выходит, всё оказалось куда серьёзнее, чем она предполагала. Воспаление среднего уха само по себе не опасно, но если своевременно не принять меры, инфекция может перекинуться на головной мозг и даже привести к смерти. Судя по всему, положение очень серьёзно, иначе сестра Итакуры не решилась бы побеспокоить Юкико.

* * *

— Как ты намерена поступить, Кой-сан?

— Сейчас я еду в гостиницу, а оттуда — на вокзал. — Голос Таэко оставался совершенно спокойным.

— А что делать мне?

— Оставаться в театре и смотреть пьесу. Неудобно бросать Цуруко одну.

— Что мне ей сказать?

— Придумай что-нибудь.

— Ты говорила ей об Итакуре?

— Нет… — Таэко накинула на плечи шаль и направилась к выходу. — Можешь сказать ей, если хочешь.

Проводив взглядом сбегавшую по ступенькам Таэко, Сатико вернулась в зрительный зал. Пьеса уже началась. Внимание Цуруко было поглощено происходящим на сцене, и ничего объяснять ей не пришлось. Только потом, когда спектакль окончился и они в толпе зрителей пробирались к выходу, Цуруко спросила:

— Где же Кой-сан?

— Она отправилась куда-то с приятельницей. Сатико проводила сестру до Гиндзы. Вернувшись в гостиницу, она узнала от хозяйки, что Таэко только что уехала.

После телефонного звонка, сказала хозяйка, она сразу же забронировала для Кой-сан место в спальном вагоне. Перед отъездом Кой-сан разговаривала с сестрой в Асии. Сама хозяйка при этом не присутствовала, но Кой-сан просила передать Сатико, что, как она поняла со слов сестры, во время операции в рану попала инфекция и больной находится в тяжёлом состоянии. Прямо с вокзала Кой-сан поедет в клинику. В Сибуе остался её чемоданчик, и она просила Сатико захватить его с собой в Асию.

Сатико не находила себе места от тревоги. Она заказала срочный телефонный разговор с Асией и вскоре услышала голос Юкико, но понять что-либо из её слов было невероятно трудно. Голос Юкико, как всегда, звучал тихо, невнятно и постоянно куда-то пропадал. Говорить с Юкико по телефону было сущим мучением. Догадываясь об этом, она всегда старалась передать трубку кому-нибудь из домочадцев. Но сегодня прибегнуть к услугам О-Хару или Тэйноскэ она не могла, поскольку речь шла об Итакуре, и Юкико пришлось подойти к телефону самой. После нескольких членораздельных фраз с противоположного конца провода до Сатико стало доноситься слабое бормотание, чем-то сродни комариному писку, и она не столько слушала сестру, сколько переспрашивала, повторяя: «Алло… алло…» Ценой немалых усилий ей в конце концов удалось уяснить для себя следующее.

Около четырёх часов вечера в Асию позвонила сестра Итакуры и сообщила Юкико, что её брат находится в клинике, что его прооперировали и, хотя операция прошла успешно, вчера вечером его состояние резко ухудшилось. Что, инфекция распространилась на мозг? — спросила Юкико. Нет, ответила сестра, у него начались боли в ноге. При чем же тут нога? Она и сама не понимает, сказала сестра, но

боли очень сильные. От малейшего прикосновения он буквально взвивается и кричит на крик. Итакура не велел ничего сообщать Кой-сан, но она всё же решила позвонить. Ей кажется, положение очень серьёзное. Нужно что-то делать, а что именно — она не знает. Сейчас Итакура находится в клинике доктора Исогаи, специалиста по ушным болезням. Может быть, его необходимо показать другому врачу?..

— Нет ли каких-либо новых известий об Итакуре? — спросила Сатико.

Некоторое время назад, сказала Юкико, она снова разговаривала с его сестрой по телефону. Боль стала совершенно нестерпимой. Итакура мечется на койке, как безумный. Сестра послала телеграмму родителям, утром они должны быть в Кобэ.

Кой-сан уже выехала, сказала Сатико. Сама она постарается выехать завтра, никаких оснований задерживаться в Токио у неё нет. Перед тем как повесить трубку, Сатико спросила о самочувствии дочери. Эттян уже вполне здорова, сообщила Юкико, её никак невозможно удержать в постели. Шелушение закончилось, только на ступнях ещё чуточку осталось.

Сатико не вполне представляла себе, как объяснить Цуруко свой внезапный отъезд. Придя к выводу, что, сколько бы она ни думала, никакой мало-мальски убедительной причины ей всё равно не выдумать, Сатико на следующее утро позвонила в Сибую и, не мудрствуя лукаво, сказала сестре, что Кой-сан вчера выехала домой по срочному делу, что сама она тоже сегодня уезжает и хотела бы проститься. Нельзя ли ей ненадолго заехать в Сибую? К тому же ей надо взять чемоданчик Таэко.

— Я приеду к тебе сама и захвачу чемоданчик, — предложила Цуруко и вскоре появилась в «Хамае».

Флегматичная по натуре, Цуруко почти во всех случаях жизни сохраняла редкостное спокойствие, порой давая сёстрам основание называть её «толстокожей». Она не стала расспрашивать Сатико, какое именно «срочное дело» вынудило Кой-сан неожиданно покинуть Токио. Сатико видела, что в глубине души она даже довольна, поспешным отъездом младшей сестры. Несколько раз повторив, что она заехала «всего на одну минутку», Цуруко тем не менее осталась обедать.

— Кой-сан по-прежнему встречается с Окубатой? — неожиданно спросила она, когда они с Сатико приступили к еде.

— Насколько я знаю, да.

— У неё есть ещё кто-то помимо Окубаты?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Мы хотели посватать Юкико за одного человека. Из этого ничего не вышло, поэтому мы не стали ничего говорить Юкико. Но, оказывается, этот человек навёл справки о нашей семье…

Как выяснилось, в роли свата выступал знакомый Тацуо. Он-то из самых добрых побуждений (в этом Цуруко нисколько не сомневалась) и рассказал им, что ходят странные слухи о связи Таэко с каким-то молодым человеком низкого звания. Знакомый Тацуо склонен думать, что это всего лишь сплетни, но на всякий случай всё-таки счёл необходимым их предупредить. Цуруко подозревает, что именно из-за этих слухов и сорвалось сватовство. Она слишком доверяет Сатико и Кой-сан, чтобы уточнять, имеют ли эти слухи под собой какое-то основание и кто этот молодой человек. Но они с Тацуо считают, что в нынешней ситуации самое лучшее для Кой-сан — выйти замуж за Окубату. Как только решится судьба Юкико, они намерены вплотную заняться этим вопросом.

Что же касается требования Кой-сан отдать якобы причитающиеся ей деньги, то они вынуждены ей отказать по тем самым соображениям, которые в своё время высказали в письме. Цуруко было с самого начала ясно, что Тацуо никогда не пойдёт на это, и если она не сказала об этом Кой-сан, то только потому, что опасалась, как бы дело не кончилось ссорой.

Всё это время они с Тацуо ломали себе голову, как с миром отправить Таэко домой. С тем большим облегчением, должно быть, восприняла Цуруко известие о неожиданном отъезде сестры.

— Я тоже считаю, что Кой-сан следует выйти за Окубату. И Юкико придерживается того же мнения. Эту мысль мы постоянно внушаем Кой-сан, — сказала, Сатико, как бы оправдываясь. Цуруко оставила последнюю фразу сестры без внимания. Она уже сказала всё, что хотела.

Поблагодарив сестру за угощение, Цуруко поднялась и стала прощаться.

— Ну, мне пора. Счастливого пути! Не сердись, если я не смогу сегодня проводить тебя.

34

Наутро Сатико была уже в Асии, и Юкико представила ей подробный отчёт о событиях двух минувших дней.

Когда позавчера служанка позвала её к телефону и сказала: «Вас просит сестра господина Итакуры», Юкико подумала, что та, должно быть, ослышалась и что спрашивают не её, а Таэко. В самом деле, с какой стати ей станет звонить сестра Итакуры, если они даже не знакомы? О болезни Итакуры она, разумеется, ничего не знала. Но служанка была абсолютно уверена, что спрашивают именно её, и в конце, концов Юкико всё-таки подошла к телефону.

Как выяснилось, сестра Итакуры знала, что Кой-сан в Токио. Она-де никогда не осмелилась бы побеспокоить госпожу Юкико, если бы не серьёзная болезнь брата. Когда Таэко навестила его в клинике после операции — это было как раз за день до её отъезда — всё было хорошо, но вечером он вдруг почувствовал зуд в ноге.

Когда ему растирали ногу, неприятное ощущение как будто исчезало, но к утру он начал жаловаться на боль. С тех нор боль не только не утихает, но становится всё более невыносимой.

Доктор не обращает на это внимания и твердит только одно: с ухом всё обстоит благополучно… Сделав перевязку, он сразу же убегает из палаты, как будто ему и дела нет до того, как страдает его пациент. Медицинская сестра считает, что во время операции была допущена какая-то оплошность.

С тех пор как состояние Итакуры ухудшилось, продолжила его сестра, она неотлучно находится при нём. Помочь ему она не в силах, а брать на себя ответственность ей страшно, — одних словом, ей ничего не остаётся, как умолять госпожу Таэко срочно приехать в Кобэ. Поэтому, собственно, она и рискнула позвонить в Асию. (Очевидно, она говорила из автомата, а не из клиники.) Узнай брат об этом разговоре, ей, конечно, от него попадёт… Юкико чувствовала, что девушка вот-вот расплачется.

* * *

До какой же степени отчаяния нужно было дойти этой робкой, застенчивой деревенской девушке — именно такой можно было представить её себе по рассказам Таэко, — чтобы собрать всё своё мужество и решиться на этот звонок!

Юкико обещала, что сию же минуту свяжется с Таэко по телефону.

Таэко сошла с поезда в Санномии и прямо оттуда отправилась в клинику. К вечеру она ненадолго заехала домой и рассказала, какое тягостное впечатление произвёл на неё Итакура. Кто бы мог подумать, что этот энергичный, волевой мужчина способен до такой степени потерять самообладание. Когда сестра сказала ему: «Посмотри, приехала Кой-сан», он повернул к Таэко искажённое мукой лицо и простонал: «Болит… болит…» Казалось, он был не в состоянии думать ни о чем, кроме своих страданий. Боль не отпускала его ни днём, ни ночью, всё это время он не мог ни есть, ни спать. Насколько поняла Таэко, боль гнездится в нижней части левой ноги, от колена до стопы, но где именно, сказать трудно, потому что никаких внешних признаков: ни покраснения, ни припухлости — не заметно. Малейшее движение или прикосновение причиняет Итакуре такую боль, что он кричит в голос.

Но как это могло случиться? — спросила Юкико. Какая связь между операцией на ухе и болью в ноге? Этого Таэко не знала. Добиться какого бы то ни было разъяснения от доктора Исогаи невозможно. С тех пор, как у Итакуры начались боли, он вообще избегает появляться в палате. Но судя по тому, что говорит медицинская сестра, — впрочем, это ясно даже не специалисту, — во время операции была занесена какая-то инфекция, которая пошла вглубь и поразила ногу.

До сих пор, продолжала Таэко, доктор Исогаи проявлял завидное спокойствие, но после того, как утром приехали родители и невестка Итакуры, он вдруг развернул кипучую деятельность. В полдень он появился в палате в сопровождении какого-то хирурга. Тот осмотрел Итакуру и после короткого совещания с доктором Исогаи в его кабинете отбыл. Вскоре после этого явился другой хирург, который опять-таки осмотрел больного, о чем-то пошептался с доктором Исогаи и уехал. Как объяснила потом медицинская сестра, доктор Исогаи, поняв, что самому ему не справиться, пригласил для

консультации лучшего хирурга Кобэ. Поскольку тот сказал, что даже в случае ампутации спасти больного уже невозможно, доктор Исогаи спешно призвал на помощь другого хирурга, но и тот признал положение безнадёжным.

К этому Таэко добавила, что, увидев Итакуру и выслушав рассказ его сестры, она сразу же поняла, что нельзя терять ни минуты. Она старалась убедить родителей Итакуры в необходимости немедленно прибегнуть к помощи хорошего специалиста, как бы ни отнёсся к этому доктор Исогаи. Но расшевелить этих пожилых, по-деревенски застенчивых людей не так-то просто. Они только и знают, что хвататься за голову и вздыхать. Таэко совершенно ясно, что они теряют драгоценное время, но она ничего не может поделать. Без конца тормошить их ей неудобно, ведь до сегодняшнего утра они не были даже знакомы. Что бы она ни сказала, они со всем соглашаются, но ничего не желают предпринять…

Так обстояло дело вчера. Сегодня в шесть часов утра, продолжала Юкико, Таэко опять ненадолго появилась в Асии и, отдохнув часа два, снова поехала в клинику. По её словам, вчера поздно вечером доктор Исогаи призвал к Итакуре ещё одного хирурга, некоего доктора Судзуки, и тот в конце концов согласился сделать операцию, хотя и сказал, что не ручается за благополучный исход. Но родители Итакуры по-прежнему пребывают в нерешительности. Мать прямо говорит, что если Итакуре суждено умереть, пусть он умрёт не калекой. Зачем причинять ему лишние мучения? Сестра же считает, что они обязаны сделать всё, чтобы его спасти, пусть даже на это нет особой надежды. Она, конечно же, права, но до стариков это никак не доходит.

Впрочем, сказала Таэко, теперь это уже не имеет значения: время упущено, и сохранить Итакуре жизнь вряд ли удастся. Приставленная к Итакуре медицинская сестра утверждает, что во всём виноват доктор Исогаи. Как видно, она питает к нему давнюю неприязнь и не упускает случая позлословить. Так вот, если ей верить, доктор Исогаи слишком стар, чтобы оперировать пациентов, он к тому же ещё и запойный пьяница. У него так трясутся руки, что он попросту не может сделать всё, как полагается. И в прошлом бывали случаи, когда он во время операции допускал серьёзные ошибки.

Доктор Кусида, с которым Таэко проконсультировалась впоследствии, сказал, что ни один, даже самый искусный и опытный,

хирург не застрахован от неудачи. Врачи — не боги. Но если существует хотя бы малейшее подозрение, что при операции проникла инфекция, если у больного появляются нежелательные симптомы, врач обязан, не теряя буквально ни секунды, принять меры. Хотя даже, и в этом случае не всегда удаётся спасти больного… Таким образом, было бы несправедливо винить во всём доктора Исогаи, но как мог он, зная, что его пациент трое суток испытывает жестокие мучения, оставить его без всякой помощи? Чем это объяснить: халатностью, безответственностью, равнодушием? Доктору Исогаи повезло, что родители Итакуры оказались такими наивными и доверчивыми людьми. В противном случае всё это так просто не сошло бы ему с рук. Итакуре же, напротив, не повезло, что, сам того не ведая, он доверил свою жизнь шарлатану.

Выслушав Юкико, Сатико спросила, откуда она разговаривала с сестрой Итакуры, присутствовала ли при этом О-Хару или ещё кто-нибудь из служанок и знает ли обо всём этом Тэйноскэ. Юкико сказала, что сестра Итакуры позвонила как раз в то время, когда она была во флигеле, поэтому, естественно, разговор происходил в присутствии О-Хару, сиделки и Эцуко. «Митоша» и О-Хару были явно заинтригованы, но старались не показывать виду, Эцуко же стала донимать её вопросами: «Что случилось с Итакурой? Почему Кой-сан должна ехать домой?» Во всех остальных случаях Юкико говорила из дома, чтобы не давать О-Хару повода для сплетен, а главное — чтобы не слышала «Митоша». Тэйноскэ знает обо всём, начиная со звонка сестры Итакуры и кончая последними событиями. Более того, у Юкико сложилось впечатление, что он принял беду Итакуры близко к сердцу. Сегодня перед уходом на службу он подробно расспросил обо всём Таэко и сказал, что она должна непременно настоять на операции.

— Пожалуй, мне придётся съездить навестить Итакуру, — сказала Сатико.

— Знаешь, прежде всё-таки позвони Тэйноскэ.

— Да, конечно. Но сначала я немного посплю.

В поезде Сатико не спала. Поднявшись к себе в комнату, она прилегла и попыталась уснуть, но из этого ничего не получилось: слишком напряжены у неё были нервы.

Сатико сошла вниз, умылась и, сказав кухарке, что будет обедать раньше обычного, направилась к телефону. Ей нужно было

посоветоваться с Тэйноскэ относительно своего визита в клинику.

Помешать Таэко неотлучно находиться при Итакуре невозможно, сказала Сатико мужу. Тут уж ничего не поделаешь. Но не будет ли её, Сатико, появление в клинике воспринято как публичное признание связи сестры с Итакурой?

С другой стороны, нельзя забывать, что Итакура спас Таэко жизнь. Случись с ним что-нибудь, она не сможет себе простить, что не навестила его. У неё такое чувство, что он не будет жить. Удивительное дело, но что-то в облике Итакуры говорило ей, что ему суждена ранняя смерть…

Да, скорее всего, спасти Итакуру не удастся, согласился Тэйноскэ. Сатико, конечно же, следует его навестить. Но что, если там будет Окубата? Может быть, сегодня ей не стоит ехать?

В конце концов супруги порешили на том, что сначала Сатико позвонит в клинику, и если встреча с Окубатой ей не грозит, поедет туда, но ненадолго, и постарается вернуться домой вместе с Таэко.

Связавшись с Таэко по телефону, Сатико выяснила, что у постели Итакуры находятся только она и его родные. Окубата, по-видимому, вообще не знает о болезни Итакуры, а сообщать ему никто не собирается. Во всяком случае, Таэко постарается этого не допустить: появление Окубаты может только взволновать больного. Кстати, продолжала Таэко, не могла бы Сатико приехать сегодня в клинику? Дело в том, что родители Итакуры до сих пор не в состоянии решить, соглашаться на операцию или нет. К мнению Сатико они наверняка прислушаются, поэтому её присутствие сейчас было бы неоценимо.

Сатико обещала приехать сразу после обеда. За столом она спросила Юкико: что, если с сегодняшнего дня им отказаться от услуг «Митоши»? Чем меньше людей знает об отношениях Таэко с Итакурой, тем лучше. Зачем им лишние разговоры? Эцуко почти поправилась, и сиделка ей не нужна. А в карты она может играть с кем-нибудь другим.

— «Митоша» и сама намекает, что необходимости в её дальнейшем пребывании здесь нет, — сказала Юкико.

В таком случае, не могла бы Юкико сообщить «Митоше», что с завтрашнего дня она свободна? Вернувшись из клиники, Сатико с нею рассчитается, и после ужина, она может отправляться домой.

Покончив с едой, Сатико села в такси и поехала в клинику.

* * *

Клиника доктора Исогаи находилась в узком переулочке, идущем вверх от трамвайной линии в Накаяматэ, и представляла собой небольшое, обшарпанного вида, двухэтажное строение. Наверху размещалось всего лишь три палаты. Одну из них занимал Итакура. Это была довольно мрачная, тесная каморка с видом на завешанный соседний двор. Из-за плохой вентиляции и обилия людей воздух в палате был тяжёлый, спёртый.

Итакура лежал на железной койке, отвернувшись к стене, и негромко, но безостановочно, почти на каждом выдохе стонал: «Болит… болит… болит…»

Представив сестру родным Итакуры, Таэко подошла к постели и тихонько сказала:

— Ёнэян, пришла Сатико.

Итакура не шевельнулся. Уставившись в одну точку, он по-прежнему жалобно и протяжно стонал:

— Болит… болит… болит…

Приблизившись к постели, Сатико с затаённым страхом взглянула на лицо больного против ожидания оно оказалось не таким уж осунувшимся и бледным. Итакура лежал в тонком бумажном кимоно, укрытый одеялом лишь по пояс, и от его тела, как ни странно, по-прежнему исходило ощущение здоровья и силы. Ухо и часть головы больного были закрыты повязкой.

— Ёнэян, — снова позвала Таэко. — Посмотри, к тебе пришла Сатико.

Сатико ещё ни разу не слышала, чтобы сестра так называла Итакуру. Для всех в Асии, включая Эцуко, он всегда был просто «Итакурой». По-настоящему его звали Юсаку, но, поступив на службу в магазин Окубата, он получил имя Ёнэкити, от которого и произошло это ласковое «Ёнэян».

— Итакура-сан, — заговорила Сатико, комкая в руках носовой платок. — Как ужасно, что с вами всё это случилось. Кто бы мог подумать…

— Ответь же что-нибудь. С тобой разговаривает госпожа Макиока, — окликнула Итакуру его сестра.

— Нет, нет, не нужно его беспокоить, — поспешила остановить девушку Сатико. — Я не вполне понимаю… Мне казалось, что у вашего брата болит левая нога.

— Так оно и есть. Но из-за уха ему приходится лежать на левом боку.

— Ужасно! Ужасно…

— От этого она, конечно, болит ещё сильнее.

По дублёному лицу Итакуры струился пот. Время от времени на него садилась муха, но Таэко сразу же отгоняла её.

Стоны больного неожиданно смолкли, и он сказал:

— Мне… нужно…

— Мама, дай ему утку.

Пожилая женщина поднялась, достала из-под кровати завёрнутую в газету утку и сунула её под одеяло.

— Ну-ка повернись маленько, сынок.

— Болит! — послышалось с кровати. Это был уже не стон, а душераздирающий вопль. — Болит! Болит!

— Потерпи, сынок.

— Болит! Не трогай меня! Не трогай!

— Ничего не поделаешь. Надо потерпеть…

Пытаясь понять, отчего именно Итакура вдруг сорвался на крик, Сатико внимательно смотрела на больного. Прошло несколько минут, прежде чем ему удалось слегка повернуться на спину. Некоторое время он молчал, пытаясь отдышаться, и только потом начал справлять нужду. Рот его был широко раскрыт, незнакомый, затравленный взгляд блуждал но лицам стоящих у постели.

— Он что-нибудь ел? — спросила Сатико у матери.

— Ни крошки…

— Когда он просит пить, мы даём ему лимонад. Взглянув на выпроставшуюся из-под одеяла больную ногу, Сатико не заметила ничего необычного. Разве что вены чуточку вздулись. Впрочем, это могло ей просто показаться.

Итакура попробовал повернуться на бок — и снова палата наполнилась леденящими душу криками: «Всё!.. Не могу больше!.. Не хочу больше жить! Дайте мне умереть! Убейте меня!»

Отец Итакуры производил впечатление человека тихого, добродушного, но очень робкого, даже забитого. Рядом с ним мать

казалась куда более решительной и волевой. Её опухшие, то ли от бессонных ночей, то ли от слёз веки большей частью были прикрыты, и это придавало её лицу выражение растерянности и беспомощности, но видно было, что всеми делами в семье заправляет именно она. Итакура, судя по всему, привык считаться с матерью и во всем беспрекословно ей подчинялся. По словам Таэко, вопрос об операции застрял на мёртвой точке только потому, что мать не желала сказать «да».

Находившиеся у постели больного по-прежнему делились на две группы: отец и мать Итакуры, с одной стороны, и его сестра и Таэко — с другой. Невестка выступала, так сказать, в роли буфера время от времени те или другие отзывали её в сторонку и тихо о чем-то переговаривались.

Вот и теперь родители Итакуры шептались в своём углу. Сатико не могла разобрать слов, но, судя по тону, мать выражала недовольство, а отец молча слушал и кивал в знак согласия.

Тем временем Таэко вместе с сестрой Итакуры внушали невестке, что она должна убедить матушку в необходимости операции. В противном случае, говорили они, она будет повинна в смерти сына.

Невестка, как видно разделявшая эту точку зрения, направилась к пожилой женщине и принялась её увещевать, но та по-прежнему стояла на том, что, если сыну суждено умереть, пусть он умрёт с обеими ногами. Когда невестка попыталась что-то ей возразить, мать перешла в контрнаступление: где порука, спросила она, что эта мучительная операция поможет? Невестке пришлось ретироваться. Матушку не переубедишь, сказала она сестре. Видно, на пожилых людей такие, доводы не действуют.

Теперь уговаривать мать пошла уже сестра.

— Вы думаете только о том, что ваш сын страдает, — говорила она со слезами в голосе, — и больше ничего не хотите знать. Разве долг матери не подсказывает вам, что надо согласиться на операцию? Удастся спасти брата или нет, мы обязаны сделать всё, что от нас зависит, чтобы потом не в чем было себя упрекнуть.

Мать продолжала упорствовать.

— Сатико, можно тебя на минуту? — сказала Таэко. Сёстры вышли в коридор. — Я уже не в силах слушать, как мамаша твердит одно и то же, одно и то же.

— Видишь ли, её можно понять…

— Всё равно уже поздно что-либо предпринимать. Я в этом убеждена. Но сестра очень просит, чтобы ты поговорила с матерью. Она, дескать, несговорчива только со своими, а к мнению человека солидного наверняка прислушается.

— Это я-то солидный человек?

У Сатико не было ни малейшего желания спорить с пожилой женщиной. Кто знает, какие проклятия посыплются на её голову, если дело кончится неудачей, а в том, что Итакуру не удастся спасти, Сатико была уверена почти на девяносто процентов.

— Подожди немного, Кой-сан, — сказала Сатико, — и ты увидишь — она согласится. Я думаю, она и сама понимает, что в конечном счёте ей придётся уступить. Она упрямится так, для очистки совести.

Теперь, когда её миссия была по существу окончена, Сатико больше всего заботило, как увезти Таэко домой. Но, как назло, ей не удавалось улучить для этого подходящий момент.

В коридоре появилась медицинская сестра. Увидев Таэко, она подошла и сказала:

— Доктор хотел бы поговорить с кем-нибудь из близких больного. Он ждёт в своём кабинете.

Таэко пошла сообщить об этом в палату. Родители, сестра и невестка Итакуры сидели у постели. Старики и на этот раз принялись совещаться, кому из них идти, но в результате отправились вдвоём. Минут через пятнадцать они вернулись. У отца был расстроенный и виноватый вид, мать плакала и сердито шептала ему что-то на ухо.

Как выяснилось потом, доктор Исогаи самым решительным тоном предложил им как можно скорее перевезти сына в хирургическую клинику. Он не может допустить, чтобы больной скончался здесь, на глазах у других пациентов. Со своей стороны, заявил доктор Исогаи, он сделал для больного всё, что от него зависело. При операции были соблюдены всё требования антисептики, поэтому вероятность какой-либо ошибки или оплошности совершенно исключается. Боли в ноге вызваны какими-то иными причинами, не имеющими отношения к операции. Как они сами имели возможность убедиться, ухо не причиняет больному никаких беспокойств, и он не видит оснований для его дальнейшего пребывания в этой клинике. Поскольку то, что

происходит сейчас, с больным, находится за пределами его компетенции, он обратился к доктору Судзуки, и тот любезно согласился сделать операцию. Но родные больного почему-то не спешат воспользоваться его услугами. По их вине упущено немало времени, и теперь трудно ручаться за успешный исход дела. Во всяком случае, он, доктор Исогаи, отныне снимаете себя всякую ответственность.

Одним словом, доктор Исогаи представил дело так, будто во всём виноваты родители Итакуры. Старикам ничего не оставалось, как поблагодарить доктора «за всё, что он для них сделал», и с поклонами удалиться.

Вернувшись в палату, мать принялась отчитывать мужа, как будто он был виноват в том, что доктору удалось так ловко переложить ответственность на них. Сатико понимала, что всё эти упрёки происходят от избытка душевной боли. В конце концов, как они и предвидели, старой женщине пришлось смириться с неизбежным и согласиться на операцию.

Уже смеркалось, когда всё наконец было готово для перевозки больного в хирургическую клинику. Доктор Исогаи держался крайне нелюбезно, всем своим поведением показывая, что и так слишком долго терпел эту обузу. Он даже, не счёл возможным проститься с Итакурой и его близкими. Больным занимались доктор Судзуки и приехавшая с ним медицинская сестра.

Было трудно понять, догадывается Итакура, что ему предстоит ампутация, или нет. Всё время, пока его родные обсуждали, как с ним поступить, он лежал с отрешённым видом и стонал, словно раненый зверь. Близкие, должно быть, уже не воспринимали это измученное, загнанное существо как сына, брата или деверя. Никому даже в голову не пришло спросить его согласия на операцию или попытаться объяснить ему, почему она необходима. Сейчас их заботило только одно: когда Итакуру понесут вниз, своим криком он может всполошить всех больных. Коридоры в клинике были очень узкие, не более метра шириной, а лестница винтовая, без площадок. Пронести носилки таким образом, чтобы не потревожить больного, вряд ли удалось бы, а это означало, что ему предстоят мучения ничуть не меньшие, чем когда он пытался воспользоваться уткой. Похоже, все вокруг испытывали не столько жалость к больному, сколько ужас перед его

душераздирающими воплями. Сатико спросила доктора Судзуки, нельзя ли что-нибудь сделать. Не беспокойтесь, сказал тот, мы сделаем ему укол. И действительно, когда доктор Судзуки, медицинская сестра и мать Итакуры стали спускать носилки к ожидавшей внизу карете «Скорой помощи», больной вёл себя сравнительно спокойно.

35

Пока отец, невестка и сестра Итакуры прибирали в палате и платили по счетам, Сатико отозвала Таэко в сторону. «Я уезжаю домой, Кой-сан, — сказала она. — Может быть, ты поедешь со мной? Тэйноскэ просил, чтобы мы вернулись вместе». Нет, ответила Таэко, она подождёт до конца операции.

Посадив всех четверых в машину, Сатико довезла их до хирургической клиники и на той же машине поехала в Асию. Перед тем как проститься с Таэко, она ещё раз попробовала с ней поговорить.

Ей вполне понятно желание Таэко быть рядом с больным, сказала Сатико, но у неё такое впечатление, что родным Итакуры было бы спокойнее, если бы она уехала. Её присутствие их только смущает.

Поэтому она надеется, что Таэко не станет долго задерживаться в клинике и при первой же возможности уедет домой. Что бы ни случилось, продолжала Сатико, она просит Кой-сан не давать людях повода думать, будто они с Итакурой помолвлены. Она должна всегда помнить, что на карту поставлена не только честь семьи, но и будущее Юкико.

Всей этой длинной тирадой Сатико хотела сказать только одно: теперь, когда Итакура находится при смерти, совсем ни к чему, чтобы люди узнали о его связи с Таэко, и та, как видно, прекрасно поняла смысл её слов.

Откровенно говоря, Сатико не могла не испытывать облегчения при мысли о том, что намерению сестры связать свою судьбу с человеком без рода, без племени скорее всего не суждено осуществиться. Ей было неприятно и стыдно сознавать, что в глубине души она способна желать чьей-либо смерти, но… это была правда. Более того, Сатико не сомневалась, что её чувства разделяет и Юкико, и Тэйноскэ, а Окубата, узнай он обо всём, наверное, пустился бы в пляс от радости.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Тэйноскэ, встретив жену. Он давно вернулся со службы и ждал Сатико в гостиной. — Я уже начал волноваться и даже звонил в клинику.

— Понимаешь, я не могла, вырваться раньше. Мне хотелось увезти с собой Кой-сан…

— Она тоже приехала?

— Нет. Она решила дождаться конца операции, и я не стала её отговаривать…

— Значит, всё-таки решили оперировать?

— Да, но не сразу. Родители Итакуры долго сопротивлялись. По пути домой я завезла Кой-сан, отца, сестру и невестку Итакуры в клинику доктора Судзуки.

— Как ты думаешь, его удастся спасти?

— Гм, боюсь, что нет.

— И всё-таки, что же у него с ногой?

— Я так и не поняла.

— Ты хотя бы спросила, как называется эта болезнь?

— Видишь ли, доктора Исогаи бесполезно о чем-либо спрашивать, а доктор Судзуки, вероятно, счёл неэтичным говорить об этом в его присутствии. Думаю, что у Итакуры заражение крови или что-то в этом роде.

«Митоша» уже сложила вещи и дожидалась Сатико. Расплатившись с ней за сорок дней, что она ухаживала за Эцуко, Сатико с мужем и Юкико сели ужинать. Вскоре, однако, раздался телефонный звонок. Сатико вышла в коридор и сняла трубку: звонила Таэко. Разговор был довольно долгий, но Юкико и Тэйноскэ уловили его общий смысл.

Операция закончилась, сообщила Таэко. Состояние больного несколько улучшилось, но необходимо переливание крови. У всех, кроме стариков-родителей, взяли анализ на группу крови. У Итакуры и его сестры вторая группа, у Таэко — первая. Пока что кровь будут брать у сестры, но необходимы ещё два донора. Поскольку первая группа совместима со второй, Таэко готова отдать свою кровь, но родные Итакуры этого не хотят. К сожалению, сестра всё-таки позвонила в магазин Окубата: там у Итакуры есть давние приятели.

По-видимому, она рассчитывает, что они согласятся быть донорами. С минуты на минуту они будут здесь, в клинике. Вполне возможно, что вместе с ними явится и Окубата. Таэко не хочет с ними встречаться, поэтому она намерена ехать домой. Нельзя ли прислать за ней машину? Она просто валится с ног от усталости. Ей хотелось бы

принять ванну и что-нибудь поесть. Не могла бы Сатико распорядиться, чтобы к её приезду всё было готово?

— Интересно, знают ли родители Итакуры об отношениях Кой-сан с Окубатой? — тихонько спросил Тэйноскэ жену, когда та вернулась в столовую.

— Думаю, что нет. В противном случае они никогда не позволили бы сыну жениться на Кой-сан.

— Конечно, — согласилась Юкико. — Он наверняка не рассказывал об этом родителям.

— Сестра, по-видимому, знает.

— А что это за приятели, про которых говорила Кой-сан? Они действительно поддерживают тесные отношения с Итакурой?

— Не знаю. Я никогда не слышала ни о каких приятелях.

— Если Итакура водит дружбу с этими людьми, можно не сомневаться, что о его связи с Кой-сан уже известно всем и каждому.

— Может быть… Скорее всего, Окубата имел в виду именно их, когда намекал в своём письме, что у него есть надёжный источник информации.

Хотя машину за Таэко выслали сразу же после телефонного разговора, она приехала в Асию только спустя час с лишним. Оказалось, по пути в Кобэ лопнула шина и шофёр приехал с большим опозданием. Таким образом, Таэко не удалось избежать встречи ни с приятелями Итакуры, ни с Окубатой, который, как она и опасалась, приехал вместе с ними. (Судя по всему, те известили его по телефону, сказала Таэко. В такое время его не бывает в магазине.) Таэко старалась держаться от Окубаты как можно дальше, он тоже, считаясь с ситуацией, вёл себя достаточно сдержанно. Только когда Таэко собралась уходить, он подошёл и вежливо спросил, почему она не хочет остаться дольше. Таэко показалось, что в его голосе прозвучала саркастическая нотка.

Когда друзья Итакуры предложили доктору свои услуги по части переливания крови, Окубата потребовал, чтобы у него тоже взяли анализ крови. Непонятно, кому и что он хотел этим доказать — скорее всего просто хотел порисоваться, ведь он известный позёр. Во всяком случае, когда Таэко предложила свою кровь — а в той ситуации она не могла поступить иначе — родные Итакуры почувствовали себя очень неловко и в один голос принялись протестовать.

— В каком месте ампутировали ногу? — спросила Сатико.

— Вот здесь… — Таэко подняла ногу и провела ребром ладони у себя по бедру.

— И ты всё это видела?

— Видела.

— Что же, ты была в операционной?

— Нет, я сидела за стеклянной дверью в комнате рядом. Оттуда всё было видно.

— Как ты могла на это смотреть?

— И старалась не смотреть, но страшное почему-то всегда притягивает… Вы бы видели, как бешено колотилось у Итакуры сердце. Грудь так и ходила ходуном — вверх, вниз, вверх, вниз. Не знаю, может быть, так действует общий наркоз. Во всяком случае, ты, Сатико, сбежала бы оттуда в первую же минуту.

— Не надо больше об этом, Кой-сан!

— Это ещё что! Я видела кое-что и пострашней…

— Прошу тебя, довольно!

— Я теперь долго не смогу есть мясо…

— Кой-сан, пожалуйста… — взмолилась Юкико.

— Кстати, я выяснила, как называется эта болезнь, — сказала Таэко, повернувшись к зятю. — Гангрена. Доктор Судзуки сказал нам после.

— Я не знал, что это такая мучительная болезнь. Что же, выходит, гангрена началась в результате операции на ухе?

— Не знаю…

Как выяснилось позже, доктор Судзуки пользовался не слишком хорошей репутацией среди своих коллег. В самом деле, было немного странно, что он согласился оперировать Итакуру после того, как два ведущих хирурга Кобэ признали больного безнадёжным. Должно быть, именно такие безнадёжные случаи и создали ему дурную славу. В тот день Таэко ничего этого не знала, но, очутившись в клинике доктора Судзуки и не увидев там ни одного пациента, она сразу же поняла, что это заведение не относится к числу преуспевающих. Клиника помещалась в громоздком особняке европейского типа, построенном, надо думать, ещё в годы Мэйдзи. Проходя по пустым коридорам и слушая, каким гулким эхом отдаются её шаги, Таэко ощутила себя так, будто оказалась в заброшенном доме с привидениями.

После операции Итакуру перевезли в палату. Очнувшись после наркоза, он посмотрел в лицо сидящей у его постели Таэко и с горечью произнёс: «Ну вот, теперь я калека». Но это был уже не стон раненого зверя, а обычный человеческий голос. Стало быть, всё это время он знал, насколько тяжело его положение и о чем совещались его родные. Как бы то ни было, Таэко испытала большое облегчение оттого, что крики наконец прекратились и больному немного полегчало. В ней даже вспыхнула надежда, что Итакура может выжить, и она попыталась представить себе его на костылях. Как оказалось потом, это была лишь временная передышка, но пока что боли оставили Итакуру. Именно в это время явились его друзья вместе с Окубатой, а Таэко вскоре уехала. Сестра, знавшая о существовании «треугольника», помогла ей незаметно выскользнуть из палаты. Таэко взяла с неё обещание, сразу же сообщить, если в состоянии Итакуры произойдёт какая-либо перемена. Приехавшего за нею шофёра она тоже предупредила, что, возможно, ей придётся разбудить его среди ночи…

И действительно, в четыре часа утра позвонила сестра Итакуры. Сквозь сон Сатико слышала, как от дома отъехала машина. «Это, должно быть, Кой-сан», — подумала она и снова погрузилась в дремоту. А спустя какое-то время (какое именно — Сатико не знала) к ней в спальню заглянула О-Хару:

— Только что звонила Кой-сан. Господин Итакура скончался…

— Который час?

— Половина седьмого…

Сатико немного полежала в постели, но снова уснуть ей не удалось. Тэйноскэ уже обо всём знал (он слышал телефонный разговор). Юкико с Эцуко спали во флигеле. О-Хару рассказала им о случившемся уже после, когда они встали.

Таэко вернулась домой около двенадцати часов дня. Итакуре несколько раз делали переливание крови, рассказала она, но это не помогло. Инфекция перекинулась на голову и на грудь, больной умирал в страшной агонии. Таэко никогда ещё не видела такой ужасной, мучительной смерти. До последней минуты он оставался в ясном сознании и простился с каждым из близких и друзей. Таэко и Окубату он поблагодарил за всё доброе, что они для него сделали, и пожелал им счастья. Он просил поклониться от него всему семейству

Макиока: господину Тэйноскэ, госпоже Сатико, госпоже Юкико, маленькой барышне, даже О-Хару не забыл упомянуть.

После кончины Итакуры его друзья вернулись в Осаку: им нужно было успеть к открытию магазина, — а Таэко и Окубата, вместе с родными Итакуры сопровождали тело покойного в Танаку. Оттуда Таэко сразу поехала домой, Окубата же остался с его семьёй. Родные Итакуры обходятся с ним очень почтительно, сказала Таэко, и называют не иначе как «молодым хозяином» и «благодетелем». Бдение будет сегодня и завтра вечером, а похороны назначены на послезавтра…

Таэко выглядела усталой и осунувшейся, но полностью владела собой и не проронила ни слезинки. На другой день, вечером, она отправилась на бдение, но пробыла в Танаке не более часа. Ей хотелось остаться подольше, сказала она, но там был Окубата, который всё время порывался с ней заговорить.

Тэйноскэ понимал, что приличия обязывают его и Сатико поехать на похороны, но в то же время он считал себя не вправе забывать о репутации своячениц. Вдруг они встретят там кого-нибудь из знакомых? Да и перспектива увидеть семейство Окубата после той скандальной истории не сулила ему ничего, кроме неловкости. В конце концов Тэйноскэ решил, что Сатико поедет без него, причём пораньше, до того, как соберутся всё приглашённые.

Таэко была на похоронах, однако в крематорий не поехала. Как она рассказала потом, похороны были очень многолюдными. Она даже не подозревала, что у Итакуры столько знакомых. Кого только она там не видела! Окубата и тут не упустил возможности порисоваться. Он всё время стоял у гроба.

Урну с прахом Итакуры родители увезли к себе в Окаяму и захоронили на кладбище при местном храме. Потом они приезжали в Танаку по делам, связанным с продажей дома, однако в Асии не появились. Видимо, им не хотелось показаться назойливыми.

Каждые семь дней Таэко ездила на могилу Итакуры,[87] но к его близким не зашла ни разу. Хотя у себя дома она ничего об этом не рассказывала, Сатико догадывалась, куда отлучается сестра.

Чтобы Юкико и Эцуко не скучали без «Митоши», с ними спала О-Хару. Впрочем, это продолжалось недолго. За день до похорон

Итакуры карантин кончился, и они смогли опять водвориться в доме. Во флигеле сделали дезинфекцию, и там снова обосновался Тэйноскэ.

* * *

В самый разгар суеты и волнений последних дней, иными словами — в конце мая, пришло письмо от г-жи Штольц. Оно было написано по-английски и адресовано Сатико:

Дорогая госпожа Макиока!

Мне очень неловко оттого, что я не сразу откликнулась на Ваше милое письмо. Ни в Маниле, ни на пароходе у меня не было буквально ни одной свободной минуты. Мне пришлось одной заниматься всеми сборами, потому что сестра больна и давно уже уехала в Германию. Прибавьте к этому хлопоты о детях (на моих руках было пятеро: Роземари, Фриц и трое племянников) — и Вы поймёте, что мне даже присесть было некогда.

Муж встретил нас в Бремерхафене и очень обрадовался, что мы благополучно добрались. А я была рада, что он здоров и хорошо выглядит. Петер встречал нас вместе с родственниками и друзьями на вокзале в Гамбурге. С отцом и сёстрами я пока ещё не виделась. Сначала нам нужно было обзавестись домом, а это оказалось не так-то просто. Мы пересмотрели множество квартир, прежде чем сумели найти то, что нам нужно. Сейчас мы заняты покупкой мебели и кухонной утвари. Думаю, что недели через две мы уже сможем туда перебраться. К тому времени прибудет, наверное, и наш багаж.

Петер и Фриц пока что живут у друзей. Петер много занимается. Он передаёт всем вам привет.

В мае наши знакомые едут в Японию. Я пошлю с ними скромный сувенир для Эцуко, и знак неизменном симпатии к Вашему милому семейству.

Когда Вы приедете в Германию? Мне было бы очень приятно показать Вам Гамбург. Это чудесный город.

Роземари написала Эцуко письмо. Милая Эцуко, ты тоже должна непременно ей написать. Пусть тебя не смущают ошибки в английском языке. Я сама делаю их предостаточно.

Кто теперь живёт в доме г-на Сато? Я часто вспоминаю этот прелестный уголок. Пожалуйста, кланяйтесь от меня г-ну Сато и всему Вашему семейству.

Получили ли Вы туфельки, которые Петер послал Эцуко из Нью-Йорка? Я надеюсь, Вам не пришлось платить за них пошлину.

Искренне Ваша, Хильда Штольц.

2 мая 1939 г. Гамбург.

В письмо г-жи Штольц был вложен листок, на котором сверху было написано:

«Это письмо, которое я перевела с немецкого на английский».

Дорогая Эцуко!

Я долго тебе не писала. Это — моё первое письмо.

Недавно я полакомилась с одним японским господином, который живёт в доме г-жи фон Пустан. Он служит в валютном банке в Иокогаме. Сейчас к нему приехали его жена и трое детей. Их фамилия — Имаи.

Наше путешествие из Манилы в Германию было очень интересным. Плывя по Суэцкому каналу, мы даже попали и песчаную бурю. Мои двоюродные братья сошли с парохода и поехали со своей мамой в Германию. Мы поплыли на пароходе.

Я сейчас живу в пансионе. Под окном нашего дортуара свили гнездо дрозды. Сперва дроздиха снесла яички, теперь она их высиживает. Однажды я видела, как папа-дрозд

принёс в клюве муху. Он хотел отдать её дроздихе, но она почему-то улетела. Дрозд поступил очень умно: он положил муху в гнездо и улетел. А дроздиха вернулась, съела её и снова уселась на яйца.

Скоро мы переедем в новую квартиру. Наш адрес: Гамбург, Офербек-штрассе, 14, в первом этаже.

Дорогая Эцуко, пожалуйста, напиши мне и передай от меня привет всей своей семье.

Розмари.

2 мая 1939 года, вторник.

P. S. Вчера мы виделись с Петером. Он тоже передаёт всем вам привет.

Книга третья

1

Юкико приехала в середине февраля и пробыла в Асии весь март, апрель и май — почти четыре месяца. Казалось, она и думать забыла о возвращении в Токио.

В начале июня, однако, пришло неожиданное письмо от Цуруко. Оно было неожиданным прежде всего потому, что в нём сообщалось о новом предложении для Юкико, первом за два с лишним года, которые прошли с тех пор, как г-жа Дзимба упомянула о Номуре. Кроме того, после неудачной попытки Тацуо просватать Юкико за г-на Саигусу матримониальными делами сестры занималась Сатико. Теперь же, впервые за долгие годы, инициатива исходила от «главного дома», и это тоже было неожиданно.

Предложение, о котором написала Цуруко, произвело на Сатико несколько странное впечатление. Дело обстояло так. Старшая сестра Тацуо, в замужестве Сугано, принадлежала к семье крупного помещика в Огаки, а эта семья с незапамятных времён поддерживала близкие отношения с домом Савадзаки, едва ли не самым богатым и знатным в Нагое. Покойный отец г-на Савадзаки даже заседал в парламенте по праву одного из крупнейших налогоплательщиков. За этого г-на Савадзаки и хотела сосватать Юкико г-жа Сугано. Из всех родственников Тацуо она одна достаточно хорошо знала Сатико и её младших сестёр. Когда-то давным-давно (Сатико было в ту пору лет девятнадцать) Тацуо повёз жену и трёх своячениц к реке Нагарагава, чтобы посмотреть, как ловят рыбу с помощью бакланов, а на обратном пути они заехали в Огаки к г-же Сугано и даже, помнится, переночевали в её доме. Потом они ещё как-то ездили туда собирать грибы.

Сатико хорошо помнила эти места. Чтобы добраться до поместья Сугано, нужно было около получаса ехать от Огаки по просёлочной дороге, пока перед вами наконец не вырастала довольно-таки глухая и унылая деревушка.

В этом месте следовало свернуть с дороги в сторону и ещё некоторое время ехать по затенённой деревьями аллее, в конце которой высились массивные ворота усадьбы. На подступах к усадьбе

теснилось несколько убогих крестьянских дворов, но дом Сугано, ведущий свою историю ещё со времён битвы при Сэкигахаре,[88] был по старинному добротен и импозантен. Рядом с домом, отделённая палисадником, стояла фамильная часовенка, за нею начинался декоративный сад с прудами и поросшими мхом скалами, а в тыльной части двора раскинулись огороды.

Сатико помнила, как в осеннюю пору, когда созревали каштаны, деревенские девочки забирались на усыпанные орехами деревья и стрясали их на землю. Пища в доме была незатейливая, но удивительно вкусная — больше всего Сатико понравился суп мисо с молодым картофелем и отварные корневища лотоса.

Хозяйка дома вот уже несколько лет вдовствовала и, потому, наверное, что была не особенно обременена домашними хлопотами, решила заняться устройством судьбы Юкико. О том, что вдова давно уже обещала найти для Юкико хорошую партию, Макиока слышали и прежде. Стало быть, она своё обещание сдержала.

В письме Цуруко, однако, не было сказано ни о том, что представляет собой г-н Савадзаки, ни о том, при каких обстоятельствах у него возникло желание встретиться с Юкико. Цуруко лишь сообщала, что г-жа Сугано хочет познакомить Юкико с г-ном Савадзаки и поэтому просит её приехать к ней в Огаки. Состояние, г-на Савадзаки, писала Цуруко, исчисляется несколькими миллионами, в сравнении с которыми нынешний достаток семьи Макиока смехотворно мал. И всё же, учитывая, что для г-на Савадзаки это второй брак и что он уже навёл справки о Юкико и её родне, не следует считать его предложение совершенно бесперспективным. В любом случае пренебречь любезностью г-жи Сугано и не откликнуться на её приглашение значило бы поставить Тацуо в крайне неудобное положение. К сожалению, никаких подробностей, связанных со смотринами, Цуруко не знает: пока что г-жа Сугано только просит Юкико приехать в Огаки, по-видимому полагая, что всё остальное они смогут обсудить с нею уже при встрече. Как бы то ни было, Цуруко считает, что Юкико непременно должна ехать. Кроме того, её пребывание в Асии и так уже затянулось, и они с Тацуо всё равно собирались напомнить ей о необходимости возвращаться в Токио. Юкико могла бы заехать в Огаки по пути в Токио. Г-жа Сугано не выразила никаких особых пожеланий в отношении того, кому

следует сопровождать Юкико. Тацуо сейчас очень занят, и если надо, с нею готова поехать она, Цуруко, но было бы ещё лучше, если бы это сделала Сатико. Насколько она понимает, г-жа Сугано не намерена обставлять смотрины особыми церемониями, поэтому они должны чувствовать себя так, как если бы ехали к ней просто погостить.

Цуруко писала так, будто речь шла о деле давно решённом. Но согласится ли на эту поездку Юкико? Этот вопрос задала себе Сатико прежде всего. Она показала письмо мужу. Тэйноскэ тоже нашёл его излишне скоропалительным, было трудно поверить, что его писала степенная, рассудительная Цуруко. Да, конечно, господин Савадзаки — личность весьма известная, эту фамилию знают и в Осаке, не только в Нагое, но это отнюдь не значит, что надо вот так, с бухты-барахты, не выяснив даже, что он за человек, знакомить с ним Юкико. При том, что со своими миллионами он никак не может считаться ровней Макиока, согласиться на эту встречу было бы с их стороны не только опрометчиво, но и нескромно. К тому же Юкико после стольких неудач с её сватовством просила не назначать смотрин до тех пор, пока о женихе не будет выяснено всё необходимое, и Цуруко прекрасно это знала.

На следующий день, вернувшись со службы, Тэйноскэ сказал, что вся эта затея с новым сватовством кажется ему весьма странной. Ему удалось кое-что выяснить о господине Савадзаки: в своё время он окончил коммерческое отделение университета Васэда;[89] ему около сорока пяти лет; года два или три назад он овдовел, его покойная жена происходила из среды придворной аристократии; у господина Савадзаки трое детей; состояние семьи едва ли уменьшилось с тех пор, как его отец заседал в верхней палате парламента, и вообще господин Савадзаки принадлежит к числу самых богатых и влиятельных людей Нагой.

Что же касается характера господина Савадзаки и его человеческих качеств, то на этот вопрос Тэйноскэ не смог получить вразумительный ответ. Невозможно понять, сказал Тэйноскэ, почему миллионер, чья покойная жена принадлежала к аристократической фамилии, должен брать себе вторую жену из обедневшей семьи Макиока. Впору заподозрить, что какие-то серьёзные причины не позволяют ему найти для себя более подходящую партию. Хотя, с

другой стороны, госпожа Сугано вряд ли стала бы прочить Юкико за человека явно недостойного.

В таком случае остаётся предположить только одно: господин Савадзаки знает цену женской красоте и хочет взять себе в жены истинно японскую красавицу, воспитанную на старинный лад. Узнав, что Юкико как нельзя лучше отвечает этим требованиям, он и решил на неё взглянуть. Или, быть может, им движут более серьёзные соображения: он мог услышать от той же госпожи Сугано, что Юкико трогательно заботится о своей племяннице и девочка привязана к тётке даже больше, чем к матери. Возможно, он подумал, что Юкико сумеет заменить мать его детям, а всё остальное для него несущественно.

Какое же из этих двух объяснений наиболее правдоподобно? Пожалуй, первое, решил Тэйноскэ. Скорее всего, наслушавшись рассказов о Юкико, господин Савадзаки захотел посмотреть, действительно ли она так хороша, как говорят, и решил с нею встретиться просто из любопытства, не имея в виду ничего серьёзного, ведь, в конце концов, это ни к чему его не обязывает. Но в «главном доме» не удосужились принять в расчёт такую возможность и настаивают на этой встрече только потому, что Тацуо не может сказать «нет» своей сестрице.

Будучи самым младшим в семье, а впоследствии войдя в семью Макиока на правах приёмного сына, Тацуо до сих пор не смел поднять голову в присутствии своих старших братьев и сестёр. А г-жа Сугано, самая старшая в семье, служила для него совершенно непререкаемым авторитетом — любое её слово было для него законом. В письме Цуруко прямо говорилось: на благосклонный ответ Юкико она не надеется и поэтому просит Сатико во что бы то ни стало уговорить её встретиться с г-ном Савадзаки. Вне зависимости от того, увенчаются нынешние переговоры успехом или нет, Юкико обязана поехать в Огаки. В противном случае Тацуо будет поставлен в очень трудное положение. Хотя предложение г-на Савадзаки кажется ей невероятным и не очень-то обнадёживает, родственными связями пренебрегать нельзя. К тому же от доброго отношения г-жи Сугано Юкико только выиграет.

*** * ***

Вслед за письмом Цуруко пришло письмо от г-жи Сугано. Узнав от Тацуо, что Юкико сейчас находится в Асии, писала вдова, она подумала, что будет проще адресоваться прямо к Сатико, нежели прибегать к посредничеству «главного дома». Надо полагать, в своём письме Цуруко достаточно подробно изложила суть дела, однако г-жа Сугано просит не волноваться излишне по поводу предстоящих смотрин. Она давно уже не виделась с Сатико и её милыми сёстрами и поэтому приглашает их всех в гости. Было бы прекрасно, если бы они привезли с собой и маленькую Эцуко, с которой она до сих пор не знакома.

За последние десять с лишним лет в их деревенской глуши не произошло ничего такого, ради чего стоило бы звать их в Огаки, но в скором времени начинается сезон ловли светляков.[90] Нельзя сказать, чтобы их места были особенно знамениты в этом смысле, и всё же в эту пору здесь бывает очень красиво: если с наступлением темноты выйти в поле, то около речки можно увидеть сонмы порхающих с места, на место светляков. Осенними клёнами и грибами их, пожалуй, не удивить, но это зрелище, несомненно, будет им в диковинку.

Пора любования светляками очень непродолжительна. Если бы Сатико с сёстрами приехали, скажем, через неделю, то успели бы как раз вовремя, — потом их можно уже не застать. Многое зависит и от погоды: плохо, если долго стоят сухие дни, но и затяжные дожди тоже бывают некстати. Лучше всего любоваться светляками на следующий день после того, как прошёл дождь.

Учитывая всё это, г-жа Сугано хотела бы, чтобы они приехали к ней в следующую субботу и остались ещё хотя бы на воскресенье. Пока они будут у неё гостить, Юкико сможет в непринуждённой обстановке встретиться с г-ном Савадзаки. Когда именно и где — г-жа Сугано пока не знает. Скорее всего, встреча произойдёт у неё в доме и займёт всего лишь полчаса, от силы час. Может статься, что г-н Савадзаки окажется занят и вообще не сумеет вырваться из Нагой. Одним словом, они должны исходить из того, что главной целью их поездки служит любование светляками.

Было совершенно очевидно, что вдова Сугано написала в Асию по просьбе «главного дома». Хотя в письме Цуруко и говорилось, что предложение г-на Савадзаки кажется ей «невероятным и не очень-то обнадёживает», Сатико подозревала, что в глубине души сестра с

зятем надеются: а вдруг из этого всё-таки что-нибудь выйдет? Да и сама Сатико, всерьёз обеспокоенная судьбой Юкико, уже не находила в себе смелости отмахнуться от этого предложения.

Когда-то — кажется, лет пять назад — случилось нечто похожее: к Юкико сватался человек гораздо более высокого положения, нежели Макиока. Чувствуя себя весьма польщёнными, они принялись наводить о нём справки — и тут выяснилось, что жених замешан в какой-то скандальной истории, никак не свидетельствующей о его порядочности. Тэйноскэ опасался, что и на сей раз они могут столкнуться с чем-то подобным. Он весьма благодарен госпоже Сугано за заботу, но ему не хочется снова оказаться в дураках. В самом деле, как можно вот так, ни с того ни с сего, без всяких предварительных переговоров назначать смотрины? Господин Савадзаки, видите ли, выразил желание встретиться с Юкико, и поэтому она должна со всех ног мчаться в Огаки. Да это попросту неучтиво, даже оскорбительно по отношению к ним.

И всё же это было первое предложение за два с лишним года. Ещё сравнительно недавно у Юкико не было отбоя от женихов, но потом всё вдруг переменилось. Сатико понимала, что во многом виновата она сама и её близкие. Они предъявляли к претендентам на руку Юкико непомерно высокие требования и отклоняли одно предложение, за другим, в то время как Таэко с её скандальной репутацией только уменьшала шансы Юкико на хорошую партию.

И вот теперь, когда Сатико испытывала тяжелейшие угрызения совести, когда ей стало казаться, что люди совсем отвернулись от них, и когда она совсем уже потеряла надежду выдать Юкико замуж, на горизонте вдруг появился г-н Савадзаки. Пусть это предложение не внушает особого доверия, пусть оно вообще ничего не сулит, но пренебрегать им не следует, считала Сатико. В противном случае они лишь навлекут на себя ещё большую злобу.

Даже если из этого сватовства ничего не выйдет, всё равно нужно попробовать. Вслед за этим могут появиться новые предложения. Отказавшись же от встречи с г-ном Савадзаки, они отпугнут людей, и перспектива выдать Юкико замуж отодвинется ещё дальше.

К тому же нельзя забывать, что нынешний год для Юкико несчастливый. И потом, хоть Сатико и готова была посмеяться над сестрой и зятем, которые тешат себя напрасными надеждами, какой-то

внутренний голос нашёптывал ей, что брак Юкико с Савадзаки не так уж и невозможен. Тэйноскэ призывает её к благоразумию, но, быть может, он излишне осторожен? Неужели Юкико настолько заурядна, что должна считать для себя честью стать женой вдовца, да ещё с тремя детьми! Да, г-н Савадзаки весьма богат, но ведь, в конце концов, она тоже происходит из весьма родовитой семьи.

Тут Тэйноскэ почёл за лучшее промолчать. Он понимал, что в таких случаях с женой лучше не спорить: любое его замечание прозвучало бы оскорблением для Юкико и памяти её покойного отца.

Проговорив весь вечер, Сатико и Тэйноскэ в конце, концов сошлись на том, что спросят Юкико — как она решит, так и будет. На следующий день Сатико рассказала сестре о письмах Цуруко и г-жи Сугано. Против ожидания, Юкико не выказала особого неудовольствия. Как всегда, она не ответила ничего определённого, но за её короткими «Вот как?» и «Понятно…» Сатико почувствовала готовность принять предложение Савадзаки. Должно быть, при всей её гордости, подумала Сатико, сестра всё-таки беспокоится за свою судьбу и уже не склонна упираться, когда речь заходит о смотринах.

Сатико старалась вести разговор таким образом, чтобы не задеть самолюбие Юкико, и та, похоже, не нашла предложение г-на Савадзаки ни странным, ни смехотворным, ни унизительным для себя. В былые времена, узнав о том, что у человека, за которого её прочат, есть дети, Юкико сразу же принималась расспрашивать, какие они, сколько им лет и достаточно ли хорошо они воспитаны. На сей раз она не стала вникать в эти подробности. Юкико дала понять, что, раз ей всё равно предстоит возвращаться в Токио, она могла бы вместе со всеми заехать в Огаки и полюбоваться светляками. «Не иначе как Юкико хочет выйти за богача!» — рассмеялся Тэйноскэ.

Сатико сразу же отписала г-же Сугано: они с удовольствием принимают её любезное приглашение и надеются, что она и впредь не оставит их своей благосклонностью Юкико будет рада встретиться с г-ном Савадзаки с позволения г-жи Сугано, они нагрянут к ней вчетвером: Сатико, Юкико, Таэко и Эцуко Сатико очень неловко диктовать г-же Сугано свои условия, но дело в том, что Эцуко долго болела и пропустила много занятий в школе, поэтому им было бы удобнее приехать в Огаки не в субботу, а в пятницу, с тем чтобы в субботу вернуться домой она просит ничего не говорить девочке о

смотринах — ей представили дело так, будто они едут ловить светляков…

На самом деле Сатико решила ехать в пятницу для того, чтобы иметь возможность проводить Юкико до Гамагори. В субботу они покинут дом г-жи Сугано и проведут ночь в гостинице «Токивакан» в Гамагори. Во второй половине дня в воскресенье Юкико отправится оттуда в Токио, а остальные вернутся в Асию, и с понедельника Эцуко после долгого перерыва начнёт посещать классы.

2

Сатико предпочла бы ехать в поезде по жаре в европейском платье, но, поскольку речь шла о смотринах, ей пришлось одеться, как положено, в кимоно с широким двойным поясом. Изнемогая от духоты, она с завистью глядела на Таэко в её простеньком летнем платьице, мало чем отличавшемся от того, что было на Эцуко. Юкико тоже предпочла бы одеться поскромнее, а парадное кимоно захватить с собой в чемоданчике — времена были не те, чтобы привлекать к себе внимание нарядом. Но, поскольку ясной договорённости о том, когда состоятся смотрины, не было, приходилось учитывать возможность, что г-н Савадзаки приедет раньше и будет ждать их в доме вдовы Сугано. В конце концов Юкико решила, что должна одеться с подобающим случаю тщанием.

* * *

— Как молодо она выглядит! — шепнул Тэйноскэ на ухо жене, глядя на сидящую напротив Юкико. До Осаки они ехали на электричке всё вместе.

И правда, вряд ли кто мог подумать, что Юкико вступила в несчастливую пору своего тридцатитрехлетия. Густая косметика подчёркивала прелесть её тонкого, немного печального лица, которое казалось ещё более юным из-за умело выбранного наряда. На ней было летнее кимоно из тонкого шёлка — не то крепа, не то жоржета: по густо-лиловому фону шёл крупный плетёный узор, который тут и там перебивался орнаментом в виде веточек хаги, цветов гвоздики и белых волнистых завитков. Это кимоно шло ей как ни одно другое. Ради такого случая, по её просьбе, Цуруко специально выслала его из Токио…

— Очень молодо, — согласилась Сатико. — Мало кто в её возрасте может позволить себе надеть кимоно такой расцветки.

Догадываясь, что разговор идёт о ней, Юкико потупила взгляд. Если сегодня и можно было к чему-либо придраться в её внешности, то лишь к пятнышку у неё над глазом. Ещё в августе прошлого года,

когда она вместе с Эцуко уезжала в Иокогаму проводить г-на Штольца и Петера, Сатико заметила, что это пятно, долгое время не появлявшееся, проступило снова. С тех пор оно, похоже, так и не исчезало, только становилось то ярче, то бледнее. В иные дни оно почти не привлекало к себе внимания, но даже тогда, хорошенько приглядевшись, можно было различить на веке у Юкико чуть заметную тень. Более того, если прежде пятно выступало периодически и было так или иначе связано с месячными циклами, то теперь его появление стало совершенно непредсказуемым. Удручённый этим обстоятельством, Тэйноскэ не раз заговаривал с женой о том, что, быть может, стоит начать уколы. И Сатико соглашалась: да, нужно показать Юкико хорошему специалисту. Однако в своё время врач из клиники при Осакском университете объяснил ей, что в подобных случаях требуется длительный курс лечения, в котором он не находит особого смысла, потому что, как только Юкико выйдет замуж, пятно исчезнет само собой. К тому же за это время оно успело ей примелькаться, и она уже не видела в нём серьёзного изъяна. А главное — сама Юкико не выказывала по этому поводу ни малейшего беспокойства. И вопрос об уколах отпал сам собой. Но когда, как сегодня, Юкико накладывала на лицо густой слой белил, пятно почему-то делалось заметнее и при боковом освещении приобретало сероватый оттенок, совсем как ртуть в термометре. Тэйноскэ обратил на него внимание ещё утром, когда Юкико красилась перед зеркалом. И сейчас, в поезде, он окончательно убедился в том, что злосчастное пятно слишком бросается в глаза, чтобы его сегодня не заметили. Сатико догадывалась, о чем думает муж. Они с самого начала не возлагали особых надежд на предстоящие смотрины, а теперь и совсем сникли. Оба старались ничем не выдать своего огорчения, но каждый понимал, какие мысли занимают другого.

Судя по всему, Эцуко догадывалась, что они едут в Огаки не только ради светляков. Когда в Осаке они пересели на другой поезд, она спросила мать:

— Почему ты сегодня в кимоно?

— Я хотела надеть платье, но потом решила, что госпожа Сугано может обидеться, если я явлюсь к ней в затрапезном виде.

— Да? А почему? — Как видно, объяснение Сатико прозвучало для девочки не вполне убедительно.

— Понимаешь, пожилые люди, тем более в провинции, придают таким вещам большое значение.

— А что мы там будем делать?

— Разве ты не знаешь? Ловить светлячков.

— Почему же тогда вы с Юкико такие нарядные?

— Ты никогда не видела, как ловят светлячков? — пришла на помощь сестре Таэко. — Есть множество картин и гравюр, на которых изображена юная принцесса в окружении придворных дам, и на каждой из них нарядное кимоно с длинными развевающимися рукавами. Они держат в руке веер — вот так (Таэко изобразила, как именно) — и ловят им светлячков, стоя на берегу озера или на мосту. Ловить светлячков полагается непременно в красивом кимоно, иначе от этого не получишь никакого удовольствия.

— Почему же ты не надела кимоно, Кой-сан?

— У меня нет хорошего летнего кимоно. Юкико будет у нас принцессой, а я попытаюсь сойти за придворную даму, правда, современного образца.

Только что исполнился двадцать первый день со смерти Итакуры, и Таэко в третий раз ездила на его могилу в Окаяму, но это не помешало ей выглядеть сегодня весёлой и оживлённой. Пережитое несчастье, казалось, не оставило в её душе заметного следа. Она постоянно отпускала шутки, над которыми сёстры и племянница смеялись чуть ли не до колотья в боку, то и дело с ловкостью фокусника извлекала откуда-то очередную коробочку с монпансье или печеньем, угощала других, но ещё более охотно угощалась сама.

— Посмотри, Юкико, гора Миками! — Эцуко, которая проезжала эти места всего лишь во второй раз, с любопытством смотрела в окно, припоминая всё, на что обращала её внимание Юкико во время их прошлогодней поездки в Токио: гору Миками, длинный мост над рекой Сэтагава, развалины замка Адзути…

Миновав станцию «Нотогава», поезд неожиданно сделал рывок и остановился. Пассажиры стали высовываться из окон — поезд стоял посреди поля, на развилке железнодорожной линии. Никто не мог понять, что произошло. Из паровозного отделения выскочили двое железнодорожников и принялись обходить состав, заглядывая под вагоны. Пассажиры наперебой спрашивали их: что случилось? — но те, то ли сами не понимая, в чем дело, то ли не желая говорить правду,

отделывались неопределёнными ответами. Прошло, должно быть, минут пять, а то и десять. Поезд по-прежнему не трогался с места. Вскоре подошёл ещё один состав и тоже остановился. Оттуда опять-таки выскочили два машиниста и начали осматривать пути. Один из них побежал в сторону станции «Нотогава»…

— Что случилось, мама?

— Ума не приложу…

— Может быть, кого-то задавило?

— Да нет, не похоже.

— Когда же мы наконец поедем?

— Глупый поезд, застрял в таком месте…

В первый момент Сатико тоже подумала, что кто-то попал под поезд, но, к счастью, этого не произошло — судьба избавила их от такого дурного предзнаменования. Сатико не так уж много ездила в поездах и не знала, часто ли случаются подобные остановки, и всё же ей казалось очень странным, что их поезд ни с того ни с сего, без всякой видимой причины застрял в пути более чем на полчаса, и где? — не на какой-нибудь пригородной ветке и не на частной железной дороге, а на главной железнодорожной магистрали страны! Сатико чудилось во всём этом нечто умышленное, издевательское, как будто поезд нарочно валял дурака, чтобы помешать счастью Юкико… Ещё не было случая, чтобы в день её смотрин не произошло какой-нибудь неприятности. Сатико так надеялась, что на сей раз будет иначе, и действительно, всё, казалось, шло благополучно, и вот — на тебе! Сатико сидела с помрачневшим лицом и, хотя и сознавала это, ничего поделать с собой не могла.

— Ну что же, нам спешить некуда, — весело сказала Таэко. — Поезд устроил себе обеденный перерыв, давайте пообедаем и мы. Есть, когда тебя трясёт, не так уж приятно.

— В самом деле, — оживилась Сатико, — почему бы нам не подкрепиться? В этой духоте продукты утратят свой вкус.

Таэко сняла с багажной сетки корзинку и узелок.

— Как ты думаешь, Кой-сан, яйца не испортились?

— Меня больше беспокоят сандвичи. Их нужно съесть в первую очередь.

— Кой-сан, ты ужасная чревоугодница. Всё это время ты беспрестанно что-то жуёшь, — сказала Юкико. Судя по всему, ей было

совершенно невдомёк, какие недобрые предчувствия одолевают в эту минуту её сестёр.

Примерно четверть часа спустя подали новый паровоз, поезд дёрнулся и наконец тронулся с места.

3

В последний раз сёстры приезжали в Огаки осенью, перед самым замужеством Сатико. Она уже была помолвлена с Тэйноскэ, и вскоре после этого, месяца через два или три, состоялась их свадьба. Это было в тысяча девятьсот двадцать пятом году, четырнадцать лет назад. В ту пору Сатико было двадцать два года, Юкико — девятнадцать, а Таэко шёл всего лишь пятнадцатый год. Супруг г-жи Сугано был тогда ещё жив. Он говорил с сильным акцентом центральной Японии, который казался до того забавным, что они без конца переглядывались и готовы были каждую минуту покатиться со смеху. Один раз они всё-таки не удержались и прыснули чуть ли не в лицо г-ну Сугано. Сатико до сих пор помнила, какую грозную мину состроил им тогда Тацуо…

Тацуо очень гордился своим родством с Сугано, принадлежавшим к древнему дворянскому роду, упоминания о котором содержатся ещё в хрониках времён битвы при Сэкигахаре, и не упускал случая повезти жену и своячениц в Огаки. Он с важным видом показывал им поле давнего сражения и руины заставы Фува.[91] В первый раз они были здесь в самый разгар летнего зноя, и Сатико едва помнила себя от усталости после тряски по пыльным деревенским дорогам в старом, полуразвалившемся автомобильчике. Во второй раз Тацуо снова потащил их осматривать те же достопримечательности, и Сатико уже откровенно скучала. Впрочем, для её тогдашней скуки существовали и более глубокие основания. Сатико никогда не забывала о своём осакском происхождении. Любимыми героями её детства были князь Тоётоми Хидэёси[92] и его жена Ёдогими,[93] и поэтому глядеть на поле сражения, в котором пал род Хидэёси, ей было не особенно приятно.

Во второй раз их пригласили в Огаки по случаю завершения строительства садовой пристройки, которую старик Сугано назвал «Павильоном забвения времени». Он намеревался использовать его для дневного отдыха, игры в шахматы, приёма гостей. Павильон состоял из двух смежных комнат в восемь и в шесть дзё и соединялся с домом длинной изогнутой галереей. Это была постройка довольно причудливой формы, стилизованная под старину, но вместе с тем не вызывавшая ощущения излишней вычурности. Всё здесь выглядело

прочным, добротным и вполне вязалось с представлением о богатой помещичьей усадьбе. За минувшие четырнадцать лет на этот домик успела лечь печать времени, и оттого он показался Сатико ещё более прекрасным.

В этом павильоне г-жа Сугано решила на сей раз устроить своих гостей. Здесь, любуясь свежей зеленью сада, они дожидались появления хозяйки.

— Добро пожаловать! — приветствовала их г-жа Сугано. — Как мило, что вы ко мне выбрались.

Госпожа Сугано пришла не одна, вместе с нею была молодая женщина с младенцем на руках и мальчиком лет шести, застенчиво прятавшимся за её спиной. Судя по всему, это были невестка и внуки г-жи Сугано. Сатико знала, что у вдовы есть сын, который служит в местном банке.

— Знакомьтесь, пожалуйста, это моя невестка Цунэко, это внук, его зовут Соскэ, а эта крошка — моя маленькая внучка Кацуко, — сказала г-жа Сугано.

Последовал взаимный обмен любезностями, сожалениями о том, что они так долго не виделись, — и, естественно, в конце концов разговор перекинулся на то, как удивительно молодо выглядят сёстры Макиока.

Когда она только что вышла встретить их к воротам, сказала г-жа Сугано, и увидела выходившую из машины Таэко, она в первый момент подумала: это, должно быть, Эцуко. Конечно, что и говорить, глаза у неё уже не те, что прежде… Потом из машины показались Юкико и Сатико, но вдова, разумеется, решила, что это Таэко и Юкико. А где же Сатико? — недоумевала она. И кто эта маленькая девочка? Только сейчас она наконец разобралась, кто есть кто…

Вторя свекрови, Цунэко заметила, что хотя до сих пор не имела удовольствия быть знакомой с сёстрами Макиока, она много слышала о них и представляла себе, сколько лет должно быть каждой из них. Однако, увидев сестёр вместе, она совершенно растерялась и не сразу сообразила, которая из них старшая, которая младшая. Цунэко слышала, что госпожа Юкико старше её на три года… Она надеется, что гостьи простят ей этот нескромный вопрос, но неужели это и в самом деле так?

Цунэко исполнилось тридцать лет, пояснила г-жа Сугано. Примерно на столько она, пожалуй, и выглядела, что было вполне естественно для замужней женщины и к тому же матери двоих детей. Однако рядом с Юкико она казалась настоящей матроной, хотя, судя по всему, сегодня была одета и причёсана старательнее, чем обычно.

— Нет, это просто поразительно! — продолжала г-жа Сугано. — Когда Кой-сан приехала сюда в первый раз, она была вот такой же маленькой девочкой (вдова показала на Эцуко), ну, может быть, чуть постарше. А во второй раз ей, наверное, было лет четырнадцать — пятнадцать. — Вдова несколько раз моргнула, как бы не в силах поверить своим глазам. — Глядя на неё теперь, никак не скажешь, что с тех пор прошло целых четырнадцать лет! Я, конечно, промахнулась, приняв её за Эцуко, но даже сейчас, беседуя с Кой-сан лицом к лицу, я не вижу, чтобы она особенно изменилась за эти годы. Ей никак не дашь больше восемнадцати!

* * *

После чая вдова позвала Сатико в дом, чтобы обсудить кое-какие вопросы, связанные с предстоящими смотринами. С самых первых минут этой беседы Сатико стало ясно: им не следовало принимать её приглашение. Как выяснилось, г-жа Сугано не имела ни малейшего представления о том, что прежде всего заботило Сатико с мужем, а именно: каков господин Савадзаки как человек? Оказывается, г-жа Сугано даже ни разу его не видела!

Из рассказа вдовы следовало, что семьи Сугано и Савадзаки с давних пор связывают узы взаимного уважения, как это и пристало представителям двух старинных родов. Её покойный муж был дружен как с ныне здравствующим господином Савадзаки, так и с его батюшкой, но после его смерти семьи перестали общаться между собой. Насколько помнит г-жа Сугано, Савадзаки-сын ни разу не был у них в доме, и лично она с ним не знакома. Но у них есть общие, друзья. От них-то г-жа Сугано и узнала, что три года назад он овдовел и намерен жениться во второй раз. Какие-то переговоры о сватовстве, судя по всему, велись, но пока из этого ничего не вышло. Хотя господину Савадзаки уже за сорок и у него есть дети, он ищет себе

невесту, которая была бы не старше тридцати лет и вступала бы в брак впервые.

Госпожа Сугано сразу же вспомнила про Юкико, хотя её возраст не вполне соответствовал упомянутому господином Савадзаки, и подумала, что попытаться всё-таки следует. Конечно, если действовать по всем правилам, то полагалось бы прибегнут к помощи свата, но ведь такое дело не всякому поручишь. А пока отыщешь подходящего человека, глядишь, время упущено. Одним словом, вдова решила не откладывать дело в долгий ящик и — как ни безрассудно это может показаться со стороны — написала господину Савадзаки письмо: так, мол, и так, у неё есть родственница, такая-то и стольких-то лет не будет ли ему угодно с нею встретиться? Господин Савадзаки не откликнулся на её письмо, из чего вдова заключила, что он не заинтересовался её предложением. Тем временем господин Савадзаки, оказывается, наводил справки о Юкико, и спустя месяца два от него пришло ответное письмо. «Вот оно», — сказала г-жа Сугано и подала Сатико небольшой свиток.

Сатико развернула его и прочитала следующее:

Милостивая государыня!

В прошлом мне посчастливилось пользоваться благосклонностью Вашего супруга, и теперь я особенно сожалею о том, что до сих пор не удостоился чести быть знакомым с Вами. Не нахожу слов, чтобы выразить Вам глубочайшую признательность за Ваше внимание и доброту. Простите, что не сразу поблагодарил Вас за Ваше любезное письмо, — сделать это мне помешали всевозможные дела самого будничного свойства.

Если Вы по-прежнему не отказываете мне в своём расположении, я с большим удовольствием принимаю приглашение посетить Вас и встретиться с уважаемой особой, о коей Вы изволили упомянуть в своём письме. По субботам и воскресеньям я, как правило, бываю свободен, и если Вы возьмёте на себя труд дать мне знать за два-три дня,

я буду к Вашим услугам. Что же касается подробностей, то, если Вам будет угодно, мы можем обсудить их по телефону.

Ваш покорный слуга, такой-то…

Письмо г-на Савадзаки (впрочем, это было даже не письмо, а короткая записка) произвело на Сатико убийственное впечатление. Хотя и написанное по всём правилам эпистолярного витийства, оно было настолько шаблонным и формальным, как будто речь шла не о смотринах, а о чем-то совершенно будничном и заурядном. Как же так? — думала Сатико. Ведь в подобных случаях требуется особая щепетильность, и кому, как не выходцам из старинных семей вроде Савадзаки и Сугано, знать об этом? И как могла вдова Сугано, в её-то годы, делать авансы по существу незнакомому человеку, не полюбопытствовав даже, как отнесутся к этому в семье Макиока? Впрочем, г-жа Сугано всегда была женщиной властной, а с возрастом эта черта в ней, должно быть, только усугубилась. Не случайно же Тацуо так её боится. Кроме того, совершенно непонятно, почему г-н Савадзаки откликнулся на её приглашение. Должно быть, просто из опасения обидеть семью Сугано.

Сатико изо всех сил старалась скрыть свою досаду. Между тем вдова Сугано, не то чтобы в своё оправдание, принялась объяснять, что не выносит проволочек и пустых формальностей. Вот она и решила, что сперва нужно устроить встречу господина Савадзаки и Юкико, которая сразу же всё прояснит для обеих сторон, а всякие подробности можно оставить на потом. Она не наводила никаких справок о господине Савадзаки, но, поскольку ей не приходилось слышать ничего худого ни о нём самом, ни о его семье, можно с уверенностью сказать, что её протеже свободен от каких бы то ни было серьёзных недостатков. Всё интересующие их вопросы они смогут задать непосредственно господину Савадзаки при встрече — так будет и быстрее, и удобнее.

Сама же г-жа Сугано была не в состоянии ответить ни на один вопрос Сатико. Она знала, что у господина Савадзаки есть дети от первого брака, но сколько их: двое ли, трое — и кто они: юноши или девушки — она сказать не могла. Но при этом вдова была очень довольна собой, потому что сумела устроить эту встречу. Получив

ответ от Сатико, она сразу же позвонила г-ну Савадзаки. Он приедет завтра утром, часов в одиннадцать. Г-жа Сугано встретит его вместе с Сатико и Юкико. Роскошного пира она не обещает, но Цунэко приготовит что-нибудь вкусненькое. Сегодня вечером они могли бы отправиться на ловлю светляков, а завтра утром сын г-жи Сугано покажет Таэко и Эцуко здешние достопримечательности. Они захватят с собой еду и вернутся домой часа в два. К тому времени смотрины уже закончатся.

Госпожа Сугано была в восторге от того, как умело всё спланировала. Конечно, со смотринами трудно что-либо загадывать наперёд, сказала г-жа Сугано, но одно она знает наверняка: Юкико выглядит так молодо, что никто не сможет дать ей больше двадцати пяти лет. Так что и в этом смысле господину Савадзаки будет трудно к чему-либо придраться.

Сатико же размышляла о том, что, приди ей сейчас на ум какой-нибудь мало-мальски благовидный предлог, она попросила бы г-жу Сугано отменить смотрины. Она рискнула привезти сюда Юкико только потому, что всецело полагалась на здравый смысл г-жи Сугано и была уверена, что смотрины должным образом подготовлены. И вдруг выясняется, что ничего этого нет и в помине. Не значит ли это, что с Юкико здесь не очень-то считаются? Узнай Юкико, как обстоит дело, она была бы глубоко уязвлена. А Тэйноскэ, без сомнения, рассердился бы ещё больше, чем Сатико.

Кроме того, было нетрудно представить себе, какое презрение должен испытывать г-н Савадзаки к людям, которые, польстившись на его миллионы, опрометью кинулись устраивать смотрины, позабыв о том, что в подобных случаях полагается прибегать к услугам свата. Да после, этого он просто не может принимать их всерьёз! Если бы здесь был Тэйноскэ, он наверняка обратился бы к вдове с просьбой перенести смотрины на том резонном основании, что ему хотелось бы прежде навести всё необходимые справки о г-не Савадзаки и что в дальнейшем он предпочёл бы действовать по всем правилам, а именно прибегнув к посредничеству свата. Но Сатико, всего лишь слабая женщина, не могла отважиться на подобное заявление, тем более что г-жа Сугано была в восторге оттого, как замечательно всё устроила. К тому же приходилось учитывать, в какое положение она поставила бы Тацуо. Как ни печально вес складывалось для Юкико, Сатико ничего

не оставалось, как поблагодарить г-жу Сугано и предоставить делу идти своим чередом.

— Если тебе жарко, Юкико, ты можешь переодеться, — сказала Сатико, вернувшись в павильон. — Я просто мечтаю сбросить с себя это кимоно.

Подав Юкико знак, что сегодня смотрин не будет, Сатико принялась развязывать на себе пояс, стараясь сделать вид, будто её уныние вызвано духотой. Она решила ничего не рассказывать сёстрам об обескураживающем разговоре с вдовой. Она попытается забыть о нём, по крайней мере на сегодня, чтобы не растравливать себе душу ещё больше. Утро вечера мудренее. Пока что можно думать о приятном — о ловле светляков… Сатико вообще не умела долго хандрить, но стоило ей взглянуть на ничего не подозревавшую Юкико, как у неё болезненно сжалось сердце. Стараясь отвлечься от мрачных мыслей, Сатико достала из чемодана будничное поралевое кимоно, переоделась в него, а то, что было на ней прежде, повесила на вешалку.

— Мама, ведь ты собиралась ловить светлячков в нарядном кимоно? Зачем же ты переоделась? — недоуменно спросила Эцуко.

— В нём мне будет слишком жарко, — ответила Сатико.

4

Ночью Сатико не спалось. Она всегда трудно засыпала на новом месте, а на сей раз, по-видимому, ещё и переутомилась. Ей пришлось рано встать утром, потом была долгая тряска в поезде и в автомобиле по самому пеклу, а вечером она носилась вперегонки с детьми за светляками. Сколько же километров они проделали? Наверное, не меньше четырёх… Но Сатико знала, что будет долго и с удовольствием вспоминать этот вечер.

До сих пор она видела ловлю светляков только на сцене кукольного театра Бунраку в том эпизоде пьесы «Асагао никки»,[94] когда Миюки и её возлюбленный Комадзава плывут в лодке по реке и шепчут друг другу слова любви. Она представляла себе эту картину примерно так же, как рассказывала Таэко: ты выходишь в поле в ярком летнем кимоно с длинными рукавами, которые красиво развеваются на вечернем ветру, и легонько подхватываешь светлячков веером.

В действительности же всё выглядело несколько иначе. Г-жа Сугано сказала, что в темноте, пробираясь по межам и травяным кущам, они запачкают свои кимоно, и предложила всем четверым переодеться в муслиновые юката.[95]

Судя по тому, что они были разного размера и рисунка, вдова приготовила их специально для сегодняшнего вечера.

— Нельзя сказать, чтобы мы очень походили на придворных дам, — засмеялась Таэко. Впрочем, в темноте было не так уж важно, как они одеты.

Когда всей гурьбой они выходили из дома, было ещё сравнительно светло, однако к тому времени, как они добрались до речки, почти совсем стемнело. «Речка» эта была, по существу, самой обыкновенной канавой, какие обычно прорезают рисовые поля. По обеим её сторонам буйно росли похожие на ковыль высокие травы, склоняя свои стебли к воде и почти заслоняя собою её поверхность. Впереди на расстоянии метров ста смутно вырисовывались контуры мостика…

Зная, что светляки не любят шума и света, последние несколько метров всё шли молча, с потушенными фонариками. Но даже у самой

речки светляков почему-то не было видно.

— Может быть, сегодня они не появятся? — спросил кто-то тихим шёпотом.

— Да нет, их полным-полно. Идите сюда! Наступил тот короткий и трудноуловимый час сумерек, когда ночная мгла поглощает последние блики света.

Сатико с сёстрами, углубившись в заросли травы, подошли к речке вплотную — и в этот миг они вдруг увидели, как мириады светляков порхают с одного берега на другой, прочерчивая над водой синеватые дуги… Вдоль всей реки, сколько хватало глаз, неслись эти бесчисленные скачущие искорки… Не удивительно, что Сатико с сёстрами не сразу приметили светляков: они были скрыты высокими травами и сновали над самой водой… Какое это было незабываемое зрелище! Внизу, у поверхности воды, стелется густая тьма, но всё ещё видно, как колышутся прибрежные травы, и на этом фоне — несметное множество тонких, сверкающих линий, образованных призрачными огоньками светляков… Даже сейчас, закрывая глаза, Сатико видела всё это словно наяву… Да, уже ради одного этого стоило приехать сюда. Это зрелище не завораживало пышностью красок, как, например, вид цветущей сакуры. В нём было скорее нечто таинственное, неправдоподобное, нечто из мира сказки, из мира детства, нечто такое, что не в силах передать живопись и что способна выразить только музыка. Ах, если бы превратить это в мелодию, которую можно сыграть на фортепиано или на кото!..

Сатико подумала о том, что она лежит вот так в этой комнате, с закрытыми глазами, а в поле тем временем по-прежнему мерцают — и будут мерцать всю ночь — бесконечные, безмолвные вереницы светляков. Её охватило мечтательное, романтическое настроение. Ей вдруг почудилось, что душа её унеслась в поле и теперь витает там над водой вместе со светляками…

А речушка была на удивление прямой и длинной — казалось, ей никогда не будет конца. Вся компания то и дело переходила с одного берега на другой по встречавшимся на пути мостикам, стараясь не свалиться в воду и остерегаясь змей с глазами, похожими на светляков. Шестилетний Соскэ, знающий эти места как свои пять пальцев, постоянно убегал вперёд, в непроглядную тьму, и отец беспокойно кричал ему вслед: «Соскэ! вернись!» никто уже не боялся спугнуть

светляков, — их было так много! — и участники прогулки громко перекликались между собой, иначе в темноте было легко потерять друг друга.

В какой-то момент Сатико и Юкико оказались рядом, отстав от других. С противоположного берега то отчётливее, то глуше, в зависимости от того, в какую сторону дул ветер, доносились голоса Эцуко, звавшей: «Кой-сан! Кой-сан!» — и отвечавшей ей Таэко. Ловля светляков чем то напоминала детскую игру, а когда дело доходило до игр, Эцуко предпочитала брать себе в партнёрши живую, азартную Таэко…

Сатико и теперь словно наяву слышала голоса, перелетающие с одного берега на другой: «Мама! Ты где, мама?» — «Я здесь». — «А где Юкико?» — «Здесь, со мной». — «У меня уже целых двадцать четыре светляка!» — «Смотри не упади в воду!»

Сугано-старший нарвал травы и связал из неё нечто вроде метёлки. Как выяснилось, он собирался нести в ней светляков.

— Если говорить о местах, славящихся своими светляками, — сказал он, — так это, пожалуй, Морияма в Оми и окрестности города Гифу. Но тамошних светляков берегут для высокородных особ, простым смертным ловить их не разрешается. Здешние места не столь знамениты, зато каждый может ловить их сколько душе угодно.

Сугано и впрямь наловил их, пожалуй, больше всех на втором месте, без сомнения, был Соскэ. Оба они охотились за светляками у самого края воды. Пучок травы в руках у Сугано казался волшебным от усыпавших его блёсток. Видя, что вожатый завёл их довольно далеко и, похоже, не думает возвращаться домой, Сатико робко заметила:

— На ветру становится свежо… Быть может, стоит повернуть обратно?..

— А мы уже и так идём к дому, — ответил Сугано, — только другой дорогой.

Они всё шли и шли, пока Сугано наконец не объявил: «Ну, вот мы и дома». И правда — они уже стояли у ворот с тыльной стороны усадьбы. Всё шестеро вернулись с трофеями. Сатико и Юкико несли своих светляков в рукавах кимоно.

В памяти Сатико события минувшего вечера возникали без всякой последовательности, они мелькали в хаотическом беспорядке, словно

огоньки светляков. Она открыла глаза. Быть может, всё это ей снилось? В свете горящего на стене ночника была хорошо видна заключённая в рамку каллиграфическая надпись: «Павильон забвения времени», на которую Сатико обратила внимание ещё днём и которая принадлежала кисти некоего Кэйдо-хаку. Внизу, в самом углу, стояла печать: «Старец, удостоенный "голубиной трости"[96]». Имя «Кэйдо-хаку» ничего не говорило Сатико, она прочла только крупные иероглифы, обозначающие название павильона, и не стала утруждать себя отгадыванием того, кто же этот «старец, удостоенный "голубиной трости"».

Вдруг в соседней комнате забрезжил едва различимый огонёк. Приподняв голову, Сатико поняла, что это светлячок. Ну, конечно, его гонит наружу запах ароматических палочек от москитов. Но как он сюда попал? Принесённых с собой светляков они оставили в саду. Несколько штук, правда, невесть каким образом оказалось в доме, но перед тем, как ложиться спать и задвигать ставни, сёстры вымели их за дверь. Должно быть, этого они просмотрели.

Светлячок, превозмогая слабость, вяло поднялся в воздух метра на полтора, после чего плюхнулся на пол и пополз через комнату в угол, к шкафу, на котором висело парадное кимоно Сатико. Он начал карабкаться вверх по узорчатому шёлку, пока, наконец, не забрался в рукав, тускло мерцая сквозь серо-голубую ткань.

У Сатико запершило в горле — так на неё всегда действовал дым от ароматических палочек. Она поднялась с постели и направилась к курильнице (это был изящный керамический сосуд в виде барсука), чтобы притушить их. Заодно она решила помочь светлячку выбраться на свободу. Достав бумажную салфетку, она осторожно взяла светлячка — прикасаться к нему голыми пальцами ей было неприятно — и бросила его в сад через отверстие в ставне. Удивительное дело — перед тем как они отправились спать, здесь, в зарослях кустарника на краю пруда, сияли своими голубоватыми, искорками десятки выпущенных ими светляков. Теперь они куда-то исчезли — вероятно, вернулись в поле. Сад темнел влажной, лаковой чернотой.

Сатико по-прежнему не могла уснуть. Она беспокойно переворачивалась с боку на бок, вслушиваясь в ровное дыхание спящих сестёр и дочери. Рядом была постель Таэко. Юкико и Эцуко спали у противоположной стены. До Сатико донеслось чуть слышное

похрапывание. «Должно быть, это Юкико, — решила, она. — Подумать только, я и не знала, что можно так мило, тихо и деликатно храпеть».

— Ты не спишь, Сатико? — тихонько спросила Таэко.

— Нет, мне что-то не спится.

— Мне тоже.

— Выходит, и ты всё это время не спала?

— Мне трудно уснуть на новом месте.

— А Юкико спит. Слышишь?

— Да, храпит себе, как киска.

— Наверное, наша Судзу храпит точно так же.

— Мне непонятна её безмятежность, ведь завтра смотрины…

По крайней мере в том, что касается сна, подумала Сатико, нервная система Юкико устроена гораздо прочнее, чем у Таэко.

Казалось бы, должно быть наоборот, но Таэко спала на редкость чутко, просыпаясь от малейшего шороха, в то время как Юкико могла уснуть даже сидя, что и бывало с нею не раз в поезде.

— Что, господин Савадзаки приедет сюда?

— Да, часов в одиннадцать. Госпожа Сугано намерена устроить обед.

— А что делать мне?

— Тебя с Эцуко господин Сугано повезёт осматривать местные достопримечательности. На смотринах будем только мы с Юкико и госпожа Сугано.

— Ты уже сказала Юкико?

— Да, буквально в двух словах…

Весь день Эцуко не отходила от взрослых, и возможность поговорить с сестрой представилась Сатико только вечером, во время ловли светляков, когда они остались вдвоём на берегу. «Юкико, смотрины будут завтра, около полудня», — шепнула. Сатико. Юкико только пробормотала своё обычное «хорошо…» и больше ни о чем спрашивать не стала.

Почувствовав, что продолжать разговор бессмысленно, Сатико умолкла. Судя по тому, как сладко спалось сейчас Юкико, предстоящие смотрины не особенно её волновали.

— Должно быть, за всё эти годы она уже научилась не волноваться.

— Наверное. Только мне кажется, что и на сей раз из смотрин ничего не выйдет, — сказала Сатико.

5

— Ну вот, Эттян, сегодня ты поедешь в Сэкигахару смотреть старинное поле битвы. Твоя мама и Юкико видели его не один раз и поэтому останутся дома. Вместе с тобой отправится Кой-сан; она была там совсем маленькой и хочет взглянуть на всё это ещё раз.

Эцуко сразу же поняла, что в доме готовится что-то необычное. В иных обстоятельствах она принялась бы хныкать и капризничать, добиваясь, чтобы Юкико поехала вместе с ней, но на сей раз беспрекословно подчинилась и послушно села в машину вместе с Таэко, Соскэ, его отцом и старым слугой, которому было поручено позаботиться о провизии.

* * *

Сатико помогала сестре одеваться в «Павильоне забвения времени», когда вошла Цунэко и сообщила, что господин Савадзаки только что пожаловал.

Сестёр проводили в дальнюю часть дома, где помещалась большая старомодная гостиная с невысокими оклеенными полупрозрачной бумагой окнами. Эта комната, выходила на веранду, пол которой, настланный из широких потемневших от времени досок, блестел, как полированный. С веранды открывался вид на ту часть сада, которую невозможно было увидеть ни из какой другой комнаты в доме: сквозь молодую листву вековечного клёна проглядывала крыша часовенки; всё пространство между цветущим гранатовым деревом у края веранды и чёрными массивными камнями у кромки пруда было занято густыми зарослями хвоща. У Сатико возникли смутные воспоминания о её прежних визитах к Сугано, — ну, конечно же, семнадцать лет назад, когда они впервые приехали сюда, им отвели эту самую гостиную. Да, именно так! Садовой постройки в ту пору ещё не было, и всем пятерым — Тацуо, Цуруко и трём младшим сёстрам — постелили здесь. Всё остальное забылось, но эти хвощовые заросли почему-то остались в памяти. Должно быть, Сатико поразила

их необычная густота — тонкие прямые стебли льнули друг к другу, как полосы дождя.

Когда сёстры вошли в гостиную, взаимный обмен любезностями между г-ном Савадзаки и хозяйкой дома подходил к концу. Вдова Сугано представила гостю обеих сестёр и сразу же пригласила всех к столу. Г-ну Савадзаки было отведено почётное место во главе стола, Сатико и Юкико расположились сбоку, лицом к веранде, а г-жа Сугано — в конце стола, напротив г-на Савадзаки. Перед тем как сесть к столу, г-н Савадзаки подошёл к нише, и, опустившись на колени, принялся изучать каллиграфический свиток, висящий в ней над металлической вазой с орхидеями. Сёстры воспользовались этим, чтобы получше его разглядеть.

Это был небольшого роста, довольно худощавый, болезненного вида человек, которому вполне можно было дать его сорок пять лет. В том, как он говорил, как кланялся, как держал себя, сквозило что-то удивительно заурядное, никак не вязавшееся с представлением о его миллионах. На нём был коричневый костюм, не то чтобы совсем изношенный, однако кое-где заметно вытершийся, шёлковая сорочка, изрядно пожелтевшая от многочисленных стирок, вылинявшие шёлковые носки. По сравнению с Юкико и Сатико он был одет более чем скромно. С одной стороны, это лишний раз доказывало, что он не принял смотрины всерьёз, а с другой стороны, свидетельствовало о его бережливости.

— Да-а, великолепный свиток, — сказал наконец Савадзаки. — Сэйган есть Сэйган. Я слышал, у вас большая коллекция его работ.

Госпожа Сугано смущённо улыбнулась. На её лице появилось ублаготворённое выражение. Чувствовалось, что комплимент гостя попал в цель.

— Да. Если верить семейному преданию, дед моего покойного мужа обучался каллиграфии у Сэйгана…[97]

Разговор долго не сходил с этой темы. Вдова рассказала, что у неё в доме хранятся веер и ширма с каллиграфическими надписями, сделанными рукою жены Сэйгана — Коран, а также, несколько свитков кисти прославленной Сайко, ученицы знаменитого Санъё,[98] что предки господина Сугано знавали отца Сайко — Рансая, который состоял лейб-медиком при главе клана Огаки, и что у них сохранилось письмо Рансая.

Когда речь зашла об истории любви между Санъё и его ученицей, о его пребывании в Мино и о посмертном издании стихотворений Сайко, г-н Савадзаки принялся блистать эрудицией. Г-жа Сугано лишь изредка вставляла в разговор короткие замечания, из которых, однако, следовало, что она осведомлена в этих вопросах не хуже гостя.

— Покойный муж очень дорожил тушевым наброском Сайко, изображающим бамбук. Всякий раз, когда у нас бывали гости, он его доставал и непременно рассказывал об этой великолепной художнице, так что в конце концов всё это и мне запало в память…

— Вот оно что? Ваш покойный супруг отличался завидной широтой интересов. Я не раз имел удовольствие играть с ним в шахматы. Да… Он всё звал меня посмотреть недавно отстроенный садовый павильон, хотел показать свою коллекцию. А я так и не собрался. Обидно…

— Я с удовольствием повела бы вас туда сегодня. Но, видите ли, там расположились эти милые дамы, — сказала вдова, дружелюбно кивнув в сторону сестёр.

— О, это прелестный павильон! — воскликнула Сатико, дождавшись наконец случая вступить в разговор. — Там так тихо, уютно — лучше, чем в самом роскошном номере гостиницы.

— Право же, Сатико-сан, вы преувеличиваете, — губы вдовы снова вытянулись в смущённой улыбке, — однако, если вам и в самом деле там понравилось, я хочу, чтобы вы погостили у меня подольше… В последние годы муж особенно любил тишину, уединение и почти не выходил из этого павильона.

— Кстати, а почему он называется «Павильоном забвения времени»? — спросила Сатико.

— Я думаю, об этом лучше спросить господина Савадзаки, — лукаво произнесла вдова Сугано.

— Гм… — растерянно промычал Савадзаки. По лицу его пробежала тень недовольства, судя по всему, он нашёл малоприятной затею г-жи Сугано учинить ему экзамен.

— Кажется, это название связано с легендой о дровосеке Ван Чжи,[99] не так ли? — подсказала г-жа Сугано.

— Возможно, — коротко отозвался Савадзаки. Над переносицей у него образовалась глубокая хмурая складка.

Госпожа Сугано принуждённо усмехнулась и оставила эту тему. Однако её насмешка прозвучала на удивление язвительно, и от этого всеобщая неловкость только усилилась.

— Прошу вас, угощайтесь, пожалуйста, — сказала Цунэко, наливая Савадзаки сакэ из дорогого фарфорового графинчика.

Накануне г-жа Сугано сказала Сатико, что Цунэко угостит их домашним обедом, однако вид закусок свидетельствовал о том, что они — по крайней мере большая их часть — были доставлены из какой-то местной харчевни. В такую жару Сатико предпочла бы вовсе не притрагиваться к этим малопривлекательным на вид кушаньях, неизвестно кем и как приготовленным. С гораздо больших удовольствием она отведала бы чудесных овощей, принесённых с домашней кухни… Сатико взяла с тарелки ломтик сырого окуня — рыба была нехороша на вкус. Она с трудом проглотила кусок и поспешила запить его сакэ, после чего отложила свои палочки в сторону. Из всего, что стояло на столе, более или менее аппетитно выглядела только запечённая форель, которую, судя по всему, привёз в подарок г-н Савадзаки.

— Попробуй форель, Юкико.

Чувствуя себя виноватой в том, что из-за её глупого вопроса у всех испортилось настроение, Сатико искала случая загладить неловкость. Видя, однако, с какой холодной неприступностью держится Савадзаки, она не смела с ним заговорить и вместо этого обратилась к сестре. За всё это время Юкико не проронила ни слова. Она сидела с опущенными глазами и, услышав слова Сатико, лишь кивнула в ответ.

— Юкико-сан любит форель? — спросила г-жа Сугано.

— Да… — чуть слышно ответила Юкико, снова кивнув.

— Мы всё очень любим форель, — подхватила Сатико, — а Юкико в особенности…

— Вот и прекрасно. В деревенской глуши так трудно порадовать гостей изысканными угощениями. Форель, которую привёз господин Савадзаки, пришлась как нельзя кстати…

— Да, здесь у нас такой чудесной рыбы не найти, — заметила Цунэко.

— А как отменно она была упакована — вся переложена льдом! Неловко только, что господину Савадзаки пришлось везти такую

тяжесть. Интересно, где же вылавливают такую форель?

— В реке Нагарагава. — Недовольная складка на переносице у Савадзаки чуточку расправилась. — Вчера вечером я позвонил в Гифу и распорядился, чтобы её доставили к отходу поезда.

— Право же, сколько хлопот вы себе причинили!

— Но благодаря господину Савадзаки мы получили возможность впервые в этом году полакомиться форелью, — сказала Сатико.

Мало-помалу беседа оживилась. Поговорили о достопримечательностях префектуры Гифу: Японском Рейне, горячих источниках Гэро, водопаде Ёро, о ловле светляков… И всё же разговору явно недоставало непринуждённости, он был натянутым, вымученным, и каждому из его участников приходилось делать над собой усилие, чтобы не дать ему окончательно угаснуть.

Сатико с удовольствием выпила бы ещё немного сакэ, но Цунэко, как видно, не замечала, что её чарка пуста, и вообще считала необходимым в первую очередь ухаживать за г-ном Савадзаки, ведь он здесь был единственным мужчиной. Или, может быть, ей казалось, что в такую жару пить сакэ трудно. Юкико и вдова Сугано пока ещё не притронулись к своим чаркам, г-н Савадзаки тоже пил очень мало: то ли стеснялся, то ли просто не расположен был сейчас пить, то ли вообще не имел такой привычки. Он позволял подливать себе сакэ с очень большими промежутками и за всё время осушил не более трёх чарок. Держался он исключительно церемонно. Всякий раз, когда вдова говорила ему: «Прошу вас, чувствуйте себя как дома», — он отвечал, что ему вполне удобно, и продолжал столь же чинно восседать на своём месте.

— Приходится ли вам бывать в Осаке или Кобэ, господин Савадзаки?

— В Кобэ нет, а в Осаке я бываю раз или два в году. Пытаясь понять, почему же всё-таки этот «миллионщик» согласился на смотрины, Сатико с самого начала внимательно присматривалась к нему. Пока что какого-нибудь явного изъяна ей углядеть не удалось. Было, конечно, чуточку странно и смешно, что он так надулся, когда не сумел ответить на заданный ему вопрос. Он вполне мог сказать, что не знает, — и никому не пришло бы в голову заподозрить его в невежестве. Впрочем, должно быть, богачи — народ самолюбивый… На переносице у него заметно выделялись синие жилки — признак

натуры вспыльчивой, раздражительной, а взгляд был угрюмый, но вместе с тем робкий, по-женски опасливый. «Скрытный человек», — подумала Сатико.

Довольно скоро Сатико убедилась, что Юкико оставила его совершенно равнодушным… В самом начале, беседуя с г-жой Сугано, он несколько раз задержал на ней холодный, оценивающий взгляд, но после этого, казалось, вовсе перестал её замечать. Г-жа Сугано и Цунэко изо всех сил старались направить разговор таких образом, чтобы г-н Савадзаки и Юкико обменялись хотя бы несколькими словами. Время от времени Савадзаки из вежливости бросал Юкико две-три короткие фразы и тотчас же отворачивался в другую сторону. В какой-то мере, конечно, это объяснялось полным отсутствием у Юкико способности поддерживать светскую беседу, однако было совершенно очевидно, что Савадзаки «невеста» не понравилась.

Сатико была склонна винить в этом пресловутое пятно, которое сегодня, как нарочно, проступало особенно отчётливо. Когда утром Юкико принялась краситься перед зеркалом, Сатико в деликатной форме посоветовала ей не наносить на лицо густого слоя белил. К каким только ухищрениям они не прибегали, пытаясь замаскировать злосчастное пятно! Сатико уговорила сестру разбавить белила, а румяна, наоборот, положить погуще — всё было бесполезно.

Сатико шла на смотрины с тяжёлым сердцем. Неизвестно, заметили что-нибудь г-жа Сугано и Цунэко или нет, во всяком случае, вида они не показали. Что же касается Савадзаки, то он, без сомнения, заметил. Юкико сидела как раз против света, по правую руку от Савадзаки, следовательно, вся левая половина её лица была у него на виду. Если что-то отчасти и скрашивало положение, так это удивительное спокойствие Юкико, которая держалась так, как будто пятно нисколько не заботило её, не вызывая ни робости, ни смущения. Но Сатико-то понимала, как оно портит сестру, и с нетерпением ждала, когда же наконец можно будет встать из-за стола.

Как только обед кончился, Савадзаки сказал: «Покорнейше прошу меня извинить, однако мне пора в обратный путь, а то я опоздаю на поезд», — и начал спешно прощаться. Сатико была от души благодарна ему за это.

6

— В кои-то веки выбравшись ко мне, вы должны остаться хотя бы ещё на одну ночь. Завтра воскресенье, и сын мог бы свозить вас к водопаду Ёро — помните, мы говорили о нём за обедом? — сказала вдова Сугано. Однако сёстры вежливо отказались и, дождавшись возвращения Таэко и Эцуко, сразу же стали собираться в дорогу, с тем чтобы успеть на поезд, отходящий, по расписанию, в три часа девять минут. В Гамагори они должны были прибыть примерно в половине шестого.

В субботу, да ещё в это время дня, в поездах обычно бывает много народу, сегодня же, против ожидания, вагон второго класса оказался наполовину пустым, и они без труда нашли для себя места рядом. Всё четверо заметно устали за эти два дня и были вялыми. Говорить не хотелось. День был пасмурный, какие нередко случаются перед наступлением сезона дождей, в вагоне стояла липкая духота. Сатико и Юкико вскоре задремали, откинувшись на спинки сидений, а Таэко с племянницей принялись дружно листать журналы.

— Смотри, Эттян, твои светлячки разбегаются! — неожиданно сказала Таэко.

Она сняла с крючка у оконной рамы небольшую жестянку, с обеих сторон обтянутую марлей, и поставила её Эцуко на колени. Эту самодельную клетку для светляков смастерил накануне старый слуга Сугано из консервной банки. Всю дорогу на станцию Эцуко держала «клетку» чуть ли не на весу, боясь повредить марлю, и тем не менее сверху тесёмка ослабла, марля сбилась в сторону и через образовавшееся отверстие светляки стали выбираться наружу.

— Дай-ка я тебе помогу. — Видя, что Эцуко никак не может закрепить тесёмку, соскальзывающую с гладкой жести, Таэко переставила «клетку» к себе на колени. Заслонив её от света, можно было увидеть сквозь марлю голубоватые огоньки светляков. Таэко заглянула внутрь. — Ой, Эттян, да тут не одни светлячки! Гляди скорее!

— Что это, Кой-сан, пауки?

— Наверное.

В банке рядом со светляками копошилось множество довольно симпатичных, крохотных, величиной с рисовое зёрнышко, паучков.

Вдруг Таэко вскрикнула и, бросив банку на соседнее сиденье, вскочила с места. Сатико и Юкико открыли глаза.

— Что случилось, Кой-сан?

— Паук! Там огромный паук!

Всё трое, как по команде, вскочили на ноги, с ужасом вперив глаза в банку, из которой выглядывал огромный, безобразный паук.

— Выброси куда-нибудь эту банку, Кой-сан! Осторожно взяв банку, Таэко бросила её на пол, и в тот же миг оттуда выпрыгнул испуганный кузнечик и поскакал к проходу.

— Бедные светлячки… — грустно сказала Эцуко.

— Дайте-ка я попробую избавить вас от паука, — предложил одетый в кимоно мужчина лет пятидесяти, сидевший наискосок от них и с улыбкой наблюдавший всю эту сцену. Судя по выговору, он был жителем здешних мест. — Не найдётся ли у вас шпильки или булавки?

Сатико протянула ему шпильку. Незнакомец взял жестянку и стал методично извлекать оттуда пауков (их оказалось несколько), а затем давить их на полу своей деревянной сандалией. Имеете с пауками на полу оказалось несколько травинок, но светлячки, как видно, не стремились выбраться на свободу.

— Да их тут больше половины мёртвых, — сказал мужчина, поворачивая банку с бока на бок. — Сходи, дочка, к умывальнику и спрысни их водичкой.

— Только не забудь вымыть руки, Эттян, светлячки ядовиты.

— Они пахнут, мама! — Эцуко понюхала свои ладони. — Совсем как трава.

— А мёртвых ты, дочка, не выбрасывай. Из них можно сделать хорошее лекарство.

— Правда? — заинтересовалась Таэко. — А какое?

— От ожогов и порезов. Их надо хорошенько высушить и смешать с небольшим количеством варёного риса.

— И что же, действительно помогает?

— Сам я, правда, не пробовал, но говорят, помогает. Поезд только что миновал станцию «Итиномия». До сих пор Сатико с сёстрами проезжали эти места лишь в экспрессе, и теперь им было томительно скучно оттого, что их поезд почтительно останавливался на каждом

полустанке, о существовании которых они даже не подозревали. Путь от Гифу до Нагой казался бесконечно долгим. Сатико и Юкико вскоре снова задремали.

— Нагоя! Мама, Юкико, глядите — замок! — принялась тормошить их Эцуко. В вагон хлынула толпа пассажиров. Сатико и Юкико проснулись, но, как только поезд отошёл от Нагой, их снова сморила дремота. Они не заметили, как пошёл дождь и как Таэко закрыла окно. Вскоре оказались закрытыми всё окна и в вагоне сделалось ещё более душно и влажно. Другие пассажиры тоже стали клевать носом. И тут какой-то военный, сидевший ряда на четыре впереди от сестёр по другую сторону прохода, запел «Серенаду» Шуберта:

Песнь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу лёгкою стопою
Ты приди, друг мой…

Проснувшись, Сатико не сразу поняла, откуда доносится пение, — в первый момент ей показалось, что в вагоне завели патефон. Потом она сообразила, что поёт военный. Со своего места она видела только его спину в форменном кителе и затылок, но могла с уверенностью сказать, что он молод, должно быть не старше двадцати пяти лет, и застенчив. Когда они садились в поезд в Огаки, он уже был в вагоне, однако сидел к ним спиной, и они не видели его лица. Но их-то молодой человек наверняка хорошо рассмотрел: недавний переполох из-за паука привлёк к ним внимание всего вагона.

Должно быть, военному тоже прискучила утомительная дорога и он запел, чтобы разогнать сон. Его голос звучал уверенно (как видно, он не сомневался в своих певческих данных), но немного напряжённо от сознания, что его слушают сидящие позади красивые, нарядные дамы. Исполнив «Серенаду», он некоторое время помолчал, смущённо потупившись, а потом затянул «Дикую розу» на музыку того же Шуберта:

Мальчик розу увидал,
Розу в чистом поле,
К ней он близко подбежал,
Аромат её впивал,
Любовался вволю,
Роза, роза, алый цвет,
Роза в чистом поле!..

Сатико с сёстрами хорошо знали эти произведения по немецкому фильму «Неоконченная симфония». Сами того не сознавая, они тихонько подхватили мелодию, и вот уже их голоса, постепенно окрепнув, слились с мягким тенором военного в стройное, гармоническое многоголосие. Шея военного густо побагровела, его голос уже заметно дрожал, но звучал ещё сильнее, чем прежде, В том, что они сидели сравнительно далеко друг от друга, было своё преимущество: никому не приходилось сдерживать себя, и они могли петь достаточно громко. Но вот импровизированный концерт окончился, и вагон снова погрузился в ленивую тишину. Военный больше не пел и смущённо глядел себе под ноги. А когда поезд стал подходить к Окадзаки, он поднялся со своего места и тихонько, бочком направился к выходу.

— Мы так и не узнали, какое у него лицо, — промолвила Таэко.

* * *

Ни Сатико, ни её сёстрам ещё ни разу не случалось бывать в Гамагори. На мысль посетить этот городок их навёл Тэйноскэ, которому чуть ли не каждый месяц приходилось по делам службы ездить в те края и который каждый раз с упоением рассказывал о тамошней гостинице «Токивакан». Он считал, что они должны непременно отправиться туда всей семьёй, хотя бы ради Эцуко, которой такая поездка наверняка доставит огромное удовольствие. Раза три Тэйноскэ собирался взять их с собой, но всякий раз возникала какая-нибудь помеха. Когда сёстры готовились к поездке в Огаки, Тэйноскэ предложил: а почему бы им на обратном пути не заехать в

Гамагори? Ничего, если они отправятся туда без него. Это даже к лучшему, ведь он всё равно был бы занят служебными делами и не смог бы уделить им много времени. Конечно, их пребывание в Гамагори получится немного скомканным, и всё же, если они приедут туда в субботу вечером и пробудут там следующий день до обеда, они успеют кое-что посмотреть…

Тэйноскэ связался по телефону с гостиницей «Токивакан» и распорядился, чтобы для них приготовили комнаты. После прошлогодней поездки в Токио Сатико уже не боялась останавливаться в незнакомом месте без мужа и, по-детски радуясь своей храбрости, предвкушала удовольствие от этого путешествия.

И вот теперь, добравшись до гостиницы, Сатико с новой силой ощутила благодарность к мужу за то, что они оказались здесь. У неё остался неприятный осадок после смотрин, и если бы ей пришлось расстаться с Юкико на вокзале в Огаки, её, несомненно, долго ещё преследовали бы обидные воспоминания. К тому же ей было бы мучительно думать, что после такого тяжкого испытания Юкико осталась одна. В самом деле, какое счастье, что Тэйноскэ пришла в голову эта мысль!

Сатико старалась не вспоминать о пребывании в доме вдовы Сугано, и это удавалось ей тем лучше, чем больше она смотрела на Юкико, счастливую от возможности провести вечер в этой тихой, уютной гостинице. За ночь дождь кончился, и воскресное утро встретило их ясной, хорошей погодой. Как и предвидел Тэйноскэ, Эцуко была в совершенном восторге от гостиницы, с её современным оборудованием, многочисленными игровыми залами, чудесным видом на море. Но ещё больше Сатико радовало ожившее, повеселевшее лицо Юкико, которая, казалось, начисто забыла о вчерашних смотринах. Одного этого было достаточно, чтобы считать путешествие полностью оправданным. В начале третьего всё четверо выехали на вокзал, где их пути должны были разойтись.

Поезд в Осаку отправлялся первым. Юкико проводила сестёр и племянницу, а спустя минут пятнадцать подошёл её поезд. Конечно, было бы лучше ехать в Токио экспрессом, а не тащиться весь этот долгий путь в нудном пассажирском, но в Гамагори Юкико не хотелось тратить время на заказывание билета, и, кроме того, ей пришлось бы сделать пересадку в Тоёхаси. Она вынула из чемоданчика томик

рассказов Анатоля Франса, но охватившая её странная апатия мешала сосредоточиться на чтении. Юкико закрыла книгу и стала смотреть в окно.

Она понимала, что её теперешнее состояние отчасти вызвано усталостью, а отчасти служит неизбежной реакцией на радостное возбуждение, владевшее ею всё нынешнее утро. К тому же её, как всегда, тяготила необходимость возвращаться в Токио. На сей раз она так долго пробыла в Асии, что ей уже стало казаться, будто она может вообще оттуда не уезжать. Как ни странно, эта иллюзия жила в ней вплоть до того самого момента, когда она осталась совершенно одна на незнакомой станции в ожидании своего поезда. Прощаясь с нею на платформе, Эцуко сказала: «Зачем тебе ехать в Токио, сестричка? Поезжай лучше с нами в Асию». Юкико, разумеется, постаралась обратить слова, племянницы в шутку, но при этом у неё всё-таки мелькнула шальная мысль: а что, если ей и вправду отложить возвращение в Токио и поехать вместе со всеми в Асию?

В вагоне было ещё меньше пассажиров, чем вчера, когда они ехали в Гамагори, и Юкико одна занимала сиденье, рассчитанное на четверых. Поджав под себя ноги, она откинулась на спинку сиденья и попыталась вздремнуть, но сегодня ей это плохо удавалось. У неё так затекло левое плечо, что, едва закрыв глаза, она сразу же просыпалась от боли. Так прошло минут сорок, а когда поезд проехал Бэнтэндзиму, ей уже совсем не хотелось спать. В какой-то степени в этом был виноват сидевший в противоположном ряду, мест через пять от неё, немолодой мужчина, на которого она обратила внимание ещё некоторое время назад. Собственно говоря, и проснулась-то она в последний раз оттого, что почувствовала на себе его пристальный взгляд.

Юкико поспешно спустила ноги с сиденья. Мужчина тотчас же отвернулся к окну, но вскоре его пытливый взгляд снова метнулся в её сторону. Поначалу бесцеремонность незнакомца лишь раздражала Юкико, но потом ей пришило в голову, что он смотрит на неё неспроста. Ей стало казаться, что она где-то встречала его прежде. С виду ему можно было дать лет сорок. На нём был серый костюм в полоску и спортивная рубашка с отложным воротом. Лицо его было смугло, волосы тщательно расчёсаны на пробор и прилизаны на

висках. От всей его кургузой, сухощавой фигуры веяло чем-то неискоренимо провинциальным.

До сих пор незнакомец сидел, уткнувшись подбородком в ладони, сложенные на ручке зонта, который он держал между колен, теперь же он откинулся на спинку сиденья. На багажной сетке у него над головой лежала белоснежная панама. «Гм, кто же этот человек? И где я могла его видеть?» — спрашивала себя Юкико. Судя по всему, такой же вопрос задавал себе и мужчина.

Стираясь не встречаться взглядами, оба украдкой изучали друг друга. Юкико хорошо помнила, что он вошёл в вагон на станции «Тоёхаси». «Тоёхаси… Тоёхаси…» — повторила про себя Юкико, и тут её вдруг осенило, что этот господин — не кто иной, как тот самый Саигуса, за которого её прочил Тацуо десять с лишним лет назад. Ну конечно, это, без сомнения, он! Тацуо, помнится, горячо ратовал за этот брак, но Юкико пошла наперекор его воле и наотрез отказалась выходить за этого, как ей казалось, закоренелого провинциала. С тех пор он мало изменился. Нельзя сказать, чтобы он был очень дурён собой или заметно постарел (уже в то время он выглядел старше своих лет), но налёт провинциальности стал, пожалуй, ещё более ощутим, чем прежде. Именно поэтому, собственно, Юкико и удалось вспомнить его лицо. А ведь с тех пор было столько других смотрин, столько новых лиц! Но они — та эти лица, и эти смотрины — совершенно стёрлись в её памяти.

Судя по всему, Саигуса тоже её узнал и, почувствовав неловкость, отвернулся к окну, но время от времени, как бы желая окончательно удостовериться в правильности своей догадки, искоса поглядывал в её сторону. Если это действительно Саигуса, то он должен был хорошо помнить Юкико, ведь, добиваясь её руки, он без конца твердил, что его поразила её красота; кроме того, помимо смотрин он дважды видел её в осакском доме. Возможно, его сбила с толку моложавость Юкико, которая мало изменилась за эти годы и могла позволить себе одеться по-девически ярко. Но, так или иначе, ей были неприятны эти упорные, пронизывающие взгляды. А вдруг ему каким-то образом известно, что с тех пор она так и не вышла замуж и теперь возвращается с очередных смотрин?

При этой мысли у Юкико всё внутри сжалось. К тому же, как назло, сегодня она была одета и накрашена не так тщательно, как

позавчера. Зная, что малейшая усталость незамедлительно отражается на её лице, она чувствовала настойчивое желание сию же минуту пойти к зеркалу или, на худой конец, достать из сумочки пудреницу и привести себя в порядок. Но это могло быть воспринято Саигусой как свидетельство её неуверенности в себе. Из того, что Саигуса предпочёл сесть в этот поезд, а не в экспресс, Юкико заключила, что он едет не в Токио, и с нетерпением ждала, когда он сойдёт. Перед станцией «Фудзиэда» Саигуса наконец поднялся, взял с полки панаму и, смерив Юкико напоследок долгим, немигающих взглядом, зашагал к двери.

А в усталом сознании Юкико нескончаемой вереницей проносились воспоминания…

Когда же это было?.. Должно быть, году в двадцать седьмом… Или нет, скорее в двадцать восьмом… Ей только что исполнился двадцать один год, и это были её первые смотрины… Но почему ей так не понравился тогда Саигуса?.. Тацуо вложил в это сватовство всю душу. Как он её уговаривал, каких только доводов ни приводил! Он внушал Юкико, что семья Саигуса — одна из самых богатых в Тоёхаси, что сам Саигуса по праву старшего сына унаследует огромное состояние, что, выйдя за него замуж, Юкико ни в чем не будет нуждаться, что для девушки из обедневшей семьи Макиока такое предложение — большая честь, что, наконец, своим отказом она поставит Тацуо в трудное, безвыходное положение…

Но Юкико упорно стояла на своём, и главным её аргументом было то, что Саигуса необразован и неинтеллигентен. Сват представлял дело так, будто Саигуса не окончил гимназию из-за болезни, но на самом деле выяснилось, что он попросту не выдержал испытаний… И, кроме того, говорила Юкико, ей было бы невыносимо всю жизнь томиться в маленьком провинциальном городке. Сатико полностью разделяла эту точку зрения и ещё более решительно, чем она, возражала зятю: «Как можно ссылать бедную Юкико в такую глушь?! Неужели вам ни капельки её не жаль?»

Помимо всего прочего, сёстрам хотелось ещё и позлить зятя, хотя они никогда не осмелились бы признаться в этом. Незадолго до этого сватовства умер их отец, и Тацуо, который при нём держался тише воды ниже травы, теперь начал выпускать коготки. Став главою семьи, он, как видно, вообразил, что стоит ему чуточку поднажать или

повысить голос, и Юкико тотчас подчинится его требованиям. Это, естественно, не могло понравиться ни самой Юкико, ни двум её незамужним сёстрам, и они решили его проучить.

Тацуо был очень сердит на Юкико. Почему же она молчала до последней минуты? Ведь он не раз спрашивал её, согласна ли она выйти замуж за Саигусу! Почему она решила проявить характер только сейчас, когда отказывать жениху уже неприлично?

В ответ на эти упрёки Юкико заявила, что в её возрасте и положении не так-то просто в открытую возражать зятю. Она, дескать, была уверена, что он сам поймёт, расположена она выходить замуж за Саигусу или нет…

В действительности же всё было не совсем так. Зная, что за Саигусу хлопочет начальник Тацуо, она нарочно тянула с ответом отчасти для того, чтобы покрепче насолить зятю… Женою Саигусы Юкико не стала, зато Саигуса, сам того не подозревая, дал повод для раздора между свояченицами и зятем…

С тех пор Юкико ни разу не вспомнила про Саигусу и ничего не слышала о нём. Наверное, он давно женат, обзавёлся детишками и теперь уже, надо думать, полновластно распоряжается состоянием, которое должно было перейти к нему от отца… Правильный ли выбор сделала она тогда, отказавшись стать женою этого богатого провинциала? — подумала Юкико и сразу же ответила себе: «Да». С ним она не смогла бы быть счастлива. Какая же это невыносимая тоска быть женою человека, чья жизнь проходит в бесконечном курсировании от одной захолустной станции к другой в поездах, ползущих со скоростью черепахи! Да, она поступила правильно, и ей не в чем себя упрекнуть…

В одиннадцатом часу вечера Юкико наконец добралась до дома. Ни сестре, ни зятю она ничего не сказала о неожиданной встрече в поезде.

7

По пути в Осаку Сатико тоже предавалась раздумьям. Её мысли были заняты не столько приятными событиями, связанными с ловлей светляков или пребыванием в Гамагори, сколько одинокой фигуркой, которую она только что оставила на платформе. Перед глазами у Сатико стояло лицо сестры, унылое, осунувшееся, с отчётливой тенью на левом веке. Она уже не могла прогнать от себя воспоминания о вчерашних смотринах.

Сколько раз ей приходилось сопровождать сестру на смотрины за эти десять с лишним лет? Должно быть, раз шесть, а то и больше… И ещё ни разу они не оказывались в таком унизительном положении, как вчера. Последнее слово всегда оставалось за ними, а женихи лишь смиренно ожидали решения своей участи.

На сей раз всё получилось наоборот. Преимущество с самого начала было не на их стороне. Первую ошибку они совершили, когда, получив письмо г-жи Сугано, не решились ответить отказом. Приехав в Огаки и узнав от вдовы, как обстоит дело, Сатико могла ещё всё исправить, но она опять-таки пошла на поводу у пожилой дамы, и это было второй ошибкой. В конечном счёте, они согласились на эти смотрины не столько ради Юкико, сколько ради того, чтобы не обидеть Тацуо и его старшую сестру.

Но почему же Сатико так робела, так трепетала перед Савадзаки? До сих пор она всегда радовалась случаю появиться на людях вместе с Юкико, понимая, что такой сестрой можно только гордиться. Почему же вчера у неё замирало сердце всякий раз, когда Савадзаки смотрел в сторону Юкико? Не потому ли, что в роли экзаменатора выступал Савадзаки, а они с Юкико оказались в положении экзаменуемых? Уже одна эта мысль была для Сатико глубоко унизительной. Но ещё больше её мучило сознание, что во внешности Юкико появился изъян — незначительный, но тем не менее досадный изъян. Из нынешних смотрин, положим, всё равно ничего не вышло бы, но ведь рано или поздно Юкико получит новое предложение. Да, нужно не теряя времени заняться этим пятном… А вдруг оно не исчезнет? Что тогда? Неужели Юкико так и останется вековухой?.. Но, с другой стороны, не

всегда же пятно бывает так заметно. К тому же Юкико сидела неудачно, лицом к свету… И всё-таки для Сатико совершенно ясно было одно: отныне она уже не сможет являться на смотрины с высоко поднятой головой и будет замирать всякий раз, когда на Юкико остановится чей-то холодный и пристальный взгляд.

Догадываясь, что непривычная молчаливость сестры объясняется не только усталостью, Таэко но пыталась вызвать её на разговор и тоже молчала, думая о чем-то своём. Только однажды, улучив момент, когда Эцуко пошла «поить» своих светляков, Таэко тихонько спросила:

— Как прошли смотрины?

Сатико долго не отвечала. Как видно, ей не хотелось говорить. Лишь минуту или две спустя, словно вдруг очнувшись, она пробормотала:

— Обыкновенно… Всё очень скоро закончилось.

— Ну и что же теперь будет?

— Гм… Помнишь, как остановился поезд?

Сатико снова погрузилась в свои думы, и Таэко больше ни о чем её не спрашивала.

* * *

Вечером, приехав домой, Сатико в общих чертах, не вдаваясь в неприятные подробности, рассказала мужу о смотринах. Ей не хотелось бередить душу ни себе, ни ему.

Поняв из слов жены, что Савадзаки скорее всего не согласится на этот брак, Тэйноскэ подумал было: не следует ли им опередить события, заявив о своём отказе? Зачем ставить себя ещё раз в глупое положение? Но это были, конечно же, праздные мысли. Оба прекрасно понимали, что поступить так — означало бы нанести оскорбление вдове Сугано и «главному дому». К тому же в душе у Сатико всё ещё брезжила надежда: а вдруг…

Пока супруги думали, как лучше поступить в этой ситуации, от вдовы Сугано пришло письмо, отправленное чуть ли не вдогонку Сатико.

Дорогая Сатико-сан!

С Вашей стороны было бесконечно мило навестить меня в деревенской глуши. Боюсь, что мы не сумели как следует Вас развлечь, и всё-таки от души надеюсь, что Вы не очень сетуете на нас и непременно приедете, в Огаки ещё раз осенью, когда пойдут грибы.

Вчера я получила письмо от господина Савадзаки, которое спешу Вам переправить. Грустно сознавать, что мои скромные усилия остались втуне и я побеспокоила Вас понапрасну. Снова и снова приношу Вам свои глубочайшие извинения.

На днях мой сын попросил своего доброго знакомого в Нагое навести кое-какие справки о господине Савадзаки, и вот вчера от него пришёл ответ, который заставил меня усомниться в том, что Вы когда-либо согласились бы на брак Вашей сестры с этим человеком. Я пришла к выводу, что г-н Савадзаки не такая уж хорошая партия для Вашей сестры и у Вас нет оснований особенно огорчаться.

Я лишь сожалею, что заставила Вас понапрасну ехать в такую даль.

Передайте мой сердечный поклон госпоже Юкико.

Искренне любящая Вас Ясу Сугано.

13 июня.

В конверт было вложено письмо от Савадзаки. Вот оно.

Позвольте от души поблагодарить Вас, любезная госпожа Сугано, за радушный приём, коим Вы удостоили меня позавчера в своём доме. Я был сердечно рад застать Вас в добром здравии, несмотря на душную, дождливую погоду.

Переходя к делу, считаю своим долгом сообщить Вам следующее. Так как по здравом размышлении я пришёл к выводу, что мой брак с г-жой Макиока невозможен, прошу Вас о любезности известить её об этом.

Благоволите ещё раз принять мою искреннюю благодарность за Ваши заботы.

С глубочайшим почтением,

Ваш покорнейший слуга Хироси Савадзаки.

12 июня.

Оба эти письма, по-казённому напыщенные, служили последним, завершающим штрихом к той унизительной процедуре, в которую вылились минувшие смотрины. Тэйноскэ и Сатико были глубоко уязвлены.

Впервые за всё эти годы им со всей откровенностью давали понять, что они не выдержали экзамена. Впервые в жизни на них легло клеймо проигравших. Хотя они и были заранее готовы к такому исходу, тон полученных писем они сочли в высшей степени оскорбительным. Разумеется, теперь уже не было смысла обращать внимание на мелочи, и всё же Сатико покоробило, что письмо Савадзаки было написано чернилами и на самой обычной разграфлённой бумаге. (Предыдущее письмо, которое ей показывала вдова Сугано, он, по крайней мере, удосужился написать кистью на специальной почтовой бумаге.)

А чего стоило это лицемерное, «по здравом размышлении»! Какое уж тут здравое размышление, когда он кинулся строчить ответ г-же Сугано уже на второй день после смотрин! С таким же успехом он мог вообще не утруждать себя письмом и сообщить о своём решении сразу же, на смотринах.

Но, коль скоро он всё-таки взялся за письмо, неужели нельзя было выбрать для него более гибкую форму и хоть как-то объяснить вдове, почему его «брак с г-жой Макиока невозможен»! Помимо того, что это свидетельствует о вопиющем неуважении к людям, которые приехали издалека, чтобы встретиться с ним, это ещё и неучтиво по отношению к г-же Сугано. И потом — что вообще значит вся эта фраза: «Так как… я пришёл к выводу… прошу… известить…» Поистине, самомнение, достойное миллионера!

Чем же, интересно, руководствовалась вдова Сугано, пересылая им письмо Савадзаки? Никакой необходимости в этом не было, и тем не менее она сочла нужным вложить его в конверт. Как это следует понимать? Возможно, она не усмотрела в нём ничего обидного. И всё-

таки разве не в праве они были рассчитывать на большую деликатность с её стороны? Другая на её месте спрятала бы письмо Савадзаки куда-нибудь подальше и постаралась представить дело так, чтобы Макиока не почувствовали себя втоптанными в грязь. Что же касается её ссылки на письмо какого-то «доброго знакомого» г-на Сугано и вымученной фразы о том, что теперь она якобы не считает своего протеже хорошей партией для Юкико и что, стало быть, у них нет оснований огорчаться, то в этой ситуации они служили очень слабым утешением для Сатико и Тэйноскэ.

Из всего этого они могли сделать только один вывод: хотя вдова Сугано и принадлежит к весьма знатной и почтенной семье, человек она чёрствый и толстокожий, не умеющий считаться с чувствами других. Конечно же, они совершили большую ошибку, прибегнув к её услугам в таком тонком и деликатном деле, как сватовство Юкико. А произошло это исключительно по вине «главного дома». Сатико и Тэйноскэ согласились вести переговоры с г-жой Сугано только потому, что верили Тацуо. Он же, зная свою сестру, обязан был дать себе труд хоть немного вникнуть в суть дела и прежде, чем гнать Юкико в Огаки, решить для себя, есть в этом какой-нибудь смысл или нет. Впрочем, Цуруко в своём письме недвусмысленно давала понять, что они с Тацуо не считают возможным пренебречь любезностью г-жи Сугано, и поэтому вне зависимости от того, чем кончатся эти смотрины, Юкико должна встретиться с г-ном Савадзаки. Такая предупредительность по отношению к вдове была бы весьма похвальна, если бы при этом они подумали ещё и о Юкико. В самом деле, как можно было втравливать Юкико в эту историю, не поинтересовавшись даже, навела ли вдова Сугано необходимые справки о своём протеже? Получается, что всё они: и Тэйноскэ, и Сатико, и Юкико — прошли через эти унижения только для того, чтобы Тацуо не навлёк на себя неудовольствие своей сестрицы.

Ну да ладно, думал про себя Тэйноскэ, они с Сатико как-нибудь это переживут, но вот у Юкико могут теперь окончательно испортиться отношения с Тацуо. Хорошо ещё, что вдова написала сюда, в Асию, а не в Токио!

Посоветовавшись с мужем, Сатико решила до времени ничего не сообщать в Токио. Спустя недели две она написала Цуруко письмо, в котором как бы между прочим упомянула о том, что на днях они

получили весточку от г-жи Сугано и что, судя по всему, рассчитывать на благоприятный ответ г-на Савадзаки не приходится. Они надеются, писала Сатико, что Цуруко сумеет в тактичной форме сказать Юкико об этом. Если же по какой-либо причине ей будет трудно это сделать, она может вообще ничего не говорить.

8

В начале июля Тэйноскэ пришлось по делам службы на несколько дней поехать в Токио. Беспокоясь о Юкико, он выкроил время, чтобы наведаться в Сибую. Тацуо дома не было, но обе сестры встретили его в прекрасном настроении. Когда Юкико ушла в кухню готовить мороженое, у него с Цуруко была, возможность поговорить с глазу на глаз, но, как ни странно, речи о смотринах не зашло. Возможно, вдова Сугано написала в Токио по поводу смотрин отдельное письмо, но Цуруко предпочла умолчать об этом. А может быть, всё это лишь домыслы Тэйноскэ, и никакого письма не было. Но, так или иначе, Цуруко явно не желала касаться этой темы. Разговор шёл главным образом о том, что приближается двадцать третья годовщина смерти их матери и потому через два месяца всем им предстоит поехать в Осаку, чтобы отслужить по ней поминальный молебен. По-видимому, неожиданно хорошее настроение Юкико объяснялось тем, что у неё появилась надежда в скором времени снова очутиться в Асии.

Хотя день кончины матушки — двадцать пятое сентября, сказала Цуруко, они решили заказать службу в храме Дзэнкэйдзи на день раньше, в воскресенье двадцать четвёртого. Таким образом, им с Тацуо придётся выехать в Осаку в субботу. Но как быть с детьми? Старший сын, Тэруо, должен ехать при всех обстоятельствах, Масао и Умэко слишком малы, их тоже придётся взять с собой. Значит, с ними поедут трое детей, а трое останутся в Токио. Ещё одна важная проблема: кто в их отсутствие присмотрит за домом? Конечно, было бы идеально поручить это Юкико, но она наверняка захочет присутствовать на поминальной службе. Остаётся только служанка О-Хиса, но справится ли она с хозяйством и с детьми? Наверное, справится, ведь Цуруко не будет всего каких-нибудь два или три дня… И наконец: учитывая, что они приедут из Токио вшестером, где им лучше остановиться? В осакском доме всем будет тесновато. Наверное, Цуруко придётся просить сестру с зятем, чтобы они приютили сестёр у себя в Асии…

По правде говоря, Сатико как раз собиралась писать в Токио по этому поводу.

В декабре тысяча девятьсот тридцать седьмого года исполнилось тринадцать лет со дня смерти их отца. Это было вскоре после того, как «главный дом» переехал в Токио. Тацуо с семьёй ещё не успели обжиться на новом месте и поэтому решили отметить эту годовщину скромной службой в одном из токийских храмов, принадлежащее к той же секте, что и Дзэнкэйдзи.

В ознаменование этой даты Тацуо и Цуруко послали всем родственникам по лакированному подносу для благовонных курений и по открытке, в которой сообщалось, что в этот раз, вопреки обыкновению, молебен в память о покойном отце будет отслужен в Токио, что они будут рады, если кто-либо из родных окажется в Токио и сможет присутствовать на службе, однако не считают себя вправе вызывать их специально и будут искренне признательны всем, кто сочтёт возможным почтить память отца посещением храма Дзэнкэйдзи.

У «главного дома» были веские причины, чтобы не устраивать заупокойную службу в Осаке, но Сатико подозревала, что, помимо всего прочего, Тацуо не желал пускаться в лишние траты. Её покойный отец покровительствовал людям искусства, и на первой поминальной службе по нём присутствовало множество актёров и гейш. После молебна устроили пышный пир в ресторане «Харихан» с большим представлением, в котором участвовали такие знаменитости осакской сцены, как, например, Харудандзи. Всё было так, как в старые добрые времена.

Во второй раз, в тридцать первом году, когда отмечали седьмую годовщину смерти отца, Тацуо, подсчитав, во что обошлись ему предыдущие поминки, направил приглашения лишь ограниченному кругу родственников и близких друзей семьи. Однако гостей оказалось гораздо больше, чем он ожидал: одни пришли, потому что помнили эту дату, другие — потому что прослышали о готовящихся поминальной службе и поминках. В результате Тацуо не удалось ограничиться скромным угощением, которое он собирался устроить прямо в храме, и дело опять-таки кончилось пышным застольем в ресторане «Харихан». Гости были очень довольны. Кто-то из них сказал Тацуо: «Покойный ваш батюшка любил роскошь. Правильно, что вы не пожалели денег на поминальный обед, как это и пристали по-настоящему благочестивому сыну». Но Тацуо держался на этот счёт

противоположного мнения. Он прямо говорил, что теперь, когда от богатства семьи Макиока остались одни воспоминания, не следовало закатывать такой пир, он уверен, что и сам покойный отец не одобрил бы такого расточительства…

В свете этого и подобных высказываний было нетрудно догадаться, почему тринадцатую годовщину смерти отца Тацуо предпочёл отмечать не в Осаке. Кое-кто из родственников, главным образом, старики, осуждали его за это без всякого снисхождения: «Как можно было не приехать в Осаку ради такого случая? Понятное дело, им не хотелось тратиться, но на таких вещах экономить не принято». Цуруко оказалась между двух огней, и Тацуо, желая загладить свою вину, обещал в следующий раз устроить поминальную службу в Осаке.

Памятуя об этой истории, Сатико и хотела узнать, как в «главном доме» собираются отметить годовщину смерти матери. Будет ужасно, если они опять решат потихоньку отслужить молебен в Токио, думала она, и отнюдь не потому, что её беспокоило осуждение родственников. Эта дата слишком много значила для неё самой.

Тацуо не знал их матери, и нынешняя годовщина вряд ли что-либо говорила его сердцу. Но в душе Сатико мать всегда занимала совершенно особое место. Она горячо любила и отца, но совсем по-иному. Когда он скончался от удара в декабре двадцать четвёртого года, ему только что исполнилось пятьдесят четыре — не так уж много для мужчины. Мать же умерла гораздо более молодой, в возрасте тридцати шести лет. Подумать только, ей было столько же, сколько сейчас Сатико, и на два года меньше, чем Цуруко! Но, судя по тому образу, который запечатлелся в её памяти, она была намного красивее их обеих. Возможно, этот пленительный образ был отчасти сотворён детской фантазией Сатико, которой в ту пору было всего четырнадцать лет. Возможно, в нём так или иначе преломились впечатления о последних днях матери. Она умерла от чахотки, болезни, которая под конец превращает своих жертв в тщедушные, серые тени. Но мать до последнего часа сохраняла удивительное очарование. Её бескровное лицо не казалось ни безжизненным, ни землистым — его лишь коснулась лёгкая прозрачная белизна. Мать заметно исхудала, но кожа на руках и ногах по-прежнему излучала, живое тепло.

Заболела она вскоре после рождения Таэко. Сначала её отправили на виллу в Хамадэре, потом в Суму, но от морского воздуха ей почему-

то сделалось хуже, и тогда отец снял для неё небольшой домик в горах Мино. Сатико разрешали приезжать к ней только раз или два в месяц, да и то ненадолго. И всякий раз, возвращаясь домой, она подолгу думала о матери, чей образ соединялся для неё в неразрывное целое с печальных ропотом волн и гулом соснового бора. Должно быть, с тех самых пор и возникла в Сатико эта пылкая любовь к матери, любовь-поклонение.

Когда мать перевезли в Мино, было уже ясно, что дни её сочтены, и Сатико могла навещать её гораздо чаще, чем прежде. В день кончины матери рано утром раздался телефонный звонок, они с отцом немедленно отправились в Мино и ещё успели застать её в живых.

Осенний дождь стучался в стеклянные двери веранды, сбивал последние цветы на кустах хаги в саду, отлого спускавшимся к горной реке. В то утро из-за непрерывных дождей вода в ней прибыла, и деревенские жители опасались обвала в горах. Прислушиваясь к зловещему рычанию потока, к грохоту сталкивающихся между собой каменных глыб, от которого сотрясалась эта горная хижина, Сатико замирала от ужаса, Но стоило ей взглянуть на тихое, умиротворённое лицо матери, уходившей из жизни подобно росинке, скатывающейся с листа, — и страх тотчас же покидал её, уступая место сознанию просветлённости и покоя. Это была скорбь, но лишённая ощущения личной утраты и скорее сродная с чувством, какое навевает на нас мысль о недолговечности красоты или печальная музыка. Сатико знала, что мать не доживёт до зимы, и заранее готовила себя к неизбежному, и всё же горе её было бы куда нестерпимей, а воспоминание о нём — куда тягостней, не будь лицо умирающей так прекрасно…

*** * ***

Отец смолоду вёл довольно рассеянный образ жизни и женился, по тогдашним понятиям, поздно, в двадцать девять лет. Мать была десятью годами моложе его и происходила из семьи киотоского купца. Судя по рассказам тётушки, их брак был на редкость счастливым. На какое-то время отец якобы даже забыл дорогу в чайные домики. Их характеры были полной противоположностью друг другу: отец любил

веселье, шум, дорогие удовольствия, в то время как мать была типичной киотоской красавицей — тихой, кроткой, застенчивой, — но этим, по-видимому, и объяснялось то, что они так хорошо подходили друг другу. Многие считали, что такой паре можно только позавидовать. Но всё это было давно, в те далёкие времена, о которых Сатико почти ничего не помнила.

Гораздо отчётливей в её памяти запечатлелось, как отец вечно где-нибудь кутил, а мать, преданная и самоотверженная купеческая жена, безропотно сносила всё его выходки. С болезнью матери отец пустился в чудовищный разгул и чуть ли не всё время проводил в оргиях. Но Сатико понимала, что по-настоящему он любит только одну женщину — её мать. По-видимому, и его неясная привязанность к Юкико, которую он всегда выделял среди других дочерей, помимо всего прочего объяснялась тем, что она была так удивительно похожа на мать. Цуруко тоже обладала несомненным сходством с матерью, но была шире в кости, выше ростом и не унаследовала свойственной матери хрупкой грации.

Мать была во всех отношениях женщиной из прошлого века — миниатюрной, изящной, с крохотными ручками и ножками. А как хороши были её пальцы — гибкие, тонкие, как будто выточенные искусным мастером! При её росте, не достигавшем и полутора метров, она была намного ниже Таэко, а Юкико рядом с ней казалась бы просто великаншей, и всё-таки именно она, как никто другой, сумела унаследовать лучшие черты материнского облика и нрава. Она словно распространяла вокруг себя какой-то едва уловимый аромат, который напоминал о матери…

О готовящихся торжествах по случаю годовщины смерти матери Сатико знала только от мужа. Ни Цуруко, ни Юкико ничего ей не написали. И вот в середине сентября из Токио пришло официальное приглашение, из которого Сатико, к немалому своему изумлению, узнала, что торжественный молебен посвящён сразу двум годовщинам: двадцать третьей годовщине смерти матери и семнадцатой годовщине смерти отца…

В не меньшей степени был удивлён и Тэйноскэ: он точно помнил, что Цуруко говорила только о заупокойной службе в честь матери. О семнадцатой годовщине смерти отца вообще не было речи, да ведь она и исполнится-то только через два года… Но, что бы ни думала по

этому поводу Цуруко, Тацуо наверняка с самого начала намеревался объединить эти две даты.

Вообще говоря, ничего особенно предосудительного в этом не было, — многие справляют поминальные службы сразу по обоим родителям, даже если годовщины их смерти не совпадают. Но ведь два года назад, в ответ на упрёки родственников, Тацуо обещал отметить семнадцатилетие смерти отца самым торжественным образом. Конечно, с тех пор много воды утекло, времена наступили суровые и тревожные, и Тацуо вполне можно было понять. Но в таком случае он должен был заранее обсудить всё это с родственниками, объяснить им, почему он не считает возможным отмечать эти годовщины по отдельности. Принять же такое решение самостоятельно и объявить о нём чуть ли не накануне было с его стороны не вполне тактично.

Приглашение было предельно кратким, в нём говорилось, что Тацуо и Цуруко Макиока просят оказать им честь присутствием на поминальном молебне по случаю семнадцатой годовщины смерти их отца и двадцать третьей годовщины смерти их матери, который будет отслужен двадцать четвёртого сентября, в воскресенье, в десять часов утра в храме Дзэнкэйдзи (улица Ситадэра-мати, Осака).

Через несколько дней после того, как пришло это извещение, позвонила Цуруко. Когда Тэйноскэ был в Токио, сказала она, у них с Тацуо ещё не сложились чёткие планы в отношении предстоящих поминальных служб. Впрочем, они давно уже подумывали о том, чтобы в этом году заодно отметить и семнадцатилетие смерти отца. Тацуо считает, что в нынешние времена, когда объявлена всеобщая мобилизация национального духа, неприлично устраивать пышные церемонии. И всё же до последнего дня они не хотели объединять эти две даты, и сначала в приглашениях упоминалось только о годовщине смерти матери.

Однако когда настала пора рассылать приглашения, Тацуо окончательно решил служить молебен сразу по обоим родителям. В Европе началась война, Японии уже четвёртый год не удаётся уладить конфликт с Китаем. Кто знает, какие испытания ждут их всех впереди, в этих условиях остаётся лишь потуже затянуть пояса и, уж во всяком случае, не роскошествовать без надобности. На сей раз, учитывая, что гостей будет немного, они решили не заказывать отпечатанных приглашений и написали их от руки. Но поскольку в последний

момент их планы изменились, приглашения пришлось переписывать заново. Самим им было никак не управиться, поэтому Тацуо прибегнул к помощи молодых служащих банка. Всё это делалось в большой спешке, на то, чтобы обсуждать что-либо с родственниками, у них попросту не было времени. Они надеются, что всё близкие проявят понимание и не станут ворчать, как в прошлый раз…

После этой минной тирады, которая служила одновременно объяснением и оправданием, Цуруко сообщила, что они с Юкико, Масао и Умэко выедут из Токио двадцать второго числа экспрессом «Ласточка» и хотели бы остановиться в Асии. Тацуо и Тэруо приедут в Осаку в воскресенье утром и в тот же день ночным экспрессом уедут домой, поэтому с ними никаких хлопот не будет. Цуруко же хотела, бы чуточку задержаться. Она уже два года не была в Осаке, и неизвестно, когда ещё у неё появится такая возможность. О доме она может не волноваться: О-Хиса — умница, на неё не страшно оставить хозяйство. Но двадцать шестого числа — это самое позднее — Цуруко должна будет вернуться в Токио. А что вы решили по поводу угощения? — спросила Сатико. Ах да, угощение… Оно уже заказано в ресторанчике «Яотан». Поминальный обед состоится в храме сразу же после молебна. Всем этим занимается Сёкити. На него вполне можно положиться, и всё-таки было бы хорошо, если бы Сатико для верности ещё раз позвонила в ресторан и в Дзэнкэйдзи по поводу зала. Они разослали тридцать пять приглашений, но сакэ и закуски заказаны на сорок человек. Сакэ по мере надобности будут подогревать и подносить супруга и дочь священника, но ухаживать за гостями им придётся самим. Так что Цуруко рассчитывает на помощь сестёр.

Цуруко редко звонила по телефону, но если уж звонила, то способна была разговаривать часами. Едва исчерпав одну тему, она принималась за другую — и так без конца. Казалось бы, они уже обо всём договорились, но нет — Цуруко нужно было ещё многое обсудить с сестрой, начиная с того, как ужасно, что Юкико и Кой-сан всё ещё не замужем («Право же, мы не сможем глядеть людям в глаза!»), и кончая тем, какие подарки поднести родственникам в память о покойных родителях.

— Ну что же, тогда до послезавтра… — сказала наконец Сатико, дождавшись момента, когда на том конце провода наступила короткая пауза.

9

Обмолвка Цуруко о том, как тягостно ей будет выставить на всеобщий показ незамужних сестёр, показалась Сатико знаменательной. Без сомнения, Тацуо озабочен этим не меньше своей жены. Возможно, здесь следует искать одно из объяснений непонятной сдержанности, которую с некоторых пор проявляют в «главном доме» в связи с поминальными обрядами. Должно быть, сестра с зятем надеялись, что к нынешней годовщине хотя бы Юкико будет уже просватана. Увы, — в свои тридцать три года она всё ещё зовётся «барышней», и это при том, что двоюродные сёстры, которые намного её моложе, давно уже замужем, а кое-кто из них успел даже обзавестись детьми.

Ещё в тридцать первом году, когда отмечали семилетнюю годовщину смерти отца, Цуруко и Тацуо было тяжело выслушивать комплименты родственников по поводу того, что Юкико (ей было тогда двадцать пять лет) «ни капельки не постарела». Каково же будет им слушать это теперь! С тех пор Юкико мало изменилась и меньше всего думает о том, что двоюродные сёстры её обскакали. Но от этого родня, наверное, жалеет её ещё больше и винит во всём «главный дом»: слыханное ли дело, чтобы такая красавица до сих пор сидела в девушках! Должно быть, родители на том свете слезами обливаются… Сатико искренне сочувствовала Тацуо с Цуруко, тем более что в душе считала себя виноватой в не меньшей степени, чем они. И всё же, если она и страшилась предстоящей встречи с родственниками, то по причинам, не имеющим никакого отношения к Юкико.

Дело было в Таэко, в очередной перемене, которую стала претерпевать её жизнь в последнее время.

После смерти Итакуры она ушла в себя и, казалось, полностью утратила интерес к жизни. Однако это длилось недолго, всего с полмесяца, а потом она вдруг воспрянула духом, ожила. Без сомнения, внезапная смерть любимого человека, ради которого она была готова пожертвовать всем, глубоко потрясла её, но Таэко была не из тех, кто способен без конца хандрить и жалеть себя. Она взяла себя в руки, начала снова посещать уроки шитья и вскоре стала — по крайней мере

внешне — такой же деловой и энергичной, как всегда. Сатико была восхищена её самообладанием. «Ты только подумай, — говорила она мужу, — перенести такой удар, и не повесить носа, не раскиснуть… Да, Кой-сан — удивительный человек… Я бы так не смогла…»

Однажды — это было в середине июля — Сатико пригласила свою приятельницу, г-жу Куваяма, пообедать у «Ёхэя». Не успели они усесться перед стойкой, как старик объявил Сатико, что только что звонила её сестра и просила зарезервировать для неё два места на шесть часов. Сатико не представляла себе, откуда Таэко могла звонить и для кого предназначалось второе место. «Не так давно Кой-сан была у нас с каким-то господином», — сказал молоденький паренёк, помощник Ёхэя. Сатико очень удивилась и, не будь рядом г-жи Куваяма, расспросила бы его поподробнее, но сейчас, ей ничего не оставалось, как пропустить это замечание мимо ушей. И потом — ей отчего-то было боязно узнать, в чьём обществе появлялась здесь её сестра.

Распрощавшись с г-жой Куваяма, Сатико отправилась в кино посмотреть во второй раз понравившуюся ей французскую картину. Сеанс окончился в половине шестого. Если бы сейчас она подошла к ресторанчику Ёхэя, то смогла бы увидеть Таэко и её спутника. Но Сатико пересилила в себе это искушение и поехала домой.

Месяц спустя, в середине августа, в Кобэ начались гастроли Кикугоро, и Сатико вместе с мужем, дочерью и О-Хару отправилась в театр «Сётику». Таэко с ними не было она редко принимала приглашение пойти куда-либо вместе с семьёй. (Как раз сегодня, говорила она, ей очень трудно вырваться. Она непременно сходит, но в другой день.)

Выйдя из такси, Тэйноскэ и Эцуко ушли вперёд, а Сатико и О-Хару, не успев вовремя перейти улицу, ждали, когда пройдёт поток машин. И тут в одной из машин они увидели Таэко и Окубату. Ошибки быть не могло: дело было днём и ярко светило солнце. Молодые люди были увлечены беседой и, судя по всему, не заметили их.

— О-Хару, смотри не проговорись об этом хозяину и Эцуко, — в замешательстве сказала Сатико.

— Слушаюсь, — неожиданно серьёзно ответила О-Хару и потупилась.

Сатико нарочно замедлила шаг. Ей нужно было немного успокоиться, прежде чем догонять Тэйноскэ и Эцуко. В минуты сильного волнения у неё всегда холодели пальцы. Вцепившись в руку служанки, она срывающимся голосом, спросила:

— О-Хару, скажи мне, ты что-то знаешь?.. Кой-сан всё время где-то пропадает…

О-Хару молча кивнула.

— Что тебе известно, О-Хару? Он звонил Кой-сан? Ну же, О-Хару…

— Насчёт звонков я не знаю… — неуверенно пробормотала О-Хару. — Но вообще-то раза три я видела их в Нисиномии.

— Кого? Господина Окубату?

— Да… И Кой-сан тоже…

В тот момент Сатико не стала ни о чем больше спрашивать, но во время антракта улучила несколько минут, чтобы продолжить начатый разговор.

* * *

В конце прошлого месяца О-Хару взяла двухнедельный отпуск, чтобы ухаживать за отцом, который перенёс операцию по поводу геморроя и лежал в одной из клиник в Нисиномии. О-Хару каждый день возила ему из дома еду. От Амагасаки, где жила её семья, до Нисиномии она добиралась автобусом. Один раз она видела Окубату, когда выходила из автобуса в Нисиномии, а два других раза — когда стояла на остановке. Ей нужно было ехать в сторону Ноды, Окубата же, как видно, направлялся в Кобэ, потому что ждал своего автобуса на противоположной стороне. За автобусной остановкой, на которой стояла О-Хару, был небольшой тоннельчик. Как раз оттуда и появился Окубата. Потом он пересёк шоссе и вышел к остановке напротив. (В разговоре с Сатико О-Хару употребила старинное диалектное словечко «мамбо», которое означает «небольшой подземный проход», «тоннель» и которое теперь понятно разве только коренным жителям Осаки. Говорят, это слово попало в японский язык из голландского. К северу от остановки, где садилась в автобус О-Хару, тянулось железнодорожное полотно, под ним-то и был проложен этот

подземный ход, такой низкий, что мужчине чуть выше среднего роста требовалось основательно пригнуть голову, чтобы не удариться ею о потолок.)

В первый раз О-Хару до того растерялась, что даже не поздоровалась с Окубатой, но тот приветливо ей улыбнулся, приподняв шляпу. Во второй раз автобусов долго не было. Некоторое время они молча стояли каждый на своей остановке, но потом Окубата неожиданно сорвался с места и направился через дорогу к О-Хару. «Однако же мы часто встречаемся», — сказал он и спросил, каким ветром её занесло в эти края. О-Хару объяснила: так, мол, и так. Выслушав её, Окубата улыбнулся и сказал: «Раз вы здесь бываете, милости прошу, заходите ко мне в гости. Я живу совсем рядом, вон там, за тоннелем. Вам что-нибудь говорит название «Иппон мацу» — «Одинокая сосна»? там я и обитаю. Вы найдёте меня без всякого труда. Так вы непременно приходите, я буду вас ждать!» Окубате явно хотелось ещё о чем-то поговорить, но тут подошёл её автобус, и она уехала. (Когда О-Хару о чем-либо рассказывала, она старалась припомнить до малейших подробностей всё, что говорила она и что отвечал её собеседник.)

В общем, продолжала О-Хару, она видела Окубату три раза, причём в одно и то же время — часов так около пяти вечера, и всё три раза он был один. А ещё как-то раз она встретилась с Таэко — в том же самом месте и опять же вечером. О-Хару стояла на остановке и ждала своего автобуса. Тут к ней и подошла Таэко и легонько хлопнула её по плечу. «Ой, как это вы здесь очутились?» — невольно вырвалось у О-Хару, но она тут же опомнилась и прикусила язык. Судя по тому, что Таэко незаметно подкралась к ней со спины, ей неоткуда было появиться, кроме как из этого самого «мамбо». Таэко спросила О-Хару, когда она собирается возвращаться в Асию и как здоровье её отца. А потом вдруг улыбнулась и сказала: «Кэй-тян рассказывал мне, что видел тебя». Тут уж О-Хару окончательно оторопела. «Ну что же, до скорой встречи в Асии», — обронила Таэко напоследок и пошла к своей остановке. Тут как раз подошёл её автобус. О-Хару не знала, отправилась ли Таэко оттуда прямо домой или же у неё были какие-то дела в Кобэ…

Вот, собственно, и всё, что удалось узнать Сатико из разговора со служанкой в театральном фойе. Но она подозревала, что О-Хару

известно кое-что ещё. Через два дня после этого, дождавшись, когда Таэко ушла по своим делам, а Эцуко в сопровождении служанки О-Тэру отправилась на урок музыки, Сатико позвала О-Хару в гостиную и снова принялась её расспрашивать.

Нет, честное слово, больше она ничего не знает, сказала О-Хару, разве только вот ещё что… До сих пор она была уверена, что господин Окубата живёт в Осаке, поэтому её очень удивило, что он сказал ей, дескать, его дом совсем рядом здесь, в Нисиномии. И вот однажды она спустилась в «мамбо» и дошла до «Иппон мацу». Действительно, там она довольно скоро отыскала двухэтажный домик с белёными стенами и красной черепичной крышей, окружённый невысокой живой изгородью. У входа висела деревянная табличка с надписью: «Окубата». Табличка была совсем новенькая, так что, видно, он переехал туда недавно.

О-Хару была там вечером, наверное, в половине седьмого или около того. Уже темнело, и на втором этаже ярко горел свет. Окно было распахнуто, из-за белой тюлевой занавески доносилась патефонная музыка и голоса — один мужской, видно, господина Окубаты, а другой — женский. Но О-Хару трудно было что-либо разобрать из-за музыки. («А музыку-то я сразу узнала, — похвасталась О-Хару. — Она в аккурат из картины «Возвращение на заре». Помните эту песенку, которую поёт эта… ну как её?.. вот-вот, Даниэль Дарье».) О-Хару немного постояла около дома и ушла. Она собиралась как-нибудь наведаться туда ещё разок, но через два дня после этого отца выписали из клиники, и она вернулась в Асию.

Всё это время, призналась О-Хару, она раздумывала: рассказать об этом барыне или нет. Поскольку ни господин Окубата, ни Таэко ни единым словом не намекнули ей, что она должна помалкивать, О-Хару решила, что барыня, скорее всего, обо всём знает. Тогда ей тем более ни к чему было что-либо скрывать. И всё же в конце концов она решила, что в таких случаях лучше держать язык за зубами, и не стала ничего говорить. Но вообще-то ей кажется, что Таэко довольно часто бывает там, у господина Окубаты. Если что, она, О-Хару, могла бы съездить туда на разведку, послушать, что говорят в округе.

Сатико расспрашивала О-Хару так подробно, потому что была совершенно ошеломлена, увидев Таэко с Окубатой. Однако по здравом размышлении она пришла к выводу, что ничего сверхъестественного в

этом, пожалуй, нет. Из-за Итакуры Таэко прекратила отношения с Окубатой, но ведь окончательного разрыва между ними не произошло, и теперь, когда Итакуры не стало, они снова начали встречаться. Что же в этом странного? Правда, однажды — это было вскоре после похорон Итакуры, дней, должно быть, десять спустя — Сатико увидела в газете объявление о кончине матери Окубаты. «Ты знаешь, матушка Кэй-тяна умерла», — сказала она Таэко, осторожно заглядывая ей в лицо. Та кивнула в ответ. «Интересно, она долго болела?» Таэко лишь неопределённо пожала плечами. «Ты что же, совсем не видишься с Кэй-тяном?» — «Нет», — коротко отозвалась Таэко. Сатико почувствовала, что сестре неприятно обсуждать эту тему, и с тех пор ни разу не упоминала при ней имени Окубаты. Но ведь Таэко не сказала ей тогда со всей определённостью, что с Окубатой покончено раз и навсегда. Опасаясь, что рано или поздно может появиться второй Итакура, Сатико была рада, что сестра помирилась с Окубатой. Во всяком случае, это было куда лучше и приличней, чем если бы у неё завёлся новый обожатель с сомнительным прошлым. Конечно, из рассказа О-Хару ещё не следовало, что они помирились. Но, скорее всего, это было действительно так. Почему же тогда Таэко ничего ей не рассказала? Ведь она прекрасно знает, что и в «главном доме», и в Асии ничего не имеют против Окубаты. По-видимому, ей просто неловко говорить о своих встречах с Окубатой после того, как она заявила Сатико, что больше его не любит. В таком случае ей должно быть выгодно, чтобы Сатико узнала обо всём не от неё самой, а от кого-нибудь другого, например от О-Хару.

* * *

Как-то раз, оставшись с сестрой наедине, Сатико будто невзначай сказала:

— Знаешь, на днях я видела тебя в Кобэ. Мы шли в театр, а ты проехала мимо нас в машине с Кэй-тяном.

— Вот как?

— У «Ёхэя» ты была тоже с ним?

— Да.

— Почему он живёт в Нисиномии?

— Он не мог оставаться в Осаке. Брат выгнал его из дома.

— За что?

— Я так и не поняла.

— У него недавно умерла матушка…

— Да, я думаю, смерть матушки развязала руки его брату.

Таэко рассказала сестре, что Окубата нанял дом за сорок пять иен в месяц и что живёт он там вместе со своей старенькой кормилицей.

— Когда же ты стала снова встречаться с Кэй-тяном? После смерти Итакуры, сказала Таэко, она каждые семь дней ездила, к нему на могилу. На сорок девятый день она, как всегда, рано утром отправилась в Окаяму, сходила на кладбище, а потом вернулась на станцию, чтобы ехать домой. Там её ждал Окубата: «Я знал, что встречу вас здесь». Делать нечего, они сели в поезд вместе и с тех пор изредка встречаются. Но это не значит, что она изменила своё мнение о нём. Он, как всегда, рисуется и произносит умные речи о том, что после смерти матушки понял, что такое жизнь. Брат вышвырнул его из дома, и у него, дескать, наконец открылись на всё глаза. Таэко не принимает этих слов всерьёз. Просто сейчас, когда от Кэй-тяна всё отвернулись и он остался совершенно один, она не может его бросить. Это было бы слишком жестоко. Если она с ним встречается, то просто из жалости, любовь тут вовсе ни при чем.

10

Таэко говорила с явной неохотой. Видя, что обсуждать эту тему ей неприятно, Сатико больше не заговаривала с сестрой об Окубате. Однако и того, что ей удалось узнать, было довольно, чтобы объяснить многое в поведении Таэко. В последнее время она всё чаще возвращалась домой поздно и заметно отдалилась от семьи. От внимания Сатико не ускользнуло, что, появляясь по вечерам в Асии, она отнюдь не всегда принимала ванну, но при этом выглядела свежо и опрятно — стало быть, у неё была возможность совершить туалет там, где проходила теперь большая часть её жизни. Пока длился её роман с Итакурой, Таэко не позволяла себе никаких лишних трат даже когда ей нужно было сделать завивку «перманент», она шла в самую дешёвую парикмахерскую.

С некоторых пор, однако, ею снова овладел дух расточительности, и она уже не жалела денег на самую дорогую одежду, косметику, всевозможные безделушки. За какие-то два месяца у неё появились новые, куда более роскошные, чем прежде, часики, кольца, сумочка, портсигар, зажигалка. На тридцать пятый день после смерти Итакуры Таэко получила из Окаямы на память о покойном его любимый фотоаппарат — ту самую «лейку», которую некогда разбил Окубата в фойе концертного зала и которую Итакуре впоследствии удалось починить. Первое время Таэко не расставалась с этим фотоаппаратом, повсюду носила, его с собой, но вскоре и он был заброшен и заменён новенькой хромированной «лейкой» последнего образца.

Поначалу Сатико не придавала особого значения всех этим переменам, приписывая их естественной потребности заполнить пустоту, которая образовалась в жизни сестры после смерти любимого человека. Однако этим дело не ограничивалось. Как выяснилось, Таэко не только окончательно забросила работу над куклами, но и оставила свою студию одной из учениц. В школе Норико Тамаки она тоже, судя по всему, в последнее время появлялась не часто. До сих пор Сатико и на это старалась смотреть сквозь пальцы и ничего не обсуждала с близкими.

Но теперь, узнав, что Таэко открыто бывает на людях в обществе Окубаты, она поняла, что дальше так продолжаться не может. Что, если в один прекрасный день их встретит Тэйноскэ? При его острой неприязни к Окубате, ничего хорошего из этого не получится. Одним словом, Сатико решила обо всём рассказать мужу.

Как она и предполагала, Тэйноскэ был очень огорчён. А спустя несколько дней, когда Сатико по обыкновению зашла к нему утром в кабинет, он предложил ей сесть и объявил, что хочет с ней серьёзно поговорить.

Как оказалось, известие о том, что брат выгнал Окубату из дома, весьма озадачило Тэйноскэ, и он постарался узнать, почему это произошло. И вот что ему удалось выяснить. Кэй-тян подговорил кого-то из приказчиков и с их помощью украл из принадлежащего семье магазина ценности на довольно крупную сумму. Судя по слухам, он проделывал это и прежде, но тогда за него вступалась матушка и скандал удавалось замять. Теперь же старухи нет в живых, а поскольку это случилось не в первый раз, брат был совершенно взбешён. Он даже грозился подать на Кэй-тяна в суд, родственники насилу уговорили его не делать этого. Но, как только миновал тридцать пятый день со смерти матери, он сразу же указал Кэй-тяну на дверь и сказал, чтобы впредь ноги его не было в осакском доме.

Неизвестно, знает ли обо всём этом Кой-сан, продолжал Тэйноскэ, но он считает, что в свете всех этих событий и Сатико, и её сестре с зятем необходимо в корне пересмотреть свои планы в отношении брака Кой-сан с Окубатой. Узнай Тацуо, как обстоит дело, он, с его строгими взглядами, без сомнения, не допустит этого брака. До сих пор всё они смотрели сквозь пальцы на то, что Кой-сан встречается с Окубатой, и в душе, наверное, даже были сему рады, считая их брак наилучшим выходом из положения. Но в нынешних обстоятельствах позволить молодым людям оставаться вместе было бы попросту неприлично.

Возможно, Сатико и её сёстры до сих пор исходят из того, что Кой-сан лучше проводить время в обществе Окубаты, нежели какого-то другого, совершенно неизвестного им мужчины, но Тацуо вряд ли станет мирволить их встречам, по крайней мере до тех пор, пока Окубата не будет прощён и не получит согласия своей семьи на брак с Таэко.

В нынешних обстоятельствах молодые люди должны расстаться. Это необходимо со всех точек зрения. Пока Кэй-тян жил вместе со своей семьёй, матушка и брат могли как-то за ним присматривать, теперь же он фактически предоставлен самому себе. Вполне возможно, что брат выделил Кэй-тяну небольшую сумму — в порядке, так сказать, утешения — и он теперь сорит этими деньгами без разбору, не задумываясь о том, на что будет жить дальше.

Я не удивлюсь, сказал Тэйноскэ, если узнаю, что Кой-сан помогает ему их тратить. Она ведь заявила, что не любит Окубату. Зачем же тогда ей с ним встречаться? Тут поневоле задумаешься: а что, если ею движет не одно только сострадание, а куда менее благородные чувства? Да и вообще, если всё останется по-прежнему, в один прекрасный день может выясниться, что отношения у них вовсе не платонические. Как быть тогда? Ну хорошо, пусть даже до этого дело не дойдёт, всё равно не годится, чтобы Кой-сан целыми днями сидела в Нисиномии. Если об этом узнает брат Кэй-тяна, что он подумает о семье Макиока? Мало того, что Таэко окончательно скомпрометирует себя в его глазах, в каком свете предстанут перед ним они с Сатико?

До сих пор, сказал Тэйноскэ, он старался не вмешиваться в дела Кой-сан, этой линии он намерен держаться и впредь, но если она не порвёт с Окубатой, он будет вынужден рассказать обо всём Тацуо. Если в «главном доме» разрешат Таэко встречаться с Окубатой или, по крайней мере, не запретят ей этого — дело другое, но брать всю ответственность на себя он не может, Не так давно Тэйноскэ занялся игрой в гольф и теперь, встречаясь в клубе с братом Окубаты, не знает, куда деть глаза от стыда.

— Неужели ты и впрямь думаешь, что Тацуо позволит ей видеться с Окубатой? — спросила Сатико.

— Конечно, нет.

— Что же тогда делать?

— Думаю, мы должны категорически запретить ей эти свидания.

— А если она нас не послушает и будет встречаться с ним тайком?

— В таком случае, будь она моей сестрой или дочерью, я выгнал бы её из дома.

— И она сразу же побежала бы к Окубате.

Глаза у Сатико подёрнулись влагой. Конечно, отрёкшись от Таэко, они оправдают себя в глазах семейства Окубата, но разве этот шаг не чреват последствиями, которых так опасается Тэйноскэ? Он считает, что Таэко взрослый, самостоятельный человек и заставлять её следовать чьим бы то ни было наставлениям бесполезно. Если выгнать её из дома, рассуждает он, Таэко может одуматься. Не исключено, конечно, что она уйдёт жить к Окубате. Но зачем заранее настраивать себя на самое худшее? Тогда их тревогам и терзаниям вообще не будет конца. Таково мнение Тэйноскэ, но Сатико не могла без содрогания подумать о том, чтобы выставить сестру за дверь, да ещё с клеймом отверженной. До сих пор она всегда заступалась за Таэко перед «главным домом», почему же сейчас она должна обойтись с нею так жестоко? Да ведь Таэко ничего особенного не натворила. Тэйноскэ чересчур суров к ней. У неё не может быть недостойных намерений, ведь как-никак она воспитывалась в хорошей семье. Просто сердце у неё доброе, отзывчивое. Сатико привыкла заботиться о ней, как о родной дочери. Могла ли она отказаться от неё — и когда? — именно теперь, накануне годовщины смерти матери?!

— Ты, наверное, не так меня поняла, — поправился Тэйноскэ, видя, что жена готова расплакаться. — Я не говорю, что мы должны выставить её из дома. Я только сказал: «Будь Кой-сан моей сестрой…»

— Знаешь что, предоставь это дело мне. Вот приедет Цуруко — и я непременно с ней поговорю. Я уверена, мы что-нибудь придумаем.

На самом деле, однако, Сатико ещё не решила для себя окончательно, стоит ли ей заводить этот разговор с сестрой. В любом случае, подумала она, нужно подождать до тех пор, пока не кончатся поминальные обряды.

Двадцать второго числа, вечером, когда приехали гости из Токио, Сатико решила для начала посоветоваться с Юкико.

Ну и что же дурного, сказала Юкико, если Кой-сан помирилась с Окубатой? Брат выгнал Кэй-тяна из дома? Не стоит придавать этому такое уж серьёзное значение. В конце концов, он совершил кражу не где-нибудь, а в собственном магазине. Да, это вполне в его духе… И всё же Юкико не думала, что брат отрёкся от него навсегда. Он решил хорошенько его проучить, но со временем наверняка простит. Конечно, нехорошо, что Кой-сан открыто появляется с ним на людях. Но если они согласятся вести себя более осмотрительно, особой

необходимости в том, чтобы запрещать им встречаться, пожалуй, нет. По её мнению, Сатико не стоит рассказывать обо всём этом Цуруко. Та обязательно доложит Тацуо, а это повлечёт за собой только дополнительные осложнения…

*** * ***

Не считая себя вправе открыто говорить об этом, Сатико, однако, была недовольна тем, как старшие Макиока распорядились отметить годовщину смерти родителей, и отчасти поэтому, а отчасти для того, чтобы порадовать Цуруко, приехавшую в Осаку после длительного перерыва, решила устроить для сестёр отдельное семейное торжество. Через два дня после поминальной службы, двадцать шестого числа, Сатико намеревалась снять зал в ресторане «Харихан» — с этим местом было связано столько воспоминаний об отце с матерью! Из приглашённых, по её замыслу, должны были быть только тётушка Томинага с мужем и дочерью Сомэко, а чтобы застолье не было скучным, она собиралась пригласить музыкантов: кэнгё Кикуоку и его дочь Токуко. Было решено, что Таэко исполнит два танца: «Благоухающие рукава» и «Рассветная луна» — первый под аккомпанемент Токуко, а второй — под аккомпанемент кэнгё на сямисэне и Сатико на кото. Готовясь к этому дню, Сатико вот уже две недели разучивала свою партию на кото, а Таэко ездила на репетиции в Осаку.

На следующий день после своего приезда Цуруко с самого утра отправилась за покупками и с визитами, взяв с собой одну Умэко. Они вернулись в Асию только вечером, отужинав у кого-то из знакомых. Но вот наступила знаменательная дата — двадцать четвёртое сентября. В половине девятого утра всё: Цуруко, Масао, Умэко, Сатико с мужем, Эцуко, Юкико, Таэко и О-Хару, — торжественные и нарядные, вышли из дома. Женщины были в однотонных шёлковых кимоно с фамильными гербами: Цуруко в чёрном, а её сёстры и О-Хару — в лиловых, но разных оттенков.

На станции «Сюкугава» в поезд вошёл Кириленко он был в коротких брюках-гольф, обнажавших его волосатые ноги. Сразу же

обратив внимание на живописное семейство, Кириленко подошёл поближе и ухватился за поручень рядом с Тэйноскэ.

— Далеко ли вы направляетесь? — спросил Кириленко, поздоровавшись. — У вас какое-то торжество?

— Сегодня годовщина смерти матери моей жены. Мы едем в храм.

— Вот оно что? А как давно умерла ваша матушка?

— Двадцать три года назад, — ответила Таэко.

— Что пишет Катерина-сан? — полюбопытствовала Сатико.

— Хорошо, что вы мне напомнили. На днях мы как раз получили от неё письмо. Она просит передать всем вам привет. Катерина сейчас в Англии.

— Значит, она уже уехала из Берлина?

— Да, она пробыла там недолго, сразу же отправилась в Англию. Кстати, ей удалось разыскать свою дочку.

— Как замечательно! А чем она занимается в Англии?

— Она нашла себе место секретарши в одной из страховых компаний в Лондоне.

— И дочка живёт теперь с ней? — спросил Тэйноскэ.

— Пока ещё нет. Но Катерина надеется, что в ближайшее время её иск будет удовлетворён и ребёнка передадут ей.

— Вот как? Подумать только!

— Когда будете писать ей письмо, непременно передайте поклон от всех нас…

— Должно быть, письма сейчас идут долго, ведь в Европе война.

— Я слышала, Лондон подвергается воздушным налётам, — заметила Таэко. — Представляю себе, как беспокоится ваша матушка.

— Да нет, не особенно, — сказал Кириленко. — Вы же знаете Катерину, она не пропадёт.

Тем, кто помнил пышные застолья в «Харихане», поминальный обед в храме Дзэнкэйдзи не мог показаться особенно впечатляющим, однако в результате всё вышло не так убого, как опасалась Сатико. Сорок человек гостей разместились за столами в длинном зале, образованном из трёх смежных комнат в жилых покоях храма,[100] между которыми раздвинули перегородки. Помимо родственников в числе приглашённых были люди, так или иначе связанные с семейством Макиока: плотник Цукада, сын Отояна — Сёкити,

несколько человек, служивших в старом магазине Макиока в Сэмбе. Вопреки ожиданиям Цуруко, ни ей, ни её сёстрам не пришлось ухаживать за гостями — с этой задачей прекрасно справлялись их двоюродные сёстры, О-Хару и жена Сёкити.

Глядя на высокие кусты хаги за окном с начинающими осыпаться цветами, Сатико вспоминала крохотный садик рядом с домом в Мино, где умерла мать. Мужчины большей частью разговаривали о войне в Европе. Женщины, как всегда, восторгались моложавостью Юкико и Кой-сан, однако делали это вполне тактично, так, чтобы Тацуо не почувствовал в их словах укола. Правда, один из гостей, Томацури, некогда служивший приказчиком в магазине покойного Макиоки, изрядно захмелев, громогласно переспросил:

— Значит, госпожа Юкико всё ещё не замужем? — Но и этого, как видно, ему показалось мало, и он продолжал наседать: — А почему, позвольте полюбопытствовать?

— Видите ли, — нарочито спокойно произнесла в ответ Таэко, — мы с Юкико и так уже выбились из графика и поэтому решили подождать, пока для нас отыщутся по-настоящему хорошие мужья.

— Но не слишком ли долго вы ждёте?

— Ничего. Недаром ведь говорят: «Тише едешь — дальше будешь».

Кое-кто из дам принуждённо засмеялся. Юкико молчала, с улыбкой слушая этот диалог. Тацуо сделал вид, будто не понял, о чем идёт речь.

— Томацури-кун! А Томацури-кун! — позвал со своего конца стола смуглолицый Цукада, сверкая золотыми зубами. Он сидел в одной рубашке, сняв китель защитного цвета.[101] — Ходят слухи, что вы удачно спекульнули на бирже.

— Какое там! Но в скором времени я действительно надеюсь разбогатеть.

— Неужели? И каким же образом?

— В этом месяце я еду в Китай. Моя сестрица, знаете ли, живёт в Тяньцзине. Она танцевала там в кабаре. Кто-то из армейских чинов заметил её и завербовал в шпионки.

— Да ну!

— Да. Не так давно она вышла замуж за китайца и, представьте себе, живёт припеваючи. Время от времени она подкидывает тысчонку,

а то и две.

— Ничего себе! Вот бы мне такую сестрицу!

— Она написала мне: не будь, мол, растяпой и приезжай в Тяньцзинь, там, дескать, легко заработать.

— Возьмите меня с собой. Я в любое время расстанусь со своим плотницким ремеслом.

— А что? По мне любое занятие хорошо, лишь бы давало деньги. Я пошёл бы даже сторожем в «весёлый» квартал.

— Конечно, конечно, — согласился Цукада. — О-Хару, будь добра, налей мне ещё чарочку.

Стоило Цукаде чуточку подвыпить, как он сразу же принимался ухаживать за О-Хару. Бывая в Асии и угощаясь на кухне сакэ, он всякий раз заводил с ней один и тот же разговор: «Послушай, О-Хару, выходи за меня замуж. Если ты согласна, я хоть сейчас выставлю свою старуху за дверь. Нет, кроме шуток. Даю тебе честное слово!» О-Хару только дружелюбно посмеивалась в ответ и подносила плотнику очередную чарку. Но сегодня Цукада был особенно настойчив. Улучив подходящий момент, О-Хару сказала:

— Пойду принесу с кухни подогретого сакэ.

— Постой, О-Хару, куда же ты? — крикнул ей вслед Цукада, но девушка уже направлялась к чёрному ходу. Выбежав на заросший травой задний двор, она вынула из-за чёрного атласного пояса пудреницу и припудрила раскрасневшееся лицо. Затем, удостоверившись, что поблизости никого нет, открыла лакированный портсигар, полученный в подарок от приказчика из галантерейной лавки, достала оттуда сигарету, торопливо сделала, несколько затяжек и, притушив окурок, засунула его обратно в портсигар. После этого она направилась в кухню.

11

Двадцать шестого числа Цуруко уезжала в Токио. После обеда в ресторане «Харихан» она вместе, с сёстрами немного прогулялась по району Синсайбаси, чтобы напоследок насладиться атмосферой любимого города, а затем, не возвращаясь в Асию, всё они поехали на вокзал.

— Когда же мы теперь увидимся, Цуруко? — спросила Сатико.

— Боюсь, не скоро, если, конечно, ты не приедешь в Токио, — ответила Цуруко, высовываясь из окна вагона третьего класса. Она не стала заказывать билеты в спальный вагон, ссылаясь на то, что с детьми ей всё равно не удалось бы заснуть. — В следующем месяце будет выступать Кикугоро.

— Он недавно приезжал в Кобэ, и мы ходили на его выступление в театр «Сётику», по, честно говоря, я не получила такого удовольствия, как прежде, когда видела его в Токио и Осаке. Конечно, в «Ясуне»[102] он был великолепен, но вместо Эндзю-даю выступал другой сказитель…

— Говорят, что в пьесе, которую Кикугоро собирается исполнить в следующем месяце, будет эпизод рыбной ловли с бакланами на реке Нагарагава и он появится на сцене с настоящими, живыми птицами.

— Должно быть, это какая-то новая пьеса. Но ты ведь знаешь, я больше всего люблю Кикугоро в танцевальных пьесах.

— Кстати, тётушка Томинага очень хвалила нашу Кой-сан. Она, дескать, и не подозревала, что Кой-сан так хорошо танцует.

— А разве Юкико не едет с нами? — спросил Масао, заметив, что та по-прежнему стоит на платформе позади Сатико.

Юкико улыбнулась и начала что-то говорить в ответ, но тут раздался звонок к отправлению, и её слов никто не расслышал.

Поскольку с самого начала было совершенно ясно, что она хочет остаться в Асии, Цуруко не стала настаивать на её возвращении вместе со всеми, и, хотя Юкико не спросила у неё разрешения задержаться, всё решилось само собой.

Послушавшись совета Юкико, Сатико не стала заводить со старшей сестрой разговор о Таэко. Последняя, как видно, истолковала

её молчание в свою пользу и ездила в Нисиномию уже не таясь. Если бы она выбирала для своих встреч с Окубатой дневное время, было бы ещё полбеды, но она могла по нескольку вечеров кряду не появляться в Асии даже к ужину, и Сатико было неприятно ловить на себе сумрачные взгляды мужа. В последнее время и она, и Тэйноскэ, и Юкико старались не произносить вслух даже её имени, но это лишь усугубляло общую неловкость.

Опасаясь, как бы поведение сестры не послужило дурным примером для Эцуко, Сатико и Юкико пытались внушить ей, что Кой-сан приходит домой поздно, потому что занята работой в студии, но девочка, судя по всему, не очень-то этому верила. С некоторых пор она тоже избегала упоминать за столом о Таэко. Сатико не раз просила сестру вести себя более осмотрительно, хотя бы ради Тэйноскэ и Эцуко, та кивала в ответ и несколько дней возвращалась домой вовремя, но вскоре, всё начиналось сначала.

В конце концов Тэйноскэ, как видно не в силах больше сдерживаться, спросил жену:

— Ты говорила с Цуруко о Кой-сан?

— Видишь ли, я хотела, но мне не удалось найти подходящий момент…

— Как так? — В голосе Тэйноскэ звучал упрёк.

— Честно говоря, я спросила мнение Юкико, и она посоветовала мне ничего не рассказывать Цуруко…

— Почему?

— Юкико сочувствует Окубате и считает, что в их встречах с Кой-сан нет ничего предосудительного.

— Я бы на её месте сочувствовал не Окубате, а себе. Неужели Юкико не понимает, что всё это может пагубно сказаться на её собственной судьбе! — в сердцах воскликнул Тэйноскэ и умолк. Сатико так и не смогла до конца понять, что у мужа на уме. В середине октября Тэйноскэ снова пришлось на несколько дней поехать в Токио.

*** * ***

— Ты заезжал в Сибую? — спросила Сатико мужа.

— Да. И обо всём рассказал Цуруко.

По словам Тэйноскэ, Цуруко, выслушав его, сказала, что должна всё хорошенько обдумать. Сатико не стала расспрашивать мужа более подробно. А в конце месяца от Цуруко неожиданно пришло письмо.

Дорогая Сатико.

Прежде всего хочу поблагодарить тебя за гостеприимство и чудесный обед, который ты устроила в «Харилане», Мне было так приятно после всех этих лет побывать в родных краях! Я должна была сразу написать тебе об этом, но дома на меня обрушились обычные заботы, и до письма просто не дошли руки. И вот теперь я принуждена скрепя сердце писать тебе о вещах неприятных, но иного выхода у меня нет.

Как ты, возможно, догадываешься, речь пойдёт о Кой-сан. Я до сих пор не могу прийти в себя после разговора с Тэйноскэ. Он рассказал мне всё — и про роман Кой-сан с фотографом Итакурой, и про изгнание Кэй-тяна из дома. Признаться, ничего подобного я не ожидала. Время от времени до меня доходили кое-какие огорчительные слухи о Кой-сан, но я не могла поверить, что моя сестра способна вести себя столь неподобающим образом.

Я полагала, что, находясь рядом, ты должным образом присматриваешь за нею, но теперь я вижу, что заблуждалась. Я прилагала немало усилий к тому, чтобы наставить Кой-сан на правильный путь, но всякий раз, когда я пыталась вмешаться, ты вставала не её защиту. Мне стыдно, что у меня такая сестра. Она бесчестит фамилию Макиока.

Очень жаль, что Юкико не усматривает в её поведении ничего предосудительного, а это, по-видимому, именно так, коль скоро она заявила, что ставить нас в известность обо всём ни к чему. Они с Кой-сан и так нанесли нам немалое оскорбление, не пожелав ехать вместе с нами в Токио. Какую цель они преследуют теперь? У меня невольно складывается впечатление, что вы — всё трое — нарочно стараетесь

отравить нам с Тацуо жизнь. Конечно, во многом виноваты мы сами…

Прости, если я выразилась чересчур резко, но мне хотелось хотя бы раз откровенно высказать тебе всё, что накипело у меня на сердце.

Теперь относительно того, как мы намерены поступить в сложившейся ситуации. Как ты знаешь, до сих пор мы с Тацуо считали, что брак Кой-сан с Окубатой был бы наилучшим выходом из положения. В нынешних обстоятельствах об этом не может быть и речи. Разумеется, со временем, при условии, что Кэй-тян получит прощение брата, мы смогли бы вернуться к этому вопросу, пока же Кой-сан должна полностью прекратить с ним общение. Если у неё действительно есть намерение выйти за него замуж: это тем более должно быть в её интересах, иначе она лишь окончательно оттолкнёт от себя его семью.

Одного обещания Кой-сан перестать видеться с Окубатой для нас будет недостаточно. Тацуо считает, что верить ей на слово нельзя, и настаивает на том, чтобы некоторое время она пожила у нас в Токио. Я понимаю, это будет для неё нелегко. Таких условий, к которым она привыкла, живя в твоём доме, мы создать ей не можем, но сейчас не тот случай, чтобы принимать в расчёт соображения такого рода. Я надеюсь, ты сумеешь убедить её в необходимости этого шага. Тацуо глубоко раскаивается в том, что с самого начала не настоял на её переезде в Токио. Мы полагаем, что и Юкико не станет долго задерживаться у вас в Асии. Постараемся общими усилиями вытерпеть всё неудобства.

Сатико, на сей раз я прошу тебя проявить твёрдость. Если Кой-сан откажется ехать в Токио, она не должна оставаться и в твоём доме. Таково мнение Тацуо, и я полностью его разделяю. Мы рассчитываем на твою поддержку и помощь. Вопрос должен стоять так: либо Кой-сан едет в Токио, либо мы порываем с ней всякие отношения. В любом случае мы ждём ответа от вас до конца месяца. Естественно, нам хотелось бы, чтобы Кой-сан выбрала

первое, и поэтому просим тебя и Юкико постараться её уговорить. Итак, жду твоего письма.

Твоя Цуруко.

25 октября.

— Я получила из Токио письмо, Юкико. Вот, прочти, — сказала Сатико. Её глаза были красны от слёз. — Признаться, я не ожидала от Цуруко такой резкости. Судя по всему, она сердита и на тебя.

— Без сомнения, это письмо написано под диктовку Тацуо.

— Да, но ведь написала его она.

— Цуруко пишет, что мы обидели их, не пожелав ехать вместе с ними в Токио. Но ведь это было так давно. И потом, мне кажется, Тацуо не так уж и хотел этого.

— Больше того, я поняла, что если с твоим пребыванием у него в доме он ещё готов мириться, то Кой-сан была бы для него обузой.

— И вообще, как бы мы всё там поместились?

— Из её письма выходит, будто я виновата в том, что Кой-сан так изменилась. Но ведь их с Тацуо она и подавно не стала бы слушать. Не будь меня рядом, она, возможно, совсем отбилась бы от рук. Я только и знала, что ломать себе голову над тем, как примирить их интересы и не задеть ничьего самолюбия.

— Как всё просто у них получается: Кой-сан провинилась, значит, нужно выставить её за дверь, и дело с концом.

— Но что нам делать? Она вряд ли согласится ехать в Токио.

— Конечно.

— Так что же нам делать?

— А ничего. Пусть всё остаётся по-прежнему.

— Нет, на сей раз это невозможно. Тэйноскэ полностью на их стороне.

Во всяком случае, решила Сатико, для начала она должна рассказать обо всём Таэко, и просила Юкико присутствовать при этом разговоре.

На следующее утро сёстры уединились с Таэко в её комнате наверху.

— Ну как, Кой-сан, ты согласна пожить некоторое время в Токио?

Таэко замотала головой, совсем как ребёнок.

— Я скорее умру, чем стану жить с ними.

— В таком случае, что мне им написать?

— Что хочешь.

— Видишь ли, на сей раз Тэйноскэ разделяет мнение «главного дома», и обычными отговорками нам отделаться не удастся.

— В таком случае я перееду жить куда-нибудь на квартиру.

— Но не к Кэй-тяну?

— Нет. Встречаться с ним я буду, но жить у него — нет уж, извините.

— Что ты хочешь этим сказать?

Таэко ответила не сразу. Ей не хочется, сказала она, чтобы её поняли превратно. Зачем давать людям повод думать, будто она любит Кэй-тяна, когда она всего лишь жалеет его? Однако Сатико подозревала, что сестра говорит так только потому, что не хочет признать перед ней свою ошибку. Но, как бы то ни было, её вполне устраивало намерение Таэко жить одной. Так была бы соблюдена хотя бы видимость приличия.

— Ты обещаешь мне это, Кой-сан? — спросила Сатико с явным облегчением. — Мне грустно об этом говорить, но так, наверное, действительно будет лучше.

— Если ты переедешь на квартиру, я смогу время от времени тебя навещать, — сказала Юкико.

— Конечно, — согласилась Сатико. — И вообще, мы не обязаны ничего никому объяснять. Представим дело так, будто тебе по ряду причин понадобилось на какое-то время нанять для себя отдельную квартиру. К тому же в отсутствие Тэйноскэ и Эцуко ты всегда можешь приходить сюда. А по хозяйству тебе будет помогать О-Хару.

В глазах у Сатико и Юкико стояли слёзы, одна только Таэко оставалась совершенно спокойна.

— Как мне быть с вещами? — спросила она равнодушным тоном.

— Крупные вещи, вроде шифоньера, ты должна забрать, во избежание кривотолков, а ценности можешь оставить здесь. Где ты будешь жить?

— Пока ещё не знаю.

— Может быть, в меблированных комнатах «Сёто»?

— Нет, мне не хотелось бы жить в Сюкугаве. Не волнуйся, я подыщу себе какое-нибудь жильё. Быть может, даже сегодня.

После того как сёстры оставили её одну, Таэко села у окна и устремила взгляд к ясному осеннему небу. По щекам у неё катились слёзы.

12

Таэко наняла квартиру неподалёку от автобусной остановки «Мотоямамура». По словам О-Хару, эта квартира помещалась в недавно отстроенном, но довольно невзрачном и к тому же ещё не полностью оборудованном доме, одиноко стоящем посреди поля. Спустя дня три после её переезда Сатико и Юкико поехали в Кобэ и позвонили сестре, намереваясь пригласить её на обед, но телефон в квартире Таэко не отвечал.

Впоследствии О-Хару объяснила им, что застать Таэко дома можно лишь рано утром. Сёстры надеялись, что со дня на день она появится в Асии или хотя бы позвонит, но время шло, а Таэко по-прежнему не подавала о себе вестей.

Трудно сказать, верил ли Тэйноскэ, что сёстры прекратили всяческое общение с Таэко, или был готов примириться с тем, что они будут тайно поддерживать с нею связь. Во всяком случае, его, казалось, вполне устраивало, что хотя бы внешне приказание «главного дома» было исполнено. Эцуко сказали, что Кой-сан обзавелась новой студией, в которой будет теперь жить, и девочка приняла эти слова на веру, хотя и не до конца.

Сатико и Юкико старались убедить себя в том, что с отъездом Кой-сан в их жизни ничто особенно не переменилось, ведь в последнее время они и так не часто её видели. Во всяком случае, если у них и было ощущение какой-то пустоты, то возникло оно не теперь, а гораздо раньше. И всё же обеим было грустно оттого, что их сестра оказалась на положении отверженной.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, сёстры чуть ли не каждые два дня ездили в Кобэ, ходили по кинотеатрам, выискивая, что бы ещё им посмотреть. Иной раз они смотрели даже по два фильма в день. За один только последний месяц они побывали на фильмах «Багдадский вор», «Девушка Ирен», «Елена», «Бургтеатр», «Город мальчиков», «Суэц» и многих других — старых и новых. И всякий раз они думали про себя: вдруг где-нибудь на улице им повстречается Таэко.

В конце, концов, встревоженная отсутствием вестей от сестры, Сатико однажды утром отправила к ней О-Хару. Вернувшись, та

доложила, что застала Таэко ещё в постели. У неё всё благополучно. О-Хару сказала ей, что сёстры беспокоятся и просят её как-нибудь заехать в Асию. Таэко улыбнулась и велела передать, что на днях непременно появится. В декабре Сатико и Юкико отправились в кино на долгожданную премьеру французского фильма «Тюрьма без решёток», после чего Сатико слегла с простудой.

Двадцать третьего декабря, за день, до того, как у Эцуко должны были начаться каникулы, Таэко наконец, впервые почти за два месяца, появилась в Асии. Побеседовав с сёстрами в течение часа, она сложила в чемодан новогодние кимоно и ещё кое-что из одежды и уехала, пообещав приехать снова после новогодних праздников. И действительно, утром пятнадцатого января она вновь навестила своих сестёр, отведала новогодней фасолевой каши и уехала только к вечеру.

После болезни Сатико остерегалась выходить на улицу и целыми днями сидела дома. Юкико почты всё время находилась при ней, — ходить куда-либо в одиночку она не любила. Несмотря на свой далеко уже не юный возраст, она была мучительно застенчива. Если она и выходила из дома, то только на занятия каллиграфией и чайной церемонией, да и то лишь потому, что не хотела подвергать сестру риску заболеть снова. Прежде Сатико всегда сопровождала её на эти уроки.

Кроме того, по настоянию близких Юкико наконец занялась своих пятном и через день посещала доктора Кусиду, который, следуя рекомендациям дерматолога из клиники при Осакском университете, лечил её с помощью гормональных препаратов и витаминов. А помимо всего этого, в обязанности Юкико входило следить за музыкальными занятиями племянницы, у которой два раза в неделю были уроки игры на фортепиано.

Оставаясь одна, Сатико либо садилась за пианино, либо занималась у себя в комнате каллиграфией. Иногда она звала к себе О-Хару и учила её играть на кото. Эти занятия со служанкой начались ещё позапрошлой осенью. Для начала Сатико научила её играть мелодии детских песенок «Цветы четырёх времён года» и той, что девочки поют на празднике кукол, потом разучила с нею «Черные волосы» и «Мандзай». О-Хару, для которой учение в школе было такой пыткой, что она предпочла наняться в прислуги, занималась музыкой с большой охотой. Стоило Сатико объявить ей, что сегодня у них будет

очередное занятие, как она старалась поскорее управиться с домашними делами. Кроме того, под руководством Таэко она освоила танцы «Снег» и «Чёрные волосы» и исполняла их вполне уверенно. Сейчас она разучивала с Сатико мелодию «Крик журавля». Ей никак не давался аккомпанемент к словам: «Что это — ложь или правда?» — и Сатико заставила её повторять это место три дня кряду. Эцуко же без труда усвоила этот мотив и не без злорадства напевала его при ней.

— Вот мы и квиты, вот мы и квиты, — поддразнивала она О-Хару. Её задевало, что та иной раз сходу подхватывала мелодию, которую ей никак не удавалось сыграть на пианино.

* * *

В конце января Таэко снова появилась в Асии. Время близилось к полудню. Сатико сидела в гостиной и слушала радио.

— А где Юкико? — Таэко придвинула кресло к камину и села.

— Она пошла к доктору Кусиде.

— На уколы?

— Да. — Передача «Кулинарные советы хозяйкам», которую слушала Сатико, закончилась. Начали транслировать отрывки из какой-то драмы театра Но. — Кой-сан, выключи, пожалуйста, радио.

— Ты только посмотри! — воскликнула Таэко, показывая на примостившуюся у ног сестры кошку Судзу, — та сладко дремала, пригревшись у камина, и только уши её вздрагивали в такт музыке.

— Что это значит, Кой-сан?

— В самом деле, удивительно…

Обе сестры, точно заворожённые, не сводили глаз с кошки. Но вот музыка кончилась, и Таэко встала, чтобы выключить радиоприёмник.

— Ну и как, ей помогают уколы?

— Пока ещё трудно сказать. Время покажет.

— И сколько же их нужно сделать?

— Неизвестно. Доктора сказал, что надо запастись терпением.

— Интересно, удастся ей избавиться от этого пятна до замужества?

— Доктор Кусида надеется, что удастся.

— А мне кажется, полностью оно не исчезнет. Да, кстати, хочешь узнать ошеломляющую новость? Катерина вышла замуж.

— Да ну? Ты получила от неё письмо?

— Нет, мне рассказал её брат. Я встретила его вчера в Кобэ.

— И за кого же она вышла?

— За президента той самой страховой компании, где она служила секретаршей.

— Скажите пожалуйста…

— Катерина прислала им фотографию своего дома. Она зовёт брата и мать в Англию. Её муж обещает принять на полное обеспечение и в любое время выслать деньги на дорогу. Кириленко рассказывает, что, судя по фотографии, это не дом, а настоящий дворец.

— Ну что ж, она неплохо устроилась. Должно быть, её муж уже в летах.

— Как бы не так! Ему тридцать пять лет, причём он до сих пор был холостяком.

— Не может быть!

— Уезжая из Японии, она сказала мне: «Вот увидите, Таэко-сан, я найду себе богатого мужа». Так оно и вышло.

— Когда, бишь, она уехала? Кажется, ещё и года не прошло.

— Да, она уехала в конце марта.

— Значит, всего только десять месяцев назад…

— А в Англии она пробыла самое большее полгода.

— Ничего не скажешь, она не теряла времени даром. Нот что значит быть красивой.

— Красивой? Да таких, как Катерина, десятки, сотни. Или ты думаешь, что в Англии нет красивых женщин?

— Ну и как, Кириленко с «бабусей» собираются ехать к ней?

— По-видимому, нет. «Бабуся» не хочет, чтобы её муж узнал, насколько они бедны. Она говорит, что Катерине будет перед ним стыдно.

— Вот как?! Выходит, и европейцы придают значение таким вещам.

— Разумеется. Да, чуть не забыла. Катерине удалось-таки добиться, чтобы её первый муж отдал ей дочь.

Никакого особого дела к сестре у Таэко не было, она приехала только затем, чтобы рассказать о Катерине. Сатико попыталась уговорить её остаться на обед — Юкико должна вот-вот вернуться, — но Таэко объяснила, что у неё назначена встреча с Окубатой, и вскоре ушла. А Сатико осталась сидеть у камина, размышляя о том, что только что услышала от сестры.

Да, известие о замужестве Катерины стоило того, чтобы специально ради этого ехать в Асию. Богатый молодой человек, президент компании, влюбляется в свою новую секретаршу и женится на ней… До сих пор Сатико думала, что такое случается только в кино. Оказывается, нет такого права: Катерина не такая уж ослепительная красавица, да и никаких особых талантов у неё нет. Если даже ей удалось так преуспеть в жизни, значит, на Западе такие случаи вовсе не редкость? Нет, это просто не укладывается в сознании — чтобы тридцатипятилетний холостяк, глава страховой компании, владелец роскошного особняка, женился на женщине, которая поступила к нему на службу всего полгода назад и о которой он ровным счётом ничего но знает! Да будь Катерина даже во сто крат красивее, чем она есть, для японца, например, такая ситуация была бы абсолютно немыслима.

Говорят, что англичане народ консервативный, но в вопросах брака они, должно быть, достаточно либеральны. Услыхав, что Катерина надеется найти себе в Европе богатого мужа, Сатико готова была посмеяться над её наивностью, но выходит, ей, этой совсем ещё молодой женщине, было виднее. Она уезжала из Японии в полной уверенности, что найдёт своё счастье…

Конечно, думала Сатико, невозможно ставить Катерину на одну доску с её сёстрами, выросшими в старинной осакской семье. И всё же до чего они беспомощны в сравнении с нею! Даже Таэко, самая отчаянная и «современная» из них, в конечном итоге испугалась косых взглядов и не решилась выйти замуж за любимого человека. А Катерина, хоть и моложе её, не долго думая, покинула родной дом, близких, отправилась на другой конец света и самостоятельно, без чьей-либо помощи, устроила свою судьбу. Нет, Сатико отнюдь не досадовала на сестёр за то, что они не такие, как Катерина, — Юкико была ей куда милее любой Катерины, — но какими же никчёмными должны быть они, её старшие сёстры и зятья, чтобы до сих пор не найти для неё подходящего мужа! Сатико вовсе не хотела, чтобы тихая,

кроткая Юкико уподобилась Катерине, — она при всём желании не смогла бы стать такою, и в этом заключалось главное достоинство её натуры, — но вот им, людям, на которых лежит ответственность за её судьбу, и в самом деле грош цена по сравнению с этой молодой русской женщиной. Да она первая рассмеялась бы им в лицо, и была бы совершенно права… Сатико вспомнила, как, уезжая в Токио, Цуруко шепнула ей на ухо: «Теперь уже я мечтаю о том, чтобы хоть кто-нибудь женился на ней, всё равно кто. Пусть даже с самого начала будет ясно, что дело кончится разводом…»

Послышался звонок у входной двери, и вскоре в гостиную вошла Юкико. Сатико склонила пылающее лицо к огню и тихонько утёрла слёзы.

13

Прошло недели две или три. Сатико по-прежнему регулярно посещала салон Итани, а Итани, по-видимому, не забывала своего обещания найти для Юкико хорошую партию. И вот однажды, когда Сатико пришла к ней делать причёску, она спросила: «Вы знакомы с госпожой Ниу из Осаки?» — «Да, а откуда вы её знаете?» — в свою очередь поинтересовалась Сатико. Как выяснилось, Итани познакомилась с ней недавно на проводах одного общего знакомого, уезжавшего на фронт. Они разговорились, и Итани узнала, что госпожа Ниу — давняя подруга Сатико. Правда, заметила г-жа Ниу, они давно уже не виделись. В последний раз она была в Асии года три или даже четыре назад вместе с двумя приятельницами, но, к сожалению, оказалось, что они нагрянули не вовремя — у Сатико была желтуха…

Сатико прекрасно помнила этот визит. С г-жой Ниу была г-жа Симодзума и ещё одна дама из Токио — как, бишь, её звали? — щегольски разодетая, жеманная, с вычурными интонациями. Сатико нездоровилось, и она приняла их не слишком любезно, даже не предложила остаться на ужин. Как видно, г-жа Ниу на неё обиделась. Во всяком случае, с тех пор она не показывалась в Асии.

— Верно, верно, — сказала Сатико. — Должно быть, госпожа Ниу сердита на меня. Она ничего вам не говорила?

— Нет, она в основном расспрашивала меня о госпоже Юкико. У неё есть на примете один вполне достойный человек. Она сразу подумала о нём, как только зашла речь о вашей сестре. Госпожа Ниу уверена, что он должен прийтись ей по нраву.

Впервые встретившись с госпожой Ниу, продолжала Итани, она плохо представляла себе, что та имеет в виду, говоря о «вполне достойном человеке». И всё же, поскольку она отрекомендовалась близкой подругой Сатико, Итани рискнула прибегнуть к её услугам. Со слов госпожи Ниу она узнала, что её протеже — профессор медицины, вдовец. У него есть дочь от первого брака — девочка лет тринадцати. В настоящее время врачебной практикой он не занимается, а возглавляет какую-то фармацевтическую компанию. Вот, собственно, и всё, что ей удалось пока выяснить. Итани сказала госпоже Ниу, что это

предложение действительно может заинтересовать семейство Макиока, и попросила её по возможности не откладывать дело в долгий ящик. Больше того, она выразила готовность разделить с госпожой Ниу хлопоты, связанные со сватовством, и даже взяла на себя смелость уверить её в том, что теперь родные Юкико уже не предъявляют к претендентам на её руку чересчур суровых требований.

В таком случае, сказала госпожа Ниу, она непременно поговорит со своим знакомым. Прекрасно! — воскликнула Итани. Почему бы им сразу не наметить план действий, хотя бы в общих чертах? Ну что ж, ответила госпожа Ниу, прежде всего нужно познакомить жениха и невесту. Она берёт на себя жениха… Он вряд ли станет возражать против того, чтобы встретиться с госпожой Юкико, а если и станет, она сумеет его уломать. Тем временем Итани должна обсудить этот вопрос, с семейством Макиока и заручиться их согласием. Встречу можно устроить в небольшом тихом ресторанчике где-нибудь в Осаке. Ближайшие два-три вечера у госпожи Ниу свободны. Более конкретно они договорятся обо всем по телефону. Чудесно, согласилась Итани и добавила, что госпожа Макиока, без сомнения, очень обрадуется. Прощаясь с госпожой Ниу, она ещё раз вернулась к этой теме и сказала, что будет ждать её звонка. Итани была уверена, что та в самое ближайшее время позвонит. «Тогда я сразу же дам вам знать», — пообещала она Сатико.

Поскольку и Итани, и г-жа Ниу принадлежали к породе людей деятельных, энергичных, можно было не сомневаться, что этим разговором дело не ограничится. И действительно, ровно через три дня, утром, последовал телефонный звонок от Итани. Она только что разговаривала с госпожой Ниу. Та предлагает устроить встречу сегодня, в шесть часов вечера, в японском ресторане «Киттё», что в квартале Симаноути. Что Сатико на это скажет? Госпожа Ниу не затевает никакой помпы. Это будет самый обыкновенный ужин, так что милой Юкико совершенно не о чем беспокоиться. Желательно, считает госпожа Ниу, чтобы Юкико приехала в сопровождении одной Итани, но если кто-либо из близких захочет её сопровождать, то она бы предпочла, чтобы это был Тэйноскэ, а не Сатико. Она боится, что на фоне своей красавицы сестры Юкико не сможет произвести на жениха должное впечатление. Итани полностью с нею согласна и надеется, что Сатико пойдёт навстречу этому пожеланию.

Конечно, продолжала Итани, такие вопросы не принято обсуждать но телефону, но она надеется, что Сатико её извинит. Ведь в предварительном порядке они уже обо всём договорились. К тому же дело это спешное… Одним словом, Итани дала Сатико понять, что ждёт её ответа сейчас же. Но Сатико всё-таки попросила разрешения подумать и обещала позвонить ей через час или два.

* * *

— Как ты считаешь, Юкико? Я сама — противница спешки в таких делах, но обижать Итани не годится, ведь она так старается нам услужить. Кроме того, госпожа Ниу знает нас не один день и вряд ли станет прочить тебе в мужья человека недостойного.

— Но нам ничего не известно о нём, — возразила Юкико. — Может быть, ты позвонишь госпоже Ниу и попробуешь расспросить её поподробнее?

Сатико сразу же направилась к телефону. В ответ на её вопросы г-жа Ниу сообщила, что человека, о котором идёт речь, зовут Фукусабуро Хасидэра. Он уроженец префектуры Сидзуока. У него есть два старших брата, они тоже имеют медицинское образование. Сам Хасидэра учился за границей, в Германии. Живёт он с дочерью и старушкой-экономкой в Осаке, в квартале Тэннодзи, где снимает хороший дом. Дочь учится в женской гимназии в Юхигаоке, это благовоспитанная, миловидная девочка, внешне очень похожая на свою покойную мать. Судя по всему, Хасидэра — человек весьма состоятельный. Он выходец из богатой семьи и, как видно, унаследовал часть фамильного состояния. Кроме того, будучи директором Восточно-Азиатской фармацевтической компании, он, без сомнения, получает солидное жалованье. Что же касается его внешности, то он весьма импозантен, даже, можно сказать, красив.

Лучшей рекомендации трудно было бы ожидать.

— Сколько же ему лет? — спросила Сатико.

— Сорок пять или сорок шесть, — ответила г-жа Ниу.

— А сколько лет дочери?

— Гм, если не ошибаюсь, она уже во втором классе гимназии.

— А какие-нибудь ещё родственники у него есть?

Этого г-жа Ниу не знала, как не знала и того, живы ли ещё его родители. Мало-помалу в ответ на вопросы Сатико г-жа Ниу рассказала, что была знакома с покойной женой Хасидэры.

— Дело было так. В своё время я увлекалась крашением тканей и ходила на курсы. Там я и встретила госпожу Хасидэра. Самого же господина Хасидэру я видела в общей сложности раза четыре — один раз ещё при жизни его супруги, потом на её похоронах, затем ещё раз, когда отмечали первую годовщину её смерти, и, наконец, вчера, когда я договаривалась с ним относительно встречи с вашей сестрой. Прямо так ему и сказала: «Право же, господин Хасидэра, разве можно всю жизнь только и делать, что оплакивать свою покойную супругу? Я хочу познакомить вас с одной очаровательной особой. Вы просто обязаны с нею встретиться», И он сразу же согласился. Так что теперь, Сатико-сан, всё дело за вами. Я надеюсь, вы не огорчите меня отказом…

— Да, но не кажется ли вам, что вы обошлись со мной чересчур сурово? — лукаво спросила Сатико. — Отчего вы запретили мне быть на сегодняшней встрече?

— Нет уж, извините, это была идея госпожи Итани. Я полностью с ней согласна, но ваш упрёк направлен не по адресу. Да, кстати, на днях я встретила госпожу Дзимба. Оказывается, она тоже в своё время пыталась просватать вашу сестру.

У Сатико замерло сердце.

— И что же она вам сказала?

— Ну… — г-жа Ниу замялась, — она сказала, что старалась от всей души, но вы будто бы не сочли возможным воспользоваться её услугами.

— Да, должно быть, она на нас очень сердита.

— Возможно. Но я на вашем месте не придавала бы этому значения. Если жених пришёлся не по нраву, что ж тут поделаешь? Разве можно из-за этого сердиться? Тогда вообще нет смысла браться за сватовство. Я, например, смотрю на такие вещи просто. Если господин Хасидэра не приглянется вашей сестре, вы можете без всякого стеснения так мне и сказать. Но прежде ей всё-таки надо с ним познакомиться, не так ли? Вот если она откажется принять моё приглашение, тогда я, конечно, рассержусь. — К этому г-жа Ниу добавила, что всё распоряжения по поводу ресторана уже сделаны и что они с Хасидэрой будут ждать Юкико точно в условленное время.

Откровенно говоря, Сатико немного смущала скоропалительность г-жи Ниу — о таких вещах, как смотрины, полагается предупреждать заранее, а не в тот же день. Однако если отвлечься от этого обстоятельства, она не видела никаких препятствий для того, чтобы Юкико встретилась с Хасидэрой. Конечно, одна она идти не захочет, но вместе с ней может пойти Тэйноскэ, если будет свободен. Ему уже не раз приходилось сопровождать свояченицу на смотрины.

И всё-таки Сатико опасалась, что, проявив слишком уж явную заинтересованность в этом браке, они только уронят себя в глазах Хасидэры. С этой точки зрения было бы идеально под каким-нибудь предлогом отложить встречу хотя бы дня на два. Но как посмотрит на это г-жа Ниу? Она взялась за дело с таким рвением!

Кроме того, Сатико огорчило упоминание о г-же Дзимба. Ей казалось, что она сумела облечь свой отказ Номуре в достаточно тактичную форму, сославшись на возражение «главного дома». Но, как выяснилось, г-жа Дзимба посчитала себя оскорблённой в лучших чувствах. Впрочем, если уж быть до конца честной, Сатико давно уже догадывалась, что приятельница на неё обижена, и втайне очень из-за этого огорчалась. Именно поэтому её так и задели слова г-жи Ниу. Но зачем ей понадобилось ни с того ни с сего заводить разговор о г-же Дзимба? Какое отношение она имеет к сегодняшнему вечеру? Конечно, г-жа Ниу — известная сплетница, и всё же Сатико не могла отделаться от ощущения, что та заговорила об этом неспроста. Возможно, таким образом она давала Сатико понять, что на сей раз ей следует вести себя более благоразумно…

— Так как же нам быть, Юкико? Юкико молчала.

— Может быть, тебе всё-таки стоит пойти…

— А ты?

— Я с удовольствием пошла бы вместе с тобой, но меня не пригласили. Как ты смотришь на то, чтобы тебя сопровождала Итани-сан?

— Итани-сан?..

— Впрочем, я могу попросить Тэйноскэ. — Сатико внимательно посмотрела на сестру. — Только бы он был свободен! Так я пойду ему позвоню?

Юкико чуть заметно кивнула, и Сатико сразу же принялась звонить мужу.

14

Было решено, что Юкико и Итани, каждая по отдельности, приедут к Тэйноскэ на службу к половине шестого, с тем чтобы оттуда всем вместе отправиться в ресторан. Тэйноскэ это вполне устраивало, но, зная пунктуальность Итани, он высказал настойчивое пожелание, чтобы Юкико приехала на полчаса или хотя бы минут на двадцать раньше. В четверть шестого, однако, свояченицы всё ещё не было, и Тэйноскэ начал волноваться. Уж кому-кому, а ему-то было хорошо известно, что ни Сатико, ни Юкико никогда не успевают собраться вовремя, а заставлять ждать нетерпеливую Итани было бы сущим мучением. Тэйноскэ решил на всякий случай позвонить в Асию, но не успел он снять трубку, как в дверях его кабинета появилась Итани, а с нею и Юкико.

— А-а, так вы вместе? Очень хорошо. А я уж собрался звонить домой.

— Да, я решила по пути заехать за госпожой Юкико, — сказала Итани. — Ну что же, времени у нас в обрез. Вы уже готовы? Тогда пойдёмте. Такси ждёт внизу.

Отправляясь на эти смотрины, Тэйноскэ чувствовал себя так, как будто ему предстояло идти куда-то по незнакомой дороге да ещё с завязанными глазами. И о женихе, и о сегодняшней встрече он узнал только сегодня из телефонного разговора с женой. Фамилия г-жи Ниу, разумеется, была ему известна, но он отнюдь не был уверен, что когда-либо с ней встречался. В машине Тэйноскэ попытался выяснить у Итани кое-какие подробности о Хасидэре, но та дала ему понять, что с этими вопросами лучше обратиться к г-же Ниу. Давно ли она знакома с госпожой Ниу? — поинтересовался тогда Тэйноскэ. Нет, совсем недавно, отвечала та, она видела её один-единственный раз. Всё выглядело и в самом деле в высшей степени таинственно.

Госпожа Ниу и Хасидэра уже ждали их в ресторане.

— Здравствуйте. А вот и мы, надеюсь, мы не заставили вас долго ждать, — сказала Итани так, как будто они с г-жой Ниу были давнишними приятельницами.

— Нет, мы только что приехали, — любезно отозвалась г-жа Ниу. — Как мило с вашей стороны, что вы не опоздали. Сейчас ровно шесть.

— Я никогда не опаздываю. Правда, сегодня я беспокоилась за госпожу Юкико, подоспеет ли она ко времени, и поэтому заехала за нею по пути.

— Надеюсь, вам не пришлось долго искать этот ресторан?

— Нет. Господин Макиока, оказывается, знает этот район как свои пять пальцев.

— Очень рад вас видеть, госпожа Ниу. Мы ведь знакомы, не правда ли? — сказал Тэйноскэ. Он хорошо помнил, как Сатико представляла их друг другу в гостиной в Асии. — Я так признателен вам за то, что вы не забываете мою жену.

— О, мы не виделись с Сатико-сан целую вечность, Последний раз я была в Асии, когда она лежала с желтухой.

— Стало быть, три — или нет — четыре года назад?

— Совершенно верно. Со мной были ещё две приятельницы. Мы ворвались без всякого предупреждения, подняли вашу супругу с постели, одним словом, повели себя как настоящие гангстеры.

— Так ведь вы и есть самый настоящий гангстер! — с лукавой усмешкой произнёс Хасидэра, дождавшись возможности вступить в разговор. Затем, повернувшись к Тэйноскэ, сказал: — Разрешите представиться. Моя фамилия — Хасидэра… Нет, право же, иначе госпожу Ниу просто не назовёшь. Эта милая дама приехала ко мне, сказала: «Собирайтесь!» — и привезла меня сюда, не дав даже опомниться.

— Фи, господин Хасидэра, это не по-мужски. Раз уж вы здесь, зачем всё это говорить?

— В самом деле, — согласилась Итани, — Оправдания вам не к лицу. Да и нам обидно их слушать.

— Да-а, — протянул Хасидэра, почесав затылок, — похоже, эти дамы снова на меня нападают.

— Ничего подобного. Мы же ради вас стараемся. Куда это годится, чтобы мужчина в расцвете лет только и знал, что вздыхать, глядя на портрет покойной жены? Этак вы только погубите себя. Вам нужно чаще бывать на людях. Уверяю вас, на свете есть женщины ничуть не хуже вашей умершей супруги.

Тэйноскэ с опаской взглянул на Юкико, но та, как видно научившись не принимать подобные речи близко к сердцу, спокойно улыбалась.

— Однако давайте садиться за стол, — предложила г-жа Ниу. — Господин Хасидэра, ваше место вон там. А я сяду вот здесь.

— Да, да, господин Хасидэра, сопротивление бесполезно, — живо подхватила Итани. — Имейте в виду, с гангстерами вроде нас шутки плохи!

У Тэйноскэ не было ни малейшего сомнения в том, что «жених», так же как и они с Юкико, очутился здесь исключительно благодаря настойчивости г-жи Ниу. Судя по всему, он был далёк от намерения жениться во второй раз и если и согласился на эту встречу, то лишь потому, что не сумел устоять перед натиском этой решительной и к тому же не так уж хорошо ему знакомой дамы. С его лица не сходила смущённая улыбка, он то и дело растерянно пожимал плечами, но это его замешательство казалось таким милым и непосредственных, что было бы странно, если бы кто-либо почувствовал себя задетым. Его манера держаться и говорить была по-светски непринуждённой. Вручая Тэйноскэ свою визитную карточку, на которой рядом с должностью директора Восточно-Азиатской фармацевтической компании было указано звание «профессор медицины», Хасидэра с заметной долей самоиронии пояснил: «Видите ли, я давно уже не практикую и поэтому считаю себя не столько профессором медицины, сколько, если можно так выразиться, провизором от медицины».

На врача Хасидэра действительно не особенно походил, но вот в роли директора солидной фирмы, обходительного, знающего своё дело, его можно было представить себе без всякого труда. Несмотря на свои сорок с лишним лет и некоторую полноту, он сохранил безупречную осанку и подтянутость. Холёное, с правильными чертами лицо его и пухлые белые руки были красивы, но при этом он отнюдь не принадлежал к породе «красавчиков» — от всей его фигуры исходило ощущение достоинства и благородной простоты. Во всяком случае, ни один из прежних претендентов на руку Юкико не мог бы сравниться с Хасидэрой по своим внешним данным. Помимо всего прочего он, как оказалось, знал толк в вине и, хотя тягаться с Тэйноскэ ему было трудновато, без лишних уговоров позволял наполнять свою чарку.

Когда за столом встречаются незнакомые люди, разговор между ними, как правило, не клеится, то и дело возникают неловкие паузы. Сегодня, однако, ничего подобного не было — благодаря редкой словоохотливости обеих дам и раскованности Хасидэры беседа текла легко и непринуждённо.

— Признаться, я и не подозревал, что здесь так отменно готовят. А какое разнообразие блюд! — заметил Тэйноскэ. От выпитого сакэ на щеках у него играл румянец. — К сожалению, сейчас мало где можно вкусно поесть и выпить хорошего сакэ. Что, здесь всегда так кормят?

— Вряд ли, — отозвался Хасидэра. — Я думаю, увидев госпожу Ниу, здесь поняли, что с нею шутить опасно, и особенно постарались.

— Это не совсем так. Мой муж — завсегдатай этого ресторанчика, нас всё здесь знают и обслуживают, так сказать, по-свойски. Ну и кроме того, я решила устроить сегодняшний ужин именно в этом ресторане, потому что он называется «Киттё» — «Счастливое предзнаменование».

— Позвольте, госпожа Ниу, я всегда думал, что это название произносится «Киккё», — сказал Тэйноскэ. — Впрочем, по-видимому, это типично осакское словечко, и токийцы его не знают. Итани-сан, вы знаете, что такое «киккё»?

— Гм, боюсь, что нет.

— «Киккё»? — озадаченно переспросил Хасидэра. — Что же это может быть?

— Я знаю! — воскликнула г-жа Ниу. — Вот это что: на ярмарках, которые, устраивают в праздник бога Эбису[103] в Нисиномии или Имамии, продают такие бамбуковые веточки с привязанными к ним монетками из золочёной бумаги, миниатюрными счётными книгами, денежными ящичками и прочими безделицами, сулящими счастье и удачу в торговых делах. Это и есть «киккё».

— Совершенно верно.

— Вот, стало быть, что это такое…

— Ну конечно. Об этом поётся в старинной песенке. Неужели вы никогда не слышали? — сказала г-жа Ниу и запела: — «Ярмарка сокровищ, чего здесь только нет! Кошельки, монеты, воздушные шары…» Всё это прикрепляют к веточкам бамбука и продают на счастье. Верно, господин Макиока?

— Да, но я, признаться, никак не ожидал от вас такой осведомлённости.

— Тут нет ничего мудрёного. Я ведь родилась в Осаке.

— В самом деле? А я-то был уверен, что вы уроженка Токио.

— Нет. Во всяком случае, такие вещи, как «киккё», я знаю. Правда, мне казалось, что это слово уже никто так не произносит. Здесь, в этом ресторане, всё говорят «киттё».

— В таком случае позвольте задать вам ещё один вопрос. В песенке, которую вы только что спели, есть слово «хадзэбукуро». Что оно означает?

— Почему «хадзэбукуро»? Я всегда думала, что это «кадзэбукуро» — «воздушный шар».

— Нет, здесь должно быть именно «хадзэбукуро».

— В первый раз слышу. Понятия не имею, что это такое.

— Быть может, это мешочек с «хадзэ» — поджаренными рисовыми хлопьями? — предположил Хасидэра. — В Токио ребятишки лакомятся ими на празднике кукол.

— Браво, господин Хасидэра! Вот, оказывается, кто здесь настоящий дока.

Постепенно разговор переключился на обсуждение различий в обычаях и языке между западными и восточными областями Японии. Г-жа Ниу, которая родилась в Осаке, но большую часть жизни провела в Токио, оказалась самой осведомлённой из всех.

— Я всё равно что амфибия: чувствую себя своей и здесь и там, — сказала, она и в подтверждение своих слов некоторое время беседовала с Тэйноскэ на чистом осакском диалекте, а с Итани — на токийском.

Итани, которая обучалась парикмахерскому искусству в Америке, — она пробыла там около года, — пустилась в воспоминания о тамошней жизни. Хасидэра рассказал о своей поездке в Германию и посещении фармацевтической фабрики фирмы «Байер». Это колоссальное предприятие, сказал он, там есть даже кинотеатр, который, пожалуй, не уступит осакскому «Сётикудза».

Видя, что разговор отклонился от главной темы, Итани при первой же возможности постаралась вернуть его в первоначальное русло. Она задала Хасидэре несколько вопросов о его дочери и родне,

причём таким образом, чтобы дать ему возможность обменяться хотя бы несколькими фразами с Юкико.

— Кстати, а как относится девочка к перспективе вашего второго брака?

— Я не спрашивал её об этом. Дело в том, что я и сам пока ещё ничего для себя не решил…

— Ну, это никуда не годится. Рано или поздно вам всё равно придётся решать этот вопрос.

— Да, конечно, это так, но право же… как бы это лучше сказать… пока что я не чувствую себя готовым к тому, чтобы строить новую семью.

— Но почему?

— Никаких конкретных причин у меня нет. Просто мне трудно решиться на этот шаг. Впрочем, коль скоро за меня взялась госпожа Ниу, дело, должно быть, действительно кончится свадьбой.

— Значит, вы предоставляете мне полную свободу действий?

— Ну, этого я не сказал…

— Вас, право, не поймёшь, господин Хасидэра. Экий вы хитрец! Уверяю вас, если бы вы женились и перестали наконец хандрить, ваша покойная супруга была бы только рада.

— Да я вовсе и не хандрю.

— К чему нам тратить время на уговоры, госпожа Ниу? — сказала Итани. — Мы-то с вами понимаем, что любому мужчине, нужна женская ласка, забота. Пусть господин Хасидэра говорит всё, что ему вздумается, а мы будем потихоньку делать своё дело.

— Вот это верно. И пусть он только попробует нам перечить!

Тэйноскэ и Юкико оставалось лишь с улыбкой наблюдать, как оба «гангстера» нападают на Хасидэру. Нынешний вечер действительно ничем не напоминал смотрины, и всё же — как не побоялась г-жа Ниу привести сюда человека, который ещё не решил для себя, стоит ли ему жениться или нет, да ещё в присутствии Макиока пуститься с ним в подобные словопрения? Чтобы отважиться на такое, нужно и в самом деле быть настоящим «гангстером».

Тэйноскэ никак не ожидал, что они с Юкико окажутся в столь нелепом положении. Но больше всего в этой ситуации его поражало удивительное спокойствие. Юкико. В прежние времена она, наверное, сразу залилась бы краской или далее расплакалась, а может быть, и

вовсе вышла из-за стола. Тэйноскэ почему-то пребывал в полной уверенности, что она навсегда останется простодушной и легко ранимой. Неужели этой невозмутимости, этому самообладанию научил её опыт многочисленных смотрин? Впрочем, в её годы вести себя иначе было бы уже странно. Она, конечно же, переменилась, просто за её внешней моложавостью Тэйноскэ не сумел этого разглядеть.

Да, но что всё-таки на уме у Хасидэры? Даже если предположить, что он согласился на эти смотрины всего лишь из праздного любопытства, его слова о том, что он ещё не готов строить новую семью, нельзя воспринимать до конца всерьёз. В противном случае он наверняка нашёл бы способ отказаться. Стало быть, его замешательство служит лишь своеобразной позой, на деле же он, по-видимому, не прочь жениться, если, конечно, невеста придётся ему по вкусу. Не затем же он сюда пришёл, чтобы посмеяться над ними!

Однако по поведению Хасидэры, в высшей степени дипломатичному (не случайно г-жа Ниу назвала его «хитрецом»), было трудно догадаться, какое впечатление произвела на него Юкико. В отличие от всех остальных, она почти весь вечер молчала, хотя Итани не раз давала ей возможность включиться в беседу. Да и Хасидэра был слишком занят, отражая атаки «гангстеров», чтобы уделить ей чуточку больше внимания за всё время ужина он сказал ей лишь две-три малозначащие фразы.

Одним словом, намерения Хасидэры были совершенно неясны. Тэйноскэ уходил со смотрин, не зная, увидят ли они его когда-либо ещё. Но Итани, с которой Макиока вместе ехали в поезде, была преисполнена решимости довести дело до конца.

— Будьте покойны, — шептала она на ухо Тэйноскэ, — мы с госпожой Ниу всё устроим. Раз уж господин Хасидэра согласился прийти на смотрины, дальше его уламывать не придётся. Госпожа Юкико наверняка ему понравилась. Я с самого начала это почувствовала.

15

В тот вечер, делясь с женой своими впечатлениями о смотринах, Тэйноскэ сказал, что Хасидэра во всех отношениях был бы идеальной партией для Юкико, однако обольщаться посулами Итани и госпожи Ниу ему кажется преждевременным. Хасидэра, как он понял, отнюдь не спешит жениться, поэтому им остаётся только одно — ждать. Итани настроена весьма оптимистично, но поддаваться её настроению не стоит, иначе они снова останутся в дураках.

Однако на следующий день к вечеру Итани приехала в Асию. Сегодня звонила госпожа Ниу, сообщила она, её интересует, какое впечатление произвёл на Юкико господни Хасидэра. Следуя совету мужа, Сатико ответила, что впечатление в высшей степени благоприятное, однако, как она понимает, господин Хасидэра отнюдь не уверен, что ему следует жениться во второй раз… «О, этому не стоит придавать значение», — затараторила Итани.

Правда, как она поняла со слов госпожи Ниу, Юкико показалась господину Хасидэре несколько — как бы это лучше сказать — унылой и замкнутой. Ему, дескать, нравятся веселью, жизнерадостные женщины. Ну, естественно, Итани сразу же поспешила его разуверить: господин Хасидэра заблуждается — Юкико вовсе не такая, извините, кисейная барышня, как он думает. Она немного застенчива, это правда, но унылой её никак не назовёшь. У господина Хасидэры сложилось такое впечатление только потому, что он её совсем не знает. На самом деле она очень даже жизнерадостная, современная и к тому же большая умница. Она в полной мере отвечает требованиям господина Хасидэры. Стоит ему познакомиться с нею поближе — и он сразу же убедится в этом. Взять хотя бы её вкусы и увлечения. Она превосходно разбирается в фортепианной музыке, интересуется европейским кино, знает английский и французский. Уже одно это свидетельствует о многом. Одевается она, правда, по-японски, но заметьте, как прекрасно смотрятся на ней кимоно яркой расцветки. Разве это не говорит о том, что в ней есть определённая искорка? Господин Хасидэра сам это поймёт, как только узнает её получше. А застенчивость её вполне объяснима — на то она и девушка из благородной семьи. Да и что

хорошего было бы в том, если бы она в присутствии незнакомого мужчины болтала без умолку?

Одним словом, сказала Итани, она попыталась представить Юкико в наиболее выгодном свете. Но если уж говорить начистоту, Юкико и в самом деле была вчера чересчур молчалива. Немудрено, что у господина Хасидэры сложилось о ней превратное впечатление. Она должна преодолеть свою застенчивость и держаться более, раскованно.

Итани пообещала в ближайшее время ещё раз свести её с Хасидэрой и выразила надежду, что Юкико постарается произвести на него более благоприятное впечатление. С тем она и отбыла.

Слушая Итани, Сатико с тревогой ждала, что та вот-вот заговорит о пятне над глазом у Юкико, но, к счастью, его, как видно, никто не заметил. И всё-таки сказать, что этот разговор её обнадёжил, Сатико не могла. Она подозревала, что по крайней мере наполовину Итани выдаёт желаемое за действительное.

На следующий день, около трёх часов, Сатико позвали к телефону. Звонила Итани.

— Я сейчас в Осаке, — сказала она. — Мы, то есть госпожа Ниу и я, хотели бы заехать к вам вместе с господином Хасидэрой. Это будет примерно через час.

— Вы хотите приехать сюда, в Асию? — растерянно переспросила Сатико.

— Да, Можно было бы встретиться в каком-нибудь другом месте, но у господина Хасидэры очень мало времени. К тому же ему наверняка будет любопытно побывать у вас дома.

— Это очень мило с его стороны, но, быть может, было бы лучше…

— Мы отнимем у вас не больше получаса, — нетерпеливо прервала её Итани. — Никакого особого угощения не нужно. Поймите, теперь, когда господин Хасидэра сделал первый шаг нам навстречу, не нужно его расхолаживать. Итак, до встречи.

Не зная, как отнесётся к этому визиту сестра, Сатико всё-таки попросила Итани подождать минутку у телефона.

— Как нам быть, Юкико? Эцуко с О-Хару можно отправить в Кобэ…

— В этом нет особой необходимости, — с неожиданной готовностью ответила Юкико. — Они, наверное, и так обо всём

догадываются.

— Вы слушаете, госпожа Итани? — сказала Сатико в трубку. — Приезжайте, пожалуйста. Мы вас ждём.

Сразу же после этого она позвонила мужу — узнать, не удастся ли ему уйти со службы пораньше.

Тэйноскэ вернулся домой ещё до прихода гостей. Как выяснилось, Итани звонила и ему. Господин Хасидэра, сказала она, настолько истосковался по семейному уюту, что ему было бы очень приятно побывать у них дома. Но что особенно обрадовало Тэйноскэ, так это неожиданная сговорчивость Юкико. Как хорошо, что она согласилась ещё раз встретиться с Хасидэрой!

Вскоре у входной двери раздался звонок, и гости во главе с Итани прошли в гостиную. Улучив подходящий момент, Итани отозвала Сатико в коридор.

— Где же Кой-сан? Что, её нет дома?

— К сожалению, она ещё не вернулась, — в замешательстве ответила Сатико.

— Вот как? Тогда, быть может, к нам выйдет Эттян? Господину Хасидэре следовало бы сегодня привезти свою дочку, но всё решилось так внезапно. Ну ничего, он сделает это в следующий раз. Девочек непременно нужно познакомить. Они примерно одного возраста и наверняка сразу подружатся. Это не может не подкупить господина Хасидэру. Вот увидите, всё будет хорошо.

Коль скоро Юкико не сочла необходимым отослать племянницу из дома, она вряд ли станет возражать, если та немного посидит с гостями, — рассудила Сатико и позвала девочку в гостиную.

Хасидэра держался совершенно так же, как накануне, всем своим видом давая понять, что очутился здесь помимо воли. «Право же, с этими гангстерами невозможно иметь дело, — повторял он снова и снова. — Сколько я ни пытался им объяснить, что неловко вот так, ни с того ни с сего, напрашиваться в гости, они всё равно сделали по-своему». А однажды он подпустил ещё и такую фразу: «Для меня, обыкновенного служащего, было бы слишком большой честью породниться с вашим домом». Что он хотел этим сказать, осталось совершенно непонятно.

Юкико, хотя теперь и более покладистая в вопросах сватовства, чем прежде, не могла преодолеть свойственной ей застенчивости.

Вопреки советам Итани, она даже не пыталась казаться более оживлённой, почти всё время молчала, на обращённые же к ней вопросы отвечала по обыкновению немногословно.

Стараясь хоть немного растормошить свояченицу, Тэйноскэ попросил её показать гостям альбом с фотографиями, сделанными во время любования сакурой, однако в конечном итоге комментировать снимки пришлось Сатико, они же с Эцуко лишь изредка добавляли к её рассказу кое-какие робкие замечания.

Сатико искренне сожалела, что с ними нет младшей сестры. Сейчас её оживление, её шутки пришлись бы как нельзя более кстати. Судя по всему, нечто похожее чувствовали и остальные домочадцы. Так прошло двадцать минут, потом полчаса, наконец, час. Хасидэра взглянул на часы и стал прощаться. Вместе с ним поднялись и госпожа Ниу и Итани.

— Как, неужели вы тоже собираетесь нас покинуть? — сказала Сатико гостьям. Итани объяснила, что у неё ещё есть кое-какие дела в парикмахерской.

— В таком случае должны остаться хотя бы вы, госпожа Ниу. Мы ведь так давно с вами не виделись. Право же, побудьте ещё немного.

— Ну что ж, — ответила госпожа Ниу, — я готова, но только при условии, что вы угостите меня ужином.

— С удовольствием! Правда, ничего изысканного у нас нет.

— Вот и хорошо. Я удовлетворюсь самым скромным угощением, — сказала госпожа Ниу.

Юкико с, племянницей ушли наверх, оставив Сатико и Тэйноскэ наедине с гостьей. У Сатико сложилось о Хасидэре самое благоприятное впечатление, о чем она не преминула сразу же сообщить госпоже Ниу. Не сговариваясь, супруги поспешили заверить её, что Юкико, хотя они ещё не обсуждали с ней этого вопроса, наверняка примет предложение господина Хасидэры, если таковое, конечно, последует. Госпожа Ниу, как выяснилось, успела навести кое-какие, дополнительные справки о доходе, семье и характере своего протеже.

Сведения, которыми она поделилась с Сатико и Тэйноскэ, были таковы, что заставили их ещё сильнее желать этого брака. Единственное, что их беспокоило, так это сдержанность Хасидэры,

отсутствие у него сколько-нибудь заметной заинтересованности в сватовстве.

— Это всего лишь поза, — объяснила г-жа Ниу. — Ему так достаётся от нас с госпожой Итани, что вести себя иначе он попросту не может. На самом деле он наверняка заинтересован в этом браке. Но если уж быть до конца откровенной, — продолжала г-жа Ниу, — он очень любил свою покойную жену и до сих пор не может её забыть. Кроме того, его тревожит, как отнесётся к его женитьбе дочь. Оттого он так пассивен. Сам он не в состоянии сделать первый шаг, ему нужно, чтобы кто-нибудь его подтолкнул, но из этого вовсе не следует, что он не допускает и мысли о втором браке. Если бы это было так, его вряд ли удалось бы уговорить встретиться с невестой, и не один, а два раза. Сегодня он, конечно, долго сопротивлялся, ссылаясь на то, что напрашиваться в гости к молодой даме, с которой он только что познакомился, неприлично. Но ведь в конце концов он всё-таки согласился и приехал. Разве это не свидетельствует о его интересе к госпоже Юкико?

Супруги были вынуждены признать, что доля истины в словах г-жи Ниу есть.

— Кстати, — продолжала г-жа Ниу, — коль скоро господин Хасидэра беспокоится о том, как посмотрит на его брак дочка, необходимо поскорее познакомить её с госпожой Юкико. Если она понравится девочке, а иначе и быть не может, у господина Хасидэры не останется никаких сомнений. В следующий раз нужно сделать так, чтобы господин Хасидэра взял с собой дочку. И пусть на этой встрече непременно присутствует Эцуко. Девочки наверняка сразу же найдут общий язык.

С этими словами г-жа Ниу поднялась и стала прощаться.

После её ухода Сатико сказала мужу, что из всех претендентов на руку Юкико Хасидэра, без сомнения, наилучший. Он полностью отвечает их требованиям. К тому же его происхождение, положение в обществе и достаток таковы, что его брак с Юкико ни в коей мере не может считаться мезальянсом ни с той, ни с другой стороны. Да, упустить такой шанс было бы преступлением.

Если дело обстоит именно так, как утверждает госпожа Ниу, и Хасидэру нужно лишь чуточку подтолкнуть, почему бы им не взять инициативу в свои руки? Сатико явно рассчитывала, что муж начертает

перед ней ошеломляющий своей смелостью план действий, но Тэйноскэ, хотя и был полностью с ней согласен, не вполне представлял себе, что они могут предпринять в этой ситуации. «В конечном счёте, всё зависит от Юкико, — сказал он, — но она так инертна! Разве не могла она хотя бы сегодня держаться более приветливо? Ну да ладно, я что-нибудь придумаю…»

На следующий день, как обычно, Тэйноскэ поехал на службу. Он знал, что фирма Хасидэры находится совсем рядом, на улице Досё. Его так и подмывало отправиться туда, но для этого нужно было найти какой-нибудь предлог. И тут он вдруг вспомнил, что накануне, когда Хасидэра был у них в гостях, зашла речь о лекарствах и Сатико посетовала на то, что в последнее время из-за войны Германия перестала поставлять Японии многие препараты, в том числе пронтозил и витамин B_1. Прежде эти лекарства всегда были у неё под рукой, теперь же их почти невозможно достать.

Хасидэра сказал, что его фирма выпускает средство, аналогичное пронтозилу. Оно столь же эффективно и при этом, в отличие от большинства японских препаратов, не даёт побочных эффектов. Он с удовольствием пришлёт ей на пробу это лекарство вместе с витамином B_1, который также производит его фирма. «Нет, нет, вам ни к чему себя утруждать, — запротестовал Тэйноскэ. — Я каждый день бываю в Осаке, и мне ничего не стоит зайти за лекарствами к вам на службу». — «Пожалуйста, в любое время, — сказал Хасидэра. — Я, как правило, бываю на месте, но всё-таки лучше, если вы предупредите меня заранее».

Откровенно говоря, тогда Тэйноскэ не собирался осуществить своё намерение всерьёз, по сегодня он подумал: а почему бы и нет? Что предосудительного в, том, если он зайдёт к Хасидэре и скажет: так, мол, и так, жена и в самом деле решила воспользоваться его любезным предложением…

Тэйноскэ ушёл со службы пораньше и сразу же направился на улицу Досё. Чтобы попасть туда, нужно было пройти примерно квартал по бульвару Сакаи, а потом повернуть налево. Тэйноскэ без труда разыскал здание фирмы, единственное современное здание из бетона среди старинных глинобитных построек. Хасидэра встретил его со свойственной ему предупредительностью, сразу же позвал своего помощника и распорядился, чтобы тот приготовил столько-то

упаковок одного лекарства и столько-то другого. «К сожалению, мой кабинет мало приспособлен для приёма гостей, — сказал он Тэйноскэ. — Но если вы чуточку подождёте, мы могли бы посидеть где-нибудь в другом месте». Отдав несколько распоряжений своим, подчинённым, он вскоре вернулся к Тэйноскэ. По тому, как Хасидэра разговаривал с подчинёнными и как те ловили каждое его слово, чувствовалось, что он — главное лицо в этой фирме, хотя формально был лишь одним из её директоров.

«Если вам или вашей супруге понадобятся ещё какие-нибудь лекарства, я всегда, к вашим услугам», — сказал Хасидэра, передавая Тэйноскэ свёрток. Весьма смущённый тем, что Хасидэра наотрез отказался принять от него деньги, Тэйноскэ пробормотал, что не смеет больше отнимать у него время. Хасидэра, однако, сказал, что хочет где-нибудь перекусить и будет рад, если Тэйноскэ составит ему компанию. Упускать такую возможность было бы неразумно, решил Тэйноскэ и сразу же согласился. Кто знает, может быть, за чашкой кофе им удастся поговорить откровенно.

Тэйноскэ пребывал в полной уверенности, что Хасидэра поведёт его в одно из кафе поблизости, но тот свернул на какую-то узкую аллею, и вскоре они очутились перед небольшим двухэтажным ресторанчиком, напоминавшим обычный жилой дом. Тэйноскэ думал, что хорошо знает Осаку, но он даже не подозревал о существовании этой аллеи и этого ресторанчика. Во втором этаже помещался единственный зал, из окон которого со всех четырёх сторон были видны только крыши лепящихся друг к другу домиков да возвышающиеся над ними тут и там многоэтажные современные здания. Всё это так напоминало Сэмбу!

Судя по всему, завсегдатаями этого ресторанчика, были торговцы с близлежащих улиц, главным образом владельцы аптек, — здесь за лёгкими закусками они, должно быть, вели с партнёрами деловые беседы, заключали сделки. «Я с удовольствием пригласил бы вас в более изысканное заведение, — сказал Хасидэра, — но ничего лучшего поблизости нет, а мне, к сожалению, ещё предстоит вернуться на службу». От этих слов Тэйноскэ, и без того смущённый тем, что, сам того не ведая, напросился на угощение, ощутил ещё большую неловкость.

Еда была не особенно вкусна, но обильна и достаточно разнообразна. Ужин состоял из пяти блюд, к которым они заказали две или три бутылочки сакэ. Понимая, что Хасидэра торопится, Тэйноскэ решил откланяться при первой же возможности. Когда они вышли на улицу, ещё только начинало смеркаться. Ужин, таким образом, занял у них не больше двух часов.

Надежда Тэйноскэ услышать от Хасидэры что-нибудь важное в связи с волнующим его вопросом не оправдалась. Как видно, Хасидэра пригласил его сюда только потому, что не желал оставаться в долгу после оказанного ему накануне гостеприимства.

Разговор за столом получился вполне обыкновенный и довольно беспорядочный, и тем не менее Тэйноскэ удалось вынести из него кое-какие новые подробности о Хасидэре. Как выяснилось, по профессии он врач-терапевт окончив университет, стажировался в Германии, где изучал методы гастроскопии. Однако посвятить себя медицинскому поприщу ему не пришлось. Вскоре после возвращения на родину он получил предложение поступить в фирму, где служит по сей день, и, таким образом, переквалифицировался из врача в бизнесмена. Формально главой фирмы считается президент, но он почти не вникает в дела, и по существу всё практические вопросы решает Хасидэра, Время от времени ему приходится выезжать в провинцию для заключения контрактов о поставках новой продукции фирмы. Приступая к переговорам с Хасидэрой, тамошние его контрагенты подчас держатся весьма заносчиво, с важным видом рассуждают на медицинские темы, и бывает очень забавно наблюдать их замешательство, когда по ходу беседы выясняется, что они имеют дело с врачом.

Всё это Хасидэра рассказал, отвечая на вопросы Тэйноскэ. Сам он не проявил ни малейшего любопытства в отношении семьи Макиока, и у Тэйноскэ не было повода заговорить о Юкико. Лишь когда подали фрукты, он наконец собрался с духом и как бы между прочим заметил, что его свояченица отнюдь не так робка и застенчива, как это может показаться на первый взгляд.

16

На следующий день позвонила г-жа Ниу.

— Я всё знаю, — сказала она Сатико, — ваш супруг был вчера у господина Хасидэры. Это замечательно, что вы решили взять инициативу в свои руки. Я надеюсь, вы будете действовать столь же энергично и впредь. Конечно, дело это хлопотное, но зато никому не придёт в голову обвинить вас в высокомерии. Мы с госпожой Итани сделали всё, что было в наших силах. Теперь всё зависит от вас, от вашей настойчивости и стараний. Мы считаем свою задачу выполненной и на время удаляемся со сцены. Не беспокойтесь, всё идёт превосходно, так что держитесь и — главное — не сбавляйте темпов. Поздравляю и жду от вас добрых вестей.

Воодушевление приятельницы несколько удивило Сатико, — ей казалось, что пока ещё их не с чем поздравлять.

Не успела она повесить трубку, как у входной двери послышался звонок. Это был доктор Кусида — он проезжал мимо и заскочил «буквально на минуту», чтобы сообщить Сатико кое-какие интересующие её сведения.

Дело в том, что доктор Кусида и Хасидэра учились в одном университете, хотя и на разных курсах. Узнав об этом, Сатико попросила доктора Кусиду при случае расспросить о нём своих коллег. Вечно спешащий, доктор Кусида прямо в пальто прошёл в гостиную и, не присаживаясь, протянул Сатико листок бумаги. «Здесь вы найдёте всё, что я смог для вас узнать», — сказал он и тотчас же направился к двери. Сведения, которые доктор Кусида получил от одного из своих бывших однокашников, близкого друга Хасидэры, были достаточно подробными и вполне согласовывались с тем, что уже знала Сатико. В записке, которую вручил ей доктор Кусида, сообщалось как о самом Хасидэре, так и о его ближайших родственниках, в том числе и о дочери, скромной, послушной девочке, хорошо успевающей в гимназии. Одним словом, доктор Кусида был совершенно прав, сказав ей на прощание: «Этот человек заслуживает самой лучшей рекомендации».

— Ну, наконец-то нашей Юкико улыбнулось счастье. Нужно во что бы то ни стало довести дело до конца, — сказал Тэйноскэ жене и, отбросив в сторону соображения здравого смысла, написал Хасидэре письмо.

«Отдавая себе отчёт в том, что подобные вещи не принято обсуждать на бумаге, и рискуя показаться непростительно назойливым, — говорилось в нём, — я, тем не менее, отважился Вам написать. Как Вы, возможно, догадываетесь, речь пойдёт о моей свояченице. Во время нашей последней встречи я не решился заговорить об этом, но теперь, отбросив всякий стыд, позволю себе высказаться предельно откровенно.

Насколько я понимаю, Вас должно настораживать то обстоятельство, что Юкико до сих пор не смогла выйти замуж. Возможно, Вы подозреваете, что объяснение кроется либо в её прошлом, либо в том, что у неё неблагополучно со здоровьем. Смею утвердить Вас, что это не так. Как Вы, возможно, знаете от госпожи Ниу или госпожа Итани, единственная причина, по которой моя свояченица по сей день остаётся незамужней, заключается в том, что мы, её близкие, не имея на то особых оснований, придавали чересчур большое значение таким понятиям, как родовитость и престиж, и отклоняли одно за другим самые лестные предложения, в которых поначалу не было недостатка.

В результате люди перестали заводить с нами разговоры о сватовстве, расплачиваться же за наше непомерное честолюбие пришлось никому иному, как Юкико. Если бы мы в своё время не вели себя столь опрометчиво, Юкико давно уже была бы просватана. В том, что всё это — истинная правда, Вы сможете, убедиться, если возьмёте, на себя труд навести соответствующие справки.

Судьба Юкико сложилась в высшей степени неудачно, но в этом нет ни грана её вины. Без ложной скромности могу заверить Вас, что по уму, душевным качествам,

образованности, способностям, наконец, она выгодно отличается от многих своих сверстниц. Но что, на мой взгляд, особенно подкупает в ней, так это её любовь к детям. Моя десятилетняя дочь привязана к ней больше, чем к собственной матери. И это не удивительно. Юкико проверяет её уроки, следит за музыкальными занятиями, выхаживает её, когда она болеет. И всё это она делает с тактом, терпением и самоотверженностью, на которые кроме неё никто в доме не способен. В справедливости этих слов Вы опять-таки сможете убедиться, расспросив кого-нибудь из тех, кто знает нашу семью.

И, наконец, последнее. Насколько мне известно, Юкико произвела на Вас впечатление особы унылой и замкнутой. Как я уже упомянул во время нашей последней встречи, это не так, и Ваши опасения на этот счёт совершенно напрасны. Не желая ни в какой мере навязывать Вам своё мнение, я, однако, беру на себя смелость утверждать, что если Вы сочтёте Юкико достойной чести стать Вашей женой, раскаиваться Вам не придётся. По крайней мере, я совершенно уверен в том, что она сумеет заменить мать Вашей дочери.

Я отдаю себе отчёт в том, что, превознося свою родственницу, рискую показаться Вам дурно воспитанным, и если я делаю это, то только потому, что уверен: Вы можете составить счастье моей свояченицы. Снова и снова, прошу великодушно извинить меня за это дерзкое послание.»

Так писал Тэйноскэ, следуя всем правилам эпистолярного стиля и заботясь о том, чтобы каждая его фраза звучала отменно учтиво. Со студенческих лет уверенный в своих сочинительских способностях, он охотно брался за кисть, умея даже самые неподатливые словесные формулы наполнить живым, конкретным содержанием. На сей раз, однако, ему было над чем поломать голову: он боялся показаться излишне прямолинейным, с одной стороны, и чересчур осторожным — с другой. Тэйноскэ пришлось переписывать письмо три раза, прежде чем он счёл возможным его отправить. Отправив же, он сразу

пожалел об этом. Если Хасидэра не намерен жениться, письмо вряд ли сможет его переубедить. Если же он хоть сколько-нибудь заинтересован в этом браке, оно способно произвести на него неприятное впечатление. Возможно, было бы разумнее, не форсировать событий…

Тэйноскэ отнюдь не рассчитывал на то, что Хасидэра немедленно бросится писать ему ответное письмо. Но когда прошло два, а затем и три дня, а ответа по-прежнему не было, Тэйноскэ стал нервничать. Едва дождавшись воскресенья, он рано утром вышел из дому, сказав Сатико, что хочет немного прогуляться. Вместо этого он сел в электричку и поехал в Осаку. При этом Тэйноскэ вовсе не думал, что отправляется к Хасидэре в гости. Даже потом, называя таксисту его адрес, он был уверен, что только посмотрит издали на его дом и сразу же поедет обратно.

Выйдя из такси в самом начале нужной ему улицы, Тэйноскэ не спеша зашагал вперёд, на ходу читая висящие на домах таблички. Утро было по-весеннему погожее, ясное, и от этого, наверное, поступь его была легка и будущее казалось ему прекрасным.

Дом Хасидэры, недавно отстроенный и глядящий окнами на юг, производил впечатление светлого и уютного. Он был обнесён тесовой оградой, за которой виднелась сосна с раскидистыми ветвями, и стоял в окружении трёх или четырёх таких же небольших, но опрятных двухэтажных особнячков, как видно, тоже сдающихся внаём, — такой вот домик мог бы облюбовать какой-нибудь состоятельный человек для своей дамы сердца. Большой семье в нём было бы тесновато, но вдовцу, живущему вдвоём с дочерью, более просторные апартаменты, пожалуй, ни к чему.

Тэйноскэ немного постоял у ворот, глядя сквозь искрящуюся в солнечных лучах сосновую хвою на полуоткрытое окно верхнего этажа. Проделав весь этот путь, было бы обидно вернуться домой ни с чем. Неожиданно для самого себя Тэйноскэ толкнул калитку и, подойдя к входной двери, позвонил. Ему открыла экономка, женщина лет пятидесяти, и вскоре он уже шёл за нею по лестнице, на второй этаж.

— Доброе утро, — послышался снизу голос Хасидэры. Он стоял у лестницы в щеголеватом стёганом кимоно, накинутом поверх

пижамы. — Извините, я сегодня совсем заспался. Сейчас, оденусь и поднимусь к вам.

— Пожалуйста, не торопитесь. Мне так неловко, что я нагрянул к вам без предупреждения…

Хасидэра улыбнулся и исчез в глубине дома. Как только Тэйноскэ увидел эту приветливую, дружелюбную улыбку, у него сразу же отлегло от сердца. Судя по всему, письмо не обидело его.

Комната на втором этаже, куда провели Тэйноскэ, по-видимому, служила гостиной. Здесь была традиционная ниша с полочкой для цветов и каллиграфических свитком. Цветы здесь, правда, не стояли, но ваза и свиток, равно как и всё остальное в этой комнате: двустворчатая ширма, столик сандалового дерева, разложенный на нём курительный прибор — свидетельствовали о безупречном вкусе хозяина. Ни на циновках, ни на оклеенных бумагой дверях не было ни единого пятнышка. Вид этой опрятной, уютной комнаты, нисколько не вязавшийся с представлением о жилище вдовца, лучше всяких слов характеризовал и самого Хасидэру, и его покойную супругу.

Изнутри дом производил впечатление ещё более светлого, чем снаружи. Бумага на дверях, белая, с глянцевым узором в виде листьев павлонии, хорошо отражала проникающий с улицы свет, и дым от сигареты Тэйноскэ повисал в воздухе отчётливо видимыми серыми кольцами.

Вручая экономке свою визитную карточку, Тэйноскэ на какое-то мгновение ощутил всю нелепость своего появления в этом доме, но теперь он был доволен, что пришёл сюда. Одного того, что Хасидэра не отказался его принять, было достаточно, чтобы считать свою миссию успешной.

Минут через десять Хасидэра в тщательно отглаженном темно-синем костюме уже стоял перед гостем.

— Извините, что вам пришлось так долго ждать, — любезно сказал он и предложил Тэйноскэ перейти на веранду, где они расположились в плетёных креслах.

Тэйноскэ не хотел, чтобы у хозяина возникло впечатление, будто он пришёл за ответом на своё письмо, и поэтому собирался вскоре откланяться. Но весеннее солнышко так ласково пригревало, а Хасидэра был так приветлив и обходителен, что он просто-напросто не мог заставить себя подняться и просидел, должно быть, не меньше

часа. В ходе разговора он всё-таки упомянул о письме, сказав, что искренне сожалеет о своей докучливости.

— Напротив, я очень признателен вам за это письмо, — со свойственной ему непринуждённостью ответил Хасидэра, после чего беседа снова переключилась на малозначащие темы. Наконец Тэйноскэ встал и начал прощаться. Но Хасидэра сказал, что собирается с дочкой в кино и, если Тэйноскэ не возражает, они могли бы выйти из дома вместе. Желание хотя бы одним глазком взглянуть на девочку было столь велико, что Тэйноскэ сразу же согласился.

Поймать такси в это время дня было трудно, поэтому Хасидэра позвонил в какой-то гараж поблизости и попросил, чтобы ему выслали «паккард». Когда они подъезжали к кинотеатру, Хасидэра сказал Тэйноскэ, что с удовольствием проводит его на вокзал, но если он не очень торопится, то, быть может, согласится уделить им ещё немного времени? Близился полдень, и Тэйноскэ не стоило особого труда догадаться, что Хасидэра приглашает его пообедать с ними вместе. Второй раз угощаться за его счёт было бы верхом неприличия, но отказать себе в возможности сойтись с Хасидэрой покороче, а заодно и получше узнать его дочь было выше его сил, и он опять-таки не стал отнекиваться.

Беседа за столом носила характер лёгкой и вполне невинной болтовни о кино, о театре Кабуки, об американских и японских актёрах, о гимназии и прочих пустяках, впрочем, иные разговоры было бы странно вести в присутствии девочки. Дочь Хасидэры была на три года старше Эцуко, но выглядела не по летам серьёзной и взрослой.

Несмотря на гимназическую форму, её трудно было принять за девочку-подростка. Всем своим обликом — гордо посаженной головкой, узким, с тонкими чертами лицом, изящно вылепленным носиком — она скорее напоминала маленькую женщину. Коль скоро она нисколько не походила на Хасидэру, оставалось предположить, что эти черты она унаследовала от матери, которая, без сомнения, была редкой красавицей. Должно быть, Хасидэра видел в дочери живое подобие своей жены.

Когда принесли счёт, Тэйноскэ сказал: «Позвольте сегодня заплатить мне», но Хасидэра был непреклонен: приглашение исходило от него, и платить будет он. Ну что ж, сказал Тэйноскэ, в таком случае в следующее воскресенье он ждёт Хасидэру с дочкой к себе. Он с

удовольствием покажет им Кобэ. Прощаясь с ним у лифта, Хасидэра обещал быть непременно. Это обещание было лучшим трофеем, который мог привезти Тэйноскэ домой из своего путешествия.

17

Услышав рассказ мужа об одержанной им победе, Сатико ахнула: «А ты, оказывается, наглец!» — но в душе она была очень довольна. Случись что-либо подобное в былые времена, она, наверное, рассердилась бы, посчитав поведение мужа неумным. Да и сам Тэйноскэ никогда прежде не отважился бы на такую бесцеремонность. Вот к каких удивительным переменам привело их желание, выдать Юкико замуж! Во всяком случае, дело было сделано, и теперь оставалось лишь дожидаться воскресенья.

В один из дней позвонила г-жа Ниу. Право же, она не перестаёт восхищаться супругом Сатико. Как мило с его стороны, что он решил познакомиться с дочкой господина Хасидэры и пригласить их в гости на следующее воскресенье! Всё идёт как нельзя лучше. Она уверена, что Сатико с супругом сумеют оказать им самый радушный приём. А главное — она рассчитывает, что госпожа Юкико постарается исправить впечатление о себе как об унылой, замкнутой барышне. На сегодняшний день г-жу Ниу больше всего заботило это…

Судя по всему, Хасидэра держал г-жу Ниу в курсе всех событий, из чего можно было заключить, что Юкико ему не вовсе безразлична.

В десять часов утра в воскресенье Хасидэра с дочерью приехали в Асию, а час или два спустя хозяева и гости сели в такси и вшестером отправились в Кобэ. Накануне Макиока долго обсуждали, где лучше устроить обед: в китайском, европейском или японском ресторане. Кто-то предложил «Ориентал грилл», кто-то — «Такараю», но в конце концов сошлись на том, что лучше всего атмосферу Кобэ передаёт «Кикусуй» — заведение, специализирующееся на скияки.[104]

Обед закончился около четырёх часов. После небольшой прогулки по городу и чая в кондитерской «Юххайм», Хасидэра с дочерью поехали домой, а Макиока, проводив их до станции, пошли в клуб «Ханкю» смотреть американский фильм «Кондор». Совместная поездка в Кобэ, безусловно, сблизила оба семейства, но не до такой степени, чтобы отношения между ними можно было считать по-настоящему короткими и доверительными.

А на следующий день произошло вот что. После обеда Юкико сидела в своей комнате на втором этаже и занималась каллиграфией.

— Вас просят к телефону, — сообщила О-Хару, поднявшись к ней наверх.

— Меня? — удивилась Юкико.

— Да, вас.

— А кто спрашивает?

— Какой-то господин по фамилии Хасидэра.

Юкико едва не выронила кисть. Густо покраснев, она направилась было к лестнице, но потом вдруг остановилась:

— Сатико дома?

— Нет, барыня изволила выйти.

— Куда?

— Наверное, опустить письмо. Она вышла только что. Прикажете сбегать за ней?

— Да! Прошу тебя, скорее!

— Слушаюсь, — ответила О-Хару и тотчас же сорвалась с места.

Сатико имела обыкновение, отправлять свои письма сама — это давало ей повод совершить небольшой моцион по набережной. О-Хару догнала её на первом же перекрёстке.

— Барыня! Вас зовёт госпожа Юкико!

— Что случилось? — недоуменно проговорила Сатико, глядя на взволнованную, запыхавшуюся служанку.

— Звонит господин Хасидэра.

— Господин Хасидэра? — Сатико опешила. — Он спрашивает меня?

— Нет, госпожу Юкико, но она велела позвать вас.

— Как? Она не подошла к телефону?

— При мне нет, а как потом — не знаю…

— Вот недотёпа! Ну что ей стоило взять трубку!

«Как всё это некстати!» — подумала Сатико. Нелюбовь Юкико к телефонным разговорам была хорошо известна. Если ей кто-либо звонил — а это бывало чрезвычайно редко, — она просила подойти к телефону кого-нибудь из близких, сама же брала трубку лишь в исключительных случаях. До сих пор никто в доме не придавал этому значения, но сегодня ситуация была совершенно особая. Коль скоро

Хасидэра попросил к телефону её, она и должна была взять трубку. Было бы странно и нелепо, если бы вместо неё подошла Сатико.

Неужели Юкико этого не понимает? Ведь она уже не девочка… Конечно, звонок Хасидэры застиг её врасплох, она растерялась, смутилась, но разве для постороннего человека это может служить оправданием? Будет счастьем, если Хасидэра не почувствовал себя оскорблённым. Впрочем, может быть, Юкико всё-таки переломила себя и подошла к телефону. Но если, заставив человека так долго ждать, она по своему обыкновению отделалась одной-двумя уклончивыми фразами — тогда конец. Тогда ей лучше было бы вообще не брать трубку. Вполне возможно, что, при её строптивости, она так и поступила и до сих пор стоит и ждёт, когда Сатико придёт ей на помощь. Но чем Сатико может ей помочь? Хасидэра наверняка уже повесил трубку, а если и нет, что она может ему сказать? Сегодня тот самый случай, когда Юкико должна была подойти к телефону сама, причём немедленно.

Чутьё подсказывало Сатико, что случилось непоправимое, что эта нелепая случайность ставит крест на всём, чего они с мужем добивались с таким трудом. С другой стороны, думала она, трудно поверить, чтобы такой милый, интеллигентный человек, как Хасидэра, стал делать из мухи слона. Если бы только Сатико была дома! Уж она-то сумела бы заставить Юкико тут же подойти к телефону. Отчего Хасидэра не позвонил несколькими минутами раньше!

Когда Сатико вбежала в коридор, трубка висела на своём месте и Юкико нигде поблизости не было. Сатико заглянула в кухню, где О-Аки месила тесто для печенья к чаю.

— Где Юкико?

— Барышня поднялась наверх, видимо к себе в комнату.

— Она говорила по телефону?

— Да, говорила.

— Она сразу подошла?

— Нет, не сразу… Похоже, она ждала вас…

— И долго она разговаривала?

— Совсем недолго. Наверное, с минуту, не больше.

— Когда она ушла к себе?

— Только что.

Сатико нашла сестру в комнате наверху — та сидела за столом, склонившись над прописями.

— Зачем звонил господин Хасидэра?

— Он просил меня приехать в Осаку. Сказал, что встретит меня на вокзале в половине пятого.

— Должно быть, он хотел пригласить тебя на прогулку.

— Он сказал, что мы могли бы пройтись по Синсай-баси, а потом где-нибудь поужинать…

— И что ты ответила?

Юкико молчала.

— Надеюсь, ты согласилась?

— Нет, — чуть слышно произнесла Юкико.

— Почему? Снова молчание.

— Ты не находишь, что тебе стоило принять приглашение?

Этого вопроса, впрочем, можно было и не задавать. Сатико слишком хорошо знала свою сестру, чтобы понимать: Юкико скорее умерла бы, чем согласилась отправиться куда-либо с мужчиной, которого видела всего только три раза, с мужчиной, который, возможно, станет её мужем. Было бы странно, если бы она поступила иначе. И тем не менее Сатико была возмущена до глубины души. Как бы велико ни было нежелание Юкико ужинать в обществе малознакомого мужчины, она должна была подумать о них с Тэйноскэ. Если бы она хоть на минуту представила себе, скольких хлопот и унижений стоило им это сватовство, ей не пришло бы в голову отказываться и сидеть сложа ручки. А каково было Хасидэре выслушивать её холодный отказ! Должно быть, он не сразу решился на этот звонок.

— Что ты ответила господину Хасидэре?

— Ответила, что очень сожалею…

Ничего не скажешь, великолепная форма для отказа! — в сердцах подумала Сатико. Неужели нельзя было найти какой-нибудь изящный предлог? Она представила себе, как неуклюже и беспомощно прозвучал ответ Юкико Хасидэре, — и чуть не расплакалась от досады. Чем больше она смотрела на сестру, тем труднее ей было совладать с охватившим её гневом. Сатико резко повернулась и направилась к двери. Спустившись по лестнице, она вышла на террасу и оттуда в сад.

Юкико должна немедленно позвонить Хасидэре, извиниться и к назначенному времени ехать в Осаку! Это единственный способ спасти положение.

Но согласится ли она сделать это? Вряд ли. Если же Сатико попытается принудить её к этому, дело наверняка кончится ссорой. Тогда, быть может, ей стоит самой позвонить Хасидэре и, сославшись на какую-нибудь серьёзную причину, объяснить, что Юкико в самом деле никак не может приехать сегодня в Осаку. А вдруг он предложит перенести встречу на завтра? Как быть тогда? Ведь Юкико отказалась вовсе не потому, что речь идёт о сегодняшнем дне. Она будет отказываться до тех пор, пока не сочтёт, что они с Хасидэрой достаточно хорошо знакомы.

Нет, сегодня лучше ничего не предпринимать. А завтра Сатико поедет к г-же Ниу и постарается всё ей объяснить. Она скажет, что Юкико не приняла приглашение г-на Хасидэры отнюдь не потому, что он ей неприятен.

Всё дело в том, что до сих пор её сестра вела затворнический образ жизни и совершенно теряется, когда ей приходится иметь дело с малознакомыми людьми, в особенности с представителями сильного пола. Но это свидетельствует лишь о её чистоте и целомудрии. Если г-жа Ниу, в свою очередь, постарается втолковать всё это Хасидэре, он наверняка проявит понимание и не станет таить на Юкико зла…

В то время как Сатико бродила по саду, поглощённая этими мыслями, в долге раздался телефонный звонок.

— Барыня! — крикнула, выбежав на террасу, О-Хару. — Вас зовёт к телефону госпожа Ниу.

Сатико обомлела и бросилась было к дому, но потом передумала и сказала О-Хару, что будет говорить из флигеля.

— Сатико-сан, мне только что звонил господин Хасидэра. Он в бешенстве. — В голосе г-жи Ниу слышался метал… От возбуждения её токийская речь звучала ещё более резко и категорично, чем всегда. — Я не знаю, что именно привело его в такое бешенство, но он сказал, что терпеть не может этаких избалованных, капризных барышень. Его, дескать, всё время старались убедить, что госпожа Юкико весёлая, общительная, но где, спрашивается, её весёлость и общительность? Одним словом, он не желает больше слышать о браке с вашей сестрой и просил меня так вам и передать. Как я поняла, он

хотел сегодня встретиться с госпожой Юкико, чтобы спокойно, без спешки поговорить с нею наедине. Но что из этого вышло? Сначала его долго мурыжили у телефона, потом госпожа Юкико всё-таки соблаговолила взять трубку, но в ответ на его приглашение только и знала, что мямлить: «Ах, вот как…» Когда же он прямо спросил: согласна, ли она встретиться с ним сегодня, последовало едва слышное: «Я очень сожалею…» — и больше ни слова. Тут он не выдержал и бросил трубку. Он взбешён, просто взбешён: «Интересно, за кого она меня принимает? Что, я мальчишка какой-нибудь, чтобы так со мной обращаться?»

Произнеся весь этот монолог на одном дыхании, г-жа Ниу сделала паузу, после которой заключила:

— Таких образом, Сатико-сан, как это ни прискорбно, прошу вас считать, что между вашей сестрой и господином Хасидэрой всё кончено.

— Мы очень, очень виноваты перед вами… Если бы только я была дома! Но, к несчастью, мне понадобилось отлучиться…

— При чем тут вы, Сатико-сан? Вы могли отлучиться, но ведь госпожа. Юкико была дома.

— Конечно, конечно, вы совершенно правы… Ей нет никакого оправдания… Да, теперь, наверное, уже ничего не поправить…

— Разумеется.

Сатико готова была сквозь землю провалиться. Ей нечего было возразить г-же Ниу, и она лепетала в ответ что-то путаное и бессвязное.

— Я всё сказала, Сатико-сан, больше мне нечего добавить. Я понимаю, о таких вещах не принято говорить по телефону, но теперь мне уже нет смысла приезжать к вам. Так что не взыщите.

Судя по всему, г-жа Ниу считала разговор законченным.

— Поверьте, я очень, очень сожалею… Я сама приеду к вам с извинениями… У вас есть всё основания гневаться… — Сатико с трудом понимала, что говорит.

— Полноте, Сатико-сан, ваши извинения совершенно излишни. Я не вижу, зачем вам приезжать ко мне, — отрезала г-жа Ниу, недвусмысленно давая понять, что больше им говорить не о чем. — Прощайте.

Положив трубку, Сатико долго ещё неподвижно сидела за письменным столом мужа, обхватив лицо ладонями. Скоро вернётся Тэйноскэ, и она будет вынуждена всё ему рассказать… А может быть, лучше подождать до завтра, дать себе возможность успокоиться?.. Он, конечно же, очень огорчится, это ясно, но хуже всего, что после случившегося Юкико может потерять его расположение… Он всегда недолюбливал Таэко, но к Юкико относился с неизменным сочувствием. Неужели отныне и она будет вызывать у него неприязнь? У Таэко по крайней мере есть человек, способный о ней позаботиться, но что станет с Юкико, если Тэйноскэ от неё отвернётся?

Когда какая-нибудь из младших сестёр огорчала её, Сатико шла изливать душу другой. Но сегодня у неё не было такой возможности, и она вдруг почувствовала себя совершенно одинокой. Как печально, что Таэко нет рядом!

— Мамочка… — Эцуко стояла в дверях кабинета и недоуменно смотрела на мать. Она только что вернулась из школы и по необычной тишине в доме догадалась, что произошло что-то неладное. — Почему ты здесь? — Девочка подошла к матери и заглянула ей в лицо. — Мамочка, что ты здесь делаешь? А, мамочка?

— Где Юкико?

— Она наверху, читает… Скажи, мамочка, что произошло?

— Ничего… Ступай лучше к Юкико.

— Пойдём вместе, ну пожалуйста. — Эцуко взяла мать за руку и потянула к себе.

— Хорошо, пойдём, — согласилась Сатико. Отослав дочь наверх, Сатико направилась в гостиную и села за пианино. Должно быть, прошло не меньше часа, прежде чем она услышала звонок у входной двери.

Это вернулся Тэйноскэ. Встретив мужа, Сатико проследовала за ним во флигель.

— Ты знаешь, всё твои усилия пропали даром. У нас тут произошла ужасная история, — сказала Сатико, как только они вошли в кабинет. До сих пор она сомневалась, стоит ли заводить этот разговор сегодня, но, увидев мужа, поняла, что до завтра ждать не сможет.

Тэйноскэ выслушал её рассказ спокойно, без видимого неудовольствия, разве что только в самом начале на какое-то

мгновение помрачнел и тяжело вздохнул. И от этого в Сатико с новой силой вспыхнула обида на сестру. Никогда прежде она не испытывала к Юкико такого злого, неприязненного чувства.

— Какое право она имела ставить нас в такое положение? — возмущалась Сатико. — Теперь уже бесполезно об этом говорить, но Хасидэра явно склонялся к тому, чтобы жениться на Юкико. Пусть он не заявлял об этом открыто, но в глубине души у него наверняка было такое намерение, В противном случае он вряд ли позвонил бы сегодня, чтобы пригласить её в Осаку. И надо же было ей так глупо себя повести! Как подумаешь об этом, хочется топать ногами и плакать навзрыд, только какой от этого прок?

Всё потеряно — и навсегда. Если бы только она, Сатико, была дома! Может быть, ей и не удалось бы заставить Юкико принять приглашение Хасидэры, но по крайней мере она добилась бы, чтобы та хотя бы разговаривала с ним по-человечески. И тогда ничего этого не случилось бы… Кто знает, возможно, помолвка была уже не за горами… Это вовсе не фантазии — Сатико на восемьдесят, даже на девяносто процентов уверена, что дело шло именно к этому. Зачем, зачем этот звонок раздался в те самые пять минут, пока её не было дома? Подумать только, какие пустяки, какие случайные совпадения определяют подчас человеческую судьбу!..

Сатико была безутешна. Теперь она уже во всём винила себя — ей нельзя было отлучаться из дома. Что же касается Юкико, то, в конечном счёте, она оказалась всего лишь жертвой нелепого стечения обстоятельств.

— Я, конечно, ужасно на неё сердита, но вместе с тем и жаль её очень…

— Мне кажется, всё это произошло не потому, что ты отлучилась из дома, — возразил Тэйноскэ, стараясь успокоить жену, — а потому, что Юкико такова, какова она есть, и не умеет быть иной. Если бы она разговаривала с Хасидэрой в твоём присутствии, результат был бы тот же самый.

Даже если бы Сатико в тот момент была дома, рассуждал Тэйноскэ, Юкико всё равно не, смогла бы должным образом ответить на приглашение Хасидэры. Да и под каким бы изящным предлогом она ни отказалась от встречи, он всё равно остался бы недоволен. Таким

образом главную причину случившегося следует искать в характере Юкико, а не в том, что Сатико в тот момент не оказалось рядом.

Предположим, на сей раз вдвоём они сумели бы как-нибудь выйти из положения, но рано или поздно возникла бы сходная ситуация. Видимо, это сватовство с самого начала было обречено на неудачу. Чтобы брак с Хасидэрой состоялся, Юкико нужно было полностью переделать свой характер, а это невозможно.

— Что же, по-твоему, она так никогда и не выйдет замуж?

— Я вовсе так не считаю. Наоборот — в женщине, которая от смущения не может произнести в трубку нужных слов, есть своя прелесть. Я уверен, существуют мужчины, которым не придёт в голову назвать Юкико капризной, избалованной барышней, которые сумеют по достоинству оценить её женственность и душевную чистоту. Только такой человек может стать её мужем.

Сатико уже не чувствовала в себе прежней досады. Ей было стыдно перед мужем из-за того, что он утешает её, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Не давая угаснуть всколыхнувшейся в ней жалости к сестре, она вернулась в дом.

Юкико сидела в гостиной на диване и, как ни в чем не бывало, гладила устроившуюся у неё на коленях кошку Судзу. Одного взгляда на безмятежное лицо сестры было достаточно, чтобы в Сатико снова вспыхнуло негодование.

— Юкико! — От усилия сдержать гнев к лицу Сатико прилила кровь. — Мне звонила госпожа Ниу. Она говорит, что господин Хасидэра в ярости и не желает иметь с нами ничего общего.

— Вот как? — бесстрастным тоном произнесла Юкико, теребя мягкую шёрстку на шее у блаженно мурлыкавшей кошки.

«И не только господин Хасидэра. Мы всё в ярости — и госпожа Ниу, и Тэйноскэ, и я», — хотела добавить Сатико, но сдержалась. Интересно, подумала она, отдаёт ли Юкико себе отчёт в том, что произошло? Если да, то ей следовало бы извиниться, по крайней мере, — перед Тэйноскэ. Но Сатико знала: даже чувствуя себя виноватой, та ни за что не станет просить прощения. Обида и горечь нахлынули вновь.

18

На следующий день приехала Итани, чтобы своим рассказом довершить удар.

Она всё знает, начала Итани. Вчера господин Хасидэра звонил не только госпоже Ниу, но и ей. Он метал громы и молнии — и кто бы мог подумать, ведь это такой милый, обходительный человек! Итани сразу поняла, что случилось нечто из ряда вон выходящее, и бросилась в Осаку. Она побывала и у господина Хасидэры, и у госпожи Ниу. Что ж, у него действительно есть всё основания возмущаться. И дело не только во вчерашнем телефонном разговоре.

Оказывается, госпожа Юкико обидела его ещё накануне, когда оба семейства ездили в Кобэ. Во время прогулки по городу получилось так, что господин Хасидэра и госпожа Юкико перешли улицу раньше остальных, а те были вынуждены пропустить колонну военных, совершавших марш по городу в честь уходящих на фронт полков. Пока они дожидались, когда пройдёт колонна, господин Хасидэра, взглянув на витрину галантерейного магазинчика поблизости, сказал, что ему нужно купить носки. Не могла бы госпожа Юкико помочь ему их выбрать? Госпожа Юкико пробормотала в ответ что-то невразумительное и не двинулась с места, только в растерянности оглянулась на стоящую на противоположной стороне улицы сестру.

Господину Хасидэре ничего не оставалось, как отправиться за покупкой самому. Этот неприятный эпизод больно задел господина Хасидэру, и тем не менее он постарался внушить себе, что нежелание госпожи Юкико оказать ему эту пустяковую услугу происходит не от неприязни к нему, а от свойственной ей застенчивости. Но, конечно, полной уверенности в этом у него не было. И вот, желая окончательно уяснить для себя, как настроена к нему госпожа Юкико, он решил вчера пригласить её на прогулку в Осаку, тем более что день для этого выдался благоприятный — погода стояла прекрасная и к тому же он не был занят на службе.

— Что из этого вышло, вы знаете, — продолжала Итани. — За одним оскорблением последовало другое. Если прежде у господина Хасидэры оставались какие-то сомнения, то теперь ему со всей

определённостью дали понять, что он пришёлся не ко двору. Тон, которым разговаривала с них госпожа Юкико, можно было истолковать только так: «Неужели этот болван, тупица всё ещё не понимает, что я не желаю его знать?» Если бы госпожа Юкико была хоть чуточку расположена к нему, считает господин Хасидэра, она, безусловно, нашла бы для своего отказа, более любезную форму. И вообще, у него сложилось впечатление, что она с самого начала только ждала случая, чтобы расстроить это сватовство. Он прямо так и сказал: я признателен господину и госпоже Макиока за доброе ко мне отношение и высоко ценю всё, что сделали для меня вы, госпожа Итани, и госпожа Ниу, но поймите, иного выхода у меня нет. В том, что ваши хлопоты пропали даром, моей вины нет. Не я отказал госпоже Юкико, а она — мне.

После разговора с г-ном Хасидэрой Итани поехала к г-же Ниу. Ту буквально трясло от возмущения: ведь она не раз говорила госпоже Макиока, что её сестра должна постараться преодолеть свою робость и держаться с господином Хасидэрой более любезно, но ни та, ни другая не нашли нужным к этому прислушаться. Непонятно, почему госпожа Макиока позволяет своей сестре вести себя так, как ей заблагорассудится. По нынешним временам не только девушки из аристократических семей, но, наверное, даже принцессы не позволяют себе такого высокомерия. Или она считает, что госпожа Юкико лучше любой принцессы?

Сатико подозревала, что Итани частично приписывает г-же Ниу свои мысли. Как ни обидно было ей выслушивать эти обвинения, она понимала, что возразить нечем. Однако, выговорившись до конца, Итани сменила гнев на милость и перешла на более миролюбивый тон. Заметив, что Сатико совсем приуныла, она сказала: «Ну полно, полно. Никакой особой трагедии не произошло. Не знаю, как госпожа Ниу, но я по-прежнему к вашим услугам».

После этого Итани вдруг заговорила о пятне над глазом у Юкико. Господин Хасидэра, оказывается, его совершенно не заметил, радостно сообщила она, а ведь он как-никак видел госпожу Юкико целых три раза. Он очень удивился, когда дочка сказала ему, что разглядела на веке у госпожи Юкико сероватое пятнышко. «Таким образом, — заключила Итани, — на этот счёт вы можете быть абсолютно спокойны. Как видите, пятно никого уже не волнует».

Сатико не стала рассказывать мужу о происшествии в Кобэ. Это могло лишь восстановить его против Юкико. Тэйноскэ же, в свою очередь, ничего не говоря жене, написал Хасидэре письмо.

Он искренне сожалеет о случившемся, писал Тэйноскэ. Отдавая себе отчёт в том, что ничего исправить невозможно, он тем не менее считает своим долгом кое-что объяснить г-ну Хасидэре. Возможно, г-н Хасидэра полагает, что они с женой стремились просватать Юкико вопреки её воле. Это далеко не так. Юкико не только не питает к нему неприязни, но, напротив, — и это он заявляет с полной ответственностью — искренне расположена к нему. Если она позволила себе некоторую холодность и сдержанность, то это объясняется ничем иным, как робостью и стыдливостью. Человеку со стороны эти качества могут показаться смешными в тридцатитрехлетней женщине, но тем, кто хорошо её знает, совершенно очевидно, что иначе повести себя она не могла. В юные годы она была ещё более застенчивой. Но, разумеется, это ни в коей мере не может служить ей оправданием и нисколько не умаляет её вины перед г-ном Хасидэрой.

В своё время, говорилось далее в письме, Тэйноскэ взял на себя смелость утверждать, что Юкико не относится к категории людей унылых и замкнутых, что по натуре она живая и жизнерадостная. Он не отступается от этих слов и теперь, однако полностью согласен с тем, что в её возрасте полагается уже иметь представление о том, как следует разговаривать по телефону. Она повела себя как человек дурно воспитанный, и г-н Хасидэра имеет всё основания гневаться и считать, что она не достойна быть его женой. Вне всякого сомнения, она не выдержала испытания, и со стороны Тэйноскэ было бы величайшей дерзостью просить г-на Хасидэру изменить своё решение.

Как это ни прискорбно, причина происшедшего коренится, по-видимому, в неправильном воспитании, которое не позволяет Юкико идти в ногу со временем. В какой-то мере в этом виноваты обстоятельства её жизни: она была ещё девочкой, когда умерла мать, и не успела повзрослеть, когда лишилась отца, — но немалая доля вины, конечно же, лежит на Тэйноскэ и Сатико.

Вполне возможно, продолжал Тэйноскэ, что он в чем-то переоценил свояченицу, но просит поверить ему в одном: сколь ни велико было его желание видеть Юкико женою г-на Хасидэры, он не

стал бы ради этого прибегать к заведомой лжи. Он уверен, что г-н Хасидэра вскоре найдёт себе достойную супругу, что рано или поздно судьба Юкико тоже устроится и что когда-нибудь они смогут забыть о произошедшем между ними недоразумении и стать друзьями. Для него было огромной радостью познакомиться с г-ном Хасидэрой, и он не может не испытывать горечи при мысли о том, что лишился возможности хотя бы изредка проводить время в его приятном обществе.

Таково в общих чертах было содержание письма Тэйноскэ, на которое Хасидэра тотчас же прислал вежливый ответ. Он очень тронут тёплым письмом г-на Макиоки, однако никак не может согласиться со словами о том, что г-жа Юкико якобы получила неправильное воспитание. Напротив, в том, что она в свои годы сумела сохранить девическую чистоту и непосредственность и не желает приспосабливаться к современных нравам, и заключается главное достоинство и обаяние её натуры.

По его глубокому убеждению, супругом г-жи Юкико должен стать человек, способный оценить высокие качества её души и считающий своим долгом всячески оберегать и лелеять их. К несчастью, сам он, скучный и неотёсанный провинциал, не наделён подобной тонкостью чувств. Поэтому он и пришёл к выводу, что с ним г-жа Юкико не была бы счастлива, и был вынужден отказаться от брака с нею.

Он глубоко сожалеет, если позволил себе когда-либо отозваться о г-же Юкико несправедливо резко, и искренне благодарит семейство Макиока за доброе расположение, которым оно его удостоило. Царящая в их доме атмосфера покоя и согласия способна любого повергнуть в зависть. Не удивительно, что, живя в такой семье, г-жа Юкико оказалась наделённой столькими совершенствами…

Письмо Хасидэры было написано, как и подобает, кистью на японской бумаге и хотя не вполне следовало канонам эпистолярного стиля, никто не мог бы придраться к этим тщательно продуманным фразам.

*** * ***

Во время совместной прогулки по Кобэ Сатико выбрала для дочери Хасидэры блузку и попросила вышить на ней её инициалы. Блузку доставили в Асию вскоре после того, как переговоры о сватовстве прервались. Но не послать уже обещанный подарок было бы странно, и Сатико решила передать его Хасидэре через Итани. А недели две спустя, когда Сатико пришла к Итани делать причёску, та вручила ей небольшой свёрток: «Это вам от господина Хасидэры».

Вернувшись домой, Сатико развернула подарок — это была шёлковая кофточка, купленная в знаменитом киотоском магазине «Эриман». И по рисунку, и по размеру она идеально подходила для Сатико — судя по всему, её выбрала по просьбе Хасидэры г-жа Ниу. Этот ответный подарок лишний раз доказывал, что Хасидэра — в высшей степени пристойный и щепетильный человек.

Но какой след оставили минувшие события в душе у Юкико? Внешне она держалась вполне беспечно и, казалось, не чувствовала себя особенно виноватой перед зятем и сестрой. Возможно, она не хотела открыто проявлять своих чувств из гордости, но вчуже её поведение можно было расценить только так: она благодарна Сатико и Тэйноскэ за всё их старания, но, коль скоро её сочли недостойной только потому, что у неё такой характер, а не иной, горевать и жалеть о чем-либо она не намерена.

Сатико понимала, что теперь уже поздно выказывать сестре своё недовольство, и постепенно у них с Юкико восстановились прежние отношения, но всё же затаённая обида нет-нет да и давала о себе знать. Сатико была бы рада отвести душу с Таэко, но, к сожалению, та не появлялась в Асии уже третью неделю. В последний раз она была здесь в начале марта, как раз на следующий день после «рокового» звонка Хасидэры. Сатико сказала ей, что из этого сватовства тоже скорее всего ничего не получится, и она вскоре ушла, очень огорчённая.

Когда Итани или г-жа Ниу спрашивали её о Таэко, Сатико, подозревая, что им давно уже всё известно, старалась отвечать как можно более уклончиво. Ей не хотелось давать этим сплетницам дополнительную пищу для разговоров, но в то же время она понимала, что должна быть готова к тому, чтобы в случае, если зайдёт речь о связи Таэко с Окубатой, прямо заявить: семья Макиока порвала с ней всякие отношения. Но теперь всё эти предосторожности были уже ни к

чему, и Сатико испытывала непреодолимое желание повидаться с сестрой.

* * *

Однажды утром Сатико и Юкико сидели в столовой и разговаривали. «Куда же пропала Кой-сан? Надо бы ей позвонить», — сказала Сатико — и как раз в эту минуту в комнату заглянула О-Хару. Она, как обычно, ходила провожать Эцуко в школу, но отсутствовала, должно быть, часа три. Убедившись, что никого, кроме сестёр, в комнате нет, она осторожно подошла к ним и тихим шёпотом проговорила:

— Кой-сан больна.

— Больна? Что с ней?

— Расстройство кишечника, а может быть, даже дизентерия.

— От неё звонили? Да.

— И ты была у неё?

— Да… То есть…

— Кой-сан у себя на квартире? — спросила Юкико.

— Н-нет… — неуверенно произнесла О-Хару и потупилась.

Дело было так. Рано утром О-Хару разбудила одна из служанок и сказала, что её просят к телефону. Звонил Окубата, Из разговора с ним О-Хару поняла, что позавчера Кой-сан была у него в Нисиномии и там ей неожиданно сделалось плохо: поднялся сильный жар, чуть ли не под сорок, начался страшный озноб. Было около десяти часов вечера, и Кой-сан хотела возвращаться к себе, но Окубата её не пустил и уложил в постель. Ночью ей стало ещё хуже, и на следующий день Окубата вызвал врача. Вначале тот признал у больной инфлюэнцу, но сказал, что с таким же успехом это может быть и брюшной тиф. Среди ночи, однако, у Кой-сан открылся страшный понос, и тогда врач решил, что у неё либо кишечный катар, либо дизентерия.

Если анализы подтвердят дизентерию, Кой-сан придётся поместить в клинику. Пока что она будет находиться у Окубаты, потому что за ней нужен уход. Окубата просил О-Хару ничего не рассказывать хозяйке, Хотя Кой-сан ужасно страдает, на сегодняшний день её положение не внушает особой тревоги. Конечно, если будет

какое-нибудь ухудшение, Окубата обязательно даёт знать г-же Макиока, однако он надеется, что этого не случится.

Тем не менее О-Хару решила поглядеть собственными глазами, как обстоит дело, и, проводив Эцуко в школу, прямиком направилась в Нисиномию. Состояние Кой-сан оказалось намного хуже, чем думала О-Хару. За ночь её слабило раз двадцать, а то и тридцать. Лежать она не может, ей нужно всё время вскакивать и бежать на горшок. Доктор сказал, что это никуда не годится — больной необходим полный покой, и судно ей следует подавать в постель. Вдвоём с О-Хару Окубате наконец удалось заставить её лечь. При О-Хару её прихватывало ещё несколько раз, причём боли ужасные, а в судне почти ничего нет. Кой-сан по-прежнему лихорадит, в последний раз на градуснике было тридцать девять.

Доктор до сих пор не знает — катар ли это или дизентерия. Он отправил её стул на анализ в клинику при Осакском университете, результат должен прийти дня через два, и тогда будет ясно, что это за болезнь. О-Хару предложила Таэко вызвать доктора Кусиду, но та сказала, что это невозможно: он не должен видеть её здесь. И ещё она просила О-Хару ничего не рассказывать Сатико, ей, дескать, не хочется её волновать. На это О-Хару ничего не сказала, только пообещала заглянуть сегодня ещё разок.

— Ты не знаешь, они пригласили сиделку?

— Пока, ещё нет, но собираются. Если, конечно, Кой-сан не полегчает.

— Кто же за ней ухаживает?

— При мне молодой хозяин несколько раз менял ей пузырь со льдом, — сказала О-Хару. Прежде она никогда не называла Окубату «молодым хозяином». — А я мыла за ней судно и приводила её в порядок.

— А кто делает это в твоё отсутствие?

— Не знаю. Наверное, «бабушка». Это кормилица молодого хозяина. Она мне очень поправилась.

— И что же, готовит тоже она?

— Да.

— Но если у Кой-сан дизентерия, ей нельзя заниматься судном — это опасно.

— Как ты думаешь, может быть, мне стоит туда поехать? — спросила Юкико сестру.

— Давай подождём ещё немного, — сказала Сатико. Если у Кой-сан действительно окажется дизентерия, рассуждала она, нужно будет что-то предпринять. Но поднимать панику из-за обыкновенного катара, который проходит через два-три дня, совсем ни к чему. Пока что она пошлёт к Кой-сан О-Хару, а Тэйноскэ и Эцуко они могут сказать, что служанка отпросилась на несколько дней домой по какому-то срочному делу.

— Скажи, О-Хару, а что за доктор приходит к Кой-сан?

— Я ещё ни разу его не видела. Какой-то тамошний доктор. Они обратились к нему впервые.

— Лучше было бы пригласить доктора Кусиду, — сказала Юкико.

— Конечно, — согласилась Сатико, — если бы она была у себя на квартире, а не у Кэй-тяна…

* * *

Итак, Таэко велела О-Хару ничего не говорить сёстрам. Но Сатико подозревала, что эти слова были сказаны в тайной надежде, что О-Хару поступит как раз наоборот. Как это ни странно, бывали минуты, когда отчаянная, волевая Таэко совершенно теряла присутствие духа. С какой тоской она, должно быть, думает теперь о доме, какой одинокой и беспомощной чувствует себя оттого, что рядом с нею нет Сатико и Юкико…

19

Наскоро пообедав, О-Хару собралась и, поблагодарив хозяйку за «выходные», вышла из дома.

На прощанье Сатико дала ей несколько строгих наставлений: О-Хару должна быть крайне осторожна и вопреки своему обыкновению тщательно мыть руки после каждого прикосновения к больной; судно же в целях дезинфекции следует всякий раз опрыскивать лизолом. Далее: Сатико, естественно, хотела бы, чтобы О-Хару как можно чаще сообщала ей о состоянии Кой-сан, но это непросто — у Окубаты телефона нет, а звонить в Асию вечером, когда Тэйноскэ и Эцуко дома, нежелательно. Поэтому они должны условиться, что О-Хару будет звонить ей хотя бы раз в день, но в утренние часы. При этом звонить она должна непременно из автомата, даже если в каком-нибудь магазине поблизости окажется телефон.

Понимая, что рассчитывать на звонок О-Хару сегодня не приходится, Сатико с трудом дождалась утра. О-Хару позвонила только в одиннадцатом часу. Сатико разговаривала с ней из флигеля. Слышимость была ужасная, связь то и дело прерывалась, но в итоге Сатико всё же удалось получить ответ на интересующие её вопросы. Со вчерашнего дня особых перемен в состоянии Таэко не произошло, но понос усилился. Судно ей приходится подавать почти каждые пять минут. Жар по-прежнему не спадает. А что говорит врач? Это дизентерия? Пока ещё не известно. Пришёл ли уже результат анализа? Ещё нет. А как выглядит стул? Есть ли в нём следы крови? Есть, но в основном выходит какая-то густая белая слизь. Откуда звонит О-Хару? Из автомата, но он находится довольно далеко от дома, и это очень неудобно. Кроме того, сказала О-Хару, она была третьей в очереди и поэтому позвонила так поздно. Она попробует позвонить сегодня ещё раз, а если не удастся, тогда, в крайнем случае, завтра утром.

— Раз в стуле есть кровь, это наверняка дизентерия, — сказала Юкико. Она присутствовала при телефонном разговоре.

— Да, похоже на то…

— Бывает ли такое при катаре?

— Гм, боюсь, что нет.

— И потом, если бы это был обыкновенный катар, она не требовала бы судно каждые пять минут.

— Почему же доктору всё ещё мешкает? Что-то он не вызывает у меня особого доверия…

Теперь уж у Сатико почти не оставалось сомнений, что сестра тяжело больна. Нужно было срочно принимать какие-то меры, но в тот день О-Хару больше не позвонила. Наступило утро, но телефон по-прежнему молчал, и сестры не находили себе места от беспокойства. Наконец около двенадцати часов дня О-Хару появилась в Асии. Лицо у неё было встревоженное.

— Что случилось? — бросились к ней сёстры, как только остались наедине с ней в гостиной.

— Доктор признает дизентерию…

Результатов анализа пока ещё нет, рассказала О-Хару, но доктор, приезжавший вчера вечером и сегодня утром, склоняется к тому, что это самая настоящая дизентерия. Он предложил поместить Кой-сан в клинику доктора Кимуры, которая находится около шоссе, там есть инфекционное отделение. Окубата попросил доктора сделать соответствующие распоряжения, но тут совершенно случайно из разговора с зеленщиком выяснилось, что об этой клинике идёт дурная слава.

О-Хару расспросила кое-кого из соседей — всё в один голос говорят, что от этой клиники лучше держаться подальше. Доктор Кимура, дескать, почти ничего не слышит и уже хотя бы поэтому не в состоянии поставить правильный диагноз. К тому же ходят слухи, что он с большим трудом окончил университет и что дипломную работу за него написал один из его однокашников. Этот бывший его однокашник тоже практикует где-то в Нисиномии и в разговоре с каким-то своим пациентом упомянул о том, что в своё время написал две дипломные работы.

Когда О-Хару рассказала про это Окубате, он забеспокоился и стал искать другую клинику, но, как выяснилось, ни в одной из клиник поблизости нет инфекционного отделения. Тогда Окубата предложил лечить Кой-сан в домашних условиях, но О-Хару высказала опасение, что доктор может на это не пойти, ведь дизентерия — заразная болезнь. Вздор! — возразил Окубата. Далеко не всех с дизентерией помещают в клинику. Многих лечат дома. Ему всё равно, что скажет

доктор. Они не повезут Кой-сан в клинику, и доктору придётся лечить её дома, хочет он того или нет. Но в этой ситуации, сказал он, необходимо посоветоваться с госпожой Макиока, О-Хару не стала полагаться на телефон и со всех ног кинулась в Асию.

Первым делом Сатико принялась расспрашивать служанку о докторе, который лечит Кой-сан. Его фамилия Сайто, ответила О-Хару. Он выпускник Осакского университета и, должно быть, года на два, на три моложе доктора Кусиды.

Его отец, поныне здравствующий, долгие годы практиковал в Нисиномии. И об отце, и о сыне отзывы вполне благоприятные. Но, конечно, считает О-Хару, до доктора Кусиды ему далеко. Тот только посмотрит на больного — и ему уже всё ясно, а этот всё раздумывает, всё сомневается, а если его о чем-нибудь спросишь, мычит в ответ что-то неопределённое.

Доктор долго мешкал и затянул с диагнозом. Но, с другой стороны, в чем-то его можно понять. При дизентерии обычно не бывает такого сильного жара, и, кроме того, понос начинается в первый же день, а не спустя сутки, как у Кой-сан. Поэтому вначале доктор и подумал, что это тиф. А теперь время упущено, и бороться с болезнью намного труднее.

— Но где же Кой-сан её подхватила? Может быть, она съела что-то несвежее?

— Она считает, что отравилась макрелью.

— Где она ела макрель?

— Перед тем, как ей заболеть, они с молодым хозяином были в Кобэ и поужинали в ресторане «Кискэ».

— Первый раз слышу это название. А ты, Юкико?

— Я тоже.

— Я так поняла, что это небольшой ресторанчик в квартале, где живут гейши. Кто-то сказал Кой-сан, что там подают отличные суси. Они с молодым хозяином ходили в кино и на обратном пути решили туда, завернуть.

— А что Кэй-тян? С ним всё благополучно?

— Да, молодой хозяин никогда не кушает макрели. Но заказала только Кой-сан, так что они грешат на макрель. Правда, Кой-сан говорит, что скушала совсем немного и рыба была очень свежая.

— Макрель — коварная рыба. Даже когда она свежая, ею легко отравиться.

— Да, я слыхала, что особенно опасно тёмное мясо, а Кой-сан как раз его-то и кушала.

— Мы с Юкико никогда не едим макрели. Только Кой-сан.

— Беда ещё в том, что Кой-сан имеет обыкновение есть где придётся, — заметила Юкико.

— Что правда, то правда. Она и прежде редко ужинала дома, ей больше нравилось ходить по ресторанам. Чему ж тут удивляться?

Затем Сатико заговорила с О-Хару об Окубате. Быть может, он только делает вид, что Кой-сан его не стесняет, а на самом деле тяготится пребыванием больной в его доме?

Быть может, теперь, когда стало ясно, что это не безобидный катар, как ему казалось вначале, а самая настоящая дизентерия, он предпочёл бы отправить Кой-сан в Асию, к сёстрам? Сатико хорошо помнила, как он повёл себя во время наводнения…

О-Хару, однако, заверила хозяйку, что никакого недовольства с его стороны нет и в помине. Молодой хозяин, конечно, ужасный модник и мог испугаться испортить брюки, но инфекции он, судя по всему, не боится. А может быть, получив такой урок, он теперь стремится доказать Кой-сан свою преданность. Во всяком случае, сказала О-Хару, не похоже, чтобы он предложил Кой-сан остаться у него только из вежливости. Он трогательно заботлив, не забывает дать необходимые наставления О-Хару и сиделке, сам подаёт больной пузыри со льдом, а иной раз даже судно вымоет.

— Ну вот что, — сказала Юкико, — пожалуй, я поеду туда вместе с О-Хару.

От дизентерии не умирают, рассуждала она, и если Окубата от чистого сердца предлагает оставить Кой-сан у него, этим предложением можно воспользоваться, тем более что иного выхода у них попросту нет. Но они обязаны хотя бы разделить с ним хлопоты по уходу за больной. Как бы ни посмотрели на это Тэйноскэ и старшая сестра с зятем, Юкико не может оставить Кой-сан в беде. Одним словом, всю ответственность за этот шаг она берёт на себя.

Если бы сестру лечил доктор Кусида, Юкико была бы спокойна, но, коль скоро ею занимаются незнакомый врач и незнакомая сиделка, она должна быть рядом. Она будет ухаживать за больной вместо О-

Хару, а О-Хару возьмёт на себя обязанности связной. Всё равно из телефонных разговоров трудно что-либо понять, получается сплошная нервотрёпка, а так О-Хару будет каждый день приезжать в Асию и подробно докладывать Сатико о состоянии Кой-сан.

Кроме того, в холостяцком доме Окубаты наверняка не найдётся каких-нибудь нужных вещей, и О-Хару всегда сможет захватить их из Асии. С этими словами Юкико пошла собираться и, немного поев на дорогу, вместе с О-Хару отправилась в Нисиномию. Как видно, не желая ставить Сатико в трудное положение, она не стала спрашивать, согласна ли та её отпустить. Сатико же, полностью согласная с сестрой, не сделала попытки её удержать.

Когда, вернувшись из школы, Эцуко спросила: «А где же Юкико?» — мать в самой что ни на есть будничной манере объяснила, что она отправилась на укол, а оттуда за покупками в Кобэ.

Но для Тэйноскэ, конечно же, эта версия не годилась, и Сатико была вынуждена рассказать ему всё как есть, начиная с болезни Таэко и кончая решением Юкико ехать к ней в Нисиномию. Тэйноскэ нахмурился, но не произнёс ни слова. Да и что он мог сказать в этой ситуации?

За ужином Эцуко спросила, отчего до сих пор нет «сестрички», и Сатико не могла уже больше скрывать от неё правду. Кой-сан заболела, сказала она, и Юкико поехала ухаживать за ней. Но Эцуко хотела знать больше. «Где находится Кой-сан? — выпытывала она у матери. — Что с ней?» — «Кой-сан находится у себя на квартире, — начиная терять терпение, отвечала Сатико. — Она совсем одна, и поэтому Юкико поехала к ней. Ничего серьёзного с ней нет, так что успокойся, пожалуйста».

Девочка умолкла. Стараясь отвлечь внимание дочери от этой темы, Тэйноскэ и Сатико принялись расспрашивать её о занятиях в школе, но та отвечала неохотно и время от времени украдкой поглядывала на родителей. Хотя Сатико и Юкико пытались представить дело так, будто Кой-сан не живёт дома, потому что у неё много работы в студии, девочка, без сомнения, многое знала от О-Хару, и это, в общем-то, устраивало Сатико.

Через несколько дней после этого, видя, что Юкико всё не возвращается, девочка учинила допрос О-Хару, и та, как видно,

сообщила ей кое-какие подробности. И вот однажды Эцуко подошла к матери и с явным укором сказала:

— Почему ты не забираешь Кой-сан домой? Вели немедленно привезти её сюда!

Сатико обомлела.

— Не волнуйся, Эттян, — принялась она успокаивать дочь. — Ты же знаешь, мы с Юкико никогда не оставим её в беде. Так что беспокоиться тебе не о чем. И вообще, детям не полагается вмешиваться в такие дела.

Но Эцуко была не на шутку встревожена.

— Как ты можешь держать её в таком месте? — кричала она. — Неужели тебе ни капельки её не жалко? Бедная Кой-сан! Она там умрёт!

Состояние Таэко и в самом деле внушало серьёзные опасения. Ей становилось всё хуже. Теперь, когда рядом с нею была Юкико, не приходилось сомневаться в том, что ей обеспечен самый лучший уход, и тем не менее, по сообщениям О-Хару, Таэко с каждых днём теряла силы. Наконец из Осаки пришёл результат анализа: в кишечнике больной обнаружены возбудители дизентерии, причём наиболее вредоносные. К тому же в последнее время у Таэко наблюдались странные скачки температуры: то она поднималась чуть ли не под сорок, то вдруг падала.

Возможно, в какой-то степени это объяснялось тем, что Таэко стала принимать закрепляющие средства. Стоило ей выпить лекарство, как её начинало знобить и лихорадить, когда же её снова слабило, жар спадал, но зато она испытывала страшные боли в животе. За последние день-два она совсем ослабела. А когда доктор сказал к тому же, что у неё начинает сдавать сердце, Юкико совершенно потеряла покой. Удастся ли вообще Кой-сан выкарабкаться из этой болезни? Похоже, это не просто дизентерия быть может, возникло какое-то осложнение. Она спросила у доктора, не стоит ли ввести больной раствор Рингера или витакамфару, но тот сказал, что пока он не видит в этом необходимости.

Между тем Юкико была уверена, что доктор Кусида на его месте давно уже назначил бы уколы. Она высказала свои опасения сиделке, и та объяснила, что доктор Сайто, как и его отёц, относится к уколам с предубеждением и назначает их только в самых крайних случаях.

«Госпожа Юкико считает, — сказала хозяйке О-Хару, приехав в очередной раз в Асию, — что нужно поскорее пригласить доктора Кусиду, Сейчас, мол, не тот случай, чтобы думать о приличиях. Она очень просит вас приехать в Нисиномию». К этому О-Хару добавила, что за последние пять-шесть дней Кой-сан совсем исхудала и до того изменилась, что барыня, наверное, её и не узнает.

Ещё совсем недавно Сатико, наверное, побоялась бы навестить сестру из опасения рассердить мужа, кроме того, она всегда боялась инфекций. Но сегодня она не раздумывая согласилась сию же минуту ехать в Нисиномию, но сначала решила всё-таки позвонить доктору Кусиде.

Объяснив ему в нескольких словах суть дела (Таэко была в гостях у знакомых в Нисиномии и там неожиданно заболела по ряду причин забрать её домой они сейчас не могут, лечит Таэко тамошний доктор по фамилии Сайто, болезнь протекает так-то и так-то), Сатико спросим, доктора Кусиду, что он советует предпринять в данной ситуации. «В таких случаях, — ответил доктор Кусида со свойственной ему доброжелательностью, — следует вводить больному раствор Рингера и камфару, иначе у него наступает быстрый упадок сил. Вы должны настоять на том, чтобы ваш доктор начал уколы, пока не поздно». — «Возможно, нам придётся побеспокоить вас, доктор Кусида. Вы не откажете в любезности посмотреть Таэко?» — «Разумеется, — сказал тот. — Я немного знаком с доктором Сайто. Если он не станет возражать, я в любое время приеду и посмотрю вашу сестру».

Положив трубку, Сатико вместе с О-Хару села в ожидавшую их у ворот машину. Проехав мост Нарихирабаси, они вдруг увидели за оградой одного из особняков, стоящих вдоль горного склона, великолепную сакуру, сплошь усыпанную цветами.

— Вот красота-то… — невольно вырывалось у О-Хару.

— Да. Эта сакура всегда зацветает раньше других, — откликнулась Сатико.

Над залитым солнцем шоссе мягко струился прогретый весенний воздух. В сумятице и тревогах о сестре Сатико и не заметила, что наступил апрель. Пройдёт ещё дней десять — и повсюду расцветёт сакура. Только удастся ли им, как всегда, всей семьёй отправиться в Киото? Вот была бы радость! Но нет, Сатико понимала, что даже при

самых благоприятных прогнозах так скоро сестра не поднимется. Тогда, быть может, они успеют полюбоваться хотя бы поздней сакурой в Омуро?.. Как странно, в прошлом году Эцуко заболела скарлатиной тоже в апреле. Правда, это было уже после поездки в Киото, но из-за её болезни Сатико пропустила выступление Кикугоро. Скоро он снова приезжает в Осаку и будет исполнять «Девушку с глициниями». Сатико так хотела побывать на этом спектакле! Неужели и на сей раз ей это не удастся?

Машина свернула на набережную. Вдали, окутанная дымкой, высилась Кабутояма — Шлем-гора.

20

Услыхав шум мотора остановившейся перед домом машины, Окубата и Юкико поспешили спуститься вниз. В прихожей Окубата сделал Сатико знак, что хочет с нею поговорить, и повёл её в дальнюю комнату.

— Извините, что сразу же перехожу к делу, но мне нужно кое-что вам сообщить…

И Окубата рассказал Сатико следующее. Только что приезжал доктор Сайто. Когда Окубата вышел его проводить, доктор покачал головой и сказал, что состояние Таэко нельзя признать удовлетворительным. Сердечная деятельность в значительной степени ослаблена. Кроме того, сегодня ему показалось, что у больной увеличена печень. Кое-какие симптомы указывают на то, что у неё начался абсцесс печени. Что это такое: — спросил Окубата. Это заболевание, при котором на печени образуются гнойники, объяснил доктор. Резкие перепады температуры, лихорадка и озноб служат характерным признаком именно этого заболевания. При дизентерии таких симптомов, как правило, не наблюдается.

Однако полной уверенности в этом диагнозе у него нет, сказал доктор Сайто, поэтому он считал бы целесообразным пригласить консультанта из клиники при Осакском университете. В ответ на дальнейшие расспросы Окубаты доктор объяснил, что возбудителями этого заболевания служат бактерии, попадающие в печень при поражении какого-либо другого органа, например, кишечника, как в случае дизентерии. Если очаг воспаления единичен, болезнь легко поддаётся лечению, если же таких очагов в печени образуется много, бороться с нею подчас оказывается очень трудно. Опять-таки, если гнойник лопается и гной по желчным протокам попадает в кишечник, это неопасно, но если он проникает в плевральную или брюшную полость, снасти больного в подавляющем большинстве случаев не удаётся. Хотя доктор Сайто избегал прямых утверждений, Окубате было совершенно ясно, что он не сомневается в правильности своего диагноза.

Выслушав, Окубату, а потом и Юкико, которая добавила к его рассказу кое-какие подробности, Сатико попросила проводить её к больной.

* * *

Таэко лежала наверху, в небольшой комнатушке с балкончиком, выходящим на южную сторону. Хотя полы здесь были покрыты циновками, комната мало походила на японскую, традиционная ниша в ней отсутствовала, стены и потолок были выкрашены белой краской, а дверь крепилась на петлях, как в европейских домах.[105] Вся мебель состояла из стенного шкафа да треугольной этажерки в углу, которую украшали заляпанный воском старинный подсвечник, несколько безделушек, купленных, должно быть, на какой-нибудь барахолке, и заметно выгоревшая французская куколка работы Таэко. На стене висела картина на стекле кисти Нарасигэ Коидэ.[106] Комната имела бы до крайности неприглядный вид, если бы не пуховое одеяло с верхом из алого крепдешина в крупную белую клетку, которым была укрыта больная. Сквозь стёкла большой, почти в два метра шириною, раздвижной двери балкона в комнату лился яркий солнечный свет, и в его лучах ткань одеяла пламенела, точно целая охапка изысканных цветов.

Таэко лежала на правом боку и неотрывно смотрела на дверь, в которой вот-вот должна была появиться Сатико. Жар, по-видимому, немного упал. Помня слова О-Хару о том, как сильно изменилась сестра, Сатико боялась этой встречи, но, к счастью, Таэко показалась ей не настолько измождённой, как она себе представляла. И всё же болезнь, без сомнения, оставила свой след. Круглое лицо Таэко осунулось и как бы удлинилось, смуглая кожа приобрела ещё более тёмный оттенок, глаза казались огромными.

Однако куда больше Сатико поразило другое — впечатление странной неопрятности, исходившее от облика сестры. И дело было вовсе не в том, что Таэко несколько дней не принимала ванну, — ощущение нечистоты вызывалось чем-то совершенно иным. Следы не вполне праведной жизни, которые прежде, скрывала косметика, теперь отчётливо проступили в её заострившихся чертах, и от этого казалось,

что на её лицо легла тень какой-то мрачной, постыдной тайны. Сатико смутно сознавала всё это, глядя на сестру, которая лежала перед ней, бессильно уронив руки на одеяло, точно обитательница какой-нибудь ночлежки, измождённая не столько болезнью, сколько усталостью, накопившейся за долгие годы беспутства.

Обычно, когда молодая женщина оказывается на длительное время прикованной к постели, в ней появляется что-то жалкое, по-девически хрупкое, чистое, одухотворённое. С Таэко же всё было наоборот: она совершенно лишилась своего юного обаяния и выглядела намного старше своих лет. Более того, в её облике, как ни странно, не осталось и намёка на бойкую современную барышню. Сейчас она скорее напоминала подавальщицу из какого-нибудь чайного домика или ресторанчика самого низкого пошиба.

Спору нет, Таэко всегда была не такой, как её сестры, и всё же любому было ясно, что она происходит из хорошей семьи. Теперь же эти ввалившиеся щёки, эта землистая кожа вызывали в представлении Сатико образ падшей женщины, одолеваемой куда более, тяжким и отвратительным недугом, чем дизентерия. Возможно, этот специфически нездоровый вид Таэко особенно бросался в глаза по контрасту с яркой тканью одеяла, но Юкико, должно быть, заметила его намного раньше.

С некоторых пор она избегала принимать ванну после Таэко.[107] При необходимости она не раздумывая могла воспользоваться бельём Сатико, но никогда ничего не брала у Таэко. Неизвестно, замечала ли что-либо Таэко, но Сатико давно уже обратила на это внимание. Более того, она знала, что чувство брезгливости по отношению к сестре возникло у Юкико после того, как до них дошёл слух, будто Окубата страдает хронической гонореей. Хотя Таэко постоянно твердила, что её отношения с Окубатой, а потом и с Итакурой не выходят за пределы «чистой дружбы», Сатико не особенно этому верила, однако сознательно не делала попыток доискаться до истины. Юкико тоже молчала, но в душе, несомненно, осуждала и презирала Таэко.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Кой-сан? — спросила Сатико, стараясь не выдавать владевших ею чувств. — Я слышала, будто от тебя осталась ровно половина, но, оказывается, это совсем не так. Сколько раз ты сегодня ходила?

— С утра три раза, — проговорила Таэко без всякого выражения, тихим, но внятным голосом. — Боли страшные, я тужусь, а результата никакого.

— При дизентерии так и бывает. На языке врачей это называется «тенезмы».

— Да? — Впервые за всё это время губы Таэко тронула тень улыбки. — Теперь уж я близко не подойду к макрели.

— Вот это правильно. Никогда больше не ешь эту рыбу… Послушай, Кой-сан, — сказала Сатико уже более серьёзным топом, — ничего опасного у тебя нет, но доктор Сайто считает, что мы должны на всякий случай — лишняя осторожность ведь не помешает, верно? — пригласить для консультации ещё какого-нибудь хорошего врача. Может быть, попросить приехать доктора Кусиду?

Поначалу Сатико не собиралась заводить с сестрой этот разговор, но потом ей вдруг пришло в голову: а почему бы и нет?

Чем шептаться у неё за спиной и тем самым давать ей повод думать, что её положение серьёзно, лучше представить дело таким образом, будто они для собственного спокойствия хотят проконсультироваться с ещё одним специалистом. Доктор Сайто предлагает пригласить к Таэко профессора из клиники при Осакском университете, что ж, к его словам следует прислушаться, но перед этим больную нужно хорошенько подготовить, иначе она сразу же заподозрит неладное.

Поэтому, рассудила Сатико, для начала можно было бы показать Таэко доктору Кусиде, выслушать его мнение, а консультанта из Осакского университета не поздно пригласить и потом.

Таэко слушала сестру, отрешённо глядя прямо перед собой.

— Что ты на это скажешь, Кой-сан?

— Я не хочу, чтобы доктор Кусида приезжал сюда, — с неожиданной твёрдостью проговорила Таэко. В глазах у неё стояли слёзы. — Мне будет стыдно, если доктор Кусида увидит меня в этом, доме…

У сиделки хватило такта выйти из комнаты. Сатико, Юкико и Окубата в недоумении смотрели на Таэко, по лицу которой катились слёзы.

— Я после поговорю об этом с Кой-сан, — в замешательстве произнёс Окубата, устремив к Сатико умоляющий взгляд. Он сидел по

другую сторону постели больной в голубовато-сером шёлковом халате, наброшенном поверх фланелевой пижамы. Его веки припухли от недосыпания.

— Хорошо, Кой-сан, если не хочешь, не надо. Можно обойтись и без доктора Кусиды, — поспешно ретировалась Сатико. Она понимала, что волновать больную не следует. Наверное, ей не стоило вообще затевать этот разговор. Окубата, должно быть, догадывался, что вызвало у Таэко столь бурную реакцию, для Сатико же это оставалось полной загадкой.

Время близилось к полудню. Сатико приехала сюда без разрешения Тэйноскэ, нужно было торопиться домой. Просидев у постели сестры около часа и дождавшись, пока она успокоится, Сатико поднялась и стала прощаться. Она собиралась ехать в Асию автобусом или электричкой, и Юкико вышла проводить её до остановки. О-Хару шла за сёстрами чуть поодаль.

— Сегодня ночью произошла странная вещь, — сказала Юкико, и Сатико узнала от неё следующее.

Юкико с сиделкой спали в соседней комнате. Обычно они по очереди дежурили у постели больной, но в эту ночь Таэко как будто полегчало, около двенадцати она заснула, и Окубата предложил им хорошенько выспаться, сказав, что сам посидит с больной. Юкико и сиделка легли в комнате напротив, а Окубата, должно быть, прикорнул у постели Таэко.

И вот, около двух часов ночи, Юкико разбудил громкий стон. Должно быть, у Таэко снова начались боли, решила Юкико и вскочила с постели. Приоткрыв дверь в комнату больной, она увидела, что Окубата изо всех сил трясёт её за плечи, пытаясь разбудить: «Кой-сан, проснитесь! Кой-сан!» И тут сквозь голос Окубаты до неё донеслось: «Ёнэян!» Таэко вскрикнула только раз и после этого, как видно, сразу же проснулась, но ошибки быть не могло: она звала Итакуру. Юкико тихонько затворила дверь и снова легла. В соседней комнате всё стихло. Юкико успокоилась, и вскоре её снова сморил сон.

В пятом часу утра у Таэко начался очередной приступ, и Окубата пришёл будить Юкико. После этого она уже не ложилась.

Поразмыслив на свежую голову о ночном эпизоде, Юкико окончательно пришла к выводу, что Таэко видела во сне покойного Итакуру. Он умер в мае, и скоро исполнится первая годовщина его

смерти. Судя по всему, воспоминания о его ужасном конце до сих пор тревожат Таэко — не случайно же она каждый месяц ездит к нему на могилу в Окаяму. И, конечно, её не может не тревожить то, что она так тяжело захворала как раз накануне этой годовщины, причём не где-нибудь, а в доме его соперника. Таэко — человек скрытный, и понять, что у неё на уме, непросто, поскорее всего Итакура приснился ей не случайно.

Конечно, это всего лишь предположение, сказала Юкико, утверждать что-либо наверняка она не берётся. Всё утро Таэко испытывала такие физические страдания, что для душевных мук у неё попросту не оставалось сил. Когда же боли утихли, она погрузилась в апатию и, казалось, вообще не могла ни о чем думать. По Окубате тоже трудно что-нибудь понять — он, пожалуй, ещё лучший актёр, чем Кой-сан. Но если даже Юкико догадалась, отчего кричала во сне Кой-сан, ему это тем более должно быть понятно.

И потом — эти слёзы в ответ на предложение Сатико пригласить доктора Кусиду… Возможно, Юкико ошибается, но у неё сложилось впечатление, что после ночного кошмара Кой-сан боится оставаться в доме Окубаты. Наверное, ей кажется, что здесь она никогда не поправится, только будет чахнуть день ото дня и в конце концов умрёт. Если это действительно так, то её фраза: «Я не хочу, чтобы доктор Кусида приезжал сюда», — на самом деле означает: «Я хочу, чтобы меня забрали отсюда».

— Возможно ты права, — сказала Сатико.

— Я, конечно, постараюсь поговорить с Кой-сан, но Окубата почти не отходит от неё…

— Знаешь, я подумала: а почему бы нам не перевезти Кой-сан в клинику доктора Камбары? Если ему всё хорошенько объяснить, он вряд ли откажется её принять…

— Да, конечно. Но ведь он хирург. Сможет ли он лечить Кой-сан?

— Если он предоставит Кой-сан отдельную палату, мы могли бы пригласить туда доктора Кусиду.

У доктора Камбары была хирургическая клиника в городке Микагэ, расположениям на полпути между Осакой и Кобэ. Много лет назад, когда Сатико была ещё девочкой, а он — студентом Осакского университета, они с сёстрами часто видели его у себя дома и в магазине в Сэмбе. В своё время их отец, услышав от кого-то об

одарённом, но сильно нуждающемся молодом человеке, протянул ему руку помощи. Он снабдил Камбару деньгами для учёбы в Германии, а когда тот вернулся на родину, помог ему стать на ноги.

Обладая солидными познаниями в своей области, деловой хваткой и уверенностью в собственных силах, молодой хирург быстро пошёл в гору и по прошествии немногих лет вернул свой долг сполна. Но и после этого, когда кто-либо из семьи Макиока или служащих магазина в Сэмбе прибегал к его услугам, он назначал смехотворно низкую плату и делал это не только из благодарности за некогда оказанную ему помощь, но ещё и потому, что от природы был наделён пылкой душой, отзывчивым сердцем и широтой натуры, поистине достойной его кантоского происхождения.[108]

Вот почему Сатико не сомневалась, что д-р Камбара, если рассказать ему всё, как есть, непременно изыщет возможность поместить Таэко у себя в клинике. Но поскольку в подчинении у д-ра Камбары были одни хирурги, Сатико намеревалась просить д-ра Кусиду взять лечение Таэко в свои руки. Она надеялась, тот не откажет ей в этой просьбе, тем более, что они с д-ром Камбарой были однокашниками и поддерживали добрые отношения.

Прощаясь с Юкико у выхода из подземного перехода (того самого «мамбо», о котором когда-то рассказывала О-Хару), Сатико обещала ей сразу же по возвращении домой связаться по телефону с доктором Камбарой и доктором Кусидой. Коль скоро состояние Таэко ухудшилось, сказала она, и, по словам доктора Сайто, они должны быть готовы к самому худшему, необходимо как можно скорее забрать её из дома Окубаты. Юкико же следует, не теряя времени, добиться от доктора Сайто, чтобы он начал уколы. Если ей не удастся уговорить его самой, она должна прибегнуть к помощи Окубаты.

Вернувшись в Асию, Сатико позвонила в клинику д-ра Камбары. Как она и ожидала, тот обещал сию же минуту распорядиться относительно отдельной палаты для Таэко, — больную могут привозить хоть сейчас. Дозвониться до д-ра Кусиды оказалось намного сложнее: он, как всегда, был на вызовах. Сатико удалось поговорить с ним лишь в седьмом часу вечера. Казалось бы, теперь ничто не мешало перевозить больную в клинику, но Сатико решила подождать до утра: ей предстояло сделать кое-какие распоряжения, и, кроме того, она должна была поговорить с мужем, который, хотя и не задавал

никаких вопросов, в душе наверняка беспокоился о свояченице, — объяснить ему, как обстоит дело, и попросить у него денег на предстоящие расходы. В начале восьмого Сатико послала О-Хару в Нисиномию сообщить, что госпитализация назначена на следующее утро.

О-Хару вернулась в Асию около двенадцати часов ночи. Юкико просила её передать, что вскоре после ухода Сатико больную снова начал бить озноб, поднялся жар выше сорока градусов. Ближе к ночи он упал, но не намного, всего лишь до тридцати восьми градусов. Окубата позвонил д-ру Сайто и потребовал сделать Кой-сан укол. После долгих уговоров тот наконец согласился, однако вместо него к больной почему-то приехал его отец, старый доктор Сайто. Осмотрев Таэко и чуточку поразмыслив, он сказал, что пока ещё не видит необходимости в инъекциях, после чего убрал шприц в свой саквояж (сиделка уже собиралась наполнить его раствором Рингера) и отбыл.

Юкико окончательно убедилась в необходимости как можно скорое сменить врача и, когда Таэко стало немного лучше, снова предложила ей пригласить доктора Кусиду. Её догадка подтвердилась: Таэко действительно не хочет оставаться в доме Окубаты, хотя и не объясняет, почему. Она дала Юкико понять, что нисколько не возражала бы, если бы её перевезли отсюда в какую-нибудь клинику или хотя бы к ней на квартиру. Но вызывать доктора Кусиду сюда она не позволит.

Таэко говорила очень уклончиво и осторожно, потому что рядом, навострив уши, сидел Окубата. Не скрывая раздражения, он принялся переубеждать Таэко: она, мол, не должна так говорить, он просит её остаться, у нас нет никаких оснований для беспокойства. Таэко даже не взглянула в его сторону и продолжала разговаривать с Юкико. Тут Окубата вышел из себя и закричал: «Что всё это значит? Отчего Кой-сан вдруг решила уехать?» Догадываясь, что причиной разлада между ним и Таэко послужило произнесённое в бреду имя, Юкико попыталась успокоить Окубату, не касаясь, естественно, этой больной темы. Они с Сатико очень признательны ему за заботу о сестре, сказала она, но не считают себя вправе злоупотреблять его добротой до бесконечности. Затем Юкико рассказала ему о договорённости с доктором Камбарой, и в конце концов Окубата несколько утихомирился.

21

Утром, когда за Таэко приехала карета «Скорой помощи», случился ещё один небольшой инцидент. Окубата заявил, что считает своим долгом сопровождать Таэко в клинику, и Сатико с Юкико были вынуждены в два голоса чуть ли не со слезами на глазах уговаривать его не делать этого. Они вполне его понимают, но просили бы на сей раз предоставить всё хлопоты им, последствии, когда Кой-сан поправится, он сможет видеться с нею сколько угодно, но пока, учитывая, что их отношения не признаны официально и Кой-сан должна позаботиться о собственной репутации, он не должен навещать её в клинике.

Отныне всё заботы о сестре они берут на себя. Разумеется, если в состоянии больной произойдут какие-нибудь нежелательные перемены, они немедленно дадут ему его по телефону о её самочувствии. Ценою немалых усилий сёстрам удалось, в конце концов вынудить у Окубаты обещание, что он ни при каких обстоятельствах не станет приезжать в клинику, что он будет звонить только в Асию, причём в первой половине дня, и просить к телефону либо Сатико, либо О-Хару.

Когда приехал д-р Сайто, Сатико объяснила ему ситуацию и поблагодарила за услуги. Тот воспринял её слова с пониманием и даже вызвался сопровождать больную в клинику, с тем, чтобы передать её с рук на руки доктору Кусиде.

После того как Юкико и д-р Сайто уехали с Таэко в карете «Скорой помощи», Сатико и О-Хару занялись уборкой комнаты, где лежала больная. Покончив с делами, расплатившись с сиделкой и вручив небольшое вознаграждение «бабушке», Сатико вызвала такси и поехала в клинику. На сердце у неё было тяжело и тревожно. Когда отправляешь в клинику близкого человека, невольно испытываешь смятение и страх: а вдруг он уже не выйдет оттуда? Когда-то Сатико уже довелось испытать это мучительное чувство, и она боялась, что сегодня оно нахлынет вновь.

За окном машины ещё ярче, чем вчера, сияло весеннее солнышко, светлое марево ещё плотнее окутывало горы Рокко, в садах цвели

магнолии и форзиции. В любое другое время эта картина наполнила бы душу Сатико ликованием, но сейчас она действовала на неё угнетающе. Со вчерашнего дня Таэко страшно изменилась. До сих пор Сатико не очень-то верила опасениям д-ра Сайто, — ей казалось, что он многое преувеличивает из свойственной врачам осторожности. Но увидев Таэко сегодня утром, она вдруг поняла, что положение действительно серьёзно. Больше всего её пугало появившееся у сестры выражение отрешённости и безразличия.

В последнее время лицо у Таэко нередко бывало бесстрастным, непроницаемым, но таким Сатико его ещё не знала. Её до сих нор преследовал этот остановившийся, бессмысленный взгляд широко раскрытых глаз — взгляд человека, увидевшего свою смерть. Ещё вчера у Таэко хватало сил, чтобы возражать сёстрам, плакать, сегодня же, пока они препирались с Окубатой из-за его намерения ехать в клинику, она лежала уставившись в одну точку, как будто всё это не имело к ней никакого отношения…

По телефону д-р Камбара обещал приготовить для Таэко отдельную палату, на деле же её поместили в просторной, великолепно отделанной комнате японского стиля, расположенной в отдельной пристройке, которая соединялась с клиникой крытым переходом. Первоначально эта пристройка служила квартирой д-ра Камбары, но после того, как с год назад он купил особняк в Сумиёси и перебрался туда, она превратилась в помещение для отдыха. Таким образом, д-р Камбара предоставил Таэко не просто отдельную палату, но палату-люкс, состоящую из двух комнат, в восемь и в четыре дзё, с двумя широкими верандами, ванной и кухней.

Накануне вечером Сатико позвонила в агентство по найму сиделок и попросила прислать к сестре «Митошу», которая ухаживала за Эцуко, когда та в прошлом году болела скарлатиной. К счастью, «Митоша» оказалась свободна и с самого утра приступила к сбоим обязанностям. С д-ром Кусидой, однако, дело обстояло сложнее. Он был, как всегда, нарасхват и, хотя накануне. Сатико точно условилась с ним о времени, к назначенному часу не приехал. В конечном итоге. Сатико пришлось звонить долгой нескольких его пациентам, чтобы напомнить о вчерашней договорённости. Д-р Сайто нет-нет да и посматривал на часы, но особого нетерпения не выказывал. Дождавшись наконец коллегу и передав ему больную, он вскоре уехал.

Разговор между двумя врачами, полный мудрёных немецких слов,[109] был не вполне понятен окружающим, однако общий смысл его Сатико уловила.

Д-р Кусида был во многом не согласен с диагнозом д-ра Сайто. Он не находит, что печень у больной увеличена, сказал д-р Кусида, и убеждён, что никаких абсцессов в печени у неё нет. Что же до скачков в температуре и озноба, то эти явления достаточно часто наблюдаются при амёбной дизентерии и вызваны исключительно ею. Болезнь в целом протекает нормально, продолжал д-р Кусида, но организм больной чрезвычайно ослаблен. Поэтому сейчас он введёт ей раствор Рингера и камфару, а через некоторое время сиделка сделает ей инъекцию пронтозила.

С этими словами д-р Кусида приступил к уколам, после чего сразу же откланялся, пообещав заглянуть на следующий день и бросив напоследок, что никаких оснований для беспокойства он не видит.

Заверения д-ра Кусиды, однако, не вполне успокоили Сатико. Провожая его до двери, она спросила сквозь слёзы:

— Вы уверены, доктор, что ничего опасного нет?

— Ну разумеется, — с всегдашней уверенностью в голосе ответил д-р Кусида.

— Но… не следует ли нам пригласить консультанта из клиники при Осакском университете?

— Нет, пока в этом нет надобности. Коллега Сайто преувеличивает. Уверяю вас, всё идёт нормально.

— Но, видите ли, доктор… Сестра так изменилась. Это ясно даже мне, человеку, далёкому от медицины. Ещё вчера у неё не было этого остановившегося взгляда. Не может быть такого, что мы её потеряем?

Доктор Кусида начисто отмёл такую возможность:

— Это совершенно исключено. Взгляд, который вас беспокоит, объясняется только одним — слабостью. Это пройдёт.

Проводив д-ра Кусиду, Сатико направилась в кабинет д-ра Камбары, чтобы его поблагодарить, и после этого уехала.

* * *

Оставшись одна в своей непривычно пустой гостиной, Сатико снова почувствовала тревогу и страх… Д-р Кусида лечит их уже много лет и ещё ни разу не ошибся в диагнозе. Стало быть, у неё нет оснований сомневаться в правильности его заключения и на сей раз. Его мнение заслуживает гораздо большего доверия, чем мнение д-ра Сайто. Но, как ни старалась Сатико убедить себя в этом, перед глазами у неё стояло лицо сестры, безжизненное, отрешённое, заставляющее её сердце сжиматься в предчувствии беды, понятном лишь человеку, в чьих жилах течёт та же кровь.

Сегодня Сатико поняла, что должна не откладывая сообщить обо всех в Токио. Собственно говоря, она и приехала домой для того, чтобы написать письмо Цуруко, но заставить себя сразу же приняться за дело не могла. Ей предстояло многое объяснить сестре, начиная с того, как развивались события после «изгнания» Таэко из дома, и кончая тем, почему, узнав о её болезни, они с Юкико сочли необходимым взять на себя заботы о ней, — и Сатико понимала, что кое в чем ей придётся слукавить.

Лишь после обеда она наконец нашла в себе силы подняться в свою комнату и сесть за письмо. Обладая изящным почерком и живым слогом, Сатико не считала писание писем занятием обременительным. В отличие от Цуруко, ей не нужны были черновики. Её кисть легко и уверенно скользила по бумаге, оставляя на ней крупную вязь красиво и отчётливо выписанных знаков. Сегодняшнее письмо, однако, далось Сатико ценою больших усилий ей пришлось по нескольку раз переписывать отдельные страницы, прежде чем письмо приобрело следующий вид.

Дорогая Цуруко!

Извини, что пишу тебе не так часто, как хотелось бы. У нас уже весна, самое чудесное время года в здешних краях. Над горами Рокко стелется дымка, и вокруг такая благодать, что трудно усидеть дома. Как вы поживаете, здоровы ли?

Мне очень жаль тебя огорчать, но я вынуждена сообщить тебе неприятную новость. Кой-сан тяжело больна, у неё амёбная дизентерия, и положение очень серьёзное.

Как я уже писала тебе, мы выполнили ваше требование, предложив Кой-сан покинуть наш дом и запретив ей когда-либо появляться у нас вновь. Мне кажется, я писала тебе и о том, что, вопреки нашим опасениям, она не отправилась жить к Кэй-тяну, а наняла себе квартиру в районе Мотоямамура. С тех пор связь между нами прекратилась.

Я не делала попыток что-либо узнать о Кой-сан (хотя меня и беспокоило, какой образ жизни она ведёт), она же никаких вестей о себе не подавала. О-Хару, правда, несколько раз наведалась к ней, и с её слов я узнала, что Кой-сан по-прежнему живёт одна в своей квартире, хотя время от времени встречается с Окубатой, но на ночь всегда возвращается к себе.

Эти известия меня несколько успокоили.

Но вот в конце прошлого месяца Окубата позвонил О-Хару и сообщил ей о болезни Кой-сан. К несчастью, она заболела в его доме, и ей было так плохо, что перевозить её куда-либо было невозможно. Поначалу мы не придали её болезни особого значения, вскоре, однако, у Кой-сан появились признаки дизентерии. В этих обстоятельствах нужно было что-то предпринимать, но сразу забрать её от Окубаты я не решилась, ведь мы порвали с ней всяческие отношения.

О-Хару между тем был на грани паники. От неё мы узнали, что у Кой-сан одна из наиболее опасных форм дизентерии, что Окубата пригласил к ней врача, который не вызывает доверия, что лечат её неправильно, что у неё держится сильный жар, что она испытывает невероятные мучения, что, наконец, она совершенно ослабела и изменилась до неузнаваемости. Но я по-прежнему бездействовала. Юкико же, не спрашивая у меня разрешения, отправилась в Нисиномию ухаживать за Кой-сан, и в конечном итоге я тоже пыла вынуждена её навестить.

Вид Кой-сан произвёл на меня удручающее впечатление. Но этого мало: доктор высказал предположение, что попутно с дизентерией у Кой-сан развивается абсцесс печени — болезнь, чреватая смертельным исходом, — и посоветовал

нам пригласить консультанта из клиники при Осакском университете. Увидев меня, Кой-сан расплакалась и стала умолять увезти её оттуда. Я невольно подумала, что Кой-сан не хочет умирать в доме Окубаты. У Юкико на этот счёт своя теория. Поскольку приближается годовщина смерти фотографа Итакуры, считает она, Кой-сан боится, что, оставшись у Окубаты, навлечёт на себя его проклятие. На днях Кой-сан якобы видела какой-то страшный сон, связанный с Итакурой. Не знаю, возможно, Юкико права. А может быть, Кой-сан понимает, что, умерев в доме Окубаты, поставит и вас, и нас в трудное положение.

Как бы то ни было, мне ясно одно: если волевая, мужественная Кой-сан настолько потеряла присутствие духа, дело обстоит действительно серьёзно. Со вчерашнего дна я заметила у неё на лице какое-то странное неподвижное выражение — она лежит, уставившись а одну точку. От одного взгляда на неё становится жутко, кажется, что на лице её лежит печать смерти.

Одним словом, я поняла, что в этой ситуации необходимо исполнить волю Кой-сан, и, взяв с Окубаты обещание держаться в стороне, сегодня утром перевезла её в клинику д-ра Камбары. Мне пришлось прибегнуть к его услугам, потому что в других клиниках инфекционные отделения переполнены. Д-р Камбара пошёл нам навстречу, согласившись поместить её у себя, хотя, строго говоря, и не имел на это права. Лечит Кой-сан д-р Кусида, которого ты, конечно, помнишь.

Таково в общих чертах положение на сегодняшний день. Не знаю, как Тацуо, но ты, я уверена согласишься, что повести себя иначе мы с Юкико не могли. Тэйноскэ, во всяком случае, нас не осуждает и, судя по всему, разделяет нашу тревогу, хотя до сих пор не был у Кой-сан. Если в состоянии Кой-сан наступят перемены к худшему, я извещу тебя телеграммой. Хочется верить, что этого не произойдёт, но ты должна быть готова ко всему. Д-р Кусида, правда, не признает у неё абсцесса печени и не склонен считать её положение безнадёжным, но мне почему-то кажется, что на

сей раз он ошибается. Состояние Кой-сан и её вид внушают мне самые мрачные предчувствия. Я буду счастлива, если они не оправдаются…

Боюсь, что письмо получилось сумбурным, но мне хотелось не откладывая рассказать тебе всё, как есть. Сейчас я снова поеду в клинику. Всё эти дни от волнения я не в силах ни на чем сосредоточиться. Юкико же, как всегда в таких случаях, поражает меня своей выдержкой и самоотверженностью. Уже много дней и ночей она, не смыкая глаз, дежурит у постели Кой-сан.

Прощаюсь с тобой до следующего письма.

Сатико.

4 апреля.

Хотя Сатико понимала, что обрушивать на свою сердобольную сестру такое письмо жестоко, она не жалела мрачных красок, стараясь возбудить в Цуруко сочувствие и жалость к Таэко. Возможно, в какой-то степени она и преувеличила серьёзность положения, но в том, что касалось её собственных тревог и предчувствий, она была предельно искренна.

Запечатав письмо в конверт, Сатико поспешила в клинику. Ей хотелось выйти из дома раньше, чем вернётся Эцуко.

22

Вскоре после того, как Таэко положили в клинику, в её состоянии произошли заметные перемены к лучшему. Зловещая печать смерти, которая так пугала Сатико, исчезла с её лица уже на следующий день. Таэко словно очнулась после долгого томительного сна, и её близкие получили возможность лишний раз убедиться в безошибочной интуиции д-ра Кусиды. Теперь уже Сатико испытывала угрызения совести, оттого что так запугала Цуруко, и поспешила поделиться с ней добрыми вестями. Вопреки своей обычной медлительности Цуруко тотчас же прислала ей ответное письмо.

Дорогая Сатико!

Известие о болезни Кой-сан было для меня таким ударом, что я не находила, в себе сил сесть за письмо к тебе. Но вот от тебя пришло второе письмо, и я могу вздохнуть с облегчением. Невозможно передать словами, как я счастлива и рада, в первую очередь, конечно, за Кой-сан, но и за всех нас тоже.

Теперь уже я могу признаться тебе, что не чаяла застать Кой-сан в живых. Возможно, я не должна этого писать, но мне невольно приходило на ум, что это страшное испытание послано ей в наказание за неприятности, которые она причиняла нам всё эти годы. Если бы она умерла, где и как мы устроили бы похороны? Тацуо, вне всякого сомнения, отказался бы взять эту обязанность на себя, перекладывать же её на вас или устраивать похороны в клинике д-ра Камбары было бы странно и неприлично. От этих мыслей мне становилось не по себе, и я, грешным делом, думала: до каких же пор она будет нас мучить?

К счастью, теперь, благодаря вашим с Юкико стараниям, мы избавлены по крайней мере от этих проблем. Интересно, понимает ли Кой-сан, что вы для неё сделали? Если да, то ей следует извлечь из случившегося урок,

начисто порвать с Окубатой и начать новую жизнь. Неужели она до сих пор этого не понимает?

Я глубоко тронута вниманием и заботой, проявленными д-ром Камбарой и д-ром Кусидой, и очень сожалею, что лишена возможности лично выразить им свою благодарность.

Твоя Цуруко.

6 апреля.

Получив это письмо, Сатико специально поехала в клинику, чтобы показать его Юкико. Когда та вышла проводить её до двери, Сатико незаметно достала из сумочки конверт и протянула его сестре:

— Вот, прочти.

— Как это на неё похоже… — вздохнула Юкико, закончив чтение.

Больше она ничего не сказала, и смысл её фразы остался для Сатико не до конца ясен, но на саму Сатико письмо произвело весьма неприятное впечатление. В порыве откровенности Цуруко нечаянно проговорились о том, как, в сущности, мало значит для неё Таэко. Больше всего в нынешней ситуации её заботило, как защитить честь семьи, и в этом, разумеется, не было ничего странного или предосудительного, но Сатико сделалось до боли обидно за младшую сестру.

Да, возможно, эта болезнь послана Таэко в наказание за многочисленные проступки, но разве она и без этого не достаточно наказана? Она чуть не погибла во время наводнения, она потеряла любимого человека, ради которого была готова пожертвовать своим добрым именем и положением… Неужели этого мало? На долю Таэко выпали такие испытания, которые и не спились её благополучным сёстрам. Сатико была уверена, что ни сама она, ни Юкико не смогли бы всего этого выдержать. Думая о мятежной жизни Таэко, Сатико невольно восхищалась её стойкостью, и наоборот, — живо представив себе Цуруко, сначала обезумевшую от растерянности, а потом, после получения второго письма, испускающую вздох облегчения, она не могла удержаться от злой усмешки.

* * *

Окубата позвонил в Асию на следующее утро после того, как Таэко поместили в клинику. Сатико подробно рассказала ему о визите д-ра Кусиды и его диагнозе, дающем основания надеяться на благополучный исход. В последующие три дня Окубата не напоминал о себе, а на четвёртый день, к вечеру, неожиданно появился в клинике.

Юкико с «Митошей» находились у постели Таэко, а О-Хару в соседней комнате готовила для неё на плитке рисовый отвар, когда в комнату заглянул старичок-привратник и сообщил, что к больной пришёл посетитель. Фамилии своей он не назвал, но, должно быть, это г-н Макиока. «Тэйноскэ? Не может быть», — сказала Юкико, переглянувшись с О-Хару. В этот миг в саду послышались шаги, и вскоре из-за кустов хаги вынырнула знакомая фигура в щегольском двубортном пиджаке сине-лилового цвета. На носу у Окубаты были тёмные очки в тонкой золотой оправе, которые он носил не по необходимости, а исключительно для форса, в руке — неизменная ясеневая тросточка.

Пристройка имела отдельный вход, но об этом мало кто знал, и посетители, как правило, проходили сюда по крытому переходу из вестибюля главного корпуса. Окубата, однако, каким-то образом узнал об этом и, не дожидаясь возвращения привратника, который пошёл доложить о нём, направился к дому через сад. (Позднее они узнали, что Окубата подошёл к привратнику и без всяких предисловий сказал: «Скажите, любезнейший, здесь находится палата госпожи Таэко Макиока?» Привратник дважды спросил, как о нём доложить, на что Окубата высокомерно ответил: «Довольно будет, если вы скажете, что я пришёл».) У кого он выведал, что Таэко лежит именно здесь, и как ему удалось разыскать вход в эту пристройку, оставалось полной загадкой. Вначале Юкико заподозрила, что он узнал всё это от О-Хару, однако, скорее всего, О-Хару была здесь ни при чем и Окубата собственными силами раздобыл нужные ему сведения. Со времени романа Таэко с Итакурой он следил за ней, как заправский сыщик, и разузнать, где она находится, должно быть, не составило для него большого труда.

Задевая плечом опушённые цветами ветки спиреи, Окубата подошёл к веранде, тянувшейся вдоль комнаты, где лежала Таэко, и раздвинул пошире чуть приоткрытую стеклянную дверь. Он снял очки

и с улыбкой, которую никак нельзя было назвать смущённой или робкой, объявил, что оказался поблизости и решил зайти.

Заметив, что неожиданное вторжение незнакомца испугало «Митошу», Юкико отложила в сторону газету, которую просматривала за чашкой чая, и, как ни в чем не бывало, вышла к Окубате. Затем, не приглашая гостя войти, она вернулась в комнату и вынесла ему на веранду подушку для сидения. Окубата собрался было что-то сказать, но Юкико молча повернулась и вышла в соседнюю комнату.

Сняв с плитки кастрюльку с рисовым отваром, она вскипятила чайник и приготовила гостю чай. Вначале она хотела поручить О-Хару отнести Окубате чай, но потом передумала: разговорчивость и дружелюбие О-Хару были бы сейчас некстати. «Ты можешь идти, О-Хару, — сказала она служанке. — Теперь уж я справлюсь сама». Юкико подала Окубате чай, после чего снова удалилась в маленькую комнату.

Как это нередко бывает в пору цветения сакуры, погода стояла несколько сумрачная, но тёплая. Сёдзи, отделявшие веранду от комнаты, были раздвинуты, и Таэко хорошо видела Окубату с самого его появления, но взгляд её оставался рассеянным и бесстрастным.

Несколько смущённый холодностью Юкико, Окубата вытащил портсигар и закурил. Сделав несколько затяжек, он приготовился уже стряхнуть пепел на пол, но спохватился и, заглянув в комнату, спросил: «Извините, не найдётся ли у вас пепельницы?» «Митоша» подала ему блюдце.

— Кой-сан, я рад, что вам полегчало. — Вытянув ногу вперёд, Окубата поставил её так, чтобы Таэко могла как следует разглядеть его новенький элегантный ботинок. — Теперь-то уж я могу вам сказать: вы были на волосок от смерти.

— Да, я знаю, — ответила Таэко несколько окрепшим голосом. — Можно сказать, я вернулась с того света.

— Когда же вам разрешат вставать? Этак вы всё на свете пропустите — сакура уже в цвету.

— Без сакуры я могу обойтись. Меня больше волнует, что я пропускаю выступления Кикугоро.

— Ну, если вы уже способны волноваться из-за Кикугоро, мы можем перестать волноваться из-за вас. Как вы думаете, — обратился

Окубата к сиделке, — к концу месяца больная уже сможет выходит из дома?

— Трудно сказать, — сдержанно отозвалась «Митоша».

— Кстати, вчера я был на банкете в честь Кикугоро.

— Неужели? Кто же устроил банкет?

— Сибамото.

— Ах да, он ведь горячий поклонник Кикугоро.

— Сибамото давно уже обещал познакомить меня с Кикугоро, но залучить эту знаменитость оказалось не так-то просто.

От природы суетливый и разболтанный, Окубата был не способен увлечься чем бы то ни было по-настоящему. Из зрелищных искусств его привлекал, пожалуй, только кинематограф, традиционный же театр наводил на него нестерпимую скуку. Но при этом он с удовольствием общался с актёрами и во времена, когда у него не было недостатка в деньгах, частенько пировал с ними в ресторанах и чайных домиках.

Окубата был очень горд своей дружбой с Яэко Мидзутани, Сидзуэ Наггукава, Сётаро Ханаяги и всякий раз, когда кто-либо из них приезжал на гастроли в Осаку, непременно отправлялся в театр, но не для того, чтобы посмотреть пьесу, а лишь затем, чтобы побывать за кулисами. Он давно уже мечтал познакомиться с Кикугоро, но опять-таки не потому, что восхищался его талантом, а потому только, что перспектива сойтись поближе со знаменитостью приятно щекотала его самолюбие.

Подстёгиваемый любопытством Таэко, Окубата с самодовольным видом расписывал вчерашний банкет, имитируя повадки и речь Кикугоро, пересказывая его шутки. Было совершенно ясно, что он явился сюда главным образом ради того, чтобы похвастаться этим новым знакомством. О-Хару слушала из соседней комнаты, как зачарованная. Юкико дважды повторила ей своё разрешение возвращаться в Асию, та послушно кивала, но не двигалась с места. Лишь после того, как Юкико сказала: «О-Хару, уже пять часов, тебе пора ехать», — девушка наконец встала и поплелась к двери. Как правило, О-Хару приезжала в клинику после обеда, помогала с готовкой и стиркой и к ужину возвращалась в Асию.

«Интересно, долго ещё пробудет господин Окубата? — размышляла О-Хару по дороге к электричке. — Ему ведь запретили туда приезжать. Барыня будет очень удивлена и недовольна, это уж как

пить дать. А что сделает госпожа Юкико, если он будет сидеть и сидеть? При её-то характере, она вряд ли скажет ему: так, мол, и так, вы нарушили обещание и поэтому будьте любезны уйти…»

Собираясь переходить через шоссе, О-Хару увидела пустое такси и в нём знакомого шофёра, он ехал в сторону Асии. «Стойте! — крикнула ему О-Хару. — Вы, часом, не в гараж? А то, может быть, захватите меня?» Шофёр согласился и подвёз О-Хару прямо до дома, хотя ему и пришлось ради этого сделать крюк.

Вбежав в дом, О-Хару первым делом кинулась в кухню. О-Аки готовила омлет. «Где госпожа Макиока? Господин Макиока ещё не вернулся? — спросила у неё О-Хару, с трудом переводя дыхание, и, многозначительно понизив голос, сообщила: — Это прямо ужас что такое — господин Окубата приехал в клинику!»

О-Хару нашла Сатико в гостиной, та отдыхала в кресле.

— Госпожа Макиока, — тихонько позвала она, — в клинике господин Окубата!

— Что? — воскликнула Сатико, вскочив с кресла. Драматический тон служанки обескуражил её. — Когда он приехал?

— В аккурат после того, как вы уехали домой.

— Он всё ещё там?

— Когда я уходила, всё ещё был.

— Зачем он приехал?

— Не знаю. Господин Окубата сказал, что был где-то неподалёку и решил проведать Кой-сан. Мы очень удивились, когда увидели его на веранде. Он прошёл туда через сад… Госпожа Юкико ушла в соседнюю комнату, так что он разговаривал с Кой-сан.

— А что Кой-сан? Рассердилась на него?

— Нет, не похоже. Она с удовольствием с ним беседовала.

Оставив О-Хару в гостиной, Сатико пошла во флигель звонить Юкико. Та по обыкновению попросила взять трубку «Митошу», но Сатико, извинившись, объяснила, что ей непременно нужна Юкико. В конце концов Юкико всё-таки подошла к телефону. «Ушёл ли уже Окубата?» — спросила Сатико. «Ещё нет», — послышалось на том конце провода.

Вначале Окубата сидел на веранде, рассказала Юкико, но потом ему, видимо, стало свежо, и он, не дожидаясь приглашения, перешёл в комнату, прикрыв за собой дверь. Сейчас он сидит у постели Кой-сан,

и они мирно беседуют. Кой-сан в прекрасном настроении. В конце концов Юкико была вынуждена, выйти к гостю, не могла же она весь вечер находиться в соседней комнате. Она налила ему ещё чашку чая и нарочно не зажигает свет, но он сидит себе, как ни в чем не бывало, беседует и не собирается уходить… Какая наглость! — возмутилась Сатико. Если спустить ему это с рук, он теперь будет являться каждый день. Быть может, ей стоит приехать? Нет, отвечала Юкико, специально ради этого ехать не нужно. Сейчас уже время ужинать, кроме того, Окубата знает о звонке Сатико и теперь наверняка скоро уйдёт.

Сатико подумала, что ей и впрямь лучше не ехать: с минуты на минуту вернётся Тэйноскэ, да и Эцуко замучит её вопросами, куда это она собралась на ночь глядя… «Ну что ж, — сказала Сатико сестре, — в таком случае ты уж как-нибудь сама постарайся его выпроводить». Но особой надежды на то, что Юкико сумеет это сделать, у Сатико не было, и весь вечер ей оставалось только гадать, как развивались события после их телефонного разговора. Улучить момент для того, чтобы позвонить в клинику ещё раз, ей не удалось, но около одиннадцати часов вечера, когда она вслед за Тэйноскэ направилась в спальню, к ней тихонько подошла О-Хару и шепнула на ухо:

— Он ушёл примерно через час после вашего звонка.

— Ты звонила туда? — спросила Сатико.

— Да, из автомата.

23

Приехав в клинику на следующий день, Сатико узнала, что её звонок ничуть не смутил Окубату — он и после этого продолжал преспокойно беседовать с Кой-сан. Юкико снова удалилась в соседнюю комнату и больше уже не выходила. Но включить свет ей всё-таки пришлось — стало совсем темно. Между тем Кой-сан давно уже было пора ужинать, и Юкико велела «Митоше» отнести ей чашку с рисовым отваром. Окубата чувствовал себя как дома. Вернулся ли уже к Кой-сан аппетит? Когда она сможет есть более основательную пищу? Признаться, он тоже немного проголодался и был бы совсем не прочь подкрепиться на дорожку. Нельзя ли заказать ему еду из какого-нибудь ресторанчика? Интересно, где тут кормят более или менее сносно?

В конце концов «Митоша» тоже, не выдержала и сбежала от него к Юкико. Лишь после этого Окубата, как видно, действительно проголодавшись, поднялся и сказал: «Ну, я, пожалуй, пойду, а то совсем у вас засиделся». Юкико попрощалась с ним из-за двери, демонстративно не пожелав его проводить. Это было уже в седьмом часу, так что Окубата просидел у них часа два, не меньше. И за всё это время Кой-сан ни словом, ни намёком не дала ему почувствовать, что его визит по меньшей мере неуместен. Неужели она не заметила, какое странное впечатление произвела его бесцеремонность и развязность на «Митошу»? (Юкико и прежде рассказывала, что стоит Сатико выйти за дверь, как Окубата меняется до неузнаваемости. Вчера же он, по словам Юкико, вёл себя просто вызывающе.) Кой-сан не может не понимать, в какое нелепое положение он всех их поставил. Почему же она не попросила его уйти? Кому, как не ей, было сделать это? Поведение сестры удивило и огорчило Юкико, но высказать своё недовольство она предпочла не ей, а Сатико.

Опасаясь, что Окубата может появиться снова, Сатико решила поехать к нему домой и ещё раз попросить его на время оставить Таэко в покое. К тому же Сатико давно уже полагалось от имени семьи Макиока поблагодарить его за хлопоты о сестре. И не только за хлопоты — болезнь Таэко потребовала от него значительных затрат.

Он платил за визиты д-ру Сайто, он нанял сиделку, он, наконец, покупал лекарства. А если прибавить к этому всевозможные мелкие расходы: плату и чаевые шофёру д-ра Сайто, счета за лёд и тому подобное, — то за десять дней, что Таэко пробыла у него, он потратил довольно крупную сумму. Сатико с удовольствием вернула бы ему эти деньги, но сомневалась, что он согласится их принять.

В таком случае, подумала Сатико, она постарается вручить ему хотя бы сумму, которая пошла на доктора, а остальные деньги вернёт в виде подарка. «Как ты думаешь, сколько мы должны Окубате?» — спросила она у Юкико, но та не смогла назвать даже приблизительную цифру. Тогда Сатико с тем же вопросом обратилась к Таэко. Таэко просила её не беспокоиться: она рассчитается с Окубатой сама. У неё достаточно денег, чтобы покрыть всё расходы, связанные с её пребыванием как в доме у Окубаты, так и в клинике, Окубата и Сатико вынуждены сейчас платить за неё только потому, что она лишена возможности взять деньги из банка. Но сразу же по выздоровлении она полностью возместит им всё траты.

Отозвав Сатико в сторонку, Юкико, однако, высказала предположение, что за полгода жизни отдельно от дома Кой-сан прожила большую часть своих денег и потому вряд ли сможет сдержать своё грандиозное обещание. Конечно, у них с Окубатой свои отношения, продолжала Юкико, но в данном случае сёстры не могут держаться так, будто их дело сторона. Сатико должна полностью расплатиться с Окубатой, деньгами ли, подарками ли, и чем скорее она это сделает, тем лучше. Должно быть, Сатико до сих пор считает, что у Окубаты много денег, но это далеко не так.

Юкико не один день пробыла в Нисиномии и знает, что он весьма стеснён в средствах. Более скудного питания, чем в его доме, она никогда ещё не видела. На ужин, например, там подавали только чашку супа и немного риса с овощами, причём и сам Окубата, и Юкико, и сиделка ели одно и то же. О-Хару порой не выдерживала и приносила с рынка тэмпуру, камабоко[110] или какие-нибудь мясные консервы Окубата охотно угощался этими «деликатесами» наравне со всеми.

Платить шофёру, который привозил д-ра Сайто, Юкико старалась сама, и Окубата воспринял это как должное. Впрочем, он человек безалаберный и вряд ли станет предъявлять им какие-либо счёты. Куда

больше в этом смысле Юкико беспокоила «бабушка» — старенькая экономка Окубаты. На вид она кажется милой, безобидной старушкой, но предана Окубате до самозабвения и старается вести хозяйство так, чтобы лишнего медяка не потратить впустую, Внешне она держалась весьма любезно, заботливо ухаживала за Кой-сан, но Юкико показалось, что в душе она не очень-то благоволит к семье Макиока, и в особенности к Таэко…

Хотя «бабушка» ничем не выдала своей неприязни, Юкико считала, что чутьё не обманывает её. Если Сатико хочет узнать подробности, она может расспросить О-Хару, — та без конца беседовала в кухне со старушкой и наверняка что-то знает. В любом случае, сказала Юкико, ситуация такова, что оставаться в долгу у Окубаты им не следует.

Рассказ сестры взволновал Сатико. Вернувшись в Асию, она позвала О-Хару и напрямик спросила, что думает о них «бабушка». Говорила ли она что-нибудь О-Хару? Если да, то О-Хару ничего не должна от неё скрывать. Лицо О-Хару приобрело выражение величайшей серьёзности. Неуверенно взглянув на хозяйку, она спросила: «Вы правда хотите, чтобы я всё вам рассказала?» — и, получив утвердительный ответ, робко начала свой рассказ.

Вообще-то, сказала О-Хару, она и сама собиралась как-нибудь поговорить об этом с хозяйкой. С тех пор как О-Хару стала ездить в Нисиномию, она очень подружилась с «бабушкой». Правда, пока Кой-сан была там, им не удавалось толком поговорить у обеих было слишком много хлопот. Но вот как-то раз, уже после того, как Кой-сан поместили в клинику, О-Хару поехала туда, чтобы забрать оставшиеся вещи. Окубаты дома не было, и «бабушка» предложила О-Хару выпить чаю. За чаем, как водится, говорили о том о сём. «Бабушка» с большим уважением отзывалась о Сатико и Юкико — Кой-сан, дескать, очень повезло, что у нёс такие сёстры. Потом разговор перешёл на «молодого хозяина». Спору нет, сказала «бабушка», у него множество недостатков, но как его не пожалеть? После смерти матушки брат выгнал его из дома, и всё вокруг от него отвернулись. Кроме Кой-сан у него нет никого на свете. (Тут старая женщина даже всплакнула.) Если бы только Кой-сан согласилась выйти за него замуж! О-Хару должна при возможности замолвить за него словечко своей хозяйке. За эти десять лет молодой хозяин многим жертвовал ради Кой-сан.

«Бабушка» даже намекнула О-Хару, хотя и очень осторожно, что Кой-сан была причастна к истории, из-за которой молодой хозяин впал в немилость к своему брату. Но что больше всего удивило О-Хару, так это слова старой экономки о том, что всё эти годы Окубата якобы помогал Кой-сан деньгами. А с тех пор, как Кой-сан поселилась отдельно от своих близких, она будто бы чуть ли не каждый день приезжала в Нисиномию, где завтракала, обедала и ужинала, и возвращалась к себе только на ночь. В последнее время Кой-сан фактически была нахлебницей в доме Окубаты. Но этого мало: она привозила туда своё грязное бельё, которое стирала «бабушка», и одежду, которую та относила в чистку вместе с вещами Окубаты. А всевозможные развлечения вне дома, походы в рестораны и прочее! «Бабушка», конечно, не знала наверное, кто за них платил, но скорее всего опять-таки Окубата: когда он возвращался домой после очередного кутежа с Кой-сан, его бумажник, в котором до этого лежало сто или даже двести иен, оказывался совершенно пуст. Так что если Кой-сан и расходовала свои сбережения, то только на уплату за квартиру.

Видя по лицу О-Хару, что она не очень-то этому верит, «бабушка» сходила в свою комнату и принесла пачку счетов и квитанций за последний год: «Вот, О-Хару, можешь сама убедиться». И действительно, с ноября, когда Кой-сан начала столоваться у Окубаты, суммы в счетах за газ, электричество, за наём автомобиля и тому подобное возросли чуть ли не вдвое, точно так же как и в счетах от зеленщика и рыбника. Выходит, визиты Кой-сан и впрямь были весьма разорительны.

В квитанциях из универмагов и модных магазинов в основном значились покупки Кой-сан. О-Хару была очень удивлена, обнаружив среди них две квитанции из дорогого ателье в Кобэ: за пальто из верблюжьей шерсти, которое Кой-сан сшила себе в декабре, и за выходное муслиновое платье, которое ей сделали в марте. Когда Кой-сан приезжала в Асию похвалиться своим новым пальто (а пальто и в самом деле было великолепное — очень тёплое, но при этом удивительно лёгкое, коричневое с лицевой стороны и ярко-оранжевое с изнанки, причём носить его можно было на обе стороны), она сказала, что оно обошлось ей в триста пятьдесят иен; чтобы набрать эту сумму, ей якобы пришлось продать свои нарядные кимоно, которые она всё

равно не носит, потому что теперь их расцветка кажется чересчур броской. О-Хару хорошо помнила, как поразилась тогда, что Кой-сан, которой приходится самой зарабатывать себе на жизнь, может потратить на пальто такие безумные деньги. Но раз за пальто платил Окубата, всё стало более или менее ясно.

«Бабушка» объяснила, что вовсе не осуждает Кой-сан, продолжала О-Хару, она только хочет, чтобы в семье Макиока знали, до какой степени молодой хозяин старается ей угодить. А ведь особых возможностей для этого у него нет. Пока была жива его матушка, он всегда мог обратиться к ней за помощью, но теперь ему не у кого взять денег. Правда, выставив его за дверь, брат дал ему небольшую сумму «утешительных», и до сих пор ему удавалось кое-как сводить концы с концами. Но эти деньги уже на исходе, потому что, пытаясь доставить удовольствие Кой-сан, молодой хозяин транжирит их направо и налево.

Он вовсе не задумывается о том, что будет делать, оставшись без гроша в кармане. Видно, надеется, что всё как-нибудь устроится само собой. А ведь ни один из его родственников палец о палец ради него не ударит до тех пор, пока он не образумится и не начнёт вести себя, как пристало порядочному человеку. Сколько раз «бабушка» просила его не слоняться без дела, а поступить на службу! Даже если бы он получал всего сто иен в месяц, это уже были бы деньги. Но голова у него занята одной Кой-сан, и ни о чем другом он думать не в состоянии.

Единственное, что могло бы его спасти, так это брак с Кой-сан. В своё время матушка и брат молодого хозяина не позволили ему жениться на ней, да и «бабушка» тогда была полностью на их стороне, но теперь она понимает, что это было ошибкой. Если бы они поженились десять лет назад, молодой хозяин не пустился бы в разгул. У него была бы семья, ради которой он трудился бы, как всё. Брат молодого хозяина почему-то недолюбливает Кой-сан и вряд ли одобрил бы этот брак, но его мнение теперь уже можно не принимать в расчёт. Во-первых, молодой хозяин, по сути дела, больше не принадлежит к семье Окубата, а во-вторых, если бы, женившись, он начал новую жизнь, брат со временем наверняка простил бы его. Так что дело вовсе не в брате. Вся беда в том, что Кой-сан, как видно, не желает выходить за молодого хозяина.

Только пусть О-Хару не думает, что она хочет в чем-либо упрекнуть Кой-сан, повторила «бабушка», у неё, дескать, и в мыслях этого нет. Потом она спросила, как относятся к молодому хозяину в доме Макиока. Что и говорить, он человек избалованный, мало смыслящий в жизни, да и вообще при желании в нём можно отыскать множество недостатков, но одного у него не отнимешь: он всей душой предан Кой-сан. Конечно, праведником его не назовёшь. У него ещё молоко на губах не обсохло, когда он впервые узнал удовольствия чайных домиков, а потом, когда, родные запретили ему встречаться с Кой-сан, он и вовсе пустился в разгул. Но ей хочется, сказала «бабушка», чтобы близкие Кой-сан знали: на этот путь его толкнуло отчаяние от невозможности жениться на любимой девушке.

Спору нет, Кой-сан намного умнее молодого хозяина, гораздо лучше него знает жизнь и наделена способностями, которые редко встречаются в женщине. Возможно, она считает, что такой никчёмный человек ей не пара. Что ж, она вправе так думать, но ведь их отношения длятся не год и не два, а целых десять лет. Должно же это к чему-то её обязывать. Должна же у неё быть хоть капля жалости к молодому хозяину. И потом, если уж она твёрдо решила не выходить за него замуж, ей следовало порвать с ним ещё тогда, когда у неё была любовь с Ёнэкити. Молодой хозяин погоревал бы, а там, глядишь, и утешился. Но Кой-сан вела себя очень странно, и было трудно понять, чего она хочет. С одной стороны, она вроде бы собиралась выходить за Ёнэкити, а с другой — продолжала морочить голову молодому хозяину. Теперь Ёнэкити нет в живых, и тем не менее всё остаётся по-прежнему: она и порывать с молодым хозяином как будто не намерена, и замуж за него идти не хочет. Как всё это понять? Тут поневоле заподозришь, что ей попросту нужны его деньги…

О-Хару, естественно, принялась возражать «бабушке». Как же так? — сказала она. Насколько ей известно, Кой-сан имела твёрдое намерение выйти замуж за господина Итакуру, но господин Окубата стоял у них на пути. Кроме того, они хотели подождать до тех пор, пока решится судьба госпожи Юкико.

Что до госпожи Юкико, сказала «бабушка», то тут она судить не берётся, но ей странно слышать, будто молодой хозяин стоял у них на пути. Всё время, что длился её роман с Ёнэкити, Кой-сан продолжала тайком от него встречаться с молодым хозяином и чуть ли не каждый

день звонила ему по телефону. Что и говорить, она ловко вертела обоими молодыми людьми. По-настоящему она любила Ёнэкити, а молодой хозяин был нужен ей для других целей. Одним словом, «бабушка» намекала, что «дружба» Кой-сан с Окубатой была отнюдь не бескорыстной.

О-Хару и тут не растерялась. Трудно поверить, чтобы Кой-сан нуждалась в какой бы то ни было материальной помощи от господина Окубаты, сказала она. «Бабушка» и сама знает, что Кой-сан всё эти годы мастерила кукол и имела от этого приличный доход. Мало того, что она полностью себя содержала, ей удавалось ещё и переводить деньги на чековую книжку.

Это — всего лишь слова Кой-сан, возразила «бабушка», и О-Хару, так же как и госпожа Макиока, и госпожа Юкико, принимают их за чистую монету. Но если рассуждать здраво, может ли женщина, какой бы способной она ни была, выручать от продажи кукол, которых мастерит наполовину ради забавы, достаточно денег, чтобы ни в чем себе не отказывать, да ещё иметь сбережения? Нет, в доме Макиока явно переоценивают её возможности. Да это и понятно: прекрасная студия, ученики, среди которых, кажется, были даже иностранки, пышная реклама, какую создавал ей Ёнэкити, — всё это могло кого угодно сбить с толку. Но ей, сказала «бабушка», не верится, чтобы доходы Кой-сан были особенно велики. Конечно, она не видела её чековой книжки, но уверена, что солидной суммы там не значится. А если и значится, то в основном это деньги, которые она выжала из молодого хозяина. Кто знает, возможно, она делала это по наущению Ёнэкити, — ему было выгодно поживиться за счёт молодого хозяина. Не исключено, что он знал о встречах Кой-сан с Окубатой, но предпочитал закрывать на это глаза.

Чем дальше слушала О-Хару старую женщину, тем больше неприятных подробностей ей открывалось. О-Хару пыталась, как могла, защитить Кой-сан, но у «бабушки» на всё были неопровержимые доказательства. «А как быть с этим? — спрашивала она. — А что ты скажешь на это?» И О-Хару нечем было ей возразить.

Но это ещё не всё, продолжала О-Хару. Она узнала от «бабушки» ещё куда более неприятные вещи, только у неё не поворачивается язык пересказывать всё это госпоже Макиока, — нет, уж лучше она будет

молчать. В конце концов девушка, однако, не утерпела и всё-таки поделилась с хозяйкой кое-какими фактами.

Как выяснилось, «бабушка» знает наперечёт всё драгоценности Кой-сан. (Китайский инцидент тянулся уже не один год, и люди отвыкли носить дорогие украшения. Шкатулку со своими драгоценностями Таэко оставила в Асии, не рискнув держать их у себя на квартире.) По словам «бабушки», всё эти вещи были подарены ей Окубатой.

Она не раз собственными ушами слышала, как покойная матушка молодого хозяина заступалась за него перед своим старшим сыном, когда обнаруживалось, что из магазина пропали очередное кольцо или брошь. Некоторые из этих вещей он прямо дарил Кой-сан, некоторые продавал, чтобы дать ей денег. Иногда Кой-сан тайком от него продавала то или иное из подаренных ей украшений, и со временем они снова, оказывались в магазине. Разумеется, не всё из украденных драгоценностей попадали к Кой-сан, кое-что он оставлял себе и по мере надобности сбывал, но, вне всякого сомнения, львиная доля оседала именно в её руках. Кой-сан не могла не знать, каким способом добыты эта вещи, и тем не менее не только не отказывалась их принимать, но и сама намекала молодому хозяину, какое именно кольцо, какую брошь, какие часики или какое ожерелье хотела бы получить…

«Бабушка» прожила в семье Окубата не один десяток лет и растила молодого хозяина с пелёнок, поэтому ей известно решительно всё. О чем бы ни зашла речь, она могла сыпать примерами до бесконечности. Причём всякий раз она подчёркивала, что говорит обо всём этом не по злобе, а только затем, чтобы показать, как беззаветно Окубата предан Таэко. В доме. Макиока, дескать, ничего этого не знают и потому враждебно настроены к молодому хозяину. Но если бы им было известно, за что его выгнали из дома, они наверняка отнеслись бы к нему с большим сочувствием и не стали бы так противиться его браку с Кой-сан.

Хороша ли Кой-сан или плоха, сказала «бабушка», для неё не имеет значения. Раз она устраивает молодого хозяина, она устраивает и её. Поэтому-то ей и хочется, чтобы Кой-сан вышла за него замуж. Может быть, О-Хару поговорит с госпожой Макиока? Похоже, у Кой-сан появился новый ухажёр и в скором времени она снова попытается

отделаться от молодого хозяина, тем более что кошелёк его заметно опустел.

О-Хару буквально опешила. Откуда «бабушке» известно, что у Кой-сан «появился новый ухажёр»? — спросила она.

Подробностей «бабушка» не знала, но, по её словам, в последнее время между Кой-сан и молодым хозяином часто разгорались ссоры и он неоднократно попрекал её каким-то Миёси. Насколько она поняла, этот Миёси живёт в Кобэ, но кто он такой и чем занимается, ей не известно.

Правда, несколько раз она слышала, как молодой хозяин презрительно назвал его «буфетчиком» — «этот ваш буфетчик». Скорее всего он служит в каком-нибудь баре. Больше «бабушка» ничего не знала, и О-Хару не стала докучать ей дальнейшими расспросами.

И наконец, из разговора со старушкой выяснилось, что Кой-сан исключительно много пьёт. Дома, в присутствии сестёр, она никогда не выпивала больше двух мерок сакэ, с Окубатой же ей ничего не стоит выпить и семь, и восемь мерок, а бутылку виски она за один вечер может, не моргнув глазом, опустошить на треть. Но при этом, как ни странно, она редко хмелеет, и всё же несколько раз, особенно в последнее время, «бабушка» видела её мертвецки пьяной. Окубата чуть ли не на руках вносил её в дом…

24

Сатико потребовалось немалое мужество, чтобы выслушать рассказ О-Хару. Временами она чувствовала, как краска заливает её лицо ей хотелось закрыть ладонями уши и крикнуть: «Довольно, О-Хару, замолчи!» При желании она, наверное, могла бы узнать ещё многое, но с неё было довольно и этого.

— Хорошо, О-Хару. Ты можешь идти, — сказала наконец Сатико.

Как только за служанкой закрылась дверь, она припала к столу, не в силах совладать с охватившим её смятением.

…Что же, выходит, всё это правда?.. Всё, чего она так опасалась, — правда?.. О своих близких трудно судить беспристрастно не удивительно, что Окубата кажется своей старой няне чистым, наивным юношей. В действительности он вряд ли до такой степени предан Кой-сан, как она утверждает. Тэйноскэ и Кой-сан считают его легкомысленным повесой, и это, пожалуй, гораздо ближе к истине. Но отмахнуться от слов старой женщины, видящей в Кон-сан чуть ли не вампира, Сатико всё-таки не могла.

Подобно тому как «бабушка» во многом переоценивает Окубату, сама она во многом переоценивала Кой-сан… Всякий раз, когда она замечала на руке у сестры новое кольцо, к ней в душу закрадывались неприятные, подозрения, но они сразу же и улетучивались: Кой-сан казалась такой счастливой и гордой оттого, что смогла купить эту прелестную вещицу на деньги, заработанные своим трудом. В том, что осетра может позволить себе такие траты, Сатико не сомневалась: она знала, как много Сатико работает, и к тому же видела собственными глазами, по какой высокой цене продаются её куклы. Правда, забросив работу в студии, Таэко лишилась источника доходов, но и тогда она, говорила сёстрам, что недостатка в деньгах у неё нет. Она-де накопила довольно крупную сумму, на которую вполне может поехать, в Европу или даже открыть модное ателье.

Сатико не хотела, чтобы сестра проживала свои сбережения, и старалась всячески ей помочь: то она просила её сшить кое-что для Эцуко, то приносила заказы от соседей. Этих денег должно было вполне хватить ей на повседневные расходы. Одним словом, каждый

раз, когда что-то в поведении сестры настораживало Сатико, она убеждала себя, что оснований для тревоги нет… Слушая хвастливые речи сестры о том, что она в состоянии обойтись без материальной помощи с чьей бы то ни было стороны, Сатико старалась верить ей на слово… Выходит, она действительно переоценивала её возможности?..

А как понять высказывания Кой-сан по поводу Окубаты? Разве она не называла его никчёмным человеком и не говорила, что, выйдя за него замуж, не только не сможет рассчитывать на его богатства, но будет вынуждена сама его содержать? Разве она не утверждала, что не только сама не притронется к его капиталам, но и ему не позволит этого делать? Неужели это были всего лишь красивые фразы для отвода глаз?

Но винить во всём одну Кой-сан было бы несправедливо. В первую очередь виноваты они, её сёстры, — добренькие, наивные, доверчивые до глупости. Теперь-то Сатико не могла не согласиться с «бабушкой», утверждавшей, что роскошествовать на деньги, приносимые занятием, похожим на детскую игру, попросту невозможно.

Положа руку на сердце, подобные мысли посещали и Сатико, только она гнала их прочь. Что это — простая наивность или сознательный самообман? Ей не хотелось думать, что её родная сестра способна вести себя неподобающим образом — вот в чем всё дело, но семейство Окубата и та же «бабушка» могли расценить её близорукость как откровенное попустительство. При одной мысли об этом у Сатико запылали щёки.

В своё время, узнав, что матушка и старший брат Окубаты категорически возражают против его брака с Таэко, Сатико почувствовала себя глубоко уязвлённой. Теперь она вполне их понимала. Мало того, что Таэко выглядела, в их глазах вампиром, вся её семья должна была казаться им совершенно непристойной. Они наверняка думали: хороши же сёстры и зятья Кой-сан, если позволяют ей так себя вести! Что ж, выходит, Тацуо был тысячу раз прав, прекратив с ней всяческие отношения.

Сатико вспомнила, что Тэйноскэ всё это время старался по возможности не вмешиваться в дела Таэко. В ответ на недоуменные вопросы жены он уклончиво отвечал, что у Кой-сан сложный характер и он не вполне её понимает. Должно быть, он о многом догадывался и

старался в деликатной форме намекнуть жене, чего стоит её сестра. Сатико оставалось лишь сожалеть о том, что он не был с нею более откровенен.

Вопреки своему первоначальному намерению, Сатико решила не ехать к Окубате в Нисиномию — она чувствовала себя совершенно разбитой. Сославшись на головную боль и приняв таблетку пирамидона, она ушла к себе в комнату и остаток дня провела в постели, избегая мужа и Эцуко.

* * *

На следующее утро, проводив Тэйноскэ на службу, Сатико снова поднялась к себе и легла. До сих пор она ежедневно навещала сестру в клинике и сегодня тоже собиралась ненадолго съездить к ней после обеда, однако со вчерашнего дня Таэко представлялась ей существом бесконечно чуждым и смутно враждебным. Сатико боялась встречи с нею.

В два часа в комнату Сатико постучала О-Хару. Собирается ли госпожа Макиока в клинику? Только что звонила госпожа Юкико и просила, если можно, привезти ей книгу под названием «Ребекка».[111]

Сатико сказала, что неважно себя чувствует и не поедет. Пусть книжку захватит О-Хару — она стоит на полке в маленькой комнате… Не успела О-Хару закрыть за собой дверь, как Сатико снова её окликнула. Поскольку Кой-сан уже не нуждается в особом уходе, сказала она, было бы хорошо, чтобы Юкико вернулась домой — ей необходимо отдохнуть. Пусть О-Хару передаст ей, что таково желание Сатико.

Юкико не была дома уже более десяти дней. Она отправилась в Нисиномию ещё в конце прошлого месяца и прямо оттуда поехала с Таэко в клинику. Слова Сатико возымели действие: к вечеру она вернулась в Асию. Ради сестры Сатико сделала над собой усилие и вышла к ужину. Чтобы вознаградить Юкико за труды, Тэйноскэ достал из своего оскудевшего бара бутылку белого бургундского, по тем временам считавшегося уже большой редкостью, собственноручно вытер её салфеткой и откупорил с особым удовольствием.

— Как чувствует себя Кой-сан? — спросил он у Юкико.

— Она уже на пути к выздоровлению, но всё ещё очень слаба. Потребуется время, чтобы она окончательно пришла в себя…

— Она сильно исхудала?

— Ужасно! От её круглых щёк ничего не осталось, скулы так и торчат.

— Я хочу навестить Кой-сан, — сказала Эцуко. — Папа, можно мне поехать к ней?

— Гм… — неопределённо промычал Тэйноскэ и нахмурился, но уже через секунду на его лице снова появилась добродушная улыбка. — Конечно, можно, но только с разрешения врача. Не забывай, что дизентерия заразная болезнь.

Тэйноскэ был сегодня в необычайно хорошем настроении и, должно быть, именно поэтому не только сам заговорил о Таэко, но и сделал вид, будто не собирается запрещать дочери видеться с нею. И всё же Сатико была удивлена — ей показалось, что муж в какой-то степени изменил своё отношение к Таэко.

— Кстати, а кто лечит Кой-сан? Доктор Кусида? — снова спросил Тэйноскэ свояченицу.

— Да. Впрочем, в последнее время он уже не балует нас визитами. Доктор Кусида верен себе: как только его пациенту становится хоть чуточку лучше, он сразу же пропадает.

— Тогда и Юкико-тян, наверное, нет надобности оставаться в клинике.

— Конечно, — согласилась Сатико. — «Митоша» вполне справится одна, тем более что туда каждый день ездит О-Хару.

— Папочка, а когда мы пойдём смотреть Кикугоро?

— Теперь уже в любой из дней. Мы только ждали Юкико.

— Давайте, пойдём в субботу, ладно, папа?

— В субботу? Нет, я думаю, в субботу мы поедем любоваться сакурой. Кикугоро будет выступать весь месяц.

— Ура, в субботу мы едем в Киото! Ты обещаешь, папочка?

— Да, конечно. Откладывать поездку уже нельзя, а то всё цветы осыплются.

— Мамочка, Юкико, вы тоже обещаете?

— Да… — задумчиво произнесла Сатико. Ей было грустно, оттого что на сей раз Таэко не будет с ними. Она даже хотела попросить мужа отложить поездку в Киото до конца месяца: если бы

Таэко к тому времени достаточно окрепла, они могли бы всё вместе полюбоваться сакурой в Омуро. Но сказать мужу об этом она всё-таки не отважилась.

— Мама, о чем ты думаешь? Разве тебе не хочется поехать в Киото?

— Мама думает о том, что мы должны подождать Кой-сан, — ответил за жену Тэйноскэ. — Ну ничего, в эту субботу мы поедем вчетвером, а если к концу месяца Кой-сан уже поправится, мы ещё раз съездим вместе с ней в Омуро.

— Едва ли нам это удастся, — возразила Юкико. — Хорошо ещё, если к концу месяца Кой-сан разрешат понемногу вставать с постели.

От внимания Юкико не ускользнула подавленность сестры, особенно заметная на фоне общего оживления.

— Ты была у Окубаты? — спросила она на следующее утро, оставшись наедине с Сатико.

— Нет. Вообще говоря, мне хотелось кое-что обсудить с тобой… — Сатико увлекла сестру наверх и пересказала ей всё, что узнала от О-Хару. — Как ты думаешь, Юкико, то, что говорит «бабушка», — правда?

— А как ты считаешь?

— Скорее всего, да.

— Мне тоже так кажется.

— Я сама во всём виновата… Я слишком верила Кой-сан…

— Но это ведь так естественно. — Глядя на плачущую сестру, Юкико почувствовала, как у неё к глазам тоже подступают слёзы. — Тебе не в чем себя винить.

— Что я скажу Тацуо и Цуруко?..

— Ты говорила с Тэйноскэ?

— Нет. Как я могла? Мне стыдно рассказывать ему об этом.

— По-моему, он жалеет, что так сурово обошёлся с Кой-сан. Или мне показалось?

— Пожалуй, ты права. Я тоже вчера так подумала.

— Ему наверняка многое известно, и он, должно быть, пришёл к выводу, что, отлучив Кой-сан от дома, мы навлекли на себя ещё больший позор.

— Если бы только Кой-сан исправилась — теперь, когда Тэйноскэ начинает менять к ней отношение…

— Сколько я её помню, Кой-сан всегда была такой.

— Ты хочешь сказать, что она и теперь не изменится?

— Боюсь, что нет… Вспомни, сколько раз мы пытались её перевоспитывать.

— «Бабушка» права: Кой-сан следует выйти за Окубату. Так будет лучше для них обоих.

— Да, по-видимому, это единственный выход из положения…

— Неужели она совсем не любит его?

Хотя обе сестры знали о существовании Миёси, им было неприятно даже произносить его имя, и поэтому они сознательно избегали касаться этой темы.

— По ней трудно что-либо понять. С одной стороны, как ты помнишь, она ни за что не хотела оставаться в доме Окубаты, а с другой стороны, когда он явился в клинику, она не только не велела ему уйти, но готова была чуть ли не до ночи с ним беседовать…

— Тогда, быть может, она лишь делает вид, что не любит его, а в действительности это не так?

— Хотелось бы в это верить… Но я не исключаю, что она попросту считает себя в какой-то мере ему обязанной. Поэтому-то она и не посмела его выпроводить, даже если и хотела.

В тот день Юкико поехала в клинику — главным образом ради того, чтобы забрать оставшуюся там «Ребекку», — а в последующие три дня отдыхала: читала, ездила в Кобэ смотреть новые фильмы.

Тэйноскэ сдержал обещание, и, следуя давней традиции, в субботу семейство отправилось на два дня в Киото. Суровые, тревожные времена наложили свой отпечаток даже на такое радостное событие, как любование сакурой. В этом году мало кому пришло в голову позволить себе обильные возлияния по случаю праздника, но от этого желающие насладиться красотой пейзажа только выиграли. Никогда прежде знаменитая плакучая сакура в храме Хэйан не казалась Тэйноскэ и его спутницам столь прекрасной. Люди, одетые гораздо скромнее, чем в прошлые годы, тихонько переговаривались между собой, бродили по парку, и в этом отсутствии суеты и приглушённости красок была особая, утончённая прелесть.

Через несколько дней после возвращения домой Сатико послала О-Хару в Нисиномию с поручением отдать Окубате деньги, потраченные им за время болезни Таэко.

25

Как и следовало ожидать, вскоре Окубата снова наведался в клинику. Находившаяся там в это время О-Хару тотчас же позвонила хозяйке: что делать? Сатико велела ей держаться как можно более приветливо и любезно — «улыбнись ему ласково и пригласи войти». Вернувшись в Асию вечером, О-Хару доложила, что Окубата просидел у постели Таэко около трёх часов. Спустя дня два после этого Окубата пожаловал опять, и в седьмом часу, видя, что уходить он не собирается, О-Хару по собственному почину распорядилась доставить для него ужин на ближайшего ресторанчика и даже бутылочку сакэ. Окубата был в восторге от такого приёма и на радостях засиделся чуть ли не до половины десятого. Когда он наконец отправился восвояси, Таэко выругала О-Хару: к чему было подавать ему угощение? Окубата-де не понимает любезного обхождения. Теперь он окончательно сядет им на голову! О-Хару никак не могла понять, чем вызвана эта вспышка гнева, ведь за минуту до этого Таэко, мило улыбаясь, беседовала с Окубатой…

Таэко не ошиблась в своих прогнозах: ободрённый оказанным ему радушием, Окубата не преминул явиться на следующий же день, с удовольствием поужинал вместе со всеми, а в десять часов заявил о своём намерении остаться на ночь. О-Хару поспешила доложить об этом по телефону хозяйке и, получив на то разрешение, постелила Окубате в комнате Таэко рядом с «Митошей». Сама она прикорнула в соседней комнатушке, сдвинув несколько подушек для сидения, — свободной постели для неё не нашлось. Памятуя о том, как досталось ей от Таэко накануне, утром О-Хару сказала. Окубате, что, к сожалению, у них нет ни крошки хлеба, и подала ему только чай и фрукты. Тот неторопливо съел этот скудный завтрак и лишь потом откланялся.

Спустя несколько дней Таэко выписалась из клиники и вернулась к себе на квартиру. Она всё ещё была очень слаба, поэтому О-Хару ежедневно приезжала к ней рано утром, готовила, стирала, убирала и поздно вечером возвращалась в Асию. Тем временем сакура давно уже отцвела, и Кикугоро уехал из Осаки. Только в конце мая Таэко начала

понемногу выходить из дома. Хотя Тэйноскэ и не объявлял свояченице своего «прощения», он дал понять, что не возражает против её появления у них в доме, и Таэко, стремясь как можно скорее окрепнуть, весь июнь ежедневно приезжала в Асию обедать.

*** * ***

Между тем война в Европе приобретала всё более драматический характер. В мае немецкие войска вторглись на территорию Голландии, Бельгии, Люксембурга. За этим последовала трагедия Дюнкерка. В июне капитулировала Франция и было подписано Компьенское перемирие…

В последнее время в долю Сатико часто говорили о Штольцах. Как отразились всё эти события на их семье? Госпожа Штольц надеялась, что Гитлер всё уладит и войны удаётся избежать. Интересно, что она думает теперь, когда Европа полыхает в огне? Петер, должно быть, вступил в гитлер-югенд, а господина Штольца скорее всего призвали в армию.

Да, для их семьи наступили тяжёлые времена, но, возможно, всё они — и госпожа Штольц, и даже Роземари — настолько опьянены военными успехами Германии, что соображения личного благополучия отошли для них на второй план…

А что будет с Англией, на которую, того и гляди, обрушатся налёты немецкой авиации? Что будет с Катериной? До чего же непредсказуемы человеческие судьбы! Не успела эта молодая женщина, ютившаяся с матерью и братом в жалком, почти игрушечном домике, переехать в Англию, выйти замуж за миллионера и поселиться в роскошном особняке, как английский народ оказался перед лицом небывалой катастрофы. Бомбы посыплются прежде всего на Лондон и его окрестности, так что «дворец», в котором живёт Катерина, может в мгновение ока превратиться в груду пепла. Но это ещё не самое худшее — не исключено, что она останется не только без крова, но даже без пищи и одежды. Не охватывает ли её сейчас, как и всех англичан, отчаяние и страх? Не тоскует ли она по далёкому небу Японии? Не вспоминает ли бедный домик в Сюкугаве, не жалеет ли, что не осталась там?..

— Кой-сан, мне кажется, тебе следовало бы написать Катерине, — сказала однажды Сатико.

— Да, как только увижу её брата, обязательно узнаю у него адрес.

— А я хочу написать Штольцам, только кто переведёт моё письмо на немецкий язык?

— Почему бы тебе снова не попросить госпожу Хенинг?

«В самом деле», — подумала Сатико и впервые за последние полтора года написала г-же Штольц длинное письмо. Читая в газетах о войне в Европе, писала Сатико, они без конца думают и говорят о семье Штольцев. У них всё более или менее благополучно, продолжала Сатико, по Япония тоже переживает трудные времена, и они весьма удручены мыслью о том, что затянувшийся конфликте Китаем может перерасти в настоящую войну. Удивительно, сколько перемен в мире произошло с тех пор, как Штольцы покинули Японию.

Они с тоской вспоминают счастливое время, когда Штольцы жили по соседству с ними, — вернётся ли оно когда-нибудь? Возможно, после того ужасного наводнения у Штольцев остались неприятные воспоминания о Японии, но подобные стихийные бедствия происходят не так уж часто. Поэтому Сатико надеется, что, когда закончится война, Штольцы снова приедут в Японию. А Макиока лелеют мечту хотя бы раз в жизни побывать в Европе и, возможно, когда-нибудь навестят их в Гамбурге. Они хотели бы дать Эцуко хорошее музыкальное образование и, если позволят обстоятельства, намерены в будущем отправить её учиться в Германию. В конце письма Сатико сообщала о том, что на днях вышлет для Роземари отрез шёлка и веер.

На следующий день Сатико отнесла своё письмо госпоже Хенинг с просьбой его перевести, а ещё через несколько дней, оказавшись в Осаке, купила в фирменном магазине «Миноя» танцевальный веер[112] и отправила его в Гамбург вместе с отрезом крепдешина.

* * *

В одну из суббот в начале июня Сатико и Тэйноскэ, оставив дом на попечение Юкико, поехали в Нару любоваться молодой листвой. С прошлого года у Сатико было немало хлопот и волнений, связанных то с одной, то с другой младшей сестрой, и Тэйноскэ хотел дать ей

возможность немного отдохнуть. А главное, — ему хотелось впервые за долгое время побыть с женой наедине.

Супруги остановились в гостинице «Нара», в воскресенье совершили пешую прогулку от синтоистских святилищ Касуга до буддийского храма Тодайдзи, посмотрели «Великого Будду»,[113] прошлись по западным окраинам города.

В середине дня Сатико почувствовала сильный зуд за ухом, в этом месте кожа у неё покраснела и вздулась, а оттого, что выбившиеся из причёски волосы постоянно задевали его, зуд становился совершенно нестерпимым, как при крапивнице Сатико вспомнила, что под деревьями, на горе Касугаяма, где её фотографировал Тэйноскэ, носилось множество всяких мушек — должно быть, одна из них её укусила. Ей следовало накинуть на голову платок или шаль, но она почему-то не захватила их с собой.

Вернувшись вечером в гостиницу, Сатико отправила посыльного в аптеку за карболовой мазью, но её не оказалось, и он принёс взамен «Москитон». Сатико несколько раз мазала за уход «Москитоном», но это не приносило облегчения. Всю ночь она не сомкнула глаз. На следующее утро, перед тем как ехать на вокзал, она послала за цинковой мазью.

Прямо со станции Тэйноскэ отправился к себе на службу, а Сатико поехала домой, в Асию. К вечеру зуд наконец прошёл. Вернувшись со службы, Тэйноскэ попросил жену выйти на террасу, к свету, чтобы как следует рассмотреть укус. Вот так, усмехнулся он, да это самый настоящий клоп! Клоп? Но откуда он мог взяться? Из постели и гостинице «Нара», ответил Тэйноскэ. Сегодня утром у него ужасно чесалась рука — вот здесь. (Он закатал рукав и показал жене красный бугорок на коже.) Это, без сомнения, укус клопа. А у Сатико за ухом два таких укуса.

Сатико взяла туалетное зеркальце и, подойдя к большому зеркалу, убедилась, что муж прав.

— Да, верно… Ничего не скажешь, прекрасная гостиница — грубые горничные, отвратительное обслуживание и к тому же ещё клопы!

Сатико не могла спокойно говорить об этой злополучной гостинице, — она испортила ей всё удовольствие от поездки.

Чтобы сгладить это неприятное впечатление, Тэйноскэ обещал жене в ближайшее время устроить для неё какое-нибудь по-настоящему интересное путешествие, но возможность выполнить это обещание представилась ему лишь два с лишних месяца спустя.

В конце августа Тэйноскэ предстояло отправиться в очередную командировку в Токио, и он решил воспользоваться этим, чтобы осуществить давнишнюю мечту жены и показать ей озёра Фудзи. Супруги условились, что Тэйноскэ выедет раньше, а Сатико через два дня присоединится к нему, — они встретятся в гостинице «Хамая». В Осаку же они вернутся через Готэмбу. Тэйноскэ посоветовал жене взять билет в вагон третьего класса. В жару можно ехать только третьим классом, сказал он. Там нет этих душных занавесок и приятно обдувает ветерком.

Послушавшись мужа, Сатико купила билет на нижнюю полку в вагоне третьего класса, но выспаться ей всё равно не удалось. В день её отъезда проводились учения по гражданской противовоздушной обороне, и ей впервые в жизни пришлось передавать ведро по цепочке. Возможно, она устала, но, так или иначе, стоило ей погрузиться в дремоту, как её начинали преследовать кошмары, и она в ужасе просыпалась. Она снова закрывала глаза, снова видела тот же сон и снова просыпалась… Ей снилась какая-то кухня, очень похожая на кухню в Асии, но только более роскошная: стены на американский манер выложены белым кафелем, на многочисленных полках сверкает посуда — фарфор и стекло. Вдруг раздаётся сигнал воздушной тревоги, и вся эта посуда с дребезжанием и звоном рассыпается на мелкие части. «Юкико! Эттян! О-Хару! Бежим отсюда скорее!» — кричит Сатико, с трудом лавируя между летящими в них осколками. Они бросаются в столовую, но всё плюющиеся там стеклянные предметы: кофейные чашки, бокалы, рюмки, бутылки — тотчас же разлетаются вдребезги и сыплются на пол. «Здесь тоже опасно!» — кричит Сатико, и всё четверо взбегают по лестнице на второй этаж, но и там они видят с дребезгом лопающиеся электрические лампочки. Наконец им удаётся спрятаться в комнате, где нет ни единой стеклянной вещи, только деревянные. Сатико вздыхает с облегчением — и просыпается…

Этот кошмар преследовал Сатико всю ночь. Но вот наступило утро. Среди ночи кто-то открыл окно, и Сатико попала в глаз

залетевшая в вагон острая соринка. Она пробовала её вытащить, но безрезультатно, глаз болел и слезился. Когда около девяти часов утра Сатико добралась до гостиницы, Тэйноскэ уже ушёл по служебным делам.

Она прилегла и пошаталась уснуть, но ей мешала царапающая боль в глазу. Сатико поднялась, промыла глаз, но это не помогло. Наконец она попросила горничную проводить её в ближайшую глазную клинику. Врач вынул соринку и, наложив на глаз повязку, велел Сатико завтра показаться ему снова.

— Что с тобой? — удивился Тэйноскэ, вернувшись в гостиницу к обеду.

— Благодаря тебе я провела ужасную ночь. Никогда больше не поеду третьим классом!

— Да, что-то не везёт нам со вторым медовым месяцем. Помнишь гостиницу «Нара»? — улыбнулся Тэйноскэ. — Сегодня я постараюсь управиться со всеми делами, чтобы завтра мы смогли выехать пораньше. Как долго тебе придётся носить эту повязку?

— Только сегодня, но доктор боится, что повреждено глазное, яблоко, и велел завтра прийти снова. Наверное, рано утром нам выехать не удастся.

— Что за вздор! — рассмеялся Тэйноскэ. — Подумаешь, соринка в глазу! Доктор просто хочет поживиться за наш счёт, вот он и делает из мухи слона. К завтрашнему утру у тебя всё пройдёт.

После обеда Тэйноскэ снова ушёл по своим делам, а Сатико решила позвонить в Сибую. Она приехала сегодня утром и пробудет в Токио только один день, объяснила Сатико сестре. Ей хотелось бы повидаться с Цуруко, но она стесняется показаться в её доме с повязкой. Если бы Цуруко могла приехать к ней в гостиницу. К сожалению, ответила Цуруко, ей трудно сегодня выбраться из дома. А как дела у Кой-сан? Она совсем уже поправилась, сказала Сатико. Они с мужем пришли к выводу, что по-прежнему не поддерживать с ней никаких отношений было бы неправильно, поэтому они разрешают ей время от времени бывать в Асии. Впрочем, это не телефонный разговор. Сатико надеется в скором времени приехать в Токио снова, и тогда они потолкуют обо всём обстоятельно…

Время тянулось удивительно медленно. Дождавшись, когда жара немного спадёт, Сатико вышла прогуляться по Гиндзе. В кинотеатре

рядом с гостиницей шёл фильм «История делается ночью», который Сатико уже видела, но ей вдруг захотелось посмотреть его снова. Однако оттого, что она глядела на экран одним глазом, Шарль Буайе представлялся ей совсем на себя не похожим: в его улыбке не чувствовалось прежнего шарма. Сатико сняла повязку, — неприятного ощущения в глазу как не бывало. «Ты оказался прав, — сказала она вечером мужу. — Врачи всё ужасно преувеличивают. Только попади к ним в руки…»

Два следующих дня супруги провели в гостинице «Фудзи Вью» на берегу озера Кавагути и были с лихвой вознаграждены за неудачное путешествие, в Нару. Вырвавшись из токийской духоты, они вдыхали свежий осенний воздух, бродили вокруг озера, смотрели из окна своего номера на гору Фудзи, и этого им было довольно, чтобы чувствовать себя счастливыми.

Жителю Токио, наверное, трудно понять трепетный восторг, который испытывала Сатико при виде Фудзи. Уроженка Осаки, она плохо знала восточную Японию, и уже в самом слове «Фудзи» для неё заключалась такая же экзотика, как в слове «Фудзияма» для иностранца. Сатико выбрала именно эту гостиницу, потому что ей понравилось название «Фудзи Вью» — «Вид на Фудзи». И действительно, эта знаменитая гора, казалось, стояла прямо позади гостиницы. Сатико никогда ещё не видела её с такого близкого расстояния и могла любоваться ею сколько душе угодно, и утром, и вечером, наблюдая, как каждый час, каждую минуту в зависимости от освещения меняются её краски.

Как и «Нара», эта гостиница была построена из некрашеного дерева, в традициях классической японской архитектуры, но этим и ограничивалось сходство между ними. Гостиница. «Нара» существовала, должно быть, уже не один десяток лет, и дерево приобрело мрачный серый оттенок. Здесь же всё: и стены, и столбы, и перекрытия — выглядело как новое. Гостиница была построена сравнительно недавно, и всё же она вряд ли сохранила бы свой первозданный вид, если бы не этот прозрачный и чистый воздух.

На второй день пребывания здесь Сатико после обеда прилегла отдохнуть. Из одного окна ей была видна вершина Фудзи, а из другого, противоположного, — волнистые цепи гор, опоясывающих озеро Кавагути. Неожиданно воображению Сатико представилось озеро в

Швейцарии, где она никогда не была, и в памяти всплыли строки поэмы лорда Байрона «Шильонский узник». Ей вдруг почудилось, что она находится в далёкой, неведомой стране.

Это странное ощущение было вызвано не столько непривычным для неё пейзажем, сколько удивительным воздухом, от которого у неё пощипывало в горле, как от газированной воды.

Вдыхая этот воздух, она представляла себя лежащей на дне чистого, прохладного озера… По небу быстро проносились клочковатые облака. Солнце то скрывалось за ними, то снова рассыпало на белых стенах слепяще-яркие блики.

Ещё совсем недавно в здешних краях было многолюдно и шумно, но в двадцатых числах августа курортный сезон закончился, и отдыхающих осталось немного. В гостинице стояла такая тишина, что, даже нарочно прислушиваясь, нельзя было уловить ни звука. Погрузившись в это безмолвие и наблюдая за бесконечным чередованием света и тени, Сатико как бы забыла о существовании времени.

Тэйноскэ лежал на соседней кровати, наслаждаясь тишиной и тоже размышляя о чем-то своём. Потом он встал и направился к окну, в котором виднелась Фудзи.

— Тэйноскэ, — тихонько позвала Сатико. — Как интересно… Ты только посмотри…

— Что такое?

Приподнявшись в постели, Сатико разглядывала стоящий на тумбочке никелированный термос.

— Подойди же сюда… Видишь, в каком дворце мы с тобой обитаем?

Зеркально-гладкая поверхность термоса до мельчайших подробностей воспроизводила всё, что было в этой светлой комнате, но в какой-то фантастически-изменённой перспективе, и от этого гостиничный номер казался пышным чертогом с необычайно высокими сводами, а сидящая на кровати Сатико — маленькой фигуркой где-то далеко-далеко.

— Ты видишь меня?

Сатико кивнула головой и подняла руку. Далёкая фигурка тоже кивнула головой и подняла руку, словно фея в хрустальной бусине, или

дочь Царя-Дракона в подводном дворце, или принцесса в своих великолепных покоях.

Тэйноскэ невольно поразился тому, как много детскости сохранилось в его жене. На него нахлынули воспоминания об их свадебном путешествии в Хаконэ десять с лишним лет назад — о гостинице «Фудзия», в которой они тогда остановились, о поездке в автомобиле к озеру Аси… Сатико не знала, о чем думал сейчас муж, но и она не раз за эти два дня возвращалась мыслями к тому памятному путешествию.

— Давай почаще приезжать сюда, — шепнула Сатико мужу перед сном. Тэйноскэ, разумеется, не возражал. Супруги долго ещё беседовали в тот вечер, в том числе и о домашних делах. Тэйноскэ пребывал в удивительно благодушном настроении, и Сатико, понимая, что другая такая возможность представится не скоро, осторожно завела речь о Таэко. Отчего бы ему как-нибудь с ней не повидаться? Да, конечно, ответил Тэйноскэ, он и сам уже подумывал об этом. Он был слишком строг с Кой-сан, а с такими людьми, как она, строгость приводит к прямо противоположных результатам. Впредь он постарается держаться с ней помягче.

26

Тэйноскэ исполнил обещание, данное жене во время их «второго медового месяца», и в самом начале сентября, после почти годичного перерыва, встретился с Таэко. Хотя Тэйноскэ не возражал против того, чтобы она бывала в Асии, Таэко всегда приезжала к сестре только днём, когда он был на службе.

Сегодня же, как в старые добрые времена, она сидела за столом вместе с зятем, сёстрами и племянницей. Сатико и Юкико всё ещё не могли избавиться от гнетущего впечатления, которое на них произвёл рассказ О-Хару, но старались не показывать виду.

Не сговариваясь, они решили ничего не говорить Тэйноскэ, а с Таэко держаться так, будто ничего не произошло.

В том, что случилось, была немалая доля и их вины, считали они и надеялись нежностью и лаской смягчить сердце своей заблудшей сестры.

За столом царило праздничное оживление, как-будто после долгого ненастья к ним в дом снова заглянуло солнышко. «Кой-сан, останься сегодня у нас», — сказала Эцуко, и взрослые её поддержали: в самом деле, почему бы Кой-сан не переночевать в Асии? Девочка чуть не прыгала от радости, — сегодня они будут спать втроём: Эцуко, Юкико и Кой-сан!

К Таэко вернулось её прежнее очарование. Ещё недавно, глядя на её ввалившиеся щёки, тёмные круги под глазами и землистый цвет лица, Сатико с замиранием сердца думала: неужели Таэко навсегда останется такой. И вот теперь перед ней сидела всё та же круглолицая, жизнерадостная Таэко.

Тэйноскэ считал, что во избежание недовольства со стороны «главного дома» Таэко должна сохранять видимость, будто живёт отдельно, поэтому она, как правило, уезжала на ночь к себе, но большую часть дня проводила в Асии.

Комната на втором этаже, которую Таэко занимала прежде, была снова отдана в её распоряжение. Расположившись у окна, она могла по нескольку часов кряду строчить на машинке, выполняя заказы, которые ей добывала Сатико. Она любила шить и работала с таким

увлечением, что иной раз, наскоро поужинав, снова спешила к себе наверх.

Стараясь сократить расходы Окубаты, Сатико находила для сестры всё новью и новые заказы. Наблюдая за работающей Таэко, она испытывала к ней прежнюю любовь.

«Уж чего-чего, а трудолюбия у неё не отнять», — с нежностью думала Сатико. Конечно, её деятельной, энергичной натуре свойственны и некоторые отрицательные черты — недаром же она столько раз оступалась, — но если её энергию направить в соответствующее русло, Таэко способна творить чудеса. У неё золотые руки, она всё схватывает на лету… Стоило ей заняться танцами, и она сразу стала превосходной танцовщицей попробовала мастерить кукол — и сразу же получила всеобщее признание увлеклась шитьём — и вот уже шьёт не хуже профессиональной портнихи. Мало кто в её годы может похвастаться такими успехами…

— Кой-сан, твоему усердию можно позавидовать, — не раз говорила Сатико, заглядывая в комнату сестры, откуда и в девятом, и в десятом часу вечера доносился стрекот швейной машинки. — Но я думаю, тебе пора кончать, а то Эцуко не уснёт. Да к тому же у тебя занемеет плечо.

— Мне хотелось закончить это платье…

— Ничего, закончишь завтра. Неужели тебе мало того, что ты уже заработала?

Таэко тихонько рассмеялась:

— Да, мне действительно нужны деньги.

— Почему же ты мне раньше не сказала? Право же, Кой-сан, я с удовольствием дам тебе необходимую сумму.

* * *

Недавно фирма Тэйноскэ заключила выгодный контракт с одной из военных компаний, поэтому бюджет семьи заметно увеличился, и Сатико не испытывала стеснения в деньгах. Как-то Тэйноскэ сказал ей, что коль скоро они почти полностью взяли Юкико на своё содержание, им следовало бы так же позаботиться и о Таэко. При каждом удобном случае Сатико предлагала сестре денежную помощь, но та словно

пропускала её слова мимо ушей и только отшучивалась — как видно, гордость не позволяла ей принимать от семьи подобные благодеяния.

Продолжает ли Таэко встречаться с Окубатой или нет, оставалось для её сестёр загадкой. Она ежедневно приезжала в Асию, но проводила там только часть дня — либо с утра до обеда, либо с обеда до вечера. Возможно, остальное время она проводила в обществе Окубаты или кого-то ещё. Старшие сёстры, естественно, беспокоились по этому поводу, однако прямых вопросов задавать Таэко не решались. Они по-прежнему считали её брак с Окубатой наилучшим выходом из положения, но форсировать события не хотели и лишь надеялись, что со временем Таэко сама придёт к такому выводу. И вот однажды, — это было в самом начале октября, — Таэко сообщила им ошеломляющую новость: Кэй-тян едет в Манчжурию.

— Манчжурию? — в один голос воскликнули Сатико и Юкико.

— Да. Всё это очень забавно, — рассмеялась Таэко и рассказала сёстрам следующее.

Всех подробностей она не знает, но из Манчжурии прибыл какой-то важный чиновник, чтобы завербовать десятка два или три молодых японцев для службы при дворе тамошнего императора.[114] Им обещают солидное жалованье и даже придворный чин, хотя, конечно, невысокий, по сути же дела, они будут мальчиками на побегушках при императорской особе. Поэтому ни выдающихся способностей, ни образования от них не требуется. Главное, чтобы они происходили из хороших семей, обладали более или менее презентабельной внешностью и мало-мальски сносными манерами. А работает у них голова или нет, — это никого не волнует.

Более подходящего места для Кэй-тяна просто не придумаешь! Его брат считает, что ему непременно надо ехать, поскольку, должность эта, с одной стороны, почётная, а с другой — не слишком ответственная, как раз по силам Кэйсабуро. Если он согласится ехать в Манчжурию, брат даже готов простить его и принять обратно в семью.

— Ну что ж, предложение действительно заманчивое. Только, наверное, Кэй-тяну будет непросто принять такое решение.

— Да он пока ещё не принял никакого решения. Всё уговаривают его ехать, а он колеблется.

— Его можно понять. Легко ли такому избалованному юноше, как он, ехать на чужбину?

— Но Кэй-тяну нужны деньги, ему уже сейчас нечем платить за дом. А ведь в Осаке не найдётся дурака, который взял бы его на службу. По-моему, лучше пойти в услужение к манчжурскому императору, чем побираться. Другой такой возможности у него не будет.

— Да, пожалуй, ты права. К тому же подобное предложение могут получить только выходцы из хороших семей.

— Вот именно. Поэтому-то им и назначают большое жалованье. Я всячески стараюсь его уговорить. Даже если он пробудет там всего лишь год или два, брат встретит его с распростёртыми объятиями, да и всё вокруг станут относиться к нему иначе, чем сейчас. Ему только нужно решиться.

— Наверное, ему грустно ехать одному. А его старенькая кормилица не собирается вместе с ним?

— Она говорит, что с удовольствием поехала бы, но у неё здесь сын и внуки, которых она не может оставить.

— А почему бы тебе не поехать с ним, Кой-сан? — сказала Юкико. — Мне кажется, ты должна помочь ему начать новую жизнь.

— Я? — удивлённо переспросила Таэко и недовольно фыркнула.

— Тебе не обязательно ехать надолго. Ты можешь пробыть там, скажем, полгода, пока Кэй-тян не освоится в новой обстановке. Если бы ты пообещала ему отправиться вместе с ним, его не пришлось бы долго уговаривать. Это тот случай, когда, ты обязана прийти ему на помощь.

— В самом деле, Кой-сан, почему бы тебе не поехать вместе с ним? — поддержала сестру Сатико. — Брат Кэй-тяна будет тебе за это признателен.

— Для меня это удобный повод порвать с Кэй-тяном, — тихим, но внятным голосом проговорила Таэко. — Иначе мы никогда не расстанемся. Ему лучше ехать одному, в чем я и стараюсь его убедить. Но он, конечно, догадывается о моих мотивах и артачится.

— Послушай, Кой-сан, — сказала Сатико, — мы вовсе не настаиваем, чтобы ты против воли шла замуж за Кэй-тяна. Речь идёт только о том, чтобы ты поехала с ним на полгода или на год. Убедившись, что он прочно стал на ноги, ты сможешь вернуться одна.

— Нет, там, в Манчжурии, мне будет ещё труднее бросить его.

— Возможно. Но тогда ты объяснишь ему, почему ваш разрыв неизбежен, и он наверняка тебя поймёт. А если нет, ты всё равно вольна в любое время уехать домой.

— Тогда он бросит всё и кинется за мною вслед.

— Да, это не исключено. Но всё же нельзя забывать, что кое-чем ты ему обязана. Если ты намерена с ним расстаться, это твоё право, но прежде ты обязана исполнить свой долг. Я так считаю…

— А чем, собственно, я ему обязана?

Видя, что дело идёт к ссоре, Сатико умолкла. Юкико, однако, не собиралась сдаваться:

— Ты что же, в самом деле считаешь, что ничем ему не обязана? Ваши отношения длятся не один год, всё считают вас женихом и невестой.

— Я давно уже хотела с ним порвать, но он не оставляет меня в покое, ходит за мной по пятам. От него одни только неприятности. Почему же я должна считать себя чем-то ему обязанной?

— Скажи, Кой-сан, а разве ты не получала от него никакой помощи? Поверь, я не хочу тебя обидеть, но разве ты не пользовалась его материальной поддержкой?

— Что за чушь! Конечно, нет!

— Ты в этом уверена?

— С какой стати я стала бы пользоваться его материальной поддержкой? Ты отлично знаешь, что я достаточно зарабатывала всё эти годы и у меня даже есть кое-какие сбережения.

— Да, ты не раз говорила об этом, но, видишь ли, есть люди, которые придерживаются на этот счёт иного мнения. Сама я, правда, не держала в руках твою чековую книжку и не могу судить о размерах твоих сбережений…

— Ты заблуждаешься, если думаешь, что у Кэй-тяна много денег. Наоборот, я всегда исходила из того, что со временем мне придётся его содержать.

— В таком случае я хотела бы спросить тебя вот о чем… — Стараясь не встречаться с Таэко глазами, Юкико вертела в руках стеклянную вазочку с хризантемой, но голос её оставался спокойным и твёрдым. — В прошлом году ты сшила себе пальто. За него заплатил Кэй-тян?

— Я же говорила: чтобы расплатиться за него, мне пришлось продать два своих кимоно и хаори. Я даже могу сказать, какие именно…

— Вот как? А «бабушка» Кэй-тяна утверждает, что пальто было сшито на его деньги. У неё даже сохранилась квитанция из ателье.

Таэко молчала.

— И муслиновое платье тоже. У неё есть и эта квитанция…

— Не стоит верить всему, что она говорит.

— Я предпочла бы ей не верить, но её утверждения отнюдь не голословны. Если она лжёт, попытайся её опровергнуть.

Таэко опять ничего не ответила. Её лицо было по-прежнему невозмутимо, но глаза неподвижно смотрели на Юкико…

— «Бабушка» говорит, что всё это началось давно и что Кэй-тян дарил тебе не только одежду, но и кольца, и броши. Она знает всё эти вещи наперечёт. По её словам, Кэй-тяна выгнали из дома за то, что он крал в магазине драгоценности для тебя.

Таэко не проронила ни слова.

— Ты говоришь, что давно хотела порвать с Кэй-тяном. Почему же ты не сделала этого раньше, например, во время романа с Итакурой?

— Не думаю, что это обрадовало бы вас тогда.

— Да, мы действительно хотели, чтобы ты вышла замуж за Кэй-тяна. Но, уверяю тебя, мы изменили бы свою точку зрения, если бы знали, что, встречаясь с Итакурой, ты тем не менее принимаешь деньги и подарки от Окубаты.

Сатико была согласна с каждым словом Юкико. Да, Таэко вполне заслужила эту встряску. Но сама Сатико никогда не осмелилась бы высказать сестре всё начистоту. Она смотрела на Юкико с удивлением и восхищением, как пять или шесть лет назад, когда та вот так же решительно и твёрдо говорила с Тацуо. Интересно, что именно позволяло робкой, застенчивой Юкико становиться вдруг такой решительной и непреклонной? Сатико хорошо помнила, как, загнанный в угол логикой её аргументов, Тацуо в конце концов был вынужден сдаться…

— Да, конечно, — продолжала между тем Юкико, — Окубата не зарабатывал денег, но разве ты можешь считать, что ничего не должна ему после того, как он тайком носил тебе ценности, по существу

украденные у брата? Кстати, быть может, ты думаешь, что «бабушка» Окубаты рассказала обо всём этом из какого-то враждебного чувства к тебе. Это совсем не так — ей хочется, чтобы после всего, что для тебя сделал Окубата, ты согласилась стать его женой… Теперь, зная всё это, мы полностью с нею согласны…

Таэко по-прежнему молчала.

— Что же получается? Пока Кэй-тян имеет возможность оказывать тебе благодеяния, ты охотно их принимаешь, когда же он лишается такой возможности, ты говоришь, что знаешь хорошее место, куда можно запрятать никчёмного молодого человека, и стараешься выпроводить его в Манчжурию. Как же так можно, Кой-сан?

Таэко и этот вопрос оставила без ответа, — возможно, ей нечего было сказать в своё оправдание, а может быть, она считала бесполезным оправдываться. На протяжении всего этого монолога голос Юкико оставался совершенно спокойным. Вдруг в глазах у Таэко сверкнули слёзы, но лицо её сохраняло прежнее невозмутимое выражение. Некоторое время она сидела, уставившись в одну точку и словно не замечая, как по щекам у неё катятся слёзы, потом неожиданно поднялась и выбежала из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью. Через несколько секунд сёстры услышали, как хлопнула и входная дверь.

27

Эта необычная сцена разыгралась как раз перед обедом. Ни Тэйноскэ, ни Эцуко дома не было, а О-Хару незадолго до этого отправили куда-то с поручением. Во время разговора, происходившего в столовой, за закрытыми дверями, ни одна из сестёр не повысила голоса, и поэтому служанки пребывали в полной уверенности, что там идёт обычная мирная беседа. Только услышав, как хлопнула дверь, О-Аки заподозрила неладное и выскочила в коридор. Там никого уже не было. Заглянув в столовую, О-Аки, к немалому своему удивлению, не увидела Таэко. Сатико и Юкико накрывали стол скатертью.

— Что тебе? — спросила Сатико служанку.

— Нет… ничего… — растерянно пробормотала та.

— Кой-сан ушла. Мы будем обедать вдвоём с госпожой, — объяснила Юкико, а когда дверь за служанкой закрылась, сказала сестре: — Ничего, время от времени с Кой-сан полезно проводить такие беседы.

Больше к этому разговору сёстры не возвращались. Ни Тэйноскэ, ни Эцуко не узнали о случившейся размолвке. На следующий день Таэко не появилась в Асии, озадачив тем самым Эцуко и О-Хару: где же Кой-сан? Может быть, она простудилась?

— В самом деле, странно, — заметила Сатико. — У неё в комнате разложена работа…

Сатико опасалась, что они теперь долго не увидят Таэко, однако на следующее утро та, как ни в чем не бывало, приехала в Асию. Она приветливо поздоровалась с Юкико, и Юкико столь же приветливо ей ответила. Окубата решил не ехать в Манчжурию, сообщила она затем. Вот как? — спросила Юкико. С тех пор никто из них больше не касался этой темы.

*** * ***

Спустя несколько дней Сатико и Юкико поехали в Кобэ и там случайно столкнулись на улице с Итани, которая сообщила им неожиданную новость: она продаёт свою парикмахерскую и уезжает в

Америку. Кое-кто из друзей отговаривает её от этой поездки — сейчас, мол, для этого неподходящее время, весь мир охвачен войной и ещё неизвестно, как будут развиваться отношения между Японией и Америкой, поэтому лучше немного повременить. Но Итани считает, что этак можно ждать до бесконечности. Если чему-то и суждено случиться, то это произойдёт не сегодня и не завтра. До тех пор она успеет десять раз вернуться домой. Получить заграничный паспорт сейчас, совсем непросто, но у неё есть кое-какие связи, так что в этом отношении особых затруднений она не предвидит. Она намерена пробыть в Америке, полгода, от силы — год. Конечно, уезжая на такое короткое время, можно было бы и не продавать парикмахерскую, но дело в том, что она давно уже собиралась перебраться в Токио, и теперь у неё появилась такая возможность.

Сообщение Итани не было для Сатико таким уж неожиданным: Итани поделилась с нею своими планами ещё год назад, когда умер её парализованный муж. И вот теперь, отметив первую годовщину его смерти, она принялась за их осуществление. Как всегда, приняв решение, Итани стремительно двигалась к намеченной цели: она уже нашла человека, готового купить у неё парикмахерскую, оформила всё необходимые для этого документы и даже забронировала себе каюту на пароходе. Друзья, наверное, захотят устроить в её честь прощальный банкет или что-нибудь в этом роде, сказала Итани, но в нынешней обстановке пышные торжества неуместны. Кроме того, она уезжает в большой спешке, и у неё попросту не будет для этого времени. Она даже, подумывает о том, чтобы уклониться от прощальных визитов к знакомым…

Но, что бы ни говорила Итани, она пользовалась большой известностью в Кобэ, и было совершенно невероятно, чтобы никто не устроил в её честь прощального вечера. И всё-таки, если общего банкета не предвидится, сказала в тот вечер Сатико мужу, они должны непременно пригласить Итани куда-нибудь на ужин — она приняла такое деятельное участие в судьбе Юкико.

Однако на следующее утро от Итани пришла отпечатанная типографским способом открытка, в которой она сообщала о своём отъезде и категорически отказывалась от каких бы то ни было приглашений на прощальный вечер в её честь. Из этой открытки

Макиока узнали также, что Итани выезжает в Токио завтра ночным экспрессом и до отплытия парохода будет жить в отеле «Тэйкоку».

Итак, приглашать Итани на ужин было бессмысленно, и Сатико с сёстрами ничего не оставалось, как сегодня или завтра отправиться к ней домой с каким-нибудь памятным подарком. Но решить, что именно преподнести Итани, оказалось непросто, и в первый день сёстры никуда не поехали. А на следующее утро, когда Сатико и Юкико снова принялись обсуждать этот вопрос, Итани сама неожиданно появилась в Асии.

О, как мило, что она всё-таки решила заглянуть к ним напоследок! У неё, наверное, так много дел! — воскликнула Сатико. Они как раз собирались сегодня к ней заехать…

Нет, нет, ила совершенно ни к чему себя утруждать, сказала Итани. В парикмахерской уже хозяйничает новый владелец, а дома, у неё всё перевёрнуто вверх дном — сегодня туда переезжает её младший брат с семьёй. Она решила попрощаться с самыми близкими знакомыми. У неё совсем мало времени, поэтому дальше прихожей она ни к кому не заходит, но с госпожой Макиока ей хочется побыть чуточку дольше. К тому же у неё есть к ней небольшой разговор…

— Прошу вас, входите, пожалуйста, — сказала Сатико. Итани взглянула на часы и прошла за нею в гостиную, предупреди, что через десять, ну, от силы через двадцать минут, должна будет бежать дальше.

Что и говорить, она едет в Америку ненадолго и не успеет оглянуться, как надо будет возвращаться в Японию, затараторила Итани своей обычной скороговоркой. Но ей, конечно, грустно, что она навсегда покидает Кобэ. А главное, она так привязалась к семье Макиока — к госпоже Сатико, к обеим её сёстрам! Нет, право же, таких, как они, нечасто встретишь — три прелестные сёстры, похожие и вместе с тем совершенно разные. По правде говоря, она уезжает из Кобэ без особых сожалений, единственное, что её печалит, так это расставание с сёстрами Макиока. Как хорошо, что она смогла повидаться с ними на прощание, жаль только, что Кой-сан нет дома.

— Она должна вот-вот прийти, — сказала Сатико. — Я сейчас ей позвоню.

— Нет, нет, — поспешила остановить её Итани. — Я через несколько минут убегаю. Передайте ей от меня сердечный привет.

…Да, в Кобэ они уже не встретятся, вздохнула Итани, но до отплытия корабля остаётся ещё десять дней. Не смогли бы госпожа Макиока с сёстрами приехать в Токио? Нет, вовсе не для того, чтобы её проводить. Дело в том, что ей хочется познакомить их с одним человеком…

Итани сделала короткую паузу, после которой приступила к своему рассказу.

Возможно, ей и не следует заводить этот разговор в присутствии госпожи Юкико да ещё в, такой спешке, заметила Итани, но с тех самых пор, как она решила уехать из Кобэ, ей не даёт покоя мысль о том, что она так и не нашла мужа для милой барышни. Таких, как госпожа Юкико, днём с огнём не сыскать — нет, она говорит это вовсе не ради комплимента, — поэтому Итани никогда не простила бы себе, если бы не помогла устроить её счастье.

У Итани появилась новая кандидатура. Речь идёт о старинной аристократической семье Мимаки. Госпоже Сатико эта фамилия наверняка известна. Виконт Хиродзанэ Мимаки был одним из выдающихся деятелей Реставрации Мэйдзи.[115] Разумеется, его давно уже нет в живых. Его сын, виконт Хиротика, тоже в весьма почтенном возрасте. Когда-то он состоял в объединении «Кэнкюкай», куда входим наиболее влиятельные депутаты верхней палаты парламента, и занимался активной политической деятельностью, а теперь живёт на покое в фамильном особняке в Киото. И вот недавно Итани совершенно случайно познакомилась с побочным сыном виконта — господином Минору Мимаки.

Насколько ей известно, продолжала Итани, господин Мимаки окончил гимназию для выходцев из знатных дворянских семей, потом поступил в Имперский университет на отделение естественных наук, но проучился там недолго и вскоре уехал во Францию. В Париже некоторое, время занимался живописью, потом увлёкся французской кухней, затем переключился на что-то ещё, но ни одно из его увлечений не оказалось длительным. Из Франции он отправился в Америку и там в каком-то малоизвестном государственном университете изучал аэронавтику. По окончании этого университета он довольно долго путешествовал по Соединённым Штатам, побывал в Мексике и даже в странах Южной Америки. Естественно, пока он находился за границей, отец не высылал ему никакого содержания и

ему приходилось самому себя обеспечивать — одно время он работал в каком-то отеле поваром и даже коридорным. Потом он снова взялся за живопись, а попутно попробовал себя в архитектуре.

Одним словом, будучи от природы человеком способным и непоседливым, он сменил множество занятий. С аэронавтикой, правда, он распрощался сразу же, как только получил университетский диплом. Лет восемь или девять назад господин Мимаки вернулся в Японию. Никакого постоянного занятия у него по-прежнему не было, но однажды, узнав, что его знакомый хочет построить себе новый дом и ищет архитектора, господин Мимаки полушутя-полусерьёзно предложил свои услуги. Его проект неожиданно привлёк к себе внимание специалистов, и о нём заговорили как о талантливом архитекторе.

Воодушевлённый этим признанием, он вскоре открыл небольшую контору где-то на Гиндзе. Поначалу у него не было недостатка в заказах, но, поскольку он проектировал здания с учётом последних достижений европейской архитектуры, они стоили немалых денег, и по мере обострения Китайского инцидента спрос на них стал падать. Его контора не успела просуществовать и двух лет, как ему пришлось её закрыть. Таким образом, он снова оказался не у дел. Вот, собственно, и всё, что Итани может сказать о прошлом господина Мимаки.

С некоторых пор господин Мимаки подумывает о женитьбе. Вернее сказать, всё его друзья и знакомые наперебой пытаются убедить его в том, что настала пора обзавестись семьёй. Ему сорок пять лет. За долгие годы странствий он, как видно, привык к вольной холостяцкой жизни и, даже вернувшись на родину, не спешил связать себя узами брака. Были ли у него какие-нибудь сердечные привязанности там, за границей, судить трудно, но святым его, конечно, не назовёшь. Итани слышала, что в последние годы он частенько наведывался в увеселительные заведения Симбаси и Акасаки. Но с прошлого года он совершенно забыл туда дорогу, подчеркнула Итани, эти развлечения ему уже не по средствам.

В своё время отец-виконт выделил ему капитал, но после всех этих лет бродячей жизни, когда он только тратил деньги и ничего не зарабатывал, от былого богатства остались жалкие крохи. Поэтому-то господин Мимаки и решил стать архитектором, чтобы хоть и с большим опозданием, но всё-таки начать самостоятельно зарабатывать

себе жизнь. В более благоприятные времена он, несомненно, преуспел бы на этом поприще, теперь же он оказался в тупике. Однако, как истинный аристократ, он не позволяет себе огорчаться из-за денежных затруднений. Человек в высшей степени светский, разносторонний, обаятельный, даже несколько богемный, он к такого рода жизненным неурядицам относится легко. Между тем именно эта беспечность и заботит его друзей. Вот почему они настаивают на том, чтобы он женился и в корне изменил образ жизни.

По словам Итани, она познакомилась с господином Мимаки благодаря своей дочери Мицуё. В прошлом году та окончила университет Мэдзиро и поступила в редакцию журнала «Японская женщина». Президент компании, которой принадлежит этот журнал, — Гондзо Кунисима — поддерживает близкие отношения с господином Мимаки. В своё время господин Мимаки проектировал новый дом Кунисимы в районе Акасака. Дом пришёлся хозяину по вкусу, и с тех пор у них завязалась дружба. Господин Мимаки стал частым гостем в его семье, и супруга господина Кунисимы тоже относится к нему весьма благосклонно.

Контора господина Мимаки находилась неподалёку от здания, в котором помещается редакция журнала, и он почти каждый день захаживал туда. Со временем он перезнакомился со всеми сотрудниками редакции, а с Мицуё и вовсе подружился и стал ласково называть её «Миттян, Миттян».

Супруги Кунисима, продолжала Итани, очень благоволят к Мицуё, относятся к ней как к родной дочери. Однажды, приехав по делам в Токио, Итани наведалась к господам Кунисима домой, чтобы поблагодарить их за заботу о Мицуё, и там встретила Мимаки. Он держался так мило и просто, что они сразу же подружились. Потом она ещё три раза, ездила в Токио — не по делам, а исключительно ради того, чтобы засвидетельствовать своё почтение супругам Кунисима, — и опять-таки дважды виделась у них с Мимаки.

По словам Мицуё, супруги Кунисима — отчаянные игроки и могут ночь напролёт просидеть за игрой в бридж или маджонг. Мимаки и Мицуё часто составляют им компанию. Конечно, неловко хвалить свою дочь, добавила Итани, но она на редкость смышлёная девочка и к тому же всё делает с огоньком, с азартом. Она может всю ночь провести за карточных столом, а утром, как ни в чем не бывало,

отправиться на службу и притом ещё работать за двоих. Поэтому, наверное, она так и полюбилась супругам Кунисима.

Не так давно Итани снова пришлось побывать в Токио по делам, связанным с предстоящим отъездом в Америку. Господин Кунисима обещал помочь ей с паспортом, и Итани несколько раз была у него дома, неизменно встречая там господина Мимаки. И всякий раз заходила речь о том, что господина Мимаки необходимо как можно скорее женить. Супруги Кунисима — ревностные сторонники этой идеи. Если господин Мимаки найдёт себе достойную невесту, сказал господин Кунисима, он непременно поговорит со стариком-виконтом, чтобы тот выделил молодым некую сумму, которой их хватило бы на первое время. Господин Кунисима несколько раз спрашивал Итани, нет ли у неё кого-нибудь на примете, Если она вдруг услышит о подходящей партии, пусть непременно даст ему знать…

Итани взглянула на часы. Ой, да ей уже давно пора бежать! Ну да ладно, она всё-таки докончит свой рассказ…

Одним словом, Итани сразу же подумала о госпоже Юкико — это предложение как раз для неё. Но как не вовремя возник этот разговор! Если бы Итани не уезжала, она, конечно же, сразу сказала бы, что у неё есть на примете замечательная девушка, и предложила бы свои услуги по части сватовства. Но ведь до её отъезда остаются считанные дни… Поразмыслив и так и этак, она в конце концов решила ничего не говорить господину Кунисиме, хотя у неё и был великий соблазн сделать это. Она вернулась в Кобэ, но этот разговор не выходил у неё из головы. «Какая прекрасная партия! — всё время думала она. — Если бы только каким-то образом удалось устроить этот брак…»

Что ещё можно сказать о господине Мимаки? Как она только что упомянула, ему сорок пять лет, стало быть, он года на два моложе супруга госпожи Макиока. Что же до его внешности, то он уже начал лысеть, как это нередко случается с японскими мужчинами после длительного пребывания за границей, кожа у него смуглая, так что красавцем его, пожалуй, не назовёшь. Но в лице его, безусловно, чувствуется порода. Сложения он крепкого, даже, можно сказать, дороден и выглядит необычайно здоровым. По его собственным словам, он не знает, что такое, болезни и усталость.

Теперь о самом главном — о финансовом положении господина Мимаки. Когда он поступил в университет, виконт выдал ему пособие

в размере ста с лишним тысяч иен, но от этих денег давно уже ничего не осталось. После этого господин Мимаки неоднократно обращался к отцу за помощью, и тот раза два или три давал ему какие-то суммы, но и от них вскоре остались одни воспоминания. Господин Мимаки не из тех, у кого держатся деньги. В конце концов виконт пришёл к выводу, что давать сыну деньги бесполезно.

Вот почему господин Кунисима и считает, что ему пора изменить образ жизни. В его годы, дескать, уже неприлично сидеть на шее у родителя и жить в наёмной квартире. Прежде всего, ему следует, мол, найти для себя какое-нибудь постоянное занятие, пусть даже оно не будет приносить большого дохода. Тогда виконт наверняка успокоится и выделит ему ещё какие-то средства. Разумеется, сумма будет не особенно велика — ведь господин Мимаки довольно часто злоупотреблял отцовской щедростью, — но ему хватит и этого.

По мнению господина Кунисимы, у господина Мимаки выдающиеся способности и он сможет сделать блестящую карьеру на поприще архитектуры. Господин Кунисима готов ему помочь всем, чем только сможет. Сейчас господин Мимаки, так сказать, на мели, потому что времена для его проектов неподходящие, но времена меняются, поэтому впадать в уныние ни к чему. В случае его женитьбы господин Кунисима постарается уговорить виконта взять на себя всё свадебные расходы, купить для молодых дом и обеспечить им безбедную жизнь в течение двух, а может быть, и трёх лет. Виконт — в этом господин Кунисима почти уверен — не откажет сыну в помощи.

— Ну вот, теперь, кажется, всё, — заключила свой рассказ Итани. Возможно, кое в чем эта кандидатура и не устроит семейство Макиока, но в общем и целом, считает Итани, господин Мимаки отвечает всем их требованиях. Во-первых, он вступает в брак впервые, во-вторых, хотя он и побочный сын виконта, в его жилах течёт кровь знаменитых Фудзивара.[116] Далее — всё его родственники, кого ни возьми, — люди известные. Никаких иждивенцев у него нет. (Она совсем забыла сказать, что его мать, наложница виконта, умерла вскоре после его рождения он даже её не помнит. И, наконец, господин Мимаки обладает завидной широтой интересов, владеет французским и английским языками, прекрасно разбирается в искусстве Франции и Америки…

Конечно, Итани мало его знает и будет лучше, если госпожа Макиока с супругом сами наведут о нём соответствующие справки, но одно она может сказать наверное: он приятнейший, обаятельнейший человек. Никаких особых недостатков она за ним не углядела. Правда, он любит выпить, Итани не раз видела его под хмельком, но от этого он становится ещё остроумнее и занимательнее…

Одним словом, Итани подумала, что было бы очень обидно упустить такую партию. Но кто вместо неё может выступить в роли свата? В конце концов она пришла к выводу, что, коль скоро господин Мимаки — человек светский, общительный, эта роль не будет особенно трудной. Главное — представить друг другу будущих жениха и невесту, а дальнейшие хлопоты возьмут на себя супруги Кунисима: они позаботятся о том, чтобы в переговорах о сватовстве заминки не было. Да и Мицуё вполне могла бы помочь. Несмотря на свою молодость, она девушка деловая, напористая. В таких вещах на неё можно положиться.

— Ох, какой ужас! — воскликнула Итани, взглянув на часы, и поднялась. — Собиралась пробыть у вас всего пятнадцать минут… Теперь уж я действительно побегу.

И тем не менее Итани продолжала: итак, она рассказала им всё, как есть. Ей хотелось бы, чтобы Макиока обдумали это предложение. Господин Кунисима собирается устроить в её честь небольшой прощальный вечер. Если её рассказ хоть немного их заинтересовал, быть может, они согласятся приехать в Токио и представлять на этом вечере Кобэ? Она имеет в виду госпожу Макиока, госпожу Юкико и, конечно же, Кой-сан — право же, они должны непременно приехать втроём. Господин Мимаки тоже приглашён, так что Итани смогла бы их познакомить. Разумеется, пока что ни о каком сватовстве, речи не идёт. Они должны исходить из того, что едут в Токио только для того, чтобы проводить Итани, но почему бы им заодно не встретиться с господином Мимаки? С ответом она не торопит. Она позвонит им уже из Токио, по всей вероятности завтра, и сообщит, когда состоится прощальный вечер.

Наскоро откланявшись, Итани стремглав вылетела за дверь.

28

В спешке Сатико забыла спросить у Итани, когда отходит поезд. Она позвонила Итани домой, но та ещё не вернулась.

Незнакомый голос в трубке ответил, что госпожа Итани просила никого не беспокоиться в связи с проводами… К вечеру Сатико снова позвонила в Окамото. На сей раз ей удалось залучить к телефону саму Итани. Им хотелось бы непременно повидать её ещё раз перед отъездом, сказала Сатико, и в конце концов Итани сообщила ей, что едет скорым поездом, который отправляется от Санномии в девять тридцать вечера.

Макиока решили ехать на вокзал всей семьёй. По этому случаю Сатико с сёстрами оделись с особым тщанием.

С осени прошлого года, когда служили торжественный молебен в память об их родителях, Тэйноскэ ещё ни разу не видел жену и своячениц такими нарядными.

— Ты сегодня поедешь в кимоно, Кой-сан? — удивлённо спросила Эцуко, когда всё, уже одетые к выходу, сели ужинать. На Таэко было зелёное шёлковое кимоно с рисунком в виде крупных цветов камелии. Оттого, что мать и обе тёти были сегодня так изысканно одеты, Эцуко охватило праздничное возбуждение, совсем как перед поездкой на любование сакурой в Киото.

— Как я тебе нравлюсь в кимоно, Эттян?

— Честно говоря, ты мне больше нравишься в платье.

— Да, кимоно тебя полнит, — заметила Сатико.

В последнее время Таэко даже дома предпочитала одеваться по-японски. У неё были красивые ноги, поэтому ей шла европейская одежда. В кимоно же ног её не было видно, и от этого её фигурка казалась необычно приземистой и коренастой. Возможно, она переусердствовала в своём стремлении набрать вес. Но, как бы то ни было, теперь Таэко редко носила платья, объясняя это тем, что после болезни у неё постоянно стынут ноги и ей уютнее в кимоно.

— Молоденькие женщины любят одеваться по-европейски, — сказал Тэйноскэ, — но с возрастом они почему-то переходят на кимоно. Должно быть, наша Кой-сан стареет. Или взять Итани — она

была в Америке, да и по роду занятий ей полагалось бы ходить в европейском платье, но она всегда в кимоно.

— Да, я ни разу не видела Итани в платье, — согласилась Сатико. — Но она и вправду уже далеко не молода. Кстати, а что мы ответим на её предложение?

— Я считаю, что вы должны ехать в Токио безотносительно к этому предложению. Ведь вам всё равно пришлось бы проводить Итани, не так ли?

— Да, ты совершенно прав.

— Наверное, мне тоже полагалось бы присутствовать на проводах, но у меня неотложные дела на службе. Поэтому ты поедешь с Юкико, а если к вам присоединится ещё и Кой-сан, будет совсем хорошо.

— Ну что ж, я с удовольствием поеду, — откликнулась Таэко. — Я уж и не помню, когда в последний раз была в Токио. Сейчас такое прекрасное время года, и потом, должна же я хоть чем-то порадовать себя после того, как пропустила поездку в Киото…

В отличие от своих сестёр Таэко ничем особенно не была обязана Итани. Она, правда, ходила к ней причёсываться, но далеко не всегда, — ей казалось, что Итани берёт со своих клиенток слишком дорого. Но Таэко нравились её прямодушие, открытость, редкая в женщине широта взглядов.

После того как её выдворили из родного дома, Таэко поняла, что мир устроен жестоко, — многие из бывших знакомых отвернулись от неё, но Итани по-прежнему относилась к ней тепло и сердечно. Она, конечно же, во всех подробностях знала о Таэко — уж где-где, а в её салоне не было недостатка во всевозможных слухах и злословии — и тем не менее старалась видеть в младшей из сестёр Макиока только хорошее. Сегодня же Итани и подавно тронула Таэко: приехав в Асию прощаться, она очень сожалела, что не застала её дома, и просила ей передать, что непременно ждёт её в Токио вместе с сёстрами.

Всякий раз, когда, появлялся новый претендент на руку Юкико, Таэко невольно ощущала себя помехой, бельмом на глазу, но приглашение Итани давало ей почувствовать, что она отнюдь не бесчестит семью Макиока, что у неё тоже есть определённые достоинства, что её можно не стыдясь выводить на люди. Уже одного

этого было достаточно, чтобы Таэко сочла своим долгом проводить Итани.

— Вот и прекрасно, поезжайте втроём, — сказал Тэйноскэ. — Чем больше народу будет на проводах, тем лучше.

— Да, но главная виновница нашей поездки… — Сатико повернулась к Юкико, которая всё это время молча улыбалась. — Главная виновница нашей поездки не проявляет особого энтузиазма.

— Вот как? А почему?

— Она говорит, что, если мы поедем втроём, не на кого будет оставить Эцуко…

— Что за вздор! — воскликнул Тэйноскэ. — Уж если кому-то и надо ехать, то именно Юкико. За два или три дня с Эцуко ничего не случится.

— Конечно. Ты поезжай, сестричка, — сказала Эцуко. За последнее время она заметно повзрослела. — Ведь я остаюсь не одна, со мной будет О-Хару.

— Итак, эта проблема отпадает. Но Юкико смущает ещё одно обстоятельство.

— Какое?

Юкико тихонько рассмеялась.

— Она боится, что мы оставим её в Сибуе, — ответила за сестру Сатико. — Юкико понимает, что должна поехать в Токио проводить Итани, но возвращаться в «главный дом» ей не хочется.

— Гм, об этом я как-то не подумал.

— Но ведь мы можем и не заезжать в Сибую, — сказала Таэко.

— Нет, это невозможно, — возразил Тэйноскэ. — А если они узнают, что вы были в Токио? Как мы будем выглядеть в их глазах?

— Поэтому-то Юкико и просит меня поговорить с Цуруко, — сказать, что мы пришлём её к ним позднее, а пока хотим вернуться в Асию вместе.

— Что-то я не пойму, Юкико. Если ты так не любишь Токио, зачем тебе вообще встречаться с человеком, о котором рассказала Итани? — заметила Таэко.

— Вот именно, — подхватила Эцуко. — Я знаю, ты должна выйти замуж, но почему же обязательно за человека, который живёт в Токио?

— Ты уже понимаешь такие вещи, Эттян?

— Просто мне жаль, что Юкико придётся жить в Токио. Правда, Юкико?

— Эцуко, мне кажется, ты сегодня чересчур много говоришь, — одёрнула дочь Сатико. — Я думаю вот о чем: господин Мимаки — выходец из аристократического рода, стало быть, по происхождению он киотосец и поэтому вряд ли станет противиться переезду в Кансай. В конце концов, в Токио у него всего лишь наёмная квартира.

— Пожалуй, ты права, — согласился Тэйноскэ. — Если для него найдётся место в какой-нибудь осакской фирме, он наверняка не откажется перебраться в эти края. Ведь как-никак здесь его родина.

— И всё-таки одно дело — уроженцы Киото, и совсем другое, дело — коренные жители Осаки. Киотоские женщины всегда славились красотой, но вот киотоские мужчины, насколько мне известно, ничем особо не знамениты.

— Послушай, Сатико, не рано ли ты принялась критиковать господина. Мимаки? — сказал Тэйноскэ.

— И потом, вполне может статься, что он родился не в Киото, а в Токио. К тому же большую часть жизни он провёл за границей. Возможно, он вовсе и не похож на киотоских мужчин.

— Вы знаете, как я не люблю Токио, — промолвила Юкико, — но токийцы производят очень приятное впечатление.

Было решено, что прощальный подарок сёстры вручат Итани в Токио, но ехать на вокзал с пустыми руками было бы неприлично, и Тэйноскэ предложил купить для неё цветы. Сразу после ужина Макиока всей семьёй отправились в Кобэ за букетом, преподнести который было поручено Эцуко.

Проводы Итани нельзя было назвать особенно многолюдными, хотя, если бы она не хранила в строгой тайне время своего отъезда, на вокзале наверняка собралось бы полгорода. И всё же провожающих было человек двадцать, а то и тридцать, включая обоих братьев Итани с жёнами. (С одним из них, Фусадзиро Мураками, Макиока познакомились в своё время на смотринах; другой, врач по профессии, накануне переселился в Окамото и собирался вскоре открыть практику в Осаке.) Оказавшись на платформе, Сатико с сёстрами сразу же почувствовали, что выглядят чересчур нарядными на общем фоне, и не рискнули снять хаори.

Улучив удобный момент, Сатико поблагодарила Итани за утренний визит и сказала, что всё обсудила с мужем. Право же, они не знают, как благодарить госпожу Итани за то, что даже при теперешней занятости она продолжает принимать горячее участие в судьбе Юкико. Сатико с сёстрами почтут для себя за удовольствие присутствовать на прощальном вечере в Токио… Тэйноскэ присоединился к словам жены. Итани была в восторге: как это мило, что сёстры согласились приехать втроём! Она ждёт их непременно и завтра же позвонит им из Токио…

— Я обязательно позвоню вам завтра, — повторила Итани, высунувшись из окна вагона, когда поезд тронулся.

*** * ***

Итани сдержала обещание и наследующий день позвонила в Асию. Прощальный банкет состоится через три дня, в пять часов вечера, в отеле «Тэйкоку». На банкете будет всего девять человек: Итани с Мицуё, супруги Кунисима с дочерью, господин Мимаки и госпожа Сатико с сёстрами. Кстати, а где они намерены остановиться? Наверное, в доме своей старшей сестры? Но не кажется ли им, что будет удобнее, если они тоже поселятся в отеле «Тэйкоку»? В связи с празднованием две тысячи шестисотлетней годовщины основания Империи[117] всё гостиницы в Токио переполнены, но, по счастью, родственникам господина Кунисимы удалось забронировать номер в «Тэйкоку». Они готовы уступить этот номер сёстрам Макиока, а сами остановятся в доме господина Кунисимы…

Учитывая, что на сей раз с ними едет Таэко и что Юкико панически боится оказаться в «главном доме», Сатико с радостью ухватилась за это предложение. Если можно, сказала она Итани, они и в самом деле воспользуются любезным предложением родственников господина Кунисимы. Выехать в Токио они намерены либо завтра ночным поездом, либо утренним экспрессом послезавтра. Хотя им очень хотелось бы проводить госпожу Итани на пароход в Иокагаме, они не могут надолго оставить дом без присмотра и поэтому, как ни жаль, будут вынуждены вернуться в Асию сразу же после прощального вечера. Таким образом, они рассчитывают пробыть в

Токио два дня. Впрочем, если им удастся побывать в Кабуки, они задержатся ещё на один день… Итани тут же вызвалась позаботиться о билетах в театр, добавив, что, если у неё будет время, она охотно составит им компанию.

Наследующий день сёстрам удалось получить места в спальном вагоне ночного поезда, который отправлялся из Осаки в тот же вечер. Нужно было спешно приниматься за сборы. Сатико и Юкико предстояло сделать перманент, но с отъездом Итани они не знали, в какую парикмахерскую лучше пойти, и с нетерпением ждали прихода Таэко, в надежде, что она что-нибудь им посоветует. «Где же Кой-сан? — недоуменно спрашивали сёстры друг друга. — Почему она сегодня запаздывает?»

Так прошло утро, а около двух часов дня появилась Таэко, аккуратно подстриженная и причёсанная. Она не привыкла ничего откладывать напоследок и сегодня первым делом побывала в парикмахерской. Что за негодница! Почему она не взяла их с собой? — пожурила сестру Сатико.

Но Таэко с присущей ей рассудительностью отвечала, что они смогут сделать причёску в Токио — в отеле наверняка есть парикмахерская. В самом деле, — успокоилась Сатико. Сёстры обсудили, какие туалеты возьмут с собой, и уложили всё необходимое в два чемодана и сумку. Когда они поужинали и оделись, было уже самое время ехать на вокзал.

29

Не успели Сатико с сёстрами на следующее утро выйти из вагона, как к ним подбежала миниатюрная, по-европейски одетая девушка.

— Извините, пожалуйста, вы — госпожа Макиока? Должно быть, вы не помните меня. Я — Мицуё…

— Как же, как же, вы — дочка госпожи Итани…

— Совершенно верно. Здравствуйте. Мама хотела вас встретить, но у неё возникли неотложные дела, и она прислала меня. — Мицуё взглянула на багаж. — Я сбегаю за носильщиком, — сказала она, быстро куда-то упорхнула и вскоре вернулась с носильщиком. — О, да ведь я ещё толком не поздоровалась с госпожой Юкико и Кой-сан. Сколько же мы с вами не виделись? Спасибо вам всем, что приехали проводить маму. Вы очень добры к ней. Она так счастлива, что вы приняли её приглашение!

После того как носильщик забрал крупные вещи, в руках у сестёр остались дорожный несессер, узелок и ещё какие-то свёртки.

— Разрешите, я вам помогу. Нет, нет, не возражайте, пожалуйста, — сказала Мицуё и, выхватив у них ручную кладь, проворно нырнула в толпу.

Сатико с сёстрами видели Мицуё раз или два, когда она ещё училась в гимназии в Кобэ. С тех пор девушка заметно изменилась, приобрела определённый лоск, и, если бы она не назвала себя, они ни за что не узнали бы её. Единственное, что осталось неизменным в её облике — это маленький рост. В отличие от худощавой, но высокой Итани, её дочь была, на удивление низкорослой, почти такой же, как в гимназические годы.

Сатико помнила её смуглой, круглолицей и довольно-таки упитанной девочкой. Теперь кожа у неё стала гораздо светлее, но зато она похудела и оттого выглядела ещё миниатюрней, руки же у неё были совсем крошечные, как у четырнадцатилетней девочки. Она была всего сантиметра на полтора ниже Таэко, но та в своём кимоно и хаори производила впечатление просто-таки дородной дамы, Мицуё же рядом с ней выглядела совсем тщедушной и невзрачной.

Однако при всём при том Мицуё вполне оправдывала характеристику Итани: её дочь деловитая и напористая.

Манерой изъясняться она до смешного походила на мать. Такая же бойкая на язык, при своём крошечном росте, она чем-то напоминала не по годам развитого ребёнка. Юкико невольно задевал и коробил её покровительственный тон.

— Как любезно с вашей стороны, Мицуё-сан, что вы приехали нас встретить. Жаль только, что мы оторвали вас от дел.

— Ну что вы, что вы! Конечно, в связи с годовщиной основания Империи дел в журнале, прямо скажем, немало. К тому же и мама дала мне кое-какие поручения…

— Я слышала, на днях здесь состоялся большой военно-морской парад.

— Да, а на следующий день после него — учредительное собрание Ассоциации помощи трону.[118] В храме Ясукуни начались торжественные службы, а двадцать первого состоится военный смотр. Весь этот месяц в Токио каждый день что-нибудь происходит. Всё гостиницы переполнены. Да, кстати, для вас приготовлен номер в отеле «Тэйкоку», правда, совсем плохонький…

— Ничего, он нас вполне устроит.

— Мало того, что он тесный, там стояло только две кровати. Но мы всё-таки добились, чтобы одну из них заменили на двуспальную.

По дороге в гостиницу Мицуё сообщила также, что её попытки достать билеты в Кабуки на сегодняшний вечер не увенчались успехом. В Токио такой наплыв народа, что заявки на билеты принимаются за десять дней вперёд. Тем не менее через редакцию ей, по-видимому, удастся получить билеты на послезавтра. Если сёстры Макиока не возражают, к ним присоединятся они с матерью и господин Мимаки, но сидеть всем, наверное, придётся порознь…

— Ну вот, мы и на месте. Неловко даже показывать вам эту тёмную каморку, но ничего не поделаешь… — Проводив сестёр Макиока в их номер, Мицуё сразу же направилась к двери. — Мама обещала заглянуть к вам, как только вернётся. А я, с вашего позволения, побегу на службу. Мы с вами ещё увидимся. Если вам нужно сделать какие-нибудь покупки, я всегда к вашим услугам. Вот мой номер телефона. — Крохотные пальчики Мицуё с ярким

маникюром извлекли из сумки визитную карточку и протянули её Сатико.

Сатико намеревалась сегодня же заняться причёской, но после ночи, проведённой в поезде, чувствовала себя усталой.

Прежде всего нужно отдохнуть, решила она. Конечно, было бы хорошо сейчас немного поспать, но с минуты на минуту могла появиться Итани. В таком случае они просто распустят на себе пояса и ненадолго прилягут… Сатико беспокоилась не столько о себе, сколько о Юкико. Благодаря уколам пятно у неё над глазом побледнело, однако полностью не исчезло. Между тем приближался конец месяца — наиболее неблагоприятная для Юкико пора, к тому же Сатико давно уже заметила: стоит сестре переутомиться, как пятно проступает более отчётливо. Глядя на усталое лицо Юкико, Сатико пришла к выводу, что сегодня необходимо дать ей возможность отдохнуть.

— Ну как, Юкико, может быть, мы отложим поход в парикмахерскую на завтра? Я вижу, ты устала.

— Нет, я готова пойти хоть сейчас.

— Банкет начинается в пять часов вечера, так что завтра целый день будет в нашем распоряжении. Я предлагаю сейчас передохнуть, а потом прогуляться по Гиндзе и заодно сделать покупки.

— Я хочу немного полежать, — сказала Таэко.

Едва войдя в номер, Таэко облюбовала кресло поудобнее и, как была, в кимоно и хаори, рухнула в него. Но уже через несколько минут сняла хаори, развязала пояс и легла на кровать. Прежде она легко преодолевала усталость. Во всяком случае, после такой вот поездки в поезде ей не требовался отдых. Теперь же она пребывала в каком-то странном состоянии, при каждой возможности норовила сесть, вытянув ноги перед собой или подперев рукой голову, охала, вздыхала, зевала, демонстрируя полное пренебрежение к правилам хорошего тона. Возможно, она ещё не вполне оправилась после болезни или же просто-напросто набрала лишнего веса и потому быстро утомлялась.

— Ты тоже приляг, Юкико, — сказала Сатико.

Юкико кивнула и опустилась в кресло, сдвинув в сторону брошенное Таэко хаори. Ночью ей придётся спать вместе с Таэко, — вторую кровать они, конечно же, должны уступить старшей сестре, — но ложиться сейчас рядом с ней Юкико не хотелось. Хотя кровать и считалась двуспальной, она была недостаточно широкой для двоих.

Вскоре Юкико уже сладко дремала. Сатико, как видно, оценила проявленную сестрой предупредительность и легла на свободную кровать, однако ни ей, ни Таэко уснуть так и не удалось.

— Кой-сан, давай-ка примем ванну, — предложила Сатико.

Сёстры приняли ванну, потом разбудили Юкико, которая всё это время продолжала безмятежно спать в кресле, и всё вместе отправились обедать. Так и не дождавшись Итани, они затем решили пойти на Гиндзу — им во что бы то ни стало нужно было купить для неё прощальный подарок. Но какой? Дарить какую-нибудь заграничную вещь было вряд ли уместно: лучше всего преподнести нечто традиционно японское, такое, что способно произвести впечатление и в Америке. После долгих поисков сёстры остановили выбор на перламутровой шкатулке, которую Сатико собиралась вручить Итани от своего имени, и черепаховой броши, украшенной жемчугом, которая должна была служить совместным подарком от Юкико и Таэко. Им предстояло сделать ещё кое-какие покупки, но они устали от ходьбы по магазинам.

— Ну всё, довольно. Я, например, возвращаюсь в гостиницу, — решительно заявила Таэко, после того как сёстры выпили чаю в «Коломбине».

Когда, они поднялись к себе в номер, было уже половина пятого. На столике рядом с вазочкой с орхидеей лежала записка от Итани: «Позвоните мне, пожалуйста, как только вернётесь. Я хотела бы пригласить вас на чай».

— Опять чай! Нет, это просто невыносимо! — с досадой воскликнула Таэко. Она снова оккупировала кресло, из которого, казалось, её невозможно было поднять никакими силами. Сатико и Юкико устало опустились на кровать. Но не прошло и десяти минут, как в номере зазвонил телефон.

— Это наверняка Итани, — сказала Сатико и взяла трубку.

Она не ошиблась: на том конце провода зазвучал знакомый торопливый голос. Как жаль, что ей не удалось сегодня встретить их на вокзале, начала Итани. Она только что вернулась в гостиницу. Не могли бы госпожа Макиока с сёстрами спуститься в холл и выпить с ней по чашке чая?

— Благодарю вас, с удовольствием, — ответила Сатико. — Я как раз собиралась вам звонить. Мы сейчас, идём…

— Я не хочу никакого чая, — запротестовала Таэко. — Может быть, вы пойдёте без меня?

Сатико, однако, сочла, что это будет неучтиво по отношению к Итани. Они с Юкико устали ничуть не меньше Кой-сан… Через несколько минут всё трое уже спускались в холл.

30

Не теряя времени на приветствия, Итани сразу же приступила к делу. Для начала она сообщила сёстрам, что ей только что звонили из театральной кассы: с билетами в Кабуки на послезавтра всё в порядке, правда, всем вместе им сидеть не удастся — для госпожи Макиока с сёстрами оставлено три места, в одном ряду, для Итани с дочерью — в другом, а господину Мимаки придётся сидеть отдельно.

Затем Итани заговорила о Мимаки, и неожиданно для себя сёстры узнали от неё важные новости. Как выяснилось, Итани не только успела рассказать о Юкико супругам Кунисима и самому Мимаки, но и показала им её фотографию. Фотография произвела в высшей степени благоприятное впечатление. Всё сошлись на том, что Юкико выглядит намного моложе своих лет. Мимаки сразу же сказал, что о лучшей невесте нельзя и мечтать и, если семья Макиока сочтёт его достойным, он готов жениться на ней хоть завтра. Итани не сочла возможным что-либо приукрашивать и как на духу рассказала ему всё, что знает о семье Макиока, — об отношениях между «главным домом» и Асией, о неладах Юкико и Таэко со старшим зятем, о причинах, приведших к размолвке между ними. Мимаки воспринял её рассказ совершенно спокойно и ничуть не поколебался в своей решимости жениться на Юкико. Будучи сам отнюдь не праведником, он, как видно, не склонен строго судить других. Во всяком случае он не выказал ни малейшего желания вдаваться в какие бы то ни было подробности.

Почувствовав, что разговор коснулся весьма деликатной темы, Юкико и Таэко поспешили допить свой чай и откланялись.

— Честно говоря, я рассказала ему и о пятнышке, — понизив голос, сообщила Итани, глядя вслед уходящей Юкико. — Лучше предупредить его заранее, чем ждать, когда он сам спросит об этом.

— Вы совершенно правы. Да и нам так будет спокойнее… Всё это время Юкико ходила на уколы, и, как видите, не напрасно. Врач говорит, что после замужества пятно должно совершенно исчезнуть. Не могли бы вы объяснить это господину Мимаки?

— Да я и так всё ему объяснила. Он сказал, что будет счастлив в этом убедиться.

— Неужели он вправду так и сказал?

— Ну конечно. Теперь относительно Кой-сан. Я не знаю, известно ли вам об этом или нет, но — как бы это лучше сказать? — ходят разные слухи. И тем не менее, даже если эти слухи небеспочвенны, вам не стоит особенно беспокоиться. В каждой семье кто-то один обязательно не похож на всех остальных, и это, по-моему, к лучшему — иначе было бы неинтересно жить, не правда ли? Господин Мимаки говорит, что, какая бы молва ни окружала Кой-сан, ему это совершенно безразлично, ведь он собирается жениться не на ней.

— Я вижу, господин Мимаки и впрямь человек без предрассудков.

— Знаете ли, люди, умеющие получать удовольствие от жизни, как правило, не бывают педантами. Он так и сказал мне: я не имею непосредственного отношения к сестре госпожи Юкико, поэтому вы можете откровенно рассказать мне всё как есть, если, конечно, сочтёте это нужным… — Поняв по лицу Сатико, что эти слова её успокоили, Итани сразу же спросила: — А как отнеслась к этому предложению госпожа Юкико?

— Видите ли… Дело в том, что…

Дело в том, что Сатико попросту ещё ничего не обсуждала с Юкико. До сих пор она предпочитала думать, что главная цель их поездки в Токио — проводы Итани. Нет, она, конечно, помнила о сватовстве, но старалась не принимать его всерьёз — по крайней мере до того, как они познакомятся с Мимаки. Ей не хотелось тешить себя напрасными надеждами из боязни испытать новое разочарование. Сегодняшний разговор с Итани впервые заронил в ней настоящий интерес к этому сватовству.

Из слов Итани следовало, что на сей раз дело действительно идёт к свадьбе. Сатико смущало только одно: Юкико наверняка не прельстит перспектива жить в Токио. Впрочем, дело было не столько в Юкико — теперь уже она вряд ли станет упрямиться, а если и станет, к её возражениям совсем не обязательно прислушиваться, — сколько в самой Сатико, которой почему-то была неприятна мысль о том, что сестра уедет в Токио. Она от всей души желала, чтобы Юкико с мужем поселилась где-нибудь в Киото, Осаке или Кобэ.

А где предполагает жить господин Мимаки после свадьбы? — спросила Сатико у Итани. Она слышала, что виконт как будто бы готов купить молодожёнам дом, но где, в каком городе? Разумеется, она

отнюдь не намерена выдвигать какие-либо условия, просто ей интересно знать, хочет ли господин Мимаки остаться в Токио, или, может быть, он не возражал бы переехать в Кансай? Гм, пробормотала в ответ Итани, ей не пришло в голову спросить его об этом, но теперь она непременно всё выяснит. Впрочем, ей кажется, что господин Мимаки не захочет уезжать из Токио. А что, разве госпожа Макиока возражает против Токио?

— Да нет… — неуверенно произнесла Сатико, но тут же поправилась: — Вовсе нет.

Ну что ж, в таком случае они пока попрощаются, сказала Итани, но не надолго. После ужина должна приехать Мицуё вместе с господином Мимаки. Итани будет ждать сестёр Макиока к себе.

Итани позвонила в девятом часу вечера. Она прекрасно понимает, что госпожа Макиока с сёстрами устали, но только что приехал господин Мимаки, и она просит их втроём заглянуть к ней в номер.

Сатико достала из чемодана нарядные кимоно с поясами и разложила их на обеих кроватях, после чего они с Таэко помогли Юкико одеться. Когда же настал их черёд заняться собственным туалетом, снова позвонила Итани с просьбой поторопиться.

* * *

— Проходите, пожалуйста, — сказала Мицуё, впуская Сатико с сёстрами в дверь. — Извините, у нас тут ужасный беспорядок.

И действительно, посреди комнаты стояло несколько чемоданов, повсюду громоздились какие-то коробки, картонки, пакеты, прощальные сувениры.

При виде сестёр Мимаки тотчас же поднялся со стула. Когда Итани представила их друг другу, он подвинул свой стул дамам, а сам устроился на чемодане:

— Пожалуйста, пожалуйста. Здесь мне даже удобнее. В комнате было всего четыре стула. Их заняли Сатико с сёстрами и Итани. Мицуё присела на край кровати.

— Ну так как, госпожа Итани, — сказал Мимаки, как видно продолжая прерванный разговор, — быть может, вы всё-таки

продемонстрируете, нам свои туалеты? Глядите, сколько у вас зрителей.

— Нет, господин Мимаки, как раз перед вами я ничего демонстрировать не буду.

— Напрасно, ведь я поеду провожать вас на пароход и тогда, всё равно увижу вас в одном из ваших европейских нарядов, хотите вы того или нет.

— Ошибаетесь, я буду в кимоно.

— Как? Вы и на корабле собираетесь ходить в кимоно?

— Не знаю, во всяком случае, я постараюсь как можно реже надевать европейское платье.

— Ну, это совсем непонятно. Зачем же тогда вы сшили себе всё эти туалеты? — Мимаки повернулся к Сатико. — Вы знаете, перед вашим приходом у нас зашла речь о том, как одевается госпожа Итани. Скажите, пожалуйста, вы когда-нибудь видели её в европейском платье?

— Нет, ни разу, — ответила Сатико. — Сколько мы знаем госпожу Итани, она всегда ходит в кимоно. Удивительно, но это так.

— Вот, вот, и нас в Токио это удивляет. Даже Миттян, оказывается, никогда не видела свою маму в европейской одежде. Поэтому-то мы и просим госпожу Итани продемонстрировать свои новые туалеты. Ну, пожалуйста, госпожа Итани, примерьте хотя бы одно платье в порядке, так сказать, репетиции.

— Прикажете переодеваться прямо здесь, перед вами?

— А почему бы и нет? Впрочем, мы можем подождать в коридоре.

— Господин Мимаки, вы совсем задразнили маму. Не всё ли вам равно, как она одевается?

— Кстати, — поспешила переменить тему разговора Итани, — я вижу, в последнее время Кой-сан тоже стала одеваться по-японски.

— Не хитрите, госпожа Итани. Так просто вам от меня не отделаться, — улыбнулся Мимаки.

— Да, с некоторых пор Кой-сан действительно предпочитает японскую одежду европейской, — сказала Сатико.

— Говорят, это признак надвигающейся старости, — шутливо заметила Таэко, ничуть не смущаясь своего осакского выговора.

— Я надеюсь, Кой-сан на меня не обидится, — проговорила Мицуё, скользнув взглядом по пышному наряду Таэко, — но мне

кажется, ей больше пошла бы европейская одежда. Разумеется, я не хочу сказать, что ей плохо в кимоно.

— Простите, Миттян, но мне казалось, что эту милую молодую даму зовут Таэко-сан. Почему вы называете её «Кой-сан»?

— Ну и ну, господин Мимаки — уроженец Киото и не знает, что такое «Кой-сан»!

— «Кой-сан» — осакское слово, — объяснила Сатико, — в Киото его, наверное, не знают.

Итани открыла коробку шоколадных конфет, очевидно полученную от кого-то в подарок, но никто из гостей не притронулся к ним — всё были сыты и пили только чай.

«Надо бы заказать что-нибудь для господина Мимаки», — шепнула Мицуё матери, и та распорядилась по телефону, чтобы в номер подали виски. Мимаки, судя по всему, был не прочь выпить. «Оставьте здесь всю бутылку, любезнейший», — добродушно сказал он официанту и с прежней живостью поддерживал беседу, время от времени отпивая из своего стаканчика.

Итани умело направила разговор в нужное русло. Для начала она спросила Мимаки, где он намерен поселиться, обзаведясь собственным домом, — в Токио или в каком-нибудь другом городе, — и тот, отвечая на её вопросы, принялся рассказывать о себе и о своих планах на будущее.

Только что Миттян назвала его выходцем из Киото, сказал Мимаки, но это не совсем верно. Ещё со времён его деда постоянной резиденцией семьи Мимаки служит дом в районе Коисикава в Токио, и сам он родился в Токио. Отец его — коренной киотосец, но мать была уроженкой Токио, поэтому Мимаки считает себя, так сказать, «полукровкой». В молодые годы Мимаки совершенно не влекло в Киото, его манили дальние страны, Европа, Америка, но в последнее время он стал испытывать нечто вроде ностальгии к городу своих предков. Отец тоже всю жизнь провёл в Токио, но на склоне лет его потянуло в Киото. Должно быть, и самому Мимаки на роду написано поселиться в тех краях.

С некоторых пор, продолжал он, в нём проснулся интерес ко всему исконно японскому, он оцепил достоинства национальной архитектуры. Со временем он надеется вернуться на поприще архитектора, чтобы в дальнейшем проектировать здания, опираясь на

традиции японской старины. Таким образом, с точки зрения профессиональных интересов ему было бы желательно жить именно в Кансае. Кроме того, дома, которые он намерен построить в будущем, идеально вписались бы в пейзаж Киото, Осаки или Кобэ, но никак не Токио. Одним словом, он считает, что его дальнейшая судьба будет связана с Кансаем. Кстати, обратился Мимаки к Сатико, в какой части Киото она посоветовала бы ему купить дом? Сатико осведомилась, где находится вилла виконта, после, чего сказала, что выбирать для себя дом Мимаки, очевидно, следует либо в Саге, либо в окрестностях храма Нандзэндзи, либо в районе Окадзаки или Сисигатани.

Беседа затянулась до позднего вечера. К тому времени Мимаки успел опорожнить бутылку на треть, но тем не менее великолепно владел собой, только стал ещё более словоохотливым и много шутил, веселя всю компанию. Мицуё умело подыгрывала ему, они без конца состязались в остроумии, как заправские комики. Сатико с сёстрами смеялись от души, совершенно позабыв про усталость. Около одиннадцати вечера Мимаки внезапно вскочил: какой ужас! Он пропустит последний трамвай! Мицуё поднялась вслед за ним.

На следующее утро сёстры проспали до половины десятого. Сатико не хотела дожидаться, когда откроется ресторан, и заказала в номер гренки, после чего они с Юкико отправились в парикмахерский салон «Сисэйдо». В гостинице тоже была парикмахерская, но накануне Мицуё посоветовала им сделать завивку именно в этом салоне, потому что там применяют какой-то новый состав, который не портит волосы. Перед ними в очереди было человек тринадцать, и оставалось только гадать, сколько времени уйдёт у них на причёску. В парикмахерской Итани в иные дни тоже бывало многолюдно, но там они были свои люди, и Итани никогда не заставляла их сидеть в очереди, здесь же их никто не знал. Вокруг не было ни одного располагающего к себе лица, всё держались на удивление неприступно. Сёстры чувствовали себя словно на вражеской территории. Они старались не переговариваться между собой, чтобы не привлекать внимание своим провинциальным выговором, лишь робко прислушивались к бойкой токийской речи сидящих рядом дам.

— Что-то сегодня чересчур много народу, — сказала одна из них.

— Ничего удивительного, — ответила другая, — сегодня по гороскопу счастливый день, всё справляют свадьбы, так что в

парикмахерские просто не пробиться.

«Вот оно что? — подумала про себя Сатико. — Должно быть, Итани специально выбрала этот день ради Юкико…»

Между тем в дверях салона появлялись всё новые посетительницы. Две или три из них умудрились пройти без очереди, сославшись на то, что они «записаны на определённое время».

Сатико и Юкико пришли сюда незадолго до двенадцати, но время уже близилось к двум, и они всерьёз беспокоились, что не успеют к началу банкета. «Ноги моей больше не будет в этом салоне!» — с раздражением думала Сатико. Не сумев толком позавтракать, она уже порядком проголодалась. Ещё больше, однако, её волновала сестра. Юкико любила говорить, что у неё желудок меньше, чем у всех остальных, и поэтому всегда ела понемногу, но зато и голод начинала чувствовать раньше других. «Каково ей сейчас томиться в очереди… Что, если она упадёт в обморок?» — размышляла Сатико, с тревогой поглядывая на бледное, удручённое лицо сестры.

Наконец подошла их очередь. Сатико пропустила сестру вперёд, когда же обслужили их обеих, было уже без десяти пять. Как раз в это время кто-то из служащих сообщил, что госпожу Макиока просят к телефону. Звонила Таэко. Как же так? Скоро пять, а их всё ещё нет. «Мы только что освободились и уже бежим в гостиницу», — ответила Сатико, невольно соскальзывая на осакский диалект. Сёстры опрометью бросились к выходу.

— Запомни, Юкико: прежде чем идти в незнакомую парикмахерскую, нужно свериться с гороскопом.

В вестибюле гостиницы сёстры встретили по крайней мере пять дам в парадных одеждах, с которыми они сидели в очереди в салоне «Сисэйдо». Извиняясь перед Итани за опоздание, Сатико не преминула повторить:

— Прежде чем идти в незнакомую парикмахерскую, нужно свериться с гороскопом.

31

Третий — и последний — день пребывания сестёр в Токио оказался весьма суматошным.

Поначалу Сатико планировала посвятить этот день посещению театра, а на следующее утро навестить старшую сестру, сделать всё необходимые покупки и ночным поездом уехать домой. Но её сёстры и слышать не хотели о ночном поезде, Таэко сказала, что измучилась от постоянного недосыпания и мечтает как можно скорее очутиться в своей постели. Юкико её поддержала. Нежелание обеих задерживаться в Токио объяснялось, по-видимому, не столько усталостью, сколько стремлением свести к минимуму продолжительность визита в Сибую. Они предложили уехать завтра утренним экспрессом «Ласточка». Сегодня в первой половине дня они успеют сделать покупки, а перед тем, как идти в Кабуки, на несколько минут заедут к Цуруко.

Сатико вполне понимала своих сестёр. Нелюбовь Таэко к «главному дому» была хорошо известна, а Юкико, конечно же, боялась показываться в Сибуе после того, как пробыла в Асии больше года.

Прошлой осенью «главный дом» поставил Таэко перед выбором: либо она переезжает в Токио, либо семья Макиока порывает с ней отношения. По существу, то же самое дали попять и Юкико, хотя и не в столь категоричной форме. Но Юкико не придала этой угрозе особого значения и предпочла забыть о ней, полагая, что её имя было упомянуто лишь заодно с Таэко.

С тех пор никаких распоряжений по поводу Юкико из Токио не поступало. Возможно, Тацуо не желал осложнять и без того непростые отношения со свояченицей, а может быть, давно уже не считал её, как и Таэко, членом своей семьи. В любом случае миновать эту тему в разговоре с Цуруко вряд ли удалось бы, и поэтому Сатико боялась встречи со старшей сестрой не меньше, чем Юкико.

В свой последний приезд в Токио Сатико ограничилась телефонным звонком в Сибую — отчасти потому, что у неё возникли неприятности с глазом, но в большей степени из опасения, что при личной встрече Цуруко потребовала бы возвращения Юкико в Токио. Юкико вряд ли подчинилась бы этому требованию, и тогда Сатико

оказалась бы в трудном положении. Но и помимо всего этого у Сатико были причины избегать встречи со старшей сестрой.

После письма, которое та прислала ей в ответ на сообщение о болезни Таэко, в ней подспудно жило неприязненное чувство к Цуруко. Сатико предпочла бы на сей раз вовсе не появляться в «главном доме», но Тэйноскэ, конечно же, не одобрил бы этого. К тому же у Сатико были важные новости, которыми она не могла не поделиться с сестрой и зятем.

До позавчерашнего дня Сатико не возлагала особых надежд на очередную попытку Итани просватать Юкико, но с тех пор многое изменилось. Она увидела Мимаки, вчера на банкете познакомилась с четой Кунисима, которые охотно приняли на себя роль сватов, ощутила атмосферу заинтересованной доброжелательности — и страх перед новой неудачей оставил её.

Сатико чувствовала, что вчерашняя встреча совершенно неожиданно превратилась в самые настоящие смотрины, результатами которых остались довольны обе стороны. Особенно обрадовало её то, с какой симпатией и душевной теплотой отнеслись к Таэко Мимаки и Кунисима. Они держались и говорили с ней так, как будто её не за что было порицать, — любезно, предупредительно, причём в их тоне не было и следа нарочитости или высокомерия. В их обществе Таэко ощущала себя просто и естественно, забавляя присутствующих шутками и весёлыми выходками, на которые была мастерица. Безусловно, она старалась ради Юкико, и при мысли об этом у Сатико к глазам подступали слёзы благодарности.

Юкико, как видно, тоже была глубоко тронута сестринским участием, во всяком случае, такой оживлённой и разговорчивой Сатико никогда ещё её не видела. На банкете Мимаки снова повторил, что намерен обосноваться либо в Киото, либо в Осаке, но теперь уже этот вопрос не имел для Сатико решающего значения: она считала, что с таким мужем, как Мимаки, её сестре можно жить и в Токио.

*** * ***

Прикинув, что Тацуо уже ушёл на службу, Сатико позвонила в Сибую. Сообщив сестре об отъезде Итани за границу, Сатико

рассказала, что они втроём приехали в Токио для участия в прощальном вечере и завтра утром намерены выехать домой. Вечером они идут в Кабуки, а перед этим хотели бы ненадолго заглянуть в Сибую — иного времени у них, к сожалению, не будет. Затем Сатико сказала, что появился новый претендент на руку Юкико, но переговоры о сватовстве пока находятся лишь на начальной стадии.

Всё утро сёстры провели в беготне по магазинам, потом пообедали в ресторанчике «Хамасаку» на Гиндзе, после чего поймали такси, чтобы ехать в Сибую. Таэко без конца жаловалась на недомогание и усталость. В ресторане, где сёстрам отвели отдельный кабинет, она сразу вытянулась на циновках, подложив под голову подушку для сидения.

Когда Сатико и Юкико стали садиться в такси, Таэко вдруг заявила, что не поедет с ними. «Главный дом» разорвал с ней отношения, сказала она, и её визит только смутит Цуруко. К тому же у неё нет ни малейшего желания встречаться с сестрой.

Как же так? — возразила Сатико. Неудобно, если Кой-сан не поедет вместе с ними. Что бы ни говорил Тацуо, Цуруко вряд ли изменила своё отношение к Кой-сан и будет рада её видеть, в особенности теперь, после перенесённой ею тяжёлой болезни. Кой-сан должна непременно поехать в Сибую. Таэко, однако, ответила, что валится с ног от усталости. Она выпьет где-нибудь чашечку кофе и оттуда потихоньку пойдёт в театр. Сатико не стала настаивать, и в результате они поехали в Сибую вдвоём с Юкико.

Остановив машину перед домом Цуруко, шофёр сказал, что ждать их не сможет. Сёстрам насилу удалось его уговорить, пообещав, что они будут отсутствовать самое большее двадцать минут и, разумеется, полностью оплатят время простоя.

Цуруко провела сестёр наверх, в гостиную. Здесь всё оставалось по-прежнему — и красный лакированный столик, и каллиграфическая надпись кисти Рая Сюнсуя над входом, и шкафчик с золотой росписью, и старинные часы на нём. Всё дети, за исключением пятилетней Умэко, были в школе, и поэтому в доме стояла непривычная тишина.

— Не пойму, отчего вы не отпускаете машину?

— А вдруг мы не сможем поймать здесь такси? Как тогда, добираться до театра?

— Да здесь сколько угодно такси. К тему же вы могли бы поехать и на метро. От станции «Оваргитё» до Кабуки буквально два шага.

— В следующий раз мы побудем у тебя подольше. Я уверена, скоро мы опять приедем в Токио.

— А что дают в Кабуки в этом месяце? — неожиданно спросила Цуруко.

— «Ибараки», «Хризантемовое поле»,[119] затем… Ну вот, забыла…

В комнату вошла маленькая Умэко. Юкико взяла её за ручку и увела играть вниз, оставив сестёр наедине.

— Как дела у Кой-сан?

— Она была всё утро с нами, но к тебе ехать постеснялась…

— Почему? Я была бы рада её видеть.

— Я так ей и сказала… Видишь ли, в эти дни у нас было много беготни, и она едва держится на ногах. Мне кажется, она ещё не вполне оправилась после болезни.

Стоило Сатико переступить порог этой гостиной, как смутная враждебность к сестре, не покидавшая её всё эти месяцы, исчезла без следа. На Цуруко можно было сердиться только на расстоянии, а вблизи она была всё той же сердечной, радушной Цуруко. Сатико почувствовала неловкость, когда сестра поинтересовалась, какие пьесы идут в Кабуки. В самом деле, было жестоко не пригласить Цуруко в театр, тем более что сёстрам не так уж часто удаётся побыть всем вместе. Если бы Цуруко промолчала, можно было бы не придавать всему этому значения, но Сатико знала, что, несмотря на свою внешнюю степенность, сестра бывает по-детски импульсивна, — при одном упоминании о Кабуки ей наверняка захотелось пойти туда вместе со всеми. К тому же теперь, когда в результате падения курса акций капитал, которым они с Тацуо так дорожили, практически обесценился и бюджет семьи значительно сократился, Цуруко вряд ли может позволить себе часто бывать в театре.

Сатико поспешила загладить неловкость и перевела разговор на матримониальные дела Юкико, стараясь представить их в самом радужном свете. Жених, сказала она, выражает горячую заинтересованность в браке и ждёт лишь согласия семьи Макиока. На сей раз она уверена, что дело сладится, и в скором времени надеется порадовать Тацуо и Цуруко добрыми вестями. Как только Тэйноскэ

встретится с господином Мимаки, они намерены обстоятельно обсудить этот вопрос с «главным домом».

— Господин Мимаки будет сегодня в театре. И Итани с дочерью тоже, — заметила Сатико напоследок и поднялась. — Я уверена, мы очень скоро увидимся.

Цуруко пошла её проводить.

— Юкико должна сделать над собой усилие и казаться хоть чуточку более оживлённой и разговорчивой.

— О, вчера ты её не узнала бы! Она держалась удивительно просто и естественно, охотно поддерживала беседу. Вот увидишь, на сей раз всё будет хорошо.

— Мне так хочется в это верить! Как-никак ей уже тридцать четыре года…

— До свидания, Цуруко, — сказала Юкико, когда сёстры спустились вниз, и, опережая Сатико, ринулась в прихожую.

— До свидания. Передайте привет Кой-сан, — ответила Цуруко и направилась вместе с сёстрами к машине. — Значит, Итани едет за границу… Наверное, мне тоже полагалось бы с ней проститься.

— Не думаю, ведь вы с ней не знакомы.

— Да, но, зная, что она в Токио, неудобно никак не поблагодарить её за хлопоты. Когда уходит её пароход?

— Двадцать третьего. Но она, по-моему, не хочет, чтобы её провожали.

— Тогда, быть может, мне следует повидать её в гостинице?

— Я не вижу в этом особой необходимости… Водитель включил мотор, и в этот миг Сатико заметила, что по лицу Цуруко катятся слёзы. «Как странно, — подумала Сатико. — Неужели разговор об Итани мог её огорчить?» Машина тронулась с места. Цуруко уже не пыталась сдерживать слёзы.

— Ты видела? — спросила Юкико сестру. — Кто бы мог подумать, что она расплачется из-за отъезда Итани.

— Наверное, отъезд Итани здесь ни при чем. Дело в чём-то ином.

— Может быть, она обиделась, что мы не пригласили её в Кабуки?

— Да, скорее всего так. Ей очень хотелось пойти в театр.

Только теперь Сатико поняла: сестра огорчилась именно из-за того, что её не взяли в Кабуки. Не желая показаться смешной, она изо всех сил сдерживала слёзы, но под конец всё же расплакалась.

— Она ничего не сказала по поводу моего возвращения в Токио?

— Ни слова. Как я поняла, её голова была занята в основном нашим походом в театр.

— Правда? — с нескрываемым облегчением произнесла Юкико.

* * *

Посещение Кабуки не способствовало более близкому знакомству сестёр с Мимаки — они сидели в разных концах зала. И всё же перед началом спектакля они вместе зашли в буфет, а в антрактах Мимаки неизменно подходил к сёстрам, приглашая их прогуляться в фойе. Неплохо разбираясь в западном искусстве, он, по собственному его признанию, чувствовал себя совершенным профаном в отношении старинного японского театра. Как выяснилось, он даже не мог отличить друг от друга два основных стиля пения в Кабуки — «нагаута» и «киёмото», и Мицуё без конца над ним подтрунивала.

— Вот как? Значит, это ваш последний вечер в Токио? — сказала Итани, услышав, что завтра Сатико с сёстрами уезжают домой. Ну что ж, она рада, если смогла оставить о себе добрую память. Конечно, им ещё многое нужно было бы обсудить, ну да ничего, Мицуё обо всём напишет им в Асию.

* * *

После спектакля Мимаки предложил пройтись по Гиндзе. Итани с Сатико немного отстали от других. Ну вот, сказала Итани, госпожа Макиока, должно быть, и сама видит, что у господина Мимаки самые серьёзные намерения. Супруги Кунисима, хотя и познакомились с госпожой Юкико только вчера, уже души в ней не чают. В будущем месяце господин Мимаки намерен побывать в Асии и встретиться с господином Тэйноскэ, а затем, с согласия семьи Макиока, господин Кунисима поговорит с виконтом.

После чая в «Коломбине» Мимаки и Мицуё откланялись, пообещав завтра утром приехать на вокзал, а остальные четверо

направились в гостиницу. Итани проводила сестёр до их номера и вскоре ушла к себе, пожелав им покойной ночи.

Попрощавшись с Итани, Сатико первой приняла ванну, за нею пошла Юкико. Таэко, всё ещё в кимоно и накидке, сидела прямо на полу, прислонившись щекой к подлокотнику кресла. Конечно же, её утомила прогулка, подумала Сатико, но, с другой стороны, они проделали не такой уж длинный путь, чтобы вот так рухнуть от усталости.

— Что с тобой, Кой-сан? Я понимаю, ты ещё не вполне оправилась после болезни, и всё-таки, быть может, тебе стоит ещё раз показаться доктору Кусиде?

Таэко безразлично кивнула.

— Мне и без доктора ясно, что со мной.

— Да? Так что же с тобой, Кой-сан?

Не меняя позы, Таэко подняла к сестре тусклые глаза и проговорила, как всегда, спокойно и внятно:

— У меня будет ребёнок. Я уже на третьем или даже на четвёртом месяце.

— Что? — вскрикнула Сатико и уставилась на сестру так, как будто собиралась пронзить её взглядом. Прошло некоторое время, прежде чем она нашла в себе силы спросить: — Кто отец ребёнка — Кэй-тян?..

— Миёси. Ты, наверное, слышала о нём от «бабушки».

— Тот, что служит в баре? Таэко молча кивнула.

— Я ещё не была у врача, но ошибки быть не может.

— Ты будешь рожать?

— Миёси настаивает на этом… К тому же для меня это единственная возможность отделаться от Кэй-тяна.

Как всегда бывало с нею в минуты сильного душевного потрясения, Сатико почувствовала, что от рук и ног у неё отхлынула кровь. Её била дрожь. Первым делом нужно было унять сердцебиение, поэтому она не стала продолжать разговор с сестрой. Кое-как добравшись до выключателя, Сатико погасила верхний свет, зажгла ночник и легла в постель. Когда Юкико вернулась в комнату.

Сатико прикрыла глаза и сделала вид, что спит. Через некоторое время Таэко поднялась и направилась в ванную.

32

Ничего не подозревавшая Юкико вскоре уснула, потом, как видно, дремота сморила и Таэко. Лишь Сатико всю ночь не могла сомкнуть глаз. Она снова и снова возвращалась мыслями к ошеломляющему признанию сестры и вытирала слёзы краешком пододеяльника. В сумке у неё были таблетки снотворного и бренди, но она понимала, что сегодня они ей не помогут…

Всякий раз, когда Сатико приезжает в Токио, непременно что-нибудь случается. Видимо, она и этот город просто несовместимы. Позапрошлой осенью, в её первый после девятилетнего перерыва приезд сюда, она провела такую же бессонную ночь из-за письма Окубаты. в котором сообщалось о связи Таэко с Итакурой. Во второй раз, в мае прошлого года, когда они были здесь вместе с Таэко, на них свалилось известие о болезни Итакуры. Да и вообще, как только появляется возможность устроить судьбу Юкико, обязательно случается какое-нибудь несчастье.

У Сатико было нехорошее предчувствие, оттого, что нынешние смотрины должны состояться в Токио. Недаром же говорят: где две беды, там и третья. Но с другой стороны, когда Сатико приезжала сюда в августе с мужем, ничего худого не случилось — наоборот, это было, пожалуй, самое приятное путешествие за всё годы её замужества, и она уже почти уверовала в то, что злую судьбу удалось перехитрить. К тому же, она считала, что из затеи Итани всё равно ничего не выйдет, и поэтому было ни к чему принимать в расчёт приметы и дурные предзнаменования… Теперь же она снова убедилась в том, что Токио — дьявольское, заклятое место. Счастье Юкико окончательно загублено. Такого заманчивого предложения она уже больше не получит… Почему, ну почему эти смотрины должны были состояться именно в Токио?.. Сатико переполняли два чувства: жалость к Юкико и ненависть к Таэко — и опять в ней вскипали слёзы боли и досады.

Что же это такое? Она снова — снова! — получила от Таэко удар в спину… Но можно ли во всём винить её одну? Нет, и на сей раз во многом виноваты они, её близкие… Если Таэко сейчас «на третьем или даже, на четвёртом месяце», это случилось скорее, всего в июне. На

первых порах у неё, несомненно, были приступы утренней тошноты, но Сатико, по своей обычной беспечности, ничего не замечала. В последние дни Таэко была не в силах удержать ложку в руках и, сделав два шага, чуть ли не валилась замертво, но Сатико и в голову не пришло спросить себя: уж не беременна ли её сестра?

Какой же нужно быть тупицей, чтобы не видеть очевидного!.. Теперь-то Сатико понимала, почему в последнее время Таэко стала носить кимоно… Наверное, в глазах Таэко она выглядит просто-таки блаженной. Но неужели её нисколько не мучит совесть? Из высказываний Таэко следовало, что её беременность не была, случайной. Они с Миёси — или как бишь его? — наверняка всё обдумали заранее. Поставив всех перед свершившимся фактом, они заставили бы семью Макиока признать их союз, а Окубату — отказаться от намерения жениться на Таэко…

Что ж, они ловко всё рассчитали. Впрочем, иного выбора у Таэко, по-видимому, и не было. Но почему же она так жестоко обошлась со своими близкими? И Сатико, и Тэйноскэ, и Юкико искренне заботились о ней, заступались за неё перед «главным домом».

Неужели после этого ей доставляет удовольствие выставить всех их на позор. Ладно ещё, если бы речь шла только о них с Тэйноскэ, но как можно пускать под откос будущее Юкико? Почему Таэко без конца причиняет им всем одни страдания? Сколько самоотверженности проявила Юкико, ухаживая за нею во время болезни! Разве Таэко не понимает, что осталась в живых исключительно благодаря ей?

Сатико явно переоценила свою сестру, считая, что тогда, на смотринах, она развлекала общество, стараясь сделать приятное Юкико и хоть отчасти отплатить ей за добро. Нет, Таэко была весела и остроумна только потому, что выпила лишнего. Такие, как она, не способны думать ни о ком, кроме себя…

Больше всего Сатико возмущал поразительный эгоизм, холодная расчётливость Таэко. Она наверняка понимала, что известие о её беременности будет ударом для Сатико, что после этого Тэйноскэ может окончательно отвернуться от неё, что, наконец, дальнейшая судьба Юкико окажется под угрозой, и тем не менее, руководствуясь собственными интересами, решилась на эту крайнюю меру.

Конечно, если встать на точку зрения Таэко, иного выхода у неё попросту не было, но почему всё это должно было случиться именно

тогда, когда решается судьба Юкико? Разумеется, было бы странно подозревать Таэко в некоем злом умысле, но ведь когда-то она обещала не предпринимать ничего до тех пор, пока не просватают Юкико. Что же, выходит, её обещания ничего не стоят? Но дело даже не в этом…

Почему у неё не хватило такта остаться в Асии? На радостях оттого, что Итани дала ей возможность предстать перед людьми полноправным членом семьи Макиока, она забыла о своём положении, о том, как быстро устаёт, и со свойственной ей самоуверенностью отправилась в путь, дескать, ничего, авось сдюжу. Но, оказавшись в Токио, она поняла, что переоценила свои силы, и под влиянием момента решила открыться Сатико…

На четвёртом месяце беременности женщине уже трудно скрыть своё положение от окружающих. Близкие, те, кто видит её каждый день, могли ничего не заметить, но человеку со стороны, должно быть, не так уж трудно догадаться, что к чему. И тем не менее у Таэко хватило наглости появиться и на банкете, и в театре. А ведь сейчас, для неё самое опасное время. Что, если бы после долгой тряски в поезде у неё случился выкидыш? Самой-то Таэко всё нипочём, но сколько нервотрёпки и стыда она причинила бы стоила сёстрам! При одной мысли об этом у Сатико похолодело внутри. Впрочем, подумала она, не исключено, что после вчерашнего банкета многие догадались об истинном положении вещей и Макиока, сами того не ведая, уже опозорены…

Если это действительно так, теперь ничего не исправишь. Сатико снова оказалась в дурацком положении. Но неужели Таэко, так долго хранившая свою беременность в тайне, не могла найти более подходящее время и место для этого признания? Разве не жестоко было обрушивать на сестру эту ошеломляющую весть именно здесь, в гостиничном номере, когда та, изнемогая от усталости, мечтала лишь поскорее добраться до постели? Хорошо ещё, что Сатико не грохнулась в обморок. Нет, в самом деле, какая поразительная чёрствость, какое бессердечие!

Конечно, рано или поздно Таэко всё равно пришлось бы признаться, но почему нужно было делать это непременно сегодня, да ещё среди ночи, когда Сатико лишена возможности заплакать, закричать, выбежать вон? Можно ли так поступать с сестрой после всего, что она для неё сделала? Будь в Таэко хоть капля благодарности,

она превозмогла бы себя, подождала до тех пор, пока они вернутся в Асию и, дав Сатико немного прийти в себя, спокойно обо всём рассказала… Неужели Сатико не вправе, рассчитывать даже на такую малость?..

По улице прогрохотал первый трамвай, сквозь неплотно задвинутые шторы уже начал пробиваться утренний свет. Сатико чувствовала тяжесть в голове, но ей по-прежнему не спалось. Скоро положение Таэко станет очевидным для всех, размышляла она. Необходимо срочно что-то предпринять, но что именно? Уговорить Таэко сделать аборт? Но, судя по всему, она никогда на это не согласится. И всё же можно было бы попытаться объяснить ей, что никто не намерен дольше терпеть её эгоизм, и заставить её пожертвовать ребёнком ради спасения чести семьи Макиока и счастья Юкико.

Впрочем, у Сатико не хватит твёрдости, чтобы толкнуть сестру на этот шаг. И дело не только в этом: ещё два или три года назад любой врач не раздумывая согласился бы сделать такую операцию, но в последнее время к абортам относятся строго, и даже с согласия Таэко осуществить это было бы нелегко. В таком случае остаётся только один выход — отослать Таэко в какое-нибудь отдалённое селение, запретив ей до родов видеться с отцом ребёнка. Макиока возьмут на себя всё расходы и будут осуществлять над ней жесточайший контроль. Тем временем необходимо форсировать сватовство Юкико и как можно скорее выдать её замуж.

Однако для того, чтобы это исполнить, Сатико придётся обо всём рассказать мужу — ей необходима его помощь. При мысли об этом у неё на сердце стало ещё тяжелее. Как бы горячо ни любил её Тэйноскэ, с каким бы доверием к ней ни относился, ей было стыдно посвящать его в очередную позорную тайну, связанную с её сестрой.

Не будучи, в отличие от Тацуо, главой семьи Макиока, Тэйноскэ тем не менее не только принимал деятельное участие в делах свояучениц, но и заботился о них, как родной брат. Сатико понимала, что, в конечном счёте, муж делает это из любви, и была искренне ему благодарна, но в то же время чувствовала себя виноватой всякий раз, когда Таэко причиняла ему огорчения и вносила разлад в их мирную семейную жизнь. И вот теперь, вместо того чтобы порадовать мужа известием об успешных смотринах, она вынуждена заводить с ним

неприятный разговор о Таэко. Конечно, Тэйноскэ, при его деликатности, не станет сыпать соль ей на раны, а, наоборот, постарается её утешить, но от сознания, что он сдерживает себя ради неё, на душе у Сатико будет ещё горше.

И всё же, как ни печалил Сатико предстоящий разговор с мужем, она знала, что может рассчитывать на его понимание и поддержку.

Куда больше её огорчало, что из-за этой нелепой истории Юкико лишится возможности устроить свою судьбу. Так оно всегда и бывало: казалось бы, свадьба уже не за горами, но в последний момент непременно случалось нечто такое, из-за чего всё шло насмарку. Даже если Таэко уедет на какой-нибудь отдалённый курорт, могут ли они быть уверены, что её положение удастся сохранить в тайне?

Что, если Мимаки каким-то образом узнает правду? Теперь семьям жениха и невесты придётся часто встречаться: не покажется ли Мимаки подозрительным, что Таэко вдруг ни с того ни с сего куда-то исчезла? К тому же ещё не известно, как поведёт себя в этой ситуации Окубата. Ни Сатико, ни Юкико не сделали ему ничего дурного, но, ослеплённый ненавистью к бросившей его Таэко, он может затаить злобу на всю семью Макиока. Вполне возможно, что он постарается отомстить им и расскажет обо всём Мимаки.

Не лучше ли в таком случае откровенно поговорить с Мимаки, не дожидаясь разоблачения со стороны Окубаты?

Недаром же Мимаки сказал Итани, что дела Таэко его не касаются. Доверившись ему, они по крайней мере застрахуют себя от неприятностей, которыми чревата неуклюжая попытка утаить правду. Кто знает, может быть, всё ещё обойдётся… Нет, нет, даже если салу Мимаки не склонен придавать значение подобным вещам, его родственники и друзья, начиная с виконта и супругов Кунисима, вряд ли после всего этого пожелают иметь с ними дело. Да и может ли виконт позволить сыну породниться с семьёй, в которой выросла такая развратница?

Увы, теперь всё пропало. Бедная, бедная Юкико…

Сатико тяжело вздохнула и перевернулась на другой бок. В комнате было уже совсем светло. На кровати рядом спали Таэко и Юкико, прижавшись, друг к другу спинами, совсем как в детстве. Сатико долго ещё всматривалась в безмятежное лицо Юкико, пытаясь угадать, что ей сейчас снится.

33

Разговор Сатико с мужем состоялся вечером в тот день, когда она вернулась из Токио. Стоило ей увидеть Тэйноскэ, как она поняла, что должна немедленно излить перед ним душу. (С Юкико она поговорила ещё утром в гостинице.)

Перед ужином Сатико позвала мужа наверх и рассказала ему обо всём, начиная со смотрин и кончая признанием Таэко.

— Мне так хотелось вернуться домой с добрыми вестями… И вот я снова вынуждена тебя огорчить… — проговорила Сатико и расплакалась.

Тэйноскэ постарался успокоить жену. Конечно, сказал он, очень жаль, что всё это случилось именно теперь, когда в жизни Юкико произошло такое радостное событие. И всё-таки он отнюдь не считает, что положение безнадёжно. Сатико не должна тревожиться. Он постарается всё уладить. Через два-три дня они вернутся к этому разговору.

И действительно, несколько дней спустя Тэйноскэ позвал Сатико к себе в кабинет и предложил ей следующий план действий.

Прежде всего, сказал Тэйноскэ, Таэко следует показаться врачу, чтобы поточнее установить срок беременности и узнать, когда у неё должен родиться ребёнок. Затем они отправят её куда-нибудь на горячие источники, скорее всего в Ариму — более подходящего места, пожалуй, не найти.

До тех пор Таэко ни при каких обстоятельствах не должна появляться у них дома. В Ариму она поедет затемно на машине, прямо со своей квартиры. Сопровождать её будет О-Хару. Возможно, это не самый лучший вариант — девушка чересчур болтлива, — но они дадут ей перед отъездом строгие наставления. Само собой разумеется, никто в Ариме не должен знать настоящей фамилии Таэко, она поселится в гостинице под видом замужней женщины, приехавшей на горячие источники поправить своё здоровье. Рожать она может либо в Ариме, либо, если, конечно, не будет опасности, что её тайна всплывёт наружу, в какой-нибудь клинике в Кобэ. Это они решат уже потом. Но для того, чтобы осуществить этот замысел, необходимо согласие Таэко

и Миёси. Тэйноскэ встретится с той и с другим и постарается их уговорить.

Рано или поздно, продолжал Тэйноскэ, Таэко, по-видимому, придётся выйти замуж за Миёси, и он не намерен возражать против их брака. Но пока что молодым людям ни в коем случае нельзя встречаться — если кто-нибудь узнает об их незаконной связи и о беременности Таэко, семья Макиока будет окончательно скомпрометирована. Пока Таэко не родит, всю ответственность за её благополучие возьмут на себя Тэйноскэ и Сатико. Впоследствии Таэко вместе с ребёнком переедут к Миёси, а Тэйноскэ с женой сделают всё, чтобы «главный дом» дал согласие на их брак. В сущности, им придётся страдать в разлуке не так уж долго — всего лишь до тех пор, пока окончательно решится судьба Юкико.

Итак, некоторое время Таэко поживёт вдали от людских глаз, а её близкие постараются сделать всё, чтобы никто не догадался о причине её внезапного отъезда в Ариму. Пока о беременности Таэко знают только она сама, Миёси, Сатико, Тэйноскэ и Юкико. Возможно, у Окубаты тоже возникли кое-какие догадки на этот счёт. Ну и, конечно, хотят они того или нет, в скором времени это станет известно О-Хару, а от неё и остальным служанкам. Но Тэйноскэ с Сатико должны позаботиться о том, чтобы слухи не пошли дальше.

В ответ на высказанное Сатико опасение, как бы им не навредил Окубата, Тэйноскэ сказал, что в ближайшее же время непременно с ним поговорит. Но, возразила Сатико, если Окубата закусит удила, его ничем не остановишь. Чего доброго, он ещё пустит в ход кулаки или, желая скомпрометировать Макиока, обратится в газету. От него всего можно ожидать…

Ну, это уж слишком, рассмеялся Тэйноскэ. У Сатико от страха глаза велики. Человеком порядочным Окубату, конечно, не назовёшь, но ведь он не разбойник с большой дороги. Нет, пускать в ход кулаки он не станет, для этого у него попросту не хватит храбрости. Кроме того, какие претензии он может предъявить к Таэко? Ведь ни его, ни её семьи никогда официально не признавали их отношений. Тэйноскэ постарается по-дружески объяснить Окубате, что Таэко любит другого человека — Миёси и ждёт от него ребёнка и что в этой ситуации Окубате ничего не остаётся, как прекратить с ней всякие отношения. Как это ни печально, скажет Тэйноскэ, ему придётся смириться с

неизбежностью. Тэйноскэ был уверен, что Окубата внемлет его доводам.

На следующий же день Тэйноскэ приступил к осуществлению своего плана. Он побывал на квартире у Таэко, затем отправился в меблированные комнаты в районе Минатогава в Кобэ, где жил Миёси.

Что он за человек? — спросила Сатико. Как ни странно, сказал Тэйноскэ, Миёси ему понравился. Они беседовали не больше часа, за это время, естественно, Тэйноскэ не удалось узнать его как следует, но в целом он производит впечатление человека гораздо более порядочного и искреннего, чем, скажем, Итакура.

Хотя Тэйноскэ ни в чем его не упрекал, Миёси сказал, что готов понести всю ответственность за случившееся, и извинился перед ним в самых почтительных выражениях. Из его слов Тэйноскэ заключил, что инициатива исходила не от него, а от Таэко. Он ни в коей мере не хочет себя выгораживать, сказал Миёси, это было бы низко. Он понимает, что должен был проявить большую твёрдость. И всё же он просит Тэйноскэ поверить ему в одном: ему и в голову не пришло бы склонять Кой-сан к близости — всё произошло помимо его воли. Если Тэйноскэ возьмёт на себя труд спросить Кой-сан, он убедится, что это чистая правда. (Тэйноскэ был уверен, что молодой человек не лжёт.)

Выслушав предложение Тэйноскэ, Миёси не только безоговорочно его принял, но и, казалось, был тронут до глубины души. Он хорошо понимает, сказал Миёси, что не достоин чести стать мужем Кой-сан, но, если её семья даст им согласие на брак, он клянётся сделать всё возможное, чтобы она была счастлива. Он скопил немного денег и надеется со временем открыть собственный бар — скромный, но приличный, куда не гнушались бы заходить даже иностранцы. Кой-сан будет понемногу шить, так что они не станут обузой для семьи Макиока…

На другой день Таэко побывала в гинекологической клинике и узнала, что она уже на пятом месяце, беременности и что ребёнок должен родиться в начале апреля. Теперь уже нельзя было медлить ни дня, и в один из вечеров в конце октября Таэко в сопровождении О-Хару уехала в Ариму.

Стараясь соблюсти всё предосторожности, Сатико вызвала машину не из ближайшего гаража, а от станции «Мотояма». Кроме того, было условлено, что в Кобэ они пересядут в другую машину. На

прощание Сатико дала О-Хару следующие напутствия: Таэко пробудет в Ариме несколько месяцев под фамилией Абэ. О-Хару ни в коем случае, не должна называть её «Кой-сан», только «госпожа Абэ» звонить в Асию по телефону О-Хару не следует, в случае необходимости она должна приехать сама либо Сатико пошлёт туда доверенного человека. О-Хару должна иметь в виду, что Таэко запрещено встречаться с Миёси и что Миёси не знает её будущего местопребывания наконец, О-Хару надлежит немедленно сообщать в Асию обо всех подозрительных письмах, телефонных звонках и посетителях.

Выслушав хозяйку, О-Хару огорошила её сообщением о том, что служанки догадались обо всём ещё до того, как Сатико с сёстрами уехали в Токио. Каким образом? — спросила Сатико. Первой заметила О-Тэру, отвечала О-Хару. С Кой-сан, дескать, что-то неладно. Не иначе как она в положении. Но, конечно, ни с кем из посторонних они ничего не обсуждали, поспешила добавить О-Хару.

Однажды, вскоре после, отъезда Таэко, вернувшись со службы, Тэйноскэ рассказал жене, что виделся с Окубатой. В своё время он слышал, что Окубата живёт в Нисиномии неподалёку от «Иппон мацу», но там его не оказалось. Расспросив соседей, он узнал, что с месяц назад тот уехал оттуда и поселился в Сюкугаве, в гостинице под названием «Пайнкрэст». Тэйноскэ поехал туда, но, как выяснилось, Окубата прожил в гостинице всего неделю, после чего перебрался в меблированные комнаты «Эйраку» вблизи станции «Коракуэн». Там Тэйноскэ в конце концов его и разыскал. Хотя разговор между ними проходил не так гладко, как он рассчитывал, в целом Тэйноскэ остался доволен его результатами.

Тэйноскэ начал с того, что сказал: ему больно и стыдно сознавать, что в семье Макиока выросла такая распутница, и он глубоко сочувствует Окубате, который имел несчастье к ней привязаться.

На первых порах Окубата держался вполне миролюбиво. «А где теперь Кой-сан? Она уехала вместе с О-Хару?» — спросил он с невинным видом. «Не нужно об этом спрашивать, — осадил его Тэйноскэ. — Даже Миёси не знает, где сейчас Таэко». Окубата умолк и задумался. «Нельзя ли просить вас, — продолжал Тэйноскэ, — отныне считать, что дела Таэко не имеют к вам никакого отношения?» Тут Окубата не выдержал и вспылил: «Не волнуйтесь, я-то оставлю её в

покое, но неужели вы позволите Кой-сан выйти замуж за такого человека? Ведь о его прошлом ничего не известно, разве только, что перед тем, как поступить в этот бар, он служил официантом на каком-то иностранном судне. В случае Итакуры было по крайней мере ясно, откуда он родом. А что мы знаем о семье Миёси? Я, например, не думаю, что у него безупречная биография, раз он подался в моряки».

В ответ на эту тираду Тэйноскэ сказал, что весьма благодарен Окубате за предостережение, которое, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Кстати, продолжал Тэйноскэ, он хотел бы просить Окубату об одном одолжении. Вполне понятно, что после всего случившегося Окубата не может не испытывать к Таэко ненависти, но ведь её сёстры ни в чем не виноваты. Может ли Тэйноскэ надеяться, что ради них, ради их доброго имени, он не будет никому рассказывать о беременности Таэко? Если об этом станет известно, то больше всех пострадает Юкико, которую всё ещё не удалось выдать замуж. Может ли Окубата обещать, что будет молчать?

Разумеется, ответил Окубата после некоторого колебания. Он не питает никакой неприязни к Кой-сан и тем более не намерен предпринимать ничего такого, что могло бы повредить её сёстрам.

Успокоенный, Тэйноскэ вернулся к себе в контору. Вскоре раздался телефонный звонок от Окубаты. Дело в том, промямлил Окубата, что ему тоже хотелось бы кое о чём попросить Тэйноскэ. Нельзя ли зайти к нему сейчас на службу?

Через несколько, минут Окубата уже стоял в кабинете Тэйноскэ. Помявшись для начала, он вдруг напустил на себя скорбный вид и заговорил тоном трагической обречённости. Да, после утреннего разговора с Тэйноскэ он понял, что ему ничего не остаётся, как забыть Кой-сан. Но разве легко навсегда расстаться с женщиной, которую он любил на протяжении десяти лет? К тому же, как, должно быть, известно Тэйноскэ, из-за Кой-сан перед ним закрылись двери родного дома, и он вынужден ютиться в жалких меблированных комнатах. Теперь, когда Кой-сан его покинула, у него в целом свете не осталось ни единой родной души…

Окубата выдержал паузу и со смущённой улыбкой продолжал. Стыдно признаваться в этом, но он весьма стеснён в средствах. В своё время… нет, право же, ему неловко об этом говорить… в своё время он дал Кой-сан кое-какие деньги, так сказать, взаймы. Так вот, нельзя ли

получить их назад? (Окубата слегка покраснел.) Нет, он давал эти деньги без всякой задней мысли, и, если бы не крайняя нужда, ему и в голову не пришло бы настаивать на возвращении долга…

Конечно, конечно, согласился Тэйноскэ, всё эти деньги должны быть ему возвращены. О какой сумме идёт речь? Точной суммы он назвать не может, ответил Окубата. Об этом лучше спросить Кой-сан. Но что если он скажет: две тысячи иен?

Тэйноскэ подумал, что ему действительно следует обсудить этот вопрос с Таэко. Прикинув, однако, что за своё молчание Окубата мог заломить цену и повыше, Тэйноскэ сразу же подписал чек на требуемую сумму. Протягивая чек Окубате, Тэйноскэ повторил, что рассчитывает на его деликатность. Что бы ни случилось, он не должен никому ни слова, ни полслова говорить о беременности Таэко. «Не извольте беспокоиться. Эта тайна во мне как в могиле», — заверил Окубата и направился к двери. Итак, по крайней мере на сегодняшний день, дела Таэко удалось уладить.

* * *

В самый разгар суеты и волнений, связанных с Таэко, пришло письмо от Мицуё. Она выражала искреннюю признательность Сатико и её сёстрам за участие в прощальном вечере и сообщала, что её мать благополучно отбыла в Америку что г-н Мимаки в середине ноября намерен приехать в Кансай и нанести визит в Асию что будет очень приятно, если г-н Макиока любезно согласится встретиться с ним и что, наконец, супруги Кунисима шлют им сердечный привет.

А ещё неделю спустя Сатико получила письмо от старшей сестры. Обычно Цуруко бралась за кисть только тогда, когда ей требовалось сообщить что-то очень важное. На сей раз, однако, она писала сестре просто так, без определённой цели.

Дорогая Сатико!

Я так надеялась, что у нас будет возможность хорошенько, бел спешки потолковать, но у тебя, к

сожалению, не нашлось для этого времени. Остались ли вы довольны посещённом театра. В следующий раз непременно возьмите меня с собой.

Есть ли у вас какие-нибудь новости в связи с г-ном Мимаки? Я пока ничего не рассказываю Тацуо, — это было бы преждевременно, — но от души надеюсь, что на сей раз вес завершится благополучно. По-видимому, нет надобности наводить справки о человеке из такой известной семьи, но если вы сочтёте это необходимым, дайте нам знать. Мне очень неловко, что мы постоянно перекладываем всё хлопоты на вас с Тэйноскэ.

Теперь, когда дети подросли, у меня появилось время, чтобы писать письма и даже урывками заниматься каллиграфией. Продолжаете ли вы с Юкико брать уроки? К сожалению, у меня нет учебника каллиграфии, и я давно уже собиралась спросить, не завалялась ли у вас какая-нибудь старенькая пропись? Если да, пришлите мне её, я буду от души благодарна. А если там окажутся пометки, сделанные рукой вашей учительницы, то и подавно.

Раз уж я принялась попрошайничать, рискну заодно обременить тебя ещё одной просьбой. Нет ли у тебя какого-нибудь старого, ненужного белья, которое ты собираешься выбросить или раздать служанкам? Если есть, пришли его мне, пожалуйста, я найду ему применение. Пусть Юкико и Кой-сан тоже посмотрят, не осталось ли у них стареньких нижних кимоно, панталон и прочих вещей, которые они уже не носят. По мере того как дети растут, забот у меня убавляется, но зато расходы всё увеличиваются. Мне приходится экономить буквально на всём. Безденежье — неприятная вещь. Я уже не чаю дождаться, когда жизнь станет хоть немного полегче.

Ну вот, хотела написать тебе бодрое письмо, а получается, что я жалуюсь. Значит, пора кончать. Жду от тебя добрых вестей. Передай, пожалуйста, поклон от меня Тэйноскэ, Эцуко и Юкико,

Твоя Цуруко.

5 ноября.

Пока Сатико читала это письмо, перед глазами у неё стояло заплаканное лицо сестры, каким она видела его в последний раз из окна автомобиля. Почему Цуруко вдруг решила ей написать? Чтобы попросить пропись и ненужное бельё? Сатико чувствовала, что дело не только в этом. Должно быть, сестра всё ещё не может забыть, что её не пригласили в театр, и вот так, обиняком, высказывает ей свою обиду… До сих пор в письмах Цуруко преобладал менторский тон. Она сразу отправила в Токио посылку, на письмо же пока отвечать не стала.

* * *

В один из дней в середине ноября к Сатико зашла г-жа Хенинг и рассказала, что её дочь Фридль едет вместе с отцом в Берлин. Г-жа Хенинг возражала против этой поездки, ведь в Европе война, но Фридль мечтает заниматься балетом, и никакие уговоры на неё не действуют. Господин Хенинг сказал, что, если девочке так хочется учиться в Германии, он поедет с ней, и в результате г-же Хенинг пришлось уступить. К счастью, у них нашлись попутчики, так что по крайней мере за дорогу туда она может быть спокойна. Фридль с отцом собираются непременно заехать в Гамбург к Штольцам. Если Сатико хочет что-нибудь передать госпоже Штольц, они с удовольствием выполнят её поручение.

С тех порт как Сатико отправила г-же Штольц письмо и посылочку, пришло уже пять месяцев, но ответа от неё всё ещё не было. Сатико решила воспользоваться предложением г-жи Хенинг, чтобы послать Штольцам какой-нибудь подарок. Поблагодарив её, Сатико сказала, что на днях обязательно к ней заглянет.

Через несколько дней Сатико купила в подарок Роземари колечко с жемчужиной и отнесла его Хенингам вместе с письмом для г-жи Штольц.

Как и предупреждала Мицуё, вскоре в Асию позвонил Мимаки, который накануне приехал из Токио и остановился в доме отца в Саге. Он пробудет здесь дня три, сказал Мимаки, и хотел бы, если можно, встретиться с господином Макиокой. Сатико ответила, что по вечерам муж бывает дома и с удовольствием примет его в любой удобный ему

день. Условились, что Мимаки приедет на следующий день к четырём часам.

Тэйноскэ вернулся со службы пораньше и беседовал наедине с гостем около часа, после чего они вместе с Сатико, Юкико и Эцуко отправились ужинать в гостиницу «Ориенталь». Мимаки держался столь же просто и непринуждённо, как в Токио, охотно позволял наполнять свой бокал и, как всегда, был неистощим на шутки и каламбуры. Эцуко не сводила с него восторженного взгляда и, когда Макиока пошли проводить гостя на станцию, взяла его за руку. «Вот здорово, что Юкико выходит замуж за господина Мимаки», — шепнула она на ухо матери.

Когда Сатико спросила мужа, как ему понравился жених, Тэйноскэ ответил не сразу. В целом у него сложилось вполне, благоприятное впечатление о господине Мимаки. Он, безусловно, обаятелен. Но такие вот обходительные, лёгкие в общении мужчины порой бывают весьма капризны, и жёнам с ними приходится несладко. Подобный тип особенно распространён в среде, выходцев из аристократических семей. Господин Мимаки ему понравился, но не до такой степени, чтобы прыгать от восторга. Одним словом, в своей оценке Тэйноскэ был сдержан.

Хотя он не видит необходимости наводить справки о семье Мимаки, сказал Тэйноскэ, не мешало бы побольше узнать о самом господине Мимаки — о его характере, отношениях с родственниками, наконец, о том, почему он до сих пор не женился.

34

Понимая, что встреча с Тэйноскэ служит для него своеобразным экзаменом, Мимаки не упоминал о сватовстве. Он говорил о других вещах — об архитектуре, и живописи, о знаменитых парках и храмах Киото, о великолепном пейзаже, который окружает виллу виконта в Саге, о любопытных эпизодах из жизни императора Мэйдзи и императрицы-матери Сёкэн[120] которые в своё время дед виконт рассказывал его отцу, о европейской кухне и европейских винах.

Спустя дней десять после визита Мимаки, в воскресенье, в Асии неожиданно появилась Мицуё. Она приехала в Осаку по служебным делам и по просьбе господина Кунисимы и господина Мимаки хотела бы узнать, выдержал ли Мимаки испытание. Сатико ответила, что, в соответствии с пожеланием мужа, они наводят кое-какие справки о господине Мимаки и что в декабре Тэйноскэ намерен отправиться в Токио для переговоров с «главным домом», а заодно хотел бы встретиться с господином Кунисимой. Что именно внушает им сомнение? — спросила Мицуё с прямотой, достойной дочери Итани. За это время она успела достаточно хорошо узнать господина Мимаки, со всеми его достоинствами и недостатками готова с полной откровенностью ответить на вопросы Сатико. Чем наводить справки у посторонних людей, лучше, расспросить её, не правда ли?

Чувствуя, что сама она с этой задачей не справится, Сатико позвала мужа. Атмосфера располагала к откровенному разговору, и Тэйноскэ поделился с Мицуё своими опасениями. В результате супругам стало известно, что, хотя г-н Мимаки безупречно воспитан, приветлив и доброжелателен, характер у него непростой — он легко раним и вспыльчив. Ходят слухи, что он не ладит со своим сводным братом — наследником виконта. Между ними часто вспыхивают ссоры, а однажды — сама Мицуё этого, правда, не видела — дело дошло чуть ли не до драки.

Господин Мимаки — любитель хмельного и в состоянии подпития не всегда способен управлять своими порывами. С годами, однако, он стал более воздержан, и Мицуё ни разу не видела, чтобы он потерял над собой контроль. Прожив долгие годы в Америке, он

научился галантному обхождению с дамами и, насколько ей известно, ещё ни разу не позволил себе ни малейшей неучтивости по отношению к женщине. Не дожидаясь дальнейших вопросов со стороны Тэйноскэ, Мицуё упомянула ещё о некоторых недостатках Мимаки. Будучи человеком тонкого ума и разносторонних интересов, он тем не менее не способен сосредоточиться на каком-то одном деле и довести его до конца. Кроме того, как человек светский, он любит общаться с людьми, оказывать им всевозможные услуги и вообще чрезвычайно щедр на руку, но, к сожалению, не отличается умением зарабатывать деньги.

Теперь ему более или менее ясно, что за человек господин Мимаки, сказал Тэйноскэ. Но, если уж быть до конца откровенным, его серьёзно беспокоит вопрос, о деньгах: на какие средства будут жить молодые? Неловко говорить об этом, но, насколько ему известно, до сих пор господин Мимаки жил на деньги, полученные от отца. Он перепробовал множество разных занятий, но ни в одном особенно не преуспел. Господин Кунисима обещает помочь ему утвердиться на поприще архитектора, но где гарантия, что из этого что-нибудь получится. Сейчас не те времена, когда проекты, которые надеется создать господин Мимаки, могут иметь успех. В ближайшие три-четыре года положение вряд ли изменится к лучшему. Благодаря стараниям господина Кунисимы виконт как будто обещал выделить сыну кое-какие средства на первое время. А что, если кризис затянется на пять, шесть, а то и на десять лет? Или господин Мимаки рассчитывает, что виконт будет помогать ему всю жизнь? Тэйноскэ признался, что всё это внушает ему определённые опасения, и если он осмелился коснуться такой деликатной темы, то только потому, что искренне заинтересован в том, чтобы Юкико стала женой господина Мимаки. В любом случае в будущем месяце Тэйноскэ собирается приехать в Токио и обсудить всё эти проблемы с господином Кунисимой.

Она всё понимает, сказала Мицуё. Беспокойство господина Макиоки вполне оправданно. К сожалению, пока ей нечего сказать в ответ, но она обязательно передаст содержание сегодняшнего разговора господину Кунисиме, с тем чтобы он подумал о соответствующих гарантиях, которые удовлетворили бы семью невесты. Итак, они будут ждать приезда господина Макиоки в Токио.

Сатико предложила Мицуё остаться на ужин, но та вежливо отказалась, сославшись на то, что вечерним поездом уезжает в Токио.

* * *

В начале декабря Сатико и Юкико побывали в храме Киёмидзу в Киото, помолились за Таэко и купили амулет. Словно сговорившись с ними, Миёси в тот же день прислал Тэйноскэ на службу амулет из храма Накаяма вместе с запиской, в которой просил передать его Таэко. Оба эти амулета Сатико вручила О-Хару, как раз приехавшей в Асию с первыми известиями о Таэко.

По словам О-Хару, Таэко почти всё время проводит в своей комнате, лишь по утрам и вечерам выходит на прогулку. Для прогулок она выбирает не людные улицы, а пустынные тропинки в горах. Возвращаясь в гостиницу, она либо читает, либо мастерит кукол, либо шьёт приданое новорождённому. За всё это время она не получила ни одного письма, никаких подозрительных телефонных звонков тоже не было.

— Да, чуть не забыла. Сегодня я встретила господина Кириленко.

Сойдя в Кобэ с поезда, рассказала О-Хару, она увидела Кириленко — тот стоял у выхода с платформы. Хотя они встречались всего раз или два, Кириленко сразу же её узнал и улыбнулся. О-Хару поздоровалась. «Вы одна?» — спросил Кириленко. «Да, — ответила О-Хару, — мне нужно было съездить тут неподалёку». — «Как поживают господа Макиока? Как Таэко-сан?» — «Спасибо, у них всё хорошо», — любезно улыбнулась О-Хару. «Ну что ж, передайте своим хозяевам от меня привет и извинения, что я до сих пор не собрался их навестить. А я вот решил съездить в Ариму. Будьте здоровы», — сказал Кириленко и направился было к платформе. «Есть ли у вас какие-нибудь известия от Катерины-сан? — остановила его О-Хару. — Говорят, Лондон страх как бомбят. Хозяева ужасно волнуются за Катерину-сан». — «Правда? — спросил Кириленко. — Господа Макиока очень добры, но оснований для беспокойства нет. На днях мы получили от Катерины письмо, отправленное в сентябре. Хотя их дом стоит как раз на пути следования немецких бомбардировщиков и на их район действительно сыплются бомбы, война не внушает Катерине ни малейшего страха.

Наоборот, она пишет, что всё это даже занятно. Они построили для себя великолепное бомбоубежище. Как только начинается воздушный налёт, они с мужем спускаются туда, зажигают свет, заводят патефон, танцуют и пьют коктейли».

«Как это похоже на Катерину!» — подумала про себя Сатико. Рассказ служанки одновременно развлёк и огорчил её: разговорчивая О-Хару могла ненароком сболтнуть лишнее. «Не задавал ли господин Кириленко каких-нибудь вопросов о Кой-сан?» — «Нет». — «Ты в этом уверена, О-Хару? Ты уверена, что не сказала ему ничего такого, о чем не должна была говорить? Как ты думаешь, господин Кириленко ни о чем не догадывается?» О-Хару с полной уверенностью ответила, что нет, и в конце концов Сатико успокоилась. Отправляя О-Хару обратно, Сатико строго-настрого предупредила её, что, выходя куда-нибудь из гостиницы одна, а тем более с Таэко, она должна быть предельно осторожна. Мало ли кто из знакомых может им встретиться! Теперь ей следует быть начеку, как никогда.

*** * ***

Декабрь близился к концу. Двадцать второго числа у Тэйноскэ появилась возможность поехать в Токио. К тому времени он успел навести кое-какие справки о Мимаки, его характере, отношениях со сводными братьями и убедился в том, что Мицуё была вполне объективна в своих оценках. Однако больше всего Тэйноскэ беспокоил вопрос о материальной стороне будущего брака, и он не преминул коснуться его в разговоре с Кунисимой, но получить какие-либо конкретные гарантии ему не удалось.

Кунисима сказал, что ещё не виделся с виконтом и поэтому не берётся утверждать что-либо наверняка, но он почти уверен: виконт согласится купить для молодожёнов дом и выделить им соответствующую сумму, которой хватило бы на первое время. Чтобы эти деньги небыли растрачены впустую, Кунисима возьмёт их к себе на сохранение и каждый месяц будет выдавать Мимаки ровно столько, сколько потребуется молодой семье на повседневные расходы.

Что же касается дальнейшего, то Кунисима просит Тэйноскэ поверить ему на слово — он не допустит, чтобы Мимаки и его будущая

супруга в чем-либо нуждались. Он, Кунисима, убеждён, что у Мимаки незаурядные способности архитектора, и поможет ему утвердиться на этом поприще, как только ситуация в стране изменится. Как скоро это произойдёт, загадывать трудно, но Кунисиме почему-то кажется, что долго ждать не придётся. А если и придётся, то друзья не оставят Мимаки в беде. Иными словами, Кунисима дал Тэйноскэ понять, что готов оказать Мимаки необходимую помощь и поддержку.

После того как они закончили беседу, Кунисима показал гостю свой дом, построенный по проекту Мимаки, но Тэйноскэ слишком плохо разбирался в архитектуре, чтобы судить о степени одарённости последнего. Однако, коль скоро такой солидный и влиятельный человек, как Кунисима, был настолько уверен в талантливости Мимаки, что брал на себя ответственность за его будущее, Тэйноскэ ничего не оставалось, как поверить ему на слово. К тому же Тэйноскэ видел, как горячо ратует за этот брак Сатико. Было совершенно очевидно, что Сатико очарована Мимаки, а кроме того, хотя она и не признавалась в этом открыто, её, без сомнения, прельщала перспектива породниться со знаменитой аристократической фамилией. Каково было бы её огорчение, если бы Тэйноскэ вернулся домой с известием о том, что ответил Кунисиме отказом! Да и сам Тэйноскэ, откровенно говоря, считал, что на лучшее предложение им уже не приходится надеяться.

Итак, Тэйноскэ сказал Кунисиме, что всецело на него полагается. Макиока склонны принять предложение господина Мимаки, однако, как того требуют правила, он должен прежде получить согласие «главного дома» и самой невесты, а поэтому просит господина Кунисиму подождать с окончательным ответом до начала января. Тэйноскэ напишет ему из Асии. Впрочем, это всего лишь формальность, и господин Кунисима может считать, что они обо всём договорились.

Вот и прекрасно, ответил Кунисима. Как только Тэйноскэ пришлёт ему официальный ответ, он немедленно приступит к переговорам с виконтом.

Попрощавшись с Кунисимой, Тэйноскэ сразу же поехал в Сибую, подробно рассказал Цуруко о только что состоявшейся беседе, и попросил их с Тацуо как можно скорее сообщить своё мнение.

Третьего января Мицуё снова появилась в Асии. Она проводит праздники в Окамото у дяди, и господин Кунисима дал ей поручение посетить Макиока. Вчера господин Кунисима приехал по делам в Осаку. Сейчас он находится в Киото, в гостинице «Мияко». Пользуясь случаем он хотел бы встретиться с виконтом и, быть может, даже договориться с ним о том, чтобы он пригласил к себе семью Макиока. Не мог бы господин Макиока дать окончательный ответ уже сегодня? Господину Кунисиме неловко проявлять такую настойчивость, но, как он понимает, речь идёт о чистой формальности…

Хотя Тэйноскэ и обещал Кунисиме дать ответ в самом начале января, он не хотел ничего предпринимать до конца праздников, тем более что «главный дом» ещё не сообщил ему своего решения. Впрочем, Тэйноскэ был уверен, что старшие Макиока не станут возражать против этого брака. Цуруко пришла в восторг от известий, которые ей привёз Тэйноскэ: какое, счастье, что Юкико наконец удалось просватать! И не за кого-нибудь, а за сына виконта! Теперь они с Тацуо смогут расправить плечи и ходить с высоко поднятой головой. Выходит, не зря они так долго ждали. Право же, она и не знает, как благодарить Тэйноскэ! После всего этого Тэйноскэ не допускал и мысли, что у Тацуо могут возникнуть серьёзные возражения против кандидатуры Мимаки. Видимо, в предновогодней суете он просто-напросто не смог выкроить время для письма. Тэйноскэ пришёл к выводу, что может без особого риска принять самостоятельное решение.

Сложность, однако, заключалась в том, что он до сих пор не поговорил с Юкико. Хотя её ответ был известен заранее, приходилось учитывать, что она наверняка обиделась бы, если бы Тэйноскэ предварительно не заручился, как положено, её согласием.

С подобающими случаю извинениями Тэйноскэ объяснил Мицуё, что прежде, чем дать окончательный ответ, он должен посоветоваться с «главным домом». Он сегодня же свяжется по телефону с Сибуей, и, если Мицуё-сан будет столь любезна, он просил бы её приехать завтра.

Телефонный разговор с Сибуей, разумеется, служил всего лишь предлогом, но, коль скоро у Тэйноскэ было для этого время, он решил на всякий случай позвонить.

Трубку взяла Цуруко. К сожалению, Тацуо сейчас нет дома, он отправился с новогодними поздравлениями к родственникам в Адзабу,

объяснила она. А как обстоит дело с письмом? Тацуо уже отправил его? — спросил Тэйноскэ. Судя по всему, нет, ответила Цуруко. Перед новым годом Тацуо был очень занят. Но она всё ему рассказала. И что же? Как отнёсся Тацуо к этому предложению? Гм… Цуруко замялась. В смысле происхождения кандидатура господина Мимаки безупречна, но Тацуо смущает, что он нигде не служит. Цуруко, однако, возразила мужу, что, если обращать внимание только на недостатки, Юкико никогда не удастся выдать замуж, и Тацуо с ней согласился. Одним словом, в целом он как будто бы одобряет этот брак. В таком случае, сказал Тэйноскэ, он сообщит господину Кунисиме, что «главный дом» не возражает. Дело в том, что господин Кунисима торопит с ответом. И всё же, во избежание недоразумений, он просит Тацуо по возможности скорее дать разрешение на брак в письменной форме.

Чтобы польстить самолюбию Юкико и доказать, что с её мнением в доме считаются, Тэйноскэ велел Сатико в тот же вечер поговорить с сестрой.

Супруги ожидали, что Юкико без лишних слов скажет «да», но вышло иначе. Когда она должна дать ответ? — спросила Юкико. Сатико объяснила, что Мицуё приедет за ответом завтра утром. Юкико нахмурилась. Что же, выходит, ей даётся на раздумье всего один вечер? Но они были уверены, сказала Сатико, что Юкико готова принять предложение господина Мимаки… Да, ответила Юкико, она не намерена прекословить сестре и зятю и поступит так, как они ей велят, но ей казалось, что она вправе рассчитывать хотя бы на два или три дня, чтобы обдумать вопрос, от которого зависит вся её дальнейшая жизнь… Тем не менее для Сатико было совершенно очевидно, что сестра давно уже всё для себя решила.

На следующее утро Юкико объявила сестре и зятю о своём согласии, не преминув посетовать на то, что её вынудили принять решение в такой спешке. Лицо её не выражало ни малейшей радости, не говоря уже о том, что ей и в голову не пришло сказать хотя бы слово признательности тем, кто так заботится о её благе.

35

Мицуё приехала за ответом утром четвёртого января, а шестого к вечеру не замедлила явиться снова. Она собиралась выехать в Токио ещё позавчера ночным поездом, объяснила Мицуё, но господин Кунисима велел ей его успешными и что виконт просит госпожу Юкико вместе с её близкими пожаловать к нему в Сагу послезавтра, восьмого числа, к трём часам. Со стороны жениха на этой встрече, помимо виконта и господина Мимаки, который приедет из Токио, будут присутствовать господин Кунисима, Мицуё и, возможно, кое-кто из родственников господина Мимаки, живущих поблизости. Господин Кунисима просит извинить его за то, что вынужден действовать столь поспешно, но его ждут неотложные дела в Токио, и он хочет по возможности уладить всё до возвращения домой. Господин Кунисима высказал пожелание, чтобы Макиока, если можно, приехали к виконту всей семьёй, включая Таэко и Эцуко.

Это очень любезно со стороны господина Кунисимы, ответила Сатико, но «главный дом» вряд ли позволит Таэко присутствовать на этой встрече. В результате было решено, что Макиока приедут вчетвером, вместе с Эцуко, которая отпросится с уроков пораньше.

* * *

В назначенный день Макиока отправились в Киото. Сделав пересадку в Кацуре, они доехали до Арасиямы и оттуда прошлись пешком до моста Тогэцу. Они хорошо знали эти места по своим ежегодным поездкам на любование сакурой, но сейчас была зима — а зимы в Киото холодные — и даже самый цвет воды в реке Оигава заставлял их зябко поёживаться. Пройдя несколько десятков метров вдоль реки, они миновали могилу легендарной Кого[121] и, поравнявшись с пристанью, откуда отходят прогулочные катера, свернули налево, к храму Небесного Дракона.[122] Вскоре они увидели перед собой ворота с табличкой «Обитель, где внимают звукам

дождя». Это и была вилла виконта, которую они нашли без труда, удивившись, что никогда прежде не обращали на неё внимания.

Дом, одноэтажный и крытый на старинный манер соломой, производил впечатление не очень большого, но зато открывающийся из него вид на сад с прудом и скалами и на гору Арасияма был великолепен. После того, как Кунисима представил гостей виконту, Мимаки предложил всем прогуляться по саду — это, мол, будет приятно отцу. К тому же, хотя на дворе и холодно, ветра почти нет.

Виконт, объяснил Мимаки, очень гордится своим садом, который, если глядеть отсюда, кажется примыкающим к горе Арасияма. Находясь здесь, ни за что не подумаешь, что внизу — дорога и река. Даже весной, когда в эти края стекаются толпы людей, здесь ощущаешь себя так, будто попал в уединённую горную хижину, и никак не можешь понять, откуда доносится весь этот шум и гомон. В саду, продолжал Мимаки, нет ни единого деревца сакуры, и это не случайно. Виконт считает, что сакурой следует любоваться издали, глядя на гору Арасияма, которая в апреле покрывается розовыми облаками цветов. Макиока непременно должны приехать сюда весной. Отец будет счастлив. Трудно передать словами, как приятно расположиться вот здесь, в саду, поставить перед собой лёгкие закуски и наслаждаться красотой горного пейзажа.

Вскоре гостей пригласили в комнату, где сестра виконта, г-жа Сономура (её муж происходил из богатого осакского купеческого рода) приготовила чай. Было уже темно, когда общество перешло в столовую для ужина. Угощение было изысканным и отменно приготовлено. «Должно быть, его заказали в каком-нибудь дорогом ресторане», — подумала Сатико, хорошо разбиравшаяся в киотоской кухне.

Внешность старика-виконта полностью соответствовала представлению об истинном аристократе. В то же время удлинённый овал худого лица и кожа цвета слоновой кости придавали ему некоторое сходство с актёром театра Но. Круглолицый, смуглый Мимаки совершенно не походил на отца, и всё же, приглядевшись, можно было заметить, что в разрезе глаз и очертании носа у них есть нечто общее. По характеру сын был полной противоположностью отца.

В отличие от своего весёлого, жизнерадостного сына, виконт производил впечатление человека сдержанного, даже несколько

сурового. Одного взгляда на него было довольно, чтобы понять: перед вами типичный киотоский аристократ. Шея у виконта была обмотана серым шёлковым кашне — он боялся простудиться. Когда он садился за стол, ему подали электрическую грелку. Говорил он тихо и размеренно, но для своих семидесяти с лишним лет выглядел неплохо и держался достаточно радушно.

Поначалу атмосфера за столом была несколько натянутой, однако по мере того, как чарки стали наполняться сакэ, общество понемногу оживилось. Мимаки, сидевший рядом с отцом, заговорил о том, что люди, как правило, удивляются отсутствию между ними какого бы то ни было сходства, и в свойственной ему остроумной манере принялся перечислять достоинства и недостатки во внешности того и другого. Мало-помалу за столом стал раздаваться смех. В соответствии с этикетом Тэйноскэ обменялся чарками с виконтом, а затем и с Кунисимой. Мицуё, единственная из женщин одетая по-европейски, сидела, зябко поджав под себя ноги, и была на удивление молчалива и почтительна.

— Что с вами, Миттян? Экая вы сегодня паинька, — сказал Мимаки, подливая ей сакэ.

— Я думала, хотя бы сегодня вы не будете надо мной издеваться, — в тон ему ответила Мицуё. Вскоре, однако, сакэ оказало на неё действие, и она уже щебетала без умолку.

Время от времени Мимаки подходил с графинчиком к сёстрам Макиока. К сожалению, он не может предложить им белого вина, но надеется, что они не откажутся и от сакэ. Ни та, ни другая не отказывались. Юкико осушила уже не одну чарку, но при этом держалась безупречно. Хотя она по обыкновению молчала и только улыбалась, Сатико заметила в лучистых глазах сестры незнакомое, радостное выражение. Чтобы Эцуко не чувствовала себя потерянной в обществе, взрослых, Мимаки по-отечески её подбадривал. Но девочка и без того не скучала. По натуре впечатлительная и наблюдательная, она незаметно рассматривала того или иного из окружающих, подмечая его характерные жесты, мимику, особенности выговора, детали костюма.

Ужин закончился около восьми часов вечера. Макиока первыми стали прощаться, и виконт распорядился, чтобы им подали лимузин. Мицуё поспешила к ним присоединиться. Мимаки вызвался проводить

гостей до станции и устроился на сиденье, рядом с водителем. Он был в превосходном расположении духа и всю дорогу без устали говорил, попыхивая сигарой. Эцуко уже относилась к нему по-родственному и называла «дядей».

— Как интересно, — вдруг сказала девочка, обращаясь к Мимаки, — наши фамилии немного похожи: и в одной и в другой одинаковые слоги — «маки».

Мимаки пришёл в восторг от этого замечания:

— Ай да умница Эттян! В самом деле, разве это не доказывает, что между твоей семьёй и моей с самого начала существовала некая связь?

— Кстати, — вставила Мицуё, — госпоже Юкико не придётся менять свои инициалы на носовых платках и чемоданах. Я вижу здесь прямую выгоду.

Юкико рассмеялась вместе с остальными.

На следующий день Кунисима позвонил из Киото. Вчерашняя встреча удалась на славу, сказал он, и ему очень приятно, что обе стороны остались ею довольны. Сегодня вечером они с господином Мимаки возвращаются в Токио. Теперь уже предстоит вплотную заняться приготовлениями к помолвке, и, как только у них появятся конкретные предложения на этот счёт, Мицуё сразу же сообщит семье Макиока.

Кстати, продолжал Кунисима, виконт уже присмотрел для молодых дом в пригороде. Осаки. Этот дом принадлежит семье его зятя, господина Сономуры, и тот как будто бы согласился его продать. Правда, пока что он сдан внаём, но господин Сономура обещал в ближайшее время его освободить. Итак, всё складывается, как того и желали супруги Макиока, — госпожа Юкико будет жить неподалёку от Асии, а господин Мимаки найдёт себе службу в Осаке или в Кобэ.

Тэйноскэ был не на шутку обеспокоен молчанием Тацуо. Быть может, он не одобряет этого брака? Или дело в чем-то ином? Подождав несколько дней, Тэйноскэ решил сам написать в Токио.

Насколько он понимает, писал Тэйноскэ, Тацуо известны всё подробности, связанные с нынешним сватовством. Откровенно говоря, он далёк от того, чтобы считать этот брак идеальным. Однако, принимая в расчёт, что в нынешних обстоятельствах надеяться на

лучшую партию не приходится, он полагает целесообразным принять предложение г-на Мимаки.

На днях они всей семьёй посетили виконта в Саге, и теперь, на повестку дня стал вопрос о помолвке. Возможно, Тацуо обижен на них с Сатико за то, что переговоры о сватовстве велись, так сказать, через голову «главного дома»? Если это так, Тэйноскэ считает своим долгом объясниться.

Прежде всего он хотел бы принести Тацуо извинения за то, что, несмотря на неоднократные напоминания «главного дома», ему так и не удалось настоять на. возвращении Юкико в Токио. Это обстоятельство давно уже его тяготит. У Тацуо могло сложиться впечатление, что они с женой сознательно игнорируют волю «главного дома», однако это не так. Дело в том, что Юкико по ряду причин не любит бывать в Токио, и Сатико, сочувствуя ей, всё это время шла у неё на поводу. Заставить Юкико подчиниться воле Тацуо можно было, лишь прибегнув к самым крайним мерам. Но, разумеется, в конечном счёте ответственность за это лежит на нём, Тэйноскэ.

Именно поэтому он и стремился сделать всё в своих скромных возможностях, чтобы просватать Юкико. В самом деле, коль скоро Юкико воспротивилась приказаниям «главного дома», было бы несправедливо перекладывать на Тацуо хлопоты об устройстве её судьбы. Наоборот, в свете всего сказанного Тэйноскэ считает, что заботиться о Юкико — его прямая обязанность. Если Тацуо скажет, что он вмешивается не в свои дела, ему нечего будет возразить, однако таково его искреннее убеждение.

Более того, если Тацуо даст Юкико своё благословение, он намерен принять на себя всё свадебные расходы. Но из этого, естественно, не следует, что он собирается выдавать Юкико замуж из своего дома. Она принадлежит к семье Тацуо, и полномочия Тацуо как главы семьи ни для кого не подлежат сомнению. Может ли Тэйноскэ рассчитывать на его согласие? Он надеется, что Тацуо не истолкует его письмо превратно и не заставит долго ждать с ответом. К сожалению, время уже не терпит.

* * *

Как видно, Тацуо не истолковал письмо Тэйноскэ превратно. Дней через пять от него пришёл вполне вразумительный ответ.

Тацуо благодарил свояка за любезное, обстоятельное письмо и выражал полное одобрение в связи с предпринятыми им действиями.

За последние годы, писал Тацуо, Юкико и Кой-сан отдалились от него и всем своим поведением дали ему понять, что им приятнее жить в семье Тэйноскэ и Сатико. В результате он был лишён возможности должным образом заботиться о них, и теперь ему остаётся лишь извиниться перед Тэйноскэ за то, что бремя этих забот легло на его плечи. Никаких особых причин для задержки с письмом у него не было. Единственная причина заключается в том, что ему неловко в очередной раз перекладывать хлопоты об устройстве судьбы Юкико на Тэйноскэ. У него и в мыслях нет винить Тэйноскэ за то, что Юкико не пожелала вернуться в Токио. И уж тем более он не может согласиться со словами о толк что заботиться о Юкико — прямая обязанность Тэйноскэ. Если кого-то и винить, то в первую очередь самого Тацуо, только что пользы теперь искать виноватых?

Что касается предложения г-на Мимаки, то, коль скоро он происходит из столь знаменитой семьи, коль скоро за него хлопочет такой достойный человек, как г-н Кунисима, и коль скоро сам Тэйноскэ одобряет этот брак, Тацуо не считает себя вправе высказывать какие бы то ни было возражения. В этом вопросе он целиком полагается на Тэйноскэ и предоставляет ему полную свободу действий.

Что же касается свадебных расходов, то Тацуо, разумеется, готов взять их на свой счёт, но, по правде говоря, у него сейчас трудновато с деньгами, и, возможно, ему придётся воспользоваться любезным предложением Тэйноскэ, однако лишь при условии, что тот не усмотрит в этом намёка на свои обязательства по отношению к Юкико. Впрочем, эту тему было бы лучше, наверное, обсудить при личной встрече.

Письмо Тацуо успокоило Тэйноскэ. Но приближался срок, когда должна была родить Таэко, да и Окубата мог в любой момент нарушить своё обещание молчать. Тэйноскэ чувствовал, что необходимо торопиться с помолвкой.

Однако вскоре от Мицуё пришло сообщение о том, что г-жа Кунисима серьёзно больна: сильная простуда перешла в воспаление

лёгких. Кунисима тоже прислал вежливое письмо, в котором объяснял, почему приходится отложить помолвку. Между тем виконт уже купил дом и даже оформил дарственную на Мимаки — об этом Тэйноскэ с женой узнали от самого Мимаки. Правда, жильцы оттуда ещё не выехали, но должны выехать в ближайшее время. Как только это произойдёт, писал Мимаки, он намерен взглянуть на дом и был бы рад, если бы г-жа Юкико с сестрой составили ему компанию. Виконт обещает даже послать туда одну из своих прислуг, которую молодожёны смогут оставить при себе.

Некоторое время состояние г-жи Кунисима внушало серьёзные опасения, однако к концу февраля она уже начала понемногу вставать, а затем по настоянию врачей уехала на две недели в Атами, чтобы окрепнуть после болезни. Она очень беспокоилась из-за помолвки и даже говорила об этом в бреду, рассказала Мицуё, которая в середине марта приехала в Асию, чтобы обсудить этот вопрос с супругами Макиока.

Прежде всего предстояло решить, где должна состояться помолвка. и свадебная церемония: в Токио или в Киото? Господин Кунисима, сообщила Мицуё, предлагает провести обе церемонии в Токио, поскольку там находится основная резиденция виконта и там же живёт глава дома Макиока. Что же касается времени, то господин Кунисима высказал пожелание назначить помолвку на двадцать пятое марта, а свадьбу отпраздновать в середине апреля.

Тэйноскэ не возражал. Он связался по телефону с Сибуей и поставил родственников в известность о готовящихся торжествах. Цуруко была в панике: дети превратили дом в свинарник и теперь необходимо в спешке приводить в порядок полы, стены, сёдзи!

Сатико огорчилась, узнав, что помолвка должна состояться в Токио, но, не найдя, под каким предлогом возразить, промолчала.

Двадцать третьего марта они с Юкико выехали в Токио. Тэйноскэ был занят на службе и сопровождать их не смог. Помолвка состоялась, как и было задумано, двадцать пятого числа. В тот же день Кунисима телеграфировал об этом Итани в Лос-Анджелес.

Оставив Юкико в Сибуе — ей полагалось на прощание побыть с семьёй старшей сестры, — Сатико утром двадцать седьмого марта вернулась в Асию.

Ни Тэйноскэ, ни Эцуко дома не было. Она поднялась к себе в комнату, чтобы отдохнуть с дороги. На туалетном столике лежали два надорванных конверта с иностранными марками, а рядом с ними — несколько листов рукописного японского текста и записка от Тэйноскэ:

Сатико!

В твоё отсутствие пришли письма от г-жи Штольц и Фридль Хенинг. Эцуко не утерпела и вскрыла конверты. Г-жа Штольц почему-то решила на сей раз написать тебе по-немецки, но я попросил своего приятеля в Осаке перевести её письмо на японский язык.

36

Дорогая г-жа Макиока!

Мне давно уже полагалось бы написать Вам подробное письмо. Мы часто вспоминаем Вас и милую Эцуко. Наверное, она теперь совсем большая. К сожалению, у меня почти нет времени для того, чтобы взяться за перо.

Как Вы, возможно, слышали, в Германии не хватает рабочих рук, и найти прислугу стало невероятно трудно. С мая прошлого года мы держим приходящую работницу, которая три раза в неделю по утрам убирает дом. Всё остальные хозяйственные заботы: готовка, покупка продуктов, шитьё, починка белья и тому подобное — лежат на мне. С утра до вечера мне не удаётся присесть ни на минуту. Когда-то я могла писать письма но вечерам, теперь же достаю корзинку с прохудившимися детскими чулками и принимаюсь их штопать. В прежние времена я попросту выбросила бы их, но сейчас приходится экономить на всём. Каждый из нас должен внести свою лепту в общее дело победы.

Я слышала, что и в Японии жизнь стала труд неё. Недавно наш знакомый приехал оттуда в отпуск и рассказал о произошедших у вас переменах. Ничего не поделаешь. Такова общая судьба молодых, набирающих силу наций, которые стремятся занять своё место под солнцем. Это нелегко, я верю, что мы достигнем этой цели.

Ваше последнее письмо тронуло меня до глубины души, тем более что оно было написано по-немецки. Я надеюсь, кто-нибудь из Ваших добрых знакомых сможет перевести для Вас и это моё письмо. Боюсь только, что у меня не очень разборчивый почерк. В следующий раз я постараюсь воспользоваться пишущей машинкой.

К сожалению, Ваша посылочка (отрез шёлка и веер) до нас не дошла, но зато теперь Роземари вознаграждена сторицей. Фройляйн Хенинг сообщила нам в письме, что Вы передали с ней подарок для Роземари, но она не знала, когда сможет приехать в Гамбург. На днях наш общий знакомый был по делам в Берлине и привёз посланное Вами кольцо. Оно восхитительно. Примите, пожалуйста, нашу глубокую, искреннюю благодарность. Правда, пока что я не разрешаю Роземари носить это кольцо. Мне хочется приберечь его до тех пор, когда она немного повзрослеет.

В апреле наш знакомый возвращается в Японию, и я попрошу его захватить для Эцуко скромный сувенир от нас. Пусть наши девочки носят эти украшения в намять о своей дружбе. Я надеюсь, когда кончится война, в которой мы одержим славную победу, и жизнь войдёт в привычное русло, Вы приедете к нам в Гамбург. Эцуко наверняка будет интересно посмотреть нашу страну. Мы будем счастливы принять Вас в своём доме как самых дорогих гостей.

Вы спрашиваете, как поживают дети. Они по-прежнему здоровы. Петер с ноября прошлого года находится вместе со своим классом в Верхней Баварии. Судя по всему, ему там очень нравится. Роземари в октябре начала брать уроки игры на фортепиано и делает успехи. Фриц учится играть на скрипке. За это время он заметно повзрослел, и вообще он весёлый, хороший мальчуган. Он уже ходит в школу и легко справляется со всеми предметами. Сначала он воспринимал уроки как своего рода игру, но теперь привык и относится к ним серьёзно.

Всё трое помогают мне по дому. У каждого есть свои обязанности, Фриц перед сном чистит обувь, а Роземари вытирает посуду и чистит столовое серебро, причём делают они это очень старательно, на совесть.

Сегодня я получила подробное письмо от Петера. Они в зимнем лагере тоже помогают на кухне, штопают носки и самостоятельно приводят в порядок свою одежду. Хорошо, что юношам прививают такие навыки. Боюсь только, что,

вернувшись домой, Петер снова предпочтёт, чтобы всё это за него делала мама…

Не так давно муж возглавил одну из внешнеторговых фирм и уже вполне освоился со своими обязанностями. Эта фирма занимается закупками товаров в Китае и Японии, но в настоящее время в связи с условиями военного времени масштабы дела ограничены.

Нынешняя зима у нас выдалась долгая, но не такая суровая, как в прошлом году. Погода стоит по преимуществу пасмурная — с ноября мы почти не видим солнышка. Скорее бы наступала весна! Мы с удовольствием вспоминаем тёплые японские зимы. До чего же благодатный там климат!

Я буду рада получить новую весточку от Вас. Напишите, пожалуйста, как Вы поживаете, что нового у Ваших близких. Как жаль, что запрещено посылать в письмах фотографии! Роземари в ближайшее время напишет Эцуко. В будни ей приходится подолгу сидеть за уроками, поэтому для писания писем у неё остаётся только воскресенье. Петер напишет Вам из Баварии. Я рада, что он имеет возможность пожить на природе, подышать свежим воздухом. Здесь, в городе, мы живём, как в каменных пещерах.

Передайте, пожалуйста, сердечный привет Эцуко от всех нас и особенно от детей, а также самые добрые пожелания Вашему супругу. Спасибо, что Вы не забываете нас.

Ваша Хильда Штольц.
Гамбург,
9 февраля 1941 г.

Письмо от Фридль Хенинг било написано по-английски, но очень доходчиво, и поэтому Сатико без особого труда сумела его прочитать.

Дорогая г-жа Макиока!

Извините, пожалуйста, что не написала Вам раньше. Всё это время мы были заняты поисками жилья, и мне

попросту некогда было взяться за письмо. Но теперь всё эти хлопоты позади. Нас с папой приютил у себя один пожилой, господин, с сыном которого мы познакомились в Японии. Самому хозяину шестьдесят три года, он живёт один в большой квартире и, узнав, что нам негде остановиться, сразу же предложил переехать к нему. Таким образом, всё вышло очень удачно, и мы довольны.

Мы приехали в Германию пятого января, после долгого, но приятного путешествия. Конечно, карантин на границе с Россией не был особенно приятным, хотя русские отнеслись к нам очень хорошо. Кормили нас, правда, ужасно: наш ежедневный рацион состоял из чёрного хлеба, сыра, масла и овощного супа под названием «борщ». Вынужденное безделье тяготило нас, мы целыми днями играли в карты и в шашки. В сочельник мы зажгли свечи и съели по куску хлеба с маслом. Вы не можете себе представить, как мне хотелось домой, в Японию, к маме и братьям! Но вот кончились шесть дней карантина, и мы смогли продолжить наше путешествие. В поезде нам с папой отвели прекрасное двухместное купе, В соседнем купе ехали немецкие юноши из Гитлер-югенд, они возвращались домой из Японии. Я с ними подружилась, и в разговорах дорога прошла незаметно.

Здесь, в Берлине, не чувствуется, что идёт война. Театры и кафе полны посетителей, еды много, и она очень вкусная. В ресторанах порции такие огромные, что мы не в силах всё съесть. Из-за перемены климата у меня прорезался страшный аппетит, и мне приходится принимать меры, чтобы не располнеть, единственное, что кажется нам непривычным, так это обилие на улицах солдат и офицеров, они так щеголевато выглядят в военной форме!

В этом месяце я приступила к занятиям в балетной школе, которая находится всего в десяти минутах ходьбы от дома, где мы поселились. Мою учительницу зовут мадам Гусовски. Это очень милая дама, которая училась классическому танцу в Петербурге. Она занимается со мной два раза в день — с одиннадцати до половины первого и с трёх до половины пятого. Если бы Вы знали, как мне хочется

поскорее научиться танцевать! Старшие ученицы мадам Гусовски только что вернулись из гастрольной поездки по Румынии и вскоре собираются выступить в Норвегии и Польше. Я надеюсь, что года через два или три меня тоже примут в труппу.

Спешу сообщить Вам, что мне удалось выполнить Ваше поручение и переправить кольцо Роземари. Я боялась посылать его по почте, но на днях из Гамбурга приезжал папин знакомый, и я попросила его передать Ваш подарок Штольцам, Сегодня от г-жи Штольц пришла открытка, в которой она сообщает, что получила кольцо и что Роземари очень рада и благодарна. Эту открытку я посылаю Вам вместе со своим письмом.

Всё это время в Берлине стоят ужасные холода, но говорят, что скоро должно потеплеть. В январе мороз доходил до восемнадцати градусов ниже нуля. Однако в комнатах тепло и уютно, потому что всюду имеется паровое отопление. К тому же дома в Германии прочные, надёжные, не то, что в Японии, окна здесь с двойными рамами и из щелей не дует.

На этом кончаю. Мне уже пора бежать на занятия. Буду очень рада, если Вы мне ответите.

С глубоким уважением,
Фридль Хенинг.
Берлин,
2 февраля 1941 г.

В конверт была вложена открытка от г-жи Штольц, извещающая фройляйн Хенинг о получении подарка.

37

Юкико пробыла в Токио весь остаток марта. Она могла бы задержаться там до самой своей свадьбы, но ей хотелось на прощание погостить в доме Сатико, и в начале апреля она приехала в Асию с известием о том, что церемония бракосочетания назначена на двадцать девятое апреля, день рождения императора. Свадебный банкет состоится в отеле «Тэйкоку». От лица виконта, которому в его годы трудно приехать в Токио, на церемонии и банкете будет присутствовать его старший сын Масахиро с супругой.

Хотя нынешние времена обязывают к скромности и воздержанности, семья жениха считает, что свадебное торжество должно соответствовать высокому положению дома Мимаки.

Помимо того, что на банкет приглашены всё родственники и друзья семьи в Токио, ожидается множество гостей также и из Кансая. В этой ситуации Тацуо и Цуруко сочли естественным направить приглашения всем своим родственникам в Осаке и Нагое, не забыв и вдову Сугано из Огаки.

Итак, торжества обещали быть пышными.

В один из дней в начале апреля в Асию приехал Мимаки. Жильцы уже освободили дом, и он хотел пригласить Сатико и Юкико взглянуть на него.

Дом, в котором предстояло поселиться нам, находился примерно в полукилометре от станции «Косиэн». Он был сравнительно новый, одноэтажный и по размерам как раз подходил для небольшой семьи с прислугой. А главное — его окружал чудесный сад.

Посоветовавшись с невестой и её сестрой относительно убранства комнат и обстановки, Мимаки заговорил о своих планах в связи со свадебным путешествием. Ночь после банкета они с Юкико проведут в отеле «Тэйкоку», наутро выедут в Киото, нанесут визит виконту, а затем отправятся на несколько дней в Нару. Ему давно уже хотелось побывать в легендарном краю Ямато,[123] сказал Мимаки. Впрочем, госпожа Юкико, должно быть, неоднократно там бывала. В таком случае они могли бы поехать в Хаконэ или Атами.[124]

Сатико знала, что сестра, безусловно, отдаёт предпочтение Наре. Хотя большая часть, жизни Юкико прошла в этих краях, сказала она Мимаки, ей, как ни странно, не доводилось бывать там. А ведь там столько знаменитых памятников старины! Одна настенная живопись в храме Хорюдзи[125] чего стоит! А в какой гостинице посоветовала, бы им остановиться Сатико? — спросил Мимаки. Наученная горьким опытом, Сатико не раздумывая ответила: только не в «Наре»! Лучше всего выбрать гостиницу в чисто японском стиле, скажем «Цукихитэй».

Мимаки сообщил сёстрам, что с помощью Кунисимы нашёл себе место в Восточно-Азиатской авиастроительной компании, которая имеет большой завод в окрестностях Амагасаки. Его приняли туда на основании диплома об окончании университета в Америке, где он изучал аэронавтику. Но с тех пор прошло уже немало лет. Мимаки многое забыл и не знает, сумеет ли справиться с возложенными на него обязанностями. К тому же благодаря посредничеству Кунисимы ему назначили солидное жалованье, и он несколько смущён этим обстоятельством. Но ничего не поделаешь — ему пришлось ухватиться за это предложение, чтобы как-нибудь продержаться до лучших времён. Он должен приступить к службе сразу же по возвращении из свадебного путешествия. Однако он не теряет надежды в будущем вернуться на стезю архитектора и в свободное время изучать традиции японского национального зодчества.

Сатико чуть не подскочила на месте, когда Мимаки спросил её о Таэко. Сделав над собой усилие, она самым непринуждённым тоном ответила, что Таэко здорова, но, к сожалению, сегодня была вынуждена отлучиться по делам. Знал Мимаки правду или нет, однако больше никаких вопросов он задавать не стал. В тот же день он уехал в Токио.

Незадолго перед этим Таэко вместе с О-Хару вернулась из Аримы и теперь находилась в родильном отделении той самой клиники в Кобэ, где проходила освидетельствование в октябре.

Из осторожности Сатико не навещала сестру и не справлялась о её состоянии по телефону. На другой день, после того, как Таэко поместили в клинику, в Асии неожиданно появилась О-Хару и сообщила, что, по словам доктора, плод занимает в утробе, матери неправильное положение. Когда Таэко показывалась ему в октябре, всё

было нормально. По-видимому, ребёнок перевернулся, когда они ехали в машине по горной дороге в Ариму. Если бы доктор обнаружил это хоть немного раньше, он смог бы всё исправить, но теперь уже поздно: приближаются роды. И всё-таки доктор считает, что оснований для беспокойства нет, продолжала О-Хару. Он ручается за благополучный исход.

С тех пор никаких известий о Таэко не было. Приближалась середина апреля. Если верить прогнозам доктора, Таэко давно уже должна была родить, но Сатико знала, что первые роды нередко запаздывают. Пора цветения сакуры подходила к концу. До свадьбы Юкико оставалось немногим больше двух недель, и всё в Асии грустили оттого, что время бежит так быстро. Тэйноскэ и Сатико были бы рады как-нибудь по-особому отметить эти последние дни с Юкико, но жизнь всё меньше располагала к развлечениям.

После Указа от седьмого июля сорокового года в стране действовали существенные ограничения на производство и продажу предметов роскоши. В связи с этим Сатико была лишена возможности заказать для сестры новые свадебные кимоно — через магазин «Кодзутия» пришлось разыскивать подержанные. Начиная с апреля была введена карточная система на рис. В этом году Кикугоро не приехал на гастроли в Осаку. Даже ежегодное путешествие семьи в Киото на любование сакурой стояло под вопросом. Но в конце концов Макиока всё-таки решили не нарушать традицию и тринадцатого числа, в воскресенье, одевшись как можно скромнее, поехали на один день в Киото.

На этот раз они отказались от праздничного обеда в ресторане «Хётэй». Взглянув на плакучую сакуру в парке храма Хэйан, они прошлись по своим любимым местам в Саге — скорее по привычке, нежели потому, что им действительно этого хотелось. Таэко снова не было с ними. Расположившись вблизи пруда Осава, они молча съели принесённый с собою завтрак, выпили по чарке холодного сакэ и уехали домой с таким чувством, как будто ничего и не видали.

В ночь после их возвращения в Асию у Судзу родились котята. Судзу находилась уже в почтенном возрасте — ей было лет двенадцать, — и роды у неё протекали трудно. Ещё в прошлом году к ней пришлось вызвать ветеринара, который сделал ей укол, стимулирующий схватки. На сей раз она опять никак не могла

самостоятельно разродиться, и Сатико снова позвала ветеринара. Только после укола Судзу с большим трудом удалось произвести на свет троих котят, которых по очереди принимали Сатико и Юкико. Не говоря друг другу ни слова, они старились помочь кошке, в надежде, что её благополучные роды послужат добрым предзнаменованием для Таэко. Время от времени Эцуко спускалась вниз, притворяясь, будто ей понадобилось в туалет, и заглядывала в комнату. «Сейчас же ступай к себе, Эттян, — прогоняли девочку мать и тётка. — Здесь тебе не место».

Около четырёх часов утра всё наконец кончилось, Сёстры вымыли ноги, переоделись в ночные кимоно и приготовились ложиться спать. В это время неожиданно раздался телефонный звонок.

Сатико в смятении взяла трубку и услышала голос О-Хару. Что случилось? Всё уже позади? Нет ещё, ответила О-Хару. Роды ужасно тяжёлые. Кой-сан мучится уже двадцать часов. Доктор говорит, что потуги очень слабые, и вводит ей какое-то средство, но, как на беду, немецкое лекарство у него кончилось, а японское почти не действует. Кой-сан кричит в голос — такие у неё боли. Со вчерашнего вечера она ничего не ела, её всё время рвёт, причём рвота какая-то странная, темно-зелёного цвета. Она плачет и говорит, что теперь уж наверное умрёт. Доктор уверен, что всё будет хорошо, но сестра боится, как бы у Кой-сан не отказало сердце. Да и вообще, добавила О-Хару, даже ей ясно, что положение серьёзное. Поэтому она и решилась, несмотря на запрет, позвонить Сатико…

После разговора с О-Хару многое для Сатико оставалось неясным, но одно она поняла со всей отчётливостью: Таэко страдает, потому что ей не могут сделать инъекцию немецкого препарата, стимулирующего схватки. Но ведь это средство можно попытаться достать. В любой клинике наверняка существует запас редких лекарств, которые приберегают для «особых» пациентов. Если как следует попросить доктора, он, возможно, не откажет… Юкико считала, что Сатико должна немедленно ехать в клинику. Сейчас не тот случай, чтобы думать о репутации семьи. Разбуженный телефонных звонком, Тэйноскэ спустился вниз. Он был полностью согласен с Юкико: Сатико должна, не теряя времени, отправиться в клинику. Кроме того, он счёл необходимым сообщить обо всём Миёси, ведь на

них с Сатико лежала ответственность за благополучие Кой-сан и ребёнка.

Доктор Фунакоси, который принимал роды у Таэко, пользовался репутацией опытного специалиста и порядочного человека. Зная об этом, Сатико посоветовала сестре обратиться именно в эту клинику, однако сама она не была лично знакома с доктором. Перед выходом из дома Сатико на всякий случай захватила с собой кое-что из лекарств, которые в последнее время стали редкостью, — несколько ампул корамина, пронтозила и бетаксина.

Миёси уже был в палате. Увидев сестру, Таэко заплакала. «Как хорошо, что ты пришла, — сказала она. — Я знаю, теперь уже мне не выкарабкаться…» — и заметалась по постели. Время от времени она чувствовала позывы к тошноте, и изо рта у неё выходила какая-то непонятная тёмная кашица. Медицинская сестра объяснила Миёси, что из организма матери выходят яды. Сатико подумала, что это странное, вещество по виду похоже на первый стул новорождённого.

Не теряя времени, Сатико отправилась в кабинет доктора Фунакоси. Вручив ему визитную карточку Тэйноскэ и выложив перед ним привезённые из дома лекарства, она в исступлении заговорила:

— Доктор, мне удалось раздобыть только эти лекарства. Достать немецкое стимулирующее средство не в моих силах… Прошу вас, умоляю вас, доктор, разыщите его. Я заплачу любые деньги… Не может быть, чтобы во всех Кобэ не нашлось этого лекарства…

Сердобольный доктор сразу же сдался. У него есть этот препарат, но одна, всего одна ампула, сказал он.

Через пять минут после инъекции у Таэко начались активные схватки, и Сатико имела возможность собственными глазами убедиться в преимуществах немецкой фармакологии. Таэко отвезли на каталке в родильную палату. Сатико, Миёси и О-Хару сели на скамеечку в коридоре. Роженица дважды вскрикнула, а спустя несколько секунд из двери выбежал доктор с младенцем на руках и бросился в операционную. В течение тридцати минут после этого оттуда доносились энергичные шлепки, но долгожданного детского крика так и не последовало.

Наконец Таэко перевезли в её палату. Сатико, Миёси и О-Хару в молчаливом оцепенении стояли около неё. Из операционной по-

прежнему слышались шлепки — доктор не сдавался, но всем было уже ясно, что его усилия бесполезны.

Через некоторое время в палату вошла сестра.

— Я искренне сожалею, — сказала она. — Ребёнок был жив, но задохнулся в момент родов. Мы сделали всё возможное, чтобы он начал дышать, даже ввели ему корамин, который привезла госпожа Макиока, но — увы — вернуть ребёнка к жизни не удалось. Доктор сейчас придёт. Он хочет одеть ребёнка. — Сестра взяла пакет с приданым для новорождённого, которое Таэко сшила в Ариме, и вышла.

Вскоре в дверях палаты появился доктор с мёртвым младенцем на руках.

— Мне нет и не может быть никакого оправдания, — начал он. — Всё произошло но моей вине. Ребёнок находился в неправильном положении, я потянул за ножки, но в этот момент у меня сорвалась рука — и он задохнулся. Я обещал, что всё будет благополучно, а сам допустил такой нелепый, непростительный промах! — Доктор вытер пот со лба, Сатико не могла испытывать злобу к этому человеку, открыто признавшему свою ошибку и столь мучительно переживающему её.

Доктор приблизился к постели Таэко и показал ребёнка.

— Это девочка, — сказал он. — Взгляните, какое прелестное у неё личико. На своём веку я принял немало младенцев, но такого прелестного ребёнка ещё не видел. Какой красавицей она могла бы стать!

И действительно, глядя на это белое личико, с ещё не потухшим румянцем, в обрамлении блестящих, густых волос, невозможно было сдержать возглас восхищения и скорби. Сатико, Миёси и О-Хару по очереди взяли ребёнка на руки. Таэко уже плакала навзрыд, а вместе с нею — и всё остальные.

— Да, совсем как куколка… — сквозь слёзы проговорила Сатико. Не в силах отвести взгляд от воскового, редкой красоты младенческого лица, Сатико невольно содрогнулась при мысли о том, что этого ребёнка настигло проклятие Итакуры и Окубаты.

Спустя неделю Таэко выписалась из клиники и с разрешения Тэйноскэ, который поставил ей единственное условие — чтобы она пока по возможности не показывалась на людях, — сразу же переехала

жить к Миёси, в комнаты, нанятые им во втором этаже[126] одного из домов в районе Хёго.

Двадцать пятого апреля, вечером, Таэко потихоньку приехала в Асию, чтобы проститься с Юкико и всеми остальными и заодно забрать кое-какие мелкие вещи. В комнате наверху, которую она некогда занимала, теперь красовалось приданое Юкико. Ниша была уставлена свадебными подарками, полученными от родственников и знакомых из Осаки. Могло ли кому-нибудь прийти в голову, что судьба младшей сестры решится прежде, чем старшей? Таэко поспешно разобрала свои вещи, увязала нужное в узел и, посидев с близкими не более получаса, уехала.

О-Хару вернулась в Асию в тот же день, как Таэко вышла из клиники. Отец с мачехой нашли ей жениха, и она попросила хозяйку отпустить её дня на два домой после свадьбы Юкико.

* * *

Вот так в короткое время в жизни семьи одна за другой произошли внезапные перемены. Думая о том как тихо и пусто станет теперь в доме, Сатико ощущала себя совсем как мать, которой предстоит выдать замуж любимую дочь.

Она бродила по комнатам задумчивая и потерянная. Было решено, что Юкико с сестрой и зятем выедут в Токио ночным поездом двадцать шестого, и приближающаяся разлука удручала её ещё больше, чем Сатико. Несколько дней у Юкико был расстроен желудок. Она пила таблетки, но без сколько-нибудь заметного результата. Утром двадцать шестого из Осаки наконец доставили заказанный для неё парик.[127] Юкико примерила его и поставила в нишу. Вернувшись из школы, Эцуко обнаружила парик и сейчас же отправилась демонстрировать его служанкам на кухне:

— Вы только посмотрите, какая маленькая головка у Юкико!

В тот же день прибыли и свадебные кимоно от «Кодзутии». Юкико взглянула на них и с грустью подумала: ах, если бы только они предназначались не для свадьбы!..

Сатико вдруг вспомнила, как тоскливо ей было накануне собственной свадьбы. Сёстры удивлялись тогда: отчего она такая

невесёлая? И Сатико ответила им стихотворением:

Свадебный свой наряд
я сегодня опять примеряла.
И сердце томит печаль…

В день отъезда Юкико всё ещё была нездорова. Боль по-прежнему не унималась и преследовала её всю ночь в поезде.

январь 1943 — декабрь 1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дзюнъитиро Танидзаки (1886–1965) — классик японской литературы, продолжатель её многовековых традиций, один из самых значительных и оригинальных писателей Японии первой половины XX века. Творческая судьба его сложилась счастливо — с первых шагов в литературе его признали и критики, и широкие читательские круги, а за пределами Японии его сочинения стали известны даже раньше, чем творчество многих других крупных японских писателей. Общеизвестно, что, когда решался вопрос о присуждении кому-либо из японских писателей Нобелевской премии в области литературы, Танидзаки называли в качестве возможного кандидата наравне с Ясунари Кавабатой, несмотря на то, что к тому времени (1973 г.) писателя уже не было в живых.

Разумеется, за долгие годы литературного труда творческие принципы писателя претерпели радикальные изменения. Система его этических и эстетических взглядов, запечатлённая в его лучших произведениях, покоится на глубоко национальной традиции, в ней нашли отражение эстетические категории, формировавшиеся на протяжении веков и в конечном итоге определившие неповторимое своеобразие национального японского искусства. Танидзаки по праву может считаться подлинно национальным писателем, творчество которого выражает общенародный эстетический идеал.

Через всё творчество Танидзаки красной нитью проходит ярко выраженное эстетическое начало. Как подлинный представитель своего народа, он придавал большое значение красоте, ибо, по его глубокому убеждению, только в ней может найти отдохновение и радость человеческая душа в этом несовершенном мире…

Не всё, созданное писателем, равноценно, не всё выдержало испытание временем, но лучшие его творения, отмеченные большим, своеобразным талантом, и по сей день безусловно относятся к самым привлекательным страницам современной японской прозы.

****

Ещё на школьной скамье Танидзаки увлекался литературой и с юных лет твёрдо решил, что будет писателем. Однако первые рассказы, которые ему с трудом удалось опубликовать, прошли незамеченными, вызвав у молодого автора горестные сомнения в собственных силах. Но в 1910 году в первых четырёх номерах литературного журнала «Син-ситё» («Новые течения»), созданного группой студентов Имперского (ныне — Токийского) университета, один за другим появились его рассказы, среди них наиболее примечательные — *«Татуировка»* и *«Цзилинь»*. Небольшие по размеру, они сразу привлекли внимание к дотоле никому не известному молодому студенту. Критика приветствовала появление нового оригинального таланта, известный писатель Нагай Кафу (1879–1959) посвятил рассказам Танидзаки отдельную хвалебную статью, в которой сравнивал рассказ *«Цзилинь»* со знаменитой *«Таис»* Анатоля Франса…

Впоследствии, вспоминая это время в своём произведении мемуарного типа *«Повесть о моей юности» («Сэйсюн-моногатари»*, 1932–1933), Танидзаки писал, что, разумеется, не смеет и помышлять о том, чтобы сравнивать себя с Байроном, но тоже мог бы, подобно великому английскому поэту, сказать в одно прекрасное утро: «Я проснулся и был уже знаменит…»; когда же он читал статью о себе, написанную Нагаем Кафу, от волнения у него так дрожали руки, что журнальные строчки прыгали перед глазами…

Современному читателю может показаться странным и непонятным, чем именно оказались столь актуальны и примечательны эти произведения, где действие происходит в первом случае — в так называемую эпоху Эдо (XVII — сер. XIX в.), а во втором — и совсем уже незапамятные времена, в V веке до н. э., и к тому же в Китае?

Чтобы в полной мере оценить смелость и новаторство молодого автора, студента III курса литературного факультета Танидзаки, нужно вспомнить, что представляло собой японское общество, его духовная жизнь, его литература в те уже далёкие от нас годы. Здесь не место вдаваться в исторический экскурс; напомним лишь, что в том же 1910 году, когда состоялся столь удачный дебют Танидзаки в литературе, произошли два события, в концентрированной форме воплотившие в себе суть того курса, которым с начала XX века неуклонно двигалось японское государство как в своей внешней, так и во внутренней

политике. Этими событиями стали окончательная аннексия Кореи, (лицемерно названная «слиянием») — очередной этап наступления японского империализма на соседние азиатские страны — и арест, а вскоре за тем и казнь выдающегося японского социалиста Котоку Сюсуя и группы его единомышленников. Эта расправа, означавшая дальнейшее усиление реакции, произвела удручающее впечатление на японское общество, и без того скованное тисками чисто феодальных традиций, регламентировавших всю частную жизнь человека, традиций, в сравнении с которыми ханжеская мораль викторианской Англии могла бы считаться идеологией вольнодумцев. Не удивительно, что в такой обстановке японская литература оказалась в тупике. Растеряв критическую направленность, свойственную лучшим произведениям натуралистической школы — ведущего литературного направления Японии начала века, — литература натурализма свелась теперь к мелочному бытописательству, нарочито безыскусному описанию безрадостных, серых будней. Такая литература никак не могла служить вдохновляющим образцом для молодого поколения писателей, слабость и антихудожественность её были чересчур очевидны. Молодая литература оказалась как бы на распутье — но если одни искали выход в утверждении абстрактных гуманистических идеалов, то другие открыли для себя новую Мекку в так называемой литературе «конца века», давно уже существовавшей в Европе, в первую очередь в Англии и во Франции. Первым толчком, как то всегда бывало в Японии, заимствовавшей из Европы не только технику и науку, но и духовные веяния, явились переводы поэзии. Знакомство с творчеством Бодлера, Рембо, Верлена стало настоящим откровением для молодых японских поэтов. Затем последовало знакомство с прозой — от произведений Эдгара По и Оскара Уайльда до сочинений ныне полузабытых Октава Мирбо, Пьера Лоти, Клода Фаррера. С жадным интересом встречались также и теоретические работы европейцев об искусстве символизма и импрессионизма. Литература «конца века» попала в Японию, когда для Европы она уже стала вчерашним днём, но для Японии она была ошеломляюще новым словом, теория и практика символизма и импрессионизма обрели там как нельзя более благоприятную почву. В японском искусстве — не только в живописи, но и в литературе — эстетическое начало всегда было выражено особенно ярко, издавна культивировались принципы мгновенного

впечатления, «постчувствования»; аллюзия, удачный намёк всегда служили знаком высшего мастерства. Культ красоты, исключительное внимание к орнаментальной декоративности стиля, присущие европейской литературе «конца века» и так выгодно отличавшиеся от унылой прозы японского натурализма, вызывали восхищение; дерзкие парадоксы Оскара Уайльда, бросавшие смелый вызов буржуазной морали, встречались с восторженным сочувствием, а экзотический фон, всегда притягивающий сердца в эпоху, когда окружающая жизнь представляется безрадостной, однообразной и тусклой, уводил прочь от постылой действительности. Но если для европейского импрессионизма и постимпрессионизма экзотикой были Китай, Япония или острова Тихого океана, то их японским последователям пришлось искать «собственную экзотику». И таковая нашлась — в экзотическом свете стали восприниматься минувшие века, в первую очередь эпоха Эдо, когда в японских городах процветало искусство — театр, живопись и литература, — далёкий XVII век, когда в Японию проникли первые европейцы, таинственные «падэрэн»[128] (испанские и португальские миссионеры), совратившие в «чужеземную ересь» не одну японскую душу… И вот уже поэт Китахара Хакусю (1885–1942) пишет стихотворение, так и озаглавленное — «*Чужеземная ересь*».

Как будто оживают предо мной
всё ереси истерзанного века,
И чудеса, что силой чар волшебных
творит могучий христианский бог,
И капитаны чёрных кораблей
из сказочной страны рыжеволосых,
Багряное заморское стекло,
манящий пряный аромат гвоздики,
Хлопчатые одежды, ром и вина -
товары южных варваров в порту…
Мне слышатся хоралы литургии;
голубоглазые доминиканцы
Поют о божестве запретной веры,
поют об окровавленном кресте…[129]

Вскоре эти новые веяния нашли отражение в прозе — раньше всего в творчестве Дзюнъитиро Танидзаки.

В рассказе *«Татуировка»* соблюдены всё этические и эстетические посылки литературы «конца века» — экзотический фон («Это было во времена, когда люди почитали легкомыслие за добродетель, а жизнь ещё не омрачали, как в наши дни, суровые невзгоды..»), культ красоты (действующие лица — красавица и человек искусства, художник), чёткая композиция, динамично развивающийся сюжет, изящный, орнаментальный язык, но главной темой была апология жестокой власти, которой обладает чувственная женская красота, ведущая к гибели каждого, кто познает власть её чар, — такая тема звучала дерзким вызовом традиционной морали. В рассказе *«Цзилинь»*, имевшем успех даже больший, чем *«Татуировка»*, эта же тема раскрыта ещё более выразительно. Рассказ поражал читателей вовсе не только потому, что действующим лицом там выступал сам Конфуций[130] (напомним, что конфуцианство на протяжении более чем двух с половиной веков, вплоть до буржуазной революции 1868 г., являлось официальной идеологией феодальной Японии, то есть ещё сравнительно недавно). Центральной фигурой повествования, сюжет которого построен на основе одной из многочисленных легенд о жизни Конфуция, писатель сделал не великого мудреца древности, а прекрасную Нань-цзы, воплощение красоты, жестокости и порока. В соревновании за власть над душой влюблённого в Нань-цзы государя жестокая красавица одерживает решительную победу над мудрецом.

В раннем творчестве Танидзаки тема служения красоте неразрывно связана с темой любви — правильнее было бы сказать, с изображением сугубо земной, даже болезненно-извращённой плотской страсти, лишённой какого бы то ни было романтического ореола.

Критика сравнивала *«Цзилинь»* то с *«Таис»* А, Франса, то с *«Искушением Святого Антония»* Флобера, то с *«Саломеей»* О. Уайльда… Так или иначе, но в раннем творчестве Танидзаки зло и порок торжествуют, а красота воплощается в образе женщины, прекрасной, но непременно жестокой — таковы в ту пору героини многих его произведений. «Предположим, существуют две женщины, одна добрая, другая жестокая — говорит Дзётаро, герой одноимённого

рассказа (1912). — Которая, по-твоему, прекраснее? Конечно, вторая, злая. Иными словами, злобная натура гораздо больше способна стать подлинным воплощением красоты».

Можно, разумеется, объяснять изображение прекрасных, но непременно жестоких женщин в раннем творчестве Танидзаки личными пристрастиями и склонностями автора, как это делают некоторые японские и западноевропейские критики, но бесспорно, что в создании таких образов немалую роль сыграло стремление, пусть неосознанное, эпатировать общество, где женщина по-прежнему оставалась бесправной рабыней, которую можно было купить или продать точно так же, как в самую мрачную эпоху феодализма. Нет, Танидзаки отнюдь не был поборником женского равноправия, среда, в которой прошли его детство и молодость, была далека от идей такого рода, уже волновавших передовые умы тех лет. Но дерзкое желание ниспровергнуть затхлые моральные догмы, объявить идеалом властную, гордую женщину, а высшей радостью — покорное ей служение, безусловно присутствуют в его творчестве. В этом и заключалось главное новаторство, поразившее современников, к тому же блестяще воплощённое с помощью формальных принципов европейской литературы «конца века», которой молодой Танидзаки подражал с чисто юношеским увлечением. Впрочем, не только он один. «Жизнь человеческая не стоит и одной строчки Бодлера…» — писал современник Танидзаки, другой выдающийся писатель, Акутагава (1892–1927), утверждая приоритет искусства над жизнью. *«Цветы зла»* — само это название импонировало молодым литераторам, казалось исполненным глубокого смысла, звучало вызовом лицемерной буржуазной морали. Но Танидзаки пошёл даже дальше своих европейских учителей, утверждая приоритет зла над добром, декларируя, что только зло может стать источником вдохновения для истинно высокого искусства. Так, его герой Дзётаро говорит, что *«Божественная комедия»* Данте стала бессмертным произведением именно благодаря описанию Ада, а *«Потерянный рай»* Мильтона намного превосходит его *«Обретённый рай»*, потому что рисует грехопадение Адама и Евы…

Критика приветствовала рассказы Танидзаки (Дзётаро сравнивали с лордом Генри из романа О. Уайльда *«Портрет Дориана Грея»*), издатели готовы были платить за рукописи молодого писателя больше,

чем платили обычно, его сочинения шли нарасхват, а цензура, со своей стороны, случалось, налагала запрет на некоторые его рассказы, с точки зрения этой цензуры вопиюще предосудительные… Так, сопровождаемый шумным успехом, вступил в литературу Дзюнъитиро Танидзаки.

*** * ***

Танидзаки родился в Токио, в семье купца. Впрочем, отцу его так упорно не везло во всех его коммерческих начинаниях, что его лишь условно можно причислить к купеческому сословию. В раннем детстве семья Танидзаки не испытывала нужды благодаря помощи деда, тоже купца, так что первые годы жизни будущего писателя прошли в сравнительно благополучной обстановке. Впоследствии он с любовью вспоминал свои первые детские впечатления, в частности, посещение театра Кабуки с матерью и тётками или поразившую его детское воображение икону богородицы в доме деда (дед принял православие; увлечение христианством во всех его разновидностях было модным поветрием в конце XIX века.) — в этой иконе ему чудилось что-то бесконечно «благородное, страшное и прекрасное». Тема детства, счастливого и несчастного, часто присутствует и в раннем, и в зрелом творчестве Танидзаки. Он умел понять душу ребёнка и передать переживания детей с тонким и сочувственным проникновением в детскую психологию (рассказ *«Маленькое государство»,* 1918). Танидзаки горячо любил свою мать, слывшую красавицей, и не раз обращался в своём творчестве к теме сыновней любви, к образу матери (рассказы *«Тоска о матери»,* 1919; *«Лианы Ёсино»,* 1931; *«Мать Сигэмото»*, 1957). Отметим всё же истины ради, что интерпретация этой темы — изображение тоски ребёнка по безвременно умершей или таинственно исчезнувшей (как в рассказе *«Мать Сигэмото»)* матери была подсказана отнюдь не личным опытом автора (Танидзаки потерял мать, когда ему было уже за тридцать), а, скорее всего, трудами Фрейда, увлечение которыми было модным в те годы в Европе, а следовательно, и в Японии.

К тому времени, как Танидзаки окончил начальную школу, дела отца окончательно пришли в упадок. Нужно было идти работать —

учеником в лавку или в какую-нибудь контору. К счастью, школьному учителю, обратившему внимание на незаурядную одарённость подростка, удалось преодолеть сопротивление отца и уговорить его позволить сыну продолжить образование. Так Танидзаки посчастливилось стать учеником одной из лучших гимназий Токио. Об этом эпизоде жизни, сыгравшем решающую роль в его дальнейшей судьбе, Танидзаки написал в 1903 году для гимназического литературного журнала автобиографический рассказ. Это было ещё совсем незрелое сочинение, традиционно названное в духе старомодной восточной стилистики *«Записки о весеннем ветерке и осеннем дожде»*. Рассказ начинается с того, как мальчик, вернувшись домой после блестяще сданных выпускных экзаменов в школе, узнает от отца, что на этом его учение закончено, теперь ему придётся работать. Мальчик заливается слезами.

> «Что за слёзы то были? Слёзы благодарности за отцовскую заботу (*о моём будущем. — И. Л.*)? Нет… Слёзы негодования, что мир устроен так беспощадно? Нет… То были слёзы о том, что я не смогу учиться и мне придётся работать в каком-нибудь коммерческом заведении.
>
> С самых ранних лет я больше всего не любил военных, а после них — бизнесменов. Даже если человек прославился на весь мир, разве он поступает, как подобает поступать человеку, если отнимает жизнь других людей и проливает кровь своим мечом? Даже если человек нажил огромное состояние и непрерывно купается в роскоши и богатстве, есть ли смысл родиться человеком, чтобы превратить жизнь в нашем бренном мире в пустой и эфемерный сон?»

Не стоило бы цитировать это раннее, в сущности ещё совсем ученическое сочинение, если бы в нём не отразились взгляды (во всяком случае, в том, что касается японской армии и войны), которые будущий писатель с неизменной последовательностью сохранил на протяжении всей своей долгой жизни.

Годы учения в гимназии, затем в колледже и, наконец, на литературном факультете Токийского университета, куда Танидзаки

поступил вопреки воле родителей, были, пожалуй, самым тяжёлым периодом в его жизни. Дома царила нищета, было время, когда Танидзаки даже пришлось наняться «сёсэем» (учеником), а фактически — репетитором и домашним слугой к некоему хозяину ресторана, терпеть унижения. Студентом он вёл полуголодное существование в университетском общежитии, а посещая родительский дом, выслушивал упрёки отца и матери — вместо того чтобы помочь семье, сын увлекался литературой, делом, с их точки зрения, вполне никчёмным, к тому же не проявлял усердия в учении и вёл, мягко говоря, рассеянный образ жизни. Впоследствии Танидзаки описал это мрачное время в автобиографическом рассказе *«Печаль еретика»*, где с впечатляющей откровенностью в самом неприглядном свете вывел себя самого и трагическую, безобразную нищету, в которой прозябала его семья. Да он и был настоящим еретиком по отношению к своей мещанской среде, демонстративно пренебрегавшим всеми традиционными добродетелями. Мало что изменилось в его поведении и после того, как к нему пришёл литературный успех; напротив, Танидзаки вовсе бросил университет, не закончив третьего курса, и ещё глубже погрузился в беспорядочную жизнь токийской литературной и художественной богемы.

Вспоминая в письме к брату слова О. Уайльда о том, что «весь свой гений он вложил в свою жизнь, а в искусство — только талант», Танидзаки писал:

> «Почти то же можно сказать и о моей жизни с прошлого года до этого лета. Не буду описывать её в подробностях. Во всяком случае, я ни о чем не жалею.
>
> Что касается меня, то теперь жизнь как искусство важнее для меня, чем искусство жизни…» (*слова «жизнь как искусство» и «искусство жизни» были написаны по-английски: «Life of art» и «Art of life»*).[131]

В другом письме к брату (1916) он продолжает:

> «Для меня искусство было на первом плане, а реальная жизнь — на втором. Сперва я стремился, насколько это возможно, жить в соответствии с моим искусством… Было время, когда мне казалось, что это возможно. И я умудрялся жить в величайшей тайне от всех такой ненормальной жизнью чувств. Но постепенно я понял, что между моей жизнью и искусством образуется пропасть, которую я не мог не заметить. И я стал думать, как жить, чтобы использовать свою жизнь с наибольшей выгодой для искусства…»

Такая чересчур прямолинейно наивная трактовка принципов «служения искусству» не замедлила отрицательно сказаться на творчестве писателя. К концу 10-х годов Танидзаки стал повторяться, наступил определённый творческий кризис.

*** * ***

На рубеже 20-х годов Танидзаки по-прежнему писал много, не только рассказы, но и пьесы для нового, уже возникшего в ту пору современного театра, однако когда в 30-х годах готовилось к изданию собранно его избранных сочинений, он решительно отказался включить в него многое из написанного в те годы. Новым увлечением его в этот период стал кинематограф, делавший тогда в Японии свои первые шаги. Едва ли не единственный среди японских писателей, Танидзаки предугадал великое будущее кинематографии, написал несколько сценариев и даже согласился стать литературным консультантом одной из киностудий. В то же время усиливается его интерес к Западу, растёт увлечение не только духовной культурой, но чувственным, материальным аспектом западной цивилизации. Со свойственным ему темпераментом всегда целиком отдававшийся своим увлечениям, Танидзаки заводит знакомство с иностранцами, переезжает в Йокохаму, где колония европейцев была наиболее многочисленной. Он поселился в европейском доме, одевался только по-европейски, увлекался европейскими бальными танцами… Даже совершив недолгую поездку в Китай (1918), он вынес из этого

путешествия наиболее яркие впечатления именно от европейских кварталов Шанхая и Нанкина с их высокими европейскими зданиями, благоустроенными мостовыми, автомобилями и прочими атрибутами современной цивилизации — итог тем более неожиданный, что со школьных лет Танидзаки выделялся замечательными успехами в изучении классической китайской литературы и был горячим поклонником китайской культуры…

Не удивительно, что, несмотря на множество опубликованных произведений, главным образом рассказов, в творческом отношении это время оказалось малоуспешным. Но в 1925 году был создан роман *«Любовь глупца»,* в котором отразился этот период жизни писателя, разумеется, в творчески преломлённом виде.

«Любовь глупца» — не автобиографический роман, хотя в основу его в какой-то мере положен личный жизненный опыт, как, впрочем, во всяком значительном произведении любого писателя. Так же, как почти всегда у Танидзаки, это история любви, но на сей раз и «он» и «она» — люди вполне современные, живущие в реальной обстановке Японии начала 20-х годов. На этот раз Танидзаки создал произведение, основанное на чёткой социальной конкретизации современного ему общества. И хотя в основе конфликта лежит уже знакомая по предыдущему творчеству Танидзаки идея всемогущества прекрасной, но порочной женщины и бессилия человека перед неодолимой силой неподвластных рассудку, откровенно плотских желаний, *«Любовь глупца»* — несомненно, социальный роман, как бы демонстративно ни чурался этого жанра сам автор.

Быстрое развитие японского общества в 20-х годах порождало не только кардинальные сдвиги в важнейших областях жизни, Но и неизбежно влекло за собой проникновение даже чисто внешних элементов западной цивилизации. Несмотря на всё усилия правительства оградить и сохранить нормы старой морали, жизнь брала своё — западные обычаи, вкусы, западная «массовая культура» всё больше проникали в Японию, размывая былые устои, порождая брожение в умах. Город, мелкобуржуазные городские слои прежде всего подвергались воздействию этих новых тенденций, а Танидзаки был коренным токийцем, потомственным горожанином, и, как прозорливо отмечал Нагай Кафу, приветствуя появление первых

рассказов Танидзаки, всё его творчество было детищем современного города.

Инженер Дзёдзи Кавай, главный герой романа *«Любовь глупца»* — живое воплощение новомодного поветрия тех времён: увлечения Западом, вернее сказать, самыми пустыми, поверхностными проявлениями западной цивилизации. «Ты — моя Мэри Пикфорд!» — восторженно, как высшую похвалу, произносит Кавай, обращаясь к своей возлюбленной, на которую и внимание-то обратил вначале лишь потому, что чертами лица она напоминала европейскую женщину, сам же Кавай непрерывно терзается «комплексом неполноценности», с огорчением сознавая себя «типичным японцем». Образ Наоми неразрывно слит в его сознании с тем прекрасным, таинственным и экзотичным, чем представляется ему Запад. Эта губительная страсть разрушает всю его жизнь добропорядочного мещанина, приводит к моральной деградации. Добродетельный сын, он грубо обманывает любимую мать, усердный работник — манкирует службой и в конце концов вовсе перестаёт работать…

Танидзаки недаром назвал свой роман *«Любовь глупца»*. Книга была написана в ту пору, когда писатель разочаровался в своём пристрастии к Западу, вполне осознав пустоту и несостоятельность своих былых увлечений. В этом смысле *«Любовь глупца»* может считаться своего рода итоговым произведением, подводящим черту под целым этапом в творчестве Танидзаки. Здесь кончается «ранний» Танидзаки и начинается новый, непохожий на прежнего…

Любопытно отметить, что современники не сразу восприняли критическую тональность романа. Напротив, многим казалось, что в образе Наоми писатель изобразил современную, «раскованную» женщину. Возник даже термин «наомиизм», обозначавший ниспровержение старой морали. Излишне говорить, сколь беспочвенным было такое суждение. И снова цензура ополчилась на Танидзаки, прервав публикацию «безнравственного» романа, печатавшегося из номера в номер в осакском филиале газеты «Асахи». Во времена, когда из каждого зарубежного фильма в обязательном порядке изымались всё кадры «с поцелуями», отношения Танидзаки с цензурой явно не ладились… Писатель опубликовал *«Любовь глупца»* в литературном журнале, впоследствии роман вышел отдельным изданием. Он оказался актуальным, чтобы не сказать —

злободневным, и, как всё, выходившее из-под пера Танидзаки, имел шумный успех.[133]

Как же случилось, что писатель, ещё недавно сам искренне разделявший увлечения инженера Кавая, сумел так критически, так живо и убедительно изобразить своего героя? Этому в значительной степени способствовали обстоятельства, круто изменившие образ жизни и самый характер творчества Танидзаки.

* * *

1 сентября 1923 года в районе Токио-Йокохама произошло сильнейшее землетрясение, во время которого погибло более ста пятидесяти тысяч человек. Нетрудно представить себе, какое страшное впечатление произвело стихийное бедствие такого масштаба не только в Японии, но и во всём мире, в те годы ещё не подозревавшем о грядущей трагедии Хиросимы и Нагасаки… Поток беженцев устремился прочь из более чем на две трети разрушенных городов. Уехал и Танидзаки. Он обосновался в так называемом районе Кансай (западная Япония), в городе Кобе, крупнейшем после Йокохамы портовом городе Японии, где также имелась довольно значительная колония иностранцев, и можно предположить, что для Танидзаки, искавшего привычные условия жизни, это обстоятельство поначалу в известной мере определило выбор временного пристанища. Вместе с тем Кобе находится совсем рядом с древними столицами Японии Киото и Нарой и в непосредственной близости к старинному торговому городу Осаке.

Танидзаки рассчитывал пробыть в Кансае лишь короткое время, а остался там на долгие годы. «Потому что район Кансай — я имею в виду не только Киото, но и старую Японию Осаки, Киото и Нары — покорил меня прежде, чем я успел это осознать», — писал годы спустя Танидзаки в эссе *«Думы о Токио»* (1934).

Весь этот обширный район по праву считается колыбелью японской культуры, здесь зародилось и расцветало японское искусство — архитектура и скульптура, живопись и декоративное садоводство, литература — поэзия и проза, отсюда пошёл японский театр Кабуки, где играют актёры, и «дзёрури», где действуют большие, чуть ли не в

рост человека, куклы. Здесь возникли и развивались замечательные художественные ремесла — ткачество, керамика, роспись по лаку и многое другое. Но, может быть, не менее важным было то, что здесь, в этой японской «глубинке», всё ещё бытовали старинные нравы, сохранилась утончённая, веками отшлифованная культура общения, исконные, традиционные обычаи старины.

Не удивительно, что воображение Танидзаки всё больше занимают проблемы национальной культуры, национальной эстетики. Он много размышляет о соотношении восточной и западной культур, которой ещё недавно так восхищался. Симптоматично, что в 1926 году, после вторичного недолгого пребывания в Шанхае, он уже сетует на то, что в городе слишком сильно чувствуется европейское влияние. «Чтобы узнать Китай, надо ехать в Пекин», — пишет он в *«Записках о Шанхае»*. Он по-прежнему много работает, публикует рассказы, эссе, в том число известные *«Записки болтуна»*. Среди разнообразных проблем литературного характера в них затронут и вопрос об особенностях культуры Востока: «Прежде всего, что подразумевается под этим термином? (Танидзаки имеет в виду английское слово «ориентализм». — И. Л.) Это не вполне ясно мне самому, но, коротко говоря, речь идёт о восточных эстетических вкусах, образе мышления, физическом сложении, характере. Не знаю, как точнее всё это описать, но я ощущаю в Востоке что-то своеобразное, отличное от Запада, не только в литературе и искусстве, но и во всём, начиная от политики, религии, философии и кончая делами повседневными, одеждой, едой, жилищем».[135]

Желая доказать правомерность популярной литературы, доступной широкому кругу читателей, а не только интеллигенции, Танидзаки берётся за создание широкомасштабного романа на материале исторических событий XVI столетия (*«Заросли хризантем»*, 1930). Роман остался незаконченным, но ещё за год до того, в 1929 году, вышел в свет другой, не столь обширный роман *«О вкусах не спорят»*, свидетельствующий о новых эстетических горизонтах, открывшихся перед творческим воображением Танидзаки. Герой этого произведения, страдающий от разлада в семье (супруги давно уже равнодушны друг к другу и по молчаливому согласию оба имеют связи на стороне), открывает для себя новый, прекрасный и чистый мир в традиционном искусстве, в «чисто кансайском» укладе жизни, где

изящная, деликатная, скромная женщина О-Хиса, истинная уроженка Кансая, являет собой образец идеальной женщины, так непохожей на его европеизированную, по-современному образованную жену.

В начале 30-х годов Танидзаки создал серию произведений, составивших лучшие страницы его творчества. Наступил расцвет его дарования. Один за другим выходят в свет рассказы *«Лианы Есино»* (1931), *«Рассказ слепого»* (1931), *«Асикари»* (1932), *«История Сюнкин»* (1933), эссе — в том числе знаменитая *«Похвала тени»* (1934)[137] и *«Думы о Токио»* — и многое другое. Это время совпало со счастливыми переменами в личной жизни писателя — в начале 30-х годов он встретил свою будущую жену, Мацуко Нэдзу, разведённую жену осакского коммерсанта, любовь к которой пронёс до конца жизни (два его предыдущих брака оказались несчастливыми). Танидзаки было уже больше сорока лет, юность, полная творческих исканий и увлечений, осталась позади, наступила пора творческой зрелости.

Рассказ *«Лианы Ёсино»*, по единодушной оценке японской критики, — одно из самых проникновенных и поэтических произведений Танидзаки, подобно лианам, растущим в Ёсино, всеми корнями глубоко вросшее в родную почву, но, может быть, именно поэтому наиболее «закрытое» для европейских читателей. А между том японским читателям одно географическое название «Ёсино» уже говорит о многом, рождает бесчисленные аллюзии.

Горы Ёсино на полуострове Кии, к югу от старой столицы Киото, испокон веков славились деревьями сакуры, недолгое весеннее цветение которой воспевали поэты с древних времён. «Как любому поэту известно о цветении сакуры в Ёсино…» — распевали средневековые сказители уже в XIII веке. Но Танидзаки переносит действие в другой сезон — в осень, когда становятся ярко-красными листья японского клёна и тоже справляется праздник красоты, так же освящённый традицией, как любование сакурой, но менее известный за пределами Японии.

Трудно определить жанр рассказа. Что это — дневник путешествия, жанр, утвердившийся в японской литературе тысячу лет назад и по сей день любимый японцами? Или новелла о любви молодого горожанина к крестьянской девушке? Или, может быть, гимн труду-искусству, потому что изготовление знаменитой японской бумаги «васи» издавна считалось искусством, а бумага «васи» —

художественным изделием, предметом эстетического любования, в древние времена её, как лучший подарок, преподносили придворным дамам? Или, может быть, главное здесь — сочувственный рассказ о крестьянской девушке, проданной в «весёлый квартал» города Осаки, о крестьянских детях, отданных в услужение? Всё сплетено в одни клубок, окрашенный в идиллические тона.

И любовь здесь совсем другая, и женские образы уже не те, что в ранних произведениях Танидзаки. Куда девались демонические героини его прежних рассказов, жестокие и порочные? Теперь красота неразрывно связана с верностью, с традиционными женскими добродетелями. Такой верной возлюбленной была легендарная Сидзука, такой же была и добродетельная купеческая жена, покойная мать Цумуры (Танидзаки не забывает упомянуть, что она осталась чистой вопреки обстоятельствам), такой же верной и преданной будет крестьянская девушка О-Васа.

В рассказе то и дело происходит смещение времён. Прошлое тесно переплетается с настоящим. Легендарные события, связанные с танцовщицей Сидзукой, восходят к далёкому XII веку, борьба Северной и Южной династий — к феодальным распрям XIV столетия, пьесы дзёрури *«Имосэяма»* и *«Вишни Ёсицунэ»* — реминисценции детских впечатлений писателя, — создание XVIII века. Вся история покойной матери Цумуры отнесена к началу так называемой эпохи Мэйдзи, т. е. к 70-м годам XIX века, и наконец, о себе самом писатель сообщает, что его поездка в горы Ёсино состоялась «лет двадцать назад».

Так что же, в конечном итоге, главное в рассказе *«Лианы Ёсино»*? О чем хотел поведать автор своим читателям? Думается, не будет ошибкой сказать, что главная тема рассказа — любовь к родному краю, о которой рассказано очень просто, без излишней патетики, подчас даже с юмором. Это проникновенный рассказ о родине, о со старине и преданиях, о её природе, искусстве, о её людях, простых людях труда.

«Рассказ слепого» — также одно из лучших произведений Танидзаки. Здесь в полной мере воплотился композиционный талант писателя, один из основных его творческих принципов: повествование должно быть увлекательным, сюжет — упругим и динамичным. В основу рассказа положены подлинные исторические события, действуют подлинные исторические личности под своими настоящими

именами. Даже незначительные детали и отдельные реплики почерпнуты из зафиксированных наукой хроник, писем и других документов. Творческая фантазия опять увлекает Танидзаки к минувшим временам, он считает, что на историческом фоне его замыслы могут осуществиться наиболее эффективно. «…Буду читать произведения, насколько возможно, далеко отстоящие от современности по своей тематике, — пишет он в *«Записках болтуна»*; — Пусть это будут исторические повести или фантастические рассказы, а если и реалистическая проза, то написанная за полвека до нас».[138] Уже первый свой рассказ *«Татуировка»* он перенёс в XVII век, но тогда это определялось в первую очередь стремлением к экзотике, теперь же доминантой выступает эстетический идеал — прошлое кажется Танидзаки и более живописным, и более романтическим.

«Рассказ слепого» — это повествование о красоте и любви в их нераздельной слитности, о верном служении красоте, воплощённой в образе женщины, прекрасной и добродетельной, гордой и мужественной. Увлечённый этой своей идеей, Танидзаки произвольно интерпретирует исторические события, окутывая их романтической дымкой; ясно, что в действительности движущими мотивами описанных в рассказе событий меньше всего были любовь или ревность. Искусству, в данном случае — музыке, которой он посвящает проникновенные строки, также уделено большое внимание, но главная идея, несомненно, состоит в служении совершенной во всех отношениях женщине.

Бросается в глаза, что если в раннем творчестве Танидзаки любовь предстаёт как некая злая и разрушительная сила, то теперь, наоборот, она — животворное, созидающее начало. Такая метаморфоза подкреплялась личными переживаниями писателя в эти годы. Обращаясь к своей будущей жене, он писал в начале 30-х годов:

«С того самого дня, когда я впервые увидел Вас, мне казалось, что для меня было бы величайшим счастьем всю жизнь служить Вам. Мне казалось, особенно в эти последние несколько лет, что только благодаря Вам я сумел преодолеть застой, в котором очутилось моё искусство. Я не могу творить, как мне хотелось бы, если нет благородной женщины, которой я поклонялся бы, и только теперь я встретил впервые такую женщину. По правде сказать, когда я писал

«Рассказ слепого» и другие произведения, я всё время думал о Вас и писал так, как будто сам был этим слепым массажистом. Я уверен, что с Вашей помощью моё искусство будет становиться всё более совершенным и, даже если судьба разлучит нас, творческие силы не покинут меня, пока я смогу мечтать о Вас. Пожалуйста, не поймите меня превратно — дело не в том, что Вы существуете для моего искусства, нет, это моё искусство существует для Вас».

В рассказе, построенном в форме одного длинного монолога, живо переданы не только переживания рассказчика, по профессии — массажиста, по призванию — артиста и музыканта, но и взволнованное, эмоционально насыщенное отношение автора к описываемым событиям. Рискуя впасть в трюизм, отметим всё же, что Танидзаки всегда творил, вкладывая в свои произведения всю душу. Оп и сам отдавал себе в этом ясный отчёт. «На упрёк же в том, что «сам автор чувствует себя заворожённым, опьянённым занимательностью своего сюжета, — писал он в *«Записках болтуна»*, — я отвечу, что, вероятно, именно так оно и должно быть… Даже когда я пишу какую-нибудь пустяковую вещь, я не могу работать, если не испытываю лёгкого опьянения. Выстраивать сюжетные линии повествования — вовсе не значит рассчитывать всё математически. По-моему, и замысел, и композиция должны рождаться изнутри».[139]

«Рождённым изнутри», созданным как бы на одном дыхании можно назвать и *«Рассказ слепого»*. Нетрудно заметить, что в этом сравнительно длинном повествовании о человеческой жизни, единственным смыслом, счастьем и горем которой была любовь, ни разу, ни одним словом о любви прямо не сказано, и в этом — мастерство Танидзаки. Он блестяще использует широко распространённый в японском искусстве «приём умолчания», предоставляющий «имеющим уши» самим уловить лейтмотив, главную тему произведения.

«История Сюнкин» — ещё одна вариация той же темы, здесь тоже слиты в одно целое служение искусству и поклонение красоте, но если в *«Рассказе слепого»* слепой музыкант безмолвно обожал свою госпожу, то в *«Истории Сюнкин»* зрячий Сасукэ посвящает всю свою жизнь своей возлюбленной, талантливой слепой музыкантше Сюнкин. Чтобы полностью лишить себя всякого преимущества перед любимой женщиной, Сасукэ добровольно ослепляет себя. «Невероятно!» —

скажет читатель. Но Танидзаки и не стремился к правдоподобию. «Произведения, материалом для которых служит непосредственная действительность, никак не преображённая, или, скажем, даже реалистические — мне не по душе ни писать, ни читать», — писал он в *«Записках болтуна»*. Образ Сасукэ от начала и до конца создан писателем для воплощения своей идеи беззаветного служения красоте. В этом смысле он — типичный образ мужчины в произведениях Танидзаки, где всё мужские персонажи более или менее на одно лицо. Танидзаки отводит им пассивную роль, чем-то напоминающую, если позволительно такое сравнение, амплуа танцовщика в старинном балете, роль которого сводилась в основном к тому, чтобы вовремя подать балерине руку или придержать за талию, в то время как она проделывает свои головокружительные пируэты.

Женские образы выписаны детально, характеры женщин разнообразны, о внешнем облике их рассказано со всеми подробностями, мужчинам же всем присуща только одна черта — верность, беспрекословное поклонение своей владычице-женщине, даже об их внешности Танидзаки не считает нужным упомянуть хотя бы мимоходом.

Всегда и во всём искавший и умевший находить красоту, Танидзаки тщательно заботился о внешнем оформлении своих произведений. Тем из них, где действие происходит в старинные времена, он старался, насколько возможно, придать вид старинных изданий. Он писал на старинный манер, то и дело используя главным образом слоговую японскую азбуку, вышедшие из употребления сокращённые знаки и другие приёмы старинных изданий, когда книги печатались ксилографическим способом. По его просьбе художник Цунэтоми Китано (1880–1947), известным своей серией картин, изображавших красавиц, прославленных в японской истории, нарисовал для фронтисписа *«Рассказа слепого»* портрет О-Чачи, знаменитой госпожи Ёдогими; моделью служила Мацуко Нэдзу, будущая жена писателя.

В полном объёме свою концепцию красоты Танидзаки изложил в эссе *«Похвала тени»* (1934). В этом сочинении, едва ли не самом известном за пределами Японии из всего написанного писателем, он говорит не только от своего лица — в *«Похвале тени»* изложена концепция прекрасного, сформировавшаяся на протяжении долгих

веков существования японского искусства, главным образом в XVII, XVIII и в первой половине XIX веков. Несомненно, что в *«Похвале тени»* нашли своё выражение эстетические идеалы, присущие — во всяком случае, в прошлом, да в значительной степени и в наше время — всему японскому искусству в целом. Тень, темноту, таинственный полумрак, скрадывающие очертания предметов, рождающие недоговорённость, намёк, передающие лишь «тень», а не всю фактуру предмета, Танидзаки называет непременным условием красоты. В остроумной, блестящей форме он перечисляет различные аспекты жизни, от повседневного быта до театральных спектаклей и религиозного культа, в которых отразились эти эстетические понятия. При этом наслаждение, даруемое приобщением к прекрасному, носит у Танидзаки не только сугубо духовный, но также и чувственный, материальный характер. Гедонистические тенденции всегда были присущи ему и как писателю, и как человеку: в *«Похвале тени»* они дают себя знать особенно ощутимо.

Проблема соотношения культур Запада и Востока всегда живо интересовала Танидзаки; в *«Похвале тени»* многие разделы в полемическом тоне посвящены рассмотрению различий в эстетических представлениях японцев и европейцев, «…наклонность искать красоту в темноте свойственна одним лишь людям Востока», — утверждает он и приводит в качестве иллюстрации многочисленные примеры. Это расшитое золотом облачение буддийского духовенства, особенно эффектное, когда «большая часть пышного узора золотого шитья окутана мраком, из которого время от времени поблёскивают золотые и серебряные нити»; или «золотые крапинки, украшающие узор ширм и дверей» в глубине сумеречного покоя, которые «вдруг вспыхивают, лишь только вы зайдёте сбоку. И вы недоумеваете, каким образам эти золотые крапинки могут собрать в такой темноте столько лучей. Теперь я понимаю, почему в старину так любили покрывать золотом изваяния Будды и стены комнат, где жили знатные люди. Современному человеку такая красота золота неизвестна». Множество тонко подмеченных, выразительных деталей иллюстрирует авторскую мысль, раскрывает перед читателем то сокровенное, что вдохновляло и одухотворяло японское искусство. Однако когда речь заходит об эстетике европейцев, Танидзаки, ни разу не бывавший в Европе, в полемическом задоре нередко приходит к поверхностным и, прямо

скажем, необоснованным выводам. Не вызывает сомнения, что красота золочёных иконостасов и окладов вокруг тёмных лаков святых в тусклом мерцании лампад и свечей в древних византийских соборах апеллировала к сердцам людей не меньше, чем торжественный сумрак буддийских храмов, и, конечно же, зодчие и художники-европейцы вполне сознательно рассчитывали именно на такой же эффект, «…я прихожу в восхищение перед тем искусством распределения светотени, которое свойственно только японцам, постигшим тайну «тени», — утверждает Танидзаки и продолжает: «…ими (*европейцами. — И. Л.*) ещё не разгадана загадка «тени». Чтобы опровергнуть это суждение, достаточно, наверное, напомнить хотя бы об одном лишь Рембрандте… На известный «перехлёст» в суждениях о европейской эстетике указывает и японская критика. В *«Введении в историю японской литературы»* видный современный критик и литературовед Сюити Като пишет, что красота цветных витражей в средневековой Европе создавалась в расчёте на гармонию с тёмной глубиной средневековых построек. Что же касается китайцев, пишет далее Като, уж бесспорно принадлежащих к «людям Востока», то они специально устраивали террасы наверху многоярусных дворцов, чтобы любоваться красотой окрестных пейзажей «при ярком солнечном свете, под синим пекинским небом». Впрочем, зарубежный читатель охотно простит Танидзаки недостаточную осведомлённость в вопросах европейской эстетики и культуры; несравненно более ценно и важно, что, прочитав *«Похвалу тени»*, он сумеет лучше, глубже понять оригинальную красоту искусства Японии, эстетику, запечатлённую не только в музеях, дворцах и храмах, но и по сей день пронизывающую многие сферы повседневной жизни и быта широких слоёв народа.

Сколь ни велик был интерес Танидзаки к искусству, всё же он был в первую очередь писателем, делом его жизни была литература. В 1935 году он приступает к труду, занявшему несколько лет, — к переводу на современный японский язык классического романа *«Повесть о Гэндзи»*, созданного писательницей Мурасаки Сикибу, служившей при дворе японских императоров почти тысячу лет назад.

«Повесть о Гэндзи» — этот «главный роман» японской литературы — занимает одно из центральных мест в истории не только литературы, но и всей японской культуры. Как в оптическом фокусе, в

нём сконцентрированы всё аспекты мировоззрения людей той далёкой эпохи, в том числе и эстетические представления японцев, и можно понять, что Танидзаки, для которого проблемы эстетики играли первостепенную роль, захотел, если можно так выразиться, припасть к первоисточнику национальных эстетических представлений. Но писателем руководили не только личные интересы. Написанная в отдалённые времена, на старом японском языке, *«Повесть о Гэндзи»* давно уже стала недоступна широким читательским кругам. Вернуть японцам роман, по праву считающийся гордостью японской национальной литературы, чтобы сделать его достоянием не только специалистов-филологов, но и широких читательских кругов, — такую благородную задачу взял на себя писатель, на выполнение её ушли годы нелёгкого, усердного труда. Ради *«Повести о Гэндзи»* Танидзаки пожертвовал даже собственным творчеством, за время работы над переводом он почти не выступает в печати, публикуя лишь отдельные небольшие заметки или участвуя в собеседованиях на литературные темы. Исключением явилась лишь небольшая новелла *«Кошка, Сёдзо и две женищны»* (1937). В несколько необычной для Танидзаки юмористической тональности здесь изображена хитроумная борьба двух энергичных, предприимчивых женщин за право быть хозяйкой лавки, а заодно и женой её номинального владельца Сёдзо — так зовут этого незадачливого взрослого недоросля, вокруг которого разыгрываются полукомические, полудраматические события. В этих семейных интригах, где важную роль играет любимица Сёдзо — кошка Лили, активно участвует и третья женщина, мать Сёдзо, фактическая владелица лавки, по своему усмотрению организующая и развод, и новый брак сына. В конце концов безвольному, робкому Сёдзо — типичному персонажу в творчество Танидзаки, где мужчине чаще всего отводится пассивная роль, — не остаётся ничего другого, как по-настоящему привязаться… к кошке, единственному существу, которое не может им помыкать. В новелле живо воспроизведены достоверные картины быта и нравов мелкого торгового люда, хорошо знакомые Танидзаки по его детским и юношеским воспоминаниям; такие мелкие собственники, хозяева небольших лавок и магазинчиков, даже в наши дни всё ещё составляют значительную прослойку населения японских городов.

Между тем работа над переводом «*Повести о Гэндзи*» продолжалась без перерыва. С1937 по 1939 год журнал «Тюо-корон» регулярно публиковал очередные главы классического романа. Надо ли говорить, что Танидзаки, с первых шагов в литературе выделявшийся стилистическим мастерством, блестяще справился и с этой необычайно трудной задачей. Однако, когда в 1939 году работа была закончена — на неё ушли полных четыре года, — оказалось, что перевод Танидзаки не может быть напечатан отдельным изданием. Цензура запретила публиковать древний классический роман госпожи Мурасаки из-за того, что одна из сюжетных линий романа повествует о любви главного героя Гэндзи к своей юной мачехе, супруге императора, — с точки зрения цензуры, этот эпизод был бы равнозначен оскорблению императорского дома. Запрет публиковать древний шедевр японской литературы, перевод которого на современный японский язык потребовал столь долгого и, без преувеличения, вдохновенного труда, явился тяжёлым ударом для Танидзаки.

Что же происходило в Японии в конце 30-х годов, если стали возможны столь абсурдные, парадоксальные акции? Ответ на этот вопрос мог бы занять много томов, но можно сказать и кратко: Япония воевала.

*** * ***

Шла война, хотя само это слово до поры до времени находилось под строжайшим запретом; даже самые кровопролитные боевые действия на земле Китая именовались в официальной прессе не иначе как «инцидентами». В наши дни в Японии пишут иногда о «пятнадцатилетней войне» — счёт ведётся с начала 30-х годов, т. е. от оккупации северо-востока Китая и создания там марионеточного государства Маньчжоу-го до разгрома японского милитаризма в 1945 году. Действительно, всё 30-е годы прошли под знаком нарастающей агрессии Японии против соседнего Китая. И хотя тысячи японских семей уже получали извещения о гибели своих близких вместе с маленькими деревянными ящичками с прахом мужей, сыновей и братьев, полагалось считать, что всё это ещё не война, а всего лишь

«инцидент», — там, где-то далеко, за морями, на далёком Азиатском материке… «Настоящая» война началась лишь в декабре 1941 года внезапным налётом японской авиации на военно-морскую базу США в Перл-Харборе.

Понятно, что с усилением власти милитаристов ужесточалась и реакционная политика внутри страны. В истории японской литературы время с 1937 по 1945 год принято именовать «периодом мрака», своеобразным провалом, когда японская литература попросту перестала существовать. Действительно, литература, достойная этого наименования, исчезла в Японии. Но это не означает, что прекратилась литературная продукция, — напротив, в изобилии печатались романы, повести и рассказы, целые поэтические антологии, но всё это чтиво было сплошным восхвалением агрессивной войны, низкопробной лестью в адрес милитаристов, славословием «подвигов» «императорской армии». Как же случилось, что японская литература, японские писатели пали так низко? Одних физически уничтожили, других принудили к молчанию, занеся в «чёрный список», а третьи — и таких, увы, оказалось сверх ожидания много — добровольно превратились в прислужников милитаристских диктаторов. Чтобы пересчитать тех, кто не пошёл на сотрудничество с реакцией, пальцев одной руки оказалось бы слитком много. Среди этих немногих — двоих, троих, самое большее — четверых, — был Дзюнъитиро Танидзаки.

Как известно, жизнь не укладывается в схемы. В то время как многие писатели, известные в прошлом своими «левыми» убеждениями, изощрялись в восхвалениях «священной миссии Японской империи», Танидзаки, этот эстет, певец прекрасного, поклонник искусства и красоты, не написал ни строчки, не произнёс ни слова в защиту того, что творилось в Японии на протяжении всех этих лет. Не удивительно, что впоследствии японская критика пыталась по-своему объяснить этот феномен. Для объяснения непримиримой позиции Танидзаки по отношению к милитаризму чаще всего ссылаются на его якобы независимое материальное положение, в то время как подавляющему большинству писателей, не имевших других средств существования, кроме собственного пера, в случае отказа от сотрудничества с милитаризмом грозила, мол, голодная смерть… Это неверно. В Японии имелись писатели,

владевшие достаточно солидным состоянием, наследственным или благоприобретённым; тем не менее они весьма активно и вполне добровольно переходили на службу реакции. Это правда, что некоторые издатели, в частности, журнал «Тюо-корон», С которым Танидзаки связывала долголетняя дружба, оказывали ему некоторую материальную поддержку по мере того, как в стране всё острее ощущалась нехватка продовольствия и других жизненно необходимых предметов. И всё же такая эпизодическая помощь отнюдь не могла избавить Танидзаки от материальных лишений; любитель комфорта и сибарит, он вынужден был страдать и от недоедания, и от холода в зимнее время, и всё-таки ничто не заставило его пойти на сделку с собственной совестью художника. Добавим к этому, что в Японии никогда не существовала традиция эмиграции, подобно тому как это было в Европе, где многие честные писатели укрывались в других странах от гитлеровского террора. В те годы литературный японский мир был ещё слишком изолирован от мировой прогрессивной общественности. Да и куда было бежать, когда кругом, по всей Азии и Европе, полыхала война?

В этих тяжелейших условиях Танидзаки начал работу над новым произведением. Как видно, он не мог поступить иначе, творчество было смыслом всей его жизни. И Танидзаки приступает к созданию книги, ставшей его главным, лучшим произведением. Это был роман *«Мелкий снег»* («Сасамэюки»).[141]

*** * ***

Через двадцать с лишним лет после окончания второй мировой войны, в 1966 году, литературная общественность Японии отмечала первую годовщину смерти и одновременно восьмидесятилетие со дня рождения классика современной японской литературы Дзюнъитиро Танидзаки. По этому случаю в Доме новой японской литературы («Нихон киндай бунгаку-кан»), прекрасном, современном здании, совмещающем функции архива, музея и научно-исследовательского центра по изучению новой литературы, была устроена выставка, посвящённая жизни и творчеству писателя. Среди многочисленных экспонатов внимание привлекала витрина, за стеклом которой лежал

напечатанный на скверной бумаге военных лет 4-й номер журнала «Тюо-корон» за 1943 год. На развороте страниц, очерченное тёмной рамкой, было помещено объявление, в котором редакция журнала «с глубоким сожалением» извещала читателей о прекращении «в порядке самоконтроля» публикации романа *«Мелкий снег»* как не соответствующего духу нации в переживаемое страной чрезвычайное время. Журнал успел опубликовать только два начальных отрывка романа, в 1—м и в 3-м номерах, когда главного редактора вызвали в Военное министерство, где под угрозой закрытия журнала ему было предложено немедленно прекратить публикацию «антипатриотического» сочинения.

«Упрямец» Танидзаки всё ещё не сдавался. В 1944 году он отыскал маленькую частную типографию, где на свои личные средства отпечатал 200 экземпляров первой части романа (к тому времени он уже успел закончить не только первую, но и вторую из будущих трёх частей), и раздарил эти экземпляры друзьям и знакомым. Поступок этот вызвал новое грозное предупреждение, на этот раз уже непосредственно в адрес самого писателя. Как же поступил Танидзаки? Продолжал писать — правда, теперь уже без надежды на публикацию.

Невольно задаёшься вопросом, где истоки такого стойкого неприятия всего, связанного с военщиной и войной, которое так прочно владело душой писателя? Не в том же «отвращении к военным», которых он «с детских лет не любил больше всего на свете», о чем, если помнит читатель, Танидзаки писал в одном из своих ранних рассказов. И всё же не будет ошибкой сказать, что неприязнь к военщине, к самурайству Танидзаки впитал, если можно так выразиться, с молоком матери, унаследовал от длинной вереницы предков, своих дедов и бабок. По рождению и воспитанию Танидзаки принадлежал к сословию горожан, мелкого торгового люда, в течение веков занимавшего подчинённое, бесправное положение по отношению к господствующему классу военного дворянства — самурайства. Он принадлежал к тем, о которых замечательная поэтесса Ёсано Акико писала ещё в 1904 году, во время русско-японской войны в своём знаменитом антивоенном стихотворении:

…Купец — твой предок,
а не воин хмурый,
Не завещал своим сынам набег![142]

На протяжении веков городское сословие создало свою замечательную, демократическую по духу культуру. В атмосфере этой культуры прошли детство и юность Танидзаки, он впитал в себя её достижения, знал и любил её, воздавал ей хвалу в лучших своих произведениях. Теперь на его глазах всё то, что было ему так дорого, что он ценил превыше всего, беспощадно разрушала война. Его неприятие войны — закономерный итог противостояния двух антагонистических культур.

Но вместе с тем ведь Танидзаки был достаточно осторожен, он прекрасно понимал, в какой обстановке живёт. Ещё свежа была память о суде над писателем Тацудзо Исикавой, осуждённым «за клевету на доблестную императорскую армию». «Преступление» Исикавы состояло в том, что в своей повести-репортаже о военных действиях японцев в Китае в конце 1937 года, опубликованной в марте 1938 года в журнале «Тюо-корон», он написал правду о зверствах японских солдат в Китае — разумеется, далеко не всю, но всё-таки правду… Даже само название репортажа — *«Живые солдаты»* — и то инкриминировалось писателю, ибо, в соответствии с официальной идеологией, японским солдатам надлежало думать не о жизни, а только о «героической смерти во славу Японской империи».

Памятуя об этом и о многих других столь же прискорбных примерах, Танидзаки писал свой роман, стараясь по возможности не давать повода для раздражения военных цензоров. Как видим, ему это не удалось. Характерно, что ещё до официального запрета коллеги-писатели неодобрительно высказались об опубликованных начальных главах романа *«Мелкий снег»*. Один лишь Ясунари Кавабата осмелился подать робкий голос в защиту Танидзаки, заявив, что тот, конечно же, не имел намерения сказать своим произведением «ничего такого…».

Что же всё-таки настолько взбесило военщину, что она решилась так открыто и беззастенчиво прервать работу писателя, давно уже получившего общенациональную известность? Единственный, но зато и непростительный «грех» Танидзаки состоял в том, что вместо

прославления войны и «священной миссии Японской империи» роман *«Мелкий снег»* славил мир и мирную жизнь, в которой нет, да и не может быть места войне.

* * *

Роман *«Мелкий снег»*, от начала и до конца выдержанный в традициях реализма, написан в жанре так называемой семейной хроники. Время и место действия обозначены вполне конкретно: с середины 30-х годов, иными словами, ещё до широкомасштабной агрессии против Китая, начавшейся летом 1937 года, и до весны рокового сорок первого года. Таким образом, писатель расстаётся со своими героями, когда самое страшное — сплошные «ковровые» бомбёжки, голод, разруха, трагедия Хиросимы и Нагасаки — всё это было ещё впереди. Действие происходит в Кобе, Осаке, Киото, в небольшом городке Асии между Кобе и Осакой — короче, в том самом районе Кансай, сердцевине старой японской культуры, которая, по собственному признанию Танидзаки, так его покорила, — лишь ненадолго перемещаясь то в Токио, то в Центральную Японию, в местность, по старинке всё ещё именуемую «краем Гифу».

Сюжетный стержень романа — жизнь четырёх сестёр Макиока, по рождению принадлежащих к старинному, известному на всю Осаку купеческому роду, хотя со смертью их отца, главы семейства, былому богатству пришёл конец, и мужьям обеих старших сестёр уже приходится сотрудничать в «чужих», но, разумеется, достаточно солидных торговых фирмах и банках. Иными словами, эта своеобразная «Сага о Макиока» рисует жизнь привилегированного слоя японского общества, социальные корни которого уходят в традиционное занятие «третьего сословия» — коммерцию и банковское дело.

Как и во многих других произведениях Танидзаки, центральное место в повествовании принадлежит женщинам, мужчинам отводится второстепенная роль. Зато всё четыре сестры Макиока предстают перед нами как живые — каждая наделена неповторимой индивидуальностью, у каждой свой характер, своя судьба. И всё же есть нечто общее, что объединяет всех четырёх — всё они, каждая на

свой лад, типичные «женщины Кансая», носительницы культурных традиций, выработанных веками, — скромные, деликатные, предельно сдержанные в проявлении эмоций, решительные и мужественные, когда этого требуют обстоятельства, и не чуждые артистических дарований — это последнее свойство, наряду с трудолюбием, и впрямь очень точно соответствует жизненной правде, хотя, конечно, не является привилегией только «уроженок Кансая». В образах сестёр Макиока Танидзаки воздал хвалу «идеальной японской женщине», в своём понимании этого идеала, создал законченный образ положительной героини, верной подруги, любящей матери.

Японская критика немало потрудилась, стараясь установить прототип каждой из сестёр Макиока, выявить совпадение эпизодов романа с событиями личной жизни писателя и на этом основании квалифицировать роман в целом как некое автобиографическое сочинение. Такая оценка столь же мелкотравчата и узка, как если бы кому-нибудь вздумалось утверждать, что в образе Наташи Ростовой перед нами всего лишь портрет свояченицы Толстого — Т. Кузминской, а старый граф Ростов — просто-напросто его дед с материнской стороны. Так и роман *«Мелкий снег»*, в основе которого, конечно же, лежит житейский опыт писателя, рисует не конкретные портреты, а обобщённый положительный образ японской женщины, как его понимал Танидзаки.

Мирно течёт жизнь сестёр с её будничными радостями и огорчениями, повседневными житейскими заботами: никак не ладится сватовство всё ещё незамужней третьей сестры Юкико, не спешит с замужеством младшая Таэко, ищущая самостоятельную дорогу в жизни… Подобно старинным свиткам картин «эмакимоно», последовательно иллюстрировавших содержание знаменитых средневековых романов, перед нами развёртываются сцены быта, традиции, занятия, времяпрепровождение и душевные переживания людей, живших во времена, уже далеко отстоящие от современной Японии. Война ещё не нарушила течение их жизни. Танидзаки сознательно стремился по возможности избегать всего, что могло навлечь гнев цензуры на его детище. Но совсем избежать упоминания о том, что творилось в те годы в мире, он, как писатель, при всём желании оказался не в силах. Газеты, которые читает Тэйноскэ, муж Сатико, второй по старшинству сестры, то и дело сообщают то об

«аншлюсе» — так называемом добровольном присоединении Австрии к гитлеровской Германии, — то о вторжении нацистских полчищ в Чехословакию вслед за пресловутым Мюнхенским сговором, то о заключении «антикоминтерновского пакта» между Японией, Германией и Италией… Тэйноскэ невольно приходит в голову мысль, что его маленькой дочке Эцуко и впрямь надо бы побольше заниматься физической подготовкой, так как, кто знает, возможно, девочкам придётся служить в военизированных отрядах… Однако любопытно, что речь идёт только о событиях в далёкой Европе — ни слова о высадке японских войск в Шанхае, об оккупации Пекина, о потрясшей соседние народы кровавой резне мирного населения, учинённой японской военщиной в Нанкине… Несомненно, что зловещая тень военной цензуры всё более угрожающе тяготела над сознанием писателя. По мнению некоторых японских критиков, если бы не цензура, в японской литературе появилось бы сочинение, по значимости не уступающее *«Мадам Бовари»* Флобера.

Однако покамест жизнь героев романа течёт в обстановке мира (ведь то, что творилось в Китае, считалось «ещё не войной»), но это вовсе не означает, что течёт она безмятежно, — как в настоящей жизни, наряду с радостями бывает в ней и великое горе. С исключительной художественной силой описаны стихийные бедствия, столь часто посещающие Японию, — опустошительный тайфун в Токио, страшное наводнение в Кансае, во время которого чуть не погибла младшая сестра Таэко; драматична, по сути, вся жизнь третьей сестры Юкико; случаются и болезни, и даже смерть в жестоких страданиях возлюбленного Таэко, скромного фотографа Итакуры. Но всё эти беды, даже сама смерть, происходят, как ни парадоксально это звучит, по неумолимым законам жизни, т. е. самой природы, а не в результате бессмысленного взаимного истребления, навязанного народам злой волей ничтожной горстки людей. Вот почему не будет преувеличением сказать, что роман *«Мелкий снег»* от первой до последней строчки славит мир и мирную жизнь; цензура, запретившая публикацию романа, проницательно учуяла именно этот его настрой.

«Жизнь прекрасна!» — как бы говорит писатель, описывая праздник цветущей сакуры, ловлю светляков (занятие, опоэтизированное японской литературой ещё тысячу лет назад), изящные старинные японские танцы, нарядные кимоно, расписанные

талантливыми художниками, каждое из которых — неповторимое произведение искусства… Прекрасны добрые, истинно человечные отношения, соединяющие сестёр в одну большую, разветвлённую семью, связанную крепкими семейными узами, прекрасен весь уклад этой прочной, устоявшейся жизни. Писатель как бы чувствует себя летописцем, призванным запечатлеть для будущих поколений всё то, что было ему так дорого, поведать о культуре быта, о культуре человеческих отношений. В романе явственно звучат ностальгические нотки, воспоминания «of days that shall he no more»,[143] ибо дни эти беспощадно — и навсегда — разрушила война. Не забудем, в какое время работал Танидзаки над своим романом: то были страшные годы — сорок четвёртый, сорок пятый, когда американская авиация чуть ли не ежедневно сбрасывала свой смертоносный груз на Японию. Танидзаки жил в эвакуации, в префектуре Окаяма, в небольшом городке Цуяма, испытывая всё лишения, выпавшие на долю мирного населения. Что ж удивительного, если в этой тяжёлой обстановке Танидзаки — писатель, художник, по-прежнему не мысливший жизни без творчества, — предпочёл «погружаться душой» в милое сердцу прошлое и, подобно многим зарубежным писателям, тоже стать эмигрантом, только не на чужбине, а в своей же родной стране? Критик Сюити Като, перефразируя название романа Марселя Пруста, пишет, что роман Танидзаки *«Мелкий снег»* тоже своего рода *«Поиски утраченного времени»*; с этим метким высказыванием трудно не согласиться. Такую позицию писателя принято считать эскапизмом, но в конкретной ситуации Японии тех лет эскапизм был, пожалуй, единственной и, наверное, самой благородной позицией литераторов.

Остаётся добавить, что после разгрома японского милитаризма в 1945 году, когда, по прошествии сравнительно недолгого времени, в 1947 году роман *«Мелкий снег»* вышел, наконец, в свет, он сразу завоевал популярность и имел огромный успех. Не странно ли, что в разрушенной, оккупированной стране люди, пережившие всё ужасы войны, потерявшие близких, голодные, лишённые крова, с жадным интересом читали, как радостно взволнованные сёстры Макиока наряжались, готовясь к поездке в Киото, чтобы любоваться цветением сакуры, или в который раз обсуждали, подойдёт или нет очередной кандидат в мужья их кроткой сестрёнке Юкико? Но, как известно, не единым хлебом жив человек. Изголодавшиеся по «пище духовной»

японцы, которых в течение долгих лет потчевали только эрзац-литературой — низкопробным чтивом на военные темы, прославлявшим кровавые «подвиги» новоявленных самураев, восприняли роман — по образному сравнению японской критики — с тем же чувством, с каким человек, долгое время вынужденный ютиться в грубом, наспех сколоченном дощатом бараке, внезапно очутился бы в добротном, по всем правилам построенном доме. И «дом» этот оказался знакомым, родным, а значит, и дорогим сердцу.

В заключение позволим себе пояснить, почему Танидзаки дал своему роману такое название. Снег издавна считался в Японии объектом эстетического любования, наравне с сакурой или красными осенними клёнами, поэты воспевали красоту снега с самых древних времён. «Что ж тут оригинального? — подумает, наверное, читатель. — Уж где-где, а в России, от фольклора до высокой поэзии, умели радоваться «проказам матушки-зимы», в том числе, конечно, и снегу..» Дело, однако, в том, что в Японии, особенно в юго-западной её части, где снег выпадает не часто и, во всяком случае, долго никогда не лежит, снегопад всегда воспринимался как явление редкостное, экзотическое, недолговечное, а следовательно — прекрасное, ибо идея недолговечности, краткости — одна из важнейших, чуть ли не основных категорий японской национальной эстетики. Спросите любого японца, и вам ответят, что цветы сакуры, например, вообще не стоили бы внимания, если бы держались на ветках, скажем, месяца два подряд… Таков же и снег — прекрасна его белизна, прекрасна сама по себе, но также и потому, что прошёл час-другой, и её уже нет, исчезла, растаяла без следа.

До вчерашнего дня
белел он вдали неизменно,
снег окрестных вершин, -
а сегодня, в утренней дымке
растворился, скрывшись от взора…[144]

Думается, сказанного достаточно, чтобы стала ясной символика романа Дзюнъитиро Танидзаки.

И. Львова

---

notes

Примечания

1

Кой-сан — так в осакских семьях, в значении «маленькая дочка», называют самую младшую из дочерей *(прим. автора)*.

2

«…наносить белила на открытую часть спины…» — В Японии едва ли не главным признаком красоты считается как можно более светлый цвет кожи; до недавнего времени японские женщины пользовались жидкими белилами, которые ровным слоем наносили на лицо, шею, часть спины, открытую слегка спущенным сзади воротом кимоно, и даже на кисти рук. В современной Японии этот вид косметики сохраняется только у гейш и артистов театра Кабуки.

Э

Эттян — уменьшительное от имени Эцуко.

4

«…может позволить себе лишь старшая в семье…» — В традиционном семейном укладе старшинство порождению автоматически обеспечивало ряд привилегий, которые должны были неукоснительно соблюдаться всеми младшими членами семьи.

5

Бери-бери — одна из форм авитаминоза, вызываемого главным образом отсутствием в пище витамина B.

6

«…побеседовал с преподавателями каллиграфии и чайной церемонии» — В старой Японии каллиграфически изящный почерк, так же как знание сложных правил чайной церемонии, считались непременными компонентами женского образования в привилегированных слоях общества.

7

Хокурику (букв.: «Северные земли») — старинное название обширной территории, находившейся к северу от старой столицы Японии — Киото и включавшей в себя ряд областей, в том числе горный край Хида, Синано, а также области Этидзэн, Эттю, Этиго, п-ов Ното и о. Садо в Японском море.

8

Сёгунат — политический строй феодальной Японии, где власть принадлежала военному дворянству — самурайству; во главе государства стоял военный диктатор «сёгун» (букв.: «военачальник», «генерал»).

9

«…заглядывали за старомодную шторку при входе…» — В феодальной Японии над входом в торговые заведения было принято вешать короткий занавес «норэн», для удобства входящих разрезанный продольно на три части. На нём изображался герб, служивший торговой маркой. По традиции такой занавес можно встретить кое-где и в наше время.

10

«…посредником в сватовстве выступил…» — Раньше в Японии, где браки всегда заключались только по сватовству, роль посредника (свата, свахи) считалась весьма ответственной и почётной.

11

Театр Кабуки — национальный японский театр, возникший в нач. XVII в., сохранивший до нашего времени своеобразные, чисто национальные формы театрального искусства.

12

«…ютилась в небольшой, устроенной на японский манер комнате площадью в шесть дзё…» — В комнатах, устроенных по-японски, пол покрыт соломенными циновками очень светлого цвета. Эти циновки (дзё), имеющие стандартный размер (около 1,5 кв. м), являются единицей измерения площади жилых помещений.

13

Год Овна — В Японии с древних времён распространена система летосчисления по шестидесятилетнему циклу, который, в свою очередь, разделяется на периодически повторяющиеся двенадцатилетние циклы, где годы соответствуют знакам Зодиака — Пёс, Дракон, Конь, Тигр, Овен и т. п.

14

«…в домашних туфлях поскакала по вымощенной тропинке…» — В японском доме принято надевать домашнюю обувь, которую ни в коем случае не носят на улице. Однако и в доме, в комнатах, устроенных по-японски, эту домашнюю обувь обязательно снимают и остаются в одних носках.

15

Хаори — часть выходного костюма, представляющая собой укороченное (выше колен) кимоно.

16

«…по-японски это звучит невежливо…» — Обращение только по имени, без добавления суффикса «сан», равнозначно нарочито грубому, оскорбительному отношению к собеседнику.

17

«…незастёгнутых таби» — Таби — традиционные японские носки с отделённым большим пальцем (наподобие наших рукавиц), сшитые из плотной материи и предназначенные для традиционной японской обуви. Таби плотно облегают ногу, застёгиваясь у щиколотки на застёжки.

18

«…(О-Хару — *И. Л.*) *сделалась как бы членом семьи…*» — «Патриархальное» отношение хозяев к слугам, обслуге, младшим служащим — вековая традиция в Японии; при этом от подчинённых, разумеется, ожидается строгое соблюдение своего «долга» по отношению к патрону.

19

Сёдзи — лёгкие деревянные рамы, оклеенные бумагой, в старину заменявшие оконные стёкла, а в настоящее время чаще всего служащие дополнительным декоративным заслоном на окнах в устроенных по-японски комнатах.

20

«…говорить на непривычном ей токийском диалекте…» — В японском языке резко различается произношение в восточном (киотоском) и западном (кансайском) регионах страны. Токийский говор считается общенациональным стандартом, поэтому кансайское произношение звучит как «провинциальное» и считается диалектом.

21

«…нас обучали гире на кото…» — Кото — тринадцатиструнный музыкальный инструмент, в далёкой древности заимствованный из Китая и несколько изменённый в Японии. Звук извлекается при помощи изготовленных из рога плектров, надеваемых на пальцы. Кото издавна считалось «женским» инструментом, владение этим инструментом с давних пор являлось обязательным компонентом традиционного воспитания и образования девушек из «хороших семейств».

22

«…уроки танцев в стиле "Ямамура"…» — Традиционные японские танцы различаются по манере исполнения в зависимости от определённой школы, где соответствующие приёмы передаются из поколения в поколение. Танцевальные приёмы, созданные в нач. XIX в. Югоро Ямамурой, сохранились как отдельная школа до наших дней.

23

«…поёт в стиле "Утадзава"…» — Специфическая манера пения, созданная артистом Ямато-но-дайдзё Утадзавой (1797–1860), унаследованная его преемниками и передающаяся от учителя к ученикам.

24

«Мандзай» («Долголетие», букв.: «10000 лет») — танец, исполняемый в начале года; в танце передаётся пожелание всяческого благополучия и счастья в наступившем году.

25

«…Старинная причёска "юйвата"…» — одна из разновидностей традиционной женской причёски. Волосы высоко зачёсаны в сложный узел и перевязаны полоской ткани. Эта причёска, которую носили главным образом молодые девушки, вошла в моду в нач. XVII в. и была широко распространена ещё в начале XX в. В настоящее время при исполнении традиционных танцев или на свадьбе её, как правило, заменяет парик, если невеста одета по-японски.

26

День основания Империи — Одним из главных государственных праздников Японии до её капитуляции во второй мировой войне считался день 11 февраля, когда согласно официально узаконенной доктрине первый «небесный государь», император Дзимму, потомок богини Солнца Аматэрасу, сошёл с неба на землю, чтобы основать Японскую империю. Произошло это якобы ровно за 660 лет до н. э. После окончания второй мировой войны этот праздник был отменён, поскольку, подчёркивая культ императора, символизировал реакционную сущность японского государства, однако в 70-х годах, несмотря на протесты демократической общественности, снова был восстановлен под несколько изменённым названием — «День основания государства».

27

«…с подогретым сакэ…» — Сакэ (японскую рисовую водку) принято пить слегка подогретым.

28

«…Чжан Сюэлян взял в плен Чан Кайши…» — В декабре 1936 г. глава реакционного гоминьдановского режима Чан Кайши со своим штабом прибыл в г. Сиань (административный центр провинции Шаньси и важный транспортный узел), чтобы добиться от Чжан Сюэляна, командующего Северо-Восточной армией, совместных действий против Китайской Красной армии. Солдаты и офицеры Северо-Восточной армии во главе с Чжан Сюэляном, а также Семнадцатой армии под командованием Ян Хучэна, возмущённые политикой Чан Кайши, направленной на разжигание гражданской войны вместо борьбы против японских агрессоров, восстали и арестовали Чан Кайши и весь его штаб. Восстание длилось с 12 по 25 декабря. Чан Кайши был вынужден принять требования восставших. Эти так называемые Сианьские события явились предпосылкой создания национального антияпонского фронта в войне, которая вскоре развернулась на значительной части территории Китая против японских агрессоров (1937–1945 гг.).

29

«…искусственный сад, воспроизводящий в миниатюре горный пейзаж…» — Декоративное садоводство как самостоятельный вид искусства первоначально было заимствовано японцами из Китая, но уже в средние века приобрело оригинальный характер. Создатели японских садов стремились воспроизвести в миниатюре естественный природный пейзаж — горы, скалы, водопады и т. п.

30

«…любоваться её (сакуры — *И. Л.*) *цветами…»* — В середине апреля зацветает японская вишня — сакура, деревья которой культивируют исключительно ради цветов. Обычай любоваться цветущей сакурой зародился в далёкой древности, первоначально — в придворной среде, а затем, уже в средние века, широко распространился в городской и даже в крестьянской среде. В настоящее время обычай любования сакурой, цветущей недолго, всего три-четыре дня, стал общенародным, хотя и неофициальным праздником.

31

Кустарник ямабуки — невысокий (примерно в 1 м высотой), обильно цветущий мелкими жёлтыми цветами, неоднократно воспет в японской поэзии.

32

«…гордилась своим кансайским происхождением…» — На протяжении многих веков район Кансай был культурным центром страны, вся же остальная Япония воспринималась жителями этого столичного региона как «дикий край». Жители Кансая считались образованными, интеллектуальными людьми, а женщины Кансая — утончёнными красавицами.

33

«Кокинсю» (полное название «Кокинвака-сю», букв.: «Собрание старых и новых японских песен») — так называется антология классической японской поэзии (X в.), в которой собрано свыше тысячи коротких стихотворений жанра танка.

34

Праздник Омидзутори (букв.: «Брать воду») — древний храмовый праздник, справляемый ежегодно 13 марта в храме Тодайдзи (см. прим. 113). В этот день на рассвете жрецы храма черпают воду из находящегося при храме колодца, сопровождая этот обряд молитвами.

35

Храм Нандзэндзи — Храм построен в 1291 г., славится богатым собранием произведений искусства, живописью школы Кано (XVI в.), монохромной живописью, скульптурой и т. п.

36

Храм Гион — знаменитый синтоистский храм в Киото. Храмовый праздник храма Гион отмечается ежегодно 17 июля.

37

Головной убор «цунокакуси» (букв.: «Спрячь рога!»). — Так называется головной убор японской невесты, если она одета в национальный свадебный наряд. «Цунокакуси» представляет собой широкую белую бумажную полоску, надеваемую на сложную японскую причёску, и означает, что будущей жене чужда ревность — один из худших пороков женщины с точки зрения японской средневековой морали. В японском фольклоре ревность всегда изображалась в виде безобразной рогатой ведьмы.

38

Ясэ-Охара, Киёмидзу — в прошлом окрестности столицы Киото (в наст. время — в черте города), знаменитые памятниками старины.

39

«…полюбоваться молодой листвой…» — Любование молодой листвой — также стародавний обычай, хотя и не столь распространённый, как любование цветением сакуры или красными кленовыми листьями.

40

«…на стоящую в нише вазу…» — В устроенной по-японски комнате, служащей для приёма гостей, обязательно имеется ниша, в которой висит узкая картина или каллиграфически выполненная надпись, а также стоит ваза с цветами или статуэтка.

41

Кагава Кагэки (1768–1843) — известный поэт конца эпохи феодализма. Влияние провозглашённых им творческих принципов сказывалось в традиционной японской поэзии жанра танка вплоть до нач. XX в.

42

Фуросики — платок из прочной ткани, заменяющий японцам сумку и служащий для ношения мелких вещей.

43

«…побывала… хотя бы со школьной экскурсией…» — В японских школах, начиная с младших классов, широко практикуются экскурсии по историческим местам или по местам, известным красотой пейзажа.

44

«Блюдо для сладостей, Сино», «Бутылочка для сакэ, Кутана» — Сино (XVI в.), Кутани (нач. XVII в.) — марки старинного фарфора, имеющего большую художественную ценность.

45

Алебастровые печатки — В Японии до сих пор распространены небольшие личные печатки, имеющие юридическую силу личной подписи. Такие печатки изготовляются из различного материала, в зависимости от достатка владельца.

46

Праздник Дзидзо-бон — Буддийский праздник в честь бодхисатвы Дзидзо (санскр. «Кшитигарбха»), покровителя детей, целителя болезней и заступника грешников в потустороннем мире, особенно популярен в Кансае. В этот день (24 июля) воздвигают статуи Дзидзо, славят его в молитвах, зажигают в его честь фонари, подносят жертвоприношения (рис, фрукты и т. и.).

47

Танцовщица из Симмати — В первой половине XVII в. указом феодального правительства всё увеселительные заведения в торговом городе Осаке были сосредоточены в одном, специально отведённом для этого, месте, получившем название Симмати (букв.: «Новый квартал») и ставшем, наряду с кварталами Симабара в Киото и Ёсивара в Эдо (совр. Токио), одним из трёх самых знаменитых «весёлых кварталов» феодальной Японии. Эти районы являлись также центрами, где процветало искусство — музыка, танцы, живопись и литература.

48

«…о налёте японской авиации на Сватоу и Чаочжоу…» — Сватоу (другое название — Шаньтоу) — город в Китае, в провинции Гуандун, расположенный в дельте р. Ханьцзян, на берегу Южно-Китайского моря, важный торговый и транспортный центр на юге Китая. Чаочжоу — город в Китае, в провинции Гуандун, важный торговый и промышленный центр Китая.

49

Фусума — раздвижные перегородки между комнатами в японском доме.

50

«…вечер любования осенней луной…» — В Японии, как И в других странах дальневосточного региона, осень — наименее дождливый сезон, когда небо чаще всего бывает ясным и луна светит особенно ярко. Любование пейзажем, озарённым ярким лунным сиянием, с древних времён входило в число эстетических категорий, сперва — в придворной среде, а затем и в более широких народных слоях, и служило одной из излюбленных тем национальной поэзии жанра танка.

51

Праздник Сэцубун (букв.: «разделение сезонов») — наступает четыре раза в году, однако главным образом отмечается весенний Сэцубун, который приходится примерно на четвёртый день второго месяца по лунному календарю. В этот день, кроме специальных богослужений в буддийских и синтоистских храмах, повсеместно совершаются различные обряды — например, разбрасывая по комнатам горох, приговаривают: «Черти — вон! Счастье — в дом!» и т. п.

52

Праздник кукол — 3 марта в Японии повсеместно отмечается праздник кукол. В этот день в семьях, где имеются девочки, на специальной многоступенчатой подставке выставляют декоративных кукол, одетых в национальные японские костюмы.

53

Пьеса «Додзёдзи» — одна из наиболее популярных классических танцевальных пьес театра Кабуки, впервые поставленная на сцене в 1753 г.

54

Сасими — нарезанные ломтиками деликатесные части сырой рыбы, которые едят с острым соусом.

55

Праздник Хиган — буддийский религиозный праздник, связанный с культом предков, отмечаемый дважды в год, в дни весеннего и осеннего равноденствия.

56

«…заговоривший об аншлюсе… об отставке Шушнига и вступлении Гитлера в Вену…» — 11 марта 1938 г. гитлеровские войска вторглись в Австрию; 13 марта «австрийское правительство» гитлеровских ставленников объявило о присоединении Австрии к Германии. Это и был так называемый аншлюс (нём. «присоединение»). Шушниг Курт (род. в 1897 г.) — австрийский государственный деятель, своей соглашательской политикой способствовавший захвату Австрии гитлеровской Германией. Тем не менее, после аншлюса по требованию Гитлера подал в отставку и был заключён в концлагерь, откуда освобождён только после разгрома немецкого фашизма в 1945 г. Захват Австрии, так же как и последовавшее вскоре отторжение Судетской области, а затем и полная оккупация Чехословакии, явились следствием политики «умиротворения агрессора», которую последовательно проводили Англия, Франция и стоявшие за их спиной США, стремившиеся подтолкнуть немецкий фашизм к войне против СССР.

57

«…наполнив чарки мужчин, г-жа Дзимба повернулась…» — По правилам японского этикета, сакэ всегда наливает в чарки женщина, жена — мужу, хозяйка дома — гостям, гейши или официантки — в ресторане.

58

«…у Саку Ямамура Второй, доводившейся внучкой актёру Кабуки Итикаве Сагидзюро Четвёртому…» — Со времени создания японского театра (XIV в.) в Японии существовали актёрские династии, где имя переходило от отца к сыну (если не было родных сыновей, то к приёмным). Та же традиция существовала и в других сферах — в живописи, музыке, танцах. Она сохраняется и в наше время.

59

Майко — Так называются молодые девушки, обучающиеся профессии гейши (гейша — букв.: «артистка»). Срок обучения не регламентирован и зависит от способностей ученицы. В программу входит пение, танцы, правила сложного этикета, литература (гл. обр. поэзия) и т. п.

60

Месяц Яёи — третий месяц по старинному лунному календарю, существовавшему в Японии до буржуазной революции 1867–1868 гг.

61

Причёска «иубуси-симада» — одна из разновидностей старинной женской причёски. См. прим. 25.

62

Храм в Ицукусиме, острова Мацусима, отмель Аманохасидатэ — места, прославленные своей красотой. Храм в Ицукусиме (XII в.) находится в окрестностях г. Хиросимы, о-ва Мацусима — близ г. Сэндай, Аманохасидатэ — близ г. Миядзу на берегу Японского моря.

63

Тираси — иначе тираси-дзуси, букв.: «разнообразные суси», т. е. суси с разной приправой. Суси — распространённое кушанье, специально приготовленные рисовые колобки с разнообразной приправой — ломтиками рыбы, морской капусты и т. п.

64

Театр Бунраку — театр кукол в г. Осаке, сохранявший традиции исполнения, возникшие ещё в XVII–XVIII вв. В наст, время его преемником является театр Асахи.

65

«…прорвало плотину…» — Большинство рек в Японии берёт начало в горах и впадает либо в Тихий океан, либо в Японское море, поэтому дождливый сезон или весеннее таяние снега в горах часто вызывают половодье в нижнем течении на равнине. Для предотвращения наводнений в Японии издавна строились плотины вдоль речных берегов, а не поперёк реки, как может подумать европейский читатель.

66

Токийское землетрясение — опустошительное землетрясение 1 сентября 1923 г., на две трети разрушившее район Токио — Иокогамы и унёсшее многие десятки тысяч человеческих жизней.

67

Кикугоро Шестой — См. прим. 77.

68

Бодхисатва Дзидзо — См. прим. 46.

69

«…вынув из-за пояса два билета…» — Широкий и твёрдый женский пояс часто служил своеобразной «сумочкой», куда женщины клали кошелёк, зеркальце, различные бумаги и т. и.

70

«…следующий год… несчастливый…» — Со средних веков в Японии существуют суеверные представления о «счастливых» и «несчастливых» годах (имеется в виду год рождения).

71

«…свиток кисти Сэйхо…» — Такэути Сэйхо (1864–1942) — известный художник, писавший в стиле традиционной японской живописи.

72

Рай Сюнсуй (1746–1816) — известный учёный-историк, отец Рая Санъё (см. прим. 98).

73

«…побывали в храмах Ясукуни и Сэнгакудзи…» — Синтоистский храм Ясукуни в Токио считается усыпальницей для «душ воинов, погибших за священную Японскую империю» и является, таким образом, цитаделью реакционного милитаристского духа. Эта роль храма Ясукуни в полной мере сохраняется и поныне. Храм Сэнгакудзи, также в Токио, построенный в нач. XVII в., является местом захоронения «Сорока семи самураев», покончивших с собой после выполнения вассального долга верности — мести за убитого господина. История «Сорока семи самураев» широко пропагандировалась в довоенной Японии как пример верного следования кодексу самурайской морали, а их могила служила объектом обязательных школьных экскурсий и т. п.

74

«*.. .продвижение японских войск по направлению к Ханькоу и споры из-за Судетской области в Чехословакии…*» — Начиная с августа 1938 г. гитлеровская Германия, при попустительстве и прямом поощрении со стороны Англии, Франции и стоявших за ними США, усилила нажим на Чехословакию с целью отторжения от неё Судетской области, пограничной с Германией и Польшей. В сентябре 1938 г. в Мюнхене состоялось так называемое «мюнхенское соглашение», подписанное премьер-министрами Англии, Франции, Гитлером и Муссолини, передававшее Германии важнейшие пограничные районы Чехословакии. Вскоре, в начале 1939 г., гитлеровские войска вторглись в Чехословакию, откуда были изгнаны только в 1945 г. в результате разгрома фашистской Германии советскими войсками. Одновременно, осенью 1938 г., развернулось массированное японское наступление на г. Ханькоу, крупнейший торгово-промышленный и транспортный центр в центральном Китае.

75

Коннякудзима — Слово «сима» (дзима, букв.: «остров») всегда присоединяется к собственному названию (напр. Цусима, Мацусима и т. п.), сливаясь с ним в одно целое.

76

Никко — В г. Никко (префектура Тотиги) находится комплекс буддийских и синтоистских храмов, воздвигнутый в середине XVII в. как мемориал Иэясу (1542–1616), первого сёгуна династии Токугава, правившей Японией на протяжении более двух с половиной веков, вплоть до буржуазной революции 1867–1868 гг. Красота пышно разукрашенных храмов сделала Никко одним из популярнейших центров туризма в Японии и привела даже к возникновению поговорки: «Не повидав Никко, не рассуждай о красоте!»

77

«Кагами дзиси» — популярная танцевальная пьеса театра Кабуки, созданная в 1893 г., автор Фукути Оти. Артист Кикугоро Шестой в особенности славился мастерским исполнением главной роли, девушки Яёи, прислужницы супруги сёгуна (женские роли в театре Кабуки исполняют мужчины).

78

«…после сентябрьскою совещания в Мюнхене…» — См. прим. 74.

79

Тофу — соевый творог, широко применяется в национальной японской кухне.

80

Ференц Мольнар (1876–1952) — австро-венгерский писатель (драматург и прозаик). Творчество Мольнара было популярно в конце XIX — нач. XX в. После оккупации Австрии гитлеровской Германией эмигрировал в США.

81

Порошок «адзиномото» — белый порошок (глютаминат натрия), добавляемый в пищу для усиления естественного вкуса продуктов, изобретённый учёным-химиком К. Икэдой в нач. XX в. и с тех пор широко распространённый в Японии. В настоящее время широко используется в пищевой промышленности и в быту во всём мире.

82

Якитори — жареные кусочки курицы на маленьком деревянном вертеле.

83

Вафу — Мацунага Вафу Четвёртый (1874–1952) — знаменитый исполнитель баллад, славился замечательным голосом, создатель оригинального исполнительского стиля, получившего название «Мацунага».

84

Храм Мэйдзи — синтоистский храм в Токио, построенный в 1920 г. и посвящённый императору Мэйдзи (1852–1912) и его супруге.

85

Театр «Нитигэки» — театр современной драмы в Токио.

86

Матабэй-заика — главный герой пьесы выдающегося драматурга Тикамацу Моидзаэмона «Поминальная песнь по гетере» («Кэйсэй ханконко», 1708 г.).

87

«…каждые семь дней Таэко ездила на могилу…» — Согласно буддийским обрядам первый траур продолжается 49 дней, в течение которых отмечается каждая неделя.

88

Битва при Сэкигахаре — Грандиозная, по масштабам средневековья, битва, развернувшаяся на равнине Сэкигахара (соврём, префектура Гифу), произошла 15 сентября 1600 г. Она имела историческое значение, положив конец феодальной раздроблённости и став началом возникновения в Японии феодального абсолютистского государства.

89

Университет Васэда — один из старейших и наиболее престижных университетов Японии. Создан по европейскому образцу в 1882 г. Сигэнобу Окумой, крупным государственным деятелем и активным участником буржуазных преобразований в Японии.

90

Сезон ловли светляков — Ловля светляков, как традиционная забава, была очень популярна в старой Японии. Она описана ещё в классическом романе «Повесть о Гэндзи» (нач. XI в.) и с тех пор считалась одним из традиционных «изящных» развлечений.

91

Застава Фува — одна из трёх застав в феодальной Японии, служивших оборонительными рубежами на подступах к старой столице Киото. Находится у равнины Сэкигахара (букв, «Равнина у заставы»). Руины заставы Фува, неоднократно воспетой в поэзии и прозе, ныне являются объектом туризма, так же как и сама равнина Сэкигахара.

92

Тоётоми Хидэёси (1536–1598) — могущественный феодал, чьи почти непрерывные военные походы, имевшие целью установление личной диктатуры, объективно способствовали ликвидации феодальной раздроблённости и объединению страны. Незаурядная личность и деятельность Хидэёси до сих пор чрезвычайно популярны в Японии. О нём и его эпохе начиная с XVII в. и вплоть до наших дней создавалось и продолжает создаваться множество произведений литературы, театральных пьес, кинофильмов, исторических исследований.

93

«…ею жена Ёдогими…» — Ёдогими (1569–1615) — формально не жена, но любимая фаворитка Хидэёси, мать его единственного сына и наследника Хидэёри (1593–1615). Жизнь Ёдогими, полная драматических событий, а также её красота, активное участие в политических интригах своего времени и трагическая смерть (вместе со своим сыном Хидэёри она покончила с собой в осаждённом осакском замке) сделали её едва ли не самой знаменитой женщиной в японской истории.

94

«Асагао никки» (букв.: «Дневник вьюнка») — название пьесы, впервые поставленной в одном из кукольных театров г. Осаки в 1815 г.; Миюки, главная героиня, и молодой самурай Комадзава влюбляются друг в друга во время ловли светляков. После многих горестных происшествий — разлуки, скитаний ослепшей от слёз Миюки — любящая пара в конце концов обретает счастье, а слепая Миюки — зрение благодаря замечательному лекарству, которое достал для неё Комадзава.

95

Юката — кимоно из хлопчатобумажной ткани яркой расцветки у женщин и более сдержанной — у мужчин, которое носят только летом в жаркую погоду и, как правило, на курортах.

96

«…удостоенный "голубиной трости"…» — Монашеский посох, рукоять которого украшена изображением голубя, был привилегией только самых почтенных и престарелых священнослужителей.

97

«…обучался каллиграфии у Сэйгана…» — Сэйган (полное имя Янагава Сэйган; 1789–1858) — учёный, каллиграф и поэт, писавший главным образом стихи на китайском языке, в так называемом жанре канси, распространённом в особенности в последние века существования феодального режима.

98

«…кисти прославленной Сайко, ученицы знаменитого Санъё…» — Сайко (настоящее имя Тахо Эма; 1789–1863) — известная художница, поэтесса и вообще «учёная женщина». Влюбившись в своего учителя Санъё, мечтала выйти за него замуж, однако этому браку не дано было осуществиться, и Сайко осталась одинокой до конца жизни. Рай Санъё (1780–1832) — известный в Японии учёный-историк и литератор, выдающийся стилист, автор «Неофициальной истории Японии» («Нихон гайси», на китайском языке), пользовавшейся большой популярностью у современников и даже после буржуазной революции 1867–1868 гг.

99

Легенда о дровосеке Ван Чжи — Средневековая китайская легенда рассказывает о том, как юноша Ван Чжи с горы Ланькэшань встретил в лесу, куда отправился по дрова, двух людей, игравших в шахматы, и загляделся на их игру. «Смотри, у твоего топора сгнило топорище!» — вдруг воскликнул один из игроков. В самом деле, когда Ван Чжи вернулся домой, оказалось, что прошло уже целых сто лет… Рассказы о том, как незаметно пролетает время в приятной, интересной обстановке, — распространённый мотив китайских и японских легенд и волшебных сказок.

100

«…в жилых покоях храма…» — То есть в помещении, предназначенном для священника и его семьи и для различных хозяйственных нужд.

101

«…китель защитного цвета…» — По мере того гак усиливалась агрессия Японии в Китае и на Индо-Китайском полуострове, накалялась и военная атмосфера в стране. Правительство объявило «всеобщую мобилизацию духа». Одним из проявлений патриотизма стал считаться отказ от обычной гражданской одежды. Для демонстрации своей преданности государству мужчинам надлежало носить одежду военного образца — китель и бриджи цвета хаки.

102

«Ясуна» — популярная танцевальная пьеса театра Кабуки. Не в силах смириться со смертью своей возлюбленной, Ясуна скитается в поисках её по всей стране, в тоске прижимая к груди её одежду.

103

Бог Эбису — один из Семи богов счастья, покровитель торговли, рыболовства, благополучия на море. Часто изображается с удочкой, под мышкой держит морского окуня, эту «первую рыбу» Японии, «приносящую счастье».

104

Скияки — популярное (но дорогое) блюдо: тонкие ломти говядины, приготовленные в соевом соусе, с разнообразной приправой.

105

«…дверь крепилась на петлях, как в европейских домах…» — В японском доме двери отодвигаются в сторону, скользя в пазах, устроенных для этой цели в полу.

106

«…кисти Нарасигэ Коидэ…» — Нарасигэ Коидэ (1887–1931) — художник, следовавший в своём творчестве принципам европейской живописи.

107

«…(Юкико — *И. Л.) избегала принимать ванну после Таэко*» — Ванная комната в японском доме устроена как миниатюрная баня, в которой имеется сравнительно глубокая деревянная бочка или маленький четырёхугольный бассейн (в современном доме), наполненные очень горячей водой и снабжённые деревянной крышкой для долгого сохранения температуры. В этой воде принято париться — конечно, после основательного мытья. Вода остаётся чистой, её не меняют для всех членов семьи (отсюда неправильное представление, будто японцы «моются всё в одной воде»). В данном случае, однако, понятно, что Юкико брезгала даже париться в воде, в которую погружалась Таэко.

108

«…кантоского происхождения…» — Восточную половину главного японского острова Хонсю (где находится г. Токио) принято называть областью Канто, в отличие от Кансая — западной половины.

109

«…разговор… полный мудрёных немецких слов…» — После буржуазной революции 1867–1868 гг., когда Япония ускоренными темпами заимствовала из Европы современную технику и науку, «учителем» технических новшеств считалась Англия, а медицины — Германия, куда направлялись для обучения будущие врачи. С тех пор, то есть с конца XIX в., в японском медицинском мире принята немецкая терминология, ставшая как бы «профессиональным языком» японских врачей, подобно латыни у русских медиков.

110

«…приносила… тэмпуру, камабоко…» — Имеются в виду популярные кушанья. Тэмпура — сваренные в кипящем масле креветки, маленькие рыбки и т. п.; камабоко — кушанье из тушёной тёртой рыбы.

111

«Ребекка» — роман (1938 г.) английской писательницы Дафны Дю-Морье (род. в 1907 г.), написанный в ранний период творчества и долгое время пользовавшийся большой популярностью.

112

Танцевальный веер — большой, яркой расцветки веер, применяемый только при исполнении японских национальных танцев. Распространённый сувенир.

113

«…совершили пешую прогулку от синтоистских святилищ Касуга до буддийского храма Тодайдзи, посмотрели "Великого Будду"…» — Святилища Касуга, посвящённые синтоистскому богу Ама-но Коянэ, одни из самых древних и знаменитых храмов Японии (VIII в.). Храм Тодайдзи (букв.: «Великий Восточный храм») — буддийский храм в г. Нара (VIII в.), считается самым древним и большим деревянным сооружением, сохранившимся до наших дней, а бронзовое изваяние Будды в этом храме — самым большим металлическим изваянием (высота — свыше 16 м).

114

«…при дворе тамошнего императора…» — Имеется в виду Пу-И, последний отпрыск маньчжурской династии, правившей в Китае до революции 1911 г. После оккупации Северо-Восточных областей Китая, в начале 30-х годов, японцы создали там марионеточное государство Маньчжоу-го и посадили на трон своего ставленника Пу-И в качестве «императора».

115

Реставрация Мэйдзи — Незавершённая буржуазная революция 1867–1868 гг. в Японии именуется в официальной истории «реставрацией», поскольку, свергнув военно-феодальную диктатуру дома Токугава, она формально «возвратила» власть императорскому дому. Период Мэйдзи (букв.: «Просвещённое правление») продолжался до 1912 г.

116

Фудзивара — древний аристократический род, вплоть до XIII в. фактически стоявший во главе государства и так же, как японские императоры, претендовавший на «божественное» происхождение, считая своим предком бога Ама-но Коянэ (отсюда храм Касуга, воздвигнутый в честь этого бога, считался «семейным» храмом Фудзивара).

117

«…в связи с празднованием, две тысячи шестисотлетней годовщины основания Империи…» — В одном из центральных древних японских мифов говорится, что богиня Солнца Аматэрасу послала на землю своего праправнука, который стал первым «земным» императором Дзимму. Произошло это якобы в 660 г. до н. э. До капитуляции Японии в 1945 г. этот миф считался официальной исторической доктриной, не подлежавшей ни малейшей критике; всякое сомнение в истинности этого «события» жестоко каралось. Таким образом, 1940 г., считаясь «круглой датой», явился удобным поводом для усиления националистической и милитаристской пропаганды.

118

Ассоциация помощи трону — С целью усиления фашизации японского политического и государственного строя в 1940 г. были ликвидированы всё политические партии и вместо них создана единая монархо-фашистская организация — Ассоциация помощи трону. Это означало окончательную фашизацию японского политического и государственного строя.

119

«Ибараки» *и* *«Хризантемовое поле»* — танцевальные пьесы театра Кабуки. В пьесе «Ибараки» храбрый самурай Ватанабэ-но Цуна отрубает руку демону Ибараки, который потом является к нему в облике его старой тётушки, стремясь вернуть свою руку, но Ватанабэ-но Цуна в конце концов разоблачает обман.

120

«…из жизни императора Мэйдзи и императрицы-матери Сёкэн…» — Император Мэйдзи — см. прим. 84. Императрица Сёкэн — вдова императора Мэйдзи.

121

«…могилу легендарной Кого…» — Печальная история красавицы Кого изложена в эпосе «Повесть о доме Тайра» (см: Повесть о доме Тайра (XIII в.), пер. И. Львовой. М., Художественная литература, 1982). В районе Сага (некогда — отдалённое селение, ныне — район г. Киото) находится могила, в которой, согласно легенде, она якобы похоронена.

122

Храм Небесного Дракона — буддийский храм в г. Киото (XIV в.). Не раз горевший в огне феодальных смут, храм восстановлен в конце XIX в., но декоративный сад частично сохранился со времени основания.

123

«…в легендарном краю Ямато…» — Ямато — старинное название одной из центральных провинции Японии (в наст, время — префектура Нара) в регионе Кансай, но главным образом — собирательное древнее поэтическое название Японии.

124

«…поехать в Хаконэ или Атами…» — Хаконэ — популярный горный курорт, известный горячими источниками. Атами — курорт на восточном побережье Японии. Оба курорта находятся сравнительно недалеко от Токио, в регионе Канто.

125

Храм Хорюдзи — самый древний буддийский храм Японии (г. Нара), основанный в 607 г. принцем Сётокутайси, одним из основателей японского государства

126

«…в комнаты, нанятые им во втором этаже…» — По принятым в Японии понятиям, снятые комнаты на втором этаже чужого дома — более чем красноречивое свидетельство низкого социального статута и ограниченных материальных возможностей.

127

127 *«…заказанный для неё парик…»* — Хотя мода носить короткую европейскую причёску распространилась в Японии ещё до второй мировой войны, свадебный наряд, если свадьба совершается по японскому обряду, обязательно должен быть японским и сочетаться с причёсанными по-японски волосами. Поэтому невесте необходим парик.

128

Искажённое испанское слово «padre» — священник (букв.: отец)

129

Перевод А. Долина.

130

Озорные повести, где фигурировали мудрецы и святые, встречались в городской литературе ещё в XVIII в., например, анонимная повесть «Святые мудрецы в весёлом квартале» (1757), героями которой выступают Конфуций, Будда и Лао-цзы.

131

«Life of art» — жизнь как искусство, термин, заимствованный у О. Уайльда, под которым подразумевается так называемый дендизм, т. е. жизнь как источник чувственных наслаждений, начиная от экстравагантной одежды и кончая разнообразными «элегантными» развлечениями, в том числе и эротическими.

132

Роман был издан в СССР. Танидзаки Дзюнъитиро. Любовь глупца. Л., Прибой, 1929.

133

«Понемногу о многом» (1927, дзёдзэцуроку — букв.: записки болтуна) — в кн.: Танидзаки Дзюнъитиро. Мать Сигэмото, М., Наука, 1981.

134

Танидзаки Дзюнъитиро. Мать Сигэмото, с 84.

135

Японское название «Тадэ куу муси» — в букв, переводе: «Червяк, поедающий полынь» — начало поговорки, означающей, что вкусы у людей разные. Бывают же червяки, которые любят горькую полынь…

136

Похвала тени. — Восточный альманах, № 12. М., Художественная литература, 1984.

137

Танидзаки Дзюнъитиро. Мать Сигэмото. М., 1981, с 246.

138

Там же, с 251.

139

Там же, с 246.

140

В настоящем издании роман выходит под названием «Снежный пейзаж».

141

Стихотворение Ёсано Акико, написанное в форме письма-обращения к брату, призванному в армию и принимавшему участие в осаде Порт-Артура, называлось: «Не отдавай, любимый, жизнь свою!» и было напечатано в сентябре 1904 г. в поэтическом журнале «Утренняя звезда» («Мёдзё»). Журнал был немедленно конфискован. Японцы смогли познакомиться с этим замечательным произведением только после окончания второй мировой войны, когда старые цензурные ограничения были сняты. См. перевод Веры Марковой в кн.: Японская поэзия. М., ГИХЛ, 1950, с 313.

142

О днях, что не вернутся боле (англ.). Строка из стихотворения Байрона «Remind me not, remind me not» дана в переводе автора предисловия.

143

Рёкан (1758–1831). — Перевод А. Долина.